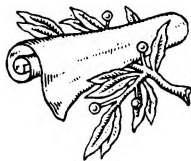

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

В. Базанов

УЧЕНАЯ
РЕСПУБЛИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва · 1964 · Ленинград

ОТ АВТОРА

Первое издание книги о Вольном обществе любителей российской словесности появилось в 1949 г. в Петрозаводске. В последние годы изучение декабризма и его отражения в литературе значительно подвинулось вперед.

В процессе работы над темой в связи с привлечением новых источников и переработкой некоторых из наших прежних представлений многое пришлось уточнить или пересмотреть заново. В результате значительно обновилось повествование и изменилось общее построение книги. Еще раз просмотрен архив Вольного общества любителей российской словесности.¹ Как это часто бывает, повторное обращение к архиву принесло дополнительные факты и сведения. Совсем устранены в этом издании главы, которые меня не удовлетворяют в настоящее время: «Чиновник особых поручений», «Общество „Хейрут“», «Ф. Глинка и гр. Милорадович». Остальные главы переработаны и расширены.

В основу положена вторая часть старой книги о Вольном обществе любителей российской словесности («Ученая республика»); по этой второй части названа и вся книга — «Ученая республика» (так Вольное общество называли сами «сореволюционеры»).

«Ученая республика» составляет как бы третью часть «Очерков декабристской литературы» (Публицистика. Проза. Критика. ГИХЛ, М., 1953; Поэзия. ГИХЛ, М.—Л., 1961). Автор вынужден обращаться к «Очеркам» и напоминать об отдельных фактах, известных по ранее опубликованным работам. «Ученая республика» имеет самое непосредственное отношение к истории декабристской литературы и декабристского общественного движения. Закономерно поэтому, что в некоторых разделах книги используется прежде накопленный материал.

¹ Хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. (В дальнейшем: Вольное общество, с указанием единицы хранения и листов тома 58-го фонда).

В целом на Вольное общество любителей российской словесности следует смотреть как на одну из первых организаций передовых писателей России. Деятельность этого общества проходила под знаком борьбы за декабристско-пушкинское направление в литературе. В работах Вольного общества широко представлены также научные интересы того времени. «Ученая республика» практически утверждала союз политики, поэзии и науки. Гражданские настроения в «ученой республике» господствуют.

Декабристы и Пушкин были родоначальниками всего, что связано было в начале XIX века с прогрессивной мыслью, с мотивами высокого патриотизма, борьбы за благо родной страны. В статье о Герцене В. И. Ленин дал общую характеристику декабристских деятелей: «Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию».²

² В. И. Ленин, Соч., изд. 5-е, т. 21, стр. 261.

ВВЕДЕНИЕ

Декабристы придавали огромное значение подготовке общественного мнения. Это особенно касается Союза Благоденствия (1818—1821), разработавшего продуманную систему «вольных обществ». Союз Благоденствия пришел на смену Союзу Спасения, или Обществу истинных и верных сынов отечества (1816—1817). Название новой организации — «Союз Благоденствия» — звучало более «мирно», нежели название «Союз Спасения». Но надо, как правильно замечает М. В. Нечкина, предостеречь тех, кто сразу доверится этому первому впечатлению, и напомнить, что в старинное русское слово «благоденствие», т. е. в понятие «благих», добрых дней, благой жизни, декабристы вкладывали, разумеется, свой смысл, а не обывательское понятие безоблачного бытия. О чем благоденствия шла речь? О благоденствии России. Вот, например, какво содержание понятия «благоденствие» у Пестеля: «Я сделался в душе республиканец и ни в чем не видел большего Благоденствия и высшего Блаженства для России, как в республиканском правлении» (здесь и далее разрядка моя, за исключением особо оговоренных случаев, — В. Б.).¹

Конечно, Союз Благоденствия — не филантропическое общество, преследующее умеренные цели просвещения и «вспоможения» беднейшим, а революционная организация декабристов. И все же это раннее декабристское тайное общество имеет свои отличия, свои противоречия, является в какой-то степени уступкой раннему дворянскому либерализму. И в самом названии — Союз Благоденствия — есть то новое, что отличает это общество от Союза Спасения. Спа с а т ь — значит вооружаться, идти на открытую борьбу, не медлить, не терять времени, снова воевать за отечество. Благоденствие предполагает более умеренные формы борьбы с существующей действительностью, более осторожную тактику. Декабризм пережил свою эволюцию, у декабристов были свои колебания, на дорогах дворянской революционности — огром-

¹ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 187.

ные завоевания и заблуждения. Союз Благоденствия показателен и в том и в другом смысле.

Дворянские революционеры на разных этапах освободительного движения придерживались конкретных социально-политических требований и в соответствии с ними строили пропагандистскую работу. В эпоху Союза Благоденствия был временно снят вопрос о революционном способе действий. Идеологи этого Союза постоянно напоминали об ужасах «деспотии» и «рабства», они ратовали за уничтожение крепостного права. Однако решать социальные проблемы Союз Благоденствия призывал более осторожно, не прибегая к революционному восстанию и цареубийству. Даже Пестель в ту пору возлагал огромные надежды на политические реформы, на инициативу сверху. Казалось, что с помощью просвещенного монарха можно произвести замену самодержавной власти представительным правлением, избежать острых социальных конфликтов.

Будущие декабристы изучали опыт западноевропейского революционного движения, прежде всего опыт французской буржуазной революции, но изучали критически, не видя во Франции и Англии истинного народного благоденствия. Потребовалось пройти через полосу разочарований и пережить либеральные иллюзии, чтобы окончательно отказаться от веры в конституционную монархию и стать республиканцами. Союз Благоденствия возникает как тайное общество дворянских революционеров, но еще не потерявших надежд улучшить действительность с помощью мирных реформ.

Союз Благоденствия заботится об объединении прогрессивных национальных сил, о большой просветительской работе, о влиянии на общественное мнение, не исключая правительственные сферы. В конечном итоге это была последняя попытка ранних декабристов договориться с царем, с дворянством о тех социально-политических преобразованиях, которые должны были неминуемо произойти в России. С. Н. Чернов имел полное основание писать о Союзе Благоденствия: «Союз выступает параллельно с правительством, со своими учреждениями и обществами, со своими исполнителями, с общим кругом зависимых от него и обязанных ему людей, с воспитываемым им по его рецепту молодым поколением, со своим кругом идей и своими средствами их осуществления, — в частности, со своим широко поставленным издательством, и его деятельность развивается параллельно деятельности власти, конкурирует с нею, действует явно ей в ущерб, забывает ее, готова ее заменить. Вокруг него, на базе его социально-политической программы — примирение и согласие всех враждовавших вокруг правительства „сословий, чинов и племен“. Сильный их поддержкою, Союз становится безмерно могущественное правительство».²

² С. Н. Чернов. Из работ над «Зеленой книгой». В кн.: Декабристы и их время, т. II. М., 1932, стр. 111.

Отсюда в Союзе Благоденствия, в его пропагандистских занятиях такое важное место занимают конституционные проекты, петиции, легальные просветительские мероприятия, литература и наука. Современный исследователь С. С. Ланда, присоединяясь к характеристике С. Н. Чернова, стремится и дальше понять качественное своеобразие Союза Благоденствия, подчеркивая политическое и социальное значение «просветительского этапа» в истории декабристского движения. Деятельность Союза Благоденствия, по его словам, «способствовала демократизации главных идеологических лозунгов движения, углубленной разработке программы социально-политических преобразований, преодолению узкой заговорщицеской тактики. Программа Союза Благоденствия — важный этап в становлении дворянской революционности. Отныне уже было невозможно одностороннее решение политических вопросов».³ Но верно и то, что Союз Благоденствия являлся одной из самых утопических организаций декабристов. Самое ближайшее время показало несбыточность либерального просветительства и заставило декабристов изменить отношение к идее насильственной революции. Новое тайное общество (Северное и Южное) выдвинуло проблему военной революции.

Политическая программа Союза Благоденствия определила организационную форму тайного общества. Если Союз Спасения представлял собой замкнутую и немногочисленную организацию, состоящую из двух десятков молодых гвардейских офицеров, то новый Союз превратился в сложную по структуре и довольно многочисленную организацию (числом членов свыше 200). На первых порах Союз Благоденствия решил в борьбе с абсолютизмом и крепостничеством опираться не на гвардейские штыки, а на мирную пропаганду идей просвещения и истинной нравственности «во всех сословиях». К более решительным действиям следовало готовиться: воспитывать юношество, агитировать в пользу конституционной монархии или республиканского строя, возбуждать ненависть к рабству и тирании, развивать науку, искусство и просвещение, бороться на поприще «правосудия» и «человеколюбия» и т. д.

Необходимо сказать несколько слов о законоположении Союза Благоденствия — «Зеленой книге».⁴ В работе над первой частью устава принимали участие Сергей Трубецкой, Никита Муравьев,

³ С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг. (Из политической деятельности П. А. Вяземского, Н. И. и С. И. Тургеневых и М. Ф. Орлова). В кн.: Пушкин и его время, вып. 1. Изд. Государственного Эрмитажа, Л., 1962, стр. 121.

⁴ Первым обратил внимание на «Зеленую книгу» А. Н. Пыпин, настаивая на механической зависимости устава Союза Благоденствия от устава немецкого Союза Добродетели (Tugendbund). См. приложение к книге А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I» (СПб., 1900, стр. 547—576. В дальнейшем законоположение Союза Благоденствия цитируется по этому источнику).

Михаил Муравьев и Петр Колошин. В трудах советских историков (С. Н. Чернова, М. В. Нечкиной, Ю. Г. Оксмана) всесторонне изучена первая часть «Зеленой книги» и высказаны убедительные предположения о существовании второй части, где обосновывалась сокровенная политическая цель (ограничение самодержавия и ликвидация крепостного права). Эта вторая часть еще не была утверждена в качестве официального документа. Однако в существовании черновой редакции, предназначавшейся для обсуждения в тайном обществе, едва ли следует сомневаться. Кроме «прямой — писанной и открытой цели», известной всем членам Союза Благоденствия, существовала вторая — «сокровенная, или конечная цель», о которой знали старейшие члены Союза и его руководители. Если прямая цель, по словам А. М. Муравьева, состояла в «распространении просвещения и добродетели», то вторая, основная политическая цель заключалась в приготовлении России к конституции.⁵ В первой части устава подробно изложена прямая цель; что касается конечного стремления, то оно, видимо, заключено во второй части. С. Н. Чернов высказал правдоподобную догадку о том, что в первой части «Зеленой книги» в скрытой форме содержатся сокровенные идеи второй части, прикрытые в целях конспирации «флером политической невинности». «Первая часть, — заключает С. Н. Чернов, — содержит в себе существо второй в нераскрытом и завуалированном виде, прячет это существо в дробности постановлений, редакционной осторожности и обилии благонамеренной риторики, — прячет и от правительства и его шпионов, прячет и от политически нерешительных и индивидуально трусливых сограждан, которых хочет вовлечь в свой состав, но боится испугать откровенным изложением целей: лучше познакомиться их потом, когда они и попривыкнув к Союзу, и скомпрометируют себя пребыванием в нем. В этом последнем смысле первая часть в известной мере подготавливает ко второй».⁶

Структура Союза Благоденствия предусматривала строгую конспирацию и была настолько сложна, что и сами учредители не всегда могли знать о существовании всех побочных управ. Учредители Союза составляли Коренную управу; из числа учредителей, или коренных членов, избирался Коренный совет, состоящий из 6 человек — блюстителя и заседателей, причем каждые два месяца двое заседателей заменялись новыми. Коренная управа являлась законодательным и исполнительным центром тайного общества, за ней шли деловые управы, которые могли открывать только коренные члены. Деловые управы в свою очередь могли организовывать побочные управы, а эти последние — свои деловые. Получилась целая лестница управ, сложная и запутанная сеть филиалов тайного общества. Кроме управ, членам Союза

⁵ Восстание декабристов. Материалы. Т. III. Центральное архивное управление, ГИЗ, М.—Л., 1927, стр. 24.

⁶ Декабристы и их время, т. II. М., 1932, стр. 111.

Благоденствия рекомендовалось учреждать специальные «вольные общества». Одна из глав законоположения Союза называлась «Вольные общества» и состояла из следующих параграфов:

«§ 48. Вольными обществами называются в Союзе Благоденствия все общества, к цели его стремящиеся, но вне одного находящиеся.

§ 49. Учреждение оных и продолжение вменяются в особую заслугу членам Союза — имена их вписываются в почетную книгу.

§ 50. Для составления таковых обществ необходимо, однакож, позволение Коренного союза.

§ 51. Приискание причин для оных предоставляется совершенно воле основателя, равно как и образование, число членов и предмет занятий.

§ 52. В оных должны быть порождаемы и укрепляемы: *согласие и единодушие, охота к взаимному сообщению полезных мыслей, познание гражданских обязанностей и любовь к отечеству*».

Распутать в полной мере всю эту сеть отделений и филиалов Союза Благоденствия едва ли кому удастся, так как бумаги Союза были уничтожены еще задолго до декабрьских событий и вообще печатная и письменная документация в тайном обществе была сведена до минимума. Повседневная деятельность Союза Благоденствия очень слабо отражена в показаниях и воспоминаниях декабристов. О «вольных обществах» вообще ничего не говорится в «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше утвержденной Следственной комиссией». Деятели Союза Благоденствия сознательно отмолчались; их не спрашивали о филиалах раннего тайного общества, и они предпочли не воскрешать забытого. В частности, отмолчался Федор Глинка, который был главным учредителем «вольных обществ». Если бы в Союзе Благоденствия имелась почетная книга, о которой говорилось в законоположении («Учреждение оных и продолжение вменяются в особую заслугу членам Союза — имена их вписываются в почетную книгу»), то имя Глинки стояло бы в этой книге на одном из первых мест. Глинка являлся фактическим организатором и руководителем трех «вольных обществ»: логи «Избранного Михаила», Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения и Вольного общества любителей российской словесности. Ни одно из этих обществ не вошло в свод показаний декабристов, и ни об одном из них не упоминается в известном «Алфавите».

Составителем «Алфавита» был А. Д. Боровков, служивший правителем дел Следственной комиссии с самого ее учреждения; усердный и пунктуальный чиновник, он занес в алфавитный список рядом с лицами, причастными к делу о тайных обществах, совершенно неизвестных — Антоновича, Бороздина, Рахманова —

и даже перечислил имена восемнадцати доносчиков, содействовавших раскрытию заговора (Бошняк, Грибовский, Майборода, Ронов и др.). При составлении «Алфавита» А. Д. Боровков поставил свою задачу очень широко, желая дать возможность справляться не только о действительно замешанных в деле лицах, но и о таких, «кои к нему оказались непричастными и коих, следовательно, данные „Алфавита“ могли бы обелить, выяснив малую их виновность или даже полнейшую невинность». Последних, т. е. «вышедших из процесса совершенно чистыми от всяких подозрений», оказалось 290 человек, т. е. ровно половина всего числа включенных в «Алфавит».⁷

И все же «Алфавит», составленный А. Д. Боровковым, остается неполным и вызывает сомнения. Среди лиц, «вышедших из процесса совершенно чистыми», отсутствуют члены ложи «Избранного Михаила», деятели Вольного общества любителей российской словесности, за исключением, конечно, тех, которые были привлечены как участники тайных обществ. Сложным и противоречивым в данном случае было положение составителя «Алфавита»: список деятелей ложи «Избранного Михаила», Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения и Вольного общества любителей российской словесности открывался Ф. Н. Глинкой, а рядом с ним следовало бы поставить самого А. Д. Боровкова, его брата И. Д. Боровкова и их общего друга А. А. Никитина. Составитель «Алфавита» участие в «вольных обществах» не поставил в вину ни себе, ни родному брату, ни другу своему А. А. Никитину, а вместе с ними и всем остальным руководителям этих обществ — Глинке, Кутузову, Рылееву, Александру и Николаю Бестужевым. В своих автобиографических записках, опубликованных в «Русской старине» (1898, № 9—12), А. Д. Боровков также ни словом не обмолвился о своей энергичной деятельности в ложе «Избранного Михаила» и в Вольном обществе учреждения училищ по методу взаимного обучения. Вольному обществу любителей российской словесности он посвятил две страницы своих воспоминаний, но оборвал рассказ на самом интересном месте. Боровков не поведал о том, как литературный кружок чиновников со временем превратился в «вольное общество», руководимое декабристами, не рассказал он и о своем участии в этом «вольном обществе». В «Автобиографических записках» Боровков признавался, что с ним «в жизни много случилось странного». Но, пожалуй, самое странное в жизни А. Д. Боровкова состояло в превращении его из управляющего делами двух «вольных обществ» Союза Благоденствия и учредителя Вольного общества любителей российской словесности в правителя Следственного комитета. В записке «О составе и цели тайных политических обществ», представленной в начале февраля

⁷ Восстание декабристов, т. VIII, стр. 13.

1826 года на рассмотрение Следственной комиссии, Боровков с исключительной осторожностью писал о Союзе Благоденствия, как бы стараясь отвлечь внимание членов комиссии и Николая I от раннего тайного общества: «Прикрываясь благовидным предложением благотворения неимущим вдовам и сиротам заслуженных воинов, а также искоренением злоупотреблений в отправлении правосудия, изобличая оные перед правительством, общество в число членов вовлекло даже поборников неколебимости престола, отличным поведением и талантами. Весьма немногим соумышленникам была известна сокровенная цель — приготовление всех сословий государства к преобразованию коренных начал правительства, распространяя исподволь просвещение в духе общества. Отсюда вытекало учреждение школ по методу Ланкастера; отсюда вытекало проявление либеральных идей в прозе и в стихах».⁸ Этим же объясняется предложение Боровкова, замешанного в деятельности филиалов Союза Благоденствия, не отсылать в суд:

«1. Бывших членов Союза Благоденствия, которым не была открыта сокровенная цель.

«2. Всех тех, которые хотя знали вполне цель общества, но отпали от него после объявленного закрытия на съезде в Москве в 1821 году.

«3. Тех, которые тогда нерешительно отреклись от общества, однако не были с ним в сношении до 1822 года, когда все тайные общества в России повелено было закрыть; а после этого повеления совершенно удалились и не действовали».⁹

До недавнего времени Союз Благоденствия изучался несколько изолированно от большой и многосторонней деятельности побочных управ и «вольных обществ», которые являлись фактическими проводниками идей «Зеленой книги».

Вообще само название тайного общества — Союз Благоденствия — нельзя считать удачным, оно недостаточно точно передает политические стремления организаторов этого общества, более соответствует открытой, нежели сокровенной цели (борьба с абсолютизмом и крепостничеством). Но в том-то и состоит своеобразии этого Союза, что он зашифровывает свои истинные цели. старается создать впечатление мирной организации, действующей в интересах человеколюбия и просвещения. Однако программные установки и социальные тенденции постоянно дают о себе знать. Даже в «вольных обществах» лозунги «Зеленой книги» освещают большую практическую работу оппозиционного характера. Стоило огромного труда и риска в легальных «вольных обществах» распространять идеи, подрывающие основы самодержавной власти. Члены Союза Благоденствия стремились открывать такие «вольные общества», которые бы способствовали выполнению «гражданских обязанностей» и пробуждению «любви к отечеству».

⁸ «Русская старина», 1898, № 11, стр. 343—344.

⁹ Там же, стр. 350.

Г л а в а п е р в а я

ВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО УЧРЕЖДЕНИЯ УЧИЛИЩ ВЗАИМНОГО ОБУЧЕНИЯ

1

Устав Союза Благоденствия, как уже говорилось, предусматривал распространение знаний и воспитание юношества в духе гражданского патриотизма. По отрасли «Образование» членам тайного общества предлагалось «стараться получать по знакомству или службе участие в управлении учебными заведениями» и обращать «наибольшее внимание на нравственное образование», чтобы воспитанники были достойны «звания гражданина и добродетельного человека».

Вольное общество ланкастерских школ возникло вскоре после организации Союза Благоденствия. Н. Тургенев в письме к брату Сергею от 26 сентября 1818 года писал: «Греч и многие другие заводят теперь здесь новую вольную ланкастерскую школу; собирают для того деньги. Начало сему было сделано в ложе («Избранного Михаила», — В. Б.). Дай бог успеха». Н. И. Греч, близко стоявший к кругам Союза Благоденствия, также свидетельствует, что в Общество школ вошли члены ложи «Избранного Михаила», но несправедливо приписывает себе исключительную роль организатора и руководителя.

Для руководства этим обществом был создан комитет в составе: гр. Ф. П. Толстой — председатель, Ф. Н. Глинка — первый помощник председателя, Н. И. Греч — второй помощник председателя, В. И. Григорович — секретарь по русской части, В. К. Кюхельбекер — секретарь по иностранной части, Н. И. Кусов — казначей общества; должностные лица: священник А. И. Маслов, бар. П. Л. Шиллинг, Д. А. Козлов, М. Я. Фок, В. П. Толстой, Х. И. Роберг, П. Е. Доброхотов, К. М. Журавлев и А. В. Семенов.

Большинство членов этого комитета входило в ложу «Избранного Михаила», а возглавляли комитет и ложу члены Союза Благоденствия — Ф. П. Толстой и Ф. Н. Глинка. В самое ближайшее время, сразу же после объявления устава, заявили о своем согласии на участие в Комитете школ Н. И. Гнедич, И. А. Крылов, кн. С. П. Трубецкой, И. Г. Бурцов, Н. М. Муравьев и А. Я. Вакмут. В бумагах Н. Ф. Дубровина сохранилось письмо Ф. Н. Глинки к С. С. Уварову с приложением проекта «Устава Общества учреждения училищ». О цели Общества говорится в первом параграфе проекта: «Нижеподписавшиеся, будучи уверены, что воспитание есть самое успешное средство для доставления отечеству граждан честных, трудолюбивых, покорных законам и благочестивых, и желая споспешествовать распространению оного по мере сил своих, вознамерились составить общество для учреждения училищ по методу взаимного обучения».¹ Понятно, что официальный устав, предназначенный на высочайшее рассмотрение и утверждение, мало о чем говорит. Устав был написан так, что он не давал никаких поводов уличить организаторов Вольного общества в политической неблагонадежности. 14 января 1819 года Александр I одобрил проект устава и Общество было учреждено.

«Высочайше утвержденный» устав Вольного общества не заключал в себе ничего специфически декабристского, он служил не столько для выражения, сколько для прикрытия сокровенной цели.² Настоящая же цель Вольного общества была сформулирована в «Зеленой книге». Напомним первый параграф первой книги устава Союза Благоденствия, в котором определена цель просвещения и воспитания: «Убедясь, что добрая нравственность есть твердый оплот благоденствия и доблести народной и что при всех об оном заботах правительства едва ли достигает оное своей цели, ежели управляемые с своей стороны ему в сих благотворных намерениях содействовать не станут, Союз Благоденствия в святую себе вменяет обязанность распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена».

Кроме Вольного общества, где председательствовали Толстой и Глинка, видные члены Союза Благоденствия, в Петербурге был учрежден Комитет для введения взаимного обучения в школах, устроенных для солдатских детей. Во главе Комитета стояли начальник Гвардейского генерального штаба Н. М. Сипягин и ге-

¹ Бумаги Н. Ф. Дубровина. Архив АН СССР, ф. 100, оп. 1, № 249 (в дальнейшем: Бумаги Ф. Н. Дубровина). Проект устава опубликован в «Русской старине» (1881, № 1, стр. 181—183).

² «Высочайше утвержденный» устав был опубликован в «Сыне отечества» (1819, ч. 52).

нерал-майор Сиверс.³ Фактически всеми делами в Гвардейском училище ведал И. Г. Бурцов, он замещал Н. М. Сипягина (и он же был подотчетным лицом перед Союзом Благоденствия).⁴ Особенно много энергии проявил Глинка, «великодушный гражданин», как его называл Пушкин (идеализация Аристиды, а не Катона показательна для определенных кругов Союза Благоденствия; Пушкин называл Глинку именно Аристидом, а Яков Толстой — «витязем добра и чести»). Им был написан проект «О необходимости иметь (при Главном штабе е. и. в.) одного главного инспектора всех военно-сиротских отделений для общего управления оными и для сочинения особых книг, необходимых военным кантонистам и читающим солдатам». Через Н. М. Лонгинова, секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны, Глинка настойчиво добивался реализации своего плана и предлагал себя на должность главного инспектора. «Я поставил себе непрременным долгом, — писал он в письме Н. М. Лонгинову от 6 июня 1820 года, — искать такого только места, чтобы мог быть истинно полезным и оправдать в полной мере доброе о себе мнение благоденствующих мне. На сей конец составил я небольшой проект, который у сего в копии к вам препровождаю. Ваше одобрение придаст ему большой вес, а ваше старание склонит Арсения Андреевича (Закревского, дежурного генерала Главного штаба, — В. Б.), и без того уже готового на всякое добро, дать лучший ход сему предложению; я, со своей стороны, готов писать, ездить и трудиться, имея в виду одну цель, чтоб принести небольшую пользу большому числу воспитанников, которые, наставлены будучи в учении и нравственности, могут пойти по всем дорогам отечественного служения».⁵

На новом поприще Глинка искал возможности заняться воспитанием солдатских детей.⁶ М. И. Муравьев-Апостол на следствии показал, между прочим, что Глинка «вступил в петербургскую школу затем, чтобы Союз имел на нее влияние». Федор Глинка настойчиво добивался должности главного инспектора военно-сиротских отделений при Главном штабе, полагая, что на

³ А. А. Сиверсу принадлежит в «Военном журнале» (и в «Сыне отечества») статья «О новейших методах первоначального обучения и способе применения оных к усовершенствованию образования солдатских детей в России».

⁴ См. заметку И. Г. Бурцова об училище взаимного обучения при Гвардейском корпусе в «Военном журнале» (1819, № 1, стр. 67—70).

⁵ Архив Института русской литературы АН СССР (в дальнейшем: ИРЛИ АН СССР), ф. Н. М. Лонгинова, № 23-661.

⁶ Пестель еще в 1815 или 1816 году написал «Рассуждение о воспитании солдатских детей в гвардии», в котором указывал: «Надежнейшим средством к достижению сего образования полагаю тщательное, на истинных правилах основанное воспитание солдатских детей наших: воспитание сие есть вернейший способ к распространению во всем войске познаний, наиболее усовершенствованию оного содействующих и к утверждению добродетелей нравственную силу его составляющих» (Е. А. П р о к о ф ь е в. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953, стр. 246—247).

этом посту ему легче будет руководить всей системой обучения солдатских детей. Овладеть умами будущих воинов, стоять во главе «рассадников будущих армий», по выражению самого Глинки, — такова истинная цель проекта, разработанного членом Коренной управы Союза Благоденствия. Свой проект Глинка заключил предложением «сосредоточить все рассеянные действия в один теснейший круг и свести все сие множество частных в одно целое». А это значит «привести навсегда и в полную ясность не только количество, но и качество учащих, их способы, успехи, местные преимущества, недостатки и проч.». Этот утопический проект Глинки, как и многие другие легальные начинания Союза Благоденствия, не нашел поддержки в Главном штабе и в Министерстве просвещения. Глинка не получил должности главного инспектора. А он мечтал об этом: в новой должности ему легче было бы заниматься «искоренением злоупотреблений» и «нравственным влиянием на воспитанников». Влиять на воспитание и образование подрастающего поколения, обучать грамоте солдат, определять сирот в училища, составлять учебные пособия и т. д. — именно для этого и было создано Вольное общество учреждения училищ по методе взаимного обучения.

2

В самой попытке создать в России по английскому образцу школу взаимного обучения не было ничего слишком оригинального. Еще в 1813 году Иосиф Гамель посетил Лондон и там познакомился с системой взаимного обучения. Вернувшись в Россию, он стал усиленно распространять педагогические идеи Ланкастера и Бея. В 1818 году по «высочайшему повелению» было издано его «Описание способа взаимного обучения по системе Ланкастера...».⁷ Труд доктора Гамеля широко пропагандировался в России, в частности в «Сыне отечества» (1818, чч. 47 и 48) приводились обширные извлечения из его «Описания». Н. И. Греч в 1818 году выпустил в свет «Руководство по взаимному обучению», в котором повторил основные положения Гамеля. С личного согласия Александра I в 1816 году четыре студента Главного педагогического института (Тимаев, Свенске, Буссе и Ободовский) были направлены в Лондон для практического прохождения курса обучения по методу Ланкастера и Бея. С другой стороны, и в русской армии, участвовавшей в заграничном походе, стали возникать школы взаимного обучения. В 1815 году в корпусе, кото-

⁷ «Описание способа взаимного обучения по системе Ланкастера и других, в коем изложены начало и успех сего способа в Англии, во Франции и в других странах и подробно разъяснены правила и порядок употребления оного в училищах». Сочинение надворного советника, доктора медицины Иосифа Гамеля, переведенное с немецкого языка титулярным советником Кнаппе. СПб., 1818.

рый под командованием кн. М. С. Воронцова временно находился в Мобеже, были открыты четыре ланкастерских школы. В начале XIX века школы взаимного обучения возникали стихийно то там, то здесь во всех концах Российской империи.⁸ Граф Н. П. Румянцев, например, завел у себя в поместье школу на том основании, что метод Ланкастера ему казался самым дешевым и самым практичным. В 1817 году он выписал из Лондона учителя Якова Герда, которому и поручил воспитание крестьянских детей. В поместье Могилевской губернии были открыты плотничья, столярная, слесарная и кузнечная мастерские; школа имела опытные хлебопачотные участки; учащиеся под руководством аптекаря собирали лечебные травы и т. п.⁹

На первый взгляд, Вольное общество ставило перед собой аналогичные педагогические и методические задачи, и у исследователя может возникнуть вопрос: имела ли филантропическая и просветительская деятельность Вольного общества учреждения училищ взаимного обучения какое-либо отношение к политическим планам тайного общества?

Руководители Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения не считали себя теоретиками школьного дела и не выступали со специальными статьями по вопросам воспитания и образования. Но это не может служить основанием для того, чтобы рассматривать членов Союза Благоденствия, занимавшихся учреждением школ взаимного обучения, как эпигонов английского педагога Джозефа Ланкастера (1771—1838). Из педагогической системы Ланкастера декабристы взяли методику преподавания, а что касается содержания самого педагогического процесса, то с этой стороны декабристская педагогика представляла собой вполне оригинальное явление.

Члены Союза Благоденствия исключительно серьезно смотрели на учреждение школ взаимного обучения и надеялись пре-

⁸ Школы взаимного обучения могут служить предметом самостоятельного исследования. В статье Н. Томашевской «Ланкастерские школы в России» («Русская школа», 1913, № 3, стр. 36—62) содержится первая попытка обобщить разрозненные сведения по этому вопросу. Краткие сведения о ланкастерских школах мы находим в трудах исследователей декабристского движения — А. Н. Пыпина («Общественное движение в России при Александре I») и В. И. Семевского («Политические и общественные идеи декабристов»). СПб., 1909). Н. М. Дружинин в 1941 году опубликовал в «Ученых записках Московского городского педагогического института» (Кафедра истории СССР, вып. I, т. 2, стр. 33—96) исследование «Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа». М. В. Нечкина в известном исследовании «Движение декабристов» (т. I, стр. 263—266) несколько страниц посвятила Вольному обществу учреждения училищ по методу взаимного обучения в связи с программными требованиями Союза Благоденствия. Наконец, в 1953 г. С. Б. Панной защищена диссертация «Вольное общество учреждения училищ взаимного обучения» (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 1953).

⁹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (в дальнейшем: ЦГИАЛ), ф. 736, оп. 1, лл. 9—18.

вратить Вольное общество в Управу тайного общества по отрасли воспитания. Для Союза Благоденствия, не рассчитывавшего на скорую революцию и придерживавшегося того мнения, что сначала следует расчистить почву для восприятия республиканских идей, овладение системой обучения и воспитания подрастающего поколения имело глубокий смысл.

В «Записке» Грибовский в качестве одного из основных обвинений деятелям Союза Благоденствия ставил их стремление взять в свои руки образование и воспитание «низшего сословия» и юношества. «Первым шагом, — говорилось в доносе, — для привлечения низшего сословия почиталось: освобождение крестьян, к чему каждый член был обязываем, и распространение училищ взаимного обучения. Научивши простой народ и нижних воинских чинов одному только чтению, скорее подействовали бы приготовленными в духе и по смыслу их маленькими сочинениями, начав самыми невинными сказками, повестями, песнями, краткими наставлениями и пр., чтоб их заохотить, чему и сделаны опыты».¹⁰ Грибовский не был далек от истины. Идеей создания декабристских школ взаимного обучения были увлечены Н. И. Тургенев, Ф. Н. Глинка, М. Ф. Орлов и многие другие члены Союза Благоденствия.

Виднейший деятель Союза Благоденствия Н. И. Тургенев в письме к брату С. И. Тургеневу от 29 мая 1818 года откровенно признавался, что систему Ланкастера он почитает «орудием просвещения и свободы людей, в особенности у нас, где и то и другое так нужно».¹¹

Вольное общество учреждения училищ взаимного обучения было задумано как руководящий центр народного образования страны, оно развернуло широкую организационно-методическую деятельность и за сравнительно короткий срок достигло немалых результатов. Вспоминая об опытной школе в Петербурге для обучения бедных мальчиков (в простом деревянном доме, арендуемом у купца Сабишева), председатель Вольного общества Ф. П. Толстой писал в «Русской старине»: «...нас многие обвиняли и говорили, что лучше бы было, если бы мы не набирали в нашу школу такую ватагу босоногих мальчишек, а взяли бы треть или четверть их, да устроили бы школу в более видном месте и с более приличным для порядочной школы помещением. Господа обвинители наши забывали о цели, для которой общество наше собралось; забывали, что наша главнейшая цель состояла в том, чтобы стараться о быстрейшем распространении грамотности в простом народе; отечеству нужны учащиеся-грамотеи, а не здания, в которых они учатся».¹²

¹⁰ «Русский архив», 1875, № 12, стр. 425.

¹¹ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 260—261, 265, 276 и 322.

¹² «Русская старина», 1878, № 2, стр. 214.

В Вольное общество со всех сторон России поступали благодарственные письма и обращения. В организации ланкастерских школ был заинтересован простой народ. Только в Петербурге Вольным обществом были учреждены три училища: 1) в воспитательном доме на 100 мальчиков и девочек (с апреля 1819 года);¹³ 2) для сиротских детей лейб-гвардии Семеновского, Егерского и Московского полков на 70 человек (с марта 1820 года); 3) при Гатчинском воспитательном доме на 360 мальчиков и девочек (с сентября 1820 года). Кроме этих детских школ, ланкастерское училище в 1818 году было открыто для солдат гвардейского корпуса (начальником был назначен штабс-капитан Бурцов, который тогда уже состоял в Союзе Благоденствия).

С большой радостью Н. И. Тургенев сообщает своему брату о первых успехах «нескольких честных людей» в деле распространения школ взаимного обучения. «Составившееся здесь Общество для заведения школ ланкастерских утверждено и открыто. Много подписчиков. Греч тут хлопочет. Здесь заведена также при гвардейском корпусе такая школа для унтер-офицеров и солдат. В Киеве она идет очень хорошо» (письмо от 23 февраля 1819 года). 30 ноября 1820 года Тургенев пишет брату, что и в Туле заведено ланкастерское училище, а что касается Петербурга, то он замечает: «Здесь идет хорошо. Учеников около 500, более и локаль не позволяет». Школы были открыты в Преображенском, Московском, Егерском и Кавалергардском полках; 19 октября должно было состояться открытие в Семеновском полку. В 84-й части «Сына отечества» за 1823 год (№ 10, отд. «Воспитание») была опубликована «Выписка из отчетов комитета высочайше утвержденного С.-Петербургского общества учреждения училищ по методе взаимного обучения, читанных в торжественных собраниях общества 15 января 1821 и 1 июня 1822 гг.». Эта выписка дает представление о количестве школ взаимного обучения в отдельных городах России, с которыми петербургское Вольное общество имело сношения. На ноябрь 1820 года в отчете приводились следующие статистические данные охвата учащихся школами взаимного обучения.

Пермь	90 человек	Херсон	660 человек
Вологда	30 "	Оренбург	1000 "
Волхов	100 "	Тифлис	77 "
Тула	90 "	Астрахань	380 "
Иркутск	219 "	Вильна	350 "
Рига	306 "	Кронштадт	170 "
Ревель	180 "	Киев	960 "
Нижегород	790 "	(из них 800 человек в училище М. Ф. Орлова)	

¹³ Обучалось значительно большее количество детей. «Предполагалось обучать в ней не менее 100 учеников, но в первый же год учеников набралось 412 человек» (С. Б. П а и н а. Вольное общество учреждения училищ взаимного обучения, стр. 15).

Сведения эти далеко не полные, так как школы взаимного обучения имелись и в других городах (Кишинев, Одесса, Воронеж, Архангельск), но и те цифры, которые приведены выше, достаточно красноречиво говорят за себя. Только в школах Петербургского общества с 1819 по 1823 год обучалось 815 солдатских детей. Общество располагало сравнительно крупной суммой, собранной с почетных и действительных членов. В течение четырех лет (1819—1822) Петербургское общество израсходовало на образование и содержание школ взаимного обучения 18493 рубля 17 копеек.

3

Деятельность Вольного общества учреждения училищ взаимного обучения не пропала даром, она принесла некоторые результаты. Сама попытка учредить в России ланкастерские школы, демократизировать систему обучения, развивать народное просвещение была встречена в официальных правительственных и неофициальных дворянских кругах в штыки. «Учение — вот чума», — сказал Скалозуб. Старуха Хлестова в «Горе от ума» была готова сойти с ума «от ланкартачных взаимных обучений».

Чтобы парализовать Вольное общество, правительство по инициативе министра просвещения и духовных дел князя Голицына создает особый комитет по учреждению школ взаимного обучения, возглавляемый М. А. Магницким, Д. П. Руничем и И. И. Мартыновым. Первое заседание этого правительственного комитета состоялось 10 июня 1820 года, а уже в конце того же года перед ним была поставлена задача всемерно противодействовать Вольному обществу учреждения школ взаимного обучения и его комитету, созданному по инициативе Союза Благоденствия. «Ход дела, — говорится в протоколе «Журнала комитета для учреждения училищ взаимного обучения» от 7 февраля 1820 года, — становится непрестанно опаснее по духу, который овладел оным, по всем местам и ведомствам с неимоверною поспешностью начали учреждать училища взаимного обучения, в кои, под именем ланкастерской, вводили методы, оной противоположные. В то время господин министр духовных дел и народного просвещения почел нужным поставить прочный оплот сему опасному по духу времени нововведению».¹⁴ Правительственный комитет решил обследовать училища Вольного общества. После предварительного ознакомления Рунич докладывал, что в школах взаимного обучения не придерживаются системы Ланкастера, что незаконным образом в них преподается катехизис и используются таблицы для чтения, которые не могут принести «добрых последствий». Комитет извещал кн. Голицына, что Вольное общество «не соответствует видам и намерениям правительства», что в нем «употреблены

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного управления училищ, № 736, оп. 5, ед. хр. 13, 468, лл. 4 об. и 5.

в действо вредные по духу таблицы», а «запрещение и отобрание» их встречает всяческие «затруднения и упорство». После специального обсуждения вопроса «о доставлении всех таблиц чтения, изданных Гречем», комитет Магницкого и Рунича вынес 21 января 1821 года следующее решение:

«В таблицах складов как Вольного общества, так и Военной комиссии для составления учебных пособий сделан отмеченный Комитетом набор слов, если не злонамеренный, то неприличный и по впечатлениям вредный... Видя столь явное и в настоящее время вредное противодействие своим начинаниям и видам со стороны Вольного общества учреждения училищ взаимного обучения, которое, в самом невинном о нем понятии, есть не что иное, как своекорыстное предприятие нескольких молодых людей, нимало не принадлежащих к числу чиновников, народным воспитанием от правительства занимающихся, находит существование сего общества с установлением и собственным своим существованием несовместным, и поэтому полагает, что весьма полезно было бы, для доброго успеха сего важного дела, Вольный комитет учреждения училищ взаимного обучения — закрыть».¹⁵

На основании мнения Комитета № 2 кн. Голицын 5 февраля 1821 года обратился в Министерство внутренних дел с просьбой «через кого следует» составленные вольным комитетом «таблицы для чтения, письма, слова, грамматические, диктовальные прописи, молитвы, какие где только есть», отобрать и ему лично доставить.¹⁶ Преследование приняло такие формы, что, как об этом свидетельствует «Журнал правительственного комитета» за № 8 от 28 марта 1821 года, Магницкий и Рунич сочли необходимым «вытребовать от литографа Бегрова все камни, на коих печатаемы были таблицы чтения, изданные надворным советником Гречем, как для сличения оных с представленными им господину министру, так и для того, чтобы печатание на них не было возобновлено».¹⁷ Запретив Вольному обществу издавать учебные пособия для школ взаимного обучения, Министерство просвещения доверило составление таблиц для чтения надворному советнику Финикову под общим руководством Магницкого. Магницкий и Рунич ставили себе в заслугу борьбу с республиканским Вольным обществом учреждения училищ по методе взаимного обучения. Подводя итоги двухлетней борьбы с Вольным обществом, они признавались кн. Голицыну, что сумели «обуздать зло, сильно укоренившееся», и принять «твердые и решительные меры». В «Журнале правительственного комитета» от 8 сентября 1822 года сделано следующее заключение: «Правительство передало сие важное дело комитету в то время, как уже столица, многие села, училища гвардейские, полков армейских, военных поселений, пор-

¹⁵ Там же, лл. 69 об. и 70.

¹⁶ Бумаги Н. Ф. Дубровина, л. 36 об.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. Главного управления училищ, л. 133.

тов и флота были наводнены искаженным способом взаимного обучения и вредными таблицами чтения... Республиканская организация школ ланкастерских имеет ту невыгоду, что в оных равные всегда управляются равными и что избрание их в старшие определяется одним достоинством. Наблюдатели благочестивые и опытные нашли, что сия форма образования имеет два важных неудобства, и именно: а) она утверждает юношество в привычках республиканских, довольно и без того вольнодумство нашего века раскрывающих; и б) она делает понятие о начальствах и властях противоположно закону божию, поставляя власть избирательную по достоинству, между тем как христианин с самого детства во всякой власти не достоинство лица, но избрание божие видеть должен».¹⁸

Вольному обществу учреждения училищ по методе взаимного обучения пришлось осуществлять свои замыслы в исключительно сложных условиях, так как правительственный комитет, действующий также под названием учреждения школ взаимного обучения, ставил своей непрременной целью разрушить республиканскую организацию в области народного просвещения. Н. Тургенев в одном из писем к брату высказывал недовольство, что в России находятся такие любители взаимного обучения в военно-сиротских школах, которые усовершенствуют систему Бея и Ланкастера тем, что «заставляют учеников вертеться кругом, топтать, ходить в нитку и в ногу и т. п.». В отчете за 1821 год Вольное общество учреждения училищ по методе взаимного обучения вынуждено было известить своих сочленов, что обстоятельства сложились крайне неблагоприятно для общества, что в условиях наступившей реакции трудно достичь желаемых успехов.

«Мы, — говорилось в отчете, — долгом почитаем сказать предварительно, что если нынешний раз вы, может быть, будете им менее довольны, нежели надеялись, — то никак не должно искать причины сему в самом комитете или действиях его. Обстоятельства, которыми управляет не всегда бывает в нашей воле, тому виной. Мы старались всеми мерами делать то, чего требовал от нас долг наш, делали пользы обществу, желали успехов его, но почему именно не достигли совершенно цели сей, объяснять здесь было бы неуместно». Комитет Магницкого—Рунича догадался, на что намекает Вольное общество, и приказал Цензурному комитету не пропускать отчет в таком виде в печать. «Предложить Цензурному комитету, — гласило постановление от 28 августа 1822 года, — дабы он не пропускал в печать помянутого отчета, если не будет исключено из оного прописанное выше вступление и другие мысли, могущие подать публике повод к разным несправедливым толкам и упрекам противу мер правительства».¹⁹

¹⁸ Там же, л. 281 и об.

¹⁹ Там же, лл. 264 и 265 об.

Остается сказать о самом главном — о тех таблицах для чтения, которые были признаны вредными и подлежали полному уничтожению. Зная, что настойчивые требования Магницкого доставить в правительственный комитет все таблицы для чтения не влекут за собой ничего хорошего, Вольное общество своевременно уничтожило те из них, которые находились в наборе, и, судя по всему, ни Магницкий, ни Голицын так и не смогли получить таблиц, за которыми они охотились в течение года.

Среди бумаг, озаглавленных «О масонских ложах и других тайных обществах», находящихся в Государственном военно-историческом архиве (Москва), мы встретили записку о загадочной насильственной смерти распорядителя греческой типографии Е. Фридриха. «Фридрих был фактор и распорядитель всей типографии Греча. Убит насильственно в 1821 году, убийцы и поныне не открыты, и, вероятно, он убит теми, кои могли ему давать печатать зловредные бумаги и потом убили его, чтобы скрыть тайну».²⁰ Более об этом таинственном случае в типографии Греча мы ничего не знаем. В правительственный комитет были посланы только печатные «Таблицы для взаимного обучения чтению», изданные Гречем в 1820 году.²¹

Эти «Таблицы», составленные петербургским Вольным обществом для массового обучения и прошедшие цензуру, лишь частично дают представление о декабристской методике преподавания русского языка в ланкастерских школах. Ознакомление со словарным составом «Таблиц» показывает, что преимущество отдавалось двум группам слов: словам народного происхождения и словам, вошедшим в декабристскую фразеологию, особенно в фразеологию Союза Благоденствия и его «Зеленой книги». В «Таблицах» были учтены слова, необходимые для составления прописей на темы патриотического, нравственного и гражданского содержания. «Таблицы» включали, например, такие слова: свобода, воля, раб, цепи, ярмо, гнев, глас, розга, тайна, союз, герой, нравы, ярем, честь, лжец, враг, разум, алчный, образ, мятеж, порок, страждем, доблесть, скромность, честность, восстать, разврат, страдать, стократ, заповедь, властвую, исповедь, каторга, летопись, мужество, критика, законный, трудящийся, великий, вельможа, высокий, товарищ, крамола, депутат, заговор, бичевать, человек, договор, лицемер, учредить, чувственность, ненависть, грабитель, заступник, мятежник, участник, сообщник, гражданин,

²⁰ Центральный государственный военно-исторический архив (в дальнейшем: ЦГВИА), ф. № 889, О масонских ложах и других тайных обществах, л. 240.

²¹ Таблицы для взаимного обучения чтению, письму и арифметике, изданные Николаем Гречем. Типография издателя. Дозволены к печати цензором проф. Толмачевым 19 марта 1819 года. СПб., 1820.

крепостной, любомудр, фабрикант, супостат, отечество, экзекутор, всенародный, естественный, жестокосерд, добросердечный, благодетель, философский, благоденствую, законодатель, властолюбие, клятвопреступник, раболепствовать, человеколюбив, свободомыслящие, злодей, изверг, кинжал, мечтать, бедняк, власть, отвага и т. п. В этом списке слов отсутствуют «тиран», «конституция» и «революция», но их синонимы имеются; преподаватель школы мог свободно добавить и эти слова. В результате получался целый словарь, при помощи которого легко было составить прописи в защиту свободы и воли, все зависело от того, в какие руки попадут «Таблицы» Вольного общества. Кн. Голицын в конце октября 1822 года еще раз предупреждал все ланкастерские школы, чтобы «в уроках не было такого соединения слов, которые бы по смыслу своему могли произвести вредное на умы обучающегося юношества впечатление и подать хотя малейший повод к соблазну, каковыми вредными соединениями слов, как усмотрено комитетом, наполнены таблицы, изданные по поручению Вольного общества учреждения училищ взаимного обучения».²²

Таким образом, и те «Таблицы», которые поступили в школы, были признаны вредными и запрещены. Эти печатные «Таблицы», утвержденные Вольным обществом, имели до запрещения широкое распространение, они рассылались по всем ланкастерским школам и были переведены на польский и греческий языки. Два студента Виленского университета, Дашкевич и Павловский, приезжали в Петербург обучаться методу взаимного обучения в училище, утвержденном для солдатских детей, и при возвращении захватили с собой «Таблицы», которые тогда же перевели на польский язык. В Одессе школа взаимного обучения при Греческом коммерческом училище, возникшая в год греческого восстания и состоявшая из 150 юношей, также использовала «Таблицы» Вольного общества. Но особенно важно указать, что майор В. Ф. Раевский, руководитель и преподаватель ланкастерской школы в Кишиневе, начинал обучение солдат по «Таблицам для взаимного обучения чтению», изданным в Петербурге.

Одновременно с «Таблицами для взаимного обучения чтению», изданными в Петербурге, в 1820 году с разрешения Цензурного комитета при Московском университете известный типографщик Селивановский выпустил в свет «Таблицы букв, складов, отдельных слов и чтения». Московские «Таблицы» также привлекли внимание правительственного комитета, возглавляемого Голицыным и Магницким. По рассмотрении «Таблиц», присланных из Москвы, оказалось, что они «содержат в себе пословицы и изречения, безнравственные и подающие повод к соблазну».²³ В «Журнале правительственного комитета» за № 11 от 17 мая

²² ЦГИАЛ, ф. 736, оп. 1, ед. хр. 36, 773, л. 314.

²³ Там же, л. 195.

1821 года приводились из московских «Таблиц» в качестве образца безнравственных изречений некоторые народные пословицы, в частности такие: «Когда бы ни бог, кто бы нам помог», «Не всяк монах, на ком клобук», «Хоть хлеба крома, да воля своя», «Горесть молчать не любит», «Хоть биту быть, а за реку плыть», «Воды и царь не уймет», «Деньги и камень долбят», «Тот сумел, кто на коня сел», «С кого судья взял, тот и прав стал».

С «Таблицами», напечатанными в типографии Селивановского, нам не удалось познакомиться, так как исчезли они еще в 1820 году. Узнав от кн. Голицына о существовании «Таблиц», начальник Главного штаба кн. Волконский командировал в Москву гвардии драгунского полка штабс-капитана Тургенева, чтобы он вместе с московским комендантом генерал-майором Волковым произвел срочное расследование и отобрал, где только можно, все экземпляры. Одновременно 16 ноября 1820 года дежурный генерал А. А. Закревский приказывал коменданту Волкову «по высочайшему повелению государя императора» немедленно отобрать все имеющиеся в московском военно-сиротском отделении печатные «таблицы для обучения чтению», чтобы «ни под каким видом ни один экземпляр „таблиц“ сих в том отделении оставлен не был». Предлагалось также забрать граверные доски у гравера Кудрякова и арестовать все экземпляры «Таблиц», оставшиеся у типографщика Селивановского. Но набор «Таблиц» у Селивановского оказался к приходу Волкова разобраным. 5 декабря 1820 года Волков рапортовал А. А. Закревскому, что всего в Москве конфисковано 490 экземпляров. Однако «Таблицы», напечатанные в типографии Селивановского, в большом количестве были разосланы во 2-ю гвардейскую дивизию, в астраханское (527 экз.), казанское (1034 экз.), нижегородское (547 экз.) и в архангельское военно-сиротские отделения.

Вскоре было направлено срочное предписание кн. Волконского о возвращении таблиц из всех мест, куда они поступили. Отобранные «Таблицы» уничтожались, даже два обязательных экземпляра, находившиеся в императорской публичной библиотеке, были потребованы в Министерство просвещения и, несмотря на просьбы дирекции библиотеки, сожжены. Возникает вопрос, какое отношение эти «Таблицы» имеют к пропаганде Союза Благоденствия? Ответ мы находим в деле «Об отобрании „Таблиц для обучения чтению“, составленных по образцу, из Киева привезенному, начатом по предписанию начальника Главного штаба кн. Волконского 5 ноября 1820 года и законченном 4 апреля 1823 года».²⁴ Как видно из рапорта Волкова от 7 октября

²⁴ Дело «Об отобрании „Таблиц для обучения чтению“, составленных по образцу, из Киева привезенному» находится в ЦГВИА (ф. 36, св. 1, № 5). Частично использовано В. И. Семевским (см.: Политические и общественные идеи декабристов, стр. 430—431).

1820 года на имя кн. Волконского, перед открытием в московском военно-сиротском отделении школы взаимного обучения, в Киев для «практического познания сей методы» ездил учитель 13-го класса Милютин. В Киеве Милютин встретился с М. Ф. Орловым и от него получил те самые «Таблицы», которые в 1820 году отпечатал в своей типографии Селивановский. Назначенный на место начальника штаба 4-го корпуса, Орлов еще в 1818 году организовал в Киеве школу взаимного обучения на 40 кантонистов. В 1819 году М. Ф. Орлов довел число учащихся до 800 человек, а в 1820 году, судя по рассказу И. Р. Мартоса, в школе обучалось 1800 человек.²⁵ Еще нужно отметить, что Орлов в Киеве занимался составлением собственной грамматики. 23 июля 1819 года он писал гр. П. Д. Киселеву: «Знаешь ли, что сочиняю грамматику? Вот куда черт меня дернул! Уж много сделано и применено к ланкастерской методе, которая, может быть, в отечестве нашем будет когда-нибудь орловскою метоною, ибо теперь я все нормальное учение преклоняю к оной, что будет совершенным изобретением, ибо нигде еще не сделано в самой образованной Европе».²⁶

Можно предполагать, что «Таблицы», начиненные народными пословицами, не только были получены от Орлова, они были составлены Орловым. Мы лишены возможности обратиться непосредственно к анализу этих «Таблиц». Но, как указывает сам Орлов, его «метода» являлась «совершенным изобретением», подобной «методы» не было «в самой образованной Европе». Не об этой ли «орловской методе» писал Жуковский в черновом наброске своего послания к Орлову: «Ты по ланкастерской методе мальчишек учишь говорить о славе, пряниках, природе, о кубарях и о свободе».²⁷ Об «орловской методе» хорошо знали в Петербурге и расценивали ее как наиболее удачный опыт декабристской педагогической мысли. Н. И. Тургенев, узнав из письма самого Орлова об успехах учения в киевском военно-сиротском отделении, спешил сообщить брату, что Орлов решил отличившихся в школах воспитанников награждать знаком отличия, который бы «избавил их от телесного наказания навсегда». «Я рад, — признавался Тургенев, — что Орлов сближается с филантропизмом, который нельзя отделить от либеральных идей и против которого он прежде восставал. Я всегда был уверен, что он восставал против филантропии только на словах; на деле же он этого сделать не в состоянии, ибо, кроме ума, имеет предобрую и благородную душу» (письмо от 5 декабря 1817 года).²⁸

²⁵ «Киевская старина», 1897, июль—август, стр. 65—66.

²⁶ А. П. Заблоцкий-Десятовский. Гр. Киселев и его время. т. I, СПб., 1882, стр. 224.

²⁷ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 г., стр. 61.

²⁸ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, стр. 243.

В Кишиневе Орлов продолжил свои педагогические искания и в 16-й дивизии открыл солдатские и юнкерские школы взаимного обучения. Имеются все основания предполагать, что, назначая Охотникова и Раевского руководителями и преподавателями вновь открытых школ, Орлов познакомил их с изобретенной им «методой» и что Раевский и Охотников использовали опыт своего начальника и являлись последователями его педагогической системы.²⁹

Раевский придавал огромное значение нравственному воспитанию солдат. Под нравственностью он разумел высокое чувство патриотизма и любви к отечеству. Раевский успешно сочетал прогрессивные идеи военной педагогики с социальными идеями декабристов. Он выступал как просветитель и как революционер. На уроках географии педагог-декабрист считал необходимым рассказывать слушателям о сущности конституционного правления, добавляя при этом, что «правление конституционное лучше всех правлений, а особливо нашего монархического, которое хотя и называется монархическим, но управляется деспотизмом». В своем рапорте от 10 июля 1827 года комиссия при 1-м гвардейском корпусе под председательством генерал-адъютанта Левашова и под наблюдением великого князя Михаила Павловича, рассматривавшая пропагандистскую деятельность Раевского в кишиневской ланкастерской школе в связи с декабрьскими событиями 1825 года, имела основание прийти к следующему выводу:

«Рассматривая и объясняя удачные действия революционеров, он, кажется, имел целью приготовить их быть подражателями сих же преступных примеров. Предпочитая лучшим конституционное правление и разумея о нашем монархическом правлении как об управляемом деспотизмом, ясно обнаружил готовность действовать к опровержению оног...».

Кроме географии, Раевский вел уроки по истории и грамматике. Одним из самых существенных моментов педагогической «методы» Раевского следует считать его обращение к избранным историческим темам, пробуждавшим вольнолюбивые чувства. Подобное обращение к истории в целях политического воспитания слушателей предусматривалось как «Зеленой книгой», так и рядом статей, вышедших из-под пера членов Союза Благоденствия. В трактате Н. И. Кутузова «О причинах благоденствия и величия народов» говорилось о необходимости примерами «великих мужей

²⁹ О пропагандистской и педагогической деятельности В. Ф. Раевского в 16-й дивизии более подробно см. в нашей книге «Владимир Федосеевич Раевский. Новые материалы» (Изд. АН СССР, Л.—М., 1949). В данной работе привлекаются новые публикации П. Бейсова, в частности конспект Раевского по «Российской истории» (см. «Пушкинский сборник», Изд. Ульяновского пединститута, 1949).

всех народов поселить в сердцах воспитанников желание подражать им; но более всего должны назидать их примерами домашними». ³⁰ Другой член Союза Благоденствия, подпоручик П. Д. Черевин, скончавшийся в 1824 году на 23-м году жизни, в статье «О преподавании истории детям», опубликованной посмертно в «Вестнике Европы», называл историю «наставницею нравственности и политики», ибо «кто учится истории, тот научается обязанностям человека и гражданина». «Учитель истории должен быть нравственности строгой, — писал Черевин, — глубокого учения в науках государственных, одаренный пламенной душой и тем красноречием, которое умело бы перелить в слушателей негодование к пороку и почтение к доблестям мужей знаменитых. . . Учитель истории есть более, чем учитель: он есть проповедник, назидатель гибкий юношеский возраст примерами прошедшего». ³¹

Таким революционером-проповедником, обладавшим «пламенной душой» и красноречием, был Владимир Раевский, учивший на примерах прошлого солдат и юнкеров 16-й дивизии. Раевский напоминал своим слушателям о существовании древнерусских республик, о «гордых» и «независимых» новгородцах. «Новгородцы, — писал он в конспекте «Российской истории», в разделе «Единовластие», — побивают Святополка», который «в бегстве, терзаемый стыдом и совестью, погибает в стенах Богемских в пример тиранам, кровопийцам!». Ярослав в благодарность возвращает новгородцам прежние права вольности, «правление демократии». С воодушевлением рассказывал Раевский о вечевом строе, когда под звуки колокола народ собирался на площадь решать важные государственные дела; на уроках чистописания он диктовал: «Раздался звук вечевого колокола, и вздрогнули сердца в Новгороде. Отцы семейств вырываются из объятий семейств, чтобы спешить, куда призывает их отечество». В грамматических таблицах, составленных Раевским, были помещены имена Брута, Кассия, Вашингтона, Мирабо и Квируги, а также имена русских полководцев — Петра Великого, Суворова, Кутузова. Имена эти требовали объяснений, соответствующих комментариев. Раевский с успехом делал их. Он разъяснял, что римский республиканец Брут вместе с Кассием принимал деятельное участие в заговоре против Юлия Цезаря, что Цезарь был убит ими в зале заседаний сената. Раевский не только называл имя испанского революционера Квируги, участвовавшего в восстании против реакционного правительства Фердинанда VII, но и рассказывал воспитанникам ланкастерской школы, как об этом свидетельствовали во время следствия сами

³⁰ «Сын отечества», 1820, ч. 59, стр. 12.

³¹ «Вестник Европы», 1825, январь—февраль, стр. 123—125. На незаслуженно забытого члена Союза Благоденствия, а затем и Северного общества П. Д. Черевина, серьезно занимавшегося изучением исторических и политико-экономических наук, обращает внимание С. С. Волк в книге «Исторические взгляды декабристов» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 52—53).

юнкера, что «Квируга, бывший подполковником, сделал в Мадриде революцию, и когда въезжал в город, то самые значительные дамы и весь народ вышли к нему навстречу и бросали цветы к ногам его». Мирабо, объяснял Раевский, был участником французской революции и писал сочинения против самого государя. Тираноборец Брут противопоставлялся Цезарю. Вашингтон назывался «великим мужем» за его республиканские идеи. Именами этих людей «прогремела история», и Раевский, красноречиво рассказывая о них, стремился тем самым возбудить у слушателей свободолюбивые чувства. Диктуя правила правописания, Раевский заставлял солдат писать слова: Самовластие, Воля, Свобода, Конституция, Равенство. Типично декабристская терминология и фразеология, специально подобранный состав гражданских слов преподносились под видом обучения солдат грамоте. Такова была декабристская «метода» Орлова—Раевского. Исторические примеры борьбы вольности с тиранией идейно вооружали солдат и будущих офицеров, воспитывали в них гражданские чувства. На занятиях по истории Раевский рассказывал о подвигах предков, о Румянцеве и Кутузове и о «будущих наших подвигах». «Будущие подвиги», «наши собственные подвиги» более всего интересовали Раевского. При этом он использовал самые эмоциональные формы воздействия, а именно поэтическое слово и прежде всего те стихи, которые содержали в себе «свободные мысли». Он заставлял заучивать своих слушателей стихотворение Гнедича «Перуанец к испанцу», исполненное гражданского пафоса, и уже подготовил к чтению рылеевскую сатиру «К временщику».

Раевский стремился сдружить педагогическую пропаганду с актуальными вопросами современности. Он прекрасно понимал, что Брут и Кассий, Квируга и Мирабо все-таки слишком далеки от жизненных, повседневных интересов русского солдата, что с солдатами нужно разговаривать по-солдатски, о близком и знакомом, об аракчеевской действительности, о несправии народа, о тирании помещиков. У него возникла замечательная мысль написать воззвание о рабстве крестьян. С горячим энтузиазмом взялся Раевский за осуществление этой идеи. В конце 1821 года воззвание было почти готово, в черновой редакции оно уже пошло по рукам кишиневских декабристов. Так Раевский вплотную подошел к главному вопросу декабристской пропаганды — к вопросу о внутреннем состоянии России и необходимости борьбы с крепостничеством.

Летом 1821 года, в июле, когда в Петербурге Вольное общество учреждения училищ по методе взаимного обучения стало подвергаться гонениям реакции, Раевский писал Охотникову: «Я не теряю здесь времени, вместо ушедших с полком людей из школы набрал рекрут и учу по методе ланкастерской; чрезвычайно успевают! По письмам из России я вижу, что эту методу

хотят уничтожить, дабы не дать просвещению так быстро распространяться; итак, любезный, спешу, пока время, дать какие-нибудь понятия юнкерам; я убеждаю тебя, а отечество и обязанные будут тебе благодарны. Будем делать, что можем теперь. Не терять времени, делай добро другим».³²

Раевский имел все основания опасаться за судьбу петербургского Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения. Восстание в Семеновском полку навлекло подозрение Александра I на ланкастерские школы, которых в армии становилось все больше и больше. «Никто на свете меня не убедит, — писал Александр I Аракчееву 5 ноября 1820 года из Троппау, — что сие происшествие было вымышлено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жестокого обращения с оными полковника Шварца. Он был всегда известен за хорошего и исправного офицера и командовал с честью полком. Отчего же сделаться ему варваром? По-моему, тут кроются другие причины. Внушение, кажется, было не военное; ибо военный умел бы их заставить взяться за ружье, чего никто из них не сделал, даже тесака не взял... Признаюсь, что я приписываю тайным обществам, которые, по доказательствам, мы имеем, в сообщении между собою, и коим весьма неприятно наше соединение и работа в Троппау».³³ Уже тогда, осенью 1820 года, Александр I предлагал обратить особое внимание на Вольное общество и на тех солдат, которые обучались в ланкастерских школах, как «со стороны нравственности и поведения их, так и дисциплины и военного повиновения». Напуганный восстанием в Семеновском полку, Александр I осенью 1820 года написал секретную инструкцию «собственно для сведения одного генерал-адъютанта Васильчикова», в которой предлагал усилить полицейский надзор, взяв под строжайший контроль ланкастерские школы. На основании этой инструкции была составлена специальная «памятка» для агентов тайной полиции. Текст этой памятки сохранился в бумагах П. Д. Киселева, в ней между прочим говорилось: «Не существует ли между некоторыми из офицеров особой сходки под названием клуба, ложи и проч.? Вообще какой дух в полку и нет ли суждений о делах политических или правительства? Учреждены ли ланкастерские школы; какие в оных таблицы: печатные или писанные, и если писанные, то не имеют ли они правил непозволительных?».³⁴ Десятки полицейских агентов стали рыскать по полкам и ротам, прислушиваться к разговорам военных и штатских лиц, узнавать о политических суждениях, подозрительных брать на заметку и доносить по инстанциям. Сабанеевские агенты

³² «Красный архив», 1925, т. 13, стр. 304.

³³ В. И. Семеновский. Волнения в Семеновском полку в 1820 г. «Былое», 1907, № 1, стр. 35.

³⁴ См. в нашей работе «Декабристы в Кишиневе. М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский» (Кишинев, 1953).

доносили из Кишинева: «В ланкастерской школе говорят, что, кроме грамоты, учат и толкуют о каком-то просвещении. Нижние чины говорят: дивизионный командир <М. Ф. Орлов> наш отец, он нас просвещает. 16-ю дивизию называют орловщиной... Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство...». 10 марта 1821 года министром внутренних дел предписано не утверждать в будущем школ по методу взаимного обучения «без предварительного сношения с начальством по учебной части». После закрытия в августе 1822 года ложи «Избранного Михаила» на очередь встал вопрос об окончательном прекращении деятельности Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения.

6

Заслуга Общества учреждения школ по методу взаимного обучения состояла в использовании легальных условий для разрешения ряда практических мероприятий тайного общества. И после закрытия Союза Благоденствия Общество учреждения школ взаимного обучения продолжало действовать по плану, намеченному тайной организацией.

Как видно из показания С. Трубецкого, часть денег, оставшихся от Союза Благоденствия, была отдана Вольному обществу учреждения училищ по методу взаимного обучения; он же признавался, что многие члены тайного общества сознательно вошли в Общество для заведения училищ взаимного обучения. Вспоминая о московском съезде 1821 года, припоминая все «предложения, кои были делаемы различными членами», Н. И. Тургенев во второй оправдательной записке (1826) не скрывал, что «и после объявления об уничтожении Общества члены опять начали рассуждать о предложениях, прежде сделанных, и предлагать новые проекты». «В предложениях своих, — свидетельствует Н. И. Тургенев, — наиболее говорили о пользе учреждения и распространения народных училищ по ланкастерской методе, о взаимных пособиях между членами». Наконец, А. А. Бестужев, дававший свои показания как член Северного общества, в известном письме к Николаю I признавался, что «для просвещения нижних классов народа хотели повсеместно завести ланкастерские школы». Достаточно и этих свидетельств, чтобы считать Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения причастным не только к Союзу Благоденствия, но и к Северному обществу.

В Петербурге в середине 1822 года декабристы приняли решительные меры, чтобы возродить просветительские традиции Союза Благоденствия и сохранить Общество школ взаимного обучения как резерв для будущей тайной организации. Т. Пассек не совсем точно передает со слов Ф. П. Толстого ситуацию этого года. «На другой день, — рассказывает Толстой, — по отречении моем от

председательства, на мое место назначен был князь Андрей Борисович Голицын, воображавший, что он открыл тайну вечного движения... Вслед за определением нового председателя члены общества распространения в России ланкастерских школ все до одного отказались быть членами этого общества».³⁵ Вместо Ф. П. Толстого, не пожелавшего быть председателем, был избран полковник А. Б. Голицын, испытанный Глинкой в совместной борьбе с аракчеевцем Геттуном, начальником Канцелярии петербургского генерал-губернатора. Все остальные члены Комитета были подобраны из участников ложи «Избранного Михаила», а также из распущенного Союза Благоденствия и будущих членов Северного общества. На состоявшемся 1 июня 1822 года годичном собрании Общества был утвержден на следующее трехлетие, т. е. до 1825 года включительно, руководящий комитет: А. Б. Голицын — председатель Общества, С. П. Трубецкой — первый помощник председателя, Ф. Н. Глинка — второй помощник председателя, В. И. Григорович — секретарь Общества, Н. И. Кусов — казначей общества, Ф. П. Толстой, Н. И. Кутузов, Н. А. Бестужев, А. Д. Боровков, А. А. Никитин, С. М. Семенов и П. Е. Доброхотов — должностные члены.

Состав комитета более чем показателен. Полковник кн. С. Трубецкой, полковник Ф. Н. Глинка, отставной флота лейтенант граф Ф. П. Толстой, штабс-капитан Измайловского полка Н. И. Кутузов, флота лейтенант Н. А. Бестужев, титулярный советник С. М. Семенов — известные деятели тайного общества; титулярные советники А. А. Никитин и В. И. Григорович, академик Академии художеств П. Е. Доброхотов, первостатейный купец Н. И. Кусов и чиновник 7-го класса А. Д. Боровков — участники легальных мероприятий Союза Благоденствия. Но и обновление руководства Общества ни к чему не привело. Лишенная возможности издавать «таблицы для чтения» и права самостоятельно организовывать и руководить школами взаимного обучения, Вольное общество не могло осуществить свои замыслы.³⁶ Последним документом, вышедшим из Общества школ, является письмо в адрес Вольного общества любителей российской словесности, подписанное А. Д. Боровковым, с предложением совместно участвовать на поприще просвещения и благотворения. «Обществу соревнователей просвещения и благотворения не чужды действия Общества учреждения училищ по методе взаимного обучения, — говорится в этом послании, датированном 13 марта 1823 года. — Единство цели соединяет их между собою: первое стремится к распространению просвещения, второе прокладывает

³⁵ «Русская старина», 1878, № 2, стр. 221.

³⁶ В годы ссылки декабристы снова вернулись к педагогической деятельности и практически пытались осуществить метод взаимного обучения: Якушкин в Ялуторовске, Завалишин в Чите, Беляев в Минусинске, Раевский в Олонках, Свистунов в Тобольске.

к тому дорогу, открывая легчайшие способы к изучению письмен. Принадлежа к обоим сим обществам, я не могу не желать дружественных отношений между ними и во исполнение поручения, возложенного на меня Комитетом общества учреждения училищ, с удовольствием представляю выписку из отчетов, которые были читаны в торжественных собраниях 15 января 1821 и 1 июня 1822 года».³⁷

Члены Союза по своему желанию избирали «разряд» деятельности: человеколюбие, благотворение, правосудие, воспитание, науки и искусства. В Вольном обществе любителей российской словесности занимались наукой и литературой. Иначе это Общество называлось Обществом просвещения и благотворения. Благотворительность тоже входила в состав «упражнений», в обязанность «соревнователей». Так, Вольное общество любителей российской словесности принимало самое непосредственное участие в выкупе у рязанского помещика Маслова крепостного поэта Сибирякова.

В 1819 году Ф. Н. Глинка и Ф. П. Толстой основали «заведение для продажи разных вещей для бедных разного состояния». «Желание пособить страждущим в нищете» — такова цель этого филантропического заведения, квартировавшего у Синего моста, в книжной лавке Плавильщикова. В связи с ликвидацией Союза Благоденствия филантропическое отделение Глинки—Толстого перешло в ведение Общества просвещения и благотворения. На полугодичном собрании «соревнователей», состоявшемся 30 декабря 1821 года, говоря о «высоком сани человека», Глинка призывал «вспомнить о бедных» и еще раз напомнил, что «жить — значит делать добро». «„Вспомните о бедных!“ — говорит нам безмолвная лира, о бедных, которые также предлагали некогда роскошную трапезу уму и которые теперь едва имеют кусок омоченного слезами хлеба, хлеба для насыщения печальной семьи!».³⁸ Под лирой с надписью «Вспомните о бедных!» подразумевалась кружка, в которую по окончании заседаний собирались пожертвования. Только семье умершего ученого-изобретателя С. П. Власова было собрано 580 рублей. Среди членов Вольного общества, принимавших участие в человеколюбивых мероприятиях, мы видим А. А. Никитина, Н. И. Гнедича, П. И. Кепшена, И. К. Аничкова, Н. И. Кутузова, Д. М. Княжевича, А. Д. Боровкова, А. А. и Н. А. Бестужевых, К. Ф. Рылеева. В 1821 году беднейшим была оказана помощь в сумме 2415 руб. и осталось по статье «благотворение» на 1822 год 1447 руб. 20 коп. В 1822 году пожертвованный поступило на сумму 1547 руб. 20 коп., а израсходовано было 4550 рублей. Всего за четыре года Вольное общество любителей российской словесности израсходовало на «вспоможение бедней-

³⁷ Вольное общество, 7, л. 118.

³⁸ «Соревнователь просвещения и благотворения» (в дальнейшем: «Соревнователь»), 1822, ч. XVII, стр. 228.

шим» 20 376 рублей. Пожертвования практиковались в 1823 году (2840 руб.) и в 1824 году (2080 руб.).³⁹

В конечном итоге деятельность декабристов в Вольном обществе учреждения училищ взаимного обучения может служить примером не столько успехов, сколько поражений и разочарований. Несомненно, что благотворительная деятельность имела определенную политическую окраску, она была продиктована законоположением тайного общества, где этические вопросы занимали видное место, она была пропагандистской и одновременно обличительной деятельностью. Однако мирным путем нельзя было осуществить правосудие и человеколюбие, побороть общественные пороки, достичь социальной гармонии. Отсюда незначительность реальных результатов. Не следует забывать, что филантропическую деятельность в «вольных обществах» Союза Благоденствия возглавлял Федор Глинка. Он, кроме личной трагедии и неприятностей по службе, ничего не вынес из этой борьбы, хотя, по отзывам всех современников, служил благоденствию с исключительным рвением и знанием дела. Сперанский остроумно заметил ему: «На погосте всех не оплачешь». Глинка и сам пришел к тому выводу, что «никакая заботливость не поможет, где все плохо и гнило».⁴⁰

³⁹ «Соревнователь», 1824, ч. XXV, стр. 302—303.

⁴⁰ Письмо Ф. Н. Глинки к гр. Милорадовичу (без даты), см.: ГПБ, Рукописный отдел, фонд Н. К. Шильдера (в дальнейшем: фонд Шильдера).

Г л а в а в т о р а я

К ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ «УЧЕНОЙ РЕСПУБЛИКИ»

1

Союз Благоденствия активно вмешивался в общественную и культурную жизнь страны: наряду с правосудием и «общественным хозяйством» законоположение Союза много внимания уделяло разделу «распространения знаний», в первую очередь по отрасли «наук и художеств». Законоположение вменяло в обязанность членам Союза заниматься изящной словесностью. «Союз,— было сказано в § 9 книги I устава,— всеми силами попирает невежество и, обращая умы к полезным занятиям, особенно к познанию отечества, старается водворить истинное просвещение. Для сего занимается он сочинениями и переводом книг, как хороших учебных, так и тех, кои служат к изяществу полезных наук». Автор «Записки о тайных обществах в России», хорошо осведомленный о целях Союза Благоденствия, указывал, между прочим, что «главные правила относились к попечению об усовершенствовании наук, художеств, всех ветвей государственного хозяйства, судопроизводства и пр.». «Таким образом,— писал он,— даже и для самых членов, менее опытных, прикрыта была тайная цель главных руководителей — возыметь влияние на все отрасли правительства, чего частные лица отнюдь присваивать не могут. Средства к тому избраны: распускаемые слухи, рассказы в обществах, сочинения, особенно журнальные статьи, как более и скорее расходящиеся, дабы дать направление общему мнению и нечувствительно приготовить все сословия».¹

М. К. Грибовской состоял в Союзе Благоденствия, он хорошо знал историю тайного общества и его замыслы. В записке не была забыта «Зеленая лампа», которая до 1820 года составляла одно из самых главных литературных отделений Союза Благоден-

¹ «Русский архив», 1875, № 12, стр. 424—425.

ствия. О «Зеленой лампе» Грибовской доносил: «Члены, приготавливаемые мало-помалу для управы или долженствовавшие только служить орудиями, составляли побочные управы под председательством одного члена Коренной, назывались для прикрытия разными именами (Зеленой лампы и пр.) и под видом литературных вечеров или просто приятельских обществ собирались как можно чаще».

О «Зеленой лампе» члены Следственного комитета спрашивали Пестеля. Понятно, что Пестель, оторванный от декабристского Петербурга, в своих ответах не мог рассказать сколько-нибудь подробно об этом «вольном обществе», находившемся под опекой Союза Благоденствия. На вопрос о «Зеленой лампе» Пестель отвечал неопределенно: «О „Зеленой лампе“ никак не могу припомнить, кто мне говорил, ибо сие было еще в 1817 или 1818 годах, но тогда же было мне сказано, что князь Сергей Трубецкой имеет сведение о сем обществе. Я впоследствии никогда о том с Трубецким не говорил, ибо совершенно забыл о сей „Зеленой лампе“, да и полагаю, что ее общество было весьма незначуще, ибо после того никогда более ничего про нее не было слышно».² Пестель считал «Зеленую лампу» самостоятельным тайным обществом; что касается «вольных обществ», созданных по инициативе Союза Благоденствия, то он категорически утверждал, что хотя «„Зеленую книгу“ было определено основать вольные общества, но ни одно таковое нигде не было основано».³ Кроме Пестеля, о побочных управах и «вольных обществах» спрашивали у Сергея Муравьева-Апостола, который еще меньше знал о деятельности Союза Благоденствия. «Я, — отвечал он 29 марта 1826 года, — уже объяснил Комитету в прежних своих показаниях, что я весьма мало принимал участия в делах Общества, во время существования Союза Благоденствия и потому весьма неясно имею воспоминание о разделе, существовании и управлении управ».⁴ В заключение С. Муравьев-Апостол признавался, что «управ было более на бумаге, чем на деле». «Зеленая лампа» фигурировала в показаниях кн. Трубецкого и Я. Н. Толстого, бывших «лампистов», и некоторые «ламписты» попали в «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ». О бар. А. А. Дельвиге, Д. Н. Боровкове, А. Д. Улыбышеве и А. Г. Родзянко было сказано в «Алфавите», что они принадлежали «к числу членов Общества „Зеленой лампы“, учрежденного Всеволожским и получившего название сие от лампы, висевшей в зале дома Всеволожских, где собирались члены. По изысканию комиссии оказалось, что предметом сего общества было единственно чтение вновь выходящих литературных произведений и что оно

² Восстание декабристов, т. IV, стр. 118.

³ Там же, стр. 139.

⁴ Там же, стр. 327.

уничтожено до 1821 года». С. П. Трубецкой в своих показаниях пытался отвести подозрения Следственной комиссии, он говорил, что «политической цели никакой, сколько мне известно, не было», что «Зеленая лампа» «ни с какими другими обществами сношения не имела». Я. Толстой не отрицал, что на заседаниях «Зеленой лампы» читались республиканские стихи, но тут же оговаривал: «Общество „Зеленой лампы“ не имело никакой политической цели».

Между тем видные члены Союза Благоденствия Я. Н. Толстой, С. П. Трубецкой, А. А. Токарев и Ф. Н. Глинка были своеобразными посланцами тайного общества в «Зеленой лампе». «Зеленая лампа», неразлучно связанная с именем Пушкина, достаточно изучена, и нам остается присоединиться к мнению П. Е. Щеголева, Б. Л. Модзалевского и Б. В. Томашевского. Точка зрения П. В. Анненкова окончательно опровергнута, и сейчас едва ли у кого может возникнуть сомнение в том, что дом Никиты Всеволожского был местом политических сходов. Может быть, и называлось это общество «Зеленой лампой» потому, что в квартире Никиты Всеволожского была лампа с зеленым абажуром, но для понимания его деятельности гораздо важнее, что название «Зеленая лампа» было созвучно «Зеленой книге» — законоположению Союза Благоденствия.

М. В. Нечкина и Б. В. Томашевский полагают, что «Зеленая лампа» была более закрытой, конспиративной организацией, нежели обычное «вольное общество», т. е. фактически «побочной Управой» Союза Благоденствия. Наиболее полная характеристика деятельности «Зеленой лампы» принадлежит покойному Б. В. Томашевскому («„Зеленая лампа“ и Союз Благоденствия», «Основание „Зеленой лампы“», «Состав „Зеленой лампы“», «Занятия „Зеленой лампы“» и т. д.).

«Зеленая лампа» просуществовала около полутора лет (1819—1820). При первой вести о полицейском надзоре было решено прекратить занятия. Я. Н. Толстой, первый председатель «Зеленой лампы», оставил следующее свидетельство: «Однажды член отставной полковник Жадовский объявил Обществу, что правительство <полиция> имеет о нем сведения и что мы подвергаем опасности, не имея дозволения на установление Общества. С сим известием положено было прекратить заседания и с того времени Общество рушилось».⁵ И. Г. Бурцов, ссылаясь на Ф. Н. Глинку, в показаниях 16 января 1826 года уточняет дату роспуска «Зеленой лампы»: «...при исследовании происшествия Семеновского полка», т. е. осенью 1820 года (восстание Семеновского полка произошло 18 октября 1820 года). Таким образом, «Зеле-

⁵ Письмо Я. Н. Толстого напечатано П. Е. Щеголевым в приложении к статье «Зеленая лампа». См.: Из жизни и творчества Пушкина, изд. 3-е, М.—Л., 1931, стр. 62.

ная лампа» была распущена накануне ликвидации Союза Благоденствия.

При изучении влияния декабризма как мощного идеологического движения эпохи исследователи уделяли особое внимание «Зеленой лампе». И это понятно. Среди «лампистов» — великий Пушкин. Напомним, что и в Москве декабристы намеревались открыть свою «Зеленую лампу». В «Записках» М. А. Фонвизина содержится указание, что Союз Благоденствия организовал два литературных общества — одно в Москве, другое в Петербурге, последнее под названием «Зеленая лампа». Говоря о московском Обществе, Фонвизин, очевидно, имел в виду попытку кн. Шаховского «учредить общество литературное из некоторых московских литераторов».⁶ У нас нет оснований утверждать, что общество московских литераторов состоялось, хотя Шаховской и Фонвизин предлагали, как об этом свидетельствует М. А. Дмитриев, «заниматься политическими науками» и издавать свой журнал.⁷ Общество фактически не успело оформиться на новой идейной платформе, и оно не оставило заметного следа в литературно-общественной жизни 20-х годов. О занятиях москвичей мы почти ничего не знаем. Известно только из воспоминаний современников, что предложение Фонвизина и Шаховского не вызвало энтузиазма у литераторов, входивших в «Общество громкого смеха». Старое общество распалось, а новое так и не сформировалось, не превратилось в действующий филиал Союза Благоденствия. М. А. Фонвизин в показаниях следственной комиссии утверждает, что опыт «не удался, ибо после двух собраний они расстались». В. П. Зубков, привлекавшийся по делу декабристов, говорит о том же самом, уточняя цель общества: «Главное упражнение членов состояло в переводе хороших исторических книг и в сочинениях в стихах и в прозе. Вот все, что я могу припомнить об этом об-

⁶ Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. I. СПб., 1905, стр. 187—188. На вопрос, какие «вольные общества» были основаны членами Союза Благоденствия, Фонвизин в показаниях на следственной комиссии сообщил: «Вольных же обществ ни одного мне не было известно да, кажется, ни одного не существовало, кроме опыта, сделанного князем Федором Шаховским, учредить общество литературное из некоторых молодых московских литераторов, который не удался, ибо после двух собраний они расстались» (Восстание декабристов, т. III, стр. 80).

⁷ См. сообщение А. Г. Грумм-Гржимайло и В. В. Сорокина «„Общество громкого смеха“». К истории „Вольного общества Союза Благоденствия“ в сб. «Декабристы в Москве» (Изд. «Московский рабочий», 1963, стр. 143—149). Ю. Г. Оксман в предисловии к этому сборнику замечает: «В публикации А. Г. Грумм-Гржимайло и В. В. Сорокина „Общество громкого смеха“ рассказывается об одном из московских литературных кружков, который Ф. П. Шаховской пытался в 1818 году реорганизовать и подчинить непосредственному контролю Союза Благоденствия на манер петербургской „Зеленой лампы“. Попытка эта не удалась, но история кружка, о котором ранее было известно только по слухам, раскрывается сейчас документально, на основе неизданных воспоминаний М. А. Дмитриева, бывшего члена этой организации».

ществе, которое и тогда сделало на меня малое впечатление».⁸ Наконец, М. А. Дмитриев свидетельствует: «Мне отвечали, что они выбрали председателем князя Шаховского, что было два заседания, что на второе заседание Шаховской пригласил двух посетителей (не членов) — Фонвизина и Муравьева... Гости во время заседания закурили трубки, потом вышли в соседнюю комнату и почему-то шептались, а затем, возвратясь оттуда, стали говорить, что труды такого рода слишком серьезны и прочее и начали давать советы. Шаховской покраснел, члены обиделись, что посторонние вступились учить их: заседание кончилось и больше их не было».⁹

Сама идея создания литературных объединений не декабристам принадлежит. В XVIII и в начале XIX века существовали литературные салоны и «вольные общества». Широкою известностью среди прогрессивных литераторов пользовался «Арзамас». Декабристы учитывают прежние традиции и стремятся подчинить своему влиянию ранее созданные литературные общества. От Н. И. Тургенева и М. Ф. Орлова идет инициатива превращения «Арзамаса» в литературное общество, достойное «распространения идей свободы». В. В. Пугачев, автор содержательных работ о братьях Тургеневых, справедливо видит в лице Н. И. Тургенева одного из крупнейших лидеров раннего декабризма. Вместе с М. Ф. Орловым Николай Тургенев вынашивает план создания тайного общества еще в годы действия Союза Спасения, вернее, накануне его распада. В нашу задачу не входит останавливаться на политических проектах Тургенева. Они достаточно хорошо известны. По В. В. Пугачеву, и «Арзамас» — почти филиал тургеневского тайного общества. «Подводя итоги, — заключает В. В. Пугачев, — мы можем констатировать стремление Н. И. Тургенева и М. Ф. Орлова создать в 1817 году тайное общество, которое через легальные литературно-политические филиалы, поэтов, писателей, журналистов, ученых влияло бы на общественное мнение страны, на господствующий класс и правительство. Организационная структура этого общества была близка к Тугендбунду, предвосхищала структуру и тактику Союза Благоденствия. Тургеневу и Орлову удалось создать ядро тайной организации, они добились влияния в „Арзамасе“, в журнале „Сын отечества“, воздействовали на поэзию А. С. Пушкина и на творчество многих передовых литераторов.

«В обстановке энергичных попыток Н. И. Тургенева и М. Ф. Орлова создать тайное общество под влиянием созданного ими ядра тайной организации и его легального литературного

⁸ Записки В. П. Зубкова. СПб., 1906. Ср.: В. П. Зубков. Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости. Сб. «Декабристы. Тайные общества», М., 1907, стр. 229.

⁹ Сб. «Декабристы в Москве», стр. 148.

филиала — „Арзамас“ и появилась пушкинская „Вольность“». ¹⁰ Влияние Н. И. Тургенева на Пушкина не вызывает сомнений. Знаменитая ода «Вольность» тому блестящее доказательство. Но существовало ли реально тургеневское тайное общество или оно проектировалось, замышлялось? Думаем, что планы Н. И. Тургенева так и не были до конца реализованы: возникший Союз Благоденствия полностью соответствовал намерениям Тургенева и в параллельном существовании двух тайных обществ не было необходимости. В. В. Пугачев осторожно говорит о тайном обществе — «ядро тайного общества». И менее осторожно об «Арзамасе». Фактически «Арзамас» превращается в литературный филиал этого «ядра». Исследователь довольно недвусмысленно дает понять, что в этом филиале состояли В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков, С. С. Уваров. В общем, все старые «арзамасцы» перекочевали в тургеневский филиал, ибо все они выступали ревностными сторонниками реформы и противниками «старины». Даже на реакционного Ф. Ф. Вигеля возлагались некоторые надежды. В. В. Пугачев в данном случае ссылается на письмо Н. И. Тургенева от 27 апреля 1818 года к Сергею Ивановичу, брату своему: «Познакомься с Вигелем. Он один из арзамасцев; человек умный». Не забыто признание и самого Вигеля: «Даже меня самого в это время так и тянуло все к тайным обществам». ¹¹ Ф. Ф. Вигель и тогда, когда его «тянуло» в тайное общество, не отличался либерализмом: «умный человек», но подавал надежды стать ретроградом. Вообще у В. В. Пугачева Н. И. Тургенев слишком неосторожно завязывает политические знакомства и «Арзамас» становится филиалом несуществовавшего тайного общества... Между тем арзамасская история полна трагических переживаний. Михаил Орлов и Николай Тургенев действительно призывали «арзамасцев» избрать цель, достойную «дарования и теплой любви к стране русской». М. Ф. Орлов предлагал значительно расширить число членов и открыть ряд филиалов в провинции. Он же намечал издание журнала, в основе которого лежало бы «истинное свободолобие». Перестроить «Арзамас» на новых началах все же не удалось. Н. И. Тургенев, занося в свой дневник впечатление от первой политической беседы с «арзамасцами», указывал на неспособность последних понять истинную цель: «Они говорят, что любят то же, что и я люблю, но я этой любви не верю; что любишь, того и желать надобно. Они же желают цели, но не желают средств. Все отлагают на время». «Арзамас» распался, но Тургенев не оставил мысли об обществе, цель которого состояла бы в издании журнала и «в рас-

¹⁰ В. В. Пугачев. Предыстория Союза Благоденствия и пушкинская ода «Вольность». В сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 123.

¹¹ Там же, стр. 120.

пространении здравых идей политических». В декабре 1818 года он приступает к созданию «Общества 19-го года и XIX века»; журнал нового общества должен был называться «Россиянином XIX века» или «Архивом политических наук и российской словесности». В письме к С. И. Тургеневу от 24 января 1819 года Николай Иванович сообщал краткий проспект предполагаемого журнала: «Главная цель сего состоит в том, чтобы распространить у нас здравые идеи политические. Для сего составные части журнала будут: политика, политическая экономия, финансы, юриспруденция, история, философия». На организационном собрании Общества присутствовали Н. И. Тургенев, Н. И. Муравьев, И. Г. Бурцов, П. И. Колошин, И. И. Пушкин и Ф. Н. Глинка. Большие надежды Тургенев возлагал на лицейского профессора А. П. Куницына. В числе предполагаемых сотрудников журнала значился Пушкин. Зайдя однажды на квартиру к Тургеневу в тот самый момент, когда там заседал редакционно-подготовительный комитет журнала, Пушкин обратился к И. Пушкину с известными словами: «Как же ты никогда мне не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, это ваше общество в сборе? Я совершенно случайно зашел сюда, гуляя в Летнем саду. Пожалуйста, не секретничай: право, любезный друг, это ни на что не похоже!».¹²

Пушкин принял Вольное журнальное общество за тайное общество. И это было близко к правде: журнал «Россиянин XIX века» предполагалось сделать органом Союза Благоденствия, редакционный комитет состоял из видных деятелей этого Союза. Среди привлеченных членов Коренной управы Союза Благоденствия был Грибовской, оказавшийся предателем. В своем доносе он писал: «Тургенев, дававший главное направление, брался с профессором Куницыным издавать журнал по самой дешевой цене для большего расхода, полагая издержки на счет общества, в котором бы помещать статьи, к цели Общества относящиеся. Содействовать сему обязаны были все члены; так же брались: Чаадаев (испытывавшийся еще для Общества), Кюхельбекер (молодой человек с пылкой головой, воспитанный в Лицее, теперь за границею с Нарышкиным) и другие. В одной из отдаленных деревень кого-либо из членов намеревались завести типографию и как литеры, отлив на старинный шрифт, так и все нужное выписать из-за границы; Глинка и Тургенев полагали успешнейшим чрез находящихся за границею членов литографировать в Париже особенно карикатуры и, ввозя чрез них же, распускать в народе на Толкучем рынке, рассылать в армию и по губерниям».¹³

¹² Неизданные места из записок И. И. Пушкина. «Полярная звезда на 1861 год», кн. 6, Лондон, стр. 110—111.

¹³ Сб. «Декабристы». Отрывки из источников. Составил Ю. Г. Оксман. М.—Л., 1926, стр. 113.

Но и это «вольное общество» фактически не состоялось; после нескольких заседаний (первое состоялось на квартире Тургенева 21 января 1819 года) редакционный комитет прекратил свое существование. А. Н. Шебунин в статье «Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи» объясняет прекращение деятельности Вольного журнального общества занятостью Тургенева в Министерстве финансов и еще тем, что Тургенев «не годился ни для редакторской, ни для сотруднической работы». Более права М. В. Нечкина: «В тот момент (можно сказать, накануне «профессорского процесса», в обстановке бурной деятельности Магницкого и Рунича) невозможно было осуществить задуманное».¹⁴ И все же замысел Союза Благоденствия создать Вольное журнальное общество почти тогда же был реализован, правда, в несколько иной, более легальной форме. Отмечая неудавшуюся попытку Тургенева, А. Н. Шебунин высказывает недоумение и сам же дает, на наш взгляд, вполне убедительное объяснение:

«С другой стороны, нас поражает, что такой присяжный литератор, как Ф. Н. Глинка, также, как мы видели, приглашенный Тургеневым в журнальное общество, не внес ничего в это дело. По-видимому, однако, это объясняется тем, что, убедившись в неспособности организатора предприятия и большинства сотрудников, Глинка охладел к этому делу, тем более что ему представились другие возможности. 16 июня 1819 г. он был избран президентом Вольного общества любителей российской словесности и, отдавшись совершенно работе в этом обществе и редактируя его журнал, он сумел сделать последний действительным органом пропаганды».¹⁵

Но именно Федор Глинка, прежде чем стать президентом «ученой республики», создает своеобразное «журнальное общество» в «Сыне отечества». Об этом эпизоде следует рассказать более подробно, так как за Глинкой фактически стоял Союз Спасения. Оказывается, что и Союз Спасения не проходил мимо литературы и журналистики, общественного мнения. Несправедливо характеризовать Союз Спасения как только заговорщическую организацию, противопоставлять его Союзу Благоденствия. Существовало множество связей между первым и вторым тайными обществами. Декабристскую литературную летопись следует начинать с Союза Спасения.

2

Прежде чем дать характеристику Вольного общества любителей российской словесности под председательством Глинки, мы считаем необходимым вернуться к достаточно изученному Воль-

¹⁴ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 249.

¹⁵ А. Н. Шебунин. Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи. В кн.: Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, стр. 75—76.

ному обществу любителей словесности, наук и художеств. Обычно историю этого общества подразделяют на три периода. Первый период «представляет собой наибольший социально-политический и историко-литературный интерес. Именно в эти годы Общество является гнездом „радищевцев“, своего рода подпольным центром буржуазно-демократической оппозиции в современной литературе и публицистике». Второй период (1808—1812) — период постепенного умирания, когда руководство объединением переходит к «благонамеренным» писателям «карамзинской ориентации». И, наконец, третий период (1816—1826) — «это, по существу, уже новое общество («Измайловское» — по имени своего руководителя, или «Михайловское» — по месту своих собраний в Михайловском замке), сохранившее от прежнего общества одно лишь название». Измайловское общество, по словам В. Н. Орлова, «просуществовало около десяти лет, пользуясь репутацией архаического объединения третьеразрядных литераторов-дилетантов и не оставив сколько-нибудь заметного следа в литературной жизни десятих-двадцатых годов».¹⁶ Мнение В. Н. Орлова находит подтверждение в рассказе Колюпанова, который, ссылаясь на слова А. Е. Измайлова, уверяет, что это общество «не могло от своего лица предпринять никакого серьезного и оставляющего прочный след в литературе труда, так как члены его отвлечены были служебными занятиями и собственными делами». Замечание Колюпанова справедливо в отношении тех членов общества, которые группировались вокруг Измайлова и постоянно сотрудничали в «Благонамеренном», образуя постепенно оппозицию декабристскому движению в литературе. Но кроме этой правой группы писателей (Б. Федоров, Д. Воронов, В. Панаев, П. Яковлев, В. Каразин, И. Лобойко, А. Е. Измайлов, который являлся бессменным председателем Общества), в Михайловское общество входили крупнейшие поэты 10—20-х годов и будущие декабристы. Достаточно сказать, что в это общество в 1817 году были приняты Крылов, Жуковский, Батюшков, Дельвиг, в 1818 году — Баратынский и Пушкин, чтобы не считать «михайловцев» третьеразрядными писателями. Не менее показателен тот список членов, который демонстрирует декабристский состав Общества. На одном из первых заседаний, 14 декабря 1816 года, по предложению Греча был принят в действительные члены Общества Глинка, тогда уже член Союза Спасения; через неделю, 28 декабря того же года, Глинка избирается в члены предполагаемого Цензурного коми-

¹⁶ В. Н. Орлов. История Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В сб. «Поэты-радищевцы», Изд. «Советский писатель», М., 1935 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 91.—158. В. Н. Орлов не ставил своей задачей проследить всю историю Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Его статья в указанном сборнике и его известное исследование «Русские просветители 1790—1800 гг.» (М., 1950) посвящены наиболее значительному этапу в жизни этого общества, когда в нем сотрудничали Борн, Пнин и Попугаев.

тета.¹⁷ В ближайшие два года членами Общества становятся: Ф. П. Толстой (7 июня 1817 года), В. К. Кюхельбекер (11 октября 1817 года), А. Ф. Раевский, брат Владимира Раевского (15 ноября 1817 года), Орест Сомов (30 мая 1818 года), А. С. Пушкин (25 июня 1818 года), Петр Ник. Семенов (5 сентября 1818 года). Из отчетов Общества, хранящихся в архиве Ленинградского государственного университета, можно заключить, что Глинка, Кюхельбекер и Сомов, начиная с 1817 гдоа, активно сотрудничали в Михайловском обществе и редкое заседание проходило без чтения их произведений.

При изучении Вольного общества любителей словесности, наук и художеств необходимо учитывать издательскую деятельность этого общества. Обычно считают официальным органом Михайловского общества журнал «Благонамеренный», а «михайловцами» называют главных поставщиков стихотворных безделушек — В. Панаева, А. Родзянко, В. Орлова и многих других третьеразрядных поэтов. Более справедливо стихотворцев, заполнявших страницы «Благонамеренного» бесчисленными шарадами, эпитафиями, ононимами и акростихами, называть «измайловцами». В «Биографии А. И. Кошелева» Колюпанов дает справедливую характеристику «Благонамеренного»:

«Складом упражнений всех этих забытых и совершенно лишенных таланта поэтов был „Благонамеренный“. Более крупные таланты того времени принимали в нем очень незначительное участие: Пушкин поместил два незначительных стихотворения («Надпись к портрету Жуковского» и «Молдавскую песню»), и журнал перепечатал отрывок из напечатанного уже отдельно „Кавказского пленника“; помещал в 1819 и 1820 годах четыре свои стихотворения Баратынский, но затем совсем отстранился; встречается по одному и по несколько стихотворений бар. Дельвига, Д. Давыдова, Загоскина, Козлова, Милонова (сравнительно более), Ф. Глинки, С. Глинки, Туманского, Плетнева, Бестужева (Марлинского), Рылеева, Кюхельбекера и Языкова... Зато запас второстепенных поэтов неистощим».¹⁸

«Благонамеренный» был официальным органом правого крыла Михайловского общества. Левые «михайловцы» считали своими журналами «Соревнователь» и «Сын отечества». По первоначальному замыслу «Сын отечества» должен был стать официальным органом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. На первом заседании Общества, состоявшемся 14 декабря

¹⁷ На заседании 14 декабря 1816 года присутствовали А. Е. Измайлов, А. С. Бирюков, В. И. Сазонович, Н. И. Хмельницкий, Б. И. Федоров, А. Х. Востоков, А. И. Иванов и Н. И. Греч (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 18, № 10/368, «Дело касательно издания журнала „Сына отечества“ от Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» на 21 л. (начато 14 декабря 1816 г. Кончено 1 марта 1817 г.)).

¹⁸ Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. 1. М., 1889, стр. 532.

1816 года, был избран Цензурный комитет, которому поручалось редактирование журнала. В Цензурный комитет, между прочим, входил и Федор Глинка. Издание «Сына отечества» от лица Вольного общества не было разрешено, и Н. И. Гречу пришлось издавать журнал от своего имени. На титульном листе «Сына отечества» не указывалось, что журнал основан Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств, а по существу журнал Греча в 1816—1819 годах являлся коллективным изданием, органом левых «михайловцев».¹⁹

По словам Вигеля, «жиденькие книжки» этого журнала были наполнены «выразительными, даже бешеными статьями».²⁰

Особенно следует отметить статьи и стихотворения Федора Глинки, который являлся негласным представителем в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств и в «Сыне отечества» Союза Спасения, а потом и Союза Благоденствия. В 1819 году он откликнулся рецензией на «Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева («Сын отечества», ч. 58, стр. 225—231); его перу принадлежит «Подробный отчет о приятном вечере в обществе просвещенных людей», появившийся в 45-й части «Сына отечества» за подписью «Ф. Г.». Отчет о речи бывшего арзамасца С. С. Уварова при открытии кафедры восточных языков в педагогическом институте 22 марта 1818 года напечатан в «Сыне отечества» в двух вариантах, в изложении Глинки и Куницына.²¹ Знакомясь с речью президента Академии по записи Глинки, нельзя не подивиться, что гр. Уваров произносил столь либеральные речи. Н. И. Греч, вспоминая в «Записках о моей жизни» об «ультралиберальной речи», замечает, что гр. Уваров за такую речь «впоследствии сам себя посадил бы в крепость».²² Если о речи Уварова судить по отчету Глинки (вероятно, Греч читал этот отчет), то можно, пожалуй, сказать, что за такие речи не жаловали ни при Александре I, ни впоследствии. В изложении проф. Куницына либеральная речь гр. Уварова выглядит более умеренной, нежели в интерпретации Глинки. Исследователю в данном случае не приходится гадать, кто (Куницын или Глинка) был ближе к подлиннику. Речь гр. Уварова в 1818 году была издана отдельной книжкой, и поэтому имеется полная возможность сравнить оригинал с авторизованной записью Глинки. Мы вы-

¹⁹ См. характеристику «Сына отечества» в статье Н. М. Михайловской «Журнал „Сын отечества“ периода Отечественной войны и становления декабризма (1812—1818 гг.)» («Ученые записки Удмуртского гос. пединститута», вып. 10, Ижевск, 1956, стр. 57—83).

²⁰ Ф. Ф. В и г е л ь. Записки, т. IV. М., 1892, стр. 80.

²¹ Отчет проф. Куницына («Рассмотрение речи г. президента Академии наук и попечителя С.-Петербургского учебного округа, произнесенной им в публичном торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 года») в «Сыне отечества» (1818, ч. 46, XXIII, стр. 136—146; № XXIV, стр. 174—191).

²² Н. И. Г р е ч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 365.

деляем из речи Уварова те самые места, которые обратили внимание Глинки. Они касаются характеристики древней Греции и Рима, эпохи феодализма и определения человеческой свободы вообще. Параллельно отрывкам из речи мы приводим соответствующие выдержки из конспекта Глинки.

Из речи Уварова: «Сравнение форм древних правительств с нынешними весьма ложно; политическое образование древних колебалось между самовластием и безначалием. Все другие оттенки им чужды. Мир древних делился на две неравные между собою части: с одной стороны, свободнорожденные, с другой — рабы. Право свободных над рабами, основанное на состоянии военнопленных, имело у древних ужасное, в наше время к счастью неизвестное, пространство... В древнем мире рабы не почитались горестными жертвами строгой судьбы. Древние видели в них особый род людей, природою на вечное рабство осужденный, издавна лишенный не только всех своих прав, но даже всех способностей ими когда-либо пользоваться».²³

В отчете Глинки: «В Греции и Риме, в странах, хвалящихся счастьем свободы, большая половина народов стонала под игом жесточайшего рабства. Все граждане тех стран состояли из свободнорожденных и рабов. Тогдашний плен значил вечную неволю. В течение многих столетий глубокие стоны рабства мешались с песнями свободы. Большая половина человечества, орошая слезами вековые оковы свои, иногда позлащаемые хитрыми тиранами, ожидала восстановителя сбших человечеству прав».²⁴

Уваров считает, что «буйный дух греческих республик всегда увлекался страстями и первыми впечатлениями», поэтому «сравнение древних правительств с нынешними весьма ложно». Глинка не отрицает великого примера. Указывая на несовершенство гражданской свободы в древней Греции и Риме, где половина народа «стонала под игом жесточайшего рабства», он одновременно напоминает о «песнях свободы» и «высоком учении», которому «представлено было сокрушить оковы рабов, сломить высокий рок тиранов». Все рассуждение Глинки о Греции и Риме построено на контрастных выражениях: «песни свободы» и «жесточайшее рабство», «вековые оковы» и «счастье свободы», «хитрые тираны» и «граждане». Фразеологическая окраска публицистической заметки Глинки настолько типична, что из ее отдельных выражений можно составить небольшую гражданскую оду: «сокрушить оковы рабов», «сломить высокий рок тиранов», «гнетомые игом рабства», «нерушимость прав народных», «звук оков», «вели-

²³ Речь президента имп. Академии, попечителя С.-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 г. СПб., 1818, стр. 31—32.

²⁴ «Сын отечества», 1818, ч. 45, № XIII, стр. 29.

чественная свобода», «гражданская свобода человека», «колыбель свободы», «священные права», «сильный» и «слабый», «притеснитель» и «угнетенные». Излагая содержание речи Уварова, Глинка одновременно и полемизирует с ней. Уваров приходит к заключению, что под тенью феодальных отношений возросла «свобода Европы». Глинка не отрицает, что феодальная система служила «переходом к другому, совершеннейшему составу государств», но тут же добавляет, что при феодализме «существовало только право сильного» и «цари всё еще заботились о собственном только благе». «Все капиталы, как и естественно, были тогда, — замечает Глинка, — на стороне владельцев земель и, следовательно, большие богатства в немногих руках. Употреблялись богатства сии двояко: их издерживали или на построение замков, которые справедливо могут назваться гнездами самовластия и гордости, или на устроение великолепнейших пиров, блеском которых богачи старались придать блеск своему ничтожеству и закрыть бедность им подвластных».²⁵ Ничего подобного не сказано в речи Уварова.

Думаем, что Глинка здесь явно перепутал благонамеренную лекцию президента Академии с трактатами просветителей XVIII века. Еще вернее, он воспользовался выступлением гр. Уварова для того, чтобы прославить античную гражданственность. В либеральную речь Уварова член Союза Благоденствия внес много дополнений и разъяснений. Уваров, например, говорил, что «должно освободить прежде душу, а там уже помышлять об освобождении тела». Делая вид, что излагает речь Уварова, Глинка дает свое определение свободы: «Свобода есть высшее благо человека». Уваров предупреждал далее, что свободой следует пользоваться очень осторожно, что «политические общества не скоро созревают»: «Сколько пропавших мореплавателей прежде Колумба! Сколько неудачных опытов прежде английской конституции! Политическая свобода не есть состояние мечтательного благополучия, до которого бы можно было достигнуть без труда. Политическая свобода, по словам знаменитого оратора нашего века (лорда Ерскина), есть последний и прекраснейший дар бога, но сей дар приобретается медленно, сохраняется неусыпную твердостью; он сопряжен с большими жертвами, с большими утратами».²⁶ Глинка в своем отчете приводит эту выписку из речи Уварова и сопровождает ее следующим замечанием: «Оратор говорит с редким красноречием о том, когда и для кого прилична и спасительна свобода... Тут говорил он много и очень хорошо. Можно сказать о сем и короче. Свободу или все права человека в сложности должно давать только человекам». Здесь прерывается речь Уварова, и Глинка от похвал переходит к собствен-

²⁵ Там же, стр. 30.

²⁶ Речь президента имп. Академии... стр. 41—42.

ным замечаниям. Глинка соглашается, что во всяких «нововведениях надлежит соблюдать строжайшую постепенность», что следует принимать во внимание «готовность народа», его зрелость и возраст, иначе «излишняя торопливость может испортить все дело». «Но по чему можно судить о готовности народа? По его возрасту. И народ, как и всякий человек, имеет свои возрасты. Что прилично было детям, то несомненно уже мужам. Возвратить народ, возмужавший опытами, в состояние детства, не значит ли то же, что взрослого юношу положить в колыбель? Азиатские деспоты поступают с подвластными, как древний Прокруст со своими жертвами: отсекают им ноги, когда они выходят из урочной меры, желая через то удерживать вечно народы свои в колыбели! Дело невозможное, ибо ум и дух человеческий стремятся непрерывно от ничтожества к цели совершенства. Правители мудрые смотрят на силы и зрелость народа и с отеческою нежностью способствуют ему к переходу из одного возраста в другой».²⁷

В Вольном обществе словесности, наук и художеств были впервые оглашены гражданские стихотворения Глинки, Рылеева и А. Бестужева. На собрании 11 октября 1817 года, когда Кюхельбекер принимался в действительные члены, Глинка читал стихотворения «Осеннее чувство», «Совет юноше», «Опыты двух трагических явлений» и басню «Пруд и капли».²⁸

Полагаем, что выступление Глинки в Вольном обществе словесности, наук и художеств с «Опытами двух трагических явлений» было продиктовано его принадлежностью к тайному обществу и выражало те самые идеи, за которые решили бороться истинные и верные сыны отечества. В 1818 году «Опыты двух трагических явлений» появились в «Сыне отечества» с довольно любопытным примечанием автора: «Вместо имен действующих лиц поставлены здесь нумера, ибо отрывок сей (два явления) не принадлежит ни к какому целому, а написан только для опыта, чтобы узнать, могут ли стихи такой меры заменить александрийские и монотонию рифмы, которая едва ли свойственна языку страстей». В этом примечании, главное назначение которого — усыпить бдительность цензора, выразилось еще и то обстоятельство, что Глинка страстно искал новой формы для

²⁷ «Сын отечества», 1818, ч. 45, стр. 33.

²⁸ В стихотворении «Совет юноше» Глинка обращался к Кюхельбекеру. Стихотворное обращение составляет часть письма Глинки к В. К. Кюхельбекеру, напечатанного без указания даты в «Сборнике старинных бумаг» П. И. Щукина (ч. 8, М., 1901). «Я всегда люблю беседовать, — признавался Глинка, — хотя заочно, на бумаге, с умными и добрыми людьми. Но тем более для меня приятна беседа с молодым человеком, у которого изощрение ума не преступило чувств и сердца, у которого душа нова и светла, ибо не страдала еще в губительном пламени страстей и не томилась в глубоком мраке предрассудков, которым покоряется несчастное человечество. Этот молодой человек — Вы! Берегите ж, о, берегите доброту сердца, непорочность нравов, свежесть мечтаний и самую даже прелесть неопытности» (стр. 247).

Воздвигнем вольности низверженный оltарь
И Рима истыми прославимся сынами,
Ярем его сломив отважными руками.
Искать ли случая? но завтра он готов:
Он в Капитолии чтит жертвами богов,
И сам падет, от нас на жертву принесенный. . .

Действительно, этот монолог, опубликованный в качестве отдельного стихотворения вскоре после того, как в Союзе Спасения обсуждался вопрос о цареубийстве, «был вполне актуальным и совершенно конкретным произведением русской политической поэзии 20-х годов, конкретным вплоть до деталей: как известно, декабрист И. Д. Якушкин вызвался убить Александра I во время богослужения в Успенском соборе».²⁹ Знаменательно, что в 1817 году в квартире Н. И. Тургенева Пушкин читал свою оду «Вольность», полную тираноборческого пафоса и вполне злободневных ассоциаций.

Почти одновременно с «Опытами двух трагических явлений» Глинка в «Сыне отечества» (1818) напечатал «Отрывок из Фарсалии». Снова поэт предупреждает, что он не преследует никаких политических целей: «Мне желательно только знать, может ли предлагаемый здесь размер быть не единственным, но и одним из размеров, способных для трагедии». На деле и это стихотворение наполнено декабристскими идеями, само обращение к теме борьбы республиканца Катона-младшего с Цезарем доказывает, что стихотворение писалось с декабристскими целями. Под предлогом демонстрации «одного из размеров, способных для трагедии», читателям предлагали стихи, передававшие эмоционально насыщенную патетическую речь гражданина:

Итак, мы решились: нам кесарь не царь!
Бежим, но со славою! Не смерти боясь,
К свободе, как к другу, от рабства бежим!

По своей политической направленности эти стихи тоже имеют прямое отношение к первым опытам декабристской поэзии. Три десятка строк из монолога Катона вмещают в себя такие слова и выражения, которые войдут в арсенал декабристской поэтической речи: «рабство», «свобода», «сыны», «отчизна», «родной край», «стонут народы», «цепями звуча», «позорный сей плен», «свободных римлян», «тяжелый ярем», «рабы» и т. д. За античным сюжетом здесь скрывались реальные замыслы и настроения участников Союза Спасения, увидевших свой «родной край» в цепях и рабстве. Впоследствии Рылеев в своих гражданских стихотворениях использует античные имена и костюмы для выражения

²⁹ В. Н. Орлов. П. А. Катенин. В кн.: История русской литературы, т. VI. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 55.

тех же декабристских настроений. В «Отрывках из Фарсалии» можно уловить некоторую связь с «Исповедью Наливайки» Рылеева, которая была написана гораздо позднее. Гражданский герой в стихотворении Глинки выражает непоколебимую решимость идти до конца по избранному пути, несмотря на то что этот путь опасен и труден. В действительности Глинка не перевел из «Фарсалии», а написал декабристскую речь — клятву верности. В этом стихотворении заключены основные правила личного поведения общественного борца, своеобразная «памятка», которой гражданин должен придерживаться в своей жизни, в своих поступках и действиях:

Будь честен и правду люби всей душой,
Страшись преступленья, но бед не страшись!
С правдивой душой будь тверд, как гранит,
Под громом, при гневе кипящих людей!

Таким должно быть поведение истинного гражданина, обрекающего себя на борьбу с крепостничеством и самодержавием. Поэтические речи призывали к мужеству, они были направлены против слабых и малодушных.³⁰

Сама мысль о большой самобытной литературе героического стиля, возникшая в годы Отечественной войны, нашла наибольшее распространение на страницах «Сына отечества». Едва ли не самым значительным документом передовой журналистики, ставившей вопрос о необходимости борьбы за самобытную литературу, являются статьи Федора Глинки, в частности его рассуждение «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года», появившееся в 1816 году в «Сыне отечества» (ч. 26, стр. 138—162). Характеристика русского народа в статье Глинки сопровождается следующим патетическим восклицанием: «О, народ мужественный, народ знаменитый! Сохрани навеки сию чистоту во нравах, сие величие в духе, жаркую любовь ко холодной родине своей! будь вечно русским, как был, и будешь в народе первым!». Вольное общество не случайно называлось Обществом словесности, наук и художеств. В трактате Глинки речь шла и об исторической науке, и о художественной словесности. Слог «исторического повествования» должен быть исполнен «важности, силы и ясности». «Слог грека Фукидида, римлянина Тацита и нового Тацита Иоанна Миллера без сомнения послужит образцом. Но отнюдь не должно упускать из вида и древнего славянина Нестора, которого рукою водила сама истина: должно напоить перо и сердце свое умом и духом драгоценнейших остатков древних рукописей наших». Слог должен быть «чист, ясен и понятен», понятен «не для одних ученых, не для одних военных, но для вся-

³⁰ См.: В. Б а з а н о в. Очерки декабристской литературы. Поэзия. ГИХЛ, М.—Л., 1961, стр. 63—66.

кого состояния, ибо все состояния участвовали в славе войны и в свободе Отечества». Проблему самобытного слога в «историческом повествовании» и в художественной литературе можно разрешить, опираясь на летописи, народные предания и песни. Должно «вслушиваться в старинные русские песни» и «разные местные наречия», в которых несомненно найдется «много любопытного и для нас теперь еще нового».

Учитывая опыт Отечественной войны, члены Союза Спасения (Федор Глинка и Н. Муравьев в «Жизнеописании Суворова») с энтузиазмом писали о важности создания самобытной героической литературы, отражающей национальный характер русского народа и его историю. В художественном творчестве ранних поэтов-декабристов эта идея была в какой-то степени реализована. Выступление Катенина с балладой «Ольга» — лишнее доказательство единства идейно-эстетических позиций декабристских литераторов в «Сыне отечества». Катенинская баллада «Ольга» была прямым вызовом Жуковскому. Катенин по-своему перевел «Ленору» Бюргера — отлично от «Людмилы» Жуковского, полемически заострив свой перевод. Катенин не чуждался просторечья и даже грубых выражений; он «вздумал показать Ленору в энергической красоте ее первобытного сознания», — так об «Ольге» отзывался много лет спустя Пушкин, назвав балладу «замечательным произведением». Баллада Катенина вызвала ожесточенный спор. Грибоедов выступил в защиту «Ольги». «Бог с ними, — писал он в 1816 году в «Сыне отечества» (ч. 31), — с мечтателями; ныне в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтания, а природы ни на волос». Особенно понравились Грибоедову в «Ольге» те строки, где «питическая простота» соединилась с изображением сильных драматических переживаний:

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала;
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.

Обозревая «Сын отечества» за 1816—1817 гг. и принимая во внимание роль Федора Глинки в Вольном обществе словесности, наук и художеств, можно с уверенностью говорить, что и Союз Спасения не был безучастным к судьбам журналистики, что Союз Благоденствия продолжает ту линию, которая была намечена более ранним тайным обществом.

Декабристы не только печатали свои статьи в «Сыне отечества», но и использовали журнал для информации об ученой дружине, собиравшейся в Петербурге на квартире академика

К. Ф. Германа изучать политическую экономию и социальную философию. «Зимой с 1816 на 1817 год слушал я, — признавался Пестель в своих показаниях во время следствия, — курс политических наук у профессора и академика Германа в его квартире на Васильевском острове». Вместе с Пестелем лекции Германа слушали еще 20 офицеров, в том числе Никита Муравьев, Сергей Трубецкой, Илья Долгооруков, Федор Глинка и др. В 9-м номере «Сына отечества» за 1818 год был опубликован краткий конспект первой лекции проф. Германа на тему «Взгляд на историю политических наук». В примечании к своему конспекту Глинка сообщал: «В короткое время более 20 по большей части военных людей явились к профессору. Весьма любопытно и очень приятно видеть питомцев Марса, щедро украшенных ранами и знаками отличия, скромно сидящих за круглым столом и прилежно слушающих умного человека. Почтенный г. Герман говорит весьма умно. В прошлом году прочитаны три системы политической экономии; ныне читаются финансы. Предлагаю для образца первый урок в таком виде, как успел записать оный со слов профессора».³¹ Профессор Герман касался в своих лекциях актуальных вопросов современности и научно обосновывал необходимость борьбы за конституционные порядки. Он, например, предлагал слушателям следующие вопросы: «Как жили предки наши в сем обществе? Чем пользовались или чем бы должны были пользоваться в оном? Почему общество сие имеет такой, а не другой вид, кто и для каких причин дал ему вид сей, и не приличнее ли для счастья его был какой-либо иной?». Из этих вопросов неминуемо проистекал следующий: «Отколе родились власти, и почему все покорилось нескольким или одному? Вот начало общественного договора».³² Изучение курса политической экономии входило в программу научных занятий декабристов, составляя ее важнейший раздел. Знакомство с теорией меркантилистов и физиократов, по словам Н. И. Тургенева, невольно воспитывало чувство ненависти к «насилию» и приучало «любить правоту, свободу, уважать класс земледельцев, — столь достойный уважения сограждан и особенной попечительности правительства».³³ После роспуска Союза Спасения в Вольном обществе словесности, наук и художеств продолжают сотрудничать декабристские литераторы. Эту преемственность между Союзом Спасения и Союзом Благоденствия, а потом и Северным обществом нужно иметь всегда в виду. Борьба за декабристское литературное общество («ученую республику») имеет свою продолжительную историю. Союз Благоденствия сначала ориентируется на Вольное общество словесности, наук и художеств. В этом обществе мы видим и бу-

³¹ «Сын отечества», 1818, ч. 44, стр. 97.

³² Там же, стр. 103—104.

³³ Н. И. Тургенев. Опыт теории налогов. СПб., 1818, стр. VI.

дущих крупнейших деятелей Северного общества: Рылеева, Александра Бестужева и Кюхельбекера. Федор Глинка и Николай Тургенев в ту пору уже являются видными политическими деятелями, и от них многое зависит в литературно-общественной жизни, в подготовке необходимых кадров. В «Сыне отечества» продолжают появляться «бешенные» статьи, отпугивавшие реакционного Вигеля. Напомним хотя бы статью проф. Куницына «О состоянии иностранных крестьян» («Сын отечества», 1818, ч. 45), направленную против некоего Правдина из «Духа журналов» с его попыткой оправдать крепостное право в России. Появление этой статьи на страницах «Сына отечества» Коллюпанов почему-то считает случайным эпизодом в деятельности журнала, следствием «личных отношений» издателя и автора. На самом деле статья о крестьянах отражала мнение «Сына отечества», была написана едва ли не по специальному заданию Союза Благоденствия. Автор не подписал под статьей своей фамилии, что дало основание петербургским и московским реакционерам приписать ее Н. И. Тургеневу. «Ее писал один мой приятель и по моей просьбе, — признавался Н. И. Тургенев в письме к С. И. Тургеневу от 29 мая 1818 года, — но не я сам, как думает здешняя и московская публика. Хамы меня бранят. Порядочные люди говорят спасибо; хотя первых и более. Автор не хочет быть известным. А я говорю, что хотя и не писал статью, но разделяю мысли сочинителя».³⁴ Это признание Тургенева очень важно для понимания идейных взаимоотношений между «Сыном отечества» и Союзом Благоденствия.

Если Правдин в «Духе журналов» (1817, ч. 21, стр. 344) утверждал, что русские крестьяне «гораздо счастливее иностранных», то Куницын в «Сыне отечества» доказывал, что «свобода для иностранного крестьянина есть слово не пустое, но имеющее вещественное значение».³⁵ Назвав автора статьи в «Сыне отечества» «самозванным политиком», пытающимся поправлять «здание государства», реакционный «Дух журналов» без всякого стеснения писал, что «у нас не только нет рабства на самом деле, но даже и слова сего».³⁶ Статья Куницына, как и его рецензия на «Опыт теории налогов» Н. Тургенева, не составляют в «Сыне отечества» редкого исключения. Тогда же на страницах журнала появились антикрепостническая статья «О нынешнем нравственном и физическом состоянии лифляндских и эстляндских крестьян» А. Бестужева (перевод из Брея не был закончен по цензурным условиям) и статья неизвестного автора под названием «Наблюдения в отечестве» (возможно, что автором этого «Письма к издателю» был Н. И. Тургенев). В «Письме к изда-

³⁴ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату, стр. 261.

³⁵ «Сын отечества», 1818, ч. 44, № 17, стр. 165.

³⁶ «Дух журналов», 1818, ч. 26, стр. 95.

телю» пропагандировалась идея декабристского народолюбия. Отмечались «добрые качества» простого народа и «теперешнее его положение»: народ «заслуживает внимания, любви и привязанности своих просвещенных и благородных соотечественников».³⁷

Важно, что в Вольном обществе словесности, наук и художеств впервые прозвучала знаменитая сатира Рылеева. В 1820 году бар. Дельвиг читал на одном из собраний этого общества стихотворение «К временщику»; А. Бестужев выступал со своими стихами, тоже обличительными, — «К некоторым поэтам» и «Подражание первой сатире Буало».³⁸ Здесь же мы видим Пушкина. Пушкин, по неполным данным, два раза присутствовал на заседаниях Общества: 8 августа и 19 сентября 1818 года. Об участии Пушкина на заседаниях Вольного общества словесности, наук и художеств говорится в заметке И. Кубасова («Русская старина», 1899, № 5, стр. 471—474). В дополнение к материалам, опубликованным Кубасовым, скажем, что привлечение Пушкина в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств составляло одну из главных задач Глинки и Кюхельбекера. За два месяца до избрания Пушкина членом Общества, 25 апреля 1818 года, Кюхельбекер в публичном собрании обратился с посланием «К Пушкину» («Счастлив, о Пушкин, кому высокою душу природа...»). В присутствии Пушкина 8 августа Кюхельбекер читал «Послание к Д. и П.», а Дельвиг — «Разговор с гением».

В Вольном обществе словесности, наук и художеств не была «забыта конституция». В. Н. Каразин, поссорившись с «соревнователями» в Вольном обществе любителей российской словесности, продолжал посещать собрания «михайловцев» и после возвращения из Михайловского дворца с разочарованием замечал, что и в этом «вольном обществе» некоторые члены называют себя заговорщиками. 24 ноября 1820 года в своем «Дневнике» Каразин сделал очередную запись:

«Вчера в экстренном собрании Михайловского общества любителей словесности, когда после заседания пошли наверх, чтобы осмотреть, где быть публичному собранию 26 сего месяца, многие заметили между собой, что этот ход толпы по коридорам и лестницам дворца с фонарями имеет вид заговора, называли себя *conjures* и говорили много непристойного. Не была забыта и конституция... Словом, уродливый сей дух распространяется день ото дня более». Продолжая свою запись, Каразин ссылается на слова Н. Ф. Остолопова: «Не забыть о слышанном за несколько

³⁷ «Сын отечества», 1818, ч. 49, № 42, стр. 149.

³⁸ Стихотворение А. Бестужева «К некоторым поэтам» за подписью «А. Ма...й» и с пометкой «Читано в собрании С.-Петербургского общества любителей словесности, наук и художеств 8 апреля» напечатано в «Благонамеренном» (1820, апрель, стр. 57). «Подражание первой сатире Буало» было впервые опубликовано Б. С. Мейлахом в сб. «Литературный архив» (Изд. АН СССР, М—Л., 1938).

дней от Ник. Фед. Остолопова, что человек с 12 офицеров собрались в ресторации, переходя за обедом из рассуждения в рассуждение, наконец пили за российскую конституцию...»³⁹

3

Если «Сын отечества» предоставлял свои страницы для программных декабристских статей и стихотворений, то этого нельзя сказать о «Благонамеренном». Название «Благонамеренного» полностью отвечало направлению журнала. «Сын отечества» и «Благонамеренный» — два враждующих лагеря внутри первого «вольного общества». В скором времени произойдет полный раскол. Правые из «Благонамеренного» вытеснят левых из «Сына отечества» и захватят литературную организацию в свои руки. С 1820 года начинается своеобразный обмен членами. Левые постепенно переходят из общества Измайлова в Вольное общество любителей российской словесности, и, наоборот, правые из Общества соревнователей переключиваются в Вольное общество словесности, наук и художеств. Глинка, А. Бестужев, Кюхельбекер, Сомов, Никитин и Плетнев все реже и реже посещают общество «измайловцев». Достаточно, например, привести следующие данные посещаемости за 1820 год членами Вольного общества любителей словесности, наук и художеств:

Измайлов	34	раза	Глинка	3	раза
Федоров	24	»	Кюхельбекер	4	»
Цертелев	21	»	А. Бестужев	4	»
Остолопов	12	»	Никитин	4	»
Сомов	16	»			

За весь 1821 год Глинка посетил одно собрание Измайловского общества. В списке присутствующих на собраниях 1823 года Глинка и Бестужевы вовсе отсутствуют, Дельвиг и Плетнев посетили по одному разу, тогда как Измайлов председательствовал на 25 заседаниях. На четырех собраниях 1823 года присутствовал Рылеев, но он только в этом году был избран членом Измайловского общества и как вновь принятый обязан был посетить хотя бы несколько заседаний. На самом же деле Рылеев целиком отдается Вольному обществу любителей российской словесности.

Среди многочисленных поэтических безделушек в «Благонамеренном» иногда появляются стихотворения гражданского содержания (например, «Песнь о Богдане Хмельницком, освободителе Малороссии» Ореста Сомова, опубликованная в этом журнале в 1821 году), но они составляют редкое исключение. Остальные стихотворения Сомова, помещенные в «Благонамеренном», мало

³⁹ Дневные записки В. Н. Каразина. Копия «Записок» хранится среди бумаг собств. е. и. в. канцелярии (ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 245) (в дальнейшем: Дневные записки...).

отличаются от стихотворений других измайловцев, воспевающих «сердечко на золотой цепочке». В журнале Измайлова Сомов помещал шарады, каламбуры, буриме и прочую альбомную мелочь, а в «Соревнователе просвещения и благотворения» он печатал свои наиболее значительные произведения. То же самое можно сказать о В. Н. Григорьеве, который в «Благонамеренном» выступал с переводами из Ламартина и Клопштока и с очень вялыми элегическими романсами, а в «Соревнователе» печатал свои лучшие стихотворения на темы иудейского плена и подражания Байрону. Заслуживает внимания замечание И. Кубасова о Пушкине: «Отчуждение Пушкина от общества Измайлова и предпочтение этому обществу другого, именно Вольного общества любителей российской словесности, заметно еще в 1819 году, когда он счел за лучшее печататься в „Соревнователе просвещения и благотворения“». ⁴⁰ Следует указать, что Пушкин официально не состоял членом Вольного общества любителей российской словесности, но вся деятельность «ученой республики» неразрывно связана с именем Пушкина. П. А. Плетнев сказал однажды Глинке, председателю Вольного общества любителей российской словесности, что «следовало бы избрать и Пушкина»; Глинка ответил: «Овцы стадаются, а лев ходит один». ⁴¹

⁴⁰ «Русская старина», 1899, № 5, стр. 474.

⁴¹ Я. Грот. Переписка Евгения с гр. Хвостовым. «Сборник Отделения русского языка и словесности», т. V, вып. 1, СПб., 1868, стр. 184.

Г л а в а т р е т ь я

ЛОЖА «ИЗБРАННОГО МИХАИЛА»

1

Было и другое «вольное общество» и тоже Михайловское (ложе «Избранного Михаила»), совсем близко стоявшее к Вольному обществу любителей российской словесности, действовавшее на поприще человеколюбия, но под масонским покрывалом.

Ортодоксальное масонство всегда являлось выражением общественной реакции в умственной жизни. Точку зрения русских масонов первой четверти XIX века прекрасно выразил И. В. Лопухин, который в «Катехизисе истинных франкмасонов» предупреждал, что каждый масон непременно должен «царя чтить» и «повиноваться ему», как «доброму и кроткому», так в одинаковой мере и «строптивому». «Лобызай законную власть» — вот краеугольный камень нравственного учения русских масонов. В начале XIX века в России масонское движение должно было противостоять просветительству и гуманизму, идеям французского просвещения. Некоторые русские масоны ставили перед собой прямо полицейские задачи. По словам неизвестного автора записки о масонских ложах в России, вероятно сенатора Кушелева, представленной на рассмотрение Александра I, русское масонство «должно воспрепятствовать введению другого общества, основанного на вредных началах, и таким способом образовать род постоянного, но незаметного надзора, который по своим тайным сношениям с министерством полиции доставил бы ему, так сказать, залог против всякой попытки, противной предлагаемой цели».¹

В нашей работе речь будет идти не об этих истинных масонах, выступавших в союзе с Библейским обществом и полностью

¹ А. Н. Пыпин. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в. Пгр., 1916, стр. 382.

оправдывавших политику Священного союза. Исследователь общественного движения первой четверти XIX века не может пройти мимо того факта, что масонское движение использовалось в целях, противоположных масонскому нравственному катехизису, что среди масонов, вернее среди членов масонских лож, были своеобразные новаторы, враги староверов, проповедовавшие под покрывалом масонского ритуала идеи социальной справедливости. Масоны-раскольники были и на Западе и в России, они грезили о всемирном союзе «вольных каменщиков» и с масонами-мистиками не имели ничего общего. Это были особого типа масоны: франкмасоны, действовавшие накануне французской революции и участвовавшие в распространении ее идей, некоторые итальянские ложи, выступавшие заодно с карбонариями, польские патриоты во главе с Лукасинским, использовавшие масонское движение в целях национально-освободительной борьбы, русский просветитель XVIII столетия Новиков. «При отсутствии независимых политических обществ и недостатке организационного опыта, — говорит Н. М. Дружинин, — русские провозвестники буржуазной революции не могли не вступить на этот испытанный проторенный путь. Однако попытка русских революционеров не имела практического успеха: масонские формы были быстро отброшены, и развитие тайного общества пошло по самостоятельному организационному пути».² Оставляя в стороне «теории» Т. Соколовской и графини Толь относительно русского масонства, мы считаем вывод Н. М. Дружинина единственно правильным и объективным. Следует говорить не вообще о русских масонах, а о своеобразной филиации в русском масонстве. Еще в феврале 1816 года бар. Дибич писал своему брату, начальнику Главного штаба, что «очень значительное число русских офицеров и чиновников» усвоили во Франции учение масонов, согласно которому «настанет время, когда не будет никакой собственности, кроме вознаграждения за труд», и когда «народ не будет нуждаться в государе».³ Показателен в этом отношении, как отголосок французской революции, катехизис франкмасонов, проникший в Россию до Отечественной войны 1812 года. В «Исповедании веры франкмасонов», опубликованном в свое время В. И. Семейским, почти как в «Православном катехизисе» С. И. Муравьева-Апостола, читанном перед войсками в день сражения под Белой Церковью, говорилось о «свободе» и «тиранах», о необходимости «вооружиться и восстать против недостойных узурпаторов, а если понадобится, то и умертвить их». «Бог, создав людей, одарил их полную естественную свободу, равною и общею всем, вследствие чего никто не может уменьшать ее и ограничивать», — это из «Ис-

² Н. М. Дружинин. Масонские знаки П. И. Пестеля. М., 1929, стр. 41—42.

³ «Минувшие годы», 1908, февраль, стр. 24.

поведания веры франкмасонов». «Бог создал всех нас равными и, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей» — это из «Православного катехизиса» Муравьева-Апостола.

Чем же привлекало масонство будущих декабристов? «Масонские собрания, — как замечает член Союза Благоденствия Ф. Я. Миркович, — не имели другой цели, как покутить... все братья должны были наполнять бокалы и осушать при бесконечных тостах».⁴ В ложе «Северных друзей», по словам Мирковича, политических «речей за столом никогда не было». Офицеры-масоны завязывали друг другу глаза, выходили поочередно в темную комнату, спускались с завязанными глазами по лестнице, зажигали бенгальские огни, а главное — кутили и веселились, но зачастую сам кутеж застольных друзей был вызовом реакционному масонству с его мистицизмом, аскетизмом и ханжеством. В офицерской ложе собирались прославлять Вакха и юную Гебу, и такое «масонство» на деле означало самое грубое нарушение масонских правил, пародирование масонских обрядов. Конногвардейские «масоны» близки героям вакхических стихотворений Пушкина, Языкова, Давыдова и Раевского, «масонство» не мешало им проявлять вольнолюбие, трезвую заботу о благосостоянии отечества и народа. Сам Миркович, связанный с ложей «Северных друзей», вступил в Союз Благоденствия и с ужасом говорил о положении крестьян и дворовых, которые «были настоящими рабами варварских времен» и «считались наравне с рабочим скотом».⁵ Известно, что члены Союза Спасения пытались использовать ложу «Трех добродетелей» для прикрытия тайных политических замыслов. Александр Муравьев признавался, что он имел «преступное намерение» — скрыть тайное общество в недрах масонства и тем самым «обезопасить членов общества». «Тогда масонство, — говорил князь Трубецкой в показаниях Следственному комитету, — было в большом ходу. Александр Муравьев, бывший тогда молодым человеком с пламенным воображением, пылкою душою, видел в нем какое-то совершенство ума человеческого, предлагал вступить всем в масоны».⁶ Пестель пояснял, что устав Союза Спасения предполагал «много клятв и форм, потому что составлен был в духе масонских учреждений, форм и клятв».⁷ Устав Союза Спасения воспроизводил масонский ритуал церемоний и клятв, культ строжайшей конспирации и «слепого повиновения». Комиссия, которой было поручено разработать статут первого тайного общества, состояла из братьев ложи «Трех добродетелей» — Трубецкого, Пестеля, Долгорукова

⁴ Ф. Я. Миркович. Его жизнеописание. СПб., 1839, стр. 27.

⁵ Там же, стр. 22.

⁶ Восстание декабристов, т. I, стр. 23—24.

⁷ Там же, т. IV, стр. 154.

и Шаховского. Н. М. Муравьев в «Историческом обозрении хода общества» указывал, что «Пестель взялся написать устав общества, которое и возымело свое начало в феврале 1817 года под именем Союза Спасения. Союз сей состоял из трех степеней: братьев, мужей и бояр».⁸ «Это было мною писано в подражание уставам некоторых масонских лож», — говорил Пестель, подтверждая показания Никиты Муравьева, что устав Союза Спасения был основан «на клятвах, правиле слепого повиновения и проповедовал насилие, употребление страшных средств — кинжала, яда».⁹ Конечно, устав тайной революционной организации, составленный Пестелем, был вполне оригинален, но из конспиративных соображений Пестель мог воспользоваться отчасти масонской ритуалистикой. В законах ложи «Трех добродетелей» много внимания уделялось правилам строжайшей конспирации. В § 78 «Об отлучении от работ» было записано, что «ежели кто обличен будет в нескромности, т. е. в рассказывании профанам о том, что в ложе происходит, ученикам о товарищах, а товарищам о мастерских работах, то таковой подвергается отлучению от работ».¹⁰ В § 79 предполагались меры наказания для тех, кто выйдет из повиновения, будет болтлив и нарушит тайну. Во главе ложи «Трех добродетелей» стоял комитет (в уставе ложи говорится именно о комитете). Во второй половине 1817 года ответственными должностными лицами являлись исключительно члены революционного кружка — великий мастер кн. П. П. Лопухин, наместный мастер А. Н. Муравьев, второй надзиратель Ф. П. Шаховской, секретарь С. П. Трубецкой, ритор Никита Муравьев и церемониймейстер Сергей Муравьев-Апостол. Состав этой ложи более чем показателен. Членами ее являлись Пестель, М. И. Муравьев-Апостол, И. А. Долгоруков, С. Г. Волконский, Н. М. Муравьев, М. С. Лунин, П. И. Колошин, А. Н. Пушкин.¹¹ Статут Союза Спасения не сохранился, поэтому наши сведения о нем ограничиваются краткими показаниями участников движения. Пестель сознательно, как нам кажется, преувеличивал влияние масонских уставов, желая затушевать революционное прошлое Союза Спасения.

В действительности попытка использовать масонский ритуал закончилась неудачей. Предложение Александра Муравьева «вступить всем в масоны» не было принято. Некоторые члены Союза Спасения стали возражать против строжайших клятв и таинственности, они «хотели действия явного и открытого, хотя

⁸ Там же, т. I, стр. 305.

⁹ Вошло в «Донесение Следственной комиссии».

¹⁰ Законы ложи «Трех добродетелей». Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина (в дальнейшем: ГБЛ), шифр № 1936, л. 57.

¹¹ Список членов ложи «Трех добродетелей» на 24 июня 1817 года. Рукописный отдел ГПБ им. В. И. Ленина, шифр 1240, л. 150 об.

и положено было не разглашать намерения, в котором они соединялись, чтобы не вооружить против себя неблагонамеренных... И поэтому положено было, чрез непродолжительное время, изменить в этом отношении устав, как признанный неудобным в приложении».¹² Это свидетельство С. П. Трубецкого подтверждается показаниями Н. Муравьева. Рассказывая о Михаиле Муравьеве, Бурцове и Петре Колошине, которых Александр Муравьев приглашал вступить в тайное общество, Н. Муравьев добавляет, что «они не иначе согласились войти, как с тем, чтобы сей устав, проповедовавший насилие и основанный на клятвах, был отменен и чтобы Общество ограничилось медленным действием на мнение».¹³ Таким образом, внутри Союза Спасения возникла оппозиция против масонских форм. Ложа «Трех добродетелей» потеряла для революционно настроенной гвардейской молодежи всякое значение и превратилась в обычную масонскую ложу. Работы в ложе продолжались, но декабристы в них не принимали участия, а в конце 1818 года и совсем порвали с ней. В сентябре 1818 года Н. Муравьев в письменном заявлении на имя «великого мастера» ставил в известность, что он вынужден закрыть ложу «Трех добродетелей», в которой «озарился истинным светом». Илья Долгуриков просил исключить его «из списка счастливых сотрудников», а М. И. Муравьев-Апостол снимал с себя обязанности обрядонаачальника.¹⁴ Руководство ложей «Трех добродетелей» принял старый масон И. Д. Дмитриев-Мамонов, и в новый состав масонского комитета декабристы не вошли.¹⁵

2

М. А. Фонвизин в своих воспоминаниях сообщает, что в Петербурге были «учреждены две масонские ложи, в которых большинство братьев состояло из членов Союза Благоденствия». В число этих двух петербургских лож несомненно входила ложа «Трех добродетелей», действовавшая по плану Союза Спасения. М. Н. Муравьев в своих показаниях пояснял, что «Александр Муравьев в 1817 году хотел, чтобы общество, которое он составил, действовало через масонскую ложу „Трех добродетелей“».

¹² Записки князя С. П. Трубецкого, СПб., 1906, стр. 13.

¹³ Восстание декабристов, т. I, стр. 306.

¹⁴ ГБЛ, шифр 1938, лл. 85, 87 и 88.

¹⁵ Ю. М. Лотман. Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель. «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 78; «Труды по русской и славянской филологии», т. II, Тарту, 1959, стр. 34. — В исследовании Ю. М. Лотмана содержится анализ «Краткого наставления русскому рыцарю» и ритуала самого «Ордена русских рыцарей» — ранней преддекабристской организации, участниками которой были М. Орлов, М. А. Дмитриев-Мамонов, Н. Тургенев, М. Н. Новиков. «Краткое наставление» показательным сочетанием тираноборческой и масонской фразеологии.

Остается открытым вопрос о второй ложе. Из всех петербургских лож можно назвать только ложу «Избранного Михаила» как организационно связанную с тайным обществом. И эта ложа была использована для вербовки новых членов в Союз Спасения. «В 1816 году, — говорил Глинка в своих показаниях 15 февраля 1826 года, — вступая в масонскую ложу, называемую ложей „Избранного Михаила“, — я познакомился там с г-ном Новиковым». М. Н. Новиков сказал однажды Федору Глинке, что есть и «другое общество избранных молодых людей». После «многократных» разговоров Глинка был завербован в Союз Спасения (Новиковым же принят в Союз Спасения Пестеля). Показателем сам факт: на заседании ложи «Избранного Михаила» Новиков приглашает Глинку вступить в тайное общество.

Трудно сказать из-за отсутствия документальных источников, какую роль ложа «Избранного Михаила» играла в годы деятельности Союза Спасения. Но в пору расцвета Союза Благоденствия она использовалась в пропагандистско-просветительских целях.¹⁶

Отношение Союза Благоденствия к масонскому движению не было темой специального исследования. Только С. Н. Чернов, подводя общий итог изучению «Зеленой книги», предположительно высказывал мысль, что требуются дополнительные исследования по вопросу об отношении Союза Благоденствия к уставам и правилам масонских организаций. «Думаю, — писал С. Н. Чернов, — что, несмотря на свое и других членов недовольство масонскими увлечениями П. И. Пестеля и А. Н. Муравьева, творцы устава не могли позабыть и поэтому не могли не использовать масонских уставов, правил и практики».¹⁷ О продолжавшемся влиянии масонских ритуалов рассказывает в своих воспоминаниях Якушкин. На одном из совещаний у Никиты Муравьева в 1818 году «рассуждали о составлении самой заклательной речи для вступающих в Союз Благоденствия и о том, как принести самую присягу — над Евангелием или над шпагой». На печати Союза Благоденствия был изображен улей с пчелами, т. е. эмблема, употребляемая и на многих масонских виньетках.

В связи с Союзом Благоденствия более целесообразно выяснить влияние политической программы этого тайного общества на практику и устав некоторых масонских лож. Деятельность ложи «Избранного Михаила» дает основание именно к такой постановке вопроса.

¹⁶ Считаю неудачным определение ложи «Избранного Михаила», данное мною в ранних работах, как «завоеванного» Союзом Благоденствия нового «вольного общества». Полностью согласен с М. В. Нечкиной: «... сказать, что ложа „Избранного Михаила“ явилась ареной деятельности Союза Благоденствия, несомненно, можно. Деятельность эта была прежде всего агитацией, пропагандой» (Движение декабристов, т. I, стр. 267).

¹⁷ С. Н. Чернов. Из работ над «Зеленой книгой». В кн.: Дек. бресты и их время, т. II, стр. 112.

Обратимся к воспоминаниям участников ложи «Избранного Михаила». Ф. П. Толстой относит возникновение ложи к 1815 году: «Получив диплом от великой ложи „Астрей“ на организацию указанной ложи „Избранного Михаила“, в 1815 году приступлено было к избранию мастера стула этой ложи, которым и был избран я; затем выбраны были все должностные братии. Наместным мастером выбран был полковник Главного штаба Данилевский; оратором — полковник Глинка, адъютант военного генерал-губернатора Милорадовича, секретарем Ник. Ив. Греч, издатель „Сына отечества“, казначеем — Ник. Ив. Кусов, первой гильдии купец; церемониймейстером — Александр Иванович Уваров; первым надзирателем — Алекс. Ив. Кусов; вторым надзирателем — купец Толченнов».¹⁸ В 1817 году должность управляющего ложей занимает Ф. П. Толстой, Н. И. Греч избирается наместным мастером, Ф. Н. Глинка — первым надзирателем.¹⁹ В июне 1818 года Глинка, тогда уже один из руководителей Союза Благоденствия, заменяет Греча, т. е. становится наместным мастером, а управляющим по-прежнему остается Ф. П. Толстой, отставной флота капитан и почетный член Академии художеств, в скором времени председатель Союза Благоденствия, он же председатель Вольного общества ланкастерских школ. В рукописных записках Михайловского-Данилевского, выдержки из которых приводятся Н. К. Шильдером (Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. IV, гл. IX, стр. 252), содержится такая характеристика масонских собраний: «Знатные люди у нас редко были масонами; по крайней мере, ни один из них не посещал масонских лож, обыкновенно наполненных людьми среднего состояния, офицерами, гражданскими чиновниками, художниками, весьма редко купцами, а более всех литераторами. В ложе „Избранного Михаила“ я находил отличнейших людей, например Федора Глинку, известного столько же прекрасными своими сочинениями, сколько и добродетелями; Греча, остроумного издателя первого в России журнала по части изящных искусств; графа Толстого, прославившегося лепными работами; Доброхотова, лучшего резчика на камне; Рикорда, одного из превосходных наших мореплавателей, и других почтенных людей». В этой характеристике очень удачно показан состав ложи «Избранного Михаила». На собраниях ложи присутствовали по преимуществу представители передовой петербургской интеллигенции: Ф. Н. Глинка, Ф. П. Толстой, Н. И. Греч, В. И. Григорович, Н. Ф. Кошанский, А. Е. Измайлов, А. И. Мартос, А. А. Дельвиг, И. И. Давыдов, К. И. Арсеньев, М. К. и В. К. Кюхельбекеры, В. О. Гурко,

¹⁸ «Русская старина», 1876, № 2, стр. 211.

¹⁹ Список чиновников ложи «Избранного Михаила» за 1817 год хранится среди масонских бумаг в Рукописном отделе ИРЛИ АН СССР (собрание «Русской старины»).

Н. А. Бестужев, Я. М. Лыкошин, А. А. Никитин, А. Д. Боровков. Среди отсутствовавших в 1818 году братьев указан Г. С. Батеньков, находившийся тогда в Томске. Таков личный состав ложи «Избранного Михаила» на 1818—1819 годы. В состав комитета ложи «Избранного Михаила» в 1821—1822 годы входили: мастер стула, или председатель, — Ф. П. Толстой, помощник мастера стула — Ф. Н. Глинка, первый надзиратель — Вл. Толстой, второй надзиратель — академик Доброхотов, оратор — профессор Кошанский, секретарь — А. Д. Боровков, обрядоначальник — А. А. Никитин, церемониймейстер — А. И. Уваров. О политических взглядах Ф. Толстого в эпоху Союза Благоденствия мы знаем крайне мало. Видимо, он полностью разделял позиции Федора Глинки, вместе с ним в 1820 году голосовал за республику, а потом, после роспуска Союза Благоденствия, все дальше и дальше стал отходить от декабризма. В своих показаниях Толстой писал о Глинке: «Просвещенный ум, доброе и чувствительное сердце и благороднейшая душа полковника Федора Николаевича Глинки всегда привлекали меня к нему, и он из всех членов, которого я узнал короче других и с которым я был в дружеских связях и дружбой которого я горжусь и теперь».²⁰ Для характеристики идейных убеждений Толстого представляет несомненный интерес его «Записка о состоянии Российской империи в отношении ее внутреннего устройства», написанная после восстания декабристов на Сенатской площади. В этой записке Толстой отвергает идею революционных переворотов, отрицательно отзываясь о французской революции, 14 декабря 1825 года называет «горестным событием» и т. п. Но есть в этой «Записке» и те убеждения, которых когда-то придерживались члены Союза Благоденствия. Отдельные страницы этой «Записки» написаны как будто в 1820 году, когда на квартире Глинки обсуждался доклад Пестеля и все присутствующие на этом совещании, в том числе и Федор Толстой, единодушно порицали крепостничество и абсолютизм. Толстой пишет о «бедности русского народа», достигшей «крайней нищеты». «Класс производящий предоставлен прихоти и своеволию сильнейших его... Помещик имеет все средства похитить все принадлежащее земледельцу, употребить личность его по произволу, одним словом, делать все, что хочет... Большая из них (крестьян, — В. Б.) часть за весь, можно сказать, кровавый труд считает себя счастливой, ежели в течение года имеет с семейством хлеб насущный...». Далее он говорит о правосудии, которое «есть первое и главнейшее основание общественного благоденствия». В России он видит «потворство сильному, угнетение слабого». «Поистине правосудие в России... столь же несовершенно и при-

²⁰ Н. Н. Ковалевская. Художник-декабрист Ф. П. Толстой. В кн.: Очерки из истории движения декабристов. Под редакцией Н. М. Дружинина и Б. Е. Сыроечковского. М., 1954, стр. 532.

страстно, что трудно найти сему примеров даже во время, предшествующее разрушению римской империи». В итоге «общие несчастья, повсеместная бедность, цветущие города и губернии разорены, лучшие люди удалены и государственная машина представляет беспорядочную громаду...». В этой записке тот же взгляд на просвещение, которым руководствовался Толстой в годы председательства в Вольном обществе учреждения училищ по методу взаимного обучения. «Просвещение, — пишет Толстой, — есть одна из важнейших причин могущества народного, порока общественного благосостояния, источник высоких государственных добродетелей и, так сказать, ключ к богатству общественному».²¹ Это совсем близко положениям «Зеленой книги».

3

В уставе, или правилах, которых придерживалась ложа «Избранного Михаила», невозможно найти следов пестелевского плана, значительно смягчена масонская ритуалистика, зато они содержат прямые заимствования из «Зеленой книги», призывы трудиться на поприще благотворительности, правосудия и человеколюбия. Ложа «Избранного Михаила» формально входила в союз «Астреи», имевший свой устав, утвержденный в 1815 году под названием «Законы великой ложи Астреи». Основной закон «Астреи» гласил: «Масон должен быть покорным и верным подданным своему государю и отечеству; должен повиноваться гражданским законам и в точности исполнять их; он не должен принимать участия ни в каких тайных или явных предприятиях, которые бы могли быть вредны отечеству или государю; равно не содействовать к тому осуждениями государя или его законов ни письменно, ни словесно. Каждый масон, узнавший о подобном предприятии, обязан тотчас извещать о том правительству, как законы повелевают».²²

В ложе «Избранного Михаила» нарушался этот основной закон «великой ложи», поскольку наместный мастер и управляющий, Глинка и Толстой, призванные подавать пример точного исполнения масонских правил, являлись участниками тайного «предприятия». Теперь уже не масонский ритуал влияет на устав тайного общества, а, наоборот, статут Союза Благоденствия многое определяет в обрядах масонской ложи. В бумагах Глинки сохранился текст клятвы для вступающих в ложу «Избранного Михаила». Клятва «михайловцев» не имеет ничего общего с обычными масонскими клятвопринятиями, образцом которых может служить главное правило из законов «Астреи». В ложе Толстого—Глинки клятва напоминала присягу над «Зеленой книгой»: «В должностях моих праведну, в предприятиях моих честну, в моем

²¹ Там же, стр. 534—540.

²² Законы великой ложи «Астреи». СПб., 1815, стр. 90.

обхождении человеколюбиву, благородну и преисполненну любви ко всем человекам». Такое клятвопринишение давали масоны в ложе «Избранного Михаила». Но этот же культ священного братства и морального совершенствования показателен для Союза Благоденствия, для его законоположения. В § 10 первой части «Зеленой книги» по отрасли «Правосудие» цель Союза была определена следующим образом: «Союз старается также укрощать и искоренять властолюбие и презрение прав человеческих, вместе с воспитанием в нас вкрадывающееся, и убедить всякого в истине, что общее благо народа требует непременно частного и что каждый человек, какого бы он сословия ни был, вправе оным пользоваться». Масонам, если так можно назвать действительных членов ложи «Избранного Михаила», предлагалось «изыскивать способы к облегчению страждущих и несчастных», распространять «любовь к человечеству», «щедролюбие и вспомощение бедным». «Братья, — говорится в уставе, — должны быть осторожны в своих разговорах и поступках, дабы и самый проныцательный посторонний человек не мог открыть того, чего ему не подлежит знать, а иногда надлежит отвратить разговор для чести почетного братства».²³ Так в этой ложе фактически прививались необходимые навыки конспирации на случай объявления существования другого общества. Вообще программа ложи разработана так, что в любую минуту она могла перестроиться на более политический лад. Ложа строила свою работу по «Зеленой книге». Общее между законоположением Союза Благоденствия и правилами масонской ложи состоит в агитации личным примером, в одних и тех же морально-этических установках, рассчитанных на искоренение эгоизма и развитие альтруизма. Автором «Правил для руководства Бесед ложи „Избранного Михаила“» был Федор Глинка. Член Коренной управы Союза Благоденствия, он же мастер стула, сочинил устав в духе нравственных параграфов «Зеленой книги», выдвинув на первый план этические проблемы и «распространение правил нравственности». Ничего специфически масонского в «Правилах» нет, зато в них содержится требование строго соблюдать дисциплину, выполнять поручения, а главное — практически участвовать в облегчении участи «страждущих». Речь идет не столько о масонах, сколько о «членах Беседы», об их гражданских обязанностях, об испытании верности. «Правила» созданы для «первоначального руководства», в дальнейшем они могут дополняться, изменяться. Все зависело от конкретных обстоятельств. Предполагалось, что обязанности могут быть расширены и задачи усложнены. Декабристы скептически относились к идеям масонства, но они дорожили ритуалистикой, обрядностью. В масонских ложах выработывались формы конспирации и проверялись возможные кан-

²³ Калининский Областной исторический архив, масонские бумаги, № 103.

дидаты в тайное общество. М. Н. Новиков в масонских ложах завербовал П. И. Пестеля, Ф. Н. Глинку и Ф. П. Толстого. Ясно, что Толстой и Глинка, возглавив ложу «Избранного Михаила», используют опыт Новикова и ведут «беседы» таким образом, что некоторые «масоны» становились сочувствующими Союзу Благоденствия. Приведем те самые параграфы из «Правил», которые касаются нравственной цели и дисциплины.

«Параграф 9. Поручение облегчать участь страждущего брата. В Беседе назначается, кому из членов заняться облегчением страждущего брата от тяжкого ига, которое его угнетает.

«Параграф 10. Неисполнение принятой на себя обязанности. Если принявший на себя сию приятную обязанность по добровольному выбору не исполнит поручения в течение данного срока и не представит удовлетворительных на то объяснений в первый, второй и третий раз, то после замечания и выговора исключаются из членов Беседы.

«Параграф 11. Правила сии приемлются для первоначального руководства, но в продолжении времени допускается право пополнять оные, смотря по встречающимся обстоятельствам».²⁴

Кроме «Правил для руководства Бесед» в архиве сохранились «Отчет о деятельности масонской ложи „Избранного Михаила“» и некоторые протоколы. Официальный отчет и сухие протоколы не раскрывают содержания «бесед». Однако отдельные любопытные сведения в протокольных записях содержатся. Так, например, в протоколах 1821—1822 гг. зафиксированы те заседания, на которых выступали Глинка и Кюхельбекер.

11 июня 1821 года «Вильгельм Кюхельбекер, испрося слова, говорил о сделанных им замечаниях в рассуждении нравственного мира германцев и французов».²⁵

26 июня «мастер объявил, что предметом настоящих работ будет поучение».

16 июля, когда по предложению Глинки Михаила Кюхельбекера повышали в 3-ю степень, «Вильгельм Кюхельбекер, обращаясь к брату своему, новому мастеру Михаилу Кюхельбекеру, произнес слово об истинной цели масонства».

25 сентября того же года слушали «Речь о необходимости любви к отечеству» — «прекраснейшее и назидательное» произведение Ф. Н. Глинки.

2 апреля 1822 года, когда председательствовал великий мастер ложи Ф. П. Толстой, известный художник и член Коренной управы Союза Благоденствия, было объявлено, что «предметом

²⁴ Правила для руководства Бесед ложи «Избранного Михаила». Центральный государственный исторический архив в Москве (в дальнейшем: ЦГИАМ, ф. 1068, оп. 1, ед. хр. 736, л. 2 об.

²⁵ Отчет о деятельности масонской ложи «Избранного Михаила» и протоколы заседаний этой ложи. ЦГИАМ, ф. 1018, оп. 1, ед. хр. 735, лл. 11, 15, 16, 28 об., 51.

исполнения работ будет принятие в братство художника Александра Брюло». На этом заседании «брат» секретарь (А. А. Никитин, — В. Б.) произнес речь „О необходимости любви к отечеству в обществе русских масон“».

Нас не могли не заинтересовать речи «михайловцев». Из протоколов видно, что на одну и ту же и очень важную тему — «О необходимости любви к отечеству» — говорили Глинка и Никитин. Михайловский-Данилевский в своих воспоминаниях (1819—1821 годы) свидетельствует, что Глинка выступал в ложе со «смелыми речами». Глинка «думал, что государь его не жаловал за смелые масонские речи, которые он произносил в масонских ложах, о чем он узнал, служа при генерал-губернаторе, от членов тайной полиции, которые сообщали ему выписки из сих его речей. Соединяя редкое благородство чувств с пламенным воображением и убедительным красноречием, он, — замечал Михайловский-Данилевский, — не знал людей, а особенно двора, потому, не соображаясь с духом времени, он иногда в ложах бывал неосторожен».²⁶ Лучшей характеристикой могли бы служить «смелые речи» Глинки. К сожалению, эти речи не сохранились.

О стиле и семантике речей можно судить по «Правилам для руководства Бесед». «Правила» (параграф 7) предусматривали составление «нравственных» фантазмагорий. Приведем этот важный параграф: «В Беседе могут встретиться различные сравнения и аллегории, которые будут очень ясны для собеседников и несколько темны для братьев вообще — и это тем лучше: ибо в ком пробудится жажда к ведению, тот постарается всемерно утолять ее посредством частых беседований с опытнейшими. От сего взаимного объяснения истин высоких родится взаимная связь, и связь сия есть именно та цель, которая связует братство».²⁷ В масонских «Правилах» легко обнаруживаются общие для декабристской публицистики и художественной литературы признаки стиля. В специальных приемах иносказательного повествования, в намеках и полунамеках, должных вызвать необходимые представления по аналогии, и есть то общее, что объединяет речи «михайловцев» с декабристской публицистикой. Слушатели (братья Кюхельбекеры, Дельвиг, Кошанский, Арсеньев, Греч и др.) без труда могли понять реальный смысл иносказательных речей. Искушенные в витийстве и в политике прекрасно понимали «различные сравнения», а неискушенные могли обратиться к «опытнейшим», т. е. к Толстому и Глинке. По «Зеленой книге» в «Правилах» сформулирована основная цель аллегорий — «взаимное объяснение истин высоких». Правило, касающееся символики масонских речей, в одинаковой степени относится к поэзии и прозе, вообще к нра-

²⁶ «Русская старина», 1899, № 12, стр. 555.

²⁷ Правила для руководства Бесед в ложе «Избранного Михаила». ЦГИАМ, л. 2.

вственным иносказаниям. В предисловии к «Опытам аллегорий или иносказательных описаний, в стихах и в прозе» (СПб., 1826) Глинка писал, что «если сами люди неохотно поддаются к истине, то не худо бы подвести ряд истин к людям и показать их так ясно, как показывают беспечным зрителям посредством оптического стекла ряд красивых явлений, не осязаемых, но видимых и памятных».

Всего лучше обратиться к речам «михайловцев», тем более, что некоторые из них сохранились. Правда, это не речи Глинки и Кюхельбекера, но и их соратники по масонской ложе, литераторы малоизвестные, в жанре иносказательных речей обнаружили умение говорить на условном языке дружеских «беседований» и всегда об «истинах высоких». В 1872 году Н. А. Боровков передал академику Н. Ф. Дубровину связки рукописей с пометкой: «Из бумаг А. Д. Боровкова». Для нас эта папка с бумагами А. Д. Боровкова оказалась небезынтересной, так как в ней содержались речи «михайловцев». Далеко не все речи были датированы и, что еще хуже, многие из них не имели авторской подписи. По почерку определить авторство той или иной речи не представлялось возможным, так как рукописи не являлись автографами, а были только присарскими копиями с них. Однако в собрании «Русской старины», хранящемся в Пушкинском Доме, нашлись многие подлинники речей. Благодаря этому совершенно безошибочно можно назвать фамилии тех ораторов, которые вместе с Глинкой выступали на заседаниях ложи «Избранного Михаила». Такими ораторами были А. А. Никитин и А. Д. Боровков. В кратком отчете ложи за 1820 год, между прочим, также сказано, что на «поучительных заседаниях в духе истины масонства читаны были речи Глинки, Боровкова и Никитина». Вопрос датирования решается на основе отдельных рукописей, помеченных датой написания, а также при помощи отчетных заметок, в которых иногда упоминались читанные речи. Все речи относятся к периоду 1819—1822 годов. Их можно расположить в следующем порядке.

1. А. Д. Боровков. Мысли об истинном достоинстве человека и какими путями можно достигнуть его. 17 марта 1819 года. Среди бумаг Н. Ф. Дубровина. В собрании «Русской старины» отсутствует.

2. А. А. Никитин. О необходимости любви к отечеству в обществе русских братьев масонов. В собрании «Русской старины», № 12.

3. А. А. Никитин. Речь («Что такое масоны? Что такое ложа?»). С пометкой: «Произнесена в ложе „Избранного Михаила“ при работе 29 числа VIII месяца 1820 года и определена хранить в архиве для поучительных работ». В собрании «Русской старины», № 15.

4. Неизвестный автор. О форме («Всякая форма хороша, если она истину в себе заключает и если способствует к благу человечества»). 1 августа 1821 года. Среди бумаг Н. Ф. Дубровина. В собрании «Русской старины» отсутствует.

5. А. А. Никитин. Речь на собрании, посвященном годовщине ложи «Избранного Михаила». В собрании «Русской старины», № 10.

6. Чориков. О свободе человека. 21 апреля 1821 года. Среди бумаг Н. Ф. Дубровина. В собрании «Русской старины» отсутствует.

7. Гр. Ал. Долгоруков. О повиновении. В отчете за 1822 год помечена: «Читалась 26 марта 1822 года». Среди бумаг Н. Ф. Дубровина. В собрании «Русской старины» отсутствует.

8. А. Д. Боровков. О необходимости путевого проводника. 30 мая 1822 года. В собрании «Русской старины», № 97.

9. А. Д. Боровков. Речь, произнесенная при повышении брата Кюхельбекера 2-го на мастерскую степень. 15 сентября 1821 года. В собрании «Русской старины», № 16.

10. А. Д. Боровков. О скрытности масонов. В собрании «Русской старины», № 1.

11. А. Д. Боровков. По поводу посвящения неизвестного в масоны. В собрании «Русской старины», № 6.

12. А. Д. Боровков. Об Александре I. 12 марта 1822 года. В собрании «Русской старины», № 8.

13. Неизвестный автор. О сектах, наносящих бесславие истинному масонству. 20 декабря 1820 года. В собрании «Русской старины», № 3.

Укажем, что ложа «Избранного Михаила» была единственной ложей в Петербурге, проводившей все свои «работы» (так в протоколах называются масонские собрания) только на русском языке, тогда как занятия в других ложах «великой Астреи» проходили на французском или шведском языке. Показательно и само название ложи, во главе которой стояли члены Союза Благоденствия. Ложа называлась в честь царя Михаила Федоровича. Декабристы, в частности Н. Бестужев в «Истории российского флота» (1822), ставили в заслугу Михаилу Федоровичу, что он «закрыв раны отечества, способствовал развитию отечественной торговли и заботился о благосостоянии народа». Знаменитая дума Рылеева «Иван Сусанин», появившаяся в «Полярной звезде» за 1823 год и предварительно обсужденная в Вольном обществе любителей российской словесности, по справедливим словам Ю. Г. Оксмана, агитировала «не просто за царя, т. е. за отвлеченный династический принцип, а за народного избранника, за вождя, выдвинутого всею землею».²⁸ Именем такого царя была названа ложа, и ему посвятил свою речь А. А. Никитин, ближайший друг и соратник Глинки. Речь А. А. Никитина «О необходимости любви к отечеству» тоже агитировала за «народного избранника», за «разумного» и «добродетельного» монарха.

«Священное имя Михаила Романова, — говорил Никитин, — невольно увлекает воображение в те времена неурядицы и разрушений, когда за 200 перед сим лет Россия, наводненная неприятелем, покрылась пеплом и кровию и мать городов ее Москва стенала в позорных оковах под мечами коварных врагов. Бедственно было тогда положение России. Все угрожало неминуемую гибелью свободе и счастью отечества нашего. Но с покорением градов и областей не покорились души русские.

²⁸ См. комментарий Ю. Г. Оксмана к думе «Иван Сусанин» в кн.: К. Ф. Рылеев. Полное собрание стихотворений, Изд. писателей в Ленинграде, Л., 1934 (Библиотека поэта. Большая серия).

«Война, поколебавшая основание державы, не могла поколебать в них любви к отечеству. В неопisanном блеске возстала добродетель сия, из среды развалин и опустошения, и голос ее пробудил дух всего народа и ополчил народ. Так все сказания истории нашей наполнены блистательнейшими примерами коренной и самородной в России добродетели любви к отечеству. Но для чего прибегать к истории, когда провидению угодно было показать потомкам картину тех же самых бедствий, которые испытали их предки!.. Ровно через два века в 1812 году повторились события 1612 года».²⁹

А. А. Никитин ставил в пример «мудрость в правлении» и особенно отмечал, что Михаил Федорович «любил творить суд и правду, любил бога и ближних и не забывал и малейших из людей. Порфирию отирал он слезы страждущих, а скипетром указывал путь народу к счастью». Преднамеренная идеализация Михаила Федоровича имела целью пробудить в сознании слушателей ряд вполне злободневных ассоциаций. Сами речи, произносимые в ложе «Избранного Михаила», по своей семантической двупланности в какой-то мере близки думам Рылеева и иносказательным стихотворениям Глинки. В речах Никитина обнаружился в несколько элементарной форме тот самый метод исторических аналогий, который характеризует раннюю декабристскую поэзию и публицистику.

Экскурс в прошлое Никитину потребовался главным образом для того, чтобы в заключение сказать: «О Михаил! Когда бы, оставив горние селения, посетил ты, в образе смертного, земное Отечество свое? Напрасно захотел бы насладиться беседою избранных соотечичей: чуждое, непонятное тебе наречие гремит в чертогах и городах. Ни нравы, ни обычаи жителей оных далеко не походят на нравы знаменитых предков, которым должны дарами счастья и сиянием народы и которых славою и добродетелями должны бы гордиться по справедливости. Напрасно стал бы искать ты той прелестной во всем простоты, той бесшумной семейственной жизни, того безмятежного сердечного спокойствия, которым наслаждались некогда люди державы твоей. Все изменилось в течение только двух веков!.. Повсюду воцарилась непомерная роскошь, все поработилось свету, влача добровольно и лобызая оковы его».³⁰ В этой заключительной части речи, как и во всем рассуждении Никитина, нет ничего исключительно масонского. Речь, в которой содержался призыв «стараться возвращать непорочность нравов и укоренять любовь к отечеству», вполне удовлетворяла руководителей Союза Благоденствия. В целом иносказание Никитина лишено революционного смысла, в нем нет смелых вы-

²⁹ Бумаги А. Д. Боровкова. ИРЛИ АН СССР, собр. «Русской старины», № 12 л. 1 и об.

³⁰ Там же, л. 3 об. и 4.

падов против самовластия, но иначе и быть не могло. В ложе «Избранного Михаила» готовился не заговор против самодержавия, не о царевыйстве и республиканском образе правления в ней мечтали; Глинка перенес в ложу идеи первой части «Зеленой книги»; идеи конституционной монархии и критику существующего строя. В речи Никитина еще глухой намек на несовершенную действительность. Прошло 200 лет со времени избрания на престол Михаила Федоровича; русское самодержавие не стало «гласом целого народа»; наоборот, оно привело страну к тягчайшим социальным бедствиям. Все ссылки в речи Никитина на далекую историю не в пользу современности.

Но была произнесена и другая речь «О необходимости любви к отечеству». Оратором выступал опытейший Глинка. Видимо, речь Никитина не во всем удовлетворяла идейного руководителя ложи «Избранного Михаила». Иначе не было бы смысла на одну и ту же тему произносить две речи. Чтобы иметь хотя бы приблизительное представление о речи Глинки (нужно думать, что она была «смелой речью»), необходимо еще раз вернуться к «Зеленой лампе» и к печатным выступлениям писателя-декабриста. В те же годы на заседаниях «Зеленой лампы» читались иносказательные произведения, наполненные язвительной критикой аракчеевской России. На 13-м заседании (видимо, в самом конце 1819 года) «лампысты» слушали статью «Сон».³¹ Некий старец рассказывает о тех переменах, которые произошли в России за последние 300 лет. «Как видите, мы изменили герб империи, — говорит старец своему спутнику. — Две головы орла, которые означали деспотизм и суеверие, были отрублены, и из пролившейся крови возник финск свободы и истинной веры». В республиканской России будущего в великолепном дворце размещено «Святылище правосудия». «Святылище правосудия открыто для каждого гражданина, где во всякий час он может требовать защиты закона». Везде процветают изобилие и довольство.

Между тем тремя годами раньше в «Фантасмагории», входившей в состав «Писем русского офицера» (1815—1816), Глинка нарисовал аналогичную утопию. Только в этой утопии «государство, управляемое худо» и «картина благоденствующего народа» отнесены к временам древнего Египта. Многие в иносказании Глинки по цензурным соображениям недосказано, затемнено. Молодой царевич спускается в подземелье и там, в царстве теней, встречается с мудрым старцем, который «живыми примерами» объясняет «великое таинство правления судьбою народов». «С одной стороны, — указывает он, — самое восхитительное зрелище, картина народа

³¹ Авторство А. Д. Улыбышева условно устанавливает Б. Л. Модзалевский на основе анализа почерка (рукопись «Сна» на французском языке) и сопоставления ряда биографических данных. Идейный анализ статьи «Сон» см.: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 242—244; Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I. М.—Л., 1956, стр. 231—234.

благоденствующего». Юноша видит «край благословенный: обильнейшие жатвы златыми морями волнуются по необозримому пространству возделанных полей; тучные стада пестреют на злачной зелени долин; города, наполненные народом, заливы покрыты кораблями, а реки — множеством судов; везде слышны гласы жизни и песни радости». «„Столь счастлива бывает страна, — говорит престарелый наставник порфирородному юноше, — когда управляет ею государь мудрый! Но обратим внимание твое на иную сторону!“ И с сим словом указывает ему картины страдания народа бедствующего. Невозделанные степи, неосушенные болота, унылые города и бедные села представляются глазам его, угнетенный нуждами народ таится в глуши дремучих лесов. Он не имеет понятия о счастии общественной жизни; утешения веры, защита законов и все приятности наук и художеств для него чужды. Промышленность не смеет приглашать его к деятельности, а торговля к выгодным менам. Целые области стонут под лозами правителей своих. „Таково, — говорит тот же старец, — таково государство, управляемое худо!“».³²

Реальный смысл иносказания понятен: в государстве, «управляемом худо», отсутствуют сами понятия об общественном счастье, о процветании наук и художеств, в таком государстве бедствующий народ стонет под «лозами правителей». Но может быть государство, основанное на разумных законах; в нем процветают просвещение, земледелие, торговля, промышленность и благосостояние народа. Рассказ старца — продуманная политическая аллегория, при помощи которой Глинка изображает преимущества конституционной монархии перед неограниченной деспотией. «Государство, управляемое худо», — аракчеевская Россия. И глинковская «Фантасмагория» наполнена намеками на ту реальную страну, где «целые области стонут под лозами правителей своих».

Основную идею «Фантасмагории» Глинка повторил в стихотворении «Шарада», прочитанном на одном из заседаний «Зеленой лампы». В 1820 году «Шарада» появилась в «Соревнователе» (№ 1) за литерами «Ф. Г.». Автограф этого стихотворения Б. Л. Модзалевский обнаружил среди бумаг «Зеленой лампы», но авторства не раскрыл. «Из остальных материалов, дошедших до нас от участников дружеских собраний и бесед, — писал Б. Л. Модзалевский, — приведем еще шараду в стихах, написанную известным почерком и принадлежащую неизвестному же автору: она любопытна своим политическим содержанием, как бы отзвуком тех частей пушкинской оды „Вольность“, в которых поэт говорит о вечном законе и его значении.

Лишь там над царскою главою
Народов не легло страданье,

³² Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера, ч. 8. М., 1816, стр. 191—193.

Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетание...

«Та же мысль и в „Шараде“ неизвестного нам автора, означающая, очевидно, слово „престол“».³³ Б. Л. Модзалевский оказался прав и в том, что «Шарада» в политическом содержании близка пушкинской оде «Вольность», и в том, что она означает слово «престол». Глинка в примечании к «Шараде» в «Соревнователе» сам пояснил, что его иносказательное стихотворение означает слово «престол». Удивительно, что Б. Л. Модзалевский не обратил внимания на публикацию «Шарады» за инициалами «Ф. Г.» в «Соревнователе» и считал ее стихотворением «неизвестного нам поэта».³⁴

Содержание «Шарады» свидетельствует еще и о том, что автор ее хорошо усвоил мысли Радищева. «Шарада», как и пушкинская ода «Вольность», написана под непосредственным воздействием знаменитой оды Радищева. В оде «Вольность» Радищев пишет:

Там нивы запустеют тучны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы...

И наоборот, если народ освобожден:

Но дух свободы ниву греет
Бесслезно поле вмиг тучнеет...

Царь, нарушивший народную вольность и «священные законы», превращается в деспота — такова основная идея «Шарады». Стихотворение Глинки изобилует такими выражениями, как «незыблемый закон», «звук оков», «угнетенных стон», «священные законы», «долг», «граждан права», «грусть и цепи».

Что ж целое мое? — Всегда жилище власти,
И благо, где на нем, смилив кичливы страсти,
Спокойно восседит незыблемый закон:
Тогда ни звук оков, ни угнетенных стон
Не возмущают дух в странах, ему подвластных;
Полны счастливых сел и городов прекрасных,
Любуются они красой своих полей,
И солнце, кажется, сияет им светлей...
Но горе, где, поправ священные законы,
Забыв свой долг, презрев граждан права и стоны,
Восседет равный им с страстьми, а не закон:
Там вмиг преобратит строптивой властью он
В ничто — обилья блеск, дуга и нивы — в степи,
И детям от отцов наследье — грусть и цепи;
И землю окропят потоки слез,
И взыдет стон людей до выспренных небес!

³³ Б. Л. Модзалевский. К истории «Зеленой лампы». В кн.: Декабристы и их время, т. I. М., 1932, стр. 55.

³⁴ В библиографии Н. М. Ченцова («Восстание декабристов», М.—Л., 1949, стр. 794) «Шарада» значится в числе произведений Ф. Н. Глинки.

Отмечая, что «Шарада» Глинки наиболее насыщена политической мыслью из всех дошедших до нас стихотворений, читанных на заседаниях «Зеленой лампы», Б. В. Томашевский в своей последней работе о Пушкине точно определяет основную мысль стихотворения. «Идея сочетания вольности и закона, истолкование страстей как источника общественного зла роднит данное стихотворение с „Вольностью“ Пушкина. С другой стороны, картины процветания страны, где царствует закон и вольность, и в противоположность тому — запустения под властью тирана напоминают строфы оды Радищева. Стихотворение Ф. Глинки типично пропагандистское, под невинной оболочкой скрывающее смелую мысль».³⁵

«Фантасмагория» и «Шарада» проясняют утраченную речь «О необходимости любви к отечеству», дают некоторое представление о политическом и поэтическом красноречии члена Коренной управы Союза Благоденствия, выступающего в роли мастера стула масонской ложи. Образ страдающей отчизны и «истинных сынов отечества» проходит через всю раннюю прозу и поэзию Глинки. Видимо, и в ложе «Избранного Михаила» он не отступал от высокого стиля гражданских поучений.

4

В ложе «Избранного Михаила» очень часто обсуждали вопросы нравственного порядка: что такое масон? что такое ложа? каковы истинные цели масонства? Подобные вопросы обсуждались и в других ложах. Встречаются в масонских уставах, например, такие определения: «Масон уподобляется земному раю, к которому бог приставил херувима с пламенным мечом для отражения дерзких, которые, будучи заражены всеми семью смертными грехами, отважились бы приблизиться к насажденному древу жизни».³⁶ В законах «Астреи» масонская формула о человеческих страстях получила реакционное объяснение: «масон должен быть покорным и верным своему государю», «он не должен принимать участия ни в каких тайных и явных предприятиях» и т. п. А. А. Никитин в своей речи «О необходимости любви к отечеству» призывал «михайловцев» принять участие в «преобразовании нравов». Но как понимали в ложе «Избранного Михаила» это «преобразование» и в чем состояли правила нравственности? В Михайловской ложе рассуждали об «искренности», «скрытности» и «повиновении», говорили о предметах, которые на первый взгляд не выходили за рамки масонской этики. Однако масонская терминология часто прикрывала декабристские доктрины, понятия, противоположные основам масонской идеологии. «Слепое повиновение» требовал устав Союза Спасения, написанный в подражание масонским

³⁵ Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I, стр. 210.

³⁶ Бумаги Н. Ф. Дубровина, № 198, л. 444.

уставам. По-разному можно было говорить о скромности и благонаравии, по-разному трактовать схоластические понятия братолюбия и человеколюбия. «Сколько называющихся вольными каменщиками, — восклицал неизвестный автор записи «О вольных каменщиках» (1820 год), — приходят к вечеру слушать о скромности, благонаравии, повиновении, братолюбии, твердости духа, милосердии, кротости и любви к смерти. Но не понимая сих законов, поставляют оное буйством».³⁷

Масонов из ложи «Избранного Михаила» нельзя уличить в буйстве, но тем не менее они роптали против окружающей действительности, и, что еще важнее, они очень своеобразно понимали «повиновение и братолюбие», вкладывая в эти понятия гражданскую мораль. Так, например, 17 марта 1819 года А. Д. Боровков сделал доклад «Об истинном достоинстве человека и каким путем можно достигнуть его», поучительный в том отношении, что примеры, которым он призывал следовать, никак не согласовались с прописными правилами терпения и смирения, столь чтимыми старым масонством. Правда, Боровков говорил, что постоянное терпение в перенесении бедствий укрепляет душу, но под этим «терпением» подразумевалось самопожертвование во имя отечества и высокой цели. «Примеры людей, заслуживших бессмертие твердостью и неустрашимостью, — говорил Боровков, — воспаляют и возбуждают к поревнованию. Ищущий возвысить дух свой да устремит взоры на Регула, решившегося лучше подвергнуться ужаснейшим мучениям, нежели изменить данному слову: пусть вспоминает он о Долгоруком, который для пользы отечества неробко останавливал исполнение повелений государя грозного и строгого; пусть изумленный изящными поступками их поревнует им».³⁸ Показательны сами примеры, достойные «поревнования», т. е. подражания. Регул, этот «добродетельный римлянин», по выражению Плутарха, отдал жизнь свою за отечество. Карфагеняне отрезали у него веки, потом бросили его в бочку, набитую гвоздями, но Регул не устранился. Плутарх также называл «добродетельным гражданином» Катона: не находя средств для спасения республики, он пронзил себя мечом.

Характерно, что в рассказе Глинки «Сновидение», вошедшем в «Письма к другу», старец, олицетворяющий Опыт, говорит юноше: «Тому ли страшиться угроз судьбы, кто научен мною презирать лютейшие страдания и даже самую смерть, столь ужасную для слабых и порочных душ. С неимоверною твердостью, если только нужно будет, умрешь ты, как Регул или Катон, и подобно Гермогену и Филарету не изменишь отечеству ни под ножами убийц, ни в продолжительном страдании». Обращая внимание юношей на историю собственного отечества, столь богатую

³⁷ ГБЛ, Масонские бумаги, № 2171, л. 8 об.

³⁸ Бумаги Н. Ф. Дубровина, № 198 (1), л. 160.

«множеством блистательных примеров», мудрец ссылался на Минина и Пожарского, которые «исторгли из плена свободу России».³⁹

Боровков ставил в пример Якова Долгорукого. Рылеев называл Якова Долгорукого «отважным Долгоруким» и в его уста вкладывал тираду о прелести свободы:

Ах, лучше смерть в седых валах,
Чем жизнь без славы и свободы;
Не русскому стелать в цепях
И изживать без цели годы!

Имя князя Долгорукого для декабристов не было случайным. Булатов в своем письме Николаю I от 25 декабря 1825 года признавался, что «любимец Петра Великого князь Долгорукий, трудясь о благе отечества, защищал всегда невинность и говорил своему государю правду» и что имя его «останется в признательных сердцах сынов отечества дотоле, доколе закатилось солнце навек в подлунной». Ставя в пример князя Долгорукого, Булатов напоминал о временщике Аракчееве. Аналогия была более чем показательна. «Обратитесь, ваше императорское высочество, — продолжал Булатов, — к любимцу блаженной памяти императора Александра I графу Алексею Андреевичу Аракчееву, которому покойный государь при отбытии в Таганрог изволил поручить все государственные дела. Чем прославил он имя своего государя? Что сделал для блага народа и для пользы отечества? Где ознаменовал себя во время войны? Где подвиги его, в какой стране дела его? Или, имея счастье носить имя друга покойного государя, защитил ли когда невинного? Помог ли кому? Оправдал ли кого? Нет примера. Но сколько таких несчастных, которые пострадали за него, которые сосланы в Сибирь и в крепостях, может быть и в оковы, мало ли посягнувших даже на жизнь свою?».⁴⁰

Допустим, что это случайное совпадение, что между речью Боровкова, гражданской думой Рылеева и письмом Булатова нет ничего общего, несмотря на одинаковое обращение к историческому прошлому. Однако совпадения между тематикой речей и некоторыми художественными и публицистическими документами эпохи раннего декабризма настолько часто повторяются, что мы склонны видеть некую закономерность. Никитин противопоставил земский собор и царя Михаила Федоровича печальной современности. Боровков советовал учиться у Якова Долгорукого. Масон кн. Г. А. Долгоруков, не замешанный ни в каком тайном обществе, за несколько месяцев до закрытия масонских лож в России выступил с речью «О повиновении», в которой говорил о необходимости «исполнять повеления начальников, самими вами избранных,

³⁹ Ф. Н. Глинка. Письма к другу. . . , ч. 2. СПб., 1816, стр. 126.

⁴⁰ М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906, стр. 261.

не отступать от законов, которым вы добровольно подвергались». Определив сущность «повиновения», кн. Долгоруков привел в качестве примера падение Римской республики. Обсуждение масонских правил свелось к постановке политических проблем, прикрытых античной символикой. Из трех возможных правлений — деспотического, конституционно-монархического (т. е. умеренная монархия по английскому образцу) и республиканского, осуществляемого путем революционно-демократического заговора, — самой приемлемой формой для участников ложи «Избранного Михаила» была умеренная монархия. Кн. Долгоруков выражал не только свое мнение, когда говорил, что нарушение законов, которым «добровольно подверглись», ведет к неограниченному самовластию или к «неукротимому буйству». Катон-младший, апологет аристократической республики, в его речи противопоставлен Катилине, вождю демократического заговора. «Раскройте, любезные братья, историю, сию свидетельницу событий, и вы ясно увидите, что повиновение зиждело и преувеличивало государства; послушание разрушало их и совершенно уничтожало. От него, — продолжает кн. Долгоруков, — пал Рим и Византия. Строгий Катон не только сам неукоснительно следовал гражданским постановлениям, но возбуждал к тому и всех сограждан и тем заслужил всеобщее уважение современников и потомства. Буйный Катилина в упоении неистового своевольтва намеревался ниспровергнуть законы республики, пал под бременем неукротимой гордости и подвергся презрению».⁴¹ Прославление Катона в русской литературе идет от Радищева. В главе «Крестцы» «Путешествия из Петербурга в Москву» он изобразил просвещенного дворянина, который, думая о воспитании сыновей в духе свободных граждан, ставил в пример знаменитого республиканца. Крестецкий дворянин напоминал отъезжавшим сыновьям о Катоне Утическом, покончившем с собой тогда, когда он убедился, что республика погибает. Хорошо известно выражение Рылеева: «Враг царей, Катон». В оде «Гражданское мужество» Рылеев, выступая апологетом Катона, противопоставлял его Катилине: «О доблесть... не ты ль прославила Катонов, от Катилины Рим спасла». В трактовке образа Катилины и Долгоруков и Рылеев следовали за Цицероном: речь Цицерона против заговора Катилины воспринималась как защита республиканского строя. По словам Долгорукова, Катилина «пытался ниспровергнуть законы республики». Сама тема падения Рима под тяжестью своего величия была излюбленной темой в кругах Союза Благоденствия. Н. И. Кутузов в трактате «О причинах благоденствия и величия народов» утверждал вслед за Монтескье, что «если бы Греция и Рим могли основать правление свое, руководствуясь опытом, они избрали бы народно-представительное правление», т. е. «сблизили все состояния» и «урав-

⁴¹ Бумаги Н. Ф. Дубровина, № 198, л. 160.

новесили власть». «Равенство состояний в республике необходимо», иначе республика будет подвергнута «всем ужасам тирании». «Поручать власть одному сословию значит сообщать ему все средства угнетать другие».⁴²

Речи «михайловцев» содержат в себе иносказательные описания, которые «очень ясны для собеседников и несколько темны для братьев вообще». Именно «собеседчиками» следует назвать масонов из ложи «Избранного Михаила». Беседы протекали в дружеской обстановке, и сама ложа напоминала «вольное общество». Невозможно восстановить содержание всех бесед, в частности выступлений Глинки. Речи А. А. Никитина дают представление о политической ориентации ложи. Вероятно, речи Глинки, которые он произносил на собраниях, не уступали по своей идейной направленности речам Никитина и Боровкова. Но и выступления Никитина достаточно характерны. Если бы не удалось точно установить, что автором речи «О необходимости любви к отечеству» и речи, посвященной годовщине ложи «Избранного Михаила», был Никитин, то с одинаковым успехом их можно было приписать Глинке, настолько эти речи имеют много общего с глинковскими иносказаниями в прозе. Ограничимся одним примером. В речи на собрании, посвященном годовщине ложи «Избранного Михаила», Никитин обращался к «братьям»: «Да!.. заключим ныне между собою твердый оборонительный и наступательный союз противу всякого зла и, мужественно став под знаменем добродетели, как воины чести и правды, устремимся на поражение пороков! Дадим священный обет преследовать порок и здесь, и там, и везде, где ни встретим оный».⁴³ Достаточно было сказать о «наступательном союзе» и «священном обете», как вся аллегоричность картины становилась очевидной. Слова: «пристыжен и поруган порок, и одна добродетель распространяет владычество свое» воспринимались не как похвала, а как назидание, как призыв. Никитин говорил об идеальной России и ставил задачи перед «братиями». «Воины чести и правды», по словам Никитина, должны «уважать священное звание человека даже под тяжким гнетом рабства и в самом рубище нищеты», они должны быть «мудры в советах, постоянны среди блестящих превратностей двора, бесстрашны в битвах и ничем непоколебимы в судах: никакие грозы разгневанного монарха не могут заставить их унизиться до того, чтоб утаить перед ним истины».⁴⁴

Выступая 29 августа 1820 года с речью о сущности масонства, Никитин иронизировал над традиционным масонством: «Надел белый запон, привесил крест, накрыл голову шляпою, — вот я масон!» «Михайловцы», в сущности, были антимасонами; не за-

⁴² «Сын отечества», 1820, ч. 60, стр. 145—146.

⁴³ ИРЛИ АН СССР, собрание «Русской старины», № 12, л. 3 об.

⁴⁴ Бумаги Н. Ф. Дубровина, № 198 (1), л. 116.

думываясь о потустороннем мире и не претендуя на открытие священных тайн, они превратили фактически свою ложу в политический клуб. Занятия «братий» состояли в беседах на важные политические и этические темы, в пропаганде вольнолюбивых идей и в личном участии по отрасли человеколюбия и нравственного воспитания. Напомним, что говорилось о правилах нравственности в «Зеленой книге» (кн. 4, § 25):

«Всякий член Союза, а особенно член второй отрасли, должен для подавания примера сограждан.

1. Отличным образом исполнять как семейные, так и общественные обязанности.

2. Во всяком месте по силе своей унижать порочных, презирать ничтожных и возводить добродетельных людей.

3. Во всех поступках оказывать благородство и высококость души, добродетельному человеку свойственные.

4. Не расточать попусту время в мнимых удовольствиях большого света, но досуги от исполнения обязанностей посвящать полезным занятиям или беседам людей благомыслящих.

5. Быть особенным образом привержену ко всему отечественному и доказывать то делами своими.

6. В управлении подвластными быть добросердечным и человеколюбивым и примером честной жизни поощрять их самих к добродетели.

Словом: он должен как в помышлениях, так в важных и даже незначущих делах возвышаться над толпою беспечных, безумствующих и порочных людей».

Никитин говорил о том же самом: о «скромности» и «великодушии», об «уважении прав всякого человека», о «любви к отечеству и свободе» и т. п. Речь Никитина ничем не отличается от речей, которые произносили Глинка и Гнедич в Вольном обществе любителей российской словесности. В том и другом случае мы имеем дело с попыткой использовать легальные условия для пропаганды открытых целей Союза Благоденствия среди широких слоев петербургской интеллигенции.⁴⁵

Иначе нельзя объяснить выступление Никитина с таким нравственным катехизисом: «Послушный сын, верный супруг, почтенный отец — он есть вместе и друг человечества. Скромность, великодушие, уважение прав всякого человека — суть отличительные черты его жизни. Исполняя все сии обязанности, он помнит, что то великое гражданское общество, которое сохраняет собственность

⁴⁵ Следует указать, что ложа «Избранного Михаила» насчитывала 145 членов, тогда как ложа «Трех добродетелей» состояла всего из 15 членов.

его и личность, требует, чтобы он был тверд в вере предков своих, чтобы невежественное суеверие, безумное неверие и отвратительный фанатизм умел отделить от духа истинной веры: любовь к отечеству и свободе суть те кумиры его, которым он приносит жертвы. Усердие к общественным обязанностям, бескорыстие и честность должны быть все его действия и поступки. Защищая справедливость, он забывает личные свои выгоды и жертвует ими общему благу. Нося знак ложи, помнит, что он принадлежит к числу тех людей, которые дали друг другу честное слово поступать сообразно с достоинством человека; белый запон, сия одежда невинности, рождает в уме его мысль, что при всех занятиях своих он обязан избегать черных и бесчестных дел, на белом основании малейшее пятно приметно. Покрытая голова есть символ равенства, царствующего в нашей ложе и долженствующего вечно царствовать. Масон не унижается и не ползает у ног властелина, вельможи и временщика; но он не возвысится пред тем, кто зависит от его воли и власти».⁴⁶

В свете этого высказывания Никитина о масонах и «михайловцах» легче понять настоящие взаимоотношения между Союзом Благоденствия и «малой ложей». Благомеренная риторика этой речи прикрывала предписания Союза Благоденствия по отрасли «распространения правил нравственности». Невольно встает вопрос: если ложа «Трех добродетелей» была своеобразным филиалом Союза Спасения, то не являлась ли ложа «Избранного Михаила» ареной Союза Благоденствия? Отвечаем утвердительно.

Возможно и то, что под прикрытием кишиневской ложи М. Орлов пытался положить начало обществу «невидимых братьев». Это тем более вероятно, что управляющим ложей был избран его непосредственный помощник по 16-й дивизии бригадный командир П. С. Пушкин, состоявший в Союзе Благоденствия. В письме к Жуковскому в 1826 году Пушкин признавался, что из-за кишиневской ложи были уничтожены в России все ложи. «В Кишиневе я, — писал Пушкин, — был дружен с майором Равским, с генералом Пушиным и Орловым. Я был масон в кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи». Кишиневская ложа действительно была запрещена за год до появления указа Александра I о закрытии в России всех лож и тайных обществ. Начальник Главного штаба П. М. Волконский в ноябре 1821 года предписывал И. Н. Инзову доложить Александру I о поведении Пушкина и спрашивал: «Почему не обратили вы внимания на занятия его по масонской ложе?». Добродушный Инзов ответил, что «масонских лож в Бессарабии нет» и «Пушкин ведет себя изрядно». Насколько «изрядно» вели себя кишиневские масоны, свидетельствует послание Пушкина

⁴⁶ ИРЛИ АН СССР, собрание «Русской старины», № 15, лл. 3 об. и 4.

к П. С. Пушкину. Пушкин в таких словах приветствовал управляющего ложей:

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога;
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квиорога!
И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!
Хвалю тебя, о верный брат!
О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
Ликуй, им просвещенный!

Послание это к генералу П. С. Пушкину свидетельствует, что в кишиневской ложе «Овидий» «брatья» своим девизом имели слово свобода и одним из почетных «каменщиков» в этой ложе считался «грядущий наш Квиорога». Бесспорно, что и эта ложа, подобно двум петербургским — «Трех добродетелей» и «Избранного Михаила», — служила удобной формой конспирации; вместо таинств и мистических действий — обычные беседы вольнодумцев.

Еще 29 ноября 1821 года П. Д. Киселев писал генералу Сабанееву: «Дошло до сведения его императорского величества, что в Бессарабии учреждаются масонские ложи и что есть причастные чиновники, принадлежащие 2-й армии, в особенности генерал-майор Пушин. Посему государь император повелевает строго запретить военным чином иметь какое-либо участие в означенных ложах, а генерал-майора Пушина взять в особенное замечание».⁴⁷

5

Ложа «Избранного Михаила» и кишиневская ложа «Овидий» входили в союз «Великой ложи Астреи», но по существу они являлись независимыми «малыми ложами», действовавшими по своему усмотрению. Сенатор Кушелев, избранный в 1820 году великим мастером «Астреи», заметил однажды, что некоторые ложи явно заражены духом вольности и грозят истинному масонству своеволием. Кушелев обратился к Александру I с запиской, в которой советовал коренным образом преобразовать ложи или вовсе закрыть их. Одновременно сведения о политической неблагонадежности некоторых масонских лож поступили из Кишинева и Варшавы, Риги и Одессы. «Главная задача масонства состоит в том, чтобы распространять между всеми, — признавался в ноябре 1821 года Станислав Мицконеvский из Варшавы, — вольность и равенство, истреблять деспотизм или самодержавное правление, все сие, очевидно, угрожает народам потрясениями или революциею, подобно тем, какие были во Франции, Испании,

⁴⁷ ЦГВИА, № 39-350, Письма П. Д. Киселева, л. 7.

Португалии, Неаполе и Турине». ⁴⁸ Доносчики несомненно переоценивали опасность масонского движения, но неблагонадежные ложи все же существовали. В Петербурге такой неблагонадежной ложей, кроме ложи «Трех добродетелей», была ложа «Избранного Михаила», в которой Глинка и его ближайшие помощники приносили «смелые речи» и вызывали подозрения полиции; так же, как и петербургские декабристские ложи, строила свои работы в Кишиневе ложа № 25 под названием «Овидий».

1 августа 1822 года Александр I повелел от всех гражданских и военных чиновников потребовать строжайшую подписку, что они никогда не будут состоять ни в каких тайных и масонских обществах. Этим указом император отвечал не только архимандриту Фотию ⁴⁹ и сенатору Кушелеву, но и Грибовскому на его записку о Союзе Благоденствия. На последнюю он обратил самое серьезное внимание. В письме к гр. Кочубею Александр пояснял:

«Граф Виктор Павлович! Беспорядки и соблазны, возникшие в других государствах от существования разных тайных обществ, из коих оные под наименованием лож масонских, первоначально цель благотворения имевших, другие, занимаясь сокровенно предметами политическими, впоследствии обратились ко вреду спокойствия государств и принудили в некоторых сии тайные общества запретить. Обращая всегда бдительное внимание, дабы твердая преграда была полагаема всему, что ко вреду государства послужить может и в особенности в такое время, когда к несчастью от умствований, ныне существующих, проистекают столь печальные в других краях последствия, я принял за благо в отношении упомянутых обществ предписать следующее:

«Все тайные общества, под каким бы наименованием они ни существовали, как-то масонских лож или другими, закрыть и учреждения их впредь не дозволять». ⁵⁰

Узнав о запрещении масонских лож в России, А. Е. Измаилов писал своему другу Н. И. Шредеру 9 августа 1822 года:

«Любезный друг и брат!.. Но братья ли мы теперь? Все вслух уже говорят, что братство запретил собрат наш император.

Я сам читал указ,
И слезы полились из глаз!

«Посылаю к вам, почтеннейший Николай Иванович, копию с этого любопытного указа, полагая, что он, по крайней мере

⁴⁸ Фонд Шильдера (из аракчеевских бумаг), л. 188.

⁴⁹ 5 июня 1822 года архимандрит Фотий в Зимнем дворце имел разговор с Александром I, которому советовал «противу тайных врагов» действовать более решительно. 1 августа того же года, в день закрытия масонских лож, митрополит Серафим в Петропавловском соборе возложил на Фотия дар Александра I — алмазный крест. Государь просил передать Фотию, что указ о запрещении масонских лож и тайных обществ ныне же им издан. См. статью Мировпольского («Вестник Европы», 1878, № 11—12).

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. III отделения, бумаги собственной е. и. в. канцелярии (О закрытии масонских лож, лл. 1—3 об.).

официально, не дошел еще до вас. Вот какой сюрприз сделал нам государь при отъезде своем отсюда! Не знаю, чем провинились перед ним наши братья масоны. Сказывают, будто в Варшаве тамошние вольные или, лучше сказать, своевольные каменщики имели какие-то дерзкие затеи против правительства и что по сему случаю относился к государю великий князь К. П. За все же здешние ложи России, т. е. те, которые находятся в самой России, можно, кажется, присягнуть, что не имели ничего в виду, кроме самой позволительной цели».⁵¹ А. Е. Измайлов в основном не ошибался. Большинство масонских лож в России не были противозаконны, они составляли надежный оплот Священного Союза. Исключение из общего правила составляли те ложи, в которых было заметно влияние Союза Спасения и Союза Благоденствия. Но таких декабристских лож было немного среди множества реакционно-мистических лож.

Напуганные революционным движением в России, реакционные журналисты и публицисты пытались доказать, что декабризм лишен национальной почвы и происходит от масонства. «Я бы желала доказать, — признавалась графиня Толь, — что масонство было первопричиной возникновения всех тайных русских революционных обществ того времени, принесших, в виде своего первого плода, бунт 14 декабря 1825 года». «Союз Спасения, Союз Благоденствия, Северное общество и Южное общество и Общество соединенных славян — все они слились в одно имя: „декабристы“». «И это наименование, — продолжает гр. Толь, — все-таки неправильно, так как их истинное имя должно было бы быть — „масонское действо“».⁵²

Сама попытка превратить масонов в разрушителей «законом установленного порядка» малооригинальна. Масонов часто обвиняли во всех тяжких грехах, и слово «масон», подобно слову «вольтерьянец», на невежественных помещиков-крепостников нагоняло страх и ужас. Масонов считали «отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу», и т. п.⁵³ Ясно, что отождествление масонства с атеизмом и тем более с революционным движением основано на явном недоразумении. Была всего лишь попытка на Западе и в России использовать масонские формы в целях политической конспирации. В ложе «Избранного Михаила» и в кишиневской ложе «Овидий» русские вольнодумцы разыгрывают своеобразный маскарад. Не случайно Федор Глинка петербургскую ложу называл «Михайловским обществом».

⁵¹ ИРЛИ АН СССР, Письма А. Е. Измайлова к Н. И. Шредеру, шифр 398/8.

⁵² Гр. С. Д. Толь. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. СПб., 1914, стр. 23.

⁵³ М. А. Дмитриев. Мелочи запаса моей памяти. М., 1869, стр. 352.

Глава четвертая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

1

Вольное общество любителей российской словесности не являлось темой специального исследования, хотя сведения о нем встречаются в ряде работ библиографического и историко-литературного характера.¹ В «Биографии А. И. Кошелева» Н. Колюпанов (т. I, кн. 1, М., 1889, стр. 540—543) приводит краткие сведения о возникновении Общества; в статье «К вопросу о пушкинской плеяде» С. Н. Брайловского («Русский филологический вестник», т. 61, 1909, стр. 52—75) содержатся ценные материалы, касающиеся организационной структуры общества и предложения А. А. Никитина об издании энциклопедии; в монографии «Литературная деятельность Рылеева» (Киев, 1912, стр. 74—83) В. И. Маслов достаточно подробно говорит об участии в Обществе соревнователей Рылеева и в приложении к книге приводит список «должностных лиц Вольного общества любителей российской словесности в 1821—1825 гг.»; Ю. Г. Оксман в предисловии к «Полному собранию стихотворений» К. Рылеева посвятил Вольному обществу несколько строк, в которых намечено совершенно правильное решение интересующей нас проблемы. «История СПб. Вольного общества любителей российской словесности, — пишет он, — изучена очень мало. Однако самое имя его организатора, подбор его членов и политическая платформа издаваемого ими журнала («Соревнователь просвещения и благотворения») не оставляют, как полагаем мы, никаких сомнений в том, что СПб. Вольное общество любителей российской словесности являлось, подобно известной „Зеленой лампе“ и Военному обществу при

¹ См.: Н. К. Пиксанов. Два века русской литературы. ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 54—55.

Штабе гвардейского корпуса, одним из периферийных органов Союза Благоденствия, предусмотренных определенными параграфами его устава».² Наконец, в исследовании Б. С. Мейлаха «Пушкин и русский романтизм» (М.—Л., 1937, стр. 51—63) частично освещена одна из самых замечательных страниц в жизни Вольного общества — выступление «соревнователей» в защиту ссыльного Пушкина.

Но всего лучше обратиться к воспоминаниям самих «соревнователей». А. Д. Боровков, который вместе с А. А. Никитиным являлся основоположником литературного кружка «соревнователей», рассказывает, как однажды им пришла мысль собрать «близких знакомых» и составить из них общество, которое установит «связи с известными литераторами»: «Пылкий Никитин всегда имел на меня влияние и пробуждал мое усыпление. „С твердою волею, постоянством и трудом можно всего достигнуть“, — подумал я и принялся писать устав.

«Через три месяца после этой беседы, 17 января 1816 года, собрались у меня учредители общества: я, Никитин, брат мой Иван и надв. сов. Люценко, из студентов Московского университета, напечатавший уже несколько сочинений и переводов своих в стихах и прозе. Прочтен был проект устава; сделаны исправления, изменения, и заседание кончилось».³

Мы просмотрели архив Вольного общества, состоящий из 104 переплетенных «Журналов» и «Отчетов»: «Входящий журнал», «Входящие бумаги», «Журнал ученых упражнений», «Журнал распоряжений», «Исходящий журнал», «Отчеты» и «Дела по части секретаря».⁴ Сохранившиеся бумаги Вольного общества поражают обилием официальной переписки, подробнейшими финансовыми отчетами, многочисленной корреспонденцией с почтовой экспедицией. Документы, отражающие творческую жизнь Общества, выступления отдельных членов на публичных заседаниях, которые часто носили дискуссионный характер (о чем можно догадываться по второстепенным источникам), представлены исключительно слабо или вовсе не представлены. Возможно, что часть документов, проливавших свет на взаимоотношения Вольного общества с тайным обществом, была уничтожена в декабре 1825 года Глинкой или Никитиным, а всего вернее, А. Боровковым. Однако и по тем немногочисленным документам, подчас сухим и мало о чем говорящим сводкам и отчетам, которые сохранились, можно хотя бы частично восстановить историю Общества. Датой возникновения С.-Петербургского Вольного общества любителей российской сло-

² Ю. Г. Оксман. Предисловие. В кн.: К. Рылеев, Полное собрание стихотворений, стр. XXIII.

³ «Русская старина», 1898, № 9, стр. 53—54.

⁴ Описание архива см.: В. И. Срезневский. Сведения о рукописях, печатных изданиях и др. предметах, поступивших в Рукописное отделение библиотеки имп. Академии наук с 1904 г. СПб., 1907, стр. 225—227.

вности, или, как оно еще иначе называлось, Общества соревнователей просвещения и благотворения, следует считать 17 января 1816 года. В этот день состоялось первое собрание членов-основателей, на котором Е. Люценко, А. Боровков, А. Никитин и И. Боровков приняли правила общества и скрепили их собственноручными подписями. «Надворный советник Ефим Люценко, маркшейдер Александр Боровков, губернский секретарь Андрей Никитин и 14-го класса Иван Боровков, упражняясь в сочинениях и переводах с иностранных на отечественный язык, — говорится в «Журнале распоряжений» за 1816 год, — с общего согласия положили основать Общество под именем любителей словесности, дабы остающееся от занятий по службе время употребить на полезнейшие упражнения, предлагая труды свои на взаимное суждение. Почерпая же из опытов веков, что ни единое общество не может быть твердо, ежели оно не управляется прочными законами, основанными на здравом разуме и нравственности, за необходимое признали для руководства своего постановить правила, по прочтении которых утвердили их подписанием».⁵ На следующем заседании, 25 января, Ефим Люценко был избран председателем Общества, а секретарем — Иван Боровков, которого в скором времени сменил А. А. Никитин; тогда же в общество были приняты надворный советник И. И. Ильин, губернский секретарь Александр Дуроп и его родной брат, надворный советник Андрей Дуроп. Через пять дней, 1 февраля 1816 года, Общество пополнилось еще тремя новыми членами — титулярными советниками И. Ф. Григоровским, М. М. Сониным и П. И. Кеппенем (впоследствии известный славист, издатель «Библиографических листков» и академик). Показателен социальный состав первых членов общества. Почти все они петербургские чиновники, коллежские ассессоры и титулярные советники, в литературном отношении совершенно безвестные люди. Ефим Люценко был среди них самым маститым писателем. Литературная судьба Люценко прослежена в статье Б. Л. Модзалевского «Пушкин и Ефим Люценко». «Обозревая литературную деятельность Е. П. Люценко, можно сказать, — пишет Б. Л. Модзалевский, — что хотя он и принадлежит к числу довольно образованных людей своего времени, но лишен был как авторских дарований, так и литературного вкуса, включая сюда и способность владеть родным языком. Писал и переводил он много, но все его труды были лишены всякой оригинальности и притом носили случайный характер, зависевший иногда от той жизненной обстановки, в которой находился Люценко. Деятельность его была до такой степени бесцветна, что ее нельзя подвести ни под одно из господствовавших у нас литературных направлений».⁶

⁵ Вольное общество, 31, л. 3.

⁶ «Русская старина», 1898, № 4, стр. 88. Пушкин сохранил для истории имя секретаря хозяйственного правления Лицея Ефима Люценко, издав поэму

На таком фоне резко выделяются Федор Глинка и секретарь общества Никитин. Глинка (тогда уже известный писатель и член Союза Спасения) быстро продвигается в руководящий состав Вольного общества любителей российской словесности. Ноябрьский «Журнал распоряжений» Общества соревнователей просвещения и благотворения за 1816 год уведомлял своих членов, что «капитан Федор Николаевич Глинка, ревнуя цели общества», прислал в пожертвование следующие книги: «1-е. „Письма к другу, содержащие мысли о разных предметах“, в двух частях; 2-е. „Письма русского офицера“, в 8 частях, и 3-е. „Плутарх для молодых девиц, или краткое жизнеописание славных жен“, в 4 частях. Сверх того, представил на рассмотрение стихи своего сочинения на смерть князя Багратиона». Ровно через две недели, 28 ноября 1816 года, на очередном заседании Глинка был единогласно принят действительным членом Общества соревнователей просвещения и благотворения (окончательно утвержден на следующем заседании — 5 декабря 1816 года). Тогда Глинка уже состоял в Союзе Спасения. Секретарь общества Никитин как общественный деятель также заслуживает внимания. Достаточно сказать, что в это же время он сотрудничал в ложе «Избранного Михаила» и был близок к Глинке, стороннику представительного правления в России.

Несмотря на дилетантский и политически умеренный характер, какой имело в то время Вольное общество любителей российской словесности, Глинка и Никитин стремятся придать его деятельности более серьезное направление. Интересны с этой точки зрения материалы заседаний Общества, на которых обсуждались «Правила общества любителей словесности» (на них как раз присутствовал Глинка) и развернувшаяся по поднятым вопросам дискуссия. «Правила» Общества утверждались осенью 1816 года; они состояли из двух частей: «образование» и «благотворение». В первую часть входило 18 глав, все они касались внутренней организации Общества: 1) состав и цель Общества, 2) о попечителях, 3) о членах вообще, 4) о действительных членах, 5) о почетных членах, 6) о сотрудниках, 7) о корреспондентах, 8) о должностных лицах, 9) о председателе, 10) о помощнике председателя, 11) о цензорах, 12) о секретаре Общества, 13) о секретаре цензуры, 14) о библиотекаре, 15) о казначее, 16) о собраниях

«Востола, или желания» (сочинение Виланда, 1835). Поэма вышла без упоминания имени переводчика, но позже аноним был раскрыт. В 1845 году Плетнев писал Я. К. Гроту: «„Востолу“ Виланда перевел какой-то бывший некогда учитель Пушкина (не могу вспомнить теперь его фамилию); он состоял в первые годы членом Общества соревнователей просвещения и благотворения, после служил в Военном министерстве чиновником и, по общей слабости чиновников из класса ученых, попивал. Ему-то Пушкин и позволил назвать себя издателем сего перевода» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II. СПб., 1896, стр. 583).

Общества, 17) о комитетах, 18) об уставе Общества. Вторая часть, где говорилось о благотворении, состояла всего из 5 пунктов: 1) о цели издания трудов Общества и благотворении вообще, 2) о благотворениях постоянных, 3) о благотворениях временных, 4) о правах и обязанностях членов в отношении к благотворению, 5) об отчетах.

«Правила общества любителей словесности» в политическом отношении были вне всяких подозрений. Основное правило гласило: «Всякому члену предоставляется полная свобода подавать мнение свое на читанное произведение, остерегаясь только касаться личности и обнаруживать слабость других с ядовитостью: ибо чистосердечие и справедливое суждение должны связывать Общество любителей словесности, которое без сих двух средств не только не принесет никакой пользы, но и мгновенно разрушится».⁷ Основная цель Общества сводилась к чтению и исправлению читанных произведений, к «суждению и строгому разбору ошибок, противных правилам изящной словесности». Благонамеренная цель Общества особенно подчеркивалась в той части «Правил», которая касалась отношения к правительству: «Очищая, сколько можно, язык русский от излишних и неприличных выражений в прозе и стихотворстве, оно старается исправлять сочинения своих членов, удаляясь мнений, вредных нравственности, правилам чистого разума, а особенно правительству и вере. Таким образом, при самом начале поставяет себе законом одно благопристойное и позволительное».⁸ Благонамеренность «Правил» Общества сказалась и в стремлении изолироваться от общественно-благотворительной деятельности, о ней в уставе говорилось мало и крайне неопределенно.

Однако и эти первые заседания Общества любителей словесности, посвященные обсуждению формы устава, не обошлись без полемики. 5 декабря 1816 года слушалась последняя часть устава («Благотворение»), причем большинством голосов были отвергнуты §§ 48, 54, 78 и 79, а также предлагалось «совершенно уничтожить» заключение ко 2-й части. В чем состояло содержание изъятых параграфов — нам неизвестно, так как в делах Общества не сохранилось чернового варианта «Правил». О них можно только догадываться по ходу дальнейшей дискуссии, поднятой Никитиным. Никитин считал необходимым, чтобы Вольное общество любителей словесности не ограничивало себя рамками литературного дилетантского объединения, а занималось бы подысканием «занятий людям, имеющим дарование», «помогало увечным и престарелым чиновникам, равномерно и вдовам, ходатайствовало в судах за беззащитных, исцеляя немощных, погребая бедных и, наконец, выкупая содержащихся в заключении за долги».⁹

⁷ Вольное общество, 52, л. 13 и об.

⁸ Там же, л. 17 и об.

⁹ Там же, л. 44.

Проект Никитина в 1816 году не был принят членами Общества, и благотворение, «по обширности своей», положено было уменьшить. Не встретил поддержки Общества также проект Никитина об издании журнала, который он внес на обсуждение в августе 1816 года. Этим проектом Никитин пытался восполнить одно из важнейших упущений проекта устава: он предлагал издавать журнал «в пользу нуждающихся», а также практиковать «отдавание на воспитание сирот и детей бедных чиновников» в особый пансион при «доме Общества». Стремление Никитина развернуть издательскую деятельность Общества увенчалось некоторым успехом. В конце 1817 года было решено издавать журнал «Труды Вольного общества любителей российской словесности», который выходит также и под названием «Соревнователь просвещения и благотворения». В первые четыре части «Соревнователя» (1818 год) вошли самые ранние произведения членов Вольного общества, скопившиеся в большом количестве за два года публичных и обыкновенных заседаний.

2

6 марта 1817 года Никитиным был представлен на рассмотрение Общества новый проект. Автор проекта считал «священным долгом» сообщить, что издание журнала «еще не может быть достаточно для цели Общества», что «неутомимое рвение к распространению просвещения» влечет за собой увеличение мероприятий. Никитин предлагал приступить к подготовке следующих изданий: 1) полной «Российской энциклопедии»; 2) исторического словаря о великих мужах России («Жизнеописание многих великих людей отечества»); 3) нового иконологического словаря с изображениями.

Ратуя за принятие проекта, Никитин говорил «соревнователям»: «Но сколько достопримечательных и любопытных мест в отечестве нашем, ожидающих трудолюбивой руки любителей изящности». Свою мысль он подкреплял примерами: водопад Кивач, хижина Петра Великого, Илецкая защита, поле Куликово, древний славянский Киев, оборона Калуги и Смоленска. Все эти исторические места достойны кисти и пера художников и писателей. Никитин напоминает о греках и римлянах, которые «указывали юношам» на подвиги великих мужей и «воспламеняли их к великим предприятиям». Это уже совсем в духе декабристского преклонения перед античной гражданственностью. Призывая отечественных писателей изображать «великих мужей России», «славянское мужество», Никитин еще в 1816 году ставил вопрос о необходимости разъездных корреспондентов, собирающих памятники народного творчества. «Таким образом, — говорил он, — можно бы собрать музыку народных песен, свойственных каждому месту племени славян многочисленно, приятно

было бы для читателей слышать многообразные звуки народной музыки. Свадебные, подблюдные, застольные и тому подобные песни предпочтительно служат характернейшим отличием жителей России». Предлагая приступить к изданию национальной энциклопедии и исторического словаря, секретарь Вольного общества предупреждал, что все эти предприятия «без сомнения велики и требуют многого труда, способов и времени, но кому же исполнить их, как не обществам, имеющим несомненно более возможностей, нежели человек частный».¹⁰ «Сии-то или подобные сему труды достойны внимания Общества, они-то определяют истинную ему цену и уважение не только соотечественников, но и всей Европы».¹¹

Бумаги, сохранившиеся в архиве Вольного общества любителей российской словесности, свидетельствуют о том, что в составлении проекта о необходимости иметь «Российскую энциклопедию» и «Словарь великих мужей России» непосредственное участие принимал Глинка. Предложение исходило от секретаря общества. Но это не значит, что за ним не стоял член Союза Спасения. Влияние Глинки на Никитина в течение всей их совместной деятельности совершенно бесспорно. В Вольном обществе любителей российской словесности, как и в ложе «Избранного Михаила», Никитин очень часто предлагал и осуществлял то, что ему подсказывал опытный руководитель и авторитетный общественный деятель. Предложение Никитина о «Российской энциклопедии» и «Словаре великих мужей России» имеет много общего с предложением Глинки о необходимости иметь свою «Отечественную историю», высказанным на страницах «Сына отечества». Одновременно с летописью Отечественной войны 1812 года Глинка замыслил создание силами писателей, «любителей отечественной славы», исторического повествования наподобие «Путешествия Анахарсиса по Греции». Ю. Г. Оксман в статье «Из агитационной литературы 20-х годов» справедливо пишет, что известная книга Жан-Жака Бартеlemi «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» не случайно была рекомендована Глинкой, одним из организаторов и руководителей Союза Благоденствия. «Это указание сделано было в программном выступлении Глинки в Вольном обществе любителей российской словесности и являлось ответом на потребность в создании специального исторического труда, который в противовес официозной „Истории государства российского“

¹⁰ Проект Никитина ни среди членов Общества, ни в Комитете министров, где решающее мнение принадлежало вице-адмиралу Шишкову, не нашел поддержки. Шишков усмотрел в мероприятиях Никитина попытку противопоставить Обществу соревнователей просвещения и благотворения деятельности императорской Академии. «Другой Академии, — говорил Шишков, — восстанавливать не следует ни по каким причинам» и ставил в пример свою «Беседу», куда собиравлись «читать перед публикою избранные произведения писателей».

¹¹ Вольное общество, 1, лл. 25—27.

мог бы воскресить перед „юными россиянами“ героическое прошлое их родины, популяризировал бы в занимательной форме своеобразие русской культуры, раскрывал бы на конкретных примерах ее давние демократические традиции... Апелляция в статье Ф. Н. Глинки к „славянорусскому Анахарсису“ не оставляет никаких сомнений в том, что для первого поколения русских дворянских революционеров в рассказах Бартеlemi особенно значим был отказ автора от реставрации старины с абстрактно-академических позиций, его переоценка дел и людей античного мира под углом зрения строителей новой жизни — борцов с идеологией разлагающегося феодализма».¹²

Крупнейшее событие национальной жизни и биографии отечественных героев (жизнеописания) достойны «славянорусского Анахарсиса, путешествующего из края в край еще не разделенной России». Глинка набросал план путешествия, основные его маршруты, наметил важнейшие разделы будущего «исторического повествования». В «русском Анахарсисе» следовало представить «почетный пир князя Владимира, Солнышка Святославича», «вещих боянов, могучих богатырей», «Новгород Северский» и все, что связано с древним городом, «поход Игоря против половцев», «знаменитейших жен русских, избавляющих себя честною смертью от позорного пленения», в частности дочь князя Ярослава Владимировича, верную супругу отважного Игоря, поля задонские и стены казанские, говорящие о «прежней славе россиян» и другие «намекы на избранные места истории нашей». Глинка указывал на основной источник, которым следует пользоваться при написании «исторического путешествия». «Великие деяния, рассеянные в летописях отечественных, блестят, как богатейшие восточные перлы или бразильские алмазы на дне глубоких морей или в ущелии гор. Стоит только собрать и сблизить их, чтоб составить для России ожерелье славы, которому подобное едва ли имели Греция и Рим.

«Древнейшие русские летописи, рассеянные по разным рукам, любопытнейшие грамоты и записи, погребенные в архивах древних городов и монастырей, старинные народные предания, песни, стихотворения русские — вот первые источники для исторического путешествия».¹³ Путешествующий историк должен описать «прежнюю славу россиян... словами старых повестей, не по замышленным стихотворцев и басносплетателей, но по былинам тех времен». «Подвиг, — заключает Глинка. — трудный, но блистательный!.. Тогда увидим мы в сей любопытнейшей книге, как в очарованном зеркале, гражданские законы, воинское ис-

¹² Ю. Г. Оксман. Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX века. В кн.: Очерки из истории движения декабристов. Госполитиздат, М., 1954, стр. 478—479.

¹³ Ф. Глинка. Письма к другу, ч. 2, стр. 7—8.

куство, нравы, обычаи, одежду людей и слог — одежду мыслей их: все в совершенном приличии месту, случаю и времени (разрядка Глинки, — В. Б.).

Тогда, конечно, взывает дух юного россиянина при воззрении на великие доблести и воинскую славу предков». ¹⁴ Рассуждение Глинки об «историческом повествовании» предвосхищает не только предложение Никитина о «Словаре великих мужей России», но и многие помыслы будущих декабристов. «Проект» Никитина не получил никакого движения в Вольном обществе любителей российской словесности. «В 1817 году прогрессивная группа еще не располагала абсолютным влиянием на дела общества. И вот мы видим возобновление этого проекта, — пишет Б. В. Томашевский, — в „Зеленой лампе“, где одну из первых ролей играет опять Федор Глинка». ¹⁵ В «Зеленой лампе» Я. Толстым и С. Трубецким подбирался библиографический материал по русской истории. С. Трубецкой интересуется «периодическими изданиями, где помещены жизнеописания славных мужей российских»; Я. Толстой пишет «список знаменитых мужей российского государства» и вместе с Н. Всеволожским создает ряд биографических очерков, используя «Историю государства российского» Карамзина. Но и в «вольном обществе» не расстаются с идеей прославления «славных мужей российских». В 1817 году была временная победа на стороне умеренных «соревнователей».

Споры и несогласия распространялись и на другие вопросы. Так, отвергается предложение Никитина о дисциплине. Вместо того чтобы поддержать мнение секретаря, помощник председателя Общества И. И. Ильин 26 сентября 1816 года превратил серьезный разговор в шутку. За нарушение «правил, единожды обществом утвержденных», он предложил нарушителей в наказание потчевать «стаканом холодной воды». ¹⁶ Два года в Обществе соревнователей просвещения и благотворения занимались чем угодно, но только не просвещением и благотворением. О том, как «соревнователи» понимали просвещение, свидетельствует ода «Польза просвещения», автором которой был председатель Ефим Люценко. Ода читалась при открытии «заседаний во вновь нанятом сим сословием доме» ¹⁷ на торжественном собрании. О просвещении в ней было сказано:

О просвещенье, дар небесный,
Источник божеских лучей!
Что был бы в мире род словесный
Без сильной помощи твоей?

¹⁴ Там же, стр. 14—15.

¹⁵ Б. Томашевский. Пушкин, кн. I, стр. 218.

¹⁶ Вольное общество, 52, л. 47 об.

¹⁷ В квартире Т. Н. Крикуновского, в Коломне, близ Аларчина моста, в доме генерала Удому. «Сначала общество наше, — замечает А. Д. Боровков, — было кочующее: мы собирались поочередно то у одного, то у другого в уютных холостых квартирах» («Русская старина», 1898, № 9, стр. 54).

Деятельность Общества словесности первого состава в достаточной степени характеризует публичные заседания, которые созывались с целью демонстрации лучших произведений «соревнователей». За 1816 год в Обществе состоялось два собрания (29 августа и 21 ноября); в 1817 году заседаний было значительно больше (всего шесть публичных заседаний), но содержание их не изменилось. Люценко обычно читал свой растянутый эпический опыт «Чеслав»,¹⁸ Ал. Дуроп неизменно выступал с баснями и посланиями к Лизете по «случаю произнесенных ею слов, что любовь есть мечта», В. Бриммер и Н. Розенмейер знакомили слушателей со слабыми подражаниями и переводами Маттисона, Шиллера и Виланда, гр. Хвостов читал свои многочисленные оды, посвящения, мадригалы и эпитагмы, гр. Салтыков выступил с пастушеской поэмой «Нина» и патриотическим гимном «Москва». Среди произведений, читанных на литературных собраниях 1816—1817 годов, встречается одно сочинение, принадлежащее другу В. Ф. Раевского П. Приклонскому («Что есть жизнь?»). На отдельных заседаниях Я. Орлов читал содержательный исторический трактат «Дух российских государей Рюрикава дома», Е. Ковалевский представил на рассмотрение краеведческий очерк «Поездка к Уральским горам», А. Боровков — «Поездка на Илецкую защиту», Ив. Боровков — «Путешествие к водопаду Кивач», гр. Хвостов — «Путешествие к реке Паше». Но эти произведения, написанные на исторические и этнографические темы, оттеснялись подражательными баснями и элегиями и не создавали литературного направления.

3

Безусловный интерес представляет личность Никитина, несмотря на то что он обладал весьма заурядным поэтическим дарованием. В 1817 году его комедия «Побродягин, или прогулка по Петербургу» обсуждалась на заседании Общества и была принята с тем условием, что автор сократит некоторые «непристойные места». В печатном варианте такое «непристойное место» составляет рассказ Побродягина о посещении кукольного театра: на сцену выбежали собаки, самая жирная собака села за кучера, самая тощая, поглядывая на толстую палку хозяина, должна на себе везти всю эту тяжесть. «Эта собачья сцена, — замечает Никитин, — часто бывает сходна с человеческой. Простосердечный и трудолюбивый работает, как вол, потому что имеет разум; хитрые глупцы покоятся за большим столом, а хитрейшие управляют машиною, приводя ее в действие посредством людей трудолюбивых».¹⁹ В отличие от Бриммера и Розенмейера, которые высту-

¹⁸ Кроме статьи Б. Модзалевского о Е. П. Люценко, см. вступительную заметку Б. Томашевского в кн.: Ирой-комическая поэма. Изд. писателей в Ленинграде, 1933 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 567—573.

¹⁹ «Соревнователь», 1818, ч. III, № 8, стр. 228.

пали на публичных собраниях с чтением переводов немецких романтиков, Никитин настойчиво популяризировал поэзию Оссиана, видя в ней не столько мотивы тоски и разочарования, сколько своеобразную гражданскую скорбь о героях, павших на поле брани. В «Песне на могиле павшим за Отечество», написанной под влиянием песен Оссиана, патриотическая военная тема получает несколько неожиданный поворот:

О вы, надменные владыки!
Что значит слава ваших дней?..
... Так, ваши имена забудут,
И барды в песнях вековых
Тиранов прославлять не будут:
Их лиры — славят лишь благих...

Далее автор славит «благих», имея в виду добродетельного монарха.

Но добродетель где на троне,
Там прочно счастье живет,
Где ангел благодати в короне,
Там — капля крови не падет;
Там — пылью шлем лежит покрытый,
Там — меч преобращен во плуг,
Там — старцы, вдовы не забыты,
И сироте найдется друг.

«Песнь на могиле павших за Отечество», появившаяся под инициалами «А. Н.» в 1818 году в «Соревнователе просвещения и благотворения» (№ 2), своей необычностью привлекла внимание Г. А. Гуковского. Не раскрывая авторства, Г. А. Гуковский заметил, что «здесь говорится как будто не к теме». Действительно, «как будто не к теме», но главная тема этого стихотворения разъяснена в одном из следующих выступлений Никитина. 23 сентября 1817 года в публичном заседании Общества Никитин читал свою оду «Отсутствие северной богини». Эта ода, напечатанная в № 5 II части «Соревнователя» за 1818 год и подписанная снова «А. Н.», имеет самое непосредственное отношение к агитации в пользу императрицы Елизаветы Алексеевны.

Научи ты суеверов
Вере истинной святой;
Устыди ты лицемеров
Добродетелью — собой!
Но среди благих деяний
Вспомни также и о нас;
И средь гимнов, восклицаний
Не забудь возврата час.
Возвратись — сирот отрада,
Возвратись — надежда вдов,
Возвратись — наук ограда,
Возвратись — в бедах покров!

Возвратись — и всей природе
Возвратится вид иной,
Оживут сердца в народе,
И воскреснет наш покой.

Стихотворение Никитина, мало отличное от обычных хвалебных од, посвященных царям и царедворцам, приобретает особый смысл в связи с появлением в 10-м номере того же журнала за 1819 год стихотворения «Ответ на вызов написать стихи в честь императрицы Елисаветы Алексеевны» А. С. Пушкина. Предупредив, что до сих пор «земных богов... не хвалил», «силе... кадилом лести не кадил», «свободу лишь учась славить», Пушкин признается, что для Елисаветы Алексеевны он делает исключение и ее он «втайне пел».

Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

А. Н. Шебунину принадлежит мысль о том, что «хотя у нас нет основания считать, что Глинка оказал какое-либо влияние на написание Пушкиным его стихотворения», но «есть все основания полагать, что он использовал эти стихи для своей агитации». «Уже один факт дружбы и политической близости Пушкина и Глинки, — замечает Шебунин, — наводит на мысль, что это стихотворение имеет какую-то связь с агитацией последнего в пользу Елисаветы Алексеевны».²⁰ Заметим, что стихотворение Пушкина читалось бар. Дельвигом 25 сентября 1819 года не в Вольном обществе любителей российской словесности, как это утверждает Шебунин, а в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств. Произведения, читанные во втором «вольном обществе», как правило, печатались в «Сыне отечества» Греча или в «Благонамеренном» Измайлова. Стихотворение Пушкина появилось в «Соревнователе просвещения и благотворения». Пушкин доверил судьбу своего стихотворения Глинке. Глинка выступал в качестве своеобразного посредника между автором послания и кн. Н. Я. Плюсковой (в беловом автографе стихи Пушкина озаглавлены: «К Н.Я.П.»).²¹ В реестре стихотворений, поступивших

²⁰ А. Н. Шебуни н. Пушкин и «Общество Елисаветы». В кн.: Пушкинский временник, т. I. М.—Л., 1936, стр. 58.

²¹ Л. Н. Майков полагал, что «вызов» написать стихи в честь императрицы Елисаветы Алексеевны могла сделать «умная и образованная фрейлина императрицы Елисаветы Алексеевны Наталья Яковлевна Плюскова, проживающая в Царском Селе и коротко знакомая с семейством Карамзиных, И. И. Дмитриевым, А. И. Тургеневым и князем П. А. Вяземским» (Л. Н. Майков о Пушкине.

в Вольное общество любителей российской словесности, имеется следующая запись: «А. С. Пушкин. Достав. Ф. Н. Глинкою. Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества императрицы Елизаветы Алексеевны».²² Для Глинки послание Пушкина имело огромный политический интерес. В конце 1819 или начале 1820 года при встрече с Перетцем Глинка говорил о возможности «удесятерить успех» тайного общества, если «присоединиться к Обществу Елизаветы, желавшему возвести на престол ныне вдовствующую императрицу Елизавету Алексеевну». Агитация Глинки в пользу Елизаветы Алексеевны достаточно подробно освещена в исследовании А. Н. Шебунина «Пушкин и „Общество Елизаветы“». В отличие от А. Н. Шебунина мы не считаем возможным говорить об Обществе Елизаветы как о каком-то самостоятельном обществе или филиале Союза Благоденствия. Федор Глинка, защищавший тогда идею конституционной монархии, пропагандировал в пользу Елизаветы Алексеевны на собраниях Союза Благоденствия, и его агитация имела некоторый успех.

Ясно, что столь важный вопрос, каким является агитация одного из руководителей Союза Благоденствия в пользу Елизаветы Алексеевны, не мог возникнуть сразу, в момент известной дискуссии 1820 года (на собрании Коренной думы Союза в квартире Глинки, когда с докладом выступал Пестель). Очевидно, Глинка заранее обдумал и взвесил свое предложение, а его программное выступление на совещании 1820 года являлось итогом определенной политической тенденции. Глинка защищал конституционную монархию, ограниченную твердыми законами. Это была позиция конституционалиста, возражавшего против республиканской формы правления. Еще в «Письмах русского офицера», вспоминая о трагедии Ренуара «Собрание чинов Франции в городе Блуа», Глинка противопоставлял «добродетельного» Генриха IV «честолюбивому» Глилу. «Желал бы я, — признавался Глинка, — чтоб все цари мира услышали, как Генрих говорил о выгодах спокойствия, о благополучии государств. Это не тот государь, который знает о состоянии народа только по слуху и верит счастью его в раскрашенных ложью рассказах льстецов; нет, Генрих жила в хижинах, был другом и отцом поселян».²³ Не один только Глинка, но и некоторые другие декабристы (В. И. Штейнгель,²⁴ Н. И. Тургенев, В. К. Кюхельбекер, Н. А. Бестужев) были

СПб., 1899, стр. 89). Даже если это так, посвящение «К Н. Я. П.» не заменяет собой «вызова», который был сделан Глинкой.

²² Вольное общество, 47, л. 72 об.

²³ Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера, ч. 8, стр. 60.

²⁴ В. И. Штейнгель в письме Николаю I от 11 января 1826 года ставил в пример Генриха IV: «Воскресите для России в особе своей благодушного Генриха IV... Великий Генрих принял Францию в бедственном положении, но пожелал видеть ее счастливою, избрал честного Сюлли, — в десять лет все

склонны идеализировать Генриха IV, видя в нем «благодушного» и «просвещенного» монарха. Что касается агитации в пользу Елизаветы, то и здесь Глинка находил идейных союзников. А. Бестужев показывал на следствии о С. Трубецком: «За два дни он говорил, чтобы действовать как можно тише и не лить крови; и тут и во время известия о смерти проговаривал, что нельзя ли императрицу Елизавету на трон возвести».²⁵ Можно сказать, что Глинка в 1819 году увлек и Пушкина, который откликнулся стихотворением «В ответ на вызов написать стихи в честь императрицы Елизаветы Алексеевны». Рассматривая пропаганду в определенных кругах Союза Благоденствия в пользу Елизаветы, надо «со всей отчетливостью подчеркнуть, что существо дела вовсе не в прославлении добродетельной и кроткой императрицы и отнюдь не в дворцовой интриге „предпочтения“ на самодержавном троне жены — мужу. Речь идет о конституционной монархии, о ликвидации абсолютистского режима, о введении представительного правления, обеспеченного конституцией. Естественно, слабая женская тень на троне при российском парламенте и депутатах была выгоднее для молодых русских конституционалистов, нежели какая-либо „энергическая“ фигура солдафона из дома Романовых. Агитация за Елизавету являлась поэтому, так сказать, левым направлением в рамках идеологии конституционной монархии, которая была свойственна декабристам на раннем этапе Союза Благоденствия. . . Решение в пользу Елизаветы было лишь одним из обдуманных вариантов плана государственного переворота и введения конституционной монархии».²⁶

4

До 1818 года Вольное общество влачило довольно жалкое существование. Кстати скажем, что оно и именовалось просто Обществом любителей российской словесности. С 1818 года появляется существенное дополнение: Вольное. Снова встал вопрос об уставе. Вновь принятый устав Вольного общества любителей российской словесности отличался от «Правил», учрежденных членами-основателями в 1816 году, двумя существенными дополнениями. В разделе «Состав Общества» (ч. 1, гл. 1) уточнялась цель Общества: «Вольное общество любителей российской словесности составляется из членов, имеющих знание и вкус в словесности, науках, изящных искусствах и отличающихся любовью к ближним и благонравием. Скромность, взаимная доверенность, отвержение гордыни и сострадание

изменило вид свой» (Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. I, стр. 441—442).

²⁵ Восстание декабристов, т. I, стр. 136.

²⁶ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 258—259.

к человечеству должны быть душою сего сословия». Вторая поправка, внесенная в новую редакцию устава, касалась непосредственно благоденствия и благотворения. В заключении раздела «Цель общества» вместо слов «Таким образом, при самом начале поставляет себе законом одно благопристойное и позволительное» сделана приписка, которую в свое время предлагал Никитин в журнальном проекте, а именно: «Одобренные труды свои Общество издает в свет, жертвуя всеми выгодами от оных в пользу нуждающихся».²⁷ Вторая часть устава («Благотворение») новой редакции предполагала конкретные мероприятия благотворительства: оказывать помощь сиротам, открыть специальную школу для питомцев Вольного общества любителей российской словесности и пр. Если вспомнить, что и Союз Благоденствия (открытая цель «Зеленой книги») ставил перед собой подобные же задачи, то смысл поправок, внесенных в устав Общества любителей словесности, будет еще более очевидным. Несомненно, что эти поправки были предложены Глинкой и Никитиным.

После «высочайшего» утверждения Общества любителей словесности, кажется, должна была наступить пора активной деятельности. Но этого не случилось. Два года (1816—1817) прошли в мелких распрях и в чтении заурядных произведений третьеразрядных писателей. Легче было создать новое, нежели возродить старое Общество. Многие члены перестали посещать собрания и вели себя как посторонние лица, «не имеющие понятия ни о законах Общества, ни о порядке дел». Кризис назревал так стремительно, что встал вопрос, быть или не быть Обществу соревнующимся, продолжать деятельность или признать свою несостоятельность.

18 февраля 1818 года А. Никитин представил свое «Мнение» о создавшемся положении в Обществе. Осуждая бездеятельных и колеблющихся членов, он считал необходимым принять срочные меры и с этой целью предлагал: 1) приступить к избранию второго попечителя Общества; 2) просить взаимобразно «монарших щедрот» через кн. Голицына для заведения типографии в размере 25 000 рублей; 3) приступить к подготовке «Российской энциклопедии» и утвердить особый энциклопедический комитет; 4) требовать от членов Общества «краткое жизнеописание».

«Мнение» Никитина вызвало оживленные прения. Бывший председатель Общества Е. Люценко высказался против заведения типографии, считая это мероприятие слишком рискованным, и вместо него предложил более «благородную цель», предусмотренную уставом Общества. «Первая цель устава нашего, — говорил он, — облегчать благотворениями заслуженных в ученом свете мужей, угнетаемых бедностию от случая; вторая — воспитывать,

²⁷ Вольное общество, 104, л. 10 и об.

т. е. просвещать детей... Я считал бы полезнее просить о взаимобразной выдаче 25 000 рублей под поручительство не на заведение коммерческого промысла, типографии, но единственно на учреждение никакому подрыву не подлежащего нового питомника наук, гораздо приличнейшего цели просвещенного общества». ²⁸ На типографию Никитин не смотрел с коммерческой точки зрения. Типография была необходима для издания «Соревнователя просвещения и благотворения» и особенно для издания «Российской энциклопедии». Чтобы «избавить многих фанатиков от ложного страха», Никитин предложил назвать энциклопедию просто «словарем». Проект Никитина остался на бумаге. Во-первых, Вольное общество не получило никаких «монарших щедрот», и открытие типографии откладывалось на неопределенные сроки. Во-вторых, предложение издавать «Российскую энциклопедию» было отрицательно встречено реакционно настроенной частью Общества. ²⁹

«Соревнователь просвещения и благотворения» тоже не оправдывал надежд. На заседании 21 октября 1818 года встал вопрос о целесообразности продолжения издания журнала. Ан. Дуроп

²⁸ Там же, 2, л. 99 и об.

²⁹ Известно, что в типографии С. А. Селивановского набирался «Энциклопедический словарь», два тома вышли, а третий остался в незаконченном виде. Первая часть «Энциклопедического словаря» — без титульного листа, стр. 746, от «А» до «Августин, архиепископ Московский и Коломенский» — хранится в отделе редких книг ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Издание «Энциклопедического словаря», как и вся деятельность С. А. Селивановского, привлекли внимание Следственного комитета. Знакомства московского типографа-щика с декабристами были настолько значительны, что В. И. Штейнгель в следственных показаниях от 30 апреля 1826 года прямо заявил, что Селивановский «и без привлечения его в Общество содействует достижению его целей изданием книг, распространяющих свободные мысли» («Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, стр. 305). Познакомившись с Селивановским в ноябре 1824 года, Рылеев писал в конце того же года П. М. Строеву: «Прошу сказать мое истинное почтение г. Селивановскому. Он у меня из головы не выходит, истинно почтенный человек» (К. Ф. Рылеев, Полн. собр. соч., М., 1934, стр. 480). Именно ему, «истинно почтенному человеку», Рылеев доверил издание «Дум» и «Войнаровского». Ю. Г. Оксман ставит «Энциклопедический словарь» в прямую зависимость от тайного общества: «Ближайшее участие в работах по составлению новой энциклопедии принимал В. К. Кюхельбекер, проживавший с 1823 по 1825 год в Москве и бывавший в доме Селивановских, также и Рылеев, Пушин, Штейнгель, Муханов и другие видные декабристы. Не удивительно, что три отпечатанных тома энциклопедии Селивановского были конфискованы и уничтожены, а сам он избежал ареста только потому, что благодаря своим связям и крупным денежным средствам нашел защитников в лице московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына и сенатора С. С. Кушника — члена Верховного уголовного суда» (Ю. Г. Оксман. Белинский и политические традиции декабристов. Сб. «Декабристы в Москве», Изд. «Московский рабочий», 1963, стр. 191). В одном из секретных донесений отмечалось, что в типографии Селивановского, участвовавшего «в заговоре 14 декабря» и «умершего в 1835 году», «печатались манифесты злоумышленников, но для сокрытия сего даже самые литеры после отпечатания были перелиты» («Русский архив», 1901, № 3, стр. 528).

высказывался против продолжения, его поддержал Т. Н. Крикуновский, даже Никитин на этот раз не знал, что делать, тем более что первые части журнала «принесли весьма ограниченную пользу для бедных». Только Глинка настаивал на продолжении издания и убеждал, что «Общество ни соревновать благотворению, ни существовать без журнала не может».

Вольное общество переживало кризис. «Мнение» Никитина, датированное 18 февраля 1818 года, дает ясное представление о тех неполадках и раздорах, которые возникли в самый ответственный момент, когда Союз Благоденствия решил использовать это общество в своих пропагандистских целях. Проявляя большую тревогу, Никитин писал о тех болезненных явлениях, с которыми нельзя было мириться. Приводим ту часть «Мнения», в которой он касается дисциплины и внутреннего порядка:

«Из представленных отчетов Общество видело, что многие из членов не сообщили ни одного сочинения и даже перевода и что число трудящихся членов весьма невелико; а потому осмеливаюсь возобновить внимание сего сословия на представленный прежде мною проект составления Российской энциклопедии, которую, для избавления многих фанатиков от ложного страха, можно назвать словарем. Некто из гг. почетных членов наших (которого без позволения его наименовать удерживаюсь) читал мне прекраснейший подробный план составления сей полезной книги. Ежели он согласится представить план сей Обществу, то не благоугодно ли будет тогда, переименовав его в Действительные, учредить под председательством его особый энциклопедический комитет. Занятие сего рода достойно Общества и без сомнения поставит его наряду с славнейшими европейскими учеными сословиями. Может быть, многие возразят мне: в состоянии ли Общество приступить к столь важному труду и измерили ли мы возражение? Довольно, кажется мне, привести одну известную латинскую пословицу: „gutta cavat lapidem“.³⁰

«Если бы люди, боясь выходить из обыкновенного круга мыслей своих и действий, оставались всегда в нерешимости, то ни одно новое изображение и открытие не украшало бы человечество. Ненужным считаю распространяться о сем предмете, который изложен мною в прежнем мнении, поданном в Общество 6-го числа марта истекшего года.

«Из частных опытов я с сожалением замечал, что многие новоизбранные члены не являлись в Общество со дня их принятия до сего времени, между тем как носят на себе почтенное название члена; многие же по истечении нескольких месяцев приходили в собрание, как бы совершенно для них чуждое, не имея понятия

³⁰ Здесь Никитин приводит неполностью пословицу: «Gutta cavat lapidem non vi sed saepe cadendo» («Капля долбит камень не силой, но частым паденьем»).

ни о законе Общества, ни о порядке дел, ни о звании членов. Такое странное появление их в собрании не рождает в них ни должного уважения к сему сословию, ни стремительного желания показать себя на поприще учености. При принятии в члены необходимо должна быть соблюдена известная форма. Не думаю, чтоб кто-либо из членов назвал сие комедиею или бесполезною шуткою. Петр Великий, сей единственный государь в летописях мира, при всех учреждениях не считал никогда форму сию излишнею. Стоит только взглянуть на статут Андреевского ордена, и тогда всякий удостовериться может в справедливости слов моих.

«Занимая лестное для меня звание секретаря сего сословия, я долгом поставляю представить на благоуважение оного прилагаемую у сего форму избрания в члены».³¹

Из отчета Никитина видно, что в 1817 году Вольное общество влачило довольно жалкое существование. Попытки Глинки и Никитина привить Обществу гражданское направление не имели успеха. Однако Никитин не успокаивается, постоянно напоминая о своих проектах, выдвигая одну идею за другой. Он требует поднять дисциплину, ответственность, «соблюдать известную форму», ставит в пример «статут Андреевского ордена» и т. д. Что за всем этим скрывается? Откуда у Никитина такой энтузиазм и далеко идущие предложения? На эти вопросы частично отвечает ложа «Избранного Михаила». Вся дальнейшая деятельность Никитина в Вольном обществе любителей российской словесности не оставляет сомнений, что в его лице Федор Глинка имел верного помощника. В том-то и состояла цель Союза Благоденствия, чтобы окружить себя многочисленными идейными союзниками.

³¹ Вольное общество, 2, лл. 75—78.

Г л а в а п я т я

В ГОДЫ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ

1

Ложа «Избранного Михаила» — частный эпизод в многосторонней деятельности членов Союза Благоденствия, пытавшихся распространить свое влияние на петербургскую интеллигенцию. В Вольном обществе любителей российской словесности Глинка, Толстой и Никитин ставят еще более широкие задачи: с помощью писателей и ученых пропагандировать идеи «Зеленой книги». На первых порах это им плохо удается, но в 1818 году в ученых и литературных «упражнениях» намечается выход к большой гражданской теме. «Соревнователь просвещения и благотворения» меняет свое направление и становится передовым журналом. В десятом номере за 1818 год появилось сообщение, что в следующем году отдел «Науки и художества» будет состоять из таких разделов: «Словесность древняя и новая. Исследования о свойствах языков. Древности. Описание земель и народов. Исторические отрывки и биографии знаменитых мужей. Ученые путешествия. Разные рассуждения, речи и вообще все любопытное по части наук и художеств». Идея об «Историческом словаре», состоящем из «жизнеописаний великих мужей России», не была забыта, она частично была реализована в журнальном проекте. В «Историческом словаре» Никитин собирался помещать «исторические сцены, или сельские картины, или достопамятные места и деяния, или изображения великих людей земель чуждых, а более своего отечества». Для примера Никитин называл несколько «достопримечательных мест и деяний».

Первая книжка «Соревнователя» за 1819 год открывалась жизнеописанием «великого мужа» Богдана Хмельницкого. Печатаемая в журнале историческую повесть Глинки о «незабвенной» эпохе освобождения Малороссии, Вольное общество прокламировало один из первых опытов декабристской прозы, общественнозначи-

мой литературы. Глинка называл и других «великих мужей», имена которых живут в потомстве и достойны прославления. По его словам, Богдан Хмельницкий для освобожденной Малороссии и Пожарский для отечества то, что «бесмертный Вильгельм Тель для Швейцарии, Густав Ваза для Швеции». Одновременно он заставлял своего героя — Богдана Хмельницкого — «восхищаться бытописаниями греков и римлян». Но именно этого гражданского пафоса не хватало другим жизнеописаниям, появившимся в «Соревнователе».¹

Нет необходимости подробно останавливаться на публичных собраниях, так как в 1818 году состоялось всего три открытых собрания: 28 января, 26 марта и 20 мая. Отчеты о них печатались в «Соревнователе» (1818, № 2, стр. 309—310; № 3, стр. 450—451; № 5, стр. 267—268).

«Сын отечества» в заметке «Петербургские записки» широко оповещал о первом собрании и приглашал соотечественников принять участие в «полезных упражнениях».

«В прошедший понедельник (28 января 1818 года), — писалось в «Сыне отечества», — было публичное заседание в Обществе соревнователей просвещения и благотворения. Сие общество со-

¹ Часть жизнеописаний, подготовленных для «Исторического словаря», появилась в 1818 году в «Пантеоне славных российских мужей». Здесь были опубликованы «Краткое обозрение военной жизни и подвигов гр. Милорадовича» и «Подвиги генерал-лейтенанта Котляревского в походе 1812 года» Федора Глинки. На 4-й части прекращается издание «Пантеона славных российских мужей»: «Сею книжкою оканчивается издание „Пантеона“». Укажем еще на один замечательный документ пропаганды: «Плутарх для юношества, или жизнь великих людей всех наций, от самых отдаленных до наших времен. Сочинение, могущее возвысить душу молодых людей и украсить их сердце добродетелями, изданное Петром Бланшардом. Перевод со второго исправленного на французском языке издания» (СПб., 1808. В типографии Шнора. В 8 ч.). Судя по предисловию, перевел с французского Григорий Дубецкий. Во втором издании (1814 года) значительно исправлено жизнеописание Петра I, единственное из «жизнеописаний мужей в России, прославившихся как воинскими, так и гражданскими деяниями», вошедшее во французское издание, «присовокуплены также и из отечественной нашей истории многие жизнеописания наших соотечественников, столь же достойные подражания для молодых наших читателей». «Пусть сравнят они, — говорилось в предисловии ко второму изданию «Плутарха для юношества», — деяния сих героев и скажут, могут ли они занимать место между великими людьми других народов» (ч. 1, стр. IX—X). В 1814 году «Плутарх для юношества» с прибавлением многих жизнеописаний отечественных героев (от Олега до Богдановича) вышел в 10 частях. Издание третье (1819—1823 годы) вышло в 12 частях с прибавлением новых отечественных жизнеописаний (Кантемир, Кутузов, кн. Цицианов, Багратион, Петров, Державин, Херасков). Подпись под предисловием третьего издания гласила: «Издатели». От «Плутарха для юношества» — прямой путь к «Словарю великих мужей России»; с другой стороны, мы склонны думать, что и сам «Плутарх» на русском языке вышел из преддекабристских кругов, а третье издание, может быть, в какой-то мере связано с издательской деятельностью самих декабристов. Напомним, что переводчиком и издателем «Плутарха для молодых девиц» был непосредственно Глинка. Но этот вопрос требует дополнительного исследования.

ставилось в начале 1816 года из нескольких молодых любителей словесности, собиравшихся иногда читать между собой произведения свои. Вскоре число их увеличилось и один из членов (Крикуновский) отшел для собраний в квартире своей прекрасную, великолепную залу. Со временем вступили в общество сие некоторые известные литераторы; оно представило правительству устав свой, который удостоился одобрения, равно как и существование Общества, предположившего целью своей: иметь приуготовительные и публичные собрания (к которым любители словесности приглашаются билетами), читать в оных сочинения и переводы членов, издавать сии труды в журнале и обращать получаемый с того доход на благотворение. Для управления делами Общества избран: президент (г. д. ст. сов. граф Сергей Петрович Салтыков), вице-президент (гвардии полковник Федор Николаевич Глинка) и секретари, а для издания „Трудов“ особый комитет. Благородное сие стремление к полезным упражнениям в науках и словесности и бескорыстное пожертвование плодами трудов своих в пользу страждущего человечества должны возбудить уважение во всяком любителе просвещения и благотворения. Желаем обществу сему всякого успеха в его намерениях и начинаниях, желаем, чтоб оно укоренилось, процвело и принесло питательные плоды любезному отечеству! В нынешнем заседании оно читаны были разные произведения членов в прозе и стихах, из коих достойна отличной похвалы одна новая сказка г. Глинки, писанная экзаметрами, и стихи „К Родине“ г. Никитина.²

Из всех выступлений на собрании 28 января «Сын отечества» выделяет стихотворения Глинки и Никитина. Глинка на этом собрании читал басню «Фиалка и дубы», нравоучительную «сказку» в стихах «Три брата — искатели счастья»; Никитин — свой перевод оды Горация «К Августу Цезарю» и стихотворение «К Родине». На одном из обыкновенных собраний «соревнователи» одобрили стихотворение Ореста Сомова «История». Если в прозе новой вехой являлась повесть Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия», то в поэзии поворот к гражданской теме наметился в стихотворении Сомова. Кузлукхан обратил однажды внимание на золотую статую, стоящую близ царского чертога. Надпись на статуе гласила, что в «сем царе . . . мудрость с благостью соединилась». Кузлукхан обратился к истории:

Историю сею царя он знать желал.

И что же в оной прочитал?

«Сей царь, — нельстивая История вещает, —
 Вселенной в казнь был грозным небом дан;
 Был бич отечества и подданных тиран;
 Вопль утесненных им еще не умолкает!»

Остолбенел татарский хан,

Окончив чтьень!

² «Сын отечества», 1818, ч. 43, стр. 266—267.

«К чему ж, — вскричал он в удивленьи, —
 Когда История нам правду говорит,
 Ложь статуе бесстыдно льстит?» —
 «Я разрешу твоё недоуменье! —
 Татарину один придворный отвечал. —
 Сей памятник царю при жизни был воздвигнут;
 А истину об нем Историк написал,
 Когда он смертью был постигнут».

В этом стихотворении, появившемся в V части «Соревнователя» (1819), есть что-то от известного радищевского иносказания. Вместо «Истины», выступавшей в образе женщины, появился татарский хан; вместо «нечто», сидящего на престоле, — царская статуя; основная же мысль иносказания взята Сомовым у Радищева: «Первейший в обществе может быть убийца».

Выступления Глинки, Никитина и Сомова — начало борьбы в «ученой республике» за гражданский романтизм. Правда, результаты этой борьбы были пока незначительны. Литературные собрания чаще всего происходили скучно, слишком традиционно. Бриммер, как два года тому назад, воспевал «богиню любви», Розенмейер хвалил «соловья на ветке», гр. Хвостов читал свои послания «на случай», Ал. Дуроп в стихотворении «Эпохи моей жизни» размышлял о «бездне роковой» и признавался:

Но вдруг замолк веселья глас,
 Не слышно прежних песнопений,
 И, предсказав мне смерти час,
 Сокрылся утешитель — гений!
 Стою над бездною роковой
 И жду с вечернею зарей
 Посланника небес — кончины.

Требовались какие-то решительные меры, чтобы Общество словесности, крайне пестрое по своему составу, освободилось от посредственности мелкотемья и, наконец, действительно превратилось в Вольное общество прогрессивных писателей.

2

Важнейшие события в жизни «соревнователей» наступили именно в 1818 году. Активнейший член Союза Благоденствия Федор Глинка с помощью Никитина добивается принятия новой «Формы избрания в члены действительные, сотрудники и в корреспонденты, налицо находящиеся». Согласно новым правилам, в члены Общества принимались только по рекомендации одного из действительных членов. Рекомендовавшие несли ответственность за вновь принимаемого человека, они обязаны были «распознать о поведении его и нравственности и представить отзывы». Особое значение придавалось исполнению обряда и постановлений Общества «в точности». Вводилось тайное голосование, и вся

дальнейшая церемония принятия новых членов имела характер более серьезный и строгий. Вновь избираемый представлялся обществу собранию специальным депутатом, он занимал «особое место» и отвечал на вопрос председателя, «желает ли быть членом сего сословия».

После утвердительного ответа ему объясняли «некоторые важнейшие статьи устава», в то время как президент снова спрашивал: «Согласен ли исполнять их и все постановления общества в точности?». Выполнив все правила обряда в строгом порядке, новоизбранный член подписывал устав, и только тогда депутат приглашал его пожать руку за общий стол. В заключение церемонии президент Общества обращался с краткой приветственной речью, в которой еще раз указывал на святость устава и важность звания члена «ученой республики». К следующему собранию новому члену предлагалось приготовить ответную «благодарственную речь». Новоизбранный не считался признанным членом, несмотря на положительные результаты баллотировки, пока он не выполнит всей формы и не произнесет ответную речь.

Ф о р м а

избрания в члены действительные, сотрудники
и в корреспонденты, налицо находящиеся

§ 1

По предложению кого-либо в члены из людей неизвестных, гг. действительные члены должны распознать о поведении его и нравственности и представить отзывы в следующее заседание.

§ 2

Для предупреждения неприятностей члены по узнанию о нравственности предлагаемого к баллотированию пишут выправки свои на небольших лоскутках бумаги и кладут их в урну. Председатель по рассмотрении, ежели не окажется никакого препятствия к избранию, назначает баллотирование.

§ 3

Избранный оповещается секретарем о явке в назначенное для того заседание.

§ 4

Явившийся новоизбранный член представляется в оное депутатом, которого должность исправляет председатель и занимает особое для него определенное место.

§ 5

По открытии заседания председатель предлагает секретарю прочесть журнал, по коему принят новоизбранный, после чего спрашивает у него, желает ли он быть членом сего сословия.

§ 6

По получении ответа председатель предлагает секретарю объявить некоторые нужнейшие статьи устава и потом вопрошает новоизбранного: согласен ли он исполнять их и все постановления общества в точности.

§ 7

По выслушании сего вторичного ответа новоизбранный приглашается к подписанию устава, по учинении чего член сей сажается депутатом за стол.

§ 8

Председатель, произнеся краткую приветственную речь, по окончании которой поздравит сам, а потом и все члены новоизбранного — и вручит ему печатный экземпляр устава.

§ 9

Член-представитель обязан пригласить им представленного к сочинению благодарственной речи, которая должна быть произнесена в следующее затем заседание.

§ 10

По окончании присутствия секретарь познакомит новоизбранного с порядком течения дел, а библиотекарь покажет библиотеку и минеральный кабинет.

§ 11

Новоизбранный, доколе не явится в Общество и не исполнит сего обряда, не может быть признан членом, хотя бы и был избран по баллотированию.

§ 12

Почетные члены из сего правила изъеются.³

Новая «Форма избрания в члены действительные, сотрудники и корреспонденты» была утверждена на восьмом заседании, состоявшемся 25 февраля 1818 года.⁴ Председательствовал на этом ответственном собрании Федор Глинка. Глинка в этом случае использовал право члена Союза, которое в «Зеленой книге» гласило: «Всякий член имеет право учредить или быть членом всякого рода правительством одобренных обществ, но извещать должен при том Союз о всем, в оных происходящем, и нечувствительным образом склонять их к цели Союза» (кн. 2, гл. 1).

Новые правила не только прививали чувство ответственности каждого члена перед Вольным обществом, но и предполагали необходимость строжайшей дисциплины, взаимной поруки, конспирации; они ограничивали доступ в Общество случайным людям и, наоборот, способствовали «склонять» к цели Союза Благоденствия истинных «соревнователей». От вновь вступающих в Вольное общество теперь требовалась своеобразная присяга. Примерный текст присяги сохранился в «Журнале распоряжений» за 1819 год. «Всякий вступающий в звание действительного члена общества, звание, столь почтенное по уставу, да имеет всегда в памяти своей, что он положил на себя священную и неизменную обязанность

³ Вольное общество, 9, лл. 79—80 об.

⁴ Новая «Форма» не имеет ничего общего с утвержденным кн. Голицыным уставом. Ср.: Устав Вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1819.

наивысше трудиться для пользы Отечественного слова и для достижения благотворной цели, предпринятой сим сословием, и что он вступил в теснейший круг людей, отказавшихся от всех личных видов — тщеславия и собственных выгод, и давших друг другу слово жертвовать способностями и трудами для славы общества, следовательно, для успехов просвещения и для пользы нуждающихся собратьев».⁵

3

Что касается «успехов просвещения», то для этой цели были организованы специальные «ученые упражнения». С первого дня вступления в Вольное общество требовалось проявить себя с наилучшей стороны, т. е. выступить в защиту свободолюбия и просвещения.

Вновь принимаемый в Вольное общество был обязан произнести благодарственную ответную речь. По ответной речи судили о достоинствах нового «соревнователя», о его нравственном облике и идейных убеждениях. Под «учеными упражнениями» подразумевались как публицистические выступления, так и художественные произведения. Все зависело от личных дарований вновь вступившего. В делах Общества почти не сохранилось ответных речей новых членов.

Из непубликованных выступлений «соревнователей» для нас исключительный интерес представляет послание Михаила Николаевича Новикова в связи с избранием его в члены-корреспонденты. Вот что пишет М. В. Нечкина об этом интересном деятеле раннего декабристского движения: «Особенно значительна в Союзе Спасения фигура Михаила Николаевича Новикова, двоюродного племянника знаменитого Н. И. Новикова. С ним особенно отчетливо входила в тайное общество прогрессивная традиция XVIII века, продвинутая вперед и обновленная в его собственном политическом творчестве: М. Н. Новиков был автором республиканского конституционного проекта (первого декабристского проекта), оказавшего большое влияние на П. И. Пестеля».⁶ С Глинкой он подружился в ложе «Избранного Михаила». В конце 1816 года Новиков уехал на Украину, где служил правителем канцелярии мало-российского генерал-губернатора Н. Г. Репнина. Сведения об этом замечательном декабристе крайне скудны, поэтому тем более любопытен автограф его письма, сохранившийся в делах Вольного общества.

Придя к руководству в Вольном обществе, Глинка тотчас же вспомнил о Новикове и рекомендовал его в члены-корреспонденты. Избрание состоялось 30 сентября 1818 года, а в ноябре того же года Новиков из Чернигова послал на имя секретаря «ученой

⁵ Вольное общество, 25, л. 179 и об.

⁶ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 144.

республики» благодарственное письмо, частично заменявшее ту речь, которую Новиков, если бы он жил в Петербурге, обязан был произнести на одном из заседаний Вольного общества. Михаил Новиков писал: «Принимая с признательностью лестное для меня избрание Обществом любителей российской словесности в число его членов-корреспондентов, спешу изъявить за сие мою благодарность и уверить, что, принимая живейшее участие в благе и чести моего отечества, я не премину ревностно исполнять все поручения сего Общества, дабы тем оправдать доверенность его и споспешествовать пользе и чести учреждения, имеющего целью похвальное рвение к изысканию и распространению отечественных достопримечательностей».⁷

В 1818 году почетными членами избираются крупнейшие поэты той поры — И. А. Крылов, В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков. В «Журнале распоряжений» от 29 апреля указано, что эти «известные в ученом свете» особы «представлены в члены» Ф. Н. Глинкой и А. Е. Измайловым. 6 мая за подписью С. П. Салтыкова, исполнявшего должность председателя Вольного общества, Крылову было послано сообщение: «Вольное общество любителей российской словесности, уважая в полной мере как отличные познания ваши в науках и отечественной словесности, так и стремление к благотворению, избрало Вас на основании § 33 устава почетным членом. . .».⁸ В ответ на это послание Крылов ответил письмом, автограф которого сохранился в архиве Вольного общества:

«С признательностью приемля уведомление вашего сиятельства о избрании меня в почетные члены Общества любителей российской словесности, прошу Вас, милостивейший государь, засвидетельствовать почетному обществу мою благодарность за честь,

⁷ Вольное общество, 2, лл. 419—420. Публикуя письмо М. Новикова в Вольное общество в «Киевской старине» (1905, июнь), В. Срезневский высказывал, на первый взгляд, естественное недоумение: «Новиков был выбран в члены-корреспонденты общества в заседании 30 сентября 1818 года по предложению Ф. Н. Глинки, в то время бывшего председателя Общества; не знаем, в чем состояли заслуги Новикова перед Обществом любителей словесности и что обратило на него внимание Глинки» (стр. 240). После работ М. В. Нечкиной и Ю. М. Лотмана совершенно очевидно, что Глинка рекомендовал Новикова в Вольное общество по соображениям политического порядка, как общественного деятеля, принявшего в свое время Глинку и Пестеля в Союз Спасения. Новиков сообщал в Вольное общество о просветительской деятельности И. П. Котляревского, переводчика «Энеиды». Сам он тоже принимал непосредственное участие в благотворительных мероприятиях, в частности в хлопотах за освобождение крепостного актера М. С. Щепкина. Ю. М. Лотман полагает, что Новиков, находившийся в это время в должности правителя канцелярии военного губернатора Малороссии кн. Н. Г. Репнина, организовал в Полтаве ячейку Союза Благоденствия. См. возражения С. С. Ланда в статье «О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России 1816—1821 гг.» (Пушкин и его время, стр. 147—148).

⁸ Вольное общество, 17, л. 38.

которую оно оказало мне столь лестным для меня избранием».⁹ Письмо было отправлено 17 мая 1818 года, а через три дня, 20 мая, Крылов присутствовал на публичном собрании Вольного общества.

Многие речи, публицистические и художественные произведения, читанные вновь избранными членами Вольного общества, легко устанавливаются по тексту «Соревнователя». Так, в третьей книжке «Соревнователя» за 1819 год опубликована статья Н. И. Гнедича «О вкусе и его влиянии на словесность и нравы», предварительно рассмотренная в «ученой республике». Этой статьей Гнедич отвечал на избрание его в почетные члены. Сохранилось также письмо Гнедича на имя президента Вольного общества, датированное 24 декабря 1818 года. Приветствуя «истинных друзей просвещения», Гнедич писал:

«Думая всегда, что любовь к просвещению и к человечеству нераздельна в сердцах истинных друзей просвещения, почту себя счастливым, когда слабыми моими дарованиями и способами возмогу участвовать в благородной деятельности почтенных сочленов, ревнителей славы и пользы отечества, из которых каждый имел бы право спросить: что я сделал для его пользы и славы, если б они, приобща к сословию, не сделали меня участником их собственной.

К таковым чувствованиям присоединя душевную мою признательность, покорнейше прошу вас, милостивый государь, засвидетельствовать о ней пред лицом Общества».¹⁰

6 октября 1819 года в члены-сотрудники принимался служащий департамента государственного хозяйства коллежский секретарь Д. В. Сахаров, зарекомендовавший себя статьями «О священных песнях», «О Франклине», «О квакерах» («Соревнователь», 1819, кн. 4, 8, 11). Председатель общества предложил Д. В. Сахарову произнести присягу, затем секретарь извещил о необходимости явки на следующее заседание для «исполнения предписанной в журнале 25 февраля 1818 года формы». 13 октября Сахаров снова присутствовал на заседании общества и собственноручной подписью скрепил устав. «В сем заседании, — говорится в «Журнале распоряжений», — происходило принятие на основании постановления общества 25 февраля 1818 года г. члена-сотрудника Д. В. Сахарова, который во исполнение налагаемых на члена уставом обязанностей утвердил оный собственноручною подписью, торжественно обязуясь соблюдать все правила и постановления Общества и быть ревностным членом, посвящая труды свои на пользу сего сословия. Причем г. член-сотрудник

⁹ Там же, 2, л. 212. Письмо И. А. Крылова в Вольное общество опубликовано А. Ю. Вейсом в журнале «Русская литература» за 1959 год (№ 3, стр. 125). В 1824 году на заседаниях Общества прочитаны три басни Крылова: «Кшшка и соловей» (21 января), «Две собаки» (18 февраля) и «Рыбья пляска» (17 марта). Басни были одобрены и опубликованы в «Соревнователе».

¹⁰ Вольное общество, 3, л. 3 и об.

произнес сочиненную им речь „Об успехах просвещения в новейшие времена“».¹¹

Речь Д. В. Сахарова появилась в «Трудах Вольного общества любителей российской словесности» («Соревнователь», 1819, ч. 8, № 12). Сахаров говорил об успехах французских просветителей и английских политэкономов, о важности политических наук, называл имена Рейналя, Монтескье, Бентама, Беккария и Адама Смита. Коллежский секретарь Д. В. Сахаров был знаком с настольными книгами декабристов.¹² М. А. Фонвизин в показаниях Следственному комитету признавался, что он усвоил «свободный образ мыслей» из «прилежного чтения Монтескье, Рейналя и Руссо». «Начальные основания народного богатства и государственного хозяйства», по словам Сахарова, «общностью, удобностью превзошли все прочие и прославили» Адама Смита. «Рассуждения о преступлениях и наказаниях» Беккария написаны «из любви к отечеству». «Разум законов» Монтескье Сахаров называет «славной книгой», которая произвела «эпоху в законоведении». «Человеколюбие пробудилось в сердцах людей: они вооружились против нарушителей прав природы — и негры заняли опять должное место на степени человечества... Красноречивое перо Рейналя, — продолжал Сахаров, — разительными чертами изобразив положение сих жертв варварства, побудило некоторые державы облегчить жребий их и, наконец, совершенно прекратить постыдный торг несчастными».

Несмотря на ряд оговорок, касающихся французской революции, Сахаров доказал своею речью ревность к просвещению и понимание задач «сего сословия». Д. В. Сахаров в речи об успехах просвещения большое место уделил развитию отечественной науки, в частности в области техники и естествознания. Советский ученый В. П. Зубков в «Историографии естественных наук в России» (Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 227—228), ссылаясь на протоколы Вольного общества, опубликованные нами в книге «Вольное общество любителей российской словесности», отмечает заслуги отдельных «соревнователей», оставивших заметный след в науке: С. П. Власов, А. Н. Пушкин, А. Ф. Рихтер, Д. С. Меншиков, А. О. Корнилович, И. П. Менделеев (отец гениального химика). Особенно близок «ученой республике» был рано умерший химик С. П. Власов (1789—1821), выступавший с рядом докладов. В делах Вольного общества сохранилась следующая запись о талантливом русском ученом: «Г. секретарь довел до сведения

¹¹ Там же, 25, л. 162 и об.

¹² «Среди иностранных мыслителей, оказавших, по признанию декабристов, на них наибольшее влияние, в первую очередь следует назвать Ш. Монтескье, А. Смита, Детьо де Траси, И. Бентама, Б. Константа. Даже далеко не полный подсчет позволяет, например, утверждать, что не менее 20 членов тайного общества были знакомы с сочинениями Монтескье» (С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов, стр. 34).

собрания о невозвратной и весьма чувствительной для Общества утрате, произведенной кончиною г. действительного члена С. П. Власова, последовавшей в 27-й день истекшего августа сего года, после двухмесячной жестокой болезни. Сей ревностнейший член Общества, сей отечественный гений наш сделался жертвою отличной любви своей к химии и благородного стремления к славе. Богатый знаниями и усердием к своему предмету — предмету всех его мыслей и намерений, он жил и умер в великой бедности, оставив несчастной вдове и четырем сиротам в наследство одно токмо имя свое и добрую о себе славу».¹³

В Вольном обществе был организован сбор пожертвований семье умершего. В организации сбора и в пожертвовании участвовали Никитин, Гнедич, Глинка, Кутузов, Н. Бестужев, Рылеев, Боровков и др.

Тогда же, в конце 1819 года, в Общество соревнователей были приняты А. А. Дельвиг, П. А. Плетнев и В. К. Кюхельбекер. Кюхельбекер вместо благодарственной речи отвечал на рекомендацию и приветствие Глинки стихотворением «К брату», содержащим дружескую клятву:

Брат брату молча обещали,
Дея и радость и печали,
По самый гроб друзьями быть.

После того как Кюхельбекер выполнил обряд и произнес ответную речь, Вольное общество в январе 1820 года послало ему приветственное уведомление, напоминающее еще раз, что он вступил не просто в общество литераторов, а в «теснейший круг людей, связуемых дружбою и взаимною доверенностью»:

«Члену-сотруднику Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру.

«Общество, отдавая должную справедливость трудам и усердию вашему и найдя представленные вами ученые произведения достойными особенного уважения, в заседании своем 5 сего января произвело вас на основании §§ 26 и 37 первой части Устава в действительные члены, будучи уверено, что вы в сем новом и важном звании потщитесь усугубить ревность свою в трудах сего сословия и оправдаете то выгодное мнение, какое оно о вас имеет.

«Поставляя долгом известить о сем постановлении, я имею честь приветствовать вас со вступлением в теснейший круг людей, связуемых дружбою и взаимною доверенностию».¹⁴

4

Новая «Форма избрания членов» — одно из самых замечательных завоеваний левой группы «соревнователей», объединившихся

¹³ Вольное общество, 27, л. 162 об.

¹⁴ Вольное общество, 19, л. 16 об. Подлинник подписан секретарем Общества А. Никитиным.

вокруг Глинки. Не менее существенно принятие нового положения «О председателе». Старая формулировка (ч. 1, гл. 9) слишком обезличивала роль руководителя Общества. Глава о председателе состояла из следующих пунктов.

§ 49

Председатель наблюдает хранение устава.

Председатель не только как член Общества сохраняет сам устав оною, но печется, чтобы члены строго соблюдали его.

§ 50

Председатель делает Обществу предложения.

Председатель предлагает на рассмотрение предметы, для которых нужно общее соображение и согласие. Приступая к баллотированию, он должен изложить ясно и достаточно предлагаемое к решению.

§ 51

Как поступает он при прениях?

В случае могущего произойти при словопрениии беспорядка председатель напоминает о благопристойности и тишине, которые свято должны сохраняться Обществом; и когда по довольном рассуждении присутствующие не согласятся ни на одно какое-либо мнение, тогда председатель обращает предложение в вопрос и отбирает решительные голоса. Каждый вопрошается поочередно и объявляет свое мнение одним словом утвердительно или отрицательно.

§ 52

О голосе председателя при прениях Общества.

Как определения основываются на большинстве голосов, то в случае равенства председатель вторичным голосом разрешает оное.

§ 53

Что предпринимает он в чрезвычайных случаях?

В случаях важных, касающихся блага всего Общества и времени не терпящих, он сам собою предпринимает нужные меры, о которых однако ж в первое обыкновенное или, судя по важности, в чрезвычайное заседание уведомляет членов Общества для учинения дальнейших распоряжений.

§ 54

Хранение большой печати.

Большая печать Общества хранится у председателя.¹⁵

В 1818 году фактически руководителем Вольного общества становится Глинка, так как гр. Салтыков не посещает собраний и

¹⁵ Вольное общество, 104, л. 19 и об.

делами Общества мало интересуется. Глинка числился в должности помощника председателя, а по существу он возглавлял Общество соревнователей и отвечал за свою деятельность перед Союзом Благоденствия. Достаточно сказать, что из 40 собраний 1818 года Салтыков посетил всего 8; Глинка присутствовал на 23 собраниях. Интересы дела требовали уточнения организационной структуры Вольного общества, особенно необходимо было пересмотреть те пункты устава, которые касались обязанностей председателя или президента. Ссылаясь на то, что «ни в каком уставе невозможно поместить всех подробностей», Никитин 1 апреля 1818 года предложил для «вящей пользы» сделать в уставе «пополнение и перемену». Перемена была настолько серьезна, что Вольное общество после принятия новых «пополнений» становилось своеобразной республикой литераторов, а ее устав — «незыблемым законом».¹⁶ В новом проекте Вольное общество называлось «ученой республикой», председатель именовался президентом, избранным «волею членов». Президент, говорилось в проекте, «не есть самовластный законодатель», он лишь «глава общества и строгий блюститель прав его». В «Шараде», которую Глинка читал на одном из собраний «Зеленой лампы», содержится тот же проект воображаемой республики, во главе которой стоит разумный правитель, соблюдающий «священные законы», но только выражен этот проект в форме поэтического иносказания.

И благо, где на нем, смилив кичливы страсти,
Спокойно восседит незыблемый закон.

В проекте Никитина о президенте «ученой республики» заключена та же мысль о «строгом блюстителе» общественных прав; мысль, популярная в Союзе Благоденствия, особенно в начале 1818 года, когда вновь созданное тайное общество разрабатывало конституционные проекты. О президенте и его обязанностях устав «ученой республики», предложенный Никитиным, гласил:

«Все законы и постановления гражданских и частных обществ извлекаются из опытов. Время и обстоятельства приводят нас и деяния наши постепенно к нравственному усовершенствованию.

¹⁶ Еще в «Арзамасе» М. Ф. Орлов предлагал принять новые «законы арзамасского общества». Действовавший устав «Арзамаса» не мог удовлетворить будущих декабристов отсутствием политического начала. Новая форма устава Вольного общества любителей российской словесности восполняла именно этот пробел. Разница между традиционным уставом «Арзамаса» и уставом «ученой республики» будет очевидна при простом сопоставлении параграфов, касающихся обязанностей председателя. В главе «О званиях и должностях в „Арзамасе“» (§ 14) об обязанностях председателя сказано следующее: «а) Объявлять начало и конец заседания; б) наблюдать в оных установленный порядок; в) предлагать и поставять вопросы; г) объявлять решение „Арзамаса“; д) раздавать по своему выбору входящие статьи на рассмотрение представителям „Арзамаса“ и т. д. («Русская старина», 1899, № 5, стр. 343—344).

Дух законов почерпается из духа того общества, которое избрало их для своего руководства; но чтобы надежно постигнуть дух общества, требуются долговременные наблюдения. Основные из оных законы делают незыблемыми, и ежели бы случилось, что несколько членов были противного с господствующим в обществе мнения, то они по необходимости должны уступить часть свободы своей и согласиться с существующим в сословии духом.

«Председатель, избираемый свободною волею членов по чувствам всеобщего к нему уважения, есть глава Общества и строгий блюститель прав его. Для направления духа Общества к полезной цели он по необходимости должен иметь особые права, силою которых он действует неослабно. Пусть называют ученое сословие ученою республикою: название сие дано ему потому, что каждому из членов без различия звания и гражданских отличий предоставляется совершенная свобода объявлять мысли свои открыто и стремиться к предположенной цели. Свобода мыслей и действий предоставлена каждому, потому что, будучи членом общества, он не может мыслить и действовать противно его законам. Но никто, без сомнения, не предположит, чтобы название ученой республики извлечено из неограниченной свободы каждого члена мыслить и действовать по собственной его воле, не соображаясь с волею целого сословия. Такая республика была бы весьма кратковременна, и вместо теснейшего соединения узами скромности, взаимной доверенности, снисхождения, любви к ближним и благонравия она возродила бы непрерывные раздоры, ненависть, высокомерие и грубость нравов.

«Из существа устава нашего видно, что Общество любителей российской словесности в основании своем есть благонамеренная нравственная ученоя республика, коею глава не есть самовластный законодатель, но беспристрастный блюститель утвержденных обществом законов. В его особе сосредоточена воля всех членов; он должен действовать не как повелитель, но как попечительный отец семейства, и после сего кто назовет его деспотом и кто не согласится внимать его слову, когда слово его есть слово целого общества, — слово, которое он употребить во зло не помыслит — и в чем мы сомневаться не можем, будучи единодушными избирателями его в главы своего сословия. Соделается ли он недостойным нашей к нему преданности, любви и почтения, тогда силою тех же законов, которыми он руководствовал нас, мы властны лишить его сего права и предоставить оное достойнейшему. Но мы да убоимся мыслить о сем; ибо кто из нас, призванный на сие священное место — место главы и попечителя, позабудет обязанности, нас с ним соединяющие, и не оправдает единодушного выбора».¹⁷

Нетрудно заметить, что предложенная Никитиным форма «ученой республики» во главе с президентом инсценировала республи-

¹⁷ Вольное общество, 2, лл. 151 об.—153 об.

канско-конституционный образ правления. Это был более политический проект, созданный не без влияния «Духа законов» Монтескье, нежели платформа литературного общества.

На условность самой терминологии «республика», «республиканец», «республиканский дух» справедливо указывает В. В. Пугачев. «Слово „республиканец“ в то время отнюдь не всегда обозначало сторонника республиканской формы правления. Подчас оно понималось в смысле наличия у человека чувства независимости, ненависти к деспотизму, желания реформ. . . Подчас выражения „республиканское направление“, „республиканский дух“ и т. д. понимались одновременно и как стремление к республиканской форме правления, и как совокупность определенных моральных качеств».¹⁸

Предложение Никитина учредить «ученую республику» бесспорно исходило из квартиры Глинки, как бы предвосхищая политическую дискуссию 1820 года в Союзе Благоденствия. Именно на квартире Глинки в 1820 году Пестель делал доклад «О выгодах и невыгодах разных образов правления». Пестель высказывался за республиканское правление, Глинка же одобрительно отзывался о конституционной монархии, полагая, что между конституционным монархом, ограниченным «разумными законами», и президентом нет принципиальных различий («республиканская монархия» по Мабли). В очень осторожных показаниях Следственному комитету Глинка писал о «январском совещании»: «На вопрос же о каком-то торжественном и важном заседании, где трактовали о правлении для России, я ничего другого сказать не могу, как только то, что такого заседания не было, а бывали, как я сказал, простые разговоры о разных системах, иногда и о формах правления, но все сие в общем политическом или учебном смысле. Это правда, что Пестель особенно любил заводить такие разговоры и завлекать в споры других. Но такие споры в то время никакой в себе важности не показывали и оканчивались ничем. Подобные разговоры не только у меня или в других квартирах, но заводимы были встречавшимися членами повсюду: на балах, на вечеринках, в театре, везде толковали о политике».¹⁹

«Подобные разговоры» исподволь заводились и в «ученой республике». Но даже осторожная пропаганда Глинки здесь вызвала сопротивление.

Преобразование Вольного общества в «ученую республику» не могло встретить единодушного приветствия членов-соперников. Мнение Никитина рассматривалось 22 апреля 1818 года (15-е заседание) и было принято с большими оговорками, в некоторых

¹⁸ В. В. Пугачев. Из истории русской общественно-политической мысли начала XIX века (от А. Н. Радищева к декабристам). «Ученые записки Горьковского государственного университета», 1962, вып. 57, стр. 158.

¹⁹ В. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, стр. 28.

пунктах сокращено, а в некоторых пополнено. В утвержденных на этом собрании «Правилах о порядке заседаний и правах председателя» основное положение Никитина, касающееся «ученой республики», было заменено более нейтральной формулировкой, а во втором параграфе утвержденных «Правил» исключено само выражение «ученая республика» и вместо развернутой характеристики внутренней организации общества по образцу и подобию конституционной республики принято мало о чем говорящее предложение гр. Хвостова: «До начатия заседания предоставляется всем совершенная свобода рассуждать. Звон колокольчика, подобно существующему порядку в высших государственных учреждениях, водворяет тишину и приглашает членов к занятию мест своих».²⁰ Хотя проект Никитина и не был формально утвержден, но Вольное общество постепенно превращается в «ученую республику» и Глинка 16 июля 1819 года становится ее президентом. Именно в «учебном смысле» здесь ведутся разговоры о «разных системах, иногда и о формах правления».

«Соревнователи»-консерваторы в скором времени почувствуют себя в «ученой республике» неуютно и перейдут к открытой борьбе с теми порядками, которые усиленно насаждались Глинкой и Никитиным.

А. Гевлич жаловался, что в Обществе исчезли старые порядки и исчезло соревнование. «Какая же причина, что теперь менее представляют или же менее читают у нас сочинений?», — спрашивал он. И Дуроп и Гевлич говорили об одном и том же: «Но вдруг умолк веселья глас». Гевлич добавлял, что «собираются для чтения, а проводят время в толках». Таким образом, Вольное общество не просто бездействовало, а «прежние песнопения» вытеснили какие-то странные и непонятные для Гевлича «толки» и «пустые прения». Уязвленный «толками», не имевшими прямого отношения к изящной словесности, А. Гевлич 28 октября 1818 года официально заявил, что в Обществе следует восстановить прежний регламент, когда собирались для того, чтобы «всякое обыкновенное заседание начинать непосредственно чтением, а по окончании уже оных предлагать входящие бумаги и прочие разные дела». «Собираются для чтения, а проводят время в толках, в спорах, в суждениях, в наблюдении за судебными формами. Дружеское общество словесников делается каким-то странным трибуналом. Собрания начинаются и оканчиваются, а никто и не вспомнит о чтении сочинений, или же, проведши два-три длинных часа в толках и спорах, под конец, утомясь уже от противоборствий, с негодованием преклоняют слух свой, оглушенный прениями, к робкому гласу муз. Едва проходит несколько минут в сем скучном чтении; бьет 10 или 11 часов, все спешат домой, а сочинения остаются до следующего собрания».²¹

²⁰ Вольное общество, 24, л. 85.

²¹ Там же, 2, лл. 396 об. и 397.

О «прочих разных делах», о «толках» и «спорах», о «странном трибунале» и «важном зле», о всем, что утомляло Гевлича и заглушало «робкий глас муз», а Ал. Дуропа наводило на грустное размышление о «бездне роковой», мы скажем в следующей главе.

5

Недовольные положением в «ученой республике», оппозиционно настроенные и просто обиженные в конце 1819 года нашли своего защитника и вождя в лице В. Н. Каразина. Каразин — человек большой, сложной и противоречивой политической биографии. А. Ф. Воейков писал о нем:

Вот в передней — раб-писатель
Каразин-хамелеон,
Земледел, законодатель...
Взглянем, что марает он?
Песнь свободе, деспотизму,
Брань и лесть властям земным,
Гимн хвалебный атеизму
И акафист всем святым.

По инициативе Каразина в 1802 году в Харькове был открыт университет, он сыграл некоторую роль в истории русского просвещения и техники. Публикуя известные каразинские «тетради», содержащие в себе многочисленные проекты и письма, адресованные Александру I и гр. Кочубею, в редакционном примечании «Русской старины» (1870—1871) о Каразине говорилось как о «пылкой и высокоблагородной личности», «идеалисте, ослепленном радужными мечтами», и т. п. Особый интерес к Каразину проявили украинские историки и краеведы, посвятив своему земляку несколько монографий и статей.²²

Политическая биография Каразина показательна, в ней сказывается определенная тенденция русского либерализма. А. И. Герцен в статье «Император Александр I и В. Н. Каразин», появившейся в «Полярной звезде» в 1862 году (кн. 7, вып. 2), с восхищением отзывался о «неутомимой деятельности» Каразина в Филотехническом обществе и подчеркивал, что «глубокое, научное образование его было поразительно: он был астроном и химик, агроном, статистик, не ритор, как Карамзин, не доктринер, как Сперанский, а живой человек, вносящий во всякий вопрос совершенно новый взгляд и совершенно новое требование». Но главное,

²² Н. Тихо й. 1) В. Н. Каразин. Его жизнь и общественная деятельность. Киев, 1905; 2) Политические воззрения В. Н. Каразина. Харьков, 1907; Шелков. Историко-статистический опыт. Харьков, 1881; Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем. Харьков, 1910 (сюда вошло почти все публицистическое и эпистолярное наследие Каразина); А. Г. Слюсарский. Василий Назарович Каразин. Харьков, 1952.

Герцен видел в Каразине прогрессивного общественного деятеля и даже сравнивал его с Радищевым: «И Радищев, дорого заплативший за то, что пожалел черную Русь, идет с такою же верой, как Каразин, предлагать свои силы юному императору». Герцен не только напоминает, что Каразин встречался с Радищевым (А. Н. Радищев, В. Н. Каразин и М. М. Сперанский были приглашены Александром I для составления проектов в центральный государственный аппарат), но и устанавливает между ними некоторую преемственность, указывает, что в их судьбе есть нечто общее. Во многом справедливые слова Герцена о Каразине далеко не исчерпывают характеристику последнего. Герцен не знал и не мог знать, что автор «политических рапсодий» являлся ненавистником декабристов, о которых издатель «Полярной звезды» восклицал: «Что за титаны, что за гиганты!». «В те ночи без сна, когда Каразин писал Кочубею свои политические рапсодии, — пишет Герцен в той же статье, — не спали и другие деятели, — не спали они в гвардейских казармах, в штабе второй армии, в московских старинных господских домах. Они догадывались, что Александр дальше двух-трех либеральных фраз не пойдет, что в Зимнем дворце нет места ни маркизу Позе, ни Струензе; они поняли, что спасение для народа не может выйти из той же комнаты, из которой вышли военные поселения. Они ничего не ждали от правительства и хотели своими силами справиться... Образование, ум, жажда воли — все это было теперь в другом поясе, в другой среде, не дворцовой; в ней была юность, отвага, ширь, поэзия, Пушкин, рубцы 1812 года, зеленые лавры и белые кресты».²³ Односторонность герценовской характеристики Каразина объясняется тем, что Герцен знал о Каразине как о деятеле дворянского либерализма, как о русском маркизе Позе; что касается явной неприязни его к идеям декабристов и Пушкина, то об этом втором Каразине Герцен ничего не знал.

Каразин действительно имел основание прослыть «пылкой и высокoblагородной» личностью. В 1798 году восемнадцатилетний Каразин, будучи воспитанником Семеновского полка, сделал неудачную попытку бежать за границу. Задержанный и арестованный пограничной стражей на берегу Немана, юный Каразин послал из Ковно Павлу I письмо, в котором признавался, что он пытался бежать из России, «страшась жестокости Павла». Если верить легенде, то Павел I приказал преступника трое суток возить в боте с завязанными глазами. На десятый день после смерти Павла Каразин послал Александру I взволнованное письмо. Говоря о мощи и богатствах русского государства, автор письма призывал императора дать согражданам «непреложные законы», согласные с национальными обычаями и нравами, употребить «самовластие на обуздание самовластия», уменьшить двор свой,

²³ «Полярная звезда», Лондон, кн. 7, стр. 39, 42 и 49.

отстранить «сонмы ласкателей и прислужников», ограничить пышность палат, «обеспечить существование помещичьих крестьян», точно установив их зависимость от помещиков. Письмо Каразина, известное в двух редакциях, выражало в 1801 году настроения дворянского либерального салона. Александр I, только вступивший на престол и заигрывавший с либералами, поблагодарил молодого публициста и даже на некоторое время приблизил его ко двору. Каразин мечтал стать первым советником «мудрого монарха», которому можно откровенно высказывать свои мысли. Но чаяниям Каразина не суждено было осуществиться: после короткой службы во вновь организованном Министерстве народного просвещения Каразин вынужден был уйти в отставку. Но это не охладило его пыл, и в 1808 году он написал новый проект — «О невмешательстве в дела Европы». На этот раз публицист советовал не оказывать помощь иностранным державам, прекратить всякие «министерияльные» сношения с Европой и действовать вооруженною силою «только оборонительно». Александр I вышел из терпения и приказал слободско-украинскому губернатору «статского советника и кавалера Каразина за нелепые его рассуждения о делах, которые до него не принадлежат и ему известны быть не могут, взяв из деревни под караулom, посадить на харьковскую гауптвахту на восемь дней». Живя в родной деревне, опальный Каразин пытался практически осуществить некоторые положения своей программы. Он, например, учредил «сельскую думу», открыл кожевенный завод, хлопотал об организации метеорологической обсерватории, предлагал свой способ изготовления пищевых концентратов для действующей русской армии. Каразин составлял «правила» и «справочники» для организованного им Филотехнического общества и писал статьи на самые разнообразные темы: «Речь о необходимости усилить домоводство», «Описание снаряда для гонки вина», «О важности лесоводства для России», «О возможности приложить электрическую силу верхних слоев атмосферы к потребностям человека», «О печении из дубовых желудей вкусного и здорового хлеба», «О посадке картофеля в полях» и т. д. Каразин пытался принять самое живейшее участие в обсуждении социально-экономических проблем, в частности крестьянского вопроса, заботясь о развитии фермерского хозяйства. План Каразина, по словам В. И. Семевского, имел «одно громадное достоинство сравнительно с весьма многими проектами, ему современными: Каразин прекрасно сознавал невозможность безземельного освобождения крестьян и предоставлял каждому из них определенный надел».²⁴ Возражая Н. Тихому и Я. Абрамову,²⁵ восхвалявшим Каразина, Семевский в «Вестнике Европы» напечатал

²⁴ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1. СПб., 1888, стр. 378.

²⁵ Я. Абрамов. В. Н. Каразин. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891.

заметку «Несколько слов о Каразине», в которой писал, что переоценивать прогрессивность Каразина в крестьянском вопросе все же не следует.

Рабство в России, гнет помещиков-крепостников, ужасное положение крепостных — все это Каразин считал не системой, а случайным явлением. Он полагал, что виной всех бед является нерадивость и злоупотребления отдельных помещиков. Желая уничтожить барщину, точно определить повинности крестьян, Каразин все надежды возлагал на самих помещиков. Радикальные меры, по мнению Каразина, были вредными и опасными, поэтому свой план он резко разграничивал от плана конституционалистов. Во всех его высказываниях слышится страх и вражда к идеям, провозглашенным автором «Путешествия из Петербурга в Москву».

6

В ноябре 1819 года Каразин представил на рассмотрение Вольного общества любителей российской словесности «Опыт сельского устава» и статью «О найденных в Слободско-украинской губернии древних славянских могилах». 24 ноября он был утвержден в звании действительного члена. В «Журнале распоряжений» по этому поводу сделана следующая запись:

«Отличные познания в науках и отечественном слове, особенное усердие ко благу Общества и приобретенная летами опытность г. почетного члена В. Н. Каразина, возбудили в сословии сем искреннее желание иметь его действительным своим членом. По существу высочайше утвержденного устава звание сие, заключая в себе более ответственности, имеет несравненные с другими званиями права и преимущества; но при всем том Общество само собою не могло решиться включить его в число действительных членов своих. Ныне узнав предварительно мнение его по сему предмету, определили: единодушно признать его, г. статского советника и кавалера В. Н. Каразина, своим действительным членом».²⁶

Вступив в Общество, Каразин сразу начал энергично действовать, и не прошло месяца после избрания его в действительные члены, как на одном из очередных собраний он выступил с проектом объединения Вольного общества любителей словесности, наук и художеств и Вольного общества любителей российской словесности в одно общество либерально-благонамеренного типа. Реальный смысл предложения Каразина не был ясен, поэтому на собрании 15 декабря «соревнователи» приняли уклончивое решение:

«Г. действительный член В. Н. Каразин, представив собранию пользу, какую могло принести соединение общих сил, имеющих целью просвещение и благодетворение, предложил мысль свою о соединении двух обществ — высочайше утвержденного любителей российской словесности и любителей словесности, наук и худо-

²⁶ Вольное общество, 25, л. 206 и об.

жеств, и об издании с того времени двух журналов: собственно ученого и литературного. Причем г. действит. член испрашивал согласия позволить ему предложить ту же мысль и Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств. Определили: сообщить г. действительному члену, что Общество на последнее желание его согласно, но что принадлежит до предложения о соединении двух обществ и об издании двух журналов, то по существу §§ 96 и 97 первой части устава оное должно быть рассмотрено в чрезвычайном собрании». ²⁷

Объединение прогрессивных элементов того и другого общества входило также в план Глинки. На первый взгляд кажется, что интересы Каразина и Глинки сошлись. Каразин быстро завоевывает авторитет, и на полугодичном собрании, 29 декабря, его избирают вице-президентом, помощником Глинки. В отличие от гр. Салтыкова, который не вмешивался во внутреннюю жизнь Общества, новый помощник президента с первых же дней проявил исключительную активность и сделал все возможное, чтобы стать фактическим руководителем Вольного общества. На собрании 15 марта 1820 года Каразин уже докладывал об издании второй книжки «Соревнователя». Отсюда можно заключить, что он выступал и в роли редактора журнала. Он даже метил в президенты. Митрополит Евгений писал В. Анастасевичу 2 июня 1820 года: «Если бы и В. Н., забыв обиду, принял президентство, то журнал бы процветал паче прочих». ²⁸

Между тем события развернулись не по плану Каразина и его союзников. В собрании 1 марта 1820 года Каразин читал свое рассуждение «Об ученых обществах и периодических сочинениях в России». В речи вице-президента содержались такие мысли, против которых трудно было возражать. Каразин призывал членов Вольного общества посвятить себя занятиям более мужественным, нежели «вздохи сказочных любовников» и «шарады на горах, соблазнительные элегии или стишки в альбом». Осуждая искусство, которое «не представляет уму никаких новых полезных истин», а служит «забавою домашних бесед», Каразин справедливо критиковал некоторых поэтов за нежелание иметь «возвышенную цель», действующую на сердце и ум «сограждан». «Вместо того чтобы, — говорил Каразин, — описывать в десяти тысячный раз восход солнца, пение птичек, журчание ручейков, употребим те же дарования, то же счастливое воображение на предметы более дельные. Взяв за образец Бюфона, вместо путешествий небывалых опишем лучше путешествия действительные, совершенные в недрах отечества нашего. Исчислим естественные произведения России, нравы ее разнородных областей, от кочующего на льдах полярных чукчи до индейца, благоговейно поклоняющегося бакинскому огню. Или

²⁷ Там же, лл. 221 об. и 222.

²⁸ «Русский архив», 1889, № 7, стр. 353.

с Тацитом и Карамзиным испытаем углубиться в историю народов». «Пора перестать быть подражателями только!», — заключает Каразин.

Обсуждение речи состоялось через две недели, 15 марта, на чрезвычайном собрании. Все как будто благоприятствовало Каразину. Борьба за самобытную литературу входила в намерение Вольного общества. В бумагах Общества сохранился текст выступления действительного члена М. Н. Загоскина. Загоскин увидел в речи вице-президента, ставшего одновременно и председателем Цензурного комитета, смелую попытку перестроить «Соревнователь», усилить в журнале национальную тему, внимание к родной стране. Выступления других «соревнователей» на чрезвычайном собрании остались незафиксированными, поэтому мы считаем целесообразным на этот раз полностью привести суждение Загоскина, поскольку оно отражает мнение определенной группы литераторов.

«Милостивые государи! Главный предмет сегодняшнего собрания нашего есть разрешение вопроса: „Нужно ли сделать некоторые перемены в издаваемом нами журнале?“. Я не повторяю слова почтенного нашего вице-президента — не скажу, что взоры всей России обращены на оной; Россия велика — да и к тому же, стыдно сказать и грех потаить, большая часть наших соотечественников или вовсе не читают русских книг, или, что и того хуже, читают одни глупые романы. Года два или три назад продавали пудами римскую историю Роллена; а в нынешнем году вышло в свет шестое издание маркграфини Бранденбургской и милорда Георга. Признаюсь, это заставляет меня думать, что в России еще много есть людей, для которых все равно, печатают ли в нашем журнале шарады или ученые известия, эротические стихотворения или христианскую мораль. Довольно, если я скажу, что на нас обращены взоры всех подписчиков, всех истинных любителей русской словесности, что, не говоря уже о выгодах общества, собственное самолюбие наше должно страдать, если журнал, нами издаваемый, не оправдает в полной мере ожидания публики — разумеется, не той, которая читает маркграфиню Бранденбургскую, но публику просвещенную, составленную из людей, желающих читать статьи не только приятные, но полезные и ученые, людей, которые, умея чувствовать всю прелесть хорошей поэзии, не хотели бы, однако ж, встречать в журнале, издаваемом не частным человеком, но целым обществом, похвалы пьянству, неге и сладострастию; может быть, скажут мне, что анакреонтические песни Державина пользуются всеобщим уважением — это правда! Но я уверен, что бессмертный творец никогда бы не решился прочесть в „Беседе“, а и того менее напечатать в книжках, ею издаваемых, некоторые из сих песен, например ту, которая начинается стихами:

Я охотник был из млада
За девчиною гулять

или другую:

Вечор мне красные девицы
Мешок пшеницы принесли,

несмотря на то, что эти оба стихотворения прекрасны.

«Чтоб вполне удовлетворить желание сей просвещенной публики, я полагаю, что некоторые преобразования в нашем журнале необходимо нужны; он по самому существу своему разделяется на две части, — одна из них должна заключать в себе статьи ученые, другую можно посвятить исключительно одной словесности; и о сем-то последнем отделении я намерен сказать теперь мое мнение.

«Позвольте мне спросить вас, милостивые государи, не странно ли, не смешно ли даже, что в журнале, издаваемом Обществом любителей русской словесности, помещают известия о иностранных сочинениях, а не говорят ни слова о произведениях отечественных? Большая выгода знать нашему подписчику, что в Париже вышла хорошая книга, когда ему ни прочитать, ни купить ее не можно. Не гораздо ли лучше извещать его о вновь выходящих русских книгах? По крайней мере тогда он поблагодарит нас, если мы должной похвалою привлечем его к прочтению хорошей книги или справедливой критикою остережем от покупки дурного сочинения. Если Общество препоручит одному из своих членов составление русской библиографии для каждой книжки издаваемого нами журнала, то я готов с моей стороны дать ему для сего все нужные способы, в случае же моей отлучки почтенный мой товарищ и наш сочлен Иван Андреевич Крылов охотно возьмет на себя сию обязанность. Мне кажется, также не мешало бы завести в журнале нашем постоянную статью о русском театре; оставив уже то, что эта статья будет для многих весьма любопытна и без всякого сомнения прибавит число наших подписчиков, я полагаю, что Общество любителей словесности должно также любить и драматическое искусство — искусство, которое древние греки считали почти божественным, которое едва ли не больше других прославило французскую литературу, которое... но я забыл, милостивые государи, что в своем деле судьею быть не можно — всякий любит то искусство, которым занимается, следовательно, и судит о нем несколько пристрастно. Я повторяю только слова мои: введение сей статьи принесет существенную пользу журналу, т. е. прибавит дохода, которым содержится наше общество, и следовательно, даст ему возможность увеличить круг своего действия относительно к благотворению.

«Вот, милостивые государи, в коротких словах мое мнение, может быть, я ошибаюсь в своих предположениях, но смею уверить почтенных товарищей, что одно желание быть чем-нибудь полезным нашему обществу водило пером моим».²⁹

²⁹ Вольное общество, 4, лл. 101 и 102.

Речь Загоскина не оставляет сомнений, что Каразин поставил в своем выступлении серьезные вопросы, волновавшие передовых «соревнователей», прежде всего декабристских литераторов. Патриотические речи Каразина и Загоскина не могли вызвать отрицательной реакции у Гнедича, Глинки и Кюхельбекера, постоянно ратовавших за самобытную и гражданскую литературу, способную отражать национальное прошлое и настоящее, воспитывать чувство патриотической гордости. Можно даже подумать, что Каразин в некоторых отношениях опережает декабристов-литераторов. Но здесь требуется серьезное уточнение. Каразин нападал не на «легкую» поэзию Панаева, Дуропа и Федорова, печатавшихся в «Соревнователе» поэтические безделушки. Под «забавами домашних бесед» он разумел поэзию Пушкина, Баратынского и Кюхельбекера, их внимание к человеческой личности, к миру переживаний и чувств, к дружеским беседам. В их «домашней» поэзии отсутствовала политическая символика, героем ее еще не был человек декабристского мировоззрения, но это была все же «домашность» особого толка, враждебная аракеевской муштре, официальным кумирам, нарочитой серьезности. В своем отрицании «легкой» поэзии Каразин и Загоскин перекликаются с А. Е. Измайловым. Последний в «Благонамеренном» предупредил, что он приложит все свои старания, чтобы в его журнале не имели места «сладо-страстные, вакхические и даже либеральные стихотворения молодых наших баловней-поэтов».³⁰

Каразин в своей речи касался не только литературных, но и «политических предметов». Похвалив правительство и сказав о важности просвещения, он подчеркнул особые заслуги «высших классов народа»: «Достоинейшее духовенство, военные и гражданские чиновники, служащие правительству, помещики, лучшее купечество, благовоспитанные художники: не чернь, собирающаяся из питейных домов на площадь, как в Англии и Франции, будут у нас иметь голос».³¹ Далее оратор обрушился на «права человека» и на «свободу совести», бросая прямой укор французским просветителям. Он подчеркивал, что «любимыми основаниями наших писателей, независимо даже от личных начал их, не могут быть ни мнимые права человека, ни свобода совести, столько препрославленная в XVIII столетии...». «К счастью, — продолжал Каразин, — иные и по всем прочим обстоятельствам невозможны. Если бы легкомыслие усиливалось производить, а учрежденный за ним надзор мог допускать сочинения в другом духе, то кто станет им рукоплескать?». Этого заявления было уже

³⁰ «Благонамеренный», 1823, № 21.

³¹ Речь В. Н. Каразина к печати дозволена цензором Г. Яценковым 3 марта 1820 года. В делах Вольного общества любителей российской словесности (ф. 58, № 4. лл. 103—114, «Входящие бумаги») подшиты два экземпляра рассуждения «Об ученых обществах».

достаточно, чтобы восстановить против себя некоторых членов «ученой республики».

Вероятнее всего, эти нападки на французских просветителей и русских республиканцев были внесены в печатный текст «Рассуждения». К чрезвычайному собранию Каразин поспешил издать свою речь «в самом малом количестве экземпляров». Тогда-то, 15 марта, и разразилась буря, против Каразина восстала добрая половина присутствующих членов Вольного общества. Некоторые из них, как признавался сам Каразин, «несправедливо изъяснили» его намерение.

7

Вопрос о Каразине не сходил с повестки дня в течение нескольких месяцев. У автора «Рассуждения» нашлись приверженцы, которые покинули заседание 15 марта, но тем не менее считали себя членами Общества. Их письма в адрес Вольного общества частично восполняют наше представление о полемике, однако самые интересные документы о дискуссии, в частности выступления принципиальных противников Каразина, утрачены и утрачены безвозвратно. Поэтому мы вынуждены пока опереться на показания сторонников Каразина, чтобы хотя бы по ним восстановить характер собрания 15 марта.

Сошлемся на отношение кн. Цертелева от 26 апреля 1820 года.

«В С.-Петербургское Вольное общество любителей
российской словесности.

От действительного члена князя Цертелева.

Не желая возобновлять неудовольствий прошедшего экстраординарного собрания, считаю однако же обязанностью своею для избежания впредь подобных происшествий, на основании параграфов 27-го и 28-го высочайше утвержденного устава нашего представить на благоуважение почтенных сочленов некоторые мои предположения.

Охранение прав есть первая и главная выгода, доставляемая нам общежитием; частные общества, составляя, так сказать, подразделения государственных сословий, могут иметь некоторые особенности; подобно частям огромного здания в общем плане должны согласоваться с первыми. Человек, делаясь членом какого-нибудь частного сословия, не перестает быть гражданином и, следовательно, не приобретает прав частных на счет прав общих.

В последнем экстраординарном собрании, после шумного и продолжительного спора об известном предложении г. Каразина, определено сделать ему замечание и удалить от должности вице-председателя. Прежде еще того читаны были против упомянутого члена возражения, и некоторые из числа возражавших объявили против его личное неудовольствие. Справедли-

вость и государственные законы, с которыми без сомнения должны сообразоваться постановления частных обществ, не допускают быть судьями обвиняемого людей, имеющих на его неудовольствие, и не позволяют делать суждений в присутствии обвиняемого. Сии общие правила не только не соблюдены в прошедшем собрании, но даже позволены были несравненно важнейшие вольности. Строгие судьи г. Каразина, обвиняя его в каких-то нескромных выражениях, в то же самое время в присутствии двадцати шести человек в Обществе, высочайше утвержденном, до того забылись, что называли сочлена своего клеветником, невежею, нарушителем спокойствия и другими именами, которых повторить не смею. Странное происшествие! Обвинители делаются судьями обвиняемого; нарушители уважения к Обществу говорят о почтении к оному; и оскорбители сочлена своего поучают приличию!.. Кто не удивится таким действиям?! Но поспешность не есть злоумышление; самолюбие наше в жару своем всегда почти выражается резко; с ним, сказал один писатель, должно обходиться, как с огнем, который греет благоразумного и жжет неосторожного. От нас, однако же, зависит обуздывать сие самолюбие и поправлять его опрометчивость.

Злоупотребления должно пресекать в их корне. Оставить без внимания происшествие последнего экстраординарного собрания значит или давать повод к новым подобным неприятностям, или отчуждать от себя многих сочленов. Посему кажется мне необходимым сделать следующие распоряжения. Первое — постановить, дабы впредь при суждении о поступках кого-либо из членов Общества предварительно истребовано было от обвиняемого объяснение, дабы к таковому суждению приглашаемы были все действительные члены, с означением в повестке причины собрания; дабы во избежание могущих встретиться неприятностей удаляемы были из собрания подсудимый и члены, имеющие с ним личное неудовольствие. Второе — членам, нарушившим в прошедшем экстраординарном собрании уважение к Обществу, сделать замечание на основании § 124-го. И, наконец, третье — уничтожить сделанное о г. Каразине определение как недействительное по упомянутым выше причинам и еще более потому, что слышанные им обвинения превосходят всякое замечание. Но возразят мне на последнее: „Определение уже утверждено“. Повторяя еще раз, что оное противозаконно, смею спросить, по какому правилу лучше оставлять ошибки, нежели исправлять их?.. М<илостивые> г<осударь>, единственно снисхождению вашему при избрании меня в сочлены Общества обязан я честно присутствовать в сем почтенном Обществе. Уважение к Вашим достоинствам и чистосердие есть все, чем могу изъявить Вам мою признательность, и так позвольте говорить искренно.

Рассуждая о случившемся в упомянутом экстраординарном собрании, признаюсь, я не могу убедить себя, чтобы в Обществе нашем не было людей, которые одни хотя господствовать и не допускать других к участию в делах Общества; если так, то зачем призвали прочих? зачем дали нам голос, который после оглушить желают?... М<илостивые> г<осудари>, если мы позволим оскорбить одного из сочленов наших, то кто Вам порукою, что каждый не будет оскорблен в свою очередь?.. Писать ругательства весьма легко, но чем окончатся оные?.. Еще одно, два, подобных происшествий и общество наше может сделаться баснею всего города! Искренность, м<илостивые> г<осудари>, моя свидетельствует Вам, что я говорю то, что мне известно и в чем уверен. И так поспешим исторгнуть неукоренившиеся еще семена раздора, истребим из самого воспоминания случившиеся неприятности, утвердим права наши, оградим и себя от оскорблений, водворим спокойствие и согласие в нашем Обществе, станем без жолкостей, без обиды замечать погрешности один другого, станем вместе учиться и наставлять и заслужим название соревнователей просвещения!

Я надеюсь, м<илостивые> г<осудари>, что Вы примете сие усердие и чистосердечное предложение знаком особенного моего к Вам доверия и уважения к Обществу, которого честь, доколе принадлежу ему, неразлучна с моею».³²

Противники Каразина не прекращали спора. На заседании 31 мая они снова вернулись к обсуждению поступка бывшего вице-президента Общества. С другой стороны, его сторонники, узнав о продолжении дискуссии и о назначении на 2 июня еще одного чрезвычайного заседания, заявили о своем уходе из Общества. В день заседания, 2 июня 1820 года, кн. Цертелев обратился к президенту Общества Ф. Н. Глинке со специальным письмом:

«Некоторые из членов Общества нашего, узнав о назначении сего числа чрезвычайного собрания, просили меня сообщить вам, как председателю, следующее: предполагая, что в нынешнем заседании, между прочим, будет рассуждаемо о происшедшем в собрании 15 марта, и опасаясь, чтобы из сего не родились новые неприятные споры, решились они по упомянутому предмету сообщить письменно — прилагаемое при сем — общее их желание. Оно состоит в том, чтобы прекратить все несогласия истреблением самых памятников раздора, подающих непрестанно повод к оным. Приняв на себя порученность сию, вместе с тем обещал я им объяснить Обществу их мысль, что споры 31 мая, понудившие вас, м. г., закрыть заседание, произошли от недоразумений. Многие утверждали, что мы сами в собрании 26 апреля просили все происшедшее в заседании 15 марта предать забвению. Действительно так, но предать забвению значит ли оставить дело в на-

³² Вольное общество, 4, лл. 276—279.

стоящем положении? Об этом нечего было и просить нам. Сверх того, многое читанное мною 26 апреля, равно как и прилагаемые при сем <мнения> г. Лобойкова и графа Хвостова, ясно показывают, что разумели мы под словами „предать забвению“.

«Душевно желая спокойствия Обществу, мы еще раз повторяем общую просьбу нашу: уничтожить все памятники неприятных происшествий 15 марта; а как в заседании 31 мая заключено нами, что некоторым членам угодно причины всех неприятностей приписывать нам, то мы и считаем обязанностью довести до сведения Общества, что, буде оное за благо рассудит, может не считать нас в числе своих членов. Мы также покорнейше просим сообщить нам выписку из журнала заседания, в коем будет о сем рассуждаемо.

«Члены, подписавшие прилагаемое при сем мнение, также желают, чтобы о выбытии их из Общества припечатано было личным образом в первом, имеющем быть номере „Соревнователя“ для известия отсутствующим членам, как то и делается о всех вновь поступающих и выбывающих из Общества. Сие желание наше кажется также справедливо; ибо если напечатать о сем в другом журнале, то, во-первых, должно испрашивать позволение от начальства; а, во-вторых, сие может подать повод к новым неудовольствиям, которых мы всячески избегать желаем.

«В заключение покорнейше просим вас, милостивый государь, сообщить все прилагаемые при сем бумаги Обществу, из которых оное может усмотреть, что мы говорили, что думали и чего желали».³³

Повторяем, что мнение Каразина о необходимости иметь литературу самобытную, действующую на ум сограждан, не могло показаться Глинке, Никитину и Кюхельбекеру спорным и тем более клеветническим. Остается предполагать, что протест вызвала та часть рассуждения Каразина, в которой говорилось не о литературе, а о политике, о «правах человека» и «свободе совести». Внешне прогрессивная формула о самобытной литературе прикрывала реакционную идею о ненужности и невозможности политических преобразований в России. Трудно сказать, что говорил Каразин в свою защиту, когда разгорелся спор по поводу его рассуждения, так же как невозможно восстановить речей Глинки и Кюхельбекера. Однако о политических взглядах Каразина той поры можно судить по его статье «Защитение противу иностранцев...», которую он в 1819 году читал на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Первая глава этой работы, посвященная обзору мнений иностранцев о России, печаталась в 1817 году на страницах «Вестника Европы» (№ 12, стр. 104—134). В 1819 году Каразин мог читать вторую главу

³³ Там же, лл. 274—275.

своего «Защитения».³⁴ Эта вторая глава направлена против Мабли и его последователей, «глашатаев вольности» в России («Размышления о греческой истории» Мабли были переведены еще Радищевым). Прежде чем изложить свое мнение о государственной жизни и о частной собственности, Каразин передает основные положения учения Мабли: «Главные черты учения Мабли и его последователей в том, что принадлежит до предмета нашего, суть следующие:

1) природное равенство людей; 2) представление общества не иначе, как следствием взаимного договора народа и государя; 3) представление власти не иначе, как излиянием общей воли. Из чего следует репрезентация народа...».

Из учения Мабли «глашатаи вольности» в России, по словам Каразина, сделали вывод, что «нынешнее состояние поселян причиняет всевозможное зло», что оно «убивает трудолюбие и промышленность», «имеет предосудительное влияние на нравы», «не совместно с человеколюбием», что в борьбе против рабства должна сыграть важную роль литература, и выступление против социальной несправедливости — дело чести русского писателя. Изложив все по порядку, Каразин переходит к возражениям.

«1. В природе, каковую нам дано достигать ее, нет равенства! Оно не существует ни в вещественном, ни в духовном мире.

«2. Не только по библии, которой глубочайшая древность, независимо от святости ее, неоспоримо доказана, но по древнейшим историям светским, какие токмо дошли к нам, мы видим племена рода человеческого, управляемые монархически.

«3. Все общественные так называемые приговоры и в Афинах, и в Великом Новгороде некогда, и в национальном французском собрании, и в парламенте английском, и в деревнях наших делались всегда по предложению единого. Репрезентант народа — выражения, введенные неистовым Робеспьером и его сообщниками, по сему одному уже довольно подозрительны. Но монархо-республиканцы, ученые наши, которым, не взирая на несчастный конец революции, все еще трудно расстаться с идеями, почерпну-

³⁴ Статья «Защитение противу иностранцев...» вошла в «Сочинения В. Н. Каразина», изданные Д. И. Багалеем. Вторая глава помещена среди бумаг Филотехнического общества на том основании, что она была найдена в архиве «после отпечатания» первой главы (303—322). Здесь же в качестве третьей главы «Защитения» перепечатан «Сельский устав» Каразина, ранее опубликованный О. М. Бодянским в «Чтениях Московского общества истории и древностей российских» (1863, т. III, стр. 115—122).

Рукопись «Защитение противу иностранцев существующей ныне в России подчиненности поселян помещикам, или соглашение сей подчиненности со всеобщими началами монархического правления и государственной полиции, также и с истинным благосостоянием человечества», сделанная писарской рукой, с собственноручными исправлениями и примечаниями В. Н. Каразина, хранится в Рукописном отделе ИРЛИ среди собрания «Русской старины» (ф. 265, на 68 листах. Рукопись помечена датой «1816, декабря 13»).

тymi в прежней своей школе, изменили только значение сих слов. Монарх-де есть репрезентант народа!».

На полях рукописного экземпляра рукой Каразина сделано существенное дополнение, раскрывающее основную мысль его возражений: «Я постараюсь доказать, что Россия никогда не имела прямого рабства земледельцев, что называемое сим именем есть не что иное, как цепь злоупотреблений, нечувствительно вошедших в обычай».³⁵

Трактат Каразина о «Защищении противу иностранцев...» проливает свет на несколько затемненное примечание к рассуждению «Об ученых обществах и периодических сочинениях в России». Слова Каразина о «русской привычке копировать иностранных» и о русских санкюлотах, которые «читать не умеют», приобретали в отношении декабристского Петербурга зловещий смысл. Известно, что декабристы считали пропаганду против рабства и подготовку общественного мнения к восприятию освободительных идей едва ли не главной задачей тайной организации и ее филиалов. Древний Новгород и Псков служили для них и славным воспоминанием о вечевом строе, и наглядным примером преимуществ республиканского правления. Но на мартовских собраниях 1820 года полемика с Каразиным едва ли носила характер принципиального спора о разных формах правления: она приняла совсем другой оборот.³⁶

8

Основное обвинение, предъявленное Каразину, состояло в том, что у «некоторых особ» появились печатные экземпляры рассуждения, в которых «заключаются мысли особой важности». На этом же собрании было установлено, что Каразин свое рассуждение препроводил гр. Кочубею. В делах Вольного общества любителей российской словесности сохранилось два печатных экземпляра рассуждения «Об ученых обществах и периодических сочинениях в России». Разница между ними состоит в одном из примечаний (стр. 3—4). В первом примечании он ограничивается следующими словами: «Я иногда дивлюсь статьям иных наших журналов. Хотя побожиться готов, что это делается безо всякого намерения, а так, просто копировать по нашей русской привычке иностранных». Во втором экземпляре примечание имеет следующее продолжение: «Сюда принадлежит прославление инсургентов, вольных (?) областей, их конституции и т. п. Подумали бы хоть раз эти господа, кому у нас адресуют они свои восклицания?.. Наши санкюлоты читать не умеют».

³⁵ Цитируется по рукописному экземпляру «Защищения противу иностранцев...», хранящемуся в ИРЛИ АН СССР (л. 6 об.).

³⁶ В защиту Новгородской республики и вольности мог выступать в «учебной республике» Кюхельбекер. См. далее его речь, произнесенную в Париже.

Очевидно, Греч разумел под «особым» экземпляром экземпляр с расширенным примечанием. Но и это примечание не давало основания назвать Каразина клеветником и удалить его из Вольного общества. За речью «Об ученых обществах и периодических сочинениях в России», должно быть, скрывалось еще что-то, о чем нельзя было говорить открыто на публичном собрании «ученой республики». Судя по протоколу от 15 марта, до Глинки и Греча дошел слух, что Каразин не только представил гр. Кочубею экземпляр своей речи, но и снабдил его дополнительными примечаниями, крайне нежелательными для Вольного общества любителей российской словесности.

В чрезвычайном собрании, состоявшемся 15 марта, вместо того чтобы обсуждать предложение «насчет улучшения журнала», Ф. Н. Глинка, Н. И. Греч, Ан. Дуроп, Ал. Дуроп, М. М. Сонин, В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг, А. А. Никитин, А. А. Крылов, П. А. Плетнев, А. Д. Боровков, В. К. Бриммер, И. А. Гарижский выступили против Каразина, говоря, что его речь «Об ученых обществах и периодических сочинениях в России» оскорбительна для Общества. Греч, между прочим, сообщил, что он «видел у некоторых особ такие печатные экземпляры сего рассуждения, в которых заключаются мысли особой важности». Краткий протокол чрезвычайного собрания сохранился в делах Общества, и мы считаем возможным привести его в нашей работе.

«Слушали:

1. Журналы прошедшего заседания.

«2. Отношение В. Н. Каразина, коим извещая, что он приступил к изданию 2-й книжки «Соревнователя», просит разрешить его по читанному им 1 марта предложению. За сим гг. члены: Ан. К. Дуроп, Ал. К. Дуроп, М. М. Сонин, В. К. Кюхельбекер, барон А. А. Дельвиг, А. А. Никитин, А. А. Крылов, П. А. Плетнев, А. Д. Боровков, В. К. Бриммер, И. А. Гарижский читали мнения свои по случаю произнесенного В. Н. Каразиным в заседании 1 марта рассуждения об ученых обществах и периодических сочинениях в России, весьма оскорбительного для Общества, принявшего в действительные члены свои его, г. Каразина, и почтившего званием помощника председателя. Причем гг. члены представили экземпляры сего рассуждения, напечатанного сочинителем самовольно, в явное нарушение § 3 высочайше утвержденного устава, и без дозволения Общества отправленного через г. директора особенной канцелярии Министерства внутренних дел к г. попечителю Общества графу В. П. Кочубею. По прочтении сих мнений г. действительный член Н. И. Греч объявил, что он видел у некоторых особ такие печатные экземпляры сего рассуждения, в которых заключаются мысли особенной важности, между тем как в других экземплярах оных не содержится, а г. председатель Общества предложил на благоуважение гг. членов поступок г. Каразина, заключающийся в том, что он читал сие оскорбительное

для Общества рассуждение в том заседании, когда ожидали в оное г. почетного члена Н. М. Карамзина, на сей случай собственнo сочиненное, напечатал с вариантами, для Общества предсудительными, без позволения сего сословия, пустил экземпляр в публику и через правительственное место поднес оное г. попечителю графу В. П. Кочубею. А как г. Каразин, объявля, что рассуждение его по литературному достоинству в заседании 1 марта избрано, просил разрешения, примет ли его Общество как предложение, то по сему производимо было баллотирование, по коему рассуждение сие большинством голосов отвергнуто. Когда же Общество приступило к рассмотрению поступка г. Карамзина, тогда он и гг. члены И. Н. Лобойко, князь Н. А. Цертелев, А. П. Гевлич, А. Ф. Рихтер, Б. М. Федоров, В. Г. Анастасевич и Д. В. Сахаров самовольно оставили заседание, объявив, что они после сего не могут быть в Обществе. Почему оставшиеся в собрании гг. члены в числе 19 человек единогласно определили: как г. помощник председателя В. Н. Каразин, обязанный по существу устава пещись о сохранении оного гг. членами, сам явно нарушил §§ 1, 3, 12, 20, 28, то и следовало бы поступить с ним по всей строгости § 124; но во уважение собственного признания его, что он сей поступок учинил без всякого умысла, сделать ему, г. Каразину, в присутствии Общества строгое замечание, дабы он впредь имел должное уважение к месту, составленному из достопочтенных членов и многих знаменитых в Отечестве мужей и утвержденному высочайшею властью, даровавшею оному собственные законы, священные для каждого члена. А как г. Каразин после сего поступка не может уже быть помощником председателя, то и возложить звание сие на единодушно избранного в оное г. действительного члена А. Е. Измайлова, который на сие и изъявил согласие свое. Поступок же гг. членов, самовольно вышедших из собрания до окончания оного, внести в журнал, представив им на волю оставить навсегда Общество, поставившее законом сохранять в заседаниях своих согласие, единомыслие, скромность, взаимную доверенность и отвержение гордыни на основании § 1, 12 и 20 устава».³⁷

Независимо от того, как был информирован гр. Кочубей о положении в Вольном обществе, — то ли в устной беседе, то ли путем представления особого печатного экземпляра, снабженного необходимыми комментариями, Каразин во всей этой истории выступал в очень неблагоприятной роли. Что мог рассказать Каразин гр. Кочубею? Очевидно, что Каразин информировал начальника особой канцелярии Министерства внутренних дел и одновременно одного из попечителей Общества соревнователей просвещения и благотворения не о вреде конституционных идей вообще, а о брожении умов в Петербурге.

³⁷ Вольное общество, 26, лл. 70—72.

В беседах с гр. Кочубеем Каразин внушал, что следует «иметь недреманное око». Он даже советовал гр. Кочубею организовать специальный статистический департамент, который бы заменил плохо действующую «особую канцелярию» Министерства внутренних дел и брал на себя обязанности начальника этой канцелярии. Каразин делал все возможное, чтобы выслужиться и оправдать доверие гр. Кочубея. Он домогался должности политического информатора еще и потому, что желал противопоставить свои наблюдения и сведения тем «слухам», которые доставлял петербургскому генерал-губернатору гр. Милорадовичу чиновник особых поручений Глинка. В этом признается и сам Каразин в письме к Николаю I, припоминая посещение гр. Кочубея в связи с произнесенной им речью в Вольном обществе любителей российской словесности. Письмо Каразина, написанное вскоре после декабрьских событий, печаталось в «Русской старине» с большими сокращениями; сын публициста Ф. В. Каразин и редакция журнала, стремясь представить В. Н. Каразина исключительно «благородной личностью», пропустили те места, которые уточняли мартовские события 1820 года. Видя, что направление умов в Петербурге стало «совсем подобное тому, каковое замечали во Франции до наступления переворота», Каразин в «продолжение разговора» с гр. Кочубеем называл «подозрительных лиц»: князя Сергея Волконского, Кюхельбекера, Рылеева, Глинку, «тем более опасного, что он же по отличной доверенности генерал-губернатора был употреблен на секретное собиране городских слухов для высочайшего сведения, наконец, Пушкина».³⁸ Каразин в 1826 году по памяти вспомнил содержание разговора с гр. Кочубеем, и, видимо, не совсем точно. Едва ли в первой половине 1820 года он мог сообщить сведения о Рылееве. Но можно не сомневаться, что Глинка и Пушкин фигурировали в списке «подозрительных лиц». Неоспоримым доказательством того, что Каразин готовил донос на Пушкина, является его дневник, известный нам в отрывках, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии. В дневник Каразин заносил наиболее важные мысли, с которыми он собирался обратиться в ближайшее время к гр. Кочубею. В дневниковых записях он не стеснялся в выражениях и по фамилиям называл главных виновников свободомыслия и конституционных мечтаний. На первом месте среди «вольнодумцев» стоит Пушкин, который в своих эпиграммах «злословит государя». Еще 18 ноября 1819 года, когда Каразин первый раз пришел в Общество соревнователей, в дневнике была сделана запись:

³⁸ Цитируется по копии (фонд Шильдера, л. 80).

«Иной наш брат, украинец, подумает, что в столице-то, а особливо в Петербурге, в присутствии двора, под глазами государя, соблюдается на Osborne его уважение и дается пример преданности. Вот эпиграмма (сказывают, Милонова — известного поэта, члена Общества любителей словесности и художеств), которою меня, так сказать, осрамили в столице сей! Она сделана на Сенат или на вывеску гг. сенаторов и Комиссии законов:

Какой тут правды ждаты
В святилище закона!
Закон прибит к столбу,
И на столбе корона.

«Какой-то мальчишка Пушкин, питомец лицейский, в благодарность написал презельную оду,³⁹ где досталось фамилии Романовых вообще, а государь Александр назван кочующим деспотом... К чему мы идем? ...».

В мартовские дни 1820 года, когда в Вольном обществе оживленно обсуждалась речь «Об ученых обществах», Каразин в тиши своего кабинета готовил материалы против «ученой республики» и Пушкина для гр. Кочубея. Дневники Каразина по существу и являлись черновыми записями устных бесед с гр. Кочубеем. Из отдельных записей складывается совершенно законченная, продуманная и тщательно выполненная записка о политическом движении в Петербурге. Приведем следующие страницы «дневника»: «12 марта 1820. День достопримечательный. 19 лет перед сим

³⁹ Под «презельной одой» Каразин имел в виду знаменитую сатирическую песню «Сказки (Noël)». Это стихотворение произвело огромное впечатление в передовых кругах молодежи, его, по свидетельству И. Д. Якушкина, «все знали наизусть и распевали чуть не на улице». Приводя стих из этого стихотворения, Каразин сообщает, что в нем «досталось всей фамилии Романовых вообще». В известном тексте («Ура! в Россию скачет Кочующий деспот...») отсутствуют строфы о «Романовых вообще». Возможно, существовала другая редакция «Сказки». «По-видимому, был другой „Ноэль“ или другой, обширный вариант „Ноэля“, в котором фигурировала вся династия Романовых. Но, по-видимому, этот „Ноэль“ для нас безвозвратно утрачен» (Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I, стр. 175).

Предположение Б. В. Томашевского подтверждается: существовал другой вариант стихотворения «Сказки. Noël». В бумагах М. А. Корфа, товарища Пушкина по Царскосельскому лицее и действительного члена Вольного общества любителей российской словесности, сохранились списки стихотворений Пушкина «Вольность», «Деревня», «Сказки. Noël», «К Щербинину», «Послание к кн. Горчакову», «К товарищам перед выпуском» («Прощанье»). В копии Корфа стихотворение «Сказки. Noël» имеет другое заглавие — «На рождение порфиросного отрока». Н. Калашникова и Э. Найдич в сообщении «Новые материалы о вольнолюбивой лирике Пушкина» пишут по этому поводу: «... Каразин не ошибся, а правильно зафиксировал содержание стихотворения Пушкина. Он, подобно другим современникам, увидел в ноэли второй смысл — насмешку над семейством Романовых, — тот самый смысл, который обозначен Корфом в заглавии „На рождение порфиросного отрока“ (т. е. сына великого князя Николая Павловича, будущего царя Александра II)» («Вопросы литературы», 1963, № 4, стр. 143).

совершилось еще раз в новейшей российской истории нередко уже случавшееся государственное преступление. Душа моя не одобряла его тогда. Как живо я еще вспоминаю себя стоящим на Казанском мосту с сжатым сердцем, со взором потупленным, то обращенным на окна бывшего Леонова дома, где в четверток страстной недели злодеи имели бесстыдство пировать перед очами, так сказать, всей столицы, перед очами доброго и верного царя и своего народа. О! да будет это преступление, пятнающее всех нас, последним! И кажется, не будет это так, потому что дух времени приуготовляет другие уже преступления и злодеяния. Не время и не место писать теперь, но как добрый сын отечества, но как верный подданный рассеянного в мыслях, обманутого и обманываемого каждый день Александра, пред коим сию минуту становлюсь на колени и со слезами обнимаю его». Доносы Каразина были направлены против «армии вольнодумцев, собираемой и комплектуемой под шумок библейских обществ и масонских лож». Прежде всего имелся в виду Пушкин, автор вольнолюбивых стихотворений. «Вот, между прочим, эпиграмма Пушкина, которую, восхищаясь, Греч и пересказывая свой у него пир с другими подобными, мне пересказал. Она сочинена на известного кн. Стурдзу.

Холоп венчанного солдата,
Достойный славы Герострата
Иль смерти шмерца Кочубу,
А впрочем, мать твою. . .

(в рифму)». ⁴⁰ И все это для передачи «по крайней мере в изустном объяснении» гр. Кочубею.

Таким образом, до 15 марта Каразин успел переговорить с гр. Кочубеем о положении в «ученой республике» и сообщить о пушкинской «Ноэли». Кочубей потребовал в подтверждение разговора представить «корректуры и стихи (о них также была речь)». Посылка экземпляра речи — следующий шаг в сношениях с министром.

15 марта на чрезвычайном заседании Вольного общества Глинка и Греч предъявили Каразину известное обвинение. Такова внешняя канва событий. Бесспорно, что официальные отчеты Вольного общества любителей российской словесности не отражают всей подноготной мартовской истории. Можно предполагать, что если Глинка и Греч знали о визите Каразина к Кочубею, о втором экземпляре рассуждения, заключающем «мысли особой важности», то с таким же успехом они могли знать содержание партикулярного разговора о гранках и стихах, которые Каразин обещал представить Кочубею, и, наконец, о готовившемся или уже поступившем доносе на Пушкина. Изгнание доносчика Каразина было необходимо для защиты «священного союза дру-

⁴⁰ Дневные записки. . . , лл. 8 об., 9 и об.

зей». Одним из самых важных обстоятельств, принудивших «ученую республику» выступить против Каразина, являлось стремление взять под свою защиту Пушкина.

Каразин не остановился на частных разговорах с гр. Кочубеем и на выписках из дневных записок; после записи о петербургской «армии вольнодумцев» и Пушкине, датированной 12 марта, в дневнике следует важное разъяснение: «Для графа В. П. Кочубея п<исано> 31 марта 1820; а послано 2 апреля поутру рано». Между прочими бумагами Каразина сохранилось и это письмо, в котором излагались меры, необходимые для прекращения вольнодумства и обеспечения безопасности в России. Автор записки развертывает перед Кочубеем картину народных бедствий («... народ наш раздражается против правительства умножением тягостей, тем более для него чувствительных, что он не видит в них никакой пользы, а соблазняется видеть только одну невыгодную сторону. Таковы, например, были в прошлом году работы на больших дорогах среди самого драгоценного времени летнего, рытье каналов, которые от первых ливных дождей или непременно уже от первого таяния снегов заплывали» и т. д.), напоминает о существовании военных поселений, которые «диаметрально противоположны человеколюбивым чувствам и намерениям государя», справедливо указывает на преклонение перед иностранцами, замечая при этом: «Нет ни одного важного правительственного места, в котором бы не было иностранцев, не имеющих среди нас никакой собственности, ничего с нами общего, не привязанных к России ничем, кроме денег, которые от нее получают». Как и в 1809 году, Каразин советует Александру I окружить себя «умнейшими людьми», обладающими «значительной недвижимой собственностью в России», направив дворянство «осторожным образом к улучшению участи поселян», минуя при этом «проекты республиканские», преобразовать систему финансов, сделать «правосудие менее медлительным в высших инстанциях» и т. п. Мысли и предложения, заключенные в записке, заставляют подойти к Каразину не как к заурядному доносчику. Все письмо Каразина проникнуто тревогой за судьбу родины. Но в выборе средств, необходимых, по его мнению, для разрешения назревших противоречий, он действует прямо противоположно республиканцам, и его «дерзостные» советы обращены против нарождавшегося декабризма. Рассуждая о распространении «лжетолков», Каразин к последним относит прежде всего «рассеивание слухов о свободе помещичьих крестьян», которым занимаются «строптивые умы», и со страхом замечает, что «войска наши начинают сближаться с народом и что, следовательно, недалеко уже время, когда они, подобно французским в 1789 году, лишь правительству захочет употребить против него, перейдут на его сторону».

«Дух развратной вольности, — писал Каразин, — более и более заражает все состояния. Прошедшим летом на дороге из

Украины и здесь в Петербурге я слышал от самых простых рабочих людей такие разговоры о природном равенстве и прочее, что я изумился: „Полно-де уже терпеть, пора бы с господами и конец сделать“. Самые дворяне, возвратившиеся из чужих краев с войском, привезли начала, противные собственным их пользам и спокойствию государства. Молодые люди первых фамилий восхищаются французскою вольностию и не скрывают своего желания ввести ее в своем отечестве. Для примера представляю вашему сиятельству князя Сергея Григорьевича Волконского и пр. Сей дух поддерживается масонскими ложами и вздорными нашими журналами, которые не пропускают ни одного случая разливать так называемые либеральные начала, между тем как никто из журналистов и не думает говорить о порядке, об исполнении святых должностей, которое всякое правление может сделать наилучшим. Не ходя далеко, я могу представить вам, сиятельный граф, выписки из журналов и газет, которые должны вас удивить. Что принадлежит до масонских лож, то признаюсь, что я от них ничего доброго не ожидаю. О сию пору их более двадцати в России. . . О секретных их беседах так называемой ими работы я заключаю уже из приватного обращения с некоторыми. Все это так и дышит ниспровержением настоящего порядка!

«Что скажем о нынешнем воспитании? . . . Натверживание молодым людям сумасбродных книг под именем божественной философии и пр., навязывание им библии нисколько не сделало их лучшими, а заставило смеяться над религиею или на нее досадовать. Такое лицемерное воспитание, как я его назвал в моем рассуждении об ученых обществах, умножает только людей развращенных. В самом лицее Царскосельском государь воспитывает себе и отечеству недоброжелателей. . . это доказывают почти все вышедшие оттуда. Говорят, что один из них, Пушкин, по вышеч⁴¹ айшему пов⁴¹ елению секретно наказан. Но из воспитанников более или менее есть почти всякий Пушкин, и все они связаны каким-то подозрительным союзом, похожим на масонство, некоторые же и в действительные ложи поступили. Пажеский корпус едва ли с сей стороны не походит на лицей.

«Все это взятое вместе неоднократно рождало во мне мысль, что какая-нибудь невидимая рука движет внутри отечества нашего погибельнейшими для него пружинами, что они в самой тесной связи с нынешними заграничными делами и что, может быть, два или три лица, имеющие решительный доступ к государю и могущие быть сами действующими, не что иное, как жалкие только орудия. . . это невероятно, ибо были уже подобные примеры! Стоит только вспомнить Францию и ужасное влияние, которое имели на нее тайные общества». ⁴² В примечании к записке содержится важ-

⁴¹ Имеется в виду слух, что Пушкин был вызван в полицию и там высечен.

⁴² Дневные записки. . . , лл. 21—29.

ное дополнение: «Кто сочинители карикатур или эпиграмм, каковые напр. на двуглавого орла, на Стурдзу, в которой высоч. лицо названо весьма непристойно и пр. Это лицейские питомцы! Кто знакомится с публикою соблазнительными стихотворениями в летах, где честность и скромность наиболее приличны. . . они же».

12 апреля, т. е. ровно через 10 дней после отсылки письма, в котором говорилось о существовании масонских лож и какого-то тайного общества, или «подозрительного союза», о Пушкине и лицейских питомцах, сочиняющих эпиграммы «на двуглавого орла», Каразин был приглашен к гр. Кочубею. В бумагах имеется записка следующего содержания: «Его сиятельство граф Виктор Павлович просит Василия Назаревича пожаловать к нему сего дня после обеда в восемь часов. 12 апреля 1820 года». О состоявшемся разговоре вечером 12 апреля мы ничего не знаем, но как об этом свидетельствует автограф Каразина, сделанный на обороте пригласительной записки, Кочубей к этому времени уже доложил Александру I о сведениях, собранных Каразиним. Что касается рассуждений и предложений Каразина об усовершенствовании государственной системы правления, то эта сторона вопроса не заинтересовала императора, все внимание которого было приковано к сообщению об эпиграммах и Пушкине.

«Эту записку надобно сохранить. Она будет для меня, — признавался Каразин, — памятником разговора с графом. Я написал еще бумагу, которой черное находится в моей (дн<евной>) записке № I—VIII со страницы 3-й начиная. Следствием ее и доклад о ней государю (как видно, что-то он сказал только, что говорил с г<осударем> о сем предмете) было желание его величества удостовериться в том, что упомянутая в примечании (на стр. 9) д<невной> з<аписки> эпиграмма точно была писана. . . что она не мое изобретение! . . (кажется, сия последняя мысль скрывалась в поручении, которое граф мне задал и от которого я попросил увольнения, достать эпиграмму или карикатуру на бумаге). Боже мой! . . Почти невероятно! Как! Печальная и праведная картина о положении государства только и произвела! . . Лучше их совсем оставить: да идут во страшение судьбе их ожидающей; и думать только о спасении своего семейства во время грозно».⁴³ Каразин был разочарован, узнав, что беседа о нем гр. Кочубея с Александром I свелась к обсуждению пушкинских эпиграмм. Каразин лицемерно возмущается. Но донос на Пушкина и его друзей сделал свое дело. Кочубей поручил Каразину доставить списки эпиграмм, несмотря на его просьбу «уволить». Между тем судьба Пушкина была решена. Н. М. Карамзин 19 апреля 1820 года предупреждал И. И. Дмитриева, что «над здешним поэтом Пушкиным, если не туча, то по крайней мере

⁴³ Там же. л. 36 и об.

облако, и громоносное. Служа под знаменем либерализма, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч., и проч.⁴⁴ Это узнала полиция... Опасаются следствий. Хотя я уже давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал несчастного Року и Немезиде, однако ж из жалости к таланту замолвил слово, взяв с него обещание уняться. Не знаю, что будет».⁴⁵ В середине апреля друзья Пушкина «опасались следствия», но о поступившем доносе, в частности о беседах Каразина с Кочубеем, они могли знать месяцем раньше от Глинки, который в это время служил чиновником особых поручений при Милорадовиче.

10

В те самые дни, когда Каразин писал свои записки и беседовал с гр. Кочубеем о направлении умов, когда в Петербурге начинали носиться слухи об опасности, грозившей Пушкину, состоялось второе чрезвычайное заседание «ученой республики» (22 марта), на котором Кюхельбекер читал стихотворение «Поэты». Как ведет себя Каразин? Он посылает Кочубею стихотворение «Поэты», продолжает доносить. «Хотя надпись сей пьесы просто „Поэты“, но цель ее видна из многих мест», — пишет Каразин Кочубею 4 июня и тут же приводит отрывок из стихотворения Кюхельбекера, на который следовало обратить особое внимание.

В руке суровой Ювенала
Злодеям грозный бич свистит
И краску гонит с их ланит,
И власть тиранов задрожала!
О Дельвиг, Дельвиг! что гоненья?
Бессмертие равно удел
И смелых, вдохновенных дел,
И сладостного песнопенья!
Так! Не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастье и в несчастьи твердый,
Союз любимцев вечных муз!
О вы, мой Дельвиг, мой Евгений⁴⁶
С рассвета ваших тихих дней
Вас полюбил небесный гений!

⁴⁴ Влияние вольнолюбивой пушкинской поэзии на формирование декабристской идеологии и литературы общеизвестно. Петр Бестужев в своих показаниях свидетельствовал: «Мысли свободные заронились во мне уже по выходе из корпуса, около 1822 года, от чтения различных рукописей, каковы „Ода на свободу“, „Деревня“, „Моему Аполлону“, разные послания и проч., за которые пострадал знаменитый (в других родах) поэт наш А. Пушкин. Также „Путешествие Радищева из Петербурга в Москву“ и „О необходимости законов“ делали на меня некоторое впечатление» (Бумаги Н. Ф. Дубровина, л. 18).

⁴⁵ Письма Н. М. Каразина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 287.

⁴⁶ Баратынский. (Прим. В. Н. Каразина).

И ты — наш юный корифей.⁴⁷
Певец любви, певец Руслана,
Что для тебя шипенье змей,
Что крик и филина и врана?

Ю. Н. Тынянов это программное стихотворение Кюхельбекера связывал непосредственно с высылкой Пушкина из Петербурга на том основании, что В. Н. Каразин в своем очередном доносе от 4 июня указывал, что «поелику эта пьеса была читана непосредственно после того как высылка Пушкина сделалась гласною, то и очевидно, что она по сему случаю написана».⁴⁸ Высылка «сделалась гласною»... Но Пушкин еще находился в Петербурге. В «ученой республике» была организована политическая демонстрация до удаления Пушкина из Петербурга.

Каразин правильно разгадал основную идею поэтического воззвания Кюхельбекера, поняв стихотворение «Поэты» как выступление «ученой республики» в защиту Пушкина. Приветствуя «союз любимцев вечных муз», «свободный, радостный и гордый», Кюхельбекер намекал в своем послании, что «певца Руслана» ждут гоненья, что «крик филина и врана» сделал свое дело. В стихотворении «Поэты», обращенном к Дельвигу, Баратынскому и Пушкину, Кюхельбекер взял знаменательные строки из послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. А. Пушкину»:

И им не разорвать венка,
Который взяло дарованье!

Каразин был по-своему прав. Во-первых, он отмечал, что «пьеса была читана», т. е. имел в виду чрезвычайное собрание 22 марта, на котором сам он не присутствовал, но о котором знал от своих единомышленников, продолжавших посещать «ученую республику». Во-вторых, Каразин не утверждает, что стихотворение Кюхельбекера читалось после высылки Пушкина из Петербурга, «непосредственно после того как высылка Пушкина сделалась гласною». Наконец, обратим внимание на то, что цензурное разрешение IV книжки «Соревнователя просвещения и благотворения», в которой помещено стихотворение «Поэты», помечено апрелем: «Печатать дозволяется. С.-Петербург, апреля 5-го дня 1820 года. Цензор статский советник и кавалер Г. Яценков». Пушкин, как известно, был выслан из Петербурга в Екатеринослав 6 мая. Следовательно, узнав о доносе на Пушкина и о предстоящей ссылке, «соревнователи» 22 марта созвали чрезвычайное собрание

⁴⁷ Пушкин. (Прим. В. Н. Каразина).

⁴⁸ Записка В. Н. Каразина от 4 июня 1820 года напечатана в «Русской старине» (1899, кн. 5). Вошла в «Собрание бумаг и писем» под редакцией Д. И. Багаляя.

«ученой республики», чтобы стихотворением «Поэты» выразить свое отношение к предстоящим событиям.

Одновременно с Кюхельбекером бар. Дельвиг представил на рассмотрение Цензурного комитета Вольного общества любителей российской словесности свое стихотворение «Поэт». Цензор поэзии А. А. Крылов на заседании 22 марта сообщил, что стихотворение бар. Дельвига «Поэт» может быть помещено в «Соревнователе», но заметил при этом, что он «весьма сомневается, чтобы гражданская цензура его пропустила».⁴⁹

Опасаясь за стихотворение Дельвига, Крылов сам написал стихотворение в защиту Пушкина и Кюхельбекера. Стихотворение А. А. Крылова появилось в 13-й части «Соревнователя» (1821) под названием «К К. . . у», а в журнале Цензурного комитета оно значится с расшифрованным названием «К Кюхельбекеру». 17 января 1821 года это послание читалось на заседании «ученой республики», на том же заседании А. Бестужев читал первый отрывок из своего «Путешествия в Ревель». А. А. Крылов соединил в своем послании прощание с Кюхельбекером, который тогда был вынужден оставить Петербург и уехать за границу, с приветствием ссыльного Пушкина. Местами Крылов почти дословно повторяет послание Кюхельбекера «Поэты» (например, «Что для тебя шипенье змей») и тем самым более сближает сюжет о певце, преследуемом «шипеньем змей», с судьбой Пушкина. Если первые два стиха обращены непосредственно к Кюхельбекеру:

Питай, мой друг, питай священный к славе жар:
Ей посвяти все мысли, все желанья. . .

то заключительная часть стихотворения А. А. Крылова несомненно посвящена Пушкину:

Пусть зависти змея шипит у ног певца,
Он звуком струн шипенье заглушает!
И слушают его сыны чужих племен!
Поэт с народов дань собирает удивленья,
К потомству дальнему идет сквозь мрак времен;
И не грозит ему река забвенья!

В сентябрьском номере «Сына отечества», вслед за эпилогом поэмы «Руслан и Людмила» с пометкой автора «26 июня 1820 года. Кавказ»,⁵⁰ следовало послание Глинки к Пушкину:

⁴⁹ Вольное общество, 36, л. 227. И. Н. Медведева считает, что речь идет о стихотворении «Что до богов? Пускай они. . .», ошибочно датированном издателями Дельвига 1816—1817 годами.

⁵⁰ Первая песнь «Руслана и Людмилы» была передана Пушкиным в Вольное общество любителей российской словесности. Из Вольного общества она передана Н. И. Гречу для публикации в «Сыне отечества».

Судьбы и времени сегодо
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений! . .

Оно придало протесту «ученой республики» против ссылки Пушкина явно демонстративный характер. Напуганный гр. Аракчеев в октябре 1820 года уведомлял Александра I, что напрасно дозволяют печатать стихи Пушкина «с означением из Кавказа, видно, для того, чтобы известить об нем подобных его сотоварищей и друзей». «Сотоварищи» же не пропускали случая, чтобы не напомнить о ссылке Пушкине.⁵¹

Пушкин высоко оценил поступок Глинки, организованную им защиту в «ученой республике» и в ответном стихотворении назвал его «великодушным гражданином».

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.
Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь.
В моем изгнании позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид.

Посылая брату эти стихи, Пушкин писал: «Покажи их Глинке, обними его за меня и скажи, что он все-таки почтеннейший человек здешнего мира».

Каразин 4 июня не мог учесть стихотворений Глинки и Крылова, появившихся в печати через несколько месяцев после удаления Пушкина из Петербурга, в донос попало стихотворение Кюхельбекера, затем следовали ссылки на стихотворения Баратынского и Пушкина. Прочитывая из «Невского зрителя» (1820, № 4, стр. 66—67) послание Пушкина к Кюхельбекеру:

Прости! где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я! —

⁵¹ «Журнал ученых упражнений» за 1821 год не сохранился в делах Общества, но из реестра Цензурного комитета видно, что 4 апреля 1821 года читалось стихотворение Пушкина «Черная шаль», а на следующем собрании, 25 апреля, когда слушался перевод рылеевской сатиры «Путь к счастью», А. Бестужев читал свои переводы с английского «О романтическом характере» и «Разногласие и согласие»; слушалась также «Эпиграмма» Пушкина, но какая именно, мы затрудняемся сказать.

Каразин замечал: «Сия пьеса, чтобы отвратить внимание цензуры, подписана якобы 9 июня 1817 года. Нравственность этого святого братства и союза (о котором я предварял) вы изволите увидеть из других номеров, при сем приложенных, как-то: из «Благонамеренного», стр. 142, в пьесе Баратынского «Прощание»; из «Невского зрителя», книжка III, стр. 56, «Послание»; книжка IV, стр. 63, «К прелестнице». Баратынский описывал «судьбу отверженного брата» — судьбу унтер-офицера, оторванного от «круга своих друзей» и заброшенного в Нейшлотский полк, расположенный в глубине Финляндии.

И воды чуждые шумят у ног моих,
И на ногах моих оковы.

Каразин не случайно обратил внимание Кочубея и на это стихотворение. Ведь изгнанник Баратынский тоже был членом «союза друзей»: 26 января 1820 года он принят в члены-корреспонденты Вольного общества любителей российской словесности, 28 марта 1821 года переведен в действительные члены общества,⁵² 19 апреля 1820 года Баратынский присутствовал на собрании «ученой республики» и читал «Финляндию» и «Мадригал». Кюхельбекер в стихотворении «Поэты» назвал Баратынского в числе своих друзей: «О вы, мой Дельвиг, мой Евгений!». Этого было достаточно, чтобы имя Баратынского попало в политический донос. Каразин послание Баратынского поставил рядом с посланием Кюхельбекера и нашел в них одинаковое прославление «святого братства». Два остальных стихотворения принадлежали Пушкину. В апрельской книжке «Невского зрителя» (стр. 66—67) за литератами «А. П.» напечатано послание «Кюхельбекеру» с пометкой «Лицей, 9 июня, 1817». Каразин имел основание объяснять ссылку на лицей стремлением автора отвести подозрения цензуры и скрыть подлинную цель своего стихотворения. Строка из Жуковского «И им не разорвать венка», вошедшая в эпиграф к стихотворению «Поэты», в послании Пушкина оказалась как бы переосмысленной с намеком на события 1820 года: «Итак, разорван он — наш братский верный круг!». Каразин увидел в стихах Пушкина приветствие «ученой республики»: «Пусть будут счастливы все, все твои друзья!». Цензурное разрешение IV книжки «Невского зрителя» помечено «апреля 19-го дня 1820 года». В этот же день Н. М. Карамзин предупреждал И. И. Дмитриева, что над «Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное». Каразин воспринял лицейское стихотворение как ответ Кюхельбекеру. Отсюда приобретало осо-

⁵² Об отношении к Баратынскому в «ученой республике» см. заметку А. Ю. Вейса «К избранию Е. А. Баратынского в СПб. Вольное общество любителей российской словесности» в кн.: Пушкин и его время, стр. 305—308.

бый смысл признание: «Делю с тобой последние мгновенья», а также заверение: «Святому братству верен я!». В той же апрельской книжке «Невского зрителя» почти рядом с посланием к Кюхельбекеру (на стр. 68—69) и под теми же самыми инициалами «А. П.» помещено стихотворение «К прелестнице». Обычно это стихотворение печатается в разделе «1818 г.», поскольку в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1829, ч. I) оно датировано 1818 годом. У нас нет никаких оснований не верить этой датировке. Между тем и это стихотворение попало в список стихотворений которыми «безумная молодежь» доказывает свое «неуважение правительства». Ясно, что здесь произошло недоразумение, но не лишенное некоторых оснований. Каразин догадывался, что за «А. П.» скрывается Александр Пушкин и воспринимал послание тоже как ответ Кюхельбекеру. В «Невском зрителе» послание «К прелестнице» в отличие от послания к Кюхельбекеру появилось без сноски на 1818 год.

Посылая гр. Кочубею выписки из журналов, Каразин предупреждал: «Я хотел было доказать места в нескольких номерах наших журналов, имеющие отношение к высылке Пушкина: дабы более уверить вас, сиятельнейший граф, что я не сказал ничего лишнего в бумаге моей 31 марта. Безумная эта молодежь хочет блеснуть своим неуважением правительства».

Следует заключить, что записка от 4 июня посылалась в подтверждение более ранних доносов, в частности бумаги от 31 марта. Стихи из «Соревнователя» и «Невского зрителя» Каразин досылал, чтобы еще раз доказать «нравственность этого святого братства и союза (о котором я предварял)», как в скобках заметил сам Каразин. О Пушкине и «святом братстве» Каразин предупреждал гр. Кочубея неоднократно, начиная с 1 марта, когда публично выступил против республиканцев. И после 12 апреля Каразин не прекращал преследовать «священный союз друзей» и Пушкина. Об этом красноречиво свидетельствует не только донос от 4 июня, но и дневниковые записи Каразина в мае.

После удаления Пушкина из Петербурга в каразинском дневнике появилась следующая запись:

«9 мая 1820 года в 11 часов пополудни. Запишу, и для чего же не записать: сегодня, сейчас, слышал я от А. Ф. Лабзина следующую катрень, якобы сочиненную также Пушкиным.

Православный государь!
Наших бед виновник.
Полно, братцы!.. Он не царь —
Много, что полковник.

Последнее полустишие кто-то иначе пересказывал. Смысл тот: „Плохой царь, но славный полковник“. Не о сем ли сказывал мне гр. Вик. Пав. Кочубей, говоря по поводу моей ему бумаги: «Сказывают-де и подпись к портрету сочинена».

Через несколько дней Каразин заносит в свой дневник: «20 мая 1820 года. Анекдот, достойный передачи в моих тетрадях или по крайней мере в изустном объяснении графу В. П. Какой-то 11-летний мальчик, обучающийся в Лицее, дома у себя, среди ласк матери, сказал ей: „Я бы, маменька, сказал вам что-то: только сделайте милость, не говорите папеньке“. Мать настояла, удвоила ласки и, наконец, узнала от него, что в Лицее обычай злословить государя, называть его <ураком> и т. д. и что между воспитанниками положено жесточайше наказывать того, кто выдаст этот образ мыслей или вообще все, что делается в Лицее. Это и прочее, слышанное мною от одного из почтеннейших людей Александра Ермоловича Мельгунова, о духе сих царских баловней».⁵³

Все это является неопровержимым доказательством вины Каразина в высылке Пушкина из Петербурга. Однако Каразин метил не только в Пушкина, но и в тайное общество, о существовании которого он догадывался, в ложу «Избранного Михаила» и в «ученую республику», распространявшую «дух вольности».

11

Весной 1820 года для петербургских декабристов складывалась неблагоприятная обстановка. Первой жертвой наступавшей реакции был Пушкин, но на очереди стояла и вся «армия вольнодумцев», о которой писал Каразин в своей мартовской записке. Глинка одним из первых узнал об опасности, грозившей Пушкину, и принял горячее участие в его судьбе. В воспоминаниях «Удаление А. С. Пушкина из Петербурга в 1820 году», появившихся в 1866 году на страницах «Русского архива», Глинка не рассказал всех подробностей «удаления», но и то, что мы знаем по его рассказу, исключительно ценно для понимания мартовской истории 1820 года и для изучения пушкинской биографии. «Раз утром», но когда именно, в воспоминаниях не говорится, Глинка встретил Пушкина.

«... Раз утром выхожу я из своей квартиры (на Театральной площади) и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как и всегда, бодр и свеж; но обычная (по крайней мере при встречах со мною) улыбка не играла на его лице, и легкий оттенок бледности замечался на щеках. „Я к вам“. — „А я от себя!“. И мы пошли вдоль площади. Пушкин заговорил первый: „Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих (под моим именем) пьесах, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих со-

⁵³ Дневные записки... , л. 12 и об.

чинений и уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и сжег все мои бумаги". При этом рассказе я тотчас узнал Ф***⁵⁴ с его проделками. "Теперь, — продолжал Пушкин, немного озабоченный, — меня требуют к Милорадовичу! Я знаю его по публике, но не знаю, как и что будет и с чего с ним взяться?.. Вот я и шел посоветоваться с вами...". Мы остановились и обсуждали дело со всех сторон. В заключение я сказал ему: "Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения. Он не поэт; но в душе и рыцарских его выходках — у него много романтизма и поэзии; его не понимают! Идите и положитесь безусловно на благородство его души: он не употребит во зло вашей доверенности". Тут, еще поговорив немного, мы расстались. Пушкин пошел к Милорадовичу, а мне путь лежал в другое место.

«Часа через три явился и я к Милорадовичу, при котором, как при генерал-губернаторе, состоял я, по высочайшему повелению, по особым поручениям, в чине полковника гвардии. Лишь только ступил я на порог кабинета, Милорадович, лежавший на своем зеленом диване, окутанный дорогими шальями, закричал мне навстречу: „Знаешь, душа моя! (это его поговорка) у меня сейчас был Пушкин! Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги; но я счел более деликатным (это тоже любимое его выражение) пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился, очень спокоен, с светлым лицом и, когда я спросил о бумагах, он отвечал: «Граф! все мои стихи сожжены! У меня ничего не найдется на квартире; но, если вам угодно, все найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажете подать бумаги, я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем». Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь... Вот она (указывая на стол у окна) полюбуйся!.. Завтра я отвезу ее государю. А знаешь ли? — Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою (это тоже его словцо) обхождения...". На другой день я постарался прийти к Милорадовичу пораньше и поджидал возвращения его от государя. Он возвратился, и первым словом его было: „Ну вот, дело Пушкина и решено!". Разоблачившись потом от мундирной формы, он продолжал: „Я вошел к государю с своим

⁵⁴ Мы не утверждаем, что только доносы Каразина решили судьбу Пушкина. Фогель, о котором вспоминает Глинка в заметке «Удаление Пушкина из Петербурга», действовал как тайный агент полиции: он должен был заполучить автографы пушкинских вольнолюбивых стихотворений. Но и Каразин в 1820 году изъявлял желание работать в полиции. В письме от 4 июня Каразин «осмеливался повторить» свою просьбу: «Единая цель моя — быть употребленным по департаменту, который я предполагал не о б х о д и м ы м и который поручениями Лавровым, фон Фоком и Германом никоим образом заменен быть не может!».

сокровищем, подал ему тетрадь и сказал: «Здесь все, что разбредлось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать!». Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно и наконец спросил: «А что ж ты сделал с автором?». — «Я?.. (сказал Милорадович) я объявил ему от имени вашего величества прощение!..». Тут мне показалось (продолжал Милорадович), что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, государь с живостью сказал: «Не рано ли?!». Потом, еще подумав, прибавил: «Ну, коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности отправить его на службу на юг!». Вот как было дело...⁵⁵

Перед нами снова раскрывается интереснейшая страница из деятельности чиновника особых поручений и члена Союза Благоденствия. Глинка выступает не только в роли советчика Пушкина, но и в качестве его защитника: «Обсуждали дело со всех сторон». Снова появляется граф Милорадович, плененный «благородным тоном» Пушкина. Он объявляет «прощение» за стихотворения, которые разошлись в списках по всему Петербургу, и т. д. Думаем, что Милорадович принимает решение не без воздействия его ближайшего помощника. Может быть, Глинка в своих воспоминаниях недостаточно объективен, и его рассказ страдает идеализацией Милорадовича? Насколько Милорадович был «патриархален и беспечен», свидетельствует дальнейшая судьба Каразина (см. об этом в главе «В тревожную осень 1820 года»).

Обращение С. Л. Пушкина к В. А. Жуковскому, опубликованное в «Пушкинском временнике» (1936, т. I, стр. 191), подтверждает, по словам Ю. Г. Оксмана, «рассказы мемуаров об исключительной роли М. А. Милорадовича в прекращении секретного дознания о Пушкине, позволяет с большим доверием отнести и к другим показаниям записок Ф. Н. Глинки и И. И. Пушина об обстоятельствах высылки поэта из Петербурга в 1820 году». В «Записках о Пушкине» И. И. Пущин рассказывает аналогичную глинковским воспоминаниям историю удаления Пушкина из Петербурга. «Узнаю, — отмечает он в своих записках, — что в одно прекрасное утро пригласил его полицмейстер к графу Милорадовичу, тогдашнему петербургскому военному генерал-губернатору. Когда привезли Пушкина, Милорадович приказывает полицмейстеру ехать в его квартиру и печатать все бумаги. Пущин, слыша это приказание, говорит ему: „Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мне перо и бумаги, я здесь же все вам напишу“ (Пушкин понял, в чем дело). Милорадович, тронутый

⁵⁵ «Русский архив», 1866, стр. 918—921.

этою свободною откровенностью, торжественно воскликнул: «Ah, c'est chevaleresque» — и пожал ему руку. Пушкин сел, написал все контрабандные свои стихи и попросил дежурного адъютанта отнести их графу в кабинет. После этого подвига Пушкина отпустили домой и велели ждать дальнейшего приказания». ⁵⁶ И. И. Пущин, приехавший в Петербург после высылки Пушкина и пустившийся «разузнавать» о судьбе поэта у ближайших знакомых, передает рассказ Милорадовича в тех же тонах, что и Глинка.

Когда над «ученой республикой» нависла опасность, в руках Кочубея были доносы и тайные агенты охотились за пушкинскими вольнолюбивыми стихотворениями; наконец, когда близился час неминуемой расплаты, Пушкин принял первый удар наступившей реакции: «без слез», но «с досадой» оставил «венки пиров и блеск Афин».

В Кишиневе Пушкин снова оказался среди декабристов и там создал свой знаменитый «Кинжал». В своем послании Гнедичу от 24 марта 1821 г. он, как бы отчитываясь о своем поведении, давал понять, что верен «священному союзу друзей», что гонения не сломили его:

Все тот же я — как был и прежде;
С поклоном не хожу к невежде,
С Орловым спорю, мало пью,
Октавию — в слепой надежде —
Молебнов лести не пою.

12

Между тем Каразин, изгнанный после мартовской истории из «ученой республики», 5 мая 1820 года, т. е. накануне удаления Пушкина из Петербурга, подписался под либеральной запиской, которую Н. И. Тургенев и кн. П. А. Вяземский решили представить на рассмотрение Александра I. В записке говорилось, что несколько помещиков, «одушевлены чистым доброжелательством к любимому нашему отечеству России, искреннейшею благодарностью к великому ее государю и чувством обязанностей дворянства», решили организовать Общество под руководством гр. Кочубея, целью которого «должно быть изыскание способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей, принадлежащих помещикам, в сие общество вступающим». ⁵⁷

⁵⁶ И. И. Пущин. Записки о Пушкине. М., 1934, стр. 77—78.

⁵⁷ Цитирую письмо от 5 мая 1820 года по копии, сохранившейся в бумагах В. Н. Каразина (фонд Шильдера, л. 86). Письмо опубликовано в «Русской старине», 1871, т. III, стр. 366 (приводится в «Полярной звезде», 1862, кн. 7, вып. 2, стр. 57). Об обществе помещиков см. в кн.: Н. И. Тургенев. Россия и русские (стр. 149—152; 323—324), а также в письмах к С. И. Турге-

Только Н. И. Тургенев, автор записки о крепостном состоянии, и кн. Вяземский смотрели на дело серьезно и были готовы взяться за осуществление поставленной задачи; все остальные члены-основатели оказались случайно причастными к этому мероприятию и при первом затруднении отказались от «славы отечества». «Однажды, — вспоминал Н. И. Тургенев, — представился случай применить мою теорию на деле и я подписывал вместе с некоторыми лицами, не принадлежащими к тайному обществу, прошение на имя императора, предлагая дать волю крестьянам, принадлежащим каждому из нас, и умоляя его величество позволить нам предложить другим последовать нашему примеру. Прошение было подано, но осталось без последствий». П. К. Кульман в статье «Из истории общественного движения в России в царствование имп. Александра I» пришел к выводу, что Каразин не имеет прямого отношения к начинанию Вяземского—Тургенева; А. Н. Шебунин ставил в заслугу Кульману, что он «разрушил легенду, пущенную в оборот Герценом, об участии в этом деле В. Н. Каразина». ⁵⁸ П. К. Кульман, однако, ошибался, отрицая участие Каразина в обществе помещиков. Подпись Каразина стоит под коллективным посланием, датированным 5 мая 1820 года. Наконец, сам Н. И. Тургенев в письме к С. И. Тургеневу от 28 апреля 1820 года признавался: «Каразин, которого, кажется, ты у нас видел, толкует с ним (кн. М. С. Воронцовым, — В. Б.) и с двумя или тремя другими богатыми людьми об устройстве крестьян. Ничего из этого не выходит. Это между нами. Каразин из сего делает тайну». ⁵⁹ Таким образом, Герцен был прав, когда в «Полярной звезде» (1862, кн. 7, вып. 2, стр. 57) говорил о причастности Каразина к либеральному обществу помещиков. Зная, что намерения Каразина плохо согласовывались с планом Н. И. Тургенева, исследователи этого вопроса — П. К. Кульман и А. Н. Шебунин — предпочли вообще исключить Каразина из списка членов Общества. Между тем именно это общество помещиков имел в виду Каразин, когда в письме к Николаю I признавался: «...мое рассуждение об ученых обществах и периодических сочинениях в России, в котором я искал, сколько пристойность и цензура могли позволить, обратить внимание благомыслящих на небывалое у нас республиканское оных направление, озлобив на меня Бестужевых, Кюхельбекера, барона Дельвига и других членов Вольного общества, со включением Глинки, президента оногo, с другой стороны, дало повод к осуществлению вышеупомянутого

неву, на которые мы ссылаемся в нашей работе; в «Исповеди» кн. Вяземского (Соч., т. 7, стр. 270—272); в книге В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России» (стр. 444—446); в статье Н. К. Кульмана «Из истории общественного движения в России в царствование имп. Александра I» («Известия Отделения русского языка и литературы», 1908, кн. 1, стр. 99—147).

⁵⁸ «Современник», 1913, кн. 6, стр. 209.

⁵⁹ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату, стр. 300.

общества, которое долженствовало ему и другим ему подобным противоположиться». В «Выписке из письма Каразина и приложенных к оному бумаг» замысел предлагаемого Каразиным общества определен еще более точно: «Каразин имел сношения с гр. Кочубеем, управляющим тогда Министерством внутренних дел, с которым он часто рассуждал о тайных обществах и о многих лицах, им подозреваемых во вредных умыслах, как-то: о Волконском, о Рылееве, о Кюхельбекере, о Глинке и о Пушкине. Тогда же, если не прежде (говорит Каразин), я положил пред гр. Кочубеем первоначальные черты общества, ему подчиненного как министру в лице председателя оного, которое, сверх публичного назначения улучшать участь поселян, подвластных дворянству, имело бы нечувствительный присмотр за всеми другими так называемыми вольными, явными и тайными обществами».⁶⁰

Отсюда следует, что после мартовских событий в «ученой республике» Каразин сделал попытку создать свое общество, своеобразный департамент Министерства внутренних дел; прикрывшись благонамеренной целью улучшения участи крестьян, это общество Кочубея — Каразина должно было бы иметь негласный надзор за «вольными, явными и тайными обществами».

13

Мы уже говорили, что Каразин предполагал слить Вольное общество любителей российской словесности с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств, где председательствовал Измайлов, и считал необходимым «Соревнователь» и «Благонамеренный» сделать печатными органами этого нового либерально-умеренного общества, в одном из журналов публиковать статьи научно-общественного содержания, в другом — художественные произведения и литературную критику. Руководители «ученой республики» не только не пошли на такое объединение, но и сами решили усилить влияние на другие прогрессивные журналы и альманахи. Они, конечно, не прочь были объединиться в интересах общего дела со своими идейными союзниками. Еще до мартовского выступления Каразина в Вольном обществе зародилась идея превратить в свой орган вновь открываемый журнал «Невский зритель». Этот факт не освещался в литературе, хотя о нем глухо сообщалось в книге «Вольное общество любителей российской словесности». При повторном просмотре архива Вольного общества удалось найти и тот протокол, где говорится о Кюхельбекере как об одном из издателей нового журнала. В протоколе заседания Главного комитета Вольного общества любителей российской словесности от 22 января 1820 года сказано: «Предложение члена Комитета Антона Антоновича Дельвига о напе-

⁶⁰ Фонд Шильдера, л. 63.

чатании в „Смеси“ первой книжки „Соревнователя“ на сей год объявления об издании на 1820 год нового журнала под названием „Невский зритель“, так как в издании оно участвует действительный член общества Кюхельбекер».⁶¹

В первом номере «Соревнователя» на 1820 год (ч. IX) появилось сообщение: «На сей 1820 год издается журнал под названием „Невский зритель“». Здесь же излагалась программа журнала, в частности, говорилось, что в разделе «История и политика» главным предметом будет «изображение постепенного образования обществ, состояние гражданского устройства, просвещения и нравственности у знатнейших древних и новых народов» и т. д.

Официальными издателями «Невского зрителя» были Иван Сниткин и Гаврил Кругликов. О них сохранились совсем скудные сведения. Только «Сын отечества» в «Кратком обозрении российских журналов» обронил о Сниткине несколько похвальных замечаний. Указав, что Сниткин идет по стопам Монтескье, Адама Смита и Бенжамена Констана, «Сын отечества» отзывался о его оригинальных «творениях»: «Цель его творений есть благоденствие отечества и счастье рода человеческого... Если бы кто-нибудь из опытных писателей и профессоров взял на себя труд сличить их (статьи Сниткина, — В. Б.) с сочинениями иностранных публицистов, тогда бы нам открылся талант Сниткина во всем его блеске».⁶²

Иного мнения о статьях Сниткина придерживался министр народного просвещения кн. Голицын. Еще 22 августа 1820 года в своем отношении на имя попечителя Санкт-Петербургского учебного округа кн. Голицын предупреждал, что в «Невском зрителе» помещаются «неприличные статьи». «В книжке журнала „Невский зритель“, часть первая, март, помещена опять целая статья под названием «О влиянии правительства на промышленность», в коей делаются, — говорилось в отношении, — замечания правительству в постановлениях и распоряжениях его, и делаются оному наставления, весьма неприличные ни в каком отношении. Такое смелое присвоение частными людьми себе права критиковать и наставлять правительство ни в каком случае не может быть позволено». Князь Голицын предписывал цензуре «ни под каким видом не пропускать никогда подобных сочинений и переводов».⁶³

Статьи Сниткина — тема специальной работы. Они, как и трактат Н. И. Кутузова, написанные в духе просветительской социологии, проникнуты заботой об экономическом процветании

⁶¹ Вольное общество, 42, л. 20 и об.

⁶² «Сын отечества», 1821, ч. 72, стр. 76—77.

⁶³ Дело «Невского зрителя»: ЦГИАЛ, ф. 777, д. 206—555 на 14 л.; ф. 773, д. 182, 166, л. 2 и об.

родной страны и народного благосостояния. Не ставя своей целью дать подробную характеристику «Невского зрителя» и деятельности Сниткина, мы коснемся одного вопроса, а именно, — укажем на возможную связь этого журнала с «ученой республикой». Из «Формулярного списка о службе магистра Сниткина» можно заключить, что после окончания курса в Рязанской губернской гимназии он в 1809 году поступил в Московский университет, где с «похвальным прилежанием и отличными успехами» слушал науки (этико-политического, физико-математического и словесного отделения), был награжден серебряной медалью и в 1815 году произведен в кандидаты.⁶⁴ В это же время в Московском университете обучались А. А. Никитин и А. Д. Боровков. В 1818 году Сниткину была присуждена степень магистра этико-политических наук. 2 сентября 1818 года он «уволен из университета для определения к статским делам», тогда же, в сентябре, определен в Петербурге на службу в департамент горных и соляных дел. В этом же департаменте служили Никитин и Боровков. Отсюда можно заключить, что с первых дней пребывания в Петербурге Сниткин свел знакомство с членами Вольного общества любителей российской словесности, в частности с секретарем «ученой республики» Никитиным. Ровно через год, 1 сентября 1819 года, Сниткин обратился в Санкт-Петербургский Цензурный комитет с просьбой разрешить ему «потребить труды свои на составление журнала под названием „Невский зритель“». К прошению прилагалось «Рассуждение по части политической экономии» и краткий план журнала. Одновременно Сниткин признавался: «...разнообразие и важность некоторых статей оного журнала не позволили бы мне одному решиться на сие предприятие, если б я не был обнадежен деятельным участием моих сотрудников, которые столь же ревностно желают быть полезными обществу в распространении знаний». Цензурный комитет «положил, что просителю, как по засвидетельствованным от университета успехам в науках, так и по сочинению его, показывающему здравые суждения, ясное изложение и чистоту языка российского, можно дозволить издание упомянутого журнала». Сниткин в Петербурге был новым человеком, и столь же новым было его имя для петербургских литераторов. Между тем в своем отношении в Цен-

⁶⁴ И. Сниткину в «Невском зрителе» принадлежат следующие статьи: «О постоянном образовании гражданских обществ» (1820, январь, стр. 1—23); «О правлении, образованности и политических переменах в Греции, с объяснением причин ее возвышения и упадка» (февраль, стр. 1—13); «О влиянии правительства на промышленность» (март, стр. 1—13); «О правлении и законодательстве римлян, начиная с Ромула и до уничтожения царского достоинства» (апрель, стр. 1—15); «О влиянии фабрикантов на промышленность» (май, стр. 115—124); «Должно ли быть позволен привоз всех иностранных товаров, или только некоторых, и каких более?» (июнь, стр. 1—19, август, стр. 103—135); «О состоянии вещей и политических государств Европы» (1822, январь, стр. 66—75); «О Монтескье и его творениях» (март, стр. 291—297).

зурный комитет он ссылается на сотрудников которые его обнадежили своим «деятельным участием». Просматривая «Невский зритель», нетрудно убедиться, что такими сотрудниками являлись Рылеев, Кюхельбекер, А. Бестужев, Глинка, Баратынский, Орест Сомов, Андрей Пушкин, В. Н. Григорьев и даже Яков Ростовцев, напечатавший в V части журнала за 1821 год стихотворение «Тоска араба по милой». Если не считать случайного поэта, как и случайного декабриста Якова Ростовцева, гр. Хвостова и еще две-три фамилии, то издатель «Невского зрителя» выступает в довольно показательном окружении. В «Невском зрителе» сотрудничали те же лица, которые сотрудничали в «Соревнователе просвещения и благотворения».

Позиции этого журнала вполне отвечали взглядам передовой группы петербургских литераторов, взглядам Рылеева в частности. В «Уведомлении» об издании «Невского зрителя» Сниткин и Кругликов предупреждали, что в отделе «История и политика» будут освещаться «важные перемены, которыми решалась судьба царств, правление, законодательство, состояние просвещения и нравов у знатнейших древних и новых народов и вообще постепенные успехи человеческого ума и исследования причин, имевших влияние на благоденствие и могущество государств». Некто «сосед Колупаевский» обратился к издателям «Невского зрителя» с вопросом: «Что значит: важные перемены составят предмет статьи?». Издатели «Невского зрителя» отвечали Колупаевскому: «Нам осталось говорить о переменах, которые случились и как оставили нам о них летописцы для современников, а историки для потомства». Далее «сосед» спрашивал: «Почему перемены, которыми решалась судьба царств, а прочие слова: правление, законодательство не имели сей чести». На этот вопрос «Невский зритель» отвечал удивительно смело: «Причины, по которым падали царства, не всегда происходили от правления и законодательства; и нельзя согласиться, чтобы сии слова были синонимы: правление бывает деспотическое, монархическое, аристократическое, республиканское и пр. Законы гражданские, полицейские, уголовные и пр».⁶⁵ Ответы одному из читателей «Невского зрителя» были напечатаны в сентябрьской книжке журнала (часть третья), а в октябрьском номере (часть четвертая) появилась знаменитая сатира «К временщику» Рылеева.

Спрашивается, почему Кюхельбекер так и не стал официальным соиздателем «Невского зрителя»? Почему его имя не упомянуто вместе с именами Ивана Сниткина и Гаврилы Кругликова на титульном листе журнала? Ответ может быть только один: Кю-

⁶⁵ «Невский зритель», 1820, ч. III, стр. 286—291.

хельбекер вынужден был после мартовской истории в Вольном обществе и доносов Каразина срочно оставить Петербург, его ждала участь Пушкина. В послании «К Пушкину» Кюхельбекер намекает именно на это:

Мой образ, друг минувших лет,
Да оживет перед тобою!
Тебя приветствую, поэт!
Одной постигнуты судьбою,
Мы оба бросили тот свет,
Где мы равно терзались оба,
Где клевета, любовь и злоба
Разлучили обоих нас!

Увы! как он, я был изгнанник,
Изринут из страны родной
И рано, безотрадный странник,
Вкушать был должен хлеб чужой;
Куда, преследован врагами,
Куда, обманут от друзей,
Я не носил главы своей,
И где веселыми очами
Я зрел светило ясных дней?

Прощаясь с друзьями, он напоминал о тех славных вечерах, которые проходили «в мечтаниях золотых».

Но, верьте! и в странах чужбины,
И там вам верен буду я,
О вы, души моей друзья!

После бурных выступлений на собраниях «ученой республики» и появления на страницах «Соревнователя» стихотворения «Поэты» Кюхельбекер, который, по словам Каразина, «изливая приватно свое недовольствие, называл государя «Тиберием», вынужден был уволиться со службы при благородном пансионе и покинуть Петербург. По рекомендации Дельвига Кюхельбекер устраивается секретарем камергера двора А. Л. Нарышкина и вместе с ним отправляется в заграничное путешествие. Ю. Н. Тынянов высказал предположение, что на Западе Кюхельбекер «действовал, может быть, не только в силу личной инициативы, но и как член Вольного общества».⁶⁶ Из «Журнала распоряжений» за 1820 год можно заключить, что Вольное общество любителей российской словесности считало его своим корреспондентом и способствовало его отъезду.

В протоколе от 16 августа 1820 года читаем: «Г. член Цензурного комитета В. К. Кюхельбекер, объявив Обществу, что он на сих днях отправляется в путешествие и намерен объехать Герма-

⁶⁶ См. вступительную статью Ю. Н. Тынянова в кн.: В. К. Кюхельбекер, Собрание сочинений, т. 1, Изд. «Советский писатель», Л., 1939 (Библиотечка поэта. Большая серия), стр. XIX—XXVII.

нию, Италию, Францию и Англию в течение двух лет, изъявил готовность принять на себя обязанность и корреспондента. На основании § 43 устава определили: предложение г. члена Комитета принять с благодарностью и просить его доставлять в Общества как журнал путешествия своего, так и разные любопытства заслуживающие известия и ценные сведения, пожелав ему благополучного возвращения в отечество».⁶⁷

Заграничное путешествие было богато впечатлениями. Пребывание в Ницце совпало с Пьемонтской революцией. Особенно Кюхельбекера волновало греческое восстание. В стихотворении «К друзьям, на Рейне» он писал:

Да паду же за свободу,
За любовь души моей,
Жертва славному народу,
Гордость плачущих друзей.

В Веймаре Кюхельбекер посетил Геге, в Париже познакомился с Бенжаменом Констаном. В Париже Кюхельбекер читал лекции по истории русской литературы. Кюхельбекер на кафедре Парижского «Атенея» — блестящий и страстный декабристский оратор. Совсем недавно историк литературы П. С. Бейсов обнаружил в архивных хранилищах г. Ульяновска текст парижской лекции о русском языке.⁶⁸ Этот выдающийся общественно-литературный памятник уже нашел достойную оценку на страницах «Литературного наследства».

Под речью Кюхельбекера мог бы подписаться любой декабрист: это политическая речь, не испытывавшая цензурных стеснений. Кюхельбекер знакомит с историей русского языка, языка сильного и выразительного. В свойствах русского языка отразился дух героического народа. Кюхельбекер призывает беречь чистоту русского языка, не засорять его иностранными заимствованиями. Прежде чем перейти к характеристике русского языка и его истории, Кюхельбекер подробно касается политических предметов, он говорит об историческом опыте, о том «великом перевороте», который произошел в духовной и гражданской жизни человечества в эпоху просвещения. Высоко ценя идеи французских просветителей, оратор призывает развивать эти идеи дальше, он стремится вселить веру в торжество революционного просветительства и прямо заявляет, что никакое насилие не способно остановить ход времени, рано или поздно угнетенные народы «победят деспотизм и варварство». Вот отрывок из речи:

«Под эгидой чести и гостеприимства французской нации я могу без боязни провозглашать эти истины, равно и живо чувствуемые всеми, кто в разных странах Европы предпочитает свободу — раб-

⁶⁷ Вольное общество, 26, л. 189 и об.

⁶⁸ Цитируется по публикации П. С. Бейсова в «Литературном наследстве» (т. 59, стр. 374—380).

ству, просвещение — мраку невежества, законы и гарантии — произволу и анархии. Мыслящие люди являются всегда и везде братьями и соотечественниками, и вам будет, без сомнения, отрадно сблизиться с народом, учреждения которого, надо признать, оставляют желать много лучшего, но молодость которого, мощь и великая восприимчивость к правде должны в любой стране внушать большие надежды другу человечества. Небезынтересно для вас, господа, узнать, как мог сложиться современный характер русской нации под управлением, совершенно деспотическим в своей основе, и какие средства употребило провидение, вечно пекущееся о судьбе личностей и народов, чтобы сохранить этот народ от разращения, которое на первый взгляд кажется неразрывным с существованием, столь превратным. Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако же, история этого языка тесно связана.

«История русского языка, может быть, раскроет перед вами характер народа, говорящего на нем. Свободный, сильный, богатый, он возник раньше, чем установилось крепостное право и деспотизм, и впоследствии представлял собою постоянное противоядие пагубному действию угнетения и феодализма».

В этой смелой политической речи сказался опыт 1812 года и опыт декабристской публицистики, складывавшейся под непосредственным влиянием идей первого русского революционера Радищева. Слово о русском языке было в то же самое время словом о русском народе, об Александре Невском и новгородских республиканцах, о борьбе русского народа за свою национальную независимость и политическую свободу. Кюхельбекер резкими чертами изображал «пагубные действия угнетения и феодализма» и с величайшим энтузиазмом рассказывал о демократических формах народоправства в древней Руси, о вольнолюбивом характере русского народа, отразившемся и в его языке. «И никогда этот язык, — говорил Кюхельбекер, — не терял и не потеряет память о свободе, о верховной власти народа говорящего на нем. Доныне слово вольность действует с особой силой на каждое подлинно русское сердце».

Речь была составлена таким образом, что она начиналась и кончалась дифирамбом свободе и республиканскому образу правления. В парижской речи Кюхельбекера слышались отзвуки бурных событий в своем отечестве — восстание в Семеновском полку и солдатские прокламации. Кюхельбекер не называл этих событий, но пламенное эхо декабристского Петербурга докатывается до Парижа. Для слушателей было ясно, что, кроме аракчеевской России с ее Священным союзом, существует другая Россия, у которой много общего с революционной Францией. Кюхельбекер выступил как полномочный представитель декабристской России, как посланец пе-

тербургской «ученой республики». Не прошло и десяти лет после того как русский народ отстоял свою независимость и разгромил Наполеона, но «русские оставят в наследство истории другую славу, чем славу народа захватчика и разрушителя»; у русских стоит новая задача — «сломить тиранство» в своем отечестве.

Провозглашая эту декабристскую истину, Кюхельбекер обращался и к самой Франции, желая ей бережно хранить славные революционные традиции. Читая лекцию о русском языке и как опытный лингвист обращаясь к этимологическому анализу, Кюхельбекер ни на минуту не расставался с главной идеей. По существу он сделал доклад от лица русских дворянских революционеров о прошлом и настоящем России, об успехах национально-освободительного движения в своей стране.

«В России крепостное состояние еще не было установлено, — говорил Кюхельбекер, — русский крестьянин был свободным на своей усадьбе в те века, когда феодализм держал в рабстве земледельца во всей остальной части Европы. Увы, зачем Петр I, которого по многим основаниям назвали Великим, опозорил цепями рабства наших землепашцев, одновременно выставляя нас перед взорами всей Европы? Но вернемся к более утешительным предметам. Сердце мое обливается кровью, и голос изменяет мне, когда я оплакиваю это несчастье моей родины, несчастье, которого никогда не заставит забыть никакая победа, никакое завоевание. Возвратимся к предметам, которые обещают нам лучшее будущее. Нет, не может провидение одарить великий народ столькими талантами, чтобы затем он коснел и погибал в рабстве. Русские оставят в наследство истории другую славу, чем славу народа захватчика и разрушителя».

По парижской лекции можно судить о выступлениях Кюхельбекера на заседаниях ложи «Избранного Михаила» и в «ученой республике». Для нас важно было процитировать эту речь, чтобы показать Кюхельбекера на трибуне, удостовериться в его блестящих ораторских способностях.

Лучшим отчетом Кюхельбекера о заграничной поездке были его «Европейские письма», печатавшиеся в 1820 году в «Невском зрителе» и в «Соревнователе просвещения и благотворения».⁶⁹ «Европейские письма» поражают глубокой осведомленностью и пронизательностью, вполне самостоятельным и оригинальным анализом исторических событий. Кюхельбекер, насколько это позволяли цензурные возможности, отметил и такие события, как национально-освободительное движение в Испании: «Испания в борьбе за свободу и независимость — за священнейшие права

⁶⁹ Разбор и оценку европейских писем Кюхельбекера см.: Ю. Н. Тынянов. Французские отношения В. К. Кюхельбекера («Литературное наследство», 1939, т. 33—34, стр. 332—335); Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX века (М.—Л., 1959, стр. 383—394).

народов: великий и назидательный пример для потомства!». ⁷⁰ Но особенно показателен не этот культ национально-освободительной борьбы, а вдумчивый и глубокий взгляд на Францию эпохи просвещения. Буржуазная Франция далека от идеала. Просвещение не уничтожило «инквизиции и пыток», гонений на «мыслящих людей» (Кюхельбекер ссылается на Адама Смита, не находившего поддержки в своем отечестве). Как и прежде, нарушаются «священные права людей» (Кюхельбекер не возлагает надежд и на утопии Руссо). «Вообще, сколько мне кажется, — пишет Кюхельбекер в «Невском зрителе», — обязанность всякого мыслящего выходить по возможности из того заблуждения, в котором находится большая часть наших историков и политиков в рассуждении мнимого просвещения времен Вольтера и Фридриха. Сколько вещей, которые бы должны в сем разуверить всякого!». ⁷¹ Не стоит идеализировать и «золотой век» древних республик. «Большая часть жителей Эллады находилась в самом жесточайшем рабстве. . .». ⁷² Критический взгляд Кюхельбекера на древнюю историю и на совсем близкую европейскую современность только усилил позиции исторического оптимизма. Тем и показательны «Европейские письма», что Кюхельбекер полон надежд и мечтаний, он верит в возможность общими силами «правительств и народов» побороть деспотизм, возвысить человечество, устранить всякие помехи к прогрессу. В «Невском зрителе» он пишет: «Усовершенствование — цель человечества: пути к нему разнообразны до бесконечности (и хвала за то провидению!). Но человечество подвигается вперед». ⁷³ В «Соревнователе» Кюхельбекер поясняет: «Конечно, пройдут, может быть, еще тысячелетия, пока не достигнет человечество сей высшей степени человечности: но оно достигнет ее, или вся история не что иное, как глупая и вместе ужасная своим бессмыслием сказка!». ⁷⁴ Важно, чтобы «в жизни нашего поколения не было ничего потеряно». В лице Кюхельбекера мы имеем одного из самых оптимистических русских романтиков, он полон энергии, активности, надежд. Как он далек от безверия и пессимизма, которым были заражены некоторые передовые люди той эпохи, не говоря уже о позерах, набрасывавших на плечи чайльд-гарольдов плащ, и бесчисленных эпикурейцев, прожигающих жизнь на веселом пиру.

Парижская лекция наделала много шума. Директор Лицея Энгельгардт, хватаясь за голову, писал о бывшем воспитаннике: «Чорт его дернул забраться в политику и либеральные идеи, на коих он рехнулся, запорол чепуху, так что Нарышкин его от себя прогнал, а наш посланник запретил читать и, наконец, выслал его из Парижа. Что из него будет, бог знает».

⁷⁰ «Невский зритель», 1820, № 2, стр. 35.

⁷¹ Там же, стр. 44.

⁷² Там же, № 4, стр. 42.

⁷³ Там же, стр. 41.

⁷⁴ «Соревнователь», 1820, ч. IX, № III, стр. 285.

Кюхельбекеру не пришлось завершить путешествия по Европе, посетить Германию, Италию и Англию. Он был выслан обратно в Россию. В августе 1821 года мы его видим снова в Петербурге на заседании «ученой республики». Но уже в сентябре Кюхельбекер вынужден оставить Петербург и отправиться в Грузию.

В секретном донесении одного из агентов царского правительства, составленном 8 сентября 1821 года, говорилось:

«Говорят, что титулярный советник Вильгельм Кюхельбекер отправляется на службу в Грузию и что генерал Ермолов принимает его.

«Это одна из тех пламенных голов, которым дано дурное направление известным Обществом. Воспитанный в Царскосельском лицее, с дарованиями, с желанием усовершенствоваться, рано попался он вместе с А. Пушкиным и бароном Дельвигом в руки Н. Тургенева и Глинки, находясь с последним в дальнем родстве. Ими введен в Общество и принят в масоны, но более служил орудием к распространению слухов, мелких сочинений и пр. Будучи слишком неопытен, вспыльчив и горяч, слепо и с жаром исполнял он их волю.

«В путешествии своем с Нарышкиным читал он в Париже лекции русского языка и, как утверждают, начал первую <словами>: „Несмотря на деспотизм и все утеснения грубого правительства, гений народа развивается; все усилия подавить его останутся тщетны“.

«Выражение, битое и перебитое сочинителями либеральной партии. После сей лекции, говорят, Нарышкин отказал ему от сопутствия при себе, и он возвратился при пособии посланника.

«Опасаясь теперь последствий, по совету их избирает путь в Грузию, дабы с А. Пушкиным прослыть в числе гениев, преследуемых за мнения».⁷⁵

15

Важным фактом общественной биографии Рылеева первого года петербургской жизни является его знакомство с издателями «Невского зрителя» Иваном Сниткиным и Гаврилом Кругликовым. «Я и забыл уведомить, — писал Рылеев в заключение своего письма жене от 2 декабря 1820 года, — что с нового года я буду издавать журнал в Петербурге под названием „Невский зритель“. Цена в год 35 руб.».

Совершенно неожиданно в середине 1821 года «Невский зритель» вынужден был прекратить свое существование. Ссылаясь на слабое здоровье и крайнюю занятость по службе, Иван Сниткин 29 июля 1821 года заявил в Петербургский цензурный комитет о том, что он «не в состоянии издавать оный журнал» и подписчикам возвращает деньги.

⁷⁵ «Литературное наследство», т. 59, стр. 347.

Действительной причиной, принудившей в середине года закрыть журнал, было постоянное гонение цензуры. Гаврил Кругликов, вспоминая о «Невском зрителе» через 50 лет после его закрытия, свидетельствовал, что журнал едва не был закрыт еще в октябре 1820 года, ибо помещенная в нем рылеевская сатира «К временщику» вызвала «мщение графа». О гневе Аракчеева пишет в своих воспоминаниях И. Н. Лобойко, ссылаясь на рассказ самого Рылеева: «Граф Аракчеев принял ее на свой счет, и она во всем Петербурге сделалась гласною. То те, то другие стихи, которые можно было обратить в укор Аракчееву, повторялись. Аракчеев, оскорбленный в своем грозном величии неслыханною дерзостью, отнесся к министру народного просвещения князю Голицыну, требуя предать цензора, пропустившего эту сатиру, суду. Но Александр Иванович Тургенев, тайно радуясь этому поражению и желая защитить цензора, придумал от имени министра дать Аракчееву такой ответ: «„Так как, Ваше сиятельство, по случаю пропуска цензурою Проперция сатиры, переведенной стихами, требуете, чтобы я отдал под суд цензора и цензурный комитет за оскорбительные для вас выражения, то, прежде чем я назначу следствие, мне необходимо нужно знать, какие именно выражения принимаете Вы на свой счет“». ⁷⁶ Но так или иначе, а «Невский зритель» был закрыт, и Рылееву не пришлось официально стать «сотоварищем» Сниткина по изданию этого журнала.

⁷⁶ Декабристы и их время. Материалы и сообщения. Под редакцией М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. М.—Л., 1951, стр. 26.

Глава шестая

В ТРЕВОЖНУЮ ОСЕНЬ 1820 ГОДА

1

Судьба Каразина после мартовской истории более чем неожиданна. Вместо «статистического департамента» он оказался в Шлиссельбургской крепости. Перед Каразиным закрылись двери Вольного общества, и вокруг него «соревнователи» постарались создать крайне отрицательное мнение не только в своей среде, но и в глазах начальства. Митрополит Евгений, узнав из письма В. Анастасевича о мартовском споре в Обществе соревнователей, писал в ответ: «Итак, мое предсказание над В<асилием Н<азаровичем> и вами сбылось в Обществе соревнователей. Да и трудно ли было предсказать по общему правилу, что кто навязывается учить других, кольми паче всех, того все учат? Итак, поздравляю вас, что мнимые ваши ребятышки высекали своих учителей. Но сим, думаю, еще не кончится. Чтб ни пишете вы, что будто по городу их осуждают, а я больше верю, что везде над вами смеются, а до начальства доведут уже в карикатурном виде. Все это повредит наипаче цели В<асилия Назаровича>, и опять, может быть, сбудется мое гадание о возвращении его восвояси без всего».¹

Значительно позже, вспоминая о поединке в «ученой республике», В. Анастасевич не «гадает», а констатирует, что против Каразина был организован заговор. Он вооружил «против себя Общество соревнователей (рушившегося 14 декабря 1825 года), в котором был почти общий на него (Каразина, — В. Б.) заговор за статью об ученых обществах (самой неприятной сцены я сам был свидетелем в бурном оного же общества заседании, из коего и я тогда же вышел вместе с Василием Назаровичем, давно заметив, что там многие члены таились от непричастных чем-то недобрым)».²

¹ «Русский архив», 1889, № 7, стр. 338.

² «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 3, 1861, стр. 198.

Заговор против Каразина действительно существовал, и предсказания митрополита Евгения полностью сбылись. Но прежде скажем о событиях в Семеновском полку. Каразин продолжал писать гр. Кочубею, и осенью 1820 года он подряд послал три записки: 22 октября, 31 октября и 17 ноября. Осенние записки Каразина опубликованы в «Русской старине» и в «Собрании бумаг и писем» под редакцией Д. И. Багалея. Многие в этих записках было использовано для обвинения самого Каразина. Он, например, не побоялся рассказать правду о Шварце, о его жестокостях, которые «были не только тяжки, но и отвратительны, показали явное презрение к достоинству человека: «Сказывают, что он, — писал Каразин о Шварце, — приказывал плевать в рот солдатам, входил в спальни ночью и пр. Он не давал покою ни по ночам, ни в праздники, подбирал людей, как скотов, по цвету волос и пр.». Но, критикуя систему Шварца и Аракчеева, Каразин одновременно проклинает «всеобщую заразу». Оказывается, что русский народ не способен к «прямым бунтам», что он по природе своей миролюбив и еще не поздно спастись от разлагающего влияния республиканских эмансипаторов. В записке о семеновцах он снова напоминает о русских робеспьерах: «Натянутая вервь внезапно прервется. Во многих разночинцах и отпущенниках я предвижу злодеев, которые превзойдут робесперов. Есть и дворяне, прожившие свое имение, воспитанные в разврате и дурных началах, недовольные службою: следовательно, готовые присоединиться к черни, в мыслях, что они на развалинах благосостояния братьев своих найдут свое счастье... Престол потонет в крови дворянства!»³ Каразин использовал происшествие в Семеновском полку, чтобы еще раз поставить вопрос о «громоотводах». Не возлагая надежд ни на министров, которые не знают, что «делается в народе», ни на государственный совет, который не является «зеркалом беспристрастного общественного мнения», ни на «ораторство с престола, заимствованное у англичан», наконец, не видя ничего хорошего в «нынешних конституциях» и «громких собраниях», призывающих «уничтожить престол», он считает, что только немедленное употребление в дело «просвещенного дворянства» может спасти положение и только в том случае, если «начала нашего государственного постановления будут отысканы в древних обычаях нашего отечества».

В записках о семеновцах содержались такие мысли, за которые автор их мог оказаться за Байкалом. Препровождая в 1825 году Николаю I «Выписку из 3-х бумаг Каразина к гр. Кочубею в 1820 году по случаю неповиновения Семеновского

³ Фонд Шильдера, л. 40. Ср. с публикацией в «Русской старине» (1871, № 1, стр. 23).

полка», Министерство внутренних дел снабдило ее любопытным комментарием:

«1. Не одобряя конституции, Каразин изъясняется в неумеренных выражениях на счет речи, сказанной в Варшаве императором Александром Павловичем при открытии первого сейма; вспоминая о государственной думе, коею были внушаемы наши цари, и сравнивает оную с зеркалом, показывавшим царям общественное мнение. И вообще дерзкими изречениями — он опровергает состав Совета министров — доказывает, что таковое порочное образование управляющей власти не может заменить просвещенного общественного мнения, уважаемого всеми нашими государями; что уважение к общественному мнению может оградить от предстоящих бедствий.

«За сим следует воззвание к государю, писанное с необыкновенною смелостию: он умоляет государя не унижать более русский народ, не предпочитать ему поляков и не доверять иностранцам собственных и государственных тайн; угрожает бунтами, безначалием и заключает так: горе нам, престол потонет в крови дворянства! Наконец, он говорит, что тесное соединение правительства с дворянством, которое есть просвещеннейшая и сильнейшая часть России, увеличит его могущество и что через сие соединение государь привлечет к себе общественное мнение всего сословия дворян.

«2. Каразин доказывает естественными доводами необходимость существования дворянства или высшего сословия людей в каждом образованном государстве, которое должно во всех случаях составлять сильнейшую и надежнейшую опору власти; что от сего полезного соединенного сословия единственно проистекает правильное общественное мнение, коим правительство обязано руководствоваться для общего блага народа; что Россия, в преддверии величайшего несчастья, может быть спасена искренним союзом государя с дворянством. И, обращаясь к дворянству, он вопрошает, кому принадлежит составлять государственную думу или совет, как не особам, избранным из сословия, которое исключительно упражняется в делах государства?

«3. Каразин, забывая все уважения, коим подданный обязан престолу, дерзкими выражениями опорочивает все действия правительства и заключает свое рассуждение предложением распространения в российском народе политического катехизиса, коего правила хотя и вмещают в себе много полезного в рассуждениях взаимных отношений всех сословий государства, но в отвлеченном своем смысле более клонятся к тому, чтобы доказать необходимость совещания управляющей власти с подданными для блага государства.

«Увлеченный снова дерзновением, он продолжает так: дело не в том, чтобы у нас в России вводить конституцию, но в том, чтобы Россию перестать почитать собственностью государя, кото-

рою он доселе безотчетно располагает. За сим он повторяет прежде им сказанное относительно к учреждению совета в помощь к управляющей власти, дабы, избирая оный в благороднейшем сословии народа, государь мог в своих намерениях сближаться с общественным мнением. Нельзя не признать, чтобы Каразин в сих записках не изъяснил много хорошего, но дерзость его выражений при рассуждениях о действиях правительства вообще уничтожает всю пользу, которую он намеревался извлечь из оных».⁴

Правительство не поняло того, что каразинские «дерзновенные изречения» и «неумеренные выражения» отвечают коренным интересам самодержавия и направлены на спасение феодально-крепостнического строя, оказавшегося на краю пропасти. Еще в записке о происшествии в Семеновском полку Каразин признавал, что политические истины легче всего «сделать понятными простейшему уму» при помощи библии и религии, и он же предупреждал, что «люди злонамеренные именно из них самих извлекут тексты противу монархической власти, если будет в том настоящая нужда». «Ничего, — продолжал Каразин, — нет сильнее и к сему способнее некоторых мест, например I Книги царств, главы VIII, стр. 11—18, Евангелия Матфея, главы XVII, стр. 24—27». Автору записки нельзя отказать в прозорливости. Ссылки на повеление бога содержатся в воззвании к войскам гвардии, обнаруженном в октябре 1820 года: «Но я советую, призвав бога в помощь, учинить следующее...». Далее в прокламации говорилось о необходимости «арестовать всех начальников, дабы тем прекратить вредную их власть», и «выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата — солдата». Каразин безошибочно предсказывал метод декабристской пропаганды.

С. Муравьев-Апостол действительно полагал, что нет более надежного щита, нежели русская библия. «Лучший способ, — говорил С. Муравьев-Апостол в Лещинском лагере, — действовать на русских солдат религиею: в них должно возбудить фанатизм, и чтение библии может внушить им ненависть к правительству... Некоторые главы содержат прямые запрещения от бога избирать царей и повиноваться им. Если русский солдат узнает сие повеление божие, то, не колеблясь нисколько, согласится поднять оружие против своего государя... Религия всегда будет сильным двигателем человеческого сердца; она укажет путь к добродетели, поведет к великим подвигам русского и доставит ему мученический венец».

Одновременно с «Катехизисом» Сергея Муравьева-Апостола было написано Бестужевым-Рюминым воззвание к войскам, не получившее распространения. В этом воззвании говорилось: «Бог умилосердился над Россиею, послал смерть тирану нашему. Хри-

⁴ Там же, лл. 70 об. и 71.

стос рек: „Не будьте рабами человека, яко искуплены кровию моею“⁵.

Так декабристы использовали «священное писание» в политической прокламации. Сергей Муравьев-Апостол использовал в своем «Катехизисе» содержание VII главы I Книги царств из Ветхого завета об избрании израильтянами царя Саула. Но главная мысль принадлежит самому декабристу: «Бог создал человека для свободы и счастья, и если земные полубоги похитили у него это право, то человек должен силой вернуть себе свободу». Об этом же праве человека на свободу говорили в свое время французские просветители: «Человек рожден для свободы» (Руссо). Доводами священного писания пробовал воспользоваться Никита Муравьев. Его катехизис, известный под названием «Любопытный разговор», также защищал естественное право человека на свободу, ибо бог «даровал человеку свободу». «Во пр. А если кто будет притеснять? От в. Это будет тебе насилие, противу коего ты имеешь право сопротивляться». В свой катехизис Н. Муравьев включил рассуждение о преимуществах конституционного строя над самовластной формой правления, а также напоминание о существовании в древней Руси «правления без самодержавия», о вечевом строе и пр. Катехизис Никиты Муравьева был написан после ликвидации Союза Благоденствия, в годы начального формирования Северного общества (1822 год), и представлял собой первый вариант будущего конституционного проекта.

Предчувствуя, что найдутся «люди злонамеренные», которые извлекут из библии «тексты противу монархической власти», Каразин предложил гр. Кочубею свой политический катехизис, состоящий из «приличных текстов» «священного писания», соответствующим образом переведенных на «простой» язык. «Осмелюсь спросить, — писал Каразин, — какие бы следствия, кроме самых лучших, имело распространение в российском народе следующего или подобного ему политического катехизиса, взятого из природы и из религии:

«1. На свете невозможно быть всем равным. И бог нас такими не производит. Одним словом, он одним дает больше силы, другим больше здоровья или ума. . . Да и вообще ничего нет совершенно равного в мире между вещами одинакового рода. Звезда звезды, лист листа больше или меньше.

«2. Следовательно, между людьми на земле непременно надобно, чтоб были старшие и младшие, богатые и бедные, началь-

⁵ Касаясь декабристской «библии», Булгарин утверждал в докладной записке на имя гр. Бенкендорфа: «Пусть говорят, что хотят, но библия и евангелие есть республиканский кодекс в устах искусного толкования. Я помню, как наши революционеры толковали тексты». Но Булгарин писал о декабристской «библии» в 1826 году, через пять лет после предсказания Каразина. О катехизисах Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина см. работу П. Е. Щеголева «Катехизис Сергея Муравьева-Апостола (из опыта агитационной литературы декабристов)» в кн.: Декабристы. ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. 231—258.

ники и подчиненные. Этого нельзя избежать. Если б, например, каким-нибудь чудом случилось, чтобы всех уравнили, то на другой день уже опять стало бы возвращаться неравенство» и т. д.

В § 5 содержится и такая мысль: «Следовательно, почитая власть, т. е. родителей, начальников, государя, мы чтим в них бога, от которого они поставлены, мы чтим в них образ божий. Повинуясь им, мы повинuemся самому богу, владеющему нами и в сей и в будущей жизни. „Повинуйтесь убо всякому человеку начальству господу ради“, — говорит апостол».⁶

Само собой разумеется, что катехизис Каразина прямо противоположен декабристским катехизисам. Если не знать, что Каразин писал свои записки в 1820 году, то можно подумать, что он полемизировал с С. Муравьевым-Апостолом и Никитой Муравьевым. Каразин был идейным противником декабристов, а не просто доносчиком и авантюристом. Он глубоко чувствовал неблагополучие в государстве и указывал на недостатки существующего строя, но призрак революции его пугал более аракчеевской реакции. Каразин пытался договориться с Александром I, вмешивался в правительственные дела, внушал и советовал. Но и здесь не пришелся ко двору. Он признавался гр. Кочубею, что участь его — «или ссылка за Байкал, пока еще сослать можно, или смерть с оружием в руках при защищении последнего входа в комнаты государя».

3

В осенние месяцы 1820 года Каразин ведет сложную политическую игру. С одной стороны, он пишет общественно-политические трактаты, в которых высказывает много дельных мыслей, с другой, — продолжает сочинять доносы. Занося в свой дневник наблюдения и мысли о республиканцах, он еще в мае 1820 года предсказывал события в Семеновском полку. В тетради «от 27 марта 1820 года по 25 июня в С.-Петербурге» содержится важная заметка, датированная 20 мая. После сведений о пушкинских эпиграммах следует план «будущих тетрадей». «Запас для будущих тетрадей, если потребуют: 10. О заговоре Семенового полка на Шварца и о пире в честь Потемкина, о котором и описание было напечатано. 11. Об общем неудовольствии на службу. 12. О гордом мнении их, что они выше всего. О строптивости. В беседах их отзываются самые дерзкие речи. 13. О том, как солдаты ненавидят и презирают полицию, и что самые офицеры боятся наказывать их за проступки вне службы, например за воровство. За вины службы унтер-офицеры, а не офицеры наказывают». Каразин, хорошо осведомленный о политическом движении в армии, в частности в Семеновском полку, записывает в свой дневник пророческие слова: «Августа 27 поутру. Я уверен

⁶ Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, стр. 148—150.

точно как в собственном бытии моем, что предстоящая нам насильственная перемена произойдет от гвардии и едва ли не от Семеновского полку». Приведем и следующую запись: «Сентября 13-го в вечера. Не всегда должно пренебрегать народными сказками. Сегодня Варвара Ив. Шад сказывала, что носится площадный слух о явлении в Киеве святых (или мощей) в образе Семеновской гвардии солдат с ружьями, которые-де в руках держат письмо с надписью государю, держат крепко и никому-де кроме его не дают, для того де г<осударь> намерен, возвращаясь из чужих краев, ехать через Киев. Сказка эта может иметь отношение к сказанному мною в конце страницы 20 сей тетради» (т. е. к записи 27 августа, — В. Б.).⁷

Дневниковые записки Каразина, посвященные Семеновскому полку, представляют большой интерес. Солдатское движение в октябре 1820 года явилось ответом на крепостнические порядки в армии, оно имело огромный политический резонанс. Семеновцы восстали против полкового командира Шварца, сменившего популярного генерала Потемкина. В борьбе с жестоким и тупым Шварцем солдаты-гвардейцы показали удивительную сплоченность и единодушие. Шварц пришел наводить аракатеевские порядки в армии и столкнулся с дружным сопротивлением. Сам Шварц позднее признавался, что, получая назначение в Семеновский полк, он был предупрежден, что «полк заражен духом неповиновения и буйства, к укрощению которого необходимы крайние строгости».⁸ Н. И. Греч свидетельствует в своих «Записках», что офицеры приняли Шварца «с явным презрением», устроили прощальный обед Потемкину, во время которого «бранили Шварца. . . и после обеда некоторые из них, разгоряченные шампанским, подошли к квартире Шварца и громко его ругали».⁹ Таким образом, волнение в Семеновском полку подготовлялось исподволь и не без участия офицеров, среди которых были и будущие декабристы. Еще в мае 1820 года, вскоре после назначения Шварца в Семеновский полк, произошли столкновения нового полкового командира с передовыми офицерами, в частности с батальонным командиром И. Ф. Вадковским. Рассматривая эти ранние столкновения со Шварцем, В. А. Федоров справедливо замечает, что в «Семеновском полку еще до выступления солдат в октябре 1820 года было далеко не спокоем, а начальство, зная острое недовольство в полку, отнюдь не намеревалось идти на уступки».¹⁰

⁷ Цитируется по копии «Выписки из дневных записок статского советника Каразина», находящейся среди бумаг Н. Ф. Дубровина. Архив АН СССР, ф. 100, оп. 1, д. 340, лл. 3 об. и 4.

⁸ «Русская старина», 1873, № 5, стр. 663.

⁹ Н. И. Греч, Записки о моей жизни, стр. 389—390.

¹⁰ В. А. Федоров, Солдатское движение в годы декабристов. Изд. Московского университета, 1963, стр. 95.

В майских записках Каразин имел в виду, видимо, и другие факты, свидетельствовавшие о «заговоре в Семеновском полку». Уже в мае 1820 года Каразину было известно о «гордом мнении» семеновцев, о их «строптивости», «дерзких речах» и «о том, как солдаты ненавидят и презирают полицию». Каразин предсказывает, что «насильственная перемена произойдет от гвардии едва ли не от Семеновского полку». Восстание действительно произошло. Спрашивается, что оставалось делать Каразину?

27 октября 1820 года, через десять дней после восстания в Семеновском полку, состоялась интимная беседа в кабинете гр. Кочубея. Во время этой беседы Каразин повторял, что петербургская молодежь «заразилась самыми дурными правилами» и уже «без всякого рассудка действует». Содержание беседы нам известно в сокращенной записи гр. Кочубея, сохранившейся в «Деле о рассмотрении в Комиссии бумаг, найденных в кабинете покойного государя».

«Среда, 27 октября 1820 года. Каразин, быв ко мне приглашен, я сказал ему, что, получив от него письмо и записку, я хотел у него спросить: что, конечно, он прислал оную ко мне с тем намерением, чтоб я доставил оную Е. И. В-ву?

— Точно так, — сказал он, — разве бы ваше сиятельство признали бы за благо переменить какие-либо выражения.

— Почему переменить — вы так часто доставляли бумаги государю императору, что сами знаете, как вы можете писать. Тут завел я с ним разговор, сокращенно следующего содержания:

— Скажите, неужель впрямь видите вы ту опасность, о коей изъясняетесь?

— Несомненно. Опасность предстоит величайшая.

— Признаю, я сего не понимаю и отнюдь не могу видеть те опасности, которые вы находите.

— Ваше сиятельство не можете о сем судить. Вы не разговариваете с народом, вам никто ничего не скажет. Надобно знать суждения простого народа; надобно поговорить с людьми, из провинций приезжающими, надобно побывать в губерниях, чтобы судить, до какой степени простирается общее недовольствие. Все жалуется. Правительству не уважается. Надобно послушать здешнюю молодежь. Она заражена самым дурным духом. Солдаты, возвратившиеся из-за границы, а наипаче служившие в корпусе, во Франции находившемся, возвратились с мыслями совсем новыми и распространяли оные при переезде своем или на местах, где они квартируют.

— Да чего же могут хотеть? Какая причина недовольствия быть может?

— Люди начали больше рассуждать. Судят, что трудно служить, что большие взыскания, что они мало получают жалованья, что наказывают их строго и пр.

Крестьяне жалуются более на притеснения потому, что более толкуют; их притом притесняют в губерниях, в коих нет правосудия, в коих существуют больше злоупотребления, берутся взятки и пр. Все сие составляет общие разговоры. Надо было послушать, что говорит наша молодежь.

— Хорошо; но вы согласитесь со мною, что во всем неудовольствии сем не может быть никакого порядочного человека, что, конечно, ни один генерал, ни один полковник или штабс-офицер, то есть люди, кои сколько-нибудь служили и вещи понимают, не предадутся в подобные мечтания, могут ли предпринять что-нибудь мальчишки, коих и солдаты не уважают? Какая может быть опасность там, где нет головы?

— Не спорю в том, что, конечно, ни генералы, ни другие хорошие люди не входят в разряд людей опальных; но во времена трудные и при неудовольствии и небольшие люди могут повести на всякое дурное и бог знает кто, может быть, явится, кто захочет в сем руководствовать.

— Что же из сего произойти может? Как вы думаете?

— Неисчислимы бедствия. Совершенное расстройство государства. В одном месте делается то, в другом другое. В одном погибнут помещики, в другом сохранится спокойствие. В третьем установится какой-нибудь особенный порядок и так далее. Одним словом, произойдет суматоха страшная, которой последствий исчислить наперед не можно.

— Скажите, полагаете ли вы, чтоб кто-нибудь из дворян мог предаться каким-либо вредным мечтаниям?

— Без сомнения. Есть много между дворянами людей, наполненных демократическими правилами. Они заразились самыми дурными правилами и, не думая о будущем, без всякого рассудка действуют.

— Кто же наши демократы?

— Много их есть, например Тургеневы.

— Вы знаете обоих братьев?

— Обоих, но Николая еще более.

— Полагаете ли вы, что могут быть между солдатами люди, кои решились бы распоряжаться в виде начальников при каком-либо возмущении?

— Кто знает! Между солдатами есть люди весьма умные, знающие грамоте.

— Много есть солдат из бойких семинаристов, за дурное поведение в военную службу отданных?

— Есть и семинаристы и из дворовых весьма острые и сведущие люди. Есть управители, стряпчие и прочие из господских людей, которые за дурное поведение или за злоупотребление отданы в рекруты. Они так, как и все, читают журналы, газеты и проч. Справьтесь, сколько ныне расходуется экземпляров „Инвалида“ и других журналов, в сравнении прошедшего

времени. Притом печатают в журналах иногда разные вещи весьма неосмотрительно. В „Инвалиде“ напечатана была „Революция гишпанская — подвиги Квируга“. Кто может ручаться, чтоб многим нашим молодым людям не пришло в голову играть самим ролю Квируга?

За сим обратился разговор к случившемуся в Семеновском полку. Каразин рассказывал много разных слухов, по городу вообще носившихся, о жестокостях полковника Шварца: о том, что с самого начала определения его в полк говорили уже, что ему не оставаться в оном; об участии и сожалении общем, о жребии Семеновского полка; что считают строгость, тут употребленную, слишком великою и проч.

В заключение разговора Каразин сказал:

— Я из любви и преданности к государю решился пожертвовать собою. Кто скажет ему истину? Ваше сиятельство? Но вы министр. Вы не должны искать удаления от звания, вами занимаемого. Вы столько же государю преданы, как и я; вы его величеству можете быть полезны по должности, а я, как иначе долг мой исполнить могу, как не обнаружив перед государем истины? Знаю, чему я подвергаюсь, но решаюсь на сие, какая бы ни была участь моя.

В сем заключается сокращенно разговор г. Каразина. Если все выражения его, по невозможности всего припомнить, легко могли быть не в точности изложены, то тем не менее смысл оных сохранен.¹¹

4

Сведения, сообщенные Каразиным, не остались тайной в кабинете графа Кочубея, а были переданы гр. Милорадовичу. Беседа состоялась 27 октября, а 29 октября Н. И. Тургенев записал в свой дневник: «Мне сказали, что полиции донесли, что я говорю весьма вольно в клубе о происшествии Семеновского полка». Но полиции донесли не только о Н. И. Тургеневе. В. П. Кочубей, как и в мартовские дни 1820 года, потребовал дополнительных сведений. Беседа состоялась 27 октября, а на другой день Каразин на его рассмотрение представил списки стихотворений. В сопроводительном письме Каразин признавался, что «в продолжение к вчерашней беседе честь имею представить стихи, которые мне сего числа сообщили на прочтение, но я поспешил их переправить для вас». И. Ф. Рыбаков, автор статьи «Тайная полиция в семеновские дни» («Былое», 1925, № 2), свидетельствовал, что ему в Диканьском архиве гр. Кочубея довелось видеть стихотворение под названием «Гений отечества», о котором идет речь в письме Каразина.¹² И. Ф. Рыбаков не опубликовал стихотворения о семенов-

¹¹ Дело о рассмотрении в Комиссии бумаг, найденных в кабинете покойного государя (ЦГИАМ, лл. 80—85).

¹² «Былое», 1925, № 2 (13), стр. 82.

цах, ограничившись предположением, что «стихи сочинены кем-то из гвардейских офицеров». Продолжая свою мысль об авторстве, И. Ф. Рыбаков заключает: «„Гений отечества“ не проявляет витийственных талантов автора и весьма напоминает стихи Ф. Н. Глинки». С другой стороны, известно свидетельство Н. И. Греча, что стихи о семеновцах приписывались ему, тогда как действительным автором, по его словам, является подполковник Д. П. Шелехов.¹³ «Подполковник лейб-гвардейского полка Дмитрий Потапович Шелехов написал глупые стихи на Семеновский полк и особенно на Шварца. Стихи эти, — замечает Греч, — разошлись по городу в рукописях без имени сочинителя. Автор был известен, но начальство гвардии хотело его скрыть, и стихи были приписаны мне».¹⁴ Наконец, в «Разных сведениях, полученных от полиции в 1820 и 1821 гг.», подполковник Адмилов сообщает о найденных им «непозволительных стихах»: «Сего января 5-го числа, осматривая каморы, где живут воспитанники, нашел у одного из них, из обер-офицерских детей, Александра Грошко непозволительные стихи, которые уже имел честь представить вашему превосходительству. При исследовании узнал, что он списал их у воспитанника Папковича, а оному прислал выпущенный по неспособности из дворянского полка для определения к статским делам чиновник 14-го класса Александр Абрамов, бывший наперед сего также воспитанником в здешнем отделении, имеющий жительство у инспектора Горного кадетского корпуса; до присылки же оных он, Абрамов, быв у Папковича, говорил, что у него есть прекрасные стихи, якобы сочинение Измайлова, через что и возбудил любопытство его иметь таковые у себя». Далее мы приводим текст стихотворения и примечания к нему по списку, отобранному подполковником Адмиловым у Александра Грошко.¹⁵

Гений отечества
Какое внемлю торжество,
Какая звуков льется сладость!
К нам с неба мчится божество,
В очах горит святая радость;
На нем славянский крепкий шлем,
Во длани ветвь и меч булатный!
Отечество! Мы познаем;
Притек твой гений благодатный.
Над крепостью Петра полет
Остановив, сей небожитель:
«Восстань, о Петр! восстань! — зовет, —

¹³ Д. П. Шелехов в 20-х годах был близок к передовой офицерской молодежи и едва ли не состоял в Союзе Благоденствия. Впоследствии автор многочисленных трудов по сельскому хозяйству (см. «Русский биографический словарь», т. 23, стр. 71—73). После революции 1848 года написал верноподданническую брошюру «Отзыв русского сердца о смутах в Европе» (СПб., 1849).

¹⁴ Н. И. Греч. Записки о моей жизни, стр. 409—410.

¹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 850, лл. 33 и об., 34 и об.

Из мглы могильной царь-звждитель!
 Над прахом совершен твоим
 Сынов России подвиг дивный,
 Гордятся именем своим
 Старейший сонм,¹⁶ — о рок завидный!
 Героев, созданных тобой,
 Непобедимый, верный строй!
 На шаг не отступил он с боя,
 Мы в каждом видели героя¹⁷
 Пред ликом матери-Москвы.
 Ты им заветом дал терпенье,
 Твое наследство — горний дух,
 Ты заповедал им смиряться,
 Пред властью правды умиляться,
 Царю и вере покоряться, —
 И каждый был в нем чести друг.
 О чудо! Что перед очами
 Свершилось с верными сынами?
 Раб в сердце, гнусной, злой палач
 Босыми ветеран ногами,¹⁸
 Израненных в боях с врагами,
 Водил шагать, тянуть состав,
 Избитый вражьиими стрелами,
 Какой-то вывода устав¹⁹
 Своими дерзкими руками,
 Железом поощрял злодей,
 Достойный снеди для зверей!
 Где сердце росса твердо бьется,
 Любовь к отчизне где горит,
 Удар злодея раздается
 И пищу самую теснит.
 Пытает день и ночь — покою
 По службе русскому царю
 Нет утомленному герою,
 Нет службы бога олтарю.
 И ветеран измучил силы
 При возвращении царя;
 Для горсти только серебра
 Он отверзал им всем могилы.
 Куда сокрылся наш отец?
 Наш царь, любимец всех сердец,
 Вопили прежде все рядами;
 По страшным их усам реками
 Впервые слезы их лились;

¹⁶ Семеновский полк был составлен Петром Великим еще в юных годах сего монарха, составляя его потешное первое регулярное войско, имя свое получил он от села Семеновского, что в окрестностях Москвы; равно как и Преображенской полк называется от села Преображенского там же.

¹⁷ Сей один полк даже и под Аустерлицем не обратился в бегство, что же сказать о Бородине, Кульме и проч.

¹⁸ Известно, что гнусной Шварц (по-русски то же, что и мерзавец) бил семеновских воинов, и даже поседевших в полку и брани, шомполами по голым ногам и разувал их, как скоро раны или лета война не позволяли ему вытягивать колено и ступню.

¹⁹ Благодаря милосердию и нежности сердца нашего монарха Александра I во всей гвардии и даже в армии неусыпно стараются искоренить телесные наказания не только полосами железа, но и палками.

Потом все в душу собрались,
Воскликнув: с нами нет героя,
Нет Александра, нет покоя!
Мы знаем, он учил нас сам,
Любил нас с детства сам державный!
Мы были всем красой полкам.
Теперь же горе! Своенравный
Злодей, без чести, без заслуг,
Известный лишь собором мук,
И день и ночь всех нас терзает
И честь и бога забывает!
О! Если б муки царь узнал
Любимцев-воинов от детства,
С позором бы его изгнал
И нас бы искупил от бедства.
Свершилось: больше не хотим
Злодейства быть ему игрою;
Не буйства мы пример дадим —
Тоски душевной! Пусть судьбою
Открытый зрим себе удел, —
В сердцах правдивый гнев засел.
Но может быть, что сожаленье
За райское всех нас смирение
В душе царя откроет нрав,
За тяжкое всех мук терпенье
Во зло употребленных прав;
Вознегодует наш заступник,
Позор найдет себе преступник;
Нет, нет! Он воинов своих
Не предал в казнь злодею в руки,
Чтоб тот устроил пытку муки,
Чтоб оскорбил сынов твоих.
Еще ли бунтом называют
Безумцы подвиг наш святой,
Природы чувства забывают,
Что все спасают жребий свой.
Не склонит истинный герой
На плаху шею молчаливо,
Чтоб варвар лютый горделиво
Последний вынул жизни дух, —
Пройдет о нас в потомстве слух.
Так! Мы имели гром во власти,
Имели правду за себя,
Отчизну горячо любя,
Смирили в сердце ярость страсти,
Когда огонь, реками кровь —
В других странах предтеча мести,
У нас в душах одна любовь
К отечеству и жажда к чести.
Мы тихо бодрою стеной
В темницу вышли без конвоев —
Вот признак россиян-героев!
Без злобы месть, покорность всю
Верховной власти дух представил
И добродетель ввек свою
На память россам всем оставил.
Мы знаем, как заслуги чтить,
Презрением гнусного разить!
Ценить людей всегда умеем,

За честь и правду не робеем
 Принести и жизнь и кровь свою
 Царю нетрепетно в бою.
 О, Петр! Твой правнук примирится
 С любимцами от юных лет,
 И тень твоя возвеселится,
 Коль подвиг славу им найдет
 В укору всем рабам трусливым,
 Без правил чести, лишь спесивым,
 Коль изречет прощанье царь,
 Благословит его алтарь.
 Мы видим торжество в том трона,
 И россов дух, и блеск закона,
 Приверженность к благим царям
 И омерзение к цепям».
 Здесь светлый гений умолкает
 И тихо к небу возлетает.

Стихотворение «Гений отечества» приписывалось, таким образом, сразу трем авторам: Д. П. Шелехову, Н. И. Гречу и А. Е. Измайлову. Каразин в очень неопределенной форме сообщал, что «автор какой-то полковник». Однако неясное указание в октябрьском доносе на какого-то полковника могло бросить подозрение прежде всего на Глинку. Глинка и Катенин являлись популярными петербургскими поэтами-полковниками. Каразин и сам плохо верил тому, что «Гений отечества» написал Шелехов. На списке стихотворения, посланном г. Кочубею, рукой Каразина сделана пометка: «А. Е. Измайлов, который мне 28-го числа поутру привез эту пьесу, полагает, что она сочинена лейб-гвардейского полка Дмитрием Потаповичем Шелеховым. Но судя по читанным в собрании его другим пьесам, трудно верить. Разве энтузиазм произвел чудо... Как иногда бывает!».²⁰ Стилистические приемы и фразеология «Гения отечества» (особенно такие выражения, как «К нам с неба мчится божество», «Остановив, сей небожитель», «Вопили прежде все рядами», «Открытый зрим себе удел», «Здесь светлый гений умолкает и тихо к небу улетает») слишком напоминали глинковские псалмы и оды.

Следует обратить внимание и на тот факт, что стихотворение распространялось среди воспитанников Петербургского военно-сиротского отделения, над которыми шефствовали члены Союза Благоденствия. Списки стихотворения были обнаружены у воспитанника Александра Абрамова, который жил у инспектора Горного кадетского корпуса. Следует также учесть, что в 1820 году в Горном кадетском корпусе риторика, поэзия и мифологию преподавал Никитин, секретарь «ученой республики».²¹ Через него стихотворение могло попасть в Горный кадетский корпус, в квар-

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 3245, бумаги В. Н. Каразина, лл. 39 и 42 об. Здесь же находится список стихотворения «Гений отечества».

²¹ «Формулярный список о службе и достоинстве надворного советника Андрея Никитина» находится в ЦГИАЛ (ф. 1162, оп. 286, ед. хр. 761).

тиру инспектора и т. д. Правда, Александр Амбромов говорил своему приятелю, что «у него есть прекрасные стихи, якобы сочинение Измайлова». Но свидетельству Амбромова едва ли следует придавать серьезное значение, так как последний пользовался слухами. А молва могла исходить только от противников Измайлова. Измайлов сам принес это стихотворение Каразину. В конце 1820 года Измайлов выступил в защиту Каразина, он посорился с «соровнователями» и в «Благонамеренном» атаковал «ученую республику». Приписать Измайлову такое стихотворение, как «Гений отечества», было выгодно тем, кто его сочинил и распространял.

Автором «Гения отечества» безусловно должен был быть офицер, каким-то образом причастный к семеновской истории и искавший случая выступить в защиту Семеновского полка. Он апеллировал к общественному мнению, в частности к Александру I, напоминая тому пример Петра Великого. Такие настроения в осенние месяцы 1820 года были характерны для участников тайных организаций, они-то и агитировали в пользу семеновцев. Г. А. Перетц в своих показаниях признавался, что на заседаниях общества «Хейрут», действовавшего в 1820 году параллельно с Союзом Благоденствия, говорили «о строгости, подавшей повод к семеновскому бунту». В день восстания в Семеновском полку Глинка встретил Перетца у Поцелуева моста и сказал ему: «У нас начинается революция», и «рассказал о бунте», по словам Перетца. Рассуждали на заседаниях тайного общества, где председателем был Глинка, также «о строгом с сим полком поступлении» и о том, что «покойным графом Милорадовичем якобы обещано было прощение». Под старость Глинка не любил вспоминать о своей декабристской молодости, но встретившись в 60-е годы с вернувшимися из ссылки М. И. Муравьевым-Апостолом и И. Д. Якушкиным, он откликнулся «Стихами о бывшем Семеновском полку».

Но перед вами отличался
Семеновский прекрасный полк.
И кто ж тогда не восхищался,
Хвала и ум его, и толк,
И человеческие манеры?..
Влюбившись от души в науки
И бросив шпагу спать в ножнах,
Они в их дружеских семьях
Перо и книгу брали в руки,
Сбираясь, по служебном дне,
На поле мысли, в тишине...
Тогда гремел звучней, чем пушки,
Своим стихом лицейский Пушкин.
И много было... Все прошло!
Прошло и уж невозвратно,
Все бурей мутною снесло,
Промчалось, прокатило мимо...²²

²² «Русская старина», 1875, № 12, стр. 422—423.

Вместе со стихотворением «Гений отечества» Каразин 28 октября послал еще два списка: «Подражание первой сатире Буало» А. Бестужева и «К временщику» Рылеева. Первое стихотворение он снабдил кратким примечанием: «Александра Александр. Бестужева (гвардии офицера), члена Общества люб. сл. и наук, читана в июле 1820 года». Сатира Рылеева была прокомментирована более подробно: 1) «Цензурою пропущено и напечатано в „Невском зрителе“. Кажется, лично на гр. А. А. Аракчеева»; 2) «Из Воронежа, племянник известного, в отставке. Читано в Общ. л. с. ноября 11 1820 года». Сатира «К временщику» по списку Каразина имеет следующие концевые стихи:

Но если злобный рок, злодея полюбя,
От гнева правого и сохранит тебя,
Вострепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство:
Его правдивого и страшного суда
Не избежит порок и злоба никогда.²³

Списки стихотворений должны были подтвердить, что в Петербурге дух вольности «распространяется день ото дня более». До гр. Кочубея дошли фамилии главных вольнодумцев: Федор Глинка, Н. И. Тургенев, Рылеев и А. Бестужев. В напряженные осенние дни 1820 года Рылеев и Александр Бестужев в политическом доносе фигурируют среди деятелей Союза Благоденствия. И это очень важно! Однако вернемся к Каразину.

5

Вместо того чтобы занять место у престола или хотя бы стать директором статистического департамента, Каразин, тогда уже пятидесятилетний человек, отец семейства, попал в Шлиссельбургскую крепость. Принципиальный противник «дерзновенных» республиканцев сам был уличен в вольнодумстве и заподозрен в составлении прокламации семеновцев к Преображенскому полку, которая носила характер призыва к восстанию против царя и дворянства. Вопрос об авторстве революционных прокламаций 1820 года до сих пор остается открытым. В. И. Семевский считал, что автором воззваний могли быть сами декабристы, что прокламации вышли из недр тайного общества.²⁴ С. Н. Чернов говорил, что автора октябрьских прокламаций следует искать «не из офицерского политического общества, а из солдатской среды».²⁵ Последующие исследователи (М. В. Нечкина, С. Б. Ожунь,

²³ Списки стихотворений А. Бестужева и К. Рылеева находятся среди бумаг В. Н. Каразина (лл. 43—48).

²⁴ «Былое», 1907, № 2, стр. 89.

²⁵ С. Н. Чернов. Из истории солдатских поселений в начале 20-х годов. Сб. «Бунт декабристов», Л., 1926, стр. 56—128.

В. В. Пугачев) полностью разделяют точку зрения С. Н. Чернова.²⁶ Высказываются предположения, что автором прокламации был флейтист-музыкант, солдат Преображенского полка (фамилия его остается неизвестной). Дежурный генерал Главного штаба А. А. Закревский докладывал 3 декабря 1820 года начальнику штаба П. М. Волконскому: «Сочинитель бумаги, найденной у унтер-офицера Преображенского полка, открыт: это флейтщик того же полка».²⁷ М. И. Байтин и В. В. Пугачев в статье «Политические идеи солдатской прокламации 1820 г. „К преобразенцам“» настаивают на идентичности «бумаги», отобранной у музыканта Преображенского полка, с прокламацией, подкинутой в Преображенские казармы. Однако они не приводят самого текста «бумаги». Да и может ли в данном случае «идентичность» служить основанием для авторской атрибуции? Если «бумага» действительно совпадает полностью с прокламацией, т. е. фактически является воззванием «К преобразенцам», то и в таком случае флейтист-музыкант мог просто выступить в качестве распространителя этой «бумаги» или быть одним из читателей ее. На основании письма А. А. Закревского трудно окончательно говорить об авторстве прокламации.

Прокламация «К преобразенцам» была написана «человеком дерзким», «возмутительным, но умным» (по характеристике А. А. Закревского в письме к П. М. Волконскому). Содержание прокламации имеет ярко выраженный антидворянский характер (дворяне «давно уже изнуряют Россию»). Не может быть примирения и с самим царем (цари тоже тираны — Павел I, его сын Александр I). Прокламация призывает «истребить тирана и вместо его определить человека великодушного, который бы всю силу бедности народов мог ощущать своим сердцем и доставлять средства к общему благу». В армии должны произойти коренные изменения, прежде всего необходимо назначить «начальников из своего брата — солдата». «Когда старые начальники по всем полкам будут сменены и новые учреждены, то Россия останется по сему случаю без пролития крови. Если сего не учините и станете медлить в сем случае, то вам (солдатам, — В. Б.) и всему отечеству не миновать ужасной революции!». Говорится также и о новой форме государственного правления: «Взамен государя должны заступить место законы, которые отечеством за полезные будут

²⁶ Обычно считалось, что осенью 1820 года распространялись две прокламации — «К преобразенцам» и «К воинам». С. Б. Окунь считает, что была одна прокламация, что «К воинам» — всего лишь концовка прокламации «К преобразенцам» (С. Б. Окунь. Очерки истории СССР (конец XVIII—первая четверть XIX в.), Л., 1956, стр. 321). Серьезная аргументация в пользу существования одной прокламации содержится в статье М. И. Байтина и В. В. Пугачева.

²⁷ М. И. Байтин и В. В. Пугачев. Политические идеи солдатской прокламации 1820 г. «К преобразенцам». «Известия высших учебных заведений», Правоведение, I, Изд. ЛГУ, 1960, стр. 146.

признаны. По такому народ должен управляться через посредство начальников».

Прокламация действительно поражает своим демократизмом, ненавистью к дворянам и царю, прекрасным знанием народной жизни, чаяний крестьян и солдат. Но следует ли из этого, что данный выдающийся политический документ, содержащий развернутую характеристику социально-политического строя и продуманную программу преобразования России, создан неизвестным музыкантом Преображенского полка? Полагаем, что в прокламации работала напряженная мысль революционных пропагандистов, что она создавалась отнюдь не в самый момент восстания Семеновского полка, но готовилась заранее и с большим творческим напряжением. Возможно, что прав Н. К. Шильдер, писавший, что «по всей вероятности, эту прокламацию сочинил один из будущих декабристов».²⁸

Стиль прокламации — лишнее свидетельство большой интеллектуальной работы и политической образованности неизвестного автора. Трудно представить, чтобы простой солдат, пусть даже овладевший грамотой, мог самостоятельно создать столь блестящий пропагандистский документ. Революционное сознание солдат и крестьян той поры тоже не следует переоценивать. Призывать к насильственному свержению самодержавия могли и дворянские революционеры, наиболее революционно настроенные. Оставляя вопрос об авторстве открытым и соглашаясь с В. А. Федоровым, что прямым образом декабристы не участвовали в подготовке восстания в Семеновском полку, мы не считаем возможным утверждать, что дворянские революционеры не были способны преодолеть классовую ограниченность, идти впереди солдатских масс. Возможно, что и в 1820 году отношение между семеновцами и будущими декабристами были более прочными, нежели о них можно судить по материалам военносудных комиссий. Здесь нельзя исходить только из свидетельств деятелей Союза Благоденствия. Иногда события народной жизни переклещивали политические замыслы и тактику Союза Благоденствия, опережали декабризм. На волне солдатских движений могли появляться революционные деятели, которые начинали действовать самостоятельно, независимо от Союза Благоденствия, но непременно учитывая настроенные народных масс и общую ситуацию в стране. Такими революционерами, ставшими во главе солдатского движения, в 16-ой дивизии были Михаил Орлов и Владимир Раевский. В Петербурге к восстанию в Семеновском полку огромный интерес проявили будущие руководители Северного общества, особенно Александр Бестужев и Рылеев. Известно, что Александр Бестужев посетил семеновцев в Кронштадте «на другой день отправки» их

²⁸ Н. К. Шильдер. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование, Т. IV. СПб., 1898, стр. 186.

из Петербурга. Рылеев тоже не являлся членом Союза Благоденствия, но именно он опубликовал в октябрьской книжке «Невского зрителя» прокламацию в стихах «К временщику». Рылееву приписывается очерк «Возмущение старого лейб-гвардии Семеновского полка». Возможно, что автором другой записки в защиту семеновцев — «Нечто о возмущении Семеновского полка» — был Николай Бестужев.²⁹ Такое предположение не без некоторых оснований высказывает И. В. Порох. Агитационное стихотворение «Гений отечества», прославлявшее семеновцев, вышло из декабристских кругов, автором его был, по-видимому, Федор Глинка. Получается довольно показательный список возможных авторов всех этих пропагандистских документов, написанных в защиту семеновцев: Александр Бестужев, Рылеев, Николай Бестужев, Федор Глинка. В Союзе Благоденствия состоял только Глинка. Наконец, Г. С. Батеньков свидетельствует, что Рылеев сожалел о пропущенной возможности поднять восстание в 1820 году. Рассказывая о встрече с Рылеевым незадолго до 14 декабря, Батеньков писал в Следственную комиссию 22 марта 1826 года: «Рылеев прислал просить меня к себе убедительно. Я зашел, и он встретил меня известием, что целый полк может быть на стороне либералов и что он посылает просить к себе Трубецкого. Здесь Рылеев говорил, что один подобный случай, а именно — неповиновение Семеновского полка, был уже пропущен и что не должно повторять ошибок».³⁰

1820—1822 годы в истории декабристского движения (особенно в Петербурге) содержат для исследователей много загадочного. Это можно сказать и о тех прокламациях, которые распространялись по Петербургу, и об авторах их, которые до сих пор остаются неизвестными, и о тех политических кружках, которые действовали независимо от Союза Благоденствия. Трудно представить себе, чтобы Александр Бестужев, Рылеев и Кюхельбекер (вспомним хотя бы его лекцию в Париже) в 1820 году выступали в одиночку. Не зная, кто именно являлся автором прокламации (дворянский революционер или простой солдат), мы должны также отметить огромное влияние солдатского движения на формирование мировоззрения будущих декабристов, крупнейших деятелей Северного общества.

Однако прежде чем стать выдающимися революционерами, возглавить тайное общество, Рылеев и Бестужев используют Вольное общество любителей российской словесности для широких политических и литературных связей. Наивно думать, что на открытых заседаниях «ученой республики» читались стихи в защиту

²⁹ Записка «Нечто о возмущении Семеновского полка» опубликована в «Литературном наследстве» (т. 69, кн. I, стр. 362—372). Вступительная статья И. В. Пороха, публикация С. Б. Окуня.

³⁰ «Литературное наследство», т. 59, стр. 111—112.

Семеновского полка. Но были и более частные встречи (в частности, в квартире Глинки, а потом и Рылеева), и на этих неофициальных встречах читались потаенные стихи. Для нас важен сам факт: Рылеев и Бестужев, состояя в «ученой республике» и еще не являясь членами Северного общества, занимаются революционной пропагандой и подают пример истинной гражданственности. Особенно велика заслуга Рылеева и Бестужева в создании политических стихотворений, которые не могли быть опубликованы, но читались в узком кругу друзей и распространялись в списках. Никто из декабристов-литераторов той поры не сумел отразить так правдиво солдатских и крестьянских настроений, нежели эти два поэта «ученой республики». В прокламации говорится о порядках в армии, о бесчеловечном отношении к солдатам. Говорится также и о положении крепостных крестьян, о дворянах, которые являются главными угнетателями. В прокламации: «Хлебопашцы угнетены податями: многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю». «Большая часть наших солдат взимается из крестьян, такого класса людей, который не знает другого состояния, кроме неволи» — в записке «Нечто о возмущении Семеновского полка». «По две шкуры с нас дерут: Мы посеем, они жнут» — из песни Рылеева и А. Бестужева «Ах, тошно мне». «В судебных местах ни малого нет правосудия для бедняка» — в прокламации. В той же песне Рылеева и Бестужева:

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде:
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Все основные мотивы песни «Ах, тошно мне» можно обнаружить в прокламации, найденной в конце октября 1820 года во дворе Преображенских казарм. Что касается мотива возмездия («... искоренить пронырство тиранов» и т. д.), то песня «Вдоль Фонтанки-реки» развивает именно этот мотив: «Разве нет у вас свинца На тирана-подлеца...». В сводный текст этой песни входит похвала Семеновскому полку:

Да Семеновский полк
Покажет им толк!
Слава!³¹

А. Бестужев датирует подблюдные песни 1822 годом. Полагаем, что песня «Вдоль Фонтанки-реки» — одна из первых этого цикла, написанная под недавним впечатлением событий в Семеновском полку. Возможно, что Бестужев несколько смещает дату

³¹ Там же, т. 59, стр. 115.

создания песни о семеновцах. Приведенные выше материалы свидетельствуют, что и в 1820 году Бестужев и Рылеев охвачены антимонархическими настроениями и уже участвуют в создании декабристской потаенной поэзии. Не случайно они оба попадают в донос Каразина.

Александр I был убежден, что прокламация вышла из недр тайного общества, а восстание в Семеновском полку всего лишь недоразумение, вызванное частными причинами. 5 ноября 1820 года Нессельроде сообщал Новосильцеву в Варшаву: «Сударь, через последнего курьера, прибывшего сюда из Петербурга, мы узнали о беспорядках, которые имели место в Семеновском полку. Важно, чтобы это событие не было извращено в печати и чтобы не возникло никаких ложных предположений. Это особенно важно в настоящее время, когда злонамеренность и либерализм стараются использовать в своих целях любой факт, малейший инцидент, не считаясь с причинами, которые могли вызвать эти события. Вследствие этого е. и. в. приказал нам изложить здесь же приложенную заметку, которая содержит точный рассказ о том, что произошло в Петербурге в дни 17 и 18. Это простое изложение фактов наглядно показывает, что все рассуждения о том, что мятеж в Семеновском полку был вызван исключительно частными причинами, а не политической или ниспровергающей тенденцией, подтвердились».³²

6

Вернемся к Каразину. Борьба с Каразиным приобретает несколько неожиданные формы. Именно Каразин осенью 1820 года выступал в качестве тайного политического обозревателя семеновской истории и тех толков и слухов, которые распространялись в Петербурге в тревожные осенние дни 1820 года. И как это ни странно, именно Каразину пришлось отвечать за воззвание семеновцев к преображенцам, он был превращен в «козла отпущения». Узнав о восстании в Семеновском полку, Александр I указывал гр. Кочубею на необходимость «бдительно наблюдать за Гречем и за бывшими в его школе» и не «терять из виду Каразина и его происков». Ясно, что Каразин к семеновской истории не имел никакого отношения. Это лучше всех знал петербургский генерал-губернатор Милорадович. По просьбе командира гвардейского корпуса Васильчикова Милорадович, как известный генерал, участник Отечественной войны, популярный среди солдат, отправился к семеновцам, чтобы уговорить их подчиниться воинским порядкам и стать в строй. Но и Милорадович не подействовал,

³² Письмо Нессельроде от 5—17 ноября 1820 года цитируется по статье С. С. Ланда «О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России» (Пушкин и его время, стр. 193).

не произвел впечатления. На его «увещания» солдаты отвечали, что «они готовы перенести всякие наказания, какие угодно будет начальству над ними произвесть, но терпеть притеснения полковника Шварца не в состоянии, равно не могут построиться потому, что за нахождением роты под арестом не к чему пристроиться, причем настоятельно требовали освобождения оной».³³ Знал Милорадович и о прокламации, разбросанной во дворе Преображенского полка. Явившись к своему начальнику, Федор Глинка нашел Милорадовича «бледным и встревоженным». В подобном «взволнованном положении» он еще не видел Милорадовича.³⁴ И было от чего волноваться. В своем донесении от 29 октября 1820 года Александру I Милорадович писал: «Оберполицмейстер вручил мне 27 числа прилагаемую при сем в копии бумажку, наполненную злобными и дерзкими выражениями».³⁵ Речь шла о прокламации «От семеновцев к преображенцам». В руках Милорадовича был уже не один список этой прокламации. По подозрению в составлении ее и за распространение столь «возмутительного» воззвания были арестованы и заключены в Шлиссельбургскую крепость фельдфебель Преображенского полка Карманов, флейтщик того же полка Васильев, писарь Семеновского полка Федоров, ротный писарь лейб-гвардии Измайловского полка Моторов, крепостной Федор Россин. Прокламацию в Петербурге подбрасывал какой-то «юродивый», фамилия которого так и осталась неизвестной. Однако открыть истинного автора прокламации Милорадовичу так и не удалось. Между тем Александр I был больше всего озабочен тем, чтобы автор был непременно открыт. 3 января 1821 года он писал из Лайбаха гр. Кочубею, чтобы тот в свою очередь передал генерал-губернатору Милорадовичу о необходимости «толково» провести дело и, если «будет возможно, открыть источник происхождения пасквиля и даже всей истории в Семеновском полку» так, что «она произведена людьми, не принадлежащими к числу военных, а лицами вроде Каразина и комп.».³⁶ Греч вышел сухим из воды, а Каразин был арестован. В ответ на первое письмо императора гр. Кочубей 26 ноября докладывал, что «приказания, которыми ваше императорское величество удостоили почтить меня, от 10-го сего месяца (ноября, — В. Б.), я получил с вчерашним курьером, внимательно вникнув в те повеления, которые вы даете мне относительно Каразина, я не нашел никаких поводов к тому, чтобы временноить его арестование».³⁷

Такое быстрое решение в отношении Каразина кажется по меньшей мере странным. Всего несколько дней тому назад Кара-

³³ В. А. Федоров. Солдатское движение в годы декабристов, стр. 108.

³⁴ «Русский архив», 1875, № 7, стр. 328.

³⁵ В. А. Федоров. Солдатское движение в годы декабристов, стр. 128.

³⁶ Бумаги Н. Ф. Дубровина, № 340, л. 33.

³⁷ «Былое», 1907, № 2, стр. 98.

зин был в полном доверии у гр. Кочубея и даже передавал слухи, ходившие по городу. Из переписки Александра I с гр. Кочубеем можно заключить, что судьба Каразина зависела исключительно от императорского повеления. 22 января 1832 года гр. Чернышев, вспоминая о событиях в Семеновском полку, признавался в письме к гр. Бенкендорфу: «В 1820 году при возмущении л. гв. Семеновского полка подкинут был на дворе Преображенских казарм самый злостный пасквиль, коим полк Преображенский вызываем был восстать на защиту и освобождение сослуживцев и проч. По сличению поддельного почерка сего пасквиля с почерком г. Каразина, по некоторым выражениям и беспокойному его нраву пало подозрение, что бумага сия могла быть им написана, и государь император, получив оную в Лайбахе, исполненный негодованием, повелеть изволил В. П. Кочубею и покойному гр. Милорадовичу взять бумаги Каразина, а самого его отправить в Шлиссельбургскую крепость, что и было тогда же сделано».³⁸ История ареста Каразина требует некоторых дополнительных разъяснений. Александр I, занятый на конгрессе в Троппау, получал сведения из Петербурга и на основе их отдавал свои приказания. Известно, что сообщения о волнениях в Семеновском полку шли от командира гвардейского корпуса Васильчикова, гр. Кочубея и генерал-губернатора Милорадовича. В частности, П. Я. Чаадаев отправлялся в Троппау с инструкциями от корпусного командира и, сверх того, от гр. Милорадовича. Следует прежде всего ответить на вопрос: кому принадлежала первая попытка создать дело о Каразине — Кочубею или Милорадовичу? Переписка Александра I с гр. Кочубеем падает на 10 и 20 ноября 1820 года, но еще 29 октября гр. Кочубей признавался в письме к Александру I, что у Милорадовича «явилась мысль арестовать» Каразина. «Мысли наши, — писал гр. Кочубей, — обратились к Каразину не потому, чтобы у генерала М., который учредил за ним тщательный надзор, явились какие-нибудь указания, но потому, что известно дурное направление его мысли, его беспокойство и его страсть к интригам. У генерала М. явилась мысль арестовать его. Но хорошенько подумав, мы решили, в данное время следует избегать всякого шума, раньше, чем у нас появится уверенность».³⁹ Так или иначе участь Каразина не могла быть решена без вмешательства Милорадовича.

Милорадович учредил за Каразиним тайный надзор и ждал удобного случая, чтобы выполнить свое решение. Достаточно было поручику Лубецкому обнаружить под окнами дома, где жил Каразин, список революционного воззвания, как такая «уверенность» возникла и повод к аресту появился. 27 октября Каразин разговаривал с гр. Кочубеем о «вольномудцах», в частности

³⁸ «Русская старина», 1904, № 6, стр. 19.

³⁹ «Былое», 1925, № 2 (13), стр. 80.

о Н. И. Тургеневе; на следующий день, т. е. 28 октября, он представил списки вольнодумных стихотворений; 29 октября Милорадовичу явилась мысль арестовать Каразина. 24 ноября Каразин посетил гр. Кочубея и довел до его сведения разговор, состоявшийся в Михайловском дворце; 26 ноября Милорадович отдал распоряжение об его аресте. В тот же день обер-полицеймейстер Горголи захватил бумаги Каразина и доставил их Милорадовичу в пяти больших пакетах. Предварительный просмотр бумаг показал:

«1. В бумагах Каразина не найдено ничего, что б указывало на прямое участие его в последующих происшествиях или сочинении известной его императорскому величеству бумаги. В журнале его заключаются, однако же, несколько статей, к Семеновскому полку относящиеся, которые, быв списаны буквально, при сем прилагаются.

«2. Из бумаг статского советника Каразина, наиболее внимание обративших, суть журналы, он записывал ежедневно или по мере как материалы представлялись, рассуждения свои на книги, которые читал, разговоры свои, вести слышанные; замечания для составления разных бумаг и пр.».

В деле «Об арестовании ст. сов. Каразина и о содержании его в Шлиссельбургской крепости» имеется опись бумаг, отобранных при аресте. Большинство каразинских рукописей было уничтожено, и в описи лаконично сказано:

«1. Бумаги Каразина и разные политические суждения. 1821 г. Уничтожить.

«2. Бумаги Каразина с разными суждениями. Уничтожить».⁴⁰

Вот и все, что известно об уничтожении этих бумаг по распоряжению Милорадовича. Если бы в бумагах Каразина находились материалы, компрометирующие их автора, то нужно полагать, что они нашли бы отражение в следственном деле. Бумаги просто уничтожены, и содержание их в описи не разъяснено. В описи ни слова не сказано, что записи наполнены «зловредными» мыслями или имеют какое-либо отношение к революционным воззваниям. Наоборот, сказано, что «не найдено ничего, что б указывало на прямое участие его в последующих происшествиях или сочинении известной его императорскому величеству бумаги...». Что касается «журналов», куда Каразин заносил «вести слышанные» и «замечания для составления разных бумаг», то о содержании их можно судить по тем дневным запискам, которые мы цитировали.

Следственное дело о Каразине вызывает много недоуменных вопросов. Прежде всего скажем о судьбе доноса, к которому было приложено стихотворение «Гений отечества». Александру I было

⁴⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 710 на 16 л.

официально доложено, что стихотворения «никто не видал и не читал», а было «нечто вроде бунта между учениками Академии художеств», и эти ученики сочинили песенку. Вместо агитационного стихотворения «Гений отечества» на высочайшее рассмотрение был послан текст солдатской песни:

Ну, ребята, чур дружнее
За товарищей стоять,
С злым начальником жить тошнее,
От него чем погибать.
Полно, полно уж доселе
Нам на сих тварей смотреть,
Лучше быть солдатом в поле,
Чем их глупости терпеть.
Нам к терпенью ль приучаться,
Стужу, голод переносить,
Но с друзьями лишь расстаться,
Ах! что ж делать, как же быть?

Но и эта песенка не была невинной, она написана, конечно, не воспитанниками Академии художеств, а солдатами и в защиту семеновцев («За товарищей стоять. . .»). Песню «Ну, ребята, чур дружнее» Михаил Бестужев читал солдатам Московского полка.⁴¹ На солдатский вопрос «что ж делать, как же быть?» отвечала прокламация, призывающая восстать против дворян и царя. Прокламация была подброшена не только во двор Преображенского полка, но и на Литейном, под окнами квартиры Каразина. Квартальный поручик Лубецкий донес частному приставу Литейной части, что когда он пришел к Каразину с объявлением приказанья о явке к генерал-губернатору Милорадовичу, то Каразин выразил недоумение, по какому делу его потребовали, и тут же произнес: «Не по пасквилю ли, найденному на улице под окнами его, что он в том ничего не знает и что на улице много бывает людей, кои могли таковой подбросить». Гр. Милорадович приказал обер-полицеймейстеру Горголи снять письменный допрос: «О какой именно бумаге он упоминает? Что она в себе заключала? От кого он узнал, что она была подкинута под его окошки? Когда и в какое время?». Каразин отвечал на предложенные ему вопросы:

«О пасквили же сказал я ему, повторяя только, что я уже прежде говорил как ему, так и Вашему превосходительству за несколько дней. Именно разнесшемся в городе слуху (который наряду с другими и до меня дошел, но от кого, ей-богу, не помню) о каком-то безумном отзыве лейб-гвардии Семеновского полка к Преображенскому и по следованию за моими людьми, мне очень больно было, что подозрения такого рода могли на меня упасть.

⁴¹ Интересные сведения о песне «Ну, ребята, чур дружнее» сообщает Л. А. Мандрыкина в комментариях к статье «Агитационная песня „Вдоль Фонтанки-реки“ и участие А. И. Полежаева в ее распространении» («Литературное наследство», т. 59, стр. 120—121).

Я предлагал, не помню, ему ли, г-ну пристава или Вам простейшее средство: без околичностей заставить всех живущих в моей квартире написать несколько строчек, чтобы сличить их с найденным пасквилем. У его сиятельства, господина военного губернатора, спросил я насчет подозрения о пасквиле, желая, во-первых, чтоб он не имел обо мне столь подлых мыслей, во-вторых, на уме у меня было продолжать: впрочем, сим обстоятельством можно воспользоваться, чтоб пустить в публику, якобы я взят по подозрению о сочинении сего пасквиля, дабы она попала на самую истину, т. е. что я взят за смелые мои изъяснения. Чтобы вышеупомянутый пасквиль был подкинут именно под мои окошки, не помню, чтоб я это и говорил кому-нибудь и даже думал бы, а воображал я, что он найден где-нибудь близко, так как я жил на Литейной, недалеко от Преображенского полкового двора. Но думал также и теперь думаю, что написавший такую бумагу не станет ее бросать у себя под окнами.⁴²

Каразин не смог оправдаться, хотя всем делом было доказано, что он не причастен к семеновцам и не был автором революционной прокламации. 15 февраля 1821 года Каразин сделал последнюю решительную попытку снять с себя обвинение. В своих показаниях он утверждал, что пасквиль, который ему приписывают, если и существует, то только в «воображении частного пристава Лубецкого».

«Вероятно, — писал Каразин, — теперь допрошены уже все мои люди и прочие того довольно обширного дома, где я жил, он угольный на две улицы, из коих одна многолюдная Литейная: следовательно, из множества хоть бы один кто мог показать, что видел или слышал о поднятии сей бумаги, кто-нибудь бы описал ее содержание или по крайней мере наружный вид и т. д. И полиция при своей деятельности могла бы получить какую-нибудь нить, дабы добраться до истины. Самые выражения г-на Лубецкого „найденные у окон моих“ не могли быть мною сказаны, потому что они не заключают по обстоятельствам никакого смысла. Я жил в третьем этаже, следовательно, подо мною было два жилья и занимал на обе улицы не два или три окна, но, помнится, пятнадцать. Что бы значило в сем случае „у окон моих?..“. Вся история, на коей основывается г. Лубецкий и, к сожалению моему, военный губернатор (бессмертный начальник арьергарда российской армии 1812 года), произошла следующим образом: в конце октября или в начале ноября месяца, когда в С.-Петербурге на площадях и улицах говорили о Семеновском полку с разными прибавлениями, то в числе сих последних упоминали и о каком-то якобы воззвании от имени сего полка к Преображенскому, кото-

⁴² ЦГИАМ, III отд., экз. 1, № 6, на 320 л. (О заключении в крепость статского советника Каразина, лл. 79 и 80 об.).

рое-де найдено. Этот слух в числе прочих дошел и до меня, но от кого именно, не вспомню, ибо весьма многие об этом говорили, как я думаю, и полиция известно. Важнейшее я по краткопамятности моей записываю обыкновенно в дневной моей записке, которую по тетрадам в лист веду издавна, единственно для себя (тут и пороки мои, и глупости, и семейные ссоры), и которую я просил г-на обер-полицмейстера, запечатав при жене, передать в собственные руки его в <еличест>ва. Не знаю, сделано ли это? Там мой государь может ясно видеть все мои тайны, мои связи и знакомства. . . и буде бы по сему предмету что-нибудь малейшее могло быть, то оно там непременно замечено хотя одним словом. Вскоре за разнесшимся слухом посетил меня полицейский офицер, не помню, по какому поводу, присматривался в моих комнатах, любопытствовал у человека моего, который в передней обыкновенно переписывал у меня разные, большею частию статистические бумаги, и вышел. Вслед за тем приехал в первый раз 5-й частный пристав Лубецкий под предлогом, чтобы познакомиться со мною. В тот самый день или на другой по приказанию полиции делали переключку моим людям, выспрашивая о грамотных, потом адресовались к одному из них две, вероятно, подсланные женщины, чтобы он написал им просьбу к государыне императрице. Все эти по крайней мере неприятные посещения заставили меня словесно пожаловаться г-ну обер-полицмейстеру. Я ему сказал откровенно, что буде следование идет о пасквиле, о котором носится слух в городе, то проще всего, кажется, заставить всех людей, в том умеющих грамоте, написать по несколько строк, чтобы сличить сходство почерка с найденной бумагой. Через несколько дней, платя визит г-ну Лубецкому, я и ему повторил то же, прибавив, может быть, что нельзя подозревать всех живущих у того места, где пасквиль найден. Это случилось гораздо прежде требования меня к г-ну военному губернатору. Увидев его, Лубецкого, в последний раз с сим требованием, весьма естественно было встретить его вопросом: „Не опять ли по предмету пасквиля?“.

«Когда мне думать о пасквилях своих или чужих? Кто и когда заметил меня с сей черной стороны? Их пишут обыкновенно молодые люди, злодеи, коим терять нечего. Был ли один пример в свете, чтоб человек моих лет, моего звания, моего имени уже, смею сказать, обдумал из гнусного удовольствия такого сразу, губить себя, жену, семерых детей? Стыдно его п-ву военному губернатору не остановиться на этой мысли, точно так, как стыдно ему не знать, что могут существовать и добродетель и патриотизм в России. . . И если б я это знал, то таким же образом немедленно и откровенно донес бы его в <еличест>ву через то же посредство г-на управляющего министерством внутренних дел, как донес я о сочинении полковника Шелехова и прежде доносил о других: ибо шло бы к моему предмету, подкрепляя смысла моего дерзновенного представления о грозящей нам опасности. Если б ж я

имел о сей бумаге сведения такого рода, чтобы через них мог себе повредить, то по здравому рассудку менее бы всего следовало мне спешить объясняться об этом и притом нарочно с чиновниками полиции! Чтобы человеку с умом приняться за столь гнусный предмет, каков есть пасквиль, то надобно иметь цель какую-нибудь: мщение или желание возмущать народ. За что мне мстить обожаемому мною из юношества государю! Он недавно перед сим меня с семейством освободил от тяжелого долга. Во втором же предположении надобно быть уверенным, что такая бумага произведет свое действие. На сей конец, в столице огромной, каков есть С.-Петербург, мало написать экземпляров или два, которые легко замнутса на улице людьми и экипажами или достанутся в безграмотные руки. Надлежало бы заготовить множество экземпляров: следовательно, иметь в своем распоряжении типографию. Без чего столь незаконная или, лучше сказать, совсем безумная мысль не может прийти в порядочную голову независимо от сердца. Теперь все, независимо от того, каково сердце, согласно ль хоть с полуздравым каким умом, в одно время сочинять пасквили и писать открыто к тому же правительству представления, моим подобные. Не похоже ли это на то, как бы убийце, преднамеревающему совершить свое злодеяние, в то же время предостерегать свою жертву. Наконец, о сердце осмеливаюсь заметить, что неестественно сделаться человеку вдруг злодеем; когда прежде сего в С.-Петербурге, в Москве или в Украине, где я жил, замечены за мною вредные намерения? Когда и кому выражался я подозрительным образом насчет государя? Я уверен, что теперь все мои знакомые и малознакомые спрошены, все возможные справки собраны, все бумаги здешние и украинские перерыты, я в крепости, но смело утверждаю, что ничто не могло свидетельствовать против меня с сей стороны». ⁴³

Это показание Каразина, своеобразный протест против несправедливого суда Милорадовича, написанное в одиночной камере Шлиссельбургской крепости, осталось без всякого внимания. Милорадович прекрасно знал, что Каразин не имеет никакого отношения к воззванию семеновцев к Преображенскому полку. Петербургский генерал-губернатор сам принимал непосредственное участие в собирании данных о настроениях в солдатской массе, в его руках были сведения, что рядовой гвардии Егерского полка Гущеваров говорил в харчевой «Веселые острова» о революции («вся гвардия взбунтуется и сделает революцию») и защищал семеновцев, что рядовой Преображенского полка Макар Сергеев во дворе казарм «бранил Шварца тираном» и хвалил семеновцев («хорошо Семеновский полк сделал»). ⁴⁴ Однако на Каразина

⁴³ ЦГИАМ, рукопись без номера «Ответные пункты В. Н. Каразина от 15 февраля 1821 года» (Приложение к делу «О заключении в крепость статского советника Каразина»).

⁴⁴ В. А. Федоров. Солдатское движение в годы декабристов, стр. 118.

обрушились все удары, и он должен был отвечать за революционную прокламацию. Милорадович продолжал заверять Александра I, что в Петербурге тайного общества не существует и в войсках все спокойно. И гр. Кочубей, ссылаясь на мнение и сведения Милорадовича, признавался, что «не существует решительно никаких указаний на существование незаконных обществ». Милорадович внушил свое мнение гр. Кочубею о Каразине как о подстрекателе и добился его ареста.

В семеновской истории подозревали, в частности, Греча, и Александр I требовал обратить на него особое внимание. Греч остался цел и невредим, хотя на том же основании можно было и его посадить в Шлиссельбургскую крепость. Но этого не случилось. Повторяем, что странные и непонятные вещи происходили в канцелярии петербургского военного генерал-губернатора. Осенью 1820 года Греч выступал в роли свидетеля по делу Каразина.⁴⁵

Нужно думать, что мог показать о Каразине такой свидетель, как Греч, после мартовских событий в «ученой республике». Обеспокоенный за судьбу Каразина, митрополит Евгений 22 октября 1820 года писал В. Анастасевичу из Пскова: «Жаль В. Н.-ча! Ему лучше отрясти прах петербургский от ног своих и удалиться опять на Украину, где он славнее, нежели в столице. Кочубей только проводит его по-министерски, и я верю критическому его спросу у Греча о нем».⁴⁶

Каразину не пришлось долго ждать удаления из Петербурга, его отправили без суда, ограничившись следствием Милорадовича, под надзор полиции в Кручино.

И это не единственный случай, когда Милорадович направлял удары в сторону тех, кто доносил на соратников Глинка. История с Каразиним напоминает расправу с корнетом лейб-гвардии Уланского полка Роновым, о которой мы будем говорить в дальнейшем. Не исключена возможность, что прокламация, столь таинственно появившаяся под окном каразинской квартиры, есть заранее придуманная инсценировка с целью уличить неугодного человека в неблагонадежности. Непонятна во всей этой темной истории роль пристава Лубецкого. Неоднократные посещения каразинской квартиры и разговоры с жильцами не имели успеха, и ничего существенного, компрометирующего Каразина, пристав, подосланный Милорадовичем, добыть не мог. Наконец, появ-

⁴⁵ Привлечение Греча, антагониста Каразина по Вольному обществу любителей российской словесности, в качестве свидетеля тем более странно, что в руках Александра I находилась записка «К сведению», в которой говорилось, что самыми деятельными членами Союза Благоденствия являются поручик Гвардейского штаба Муравьев, состоящий по армии генерал-майор Фонвизин, адъютант генерала Киселева капитан Бурцов, Греч, Глинка, двое Тургеневых, отставной ротмистр Давыдов, ротмистр Лунин, недавно принятый в службу в третью уланскую дивизию (Дело о рассмотрении в Комиссии бумаг, найденных в кабинете покойного государя: ЦГИАМ, ф. 48, ед. хр. 12, л. 36 и об.).

⁴⁶ «Русский архив», 1889, № 7, стр. 375.

ляются «подсланные женщины», которые «выспрашивают о грамотных». Эти и многие другие детали следственного дела свидетельствуют о желании во что бы то ни стало найти причины для ареста Каразина. Дело было создано без единого серьезного обвинения. Против Греча имелось больше улик: ему приписывали стихотворение «Гений отечества», он отвечал за воспитание солдат в ланкастерских школах, либеральничал. Когда Чаадаев явился к Александру I, государь стал спрашивать о подробностях восстания в Семеновском полку. «Я, может быть, грешу, — говорил Александр I, — но очень подозреваю Греча». Чаадаев пытался убедить, что Греч тут решительно не при чем.⁴⁷ Понятно, что и Греч не имел никакого отношения к семеновской истории, хотя и произносил в то время либеральные фразы и заведовал школами взаимного обучения для гвардейских солдат. Но факт остается фактом: несмотря на подозрения Александра I, Греч остался цел и невредим, а Каразин, выступавший как разоблачитель «дворянских людей, наполненных демократическими правилами», попал в крепость. Не помогли и протесты Каразина. Они дальше канцелярии петербургского генерал-губернатора не пошли. Для Милорадовича было ясно, что Каразин ни в чем не повинен, кроме того, что имел «дурной характер». Каразинские доносы получили довольно своеобразную характеристику: «страсть к интригам». Без всякого суда Милорадович закончил процесс, удалив «интригана» из Петербурга. Такое решение особенно было на руку Глинке. С пути был убран опасный противник, доносивший гр. Кочубею и Александру I о масонских ложах и каком-то тайном обществе, один из виновников удаления Пушкина из Петербурга.

7

И не стоял ли на пути Каразина тот же Глинка, чиновник особых поручений, который так талантливо использовал свое служебное положение для прикрытия замыслов тайного общества? В 1820 году Греч принимал живейшее участие в деятельности Вольного общества училищ по методу взаимного обучения и постоянно сотрудничал в Вольном обществе любителей российской словесности. Семеновская история в правительственных кругах в какой-то мере связывалась с деятельностью ланкастерских школ, которыми руководил Греч. Разоблачение Греча могло бы привести к крайне нежелательным результатам и прежде всего к раскрытию тайных замыслов Союза Благоденствия.

Милорадович был рад устранить Каразина. В осенних записках, предназначавшихся для гр. Кочубея, Каразин не щадил петербургского военного губернатора и давал понять, что он дей-

⁴⁷ В. И. Семевский. Волнения в Семеновском полку в 1820 г. «Былое», 1907, № 1, стр. 33.

ствуется опрометчиво, а его осведомители — бестолково и даже преступно. Каразин выступал разоблачителем «легкомысленного» Милорадовича и всей его канцелярии. Одну из «тайн» в кабинете Милорадовича раскрыл в свое время С. Н. Чернов в «Отчете о командировке в Москву летом 1924 года» (Саратов, 1925). Но прежде необходимо сослаться на любопытный «Разговор вице-адмирала Д. Н. Сенявина с министром внутренних дел гр. Кочубеем». Печатаемая этот «Разговор», редакция «Русского архива» сообщала, что публикуемый документ получен от наследников тайного советника М. М. Попова вместе с «Запиской о тайных обществах в России, составленной в 1821 году», т. е. вместе с доносом Грибовского. Содержание «Разговора» сводится к следующему: 8 ноября 1820 года вице-адмирал Сенявин приехал к гр. Кочубею с просьбой немедленно принять его, так как обстоятельство, о котором он узнал только вчера, «поразило его самым чувствительным образом» и должно быть передано без всяких отлагательств. «Ему сказано было, будто существует здесь какое-то общество, имеющее вредные замыслы против правительства, и что почитают его (Сенявина, — В. Б.) начальником или головою этого общества». «Всякому легко понять можно, — продолжал вице-адмирал, — сколько подобное заключение должно ему быть оскорбительно; что, служив всегда с честью, приобрев и чины и почести, имея большое семейство и отроду 60 лет, он с прискорбием видит себя подобным образом очерненным, тогда как он, вышед в отставку, живет почти в уединении и мало куда ездит». Выслушав Д. Н. Сенявина, гр. Кочубей признался, что он «слышал о существовании какого-то общества, но не слышал, что он, вице-адмирал, был главным орудием общества». Вместе с тем гр. Кочубей подчеркнул, что он всегда считал вице-адмирала человеком «благородным и благомыслящим». На вопрос гр. Кочубея: «Кто сказал?». Д. Н. Сенявин ответил: «Честь моя требует не компрометировать приятеля, который со слезами открыл ему гнусное обвинение». Гр. Кочубей признался, что не он руководит полицейским надзором и одновременно посоветовал обратиться по этому вопросу к Милорадовичу. Со словами «Как можно выдумать подобную гнусную клевету!» Д. Н. Сенявин простился с гр. Кочубеем, рассчитывая получить ответ и совет у гр. Милорадовича.⁴⁸

В октябре или в начале ноября 1820 года командир гвардейского корпуса генерал И. В. Васильчиков зашел к Милорадовичу, чтобы совместно обсудить полученные сведения и решить, что делать дальше. Об этом посещении рассказывает в своих следственных показаниях Федор Глинка: «В продолжение сует по Семеновской истории приехал однажды ген. Васильчиков (с ним был адъютант, помнится — Протасов) и разговаривал наедине с гра-

⁴⁸ «Русский архив», 1875, № 12, стр. 431—433.

фом вверху в его комнате у камина. Спустя долго, — рассказывает Глинка, — граф кликнул меня и велел подписывать подорожные. Тогда Васильчиков уже отходил, и граф сказал следующее: „Ну, вот этот Батурич! Его подбил полицейский шпион, а он стянул с меня 700 рублей, чтобы потчевать ваших уланских офицеров и выведывать. А теперь уланы спокойны; офицеры в истории совсем не участвуют; Ронов — молоденький мальчик, а Сенявин оказался прав. Вот как все делается!..“. Васильчиков сказал что-то на полицейских — и расстался. После, когда я отвезил бумагу к гр. Кочубею, он, окончив со мной разговор, сказал: „Ну, теперь доложите графу Михаилу Андреевичу, что об известном деле — о корнете Ронове — я уже имел счастье донести от себя государю императору“». Глинка по памяти восстанавливает разговор Васильчикова с Милорадовичем и к тому же многое не досказывает. Выделим из рассказа Глинка главное: 1) какой-то «полицейский шпион» подбил следственного пристава Батурина и выманил у него 700 рублей; 2) «Ронов молоденький мальчик, а Сенявин оказался прав»; 3) Глинка с пакетом отправляется к гр. Кочубею, который в заключение состоявшегося разговора просил чиновника особых поручений (он же один из руководителей Союза Благоденствия) доложить гр. Милорадовичу, что «об известном деле — о корнете Ронове» уже сообщено Александру I.

Прибавим странную беседу вице-адмирала Сенявина с гр. Кочубеем. Все это куски одного целого, отрывки какой-то загадочной истории, главным действующим лицом которой является корнет Ронов. Под предлогом болезни, как об этом свидетельствует рапорт командира гвардейского корпуса ген. И. В. Васильчикова на имя Александра I 26 ноября 1820 года, Ронов получил разрешение задержаться на 15 дней в Петербурге. Настоящая цель его задержки состояла в том, что ему ген. Васильчиков после личного объяснения с ген. Милорадовичем поручил доставлять сведения по части политических слухов. Ронов охотно взялся за шпионаж и уже имел некоторые успехи на новом поприще. Используя семейные знакомства, Ронов проник в дом вице-адмирала Сенявина, познакомился с сыном адмирала, молодым поручиком Финляндского полка Н. Д. Сенявиным, который тогда уже состоял членом общества «Хейрут», созданного Глинкой в качестве своеобразного филиала Союза Благоденствия. Поручик Сенявин поведал тайну Ронову, и доносчик не замедлил доложить гр. Милорадовичу о существовании «какого-то тайного общества, конституцию занимающегося». Но ровно через пять дней после того, как Ронов сообщил о существовании тайного общества, в кабинете Милорадовича произошла неожиданная сцена. Милорадович уличил Ронова во лжи, требовал доказательств и говорил, что никакого тайного общества не существует. Окончательно растерявшись, Ронов заявил, что общество «уже отыскать не может». Через

три дня состоялась очная ставка с молодым Сенявиным, который настойчиво отрицал донос Ронова, заметив при этом, что он знал «некогда в масоны, а про конституцию не объявлял». Чтобы окончательно уронить Ронова, подорвать веру в его донос, кто-то «со слезами» поспешил сообщить старику Сенявину, прибавив при этом, что его, вице-адмирала, считают «головой» тайного общества. Пораженный «самым чувствительным образом», старик Сенявин явился к гр. Кочубею и стал протестовать против «гнусного обвинения» и т. д.

Спрашивается, какое отношение вся эта история с Роновым и Сенявиными (отцом и сыном) имеет к Каразину? Оказывается, что самое непосредственное. Не следует забывать, что Глинка отвозил гр. Кочубею бумаги о корнете Ронове и имел с ним продолжительную беседу. Из разговора с Кочубеем Глинка мог узнать и о тех дополнительных сведениях, которые по «известному делу» были собраны управляющим Министерством внутренних дел. Что мог гр. Кочубей «донести от себя государю императору»? Кочубей в письме от 26 ноября 1820 года доносил Александру I, что «не существует решительно никаких указаний на существование незаконных обществ. Граф Милорадович убедился (что В<аше> в<еличество> узнает прямо от него), что преступно намеревались ввести правительство в столь грубое заблуждение. В<аше> в<еличест>во, конечно, повелите, чтобы предали суду Ронова и других».⁴⁹

Однако у Кочубея имелись и другие донесения, касающиеся деятельности полиции и непосредственно Милорадовича. В откровенном разговоре с Глинкой Кочубей мог сказать и об этих неприятных для военного генерал-губернатора толках и слухах. Здесь мы снова встречаемся с Каразиным, с его запиской о Ронове и Сенявине. Записка эта до сих пор не публиковалась, поэтому мы приводим ее полностью.

«По секрету. 1820-го ноября 16. Рассматривая обстоятельно и с беспристрастием разыскания, производимые насчет Общества недовольных правительством и замышляющих ниспровергнуть существующий в государстве порядок, убедиться должно, что Общество сие существует только в голове некоторых людей, окружающих в<оенного> г<енерал>-г<убернатора>, которые знают слабые стороны его, нарочито заводят в хлопоты для собственных выгод.

«Начало сему послужил распущенный к<орнетом> л<ейб>-г<вардии> У<ланского> п<олка> Р<оновым> слух, будто бы п<оручик> л<ейб>-г<вардии> Ф<инляндского> п<олка> С<енявин>, продержавший его целый день у себя, подал ему тайный знак и, вышедши на Измайловское парадное место, приглашал вступить

⁴⁹ Письмо гр. Кочубея от 26 ноября 1820 г. Копия среди бумаг Н. Ф. Дубровина (№ 340, л. 35 и об.).

в Общество, имеющее на своей стороне всю гвардию, в особенности 3-х полковников л<ейб>-г<вардии> С<еменовского> полка, некоторых полковников и большую часть ротных и эскадронных командиров, готовых с новым годом провозгласить конституцию и ввести новый порядок в государстве.

«Открытие сделано Р<онову> ночью, на пустом парадном месте, наедине. Клятва, предполагаемая им при вступлении в Общество, утратила его: он боялся сделаться членом, дабы не нарушить долга верноподданного; но, зная силу и число членов Общества, болтал о сем и нимало не страшился мщения их, о чем нельзя было ему не помыслить и которое необходимо должно существовало последовать, естли бы Общество действительно существовало, имело сильных членов и принуждено было под видом своим скрывать до времени тайну. Малая вероятность сего вымысла открывается с первого вида. Предполагая всегда, что каждый член действует по пути, предначертанному целым Обществом, и приглашает каждого непосвященного в тайны с общего согласия, можно ли подумать, чтоб один член стал привлекать человека, ничего не значащего и ни к чему не способного, когда необходимо еще до времени скрывать глубочайшую тайну и действовать скрыто из-за непроницаемого покрывала? Вероятно, что такое Общество старалось бы привлекать людей видных, отличных умом и дарованиями, сильных связями в обществе, богатых, недовольных правительством; людей же ничтожных, потерянных и готовых на все тогда только употребило бы, когда нужно уже действовать явно, нет надобности более скрываться и когда все готово. Но Общество сие намеревалось начать не прежде нового года: по сему могло ли оно верить тайну Р<онову>, коротко известную в доме С<енявина>, человеку развратному, дурного поведения, болтуну, выгнанному из канцелярии К. В., из л<ейб>-г<вардии> И<мператорского> п<олка>, нетерпимому в У<ланском>, словом, ни к чему не способному и ничего не значащему?»

«Если нет тайны в том, что известно двум, то могла ли она долго существовать между 60 и наконец между 200 человеками, особенно если были выбираемы такие люди, как Р<онов>?»

«Предположив, что действительно что-либо существовало, правительство немедленно должно было принять деятельные меры, ибо цель общества есть всеобщий переворот в государстве. Прежде всего необходимо было узнать и подробно исследовать источник, из которого почерпнуто первое сведение. Пренебрегать ничем не должно, но надобно различать гнилой, зараженный источник от чистого, не подверженного сомнению. Естли после сего первый слух оказался вероятным и заслуживал внимания, то в таком важном случае половинные меры ни к чему не годятся. Нужно было тотчас же схватить сомнительных людей, забрать их бумаги и одним ударом прекратить самое существование Общества и отнять всю возможность к дальнейшим покушениям.

«Теперь что же сделал в<оенный> г<енерал>-г<убернатор>?»

«Первое сведение, доставленное ему шпионом Ф<огелем>, известным изобретателем небылиц, торгующим своею должностью и готовым продать начальника своего за весьма умеренную цену. Верно почти можно сказать, что при действительном существовании Общества Ф<огель> по жадности к деньгам и по привычке торговать совестью надеялся более получить от недовольных, чем от правительства за открытие тайны, погрозил бы им, взял деньги, да и замолчал, но в сем случае Ф<огель>, раскрасивши слух, который нужно было сначала точнее исследовать, представил в виде важного государственного дела в<оенному> г<енерал>-г<убернатору>».

«С<енявин> приглашал Ронова, С<енявин> имеет отца, которого предполагают быть недовольным правительством: следовательно, он член Общества. В<ице>-а<дмирал> С<енявин> в связи с Б. П. И. Г. и другими: только проиграл значительную тяжбу, кто только имеет какую-нибудь причину быть недовольным или когда-либо говорил слишком дерзко и неосторожно, кто приходит к подозрительным заговорщикам, особенно не в обыкновенное время, или присидит у них несколько часов, все записаны в список. Для большей важности они трудятся над составлением конституции. П. имеет связь с Англиею, Г. С. послан туда Обществом для совершенного окончания».

«Картежные игроки, держащие в домах своих банк, также удостоены сей чести, и Н. с товарищами, кроющиеся при постыдном ремесле своем, поставлен в списке недовольных».

«Таким образом, правительство обязано стало иметь на виду целую кучу мнимых заговорщиков, людей большею частью значительных, и еще большее число неизвестных, ежедневно изобретаемых Ф<огелем>, и тем приведено было в затруднительное положение. Как уверяют, в<оенный> г<енерал>-г<убернатор> не в силах скрывать на душе тайны: что на сердце, то и на языке. Вероятно, при том, что в сем деле не соблюдена надлежащая осторожность и не сообщены сведения о сем Обществе многим лицам, хотя всегда за тайну, которую обыкновенно с большим рвением передают друг другу, ибо глухой толк дошел и до подозреваемых, доказательством чему служит появление в<ице>-а<дмирала> С<енявина> у <правляющего> м<инистерством> в<нутренних> дел и в<оенного> г<енерал>-г<убернатора> с объяснением по сему предмету и с испрашиванием совета: нужно ли писать ему к его императорскому величеству. Люди сии, видя себя понапрасну подозреваемыми, могли действительно сделаться недовольными, другие, узнав, что многие столь значительные и в обществе уважаемые особы по пустому слуху подвергаются столь великой опасности, станут также опасаться: боясь подосланных шпионов, начнут заператься; прервав все связи в обществе, от скуки станут роптать, вымышлять, и таким образом самый честный человек не

станет считать себя безопасным, легко и естественно умножится число в самом деле недовольных, составят общество.

«Между тем в <военный> г<енерал>-г<убернатор> вместо того, чтобы исследовать источники и взвесить всю вероятность слуха, поручает Ф<оголю> дальнейшее разыскание. Сей, поддерживая новыми изобретениями составленную им историю, приписывая каждый день в списке несколько новых лиц, отговаривается трудностью по причине холода наблюдать всю ночь за домом Г. г., где живет глава Общества П. и где собираются прочие члены. „Дом стоит на открытом месте у канала, многие приходят пешком и переодевшись“. Такая отговорка не только смешна, но может быть принята, но в таком деле заслуживает наказания; и если действительно трудились над составлением конституции и, следовательно, было уже на бумаге, то шпионы не стоят гроша, когда не умеют ничего добыть.

«Р<онов> боится вступить в Общество. Для одобрения и руководства его назначается с<ледственный> п<ристав> Б<атурин>, который вместе с ним должен выведать все тайны и вступить в связь с заговорщиками. Как же просто и добродушно сие Общество, которое допускает в недро свое всем известного с<ледственного> п<ристава>, человека, дурного во всех отношениях и весьма недалекого ума. В<военный> г<енерал>-г<убернатор> полагает, что члены Общества примут с распростертыми объятиями Б<атурина> в надежде получить через него все сведения о распоряжениях правительства; но кто же помыслит, что Б<атурин> в силах доставить оные, и стоит ли какого-либо внимания Общества, которое не умело найти другого к достижению сего пути? Впрочем, для облегчения и лучшего успеха выдано Б<атурину> 800 рублей.

«Наемный извозчик в<ице>-а<дмирала> С<енявина> вместо 7 часов, в которые назначено явиться, приехал в 10. На вопрос о причине медленности отвечал, что призван в полицию, и дал показание, куда возит в<ице>-а<дмирала>. Нечего сказать о полиции: славно показала умение действовать!

«Вероятно или нет, но утверждают, что С<енявин> получал безымянные записки с предостережением, что, идя к Ш. (как сам говорил Г. К. и Г. М.), слышал разговор трех мимо шедших неизвестных о тайных обществах молодых офицеров, в которых и он участником. Е. П. Л. В. заметил уже, что это не молодой человек, который в пылу страстей мнит везде блистать и отличаться: опытность и лета научили его лучше смотреть на последствия. Конечно, он не устремится на то, что может произвести общую пагубу, а его служба, его приверженность к отечеству дают право ожидать от него лучшего.

«Присовокупя распоряжения в<военного> г<енерал>-г<убернатора>, легко видно, что тайна сия не есть более тайна, что она должна быть известна подозреваемым, что они могли принять

свои меры, и естли бы действительно что-либо замышляли или были виновны, то, конечно, бросились бы к решительному: но до сих пор не слышно, чтобы кто-нибудь скрылся или причина себе насильственную смерть (а в числе 200 нельзя не замешаться несколькими трусам) или поспешили бы привести в исполнение свое предприятие. Чего им ожидать? Самое благоприятное для злонамеренных людей было время, когда полк Семеновский находился в волнении: на их стороне 3 полковника и, вероятно, некоторые из ротных командиров их членов; но они не помыслили, и сей случай упущен. С приездом государя императора все будет потеряно; ибо его величество одним словом может рассеять с одного конца государства в другой всю гвардию, и следственно, исчезнет вся надежда на подкрепление преклоненных на их сторону войск, а новых уговорить и сохранить тайну в столь большом члене не так легко и требует многого времени, в продолжение которого какой-либо случай все откроет и разрушит. Неужели люди, решившись на столь важное преступление и между которыми у многих никто не станет оспаривать ума, не подумали о сем и слепо полагались на судьбу?

«Пкоручик» С«енявин» говорит: „Носится слух, что я приглашал Р«онова» в какое-то тайное общество. Это величайшая ложь. Зная коротко сего человека, мог ли я быть столько глуп, чтобы вверить ему какую-нибудь тайну? Все дело состояло в том, что между разговорами жаловался я на некоторые несправедливости со стороны правительства. Я желаю конституции, но знаю, что насильственный переворот приносит одни бедствия и что та конституция только хороша, которая дана будет самим государем, как его величество и обещал. Я никогда не был революционером, а готов на все, чтобы доказать гнусность вымысла“.

«Молодой человек сей хорошо воспитан, добрых правил, ревностен по службе и может быть отличным офицером. Естли он действительно когда-либо объяснялся дерзко и неосторожно, то, кажется, лучше всего дать ему доброе наставление, но строгость может произвести неприятное впечатление. Ее припишут не вине молодого человека, но намерению преследовать отца, на стороне которого общее мнение, а правительству не бесполезно избегать всякого случая, в котором могут вменить ему несправедливость».

«Говоря о действиях полиции по сему предмету, нельзя оставить без внимания и прочих ее распоряжений, особенно относительно войск в настоящем случае. По донесениям ее, дух войска вообще дурен, и доказательства тому: говорят, слышно и прочие безличные. Естли выставляется лицо, то или чиновник полиции, или кто-либо на ее жалованьи. Дух войска не был нимало хуже, как в обыкновенное время, даже, можно сказать, лучше. Если б оный был худ, то без сомнения обнаружился бы. Другие полки, когда не стали бы подражать Семеновскому, по крайней мере ропотом дали бы знать свое неудовольствие, но при всех распро-

сах начальства и самого в<оенного> г<енерал>-г<убернатора> ничего такого не вышло. Нимало не странно, что сначала заговорили много: каждая новость не обращает ли на себя внимания, а сия тем естественнее долженствовала сделаться предметом всеместных жарких суждений, что происшествие, беспримерное в отечестве нашем, не было известно обстоятельно. Смотрели на одну сторону и судили по тому о всем. Видели, что один из лучших полков гвардии, которого сам государь удостоил быть шефом, посажен в крепость, видели странное поведение онного, непонятное упрямство в одном и исполнении прочих повелений, видели действия начальства, кои по неизвестности побудительных причин представлялись строгими, насильственными. Разумеется, что говорили много, судили жарко, но когда узнали лучше дело, то сами солдаты не оправдывали своих товарищей. Строгость в сем случае была необходима. Благоразумие требовало мер решительных, и одни пустые головы не согласятся на сие, не зная, как за что приняться. Впрочем, судить после происшествия легко, но когда в деле неизвестны еще все обстоятельства, когда можно было опасаться, чтобы не распространился сей пагубный дух неудовольствия и самоуправства, действовать было весьма затруднительно. Удовлетворивши в одном, последствия были бы гораздо хуже. Тогда пример слишком был бы соблазнителен; требованиям самым дерзким не было бы конца, и кто поручится, что буйная и не могущая судить толпа солдат, видя немедленное удаление по первому требованию своему полкового командира, не потребовала бы удалить кого-нибудь и больше? Правительство, показав однажды слабость, невольно попало бы во власть буйных голов, и нет ничего труднее, как обуздать чернь, которой дали раз потачку и которую легко могут наущать беспокойные люди. Напротив сего, решимостью и строгостью дали почувствовать навсегда, что не боятся ничего, и пример сей весьма может быть полезен, и, может быть, нельзя еще исчислить всех последствий. Суждений и толков необходимо следовало ожидать, надобно было показать вид, что на них не обращают ни малейшего внимания, а между тем, действуя благоразумно, более бы узнали, ибо, полагаясь на мнимую невнимательность, многие перестали бы быть осторожными и обнаружили себя. К несчастью, полиция поступила совершенно противно. Она бросила кучи шпионов, кои, вовсе не понимая дела, все назло портили и действовали как нарочно хуже. Не зная, с которой стороны приняться, а желая выслужиться, не давали солдатам нигде прохода и необдуманно вопросами обнаруживали себя. Едва солдат сделает несколько шагов куда-либо, едва возвратится в казармы, везде приставали к ним люди, которых прежде не видали в глаза, но кои тотчас как бы у старого знакомого по доверенности без всякого приступа спрашивали, не думают ли и они подражать семействам? Солдаты скоро заметили переодетых, с навязанными бородами и наклеенными усами чиновников полиции, которых легко

могли узнать, подсылаемых публичных девок, кои, без разбору быв назначаемы, могли в восторге проговариваться, содержателей мелочных лавок, которые прежде и не думали ни о чем спрашивать, а теперь вдруг захотели обо всем знать, и проч. Наблюдавшие офицеров не лучше знали свое дело. В трактирах, где хотели наблюдать, привязывались к всякому и грозили появлением следственного пристава, давая чувствовать, что эта особа есть они сами. Сие породило явный ропот, и проистекшая от того недоверчивость может иметь дурное влияние на нравственность. Видя себя понапрасну подозреваемыми, тотчас помыслят, что, верно, чего-либо да боятся.

«Еще хуже, что начали подкупать офицеров и солдат, чего товарищи не могли не заметить. Ежели в войске начнут один раз подозревать товарищей, опасаться их и скрываться во всем, то уже после поправить сие чрезвычайно трудно. Зло, укоренясь однажды, останется навсегда. Исчезнут дружба, взаимность, доверенность, отличающие воинов и поддерживающие добрый дух, начнутся сплетни и интриги, и историям, самым неприятным для правительства, не будет конца. Какой-нибудь наемный шпион, желая выкачать свою деятельность, всегда найдет за деньги или за посулы готовых к услугам, в доказательство начнет ссылаться на настроенных им, ибо в 30 000 без дурных людей обойтись не можно, нарочно даже будут изобретать и делать что-либо похожее, дабы прикрыть себя, а непосредственное военное начальство, мимо ведома которого станет всегда действовать полиция, не зная источника, будет в вечных хлопотах. Ежели подчиненный не из любви к отечеству, не по привязанности к службе, по личной своей выгоде доводит обо всем до сведения высшего начальства, минуя ближайшее, это дурно, хотя может быть иногда извинительно, но мимо всего своего начальства быть в услугах полиции за деньги во все нетерпимо. Надобно мыслить не об одном настоящем. Ежели сим средством теперь откроют, несколько более чего, впрочем, при лучшем распоряжении и без того достигнуть можно, зато впоследствии, когда напортится нравственность войска, может произвести, особенно в военное время, общую пагубу. Тот, кто привык легко приобретает деньги и жить лучше, чем состояние дозволяет, не видя честного пути удовлетворять новым своим нуждам, сделавшимся необходимыми, легко может сделаться переметчиком. Переставши быть в услугах полиции, станет служить врагу отечества.

«Множество разносимых нелепых слухов имеют источником не дурное расположение солдат и офицеров, а то, что слышат иногда они, особенно молодые или недалёковидные, в обществах и что после, не размысля, по глупости или безрассудству, пересказывают по-своему. Есть даже начальники, не совсем чистые с сей стороны и подавшие повод к рассказам, объяснясь весьма некстати и неосторожно при подчиненных. Последнее тем хуже, что болтун всегда опирается на слышанное от старшего, следственно, вероят-

ное. Впрочем, не только в настоящем случае, но и вообще чаще всего бывает, что рассказ какой-либо, начавшись пустяками, пустяками и кончается. Надобно показывать вид, что сколь можно менее обращают внимания на разговоры; разумея, что необходимо бдительно наблюдать, только не к каждому слову привязываться. Излишнюю строгостью легко можно довести до крайности, тогда замолчат, но станут скрыто действовать. От проливных дождей несется с горы порывистый ручей. Поставьте преграду: он прервет ее или изроет новый путь и нанесет более вреда. Оставьте течь естественным путем: вода скоро сбежит и следов не станет заметно».⁵⁰

Записка Каразина любопытна во многих отношениях. Она требует специального изучения. Историки декабристского движения найдут в ней новые факты и сведения, проливающие свет на осенние события 1820 года, предшествующие московскому съезду, на котором был распущен Союз Благоденствия. Для нас эта записка представляет более частный интерес. В ней довольно точно воспроизводится несколько загадочное «дело» Ронова—Сенявина. В записке содержится резкая критика Милорадовича и его агентов. Каразин приходит к выводу, что об «обществе недовольных» у Милорадовича самые поверхностные сведения, что по ним нельзя судить об антиправительственной оппозиции. Автор записки склонен полагать, что в Петербурге тайное общество окончательно еще не оформилось, иначе бы оно воспользовалось семеновской историей для возбуждения всеобщего «неудовольствия». 19 ноября Каразин делает к основной записке дополнение и тоже «по секрету»: «Теперь, кажется, утвердительно можно сказать, сколь нелепен был вымысел, объясненный в записке 16 ноября. Если бы Общество недовольных действительно существовало, то в настоящем случае, при объявлении высочайшего решения участи Семеновского полка, не упустило бы воспользоваться. Оно раздуло бы пламя неудовольствия; увеличило, представило в ужасном виде дело сие; устрало бы прочих подобною участью; старалось бы тронуть сердце, обольстить ум; словом, истощило бы все соблазны, в таком случае употребляемые. Но все прошло спокойно; высочайшая воля принята с покорностью и никто не осмелился роптать».⁵¹

При всем том, что Каразин явно ошибается в оценке обстановки, создавшейся после восстания в Семеновском полку, и упускает самого себя, записка от 16 ноября полна прямых и скрытых обвинений в адрес Милорадовича, который плохо разбирается в создавшемся положении и постоянно делает непростительные промахи. Милорадович окружил себя явно неблагонадежными людьми, которые используют свое служебное положение в корыстных целях. Даже политические агенты (Фогель, Батурин) «тор-

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, ед. хр. 154, лл. 2 об. — 8 и об.

⁵¹ Там же, л. 2.

гуют своей должностью и готовы продать начальника своего за весьма умеренную цену». Милорадович увлекся разоблачением «болтуна» Ронова. Но судя по записке Каразина, этот «болтун» был хорошо осведомлен в замыслах тайного общества. Факт остается фактом. Молодой Сенявин предложил вступить Ронову в «общество недовольных» и многое рассказал, назвав даже количество членов общества — 200 человек (точное указание состава Союза Благоденствия). Фактически в руках Милорадовича находились подробные данные о существовании Союза Благоденствия и его основной цели («провозгласить конституцию и ввести новый порядок в государстве»). Молодой Сенявин безусловно рассчитывал на Ронова, но ошибся, посвятил в тайны общества человека беспринципного, трусливого, «ничего не значащего и ни к чему не способного». В данном случае с характеристикой Каразина нельзя не согласиться. Милорадович, вместо того чтобы «принять деятельные меры» и «подробно исследовать источник», создал «дело» о неудавшемся шпионе Ронове и «мнимом заговорщике» старике Сенявине. Каразин явно возмущается таким способом действий: «Нужно было тотчас же схватить сомнительных людей, забрать их бумаги и одним ударом прекратить самое существование Общества и отнять всю возможность к дальнейшим покушениям». Милорадович «схватил» Ронова, затем направил своих шпионов для собирания слухов, распространяемых среди солдат. «К несчастью, полиция, — замечает Каразин, — поступала совершенно противно, она бросила кучи шпионов, кои вовсе не понимая дела, все назло портили и действовали как нарочно хуже. Не зная, с которой стороны приняться, а желая выслужиться, не давали солдатам нигде прохода и необдуманными вопросами обнаруживали себя».

История с «молоденьким мальчиком» Роновым кончилась печально для доносчика, а не для тайного общества, которое так и не было раскрыто. Милорадович словесно объявил Васильчикову, что Ронов, получая деньги за доставляемые им сведения, очной ставкой с Сенявиным уличен во лжи. Именно об этом разговоре «наедине» передает Глинка в своих показаниях: «Ронов — молоденький мальчик; а Сенявин прав. Вот как все делается!», — говорил Милорадович. В рапорте от 26 ноября 1820 года Васильчиков докладывал императору: «По личному объяснению моему с господином санктпетербургским военным генерал-губернатором дал я позволение корнету лейб-гвардии Уланского полка Ронову пробыть в Санкт-Петербурге 15 дней под предлогом болезни. Сей офицер нужен был для доставления сведений по части полиции. После того гр. Милорадович словесно объявил мне, что г. Ронов, получая деньги за доставляемые им сведения, очною ставкою с обвиняемым им уличен совершенно в ложности своих показаний. Офицер таких свойств не может быть терпим не только в гвардии и армии, но даже ни в какой гражданской службе; а потому долгом по-

ставляю всеподданнейше просить ваше императорское величество о повелении отставить его от службы с подтверждением впредь никуда не определять».⁵² Через месяц, 30 декабря 1820 года, дежурный генерал Главного штаба А. А. Закревский сообщал министру внутренних дел гр. Кочубею «высочайшее» приказание (от 8 декабря) об отставке со службы Ронова «за несвойственный офицерскому званию поступок и отправке его в ту губернию, где у него есть родственники, в один из уездных городов под присмотр полиции с предписанием, чтобы никуда никогда из этого города выпускаем не был».⁵³ Незадачливый доносчик был сослан в Псков, потом в г. Порхов с условием, чтоб из этого города «выпускаем не был», члены тайного общества оставались в Петербурге и продолжали действовать. Министр внутренних дел гр. Кочубей, полностью доверявший Канцелярии военного генерал-губернатора Милорадовича, успокаивал императора и доносил, что в Петербурге тайного общества не существует.

Рассказывая о встрече генерала Васильчикова с гр. Милорадовичем и состоявшемся при закрытых дверях разговоре о Ронове и о своей встрече с гр. Кочубеем, Глинка ни словом не обмолвился о личном участии в этом деле. Едва ли можно сомневаться, что именно Глинка сыграл в проверке сведений Ронова решающую роль и несомненно содействовал крушению доносчика. В его руках находился предварительный следственный аппарат; с его стороны могло исходить давление на Ронова, он мог подготовить Сенявина к очной ставке, не допустить Перетца, влиять на Милорадовича и, может быть, устроить инсценировку со стариком Сенявиным, появившимся неожиданно у гр. Кочубея в качестве своеобразного ответчика за сына с просьбой положить конец «отвратительной клевете». Содействуя краху Ронова, Глинка спасал не только молодого Сенявина и его престарелого отца, но и самого себя, так как Ронов напал на свежий след его политических связей. Ценные сведения, подтверждающие донос, мог бы сообщить Г. А. Перетц, но Перетц, несмотря на настойчивую просьбу Ронова, не был привлечен к следствию. Если бы даже он и был вызван к Милорадовичу, то едва ли бы решился на откровенное признание, постоянно ощущая за своей спиной зоркий взгляд Глинки. Отвечая на «учиненные вопросы» Следственной комиссии по делу декабристов 20 марта 1826 года, Перетц признавался, что «несчастие Ронова, например, много содействовало к удержанию меня от открытия правительству о существовании тайного общества». «Глинка, быв в связях по масонству и участию в обществах современателей и взаимного учения и по прежнему влиянию у покойного графа Михаила Андреевича, весьма мог, — говорил Перетц, — вредить, особливо на случай бездоказательного доноса, как

⁵² ЦГВИА, ф. 395, оп. 71-336, 2 отд., 1 стол, св. 177, № 1776/8368, 1820 г.

⁵³ Там же, Отношение А. А. Закревского от 30 декабря 1820 г., № 5215.

законами, так и общим мнением весьма осуждаемого; не могу сказать утвердительно, но полагаю, что влияние его содействовало и несчастью Ронова... Донос, Роновым сделанный или к которому подал повод, оставлен был без уважения, а несчастье его верно остановило других от извещения правительства; но я знал, что тайное общество существовало».⁵⁴

С. Н. Чернов первым указал на донос Ронова и пришел к выводу, что Ронов был обречен на провал потому, что в контролирующем политические сведения органе находился деятельнейший член тайных политических обществ Федор Глинка. «И нельзя не подивиться, — писал С. Н. Чернов, — как, собирая на стороне сведения о тайных политических обществах, петербургский военный генерал-губернатор проглядел около себя одного из фактических руководителей, свившего себе гнездо контрразведки бок о бок с его кабинетом и в полном личном его доверии. Но именно таков был, видимо, этот храбрый воин, не сумевший стать воплощением полицейского начала в столице ни в годину семеновского происшествия, ни позже — в пору декабрьских дней».⁵⁵ С. Н. Чернов склонен объяснить успех «осторожного и искусного руководителя тайного общества» Глинки отсутствием «политического начала» у Милорадовича. Глинка, по словам С. Н. Чернова, «умело разрушал», расстраивал все замыслы своего начальника, «недостаточно искусственного в полицейском деле и политическом розыске». Нам представляется, что и сам Милорадович волей или неволей был втянут в осуществление некоторых мероприятий, проводимых Глинкой по поручению Союза Благоденствия.

⁵⁴ Показания Г. А. Перетца опубликованы в сб. «Декабрист Григорий Абрамович Перетц» (Биографический очерк и документы, Изд. АН СССР, М., 1926). Следственное дело о Г. А. Перетце см.: ЦГИАМ, ф. 58, ед. хр. 66.

⁵⁵ С. Н. Чернов. К истории Союза Благоденствия. «Каторга и ссылка», 1926, № 2, стр. 20.

Следственный комитет по делу декабристов в 1826 году пытался разобраться в сложной истории с доносом Ронова, но более важные дела отвлекли внимание от маленького эпизода из жизни Союза Благоденствия, и следователи ни к какому определенному решению по этому вопросу не пришли. В письме на «высочайшее имя» Ронов подтвердил, что «в ноябре 1820 г. капитан, тогда поручик л. г. Финляндского полка, Сенявин говорил ему, что некто, сын Перетца, приглашает его вступить в какое-то тайное общество, занимающееся конституцией». «Не дав на то согласия своего, Ронов объявил о сем следственному приставу Батурину. Тотчас после сего был потребован к графу Милорадовичу и подтвердил сказанное, но Сенявин отрекся от означенных слов, утверждая, что некогда он приглашал Ронова в масоны. Граф Милорадович сказал Ронову, что он солгал». Сенявин на допросах комиссии и при очных ставках с Роновым показал, что он якобы разговаривал о тайных обществах, существовавших в Италии и Испании, а Ронов «вздумал, что Сенявин уже все знает и даже про те, кои явились в России, и донес графу Милорадовичу». Напротив, Перетц показал, что он принял Сенявина в общество с разрешения Глинки, что «однажды Сенявин, проговорившись корнету Ронову об обществе, был под следствием по доносу его». Глинка, как всегда, отзывался полным незнанием и утверждал, что «Сенявина не знает и разрешения на принятие его не давал» (см. «Алфавит», стр. 166—167).

Союз Благоденствия был заинтересован в том, чтобы важные «служебные места» занимались членами тайного общества, так как через своих людей легче было осуществить специальные задания, предусмотренные «Зеленой книгой». Законоположение предписывало членам Союза Благоденствия «не только не отказываться и не уклоняться от должностей, особенно по выборам дворянства, но, напротив, искать таковых мест».

Глинка, будучи чиновником особых поручений при петербургском генерал-губернаторе Милорадовиче, неуклонно следовал этому правилу, и поэтому взаимоотношения Глинки и Милорадовича заслуживают особого внимания. Глинка был с Милорадовичем в военных походах 1805—1806 годов, по зову Милорадовича он вступил в 1812 году в ряды русской армии, вместе они отступали и наступали в годы Отечественной войны, вместе совершили заграничный поход. В одном из первых своих стихотворений («Стих его превосходительству Михайле Андреевичу Милорадовичу») Глинка воспел Милорадовича и как отважного воина, и как добродетельного гражданина:

Не только знаменит ты мужеством героев
 В дыму и в пламени гремящих, шумных боев;
 Ты в обществе любим. В боях велик с мечом,
 В час сладкой тишины отличен ты умом.
 В беседах дружеских, для обща утешенья,
 Слагаешь ты чины и пышны украшенья;
 Не ввергнув строгостью в уныние сердца,
 Ты подчиненным всем являл в себе отца!
 Дела твои для них пример и поученье;
 Не вынуждено ты снискал от всех почтенье.⁵⁶

Глинка составил жизнеописание Милорадовича; ему посвятил первую республиканскую трагедию «Вельзен, или Освобожденная Голландия»; в «Письмах русского офицера» прославил Милорадовича как героя 1812 года. Милорадович 30 сентября 1818 года был избран почетным членом Вольного общества любителей российской словесности.

Наконец, мы видим Милорадовича и Глинку не на поле боя, а в канцелярии петербургского военного генерал-губернатора. Состоя при Милорадовиче чиновником особых поручений, Глинка смело использует свое служебное положение для борьбы с теми, кто пытается разрушить «священный союз друзей». Чиновник особых поручений, в обязанность которого входило собиранье городских слухов и информация генерал-губернатора о состоянии разных обществ в Петербурге, являлся одновременно одним из руководителей Союза Благоденствия и его «вольных обществ». Сочетание

⁵⁶ «Русский вестник», 1808, ч. 3, стр. 391—392.

двух противоположных «должностей» могло привести к трагической развязке. Грибовский тоже был членом Коренной управы Союза Благоденствия и одновременно агентом тайной полиции.⁵⁷ Но возможен и более редкий вариант: чиновник особых поручений и он же организатор декабристской «контрразведки». Чтобы оправдать себя в глазах членов Следственного комитета, Глинка выдвинул версию об «опасном шпионе», намекнул на свою дружбу с Милорадовичем по части политического сыска. 15 февраля 1826 года, когда было приказано явиться в Комитет для дачи показаний, на вопрос: «Вы были в частом сношении с Рылеевым, Бестужевым, Оболенским, Трубецким?» — Глинка категорически заявил: «Со всеми лицами сими был я в сношении по словесности, а с некоторыми по встречам в домах. Об участии в последнем сем обществе и о намерениях их я ничего не знал. И даже заметил, что они считали меня принадлежащим полиции по частым моим сношениям с графом Милорадовичем». Глинка подчеркивал, что ему приходилось расследовать особо важные дела и выступать в качестве прямого советчика не только графа Милорадовича, но и Александра I. В письме к Николаю I он напоминал, что «было время (в 1820, 1821 и 1822 годах), когда я, с личного ведения его величества, занимался некоторыми делами и одним, смею сказать, очень важным, которое осталось под тайной в его кабинете». Но еще Н. В. Берг в своих воспоминаниях остроумно заметил, что после смерти Милорадовича «Федор Глинка, позванный к допросу, все свалил на покойника, говоря, что он приказал ему сойтись с революционерами, следить за их действиями и передавать все, что заметит. Ответы Федора Николаевича на все возможные вопросы высочайше утвержденной комиссии были так бойки, ловки и естественны, что его велено оставить в подозрении, но никуда не определять».⁵⁸ Об «очень важном» деле, которое осталось в кабинете Александра I, Глинка сообщал настолько туманно, что для членов Следственного комитета оно так и осталось загадкой. Мы уже раскрыли одну из «тайн» кабинета Милорадовича — доносы Каразина и Ронова.

Занимая ответственную должность и будучи благодаря этому в курсе секретных разговоров и правительственных настроений, Глинка имел возможность своевременно предупреждать своих товарищей о грозившей опасности. Сами декабристы в своих воспоминаниях не раз свидетельствовали, что Глинка был для них очень полезным человеком, что через него они получали важную информацию, а главное, знали о поступавших доносах на тайное общество. «После истории Семеновского полка, — рассказывает в своих

⁵⁷ М. К. Грибовский случайно оказался в Союзе Благоденствия. В 1816 году, когда возник Союз Спасения, он в Харькове выпустил реакционную книгу «О состоянии крестьян господских в России», посвятив ее Аракчееву. В ней доказывалась необходимость «рабства и власти господ».

⁵⁸ «Русская старина», 1891, № 1, стр. 247.

«Записках» Фонвизин, — правительство усилило надзор тайной полиции, и это сделалось известно Союзу Благоденствия от одного из «своих» членов «полковника Ф. И. Глинки», который, служа при петербургском военном генерал-губернаторе, узнавал все распоряжения, относящиеся до тайной полиции, и читал даже донесения ее агентов. Это обстоятельство заставило Союз принять благоразумные предосторожности для своей безопасности и с этой целью назначить в Москве чрезвычайное собрание депутатов от разных управ для принятия мер против подозрительности правительства».⁵⁹

Донос Грибовского был вручен Александру I гр. Бенкендорфом в мае 1821 года, а Союз Благоденствия признал себя распущенным в январе того же года. Тогда же, в конце 1820 или в самом начале 1821 года, были уничтожены многие бумаги тайного общества. Таким образом, Союз Благоденствия был закрыт до доноса Грибовского. Одним из поводов к роспуску Союза служил тот факт, что руководители Общества знали о донесениях агентов тайной полиции. Созыв чрезвычайного собрания в Москве в январе 1821 года, на котором было принято решение о закрытии Союза Благоденствия, Фонвизин ставит в прямую зависимость от информации Глинки, и именно это обстоятельство, по его словам, «заставило Союз принять благоразумные предосторожности». На московском совещании Петербург был представлен Федором Глинкой и Н. И. Тургеневым, которые особенно настаивали на прекращении деятельности Союза. О доносах и доносчиках говорил сам Глинка в своих показаниях Следственному комитету. Он должен был говорить, потому что знал о существовании их, знал, что доносы находились в кабинете Александра I. В письме от 21 марта 1826 года на имя Николая I Глинка восклицал: «Но, государь! Клевета с давнего времени преследует меня по пути жизни. Еще в 1821 году сделан на меня донос. Но в бозе почивший император, мудрый и долготерпеливый, в течение двух лет сравнивал слова клеветника с теми обстоятельными донесениями, кои доставляли ему о моем поведении и, наконец, в 1823 году через одну особу, имевшую к нему прямой доступ, соизволил объявить следующее: „Мне описали Глинку человеком опасным, но скажи ему от меня, что он может оставаться спокоен!“». Не получив ответа на свое прошение, Глинка на 21-й день заключения, 2 апреля 1826 года, обратился к генералу Татищеву со вторым письмом, в котором снова напоминал о каком-то доносе, поданном в 1821 году, и приводил слова «в бозе почившего государя»: «Кто же не был жертвой клеветы?». «Еще в 1821 году, — писал Глинка, — сделан был на меня донос, в коем доносчик (облагодетельствованный мною человек) изобразил меня перед императором самыми черными красками. Сие он сделал в представлен-

⁵⁹ Общественные движения в России в первую половину XIX века, стр. 188.

ном им описании прежде бывшего благотворительно-учебного общества». Под «облагодетельствованным человеком» Глинка разумел несомненно Грибовского, которого он на самом деле облагодетельствовал тем, что свел его с генералом Сипягиным и устроил на службу в Гвардейский корпус, кроме того, он ввел этого человека в Общество военных людей и пригласил сотрудничать в «Военный журнал». Грибовский настолько втерся в доверие, что был принят в Союз Благоденствия и поэтому хорошо знал расстановку сил в тайном обществе и его очередные задачи. Вместо благодарности Грибовский написал донос, известную «Записку о тайных обществах в России».⁶⁰ Первым в доносе был поставлен Н. И. Тургенев, а за ним шел Глинка, на них-то Грибовский и рекомендовал обратить особое внимание. Деятельность Глинки в тайном обществе была охарактеризована в следующих выражениях:

«Слабый человек сей, которому некоторые успехи в словесности и еще более лесть совершенно вскружили голову, который помещался на том, чтобы быть членом всех видимых и невидимых обществ, втирается во все знатные дома, рыскает ко всем видным людям, заводит связи, где только можно; для придания себе важности, рассказывает каждому за тайну, что узнал по должности или по слабости начальника; посещает все открываемые курсы, посылает во все журналы статьи, из коих многие не весьма внимательно рассмотрены цензурой, как и в разговорах, так и на письме к стати и не к стати приплетает политику, которой вовсе не постигает, но блеском выражений и заимствованными мыслями слепит неопытных».⁶¹

Если верить Глинке, Александр I, прочитав донос Грибовского, не осудил Глинку и даже сказал, что «он может оставаться спокоен». Глинка передает мнение Александра I со слов высокой персоны, имевшей к императору «прямой доступ», но имя ее он не называет. Вероятно, этой особой был Милорадович, и от него Глинка узнавал о доносах Каразина, Ронова и Грибовского. Известно, что Александр I не придавал должного значения «Записке о тайных обществах в России» и, может быть, действительно сказал: «Кто же не был жертвой клеветы?». Подобное поведение Александра I можно объяснить только тем, что разъяснение по «Записке» Грибовского давал императору Милорадович.

⁶⁰ Некоторые исследователи склонны авторство «Записки о тайных обществах в России» приписывать гр. Бенкендорфу. Но, как об этом свидетельствует письмо гр. Бенкендорфа к бар. И. И. Дибичу от 15 мая 1826 года, автором «Записки» был несомненно Грибовский. «Долгом поставлю присовокупить, что когда чиновнику сему, — писал Бенкендорф о Грибовском, — поручено было разыскать существование предполагаемого тогда тайного общества, то вместе с сим дано ему по воле покойного государя императора обещание, что все открытое сохранится в тайне» (ЦГВИА, № 389, л. 241 и об.).

⁶¹ «Русский архив», 1875, № 12, стр. 425.

Кто же иной мог в 1821 году подавать «обстоятельное донесение» о поведении Глинки? К тому же Милорадович сам был заинтересован выдать донос Грибовского за клевету. В доносе на первом месте фигурировали Глинка и Тургенев, т. е. те самые члены Союза Благоденствия, которые находились под опекой Милорадовича. О дружбе Глинки с Милорадовичем мы достаточно подробно говорили. Скажем несколько слов о Н. И. Тургеневе. Тургенев в конце декабря 1819 года по поручению Милорадовича написал записку «Нечто о состоянии крепостных крестьян в России», которая имела целью побудить правительственные сферы облегчить участь крепостных крестьян и искоренить злоупотребления со стороны помещиков. В этой записке Тургенев выразил точку зрения Союза Благоденствия на крепостное право и законодательство, назвав рабство «коренной несправедливостью», оно «влечет за собою множество несправедливостей, которых устранить невозможно, не устранив самой причины». «Таким образом, — утверждал Тургенев, — зло остается ненаказанным, невинность страдает от беззащитности, правительство не имеет возможности быть равно справедливым ко всем вообще подданным, и одна коренная несправедливость — существование рабства».⁶² Записку Тургенева одобрил Милорадович и под ее впечатлением объявил своих слуг свободными. Напомним, кстати, мнение Тургенева о Милорадовиче. В своем дневнике 23 сентября 1818 года он записал: «Сегодня в Совете я был приятно поражен рассуждениями графа Милорадовича о рабстве и о свободе. Он восставал против рабства, говоря с Шишковым, этим идеалом откровенной глупости и откровенной подлости!».⁶³

В доносе Грибовского были задеты и очернены слишком близкие Милорадовичу люди. Только поэтому он мог стать на защиту их и провалить донос Грибовского. «Записка о тайных обществах в России» была неприятна Милорадовичу еще потому, что в ней доносчик с неуважением отзывался о петербургском военном генерал-губернаторе, который приютил в своей канцелярии члена Союза Благоденствия. Советуя усилить надзор за политически неблагонадежными в Петербурге, которые не замедлят составить новое «скрытнейшее общество», Грибовский считал необходимым «однако ж, при сем сказать, что сего наблюдения вовсе не можно поручать настоящему... петербургскому военному генерал-губернатору, который окружен людьми, участвующими в Обществе или приверженными к ним».⁶⁴ В разговоре с императором Милорадович вынужден был представить тайное общество, о котором писал Грибовский, как безвинную затею молодых людей. Из показаний Глинки Следственному комитету видно, что и он знал о доносе

⁶² Цитируется по сб. «Декабристы» (ГИЗ, 1926, стр. 55).

⁶³ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева, т. III. Под ред. Е. И. Тарасова. Пгр., 1921, стр. 154.

⁶⁴ «Русский архив», 1875, № 12, стр. 429.

Грибовского. Нужно полагать, что Глинка в свою очередь в разговоре с Милорадовичем обрисовал Союз Благоденствия, к тому времени уже распушенный, как филантропическую организацию, где изучали науки и занимались благотворительством. Во время следствия Глинка пытался оправдать себя, ссылаясь на мнение «почившего императора». В действительности он в 1821 году пережил тяжелую драму, едва не лишился служебного положения и не оказался на скамье подсудимых. Вспоминая о 1821 годе, о столкновениях с Геттуном и доносе Грибовского, Глинка в своих ответах на вопросы Следственного комитета от 7 апреля 1826 года писал о своем положении в канцелярии петербургского военного генерал-губернатора:

«Когда Милорадович, по подспудным действиям ябеды и взяточности, на меня рассердился; когда у меня взяли квартиру, содержание, столовые деньги... все... когда я, оттолкнутый, забытый, в нищете, на чужом хлебе, сидел в загоне, как раздавленная муха; когда мои враги... нет! врагов не имею! когда так... глупые люди (ибо злость есть глупость) распускали обо мне молвы — с одной стороны, что я опасный шпион, и меня уже во многих порядочных домах стали принимать иначе, с другой стороны, что я (зачитавшись библии) сошел с ума». Драма Глинки состояла не в том, что его считали «опасным шпионом». Наоборот, при нем «опасные шпионы», как об этом признается Перетц, боялись говорить правду, «страшась отщужения». Однако в 1821 году Глинка оказался в очень сложной обстановке и уже готов был к печальной неожиданности. Более точно настроение этого года передает письмо Глинки к Милорадовичу, полное намеков и недомолвок. Глинка жаловался на свою судьбу и, не желая скрывать от Милорадовича создавшегося положения, писал: «Печальная неопределенность моих прав и судьбы моей заставляя меня всего опасаться. Склонясь невольно к размышлению о странной моей участи, предвижу, ибо легко могу ожидать, что не сегодня, так завтра может, как и теперь, дойти до сведения вашего, что в квартире моей изломаны двери или разбиты окна».⁶⁵

В дальнейшем Глинка действовал более осторожно. Что касается петербургского генерал-губернатора Милорадовича, то здесь уместно сослаться на бар. Корфа: «Иностранные писатели утверждают, будто бы полиция благоприятно доносила Милорадовичу о подозрительных собраниях молодых людей; он, смеясь над опасностью, отвечал: „Все вздор: оставьте этих мальчишек читать друг другу свои дрянные стишонки“. На самом деле было, однако, иное, и речь шла о самой горькой действительности».⁶⁶

⁶⁵ Письмо Глинки Милорадовичу находится в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (фонд Шильдера).

⁶⁶ Бар. Корф. Восшествие на престол имп. Николая I. Изд. 5. СПб., стр. 82.

Корф не был далек от истины. Но как быть с Катениным? Известно, что П. А. Катенин в конце 1822 года по ничтожному случаю был выслан из Петербурга в костромскую деревню под надзор полиции. О театральной выходке Катенина хорошо известно в литературе.⁶⁷ Мы приведем еще один отклик на высылку Катенина из Петербурга — отрывок из письма А. Е. Измайлова к Н. И. Шредеру от 9 ноября 1822 года.⁶⁸ «Теперь сообщу самые свежие столичные ведомости. . . Государь приказал выслать отсюда из города двух человек: во-первых, известного и преизвестного А. Ф. Лабзина, который уволен уже от всех должностей; а вторых, отставного из Преображенского полка полковника Катенина. Первый отставлен за то, что предлагал в почетные члены Академии художеств вместе с гр. А. А. Аракчеевым, гр. Д. А. Гурьевым и гр. В. П. Кочубеем лейб-кучера Илью Ивановича. Ништо! Говорят, будто он, т. е. Лабзин, послан будет в отдаленные губернии под надзор полиции. Последний же, Катенин, выслан, кажется, совершенно невинно, хотя, правду сказать, и он не уступает в дерзости Лабзину. Этот Катенин, наш брат литератор, и славился в свое время, когда был в полку, потому что преображенские офицеры по братской любви превозносили его похвалами и ставили, бог знает, выше кого. В отставке слава его гораздо поубавилась, хотя он и был начальником довольно большой партии молокососов. От безделья вздумалось ему учить декламации молодую Колосову и Каратыгина. По этой причине вышла у него ссора с Семеновою, которая не жаловала ни ученицу, ни ученика. Однажды в театре, по окончании пьесы, вызывают Семенову и Каратыгина. Семенова выходит, только не с Каратыгиным, а с Азаревичевою, молодой актрисою, побочною дочерью Майкова, директора здешнего театра. Катенин сказал только, что не надобно было так делать, т. е. выводить на сцену того, кого публика не вызывала, а военному губернатору пересказали, будто он кричал, что не надобно Семеновою. Граф Милорадович призывает к себе Катенина, запрещает ему ездить в Русский театр, между тем посылает к государю свое донесение об этом — неизвестно какого содержания, но последствие теперь уже известно».

Важно знать, что именно доносил Милорадович Александру I. Он докладывал: «А посему и нашел я приличным пригласить к себе полковника Катенина, внушил ему неблагоприятный его поступок как относительно Семеновою, которую он огорчать не имел права, равномерно и относительно публики, которая была тем

⁶⁷ См. в примечаниях к «Запискам П. А. Каратыгина» (Л., 1930, стр. 104—111). Укажем также вступительную статью и примечания Ю. Г. Оксмана к «Воспоминаниям П. А. Катенина о Пушкине» («Литературное наследство», 1934, № 16—18, стр. 619—634).

⁶⁸ Письма А. Е. Измайлова Н. И. Шредеру. ИРЛИ АН СССР, Рукописный отдел, ф. 396, ед. хр. 8.

недовольна. Советовал ему впредь в Русский театр не ездить, дабы решительно прекратить подобные поступки и могущие от оных случиться неприятные происшествия». ⁶⁹ Милорадович, не быв в дружбе с Катениным, в своем письме к Александру I в сравнительно мягких тонах обрисовал театральный скандал и в своем решении ограничился тем, что запретил Катенину ходить в театр. Александр I нашел распоряжение Милорадовича недостаточным и потребовал применить к Катенину «самое строгое наказание», потому что Катенин и прежде «замечен был неоднократно с невыгодной стороны». В отношении начальника Главного штаба от 20 октября 1822 года на имя Милорадовича предлагалось по «высочайшей» воле «выслать Катенина из Петербурга с запрещением въезжать в обе столицы». ⁷⁰

Не собираясь превращать Милорадовича в защитника Катенина и тем более в прямого союзника декабристов, мы все же не можем не отметить, что в годы деятельности Союза Благоденствия петербургский военный генерал-губернатор, один из полководцев Отечественной войны 1812 года, почетный член Вольного общества любителей российской словесности, приютил у себя в канцелярии Федора Глинку, который использовал давнишнюю дружбу с генералом для осуществления своих политических замыслов. Без помощи Милорадовича трудно было противодействовать доносчикам, выступать в защиту Пушкина и «ученой республики», разоблачать Каразина.

⁶⁹ «Русская старина», 1901, кн. XI, стр. 297—298.

⁷⁰ Там же, стр. 303.

Г л а в а с е д ь м я я

«УЧЕНАЯ РЕСПУБЛИКА» ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ

1

Осенью 1820 года Глинка занимался неотложными делами Союза Благоденствия; в Москве был назначен съезд Союза, к которому готовились во всех управах тайного общества. О своей крайней занятости Глинка сообщает в небольшом письме к А. А. Никитину 29 ноября:

«Вы не поверите, почтенный и любезный Андрей Афанасьевич, как мне жаль, что обстоятельства, сверх всякого чаяния, лишают меня удовольствия быть в Обществе и сегодня, по делам особенной важности, разумеется, по делам службы, я не могу присутствовать и потому прошу извинить меня пред почтеннейшими членами.

«Билеты подпишу. Право, дохнуть свободно некогда».¹

В начале января в Москву съехались представители Союза Благоденствия, делегаты съезда. М. Фонвизин и Якушкин представляли собой Москву, Н. Тургенев и Глинка — Петербург, Бурцов и Комаров — Тульчин, Орлов и Охотников — Кишинев.

До сих пор не установлена точная дата съезда. Судя по адресу Вольного общества, который мы полностью приводим ниже, 10 января 1821 года «соревнователи» провожали президента «ученой республики» в путешествие. Понятно, что Глинка не объявлял в Вольном обществе об истинной цели своей поездки, он сказал, что уезжает на 28 дней (в Москву, а затем на свою родину в Смоленскую губернию). Фактически он поехал на московский съезд, где должна была решиться дальнейшая судьба тайного общества. Николай Тургенев выехал из Петербурга на несколько дней раньше (судя по дневниковой записи, 1 января). Вероятно, Глинка ехал в Москву без опоздания на съезд. Отсюда

¹ Вольное общество, 4, л. 526.

можно предположить, что съезд открылся не ранее 12 января. «Ученая республика» специальным адресом приветствовала отъезжающего президента:

«Председателю Ф. Н. Глинке.

«Общество, с чувством сожаления выслушав извещение ваше об отъезде, считает приятнейшей для себя обязанностью изъявить сим уважение свое к вам как своему Председателю, и любовь как лучшему своему другу. Примите искреннейшие наши желания о благополучном путешествии и скорейшем к нам возвращении».²

Московский съезд решил закрыть Союз Благоденствия и приступить к организации нового тайного общества. Но это новое общество (Северное и Южное) возникло не сразу. Потребовалось время, чтобы добиться полного согласия по программным и тактическим вопросам и перейти от слов к делу.

В Москве Глинка задержался не на 28 дней, а на целых три месяца. За это время он встретился со многими московскими литераторами и заручился их сотрудничеством в «Соревнователе». Вернувшись в Петербург, Глинка 2 мая 1821 года так информировал членов Вольного общества:

«Проживши в Москве около трех месяцев, я старался войти в сношение с людьми, занимающимися словесностью и науками. Случай благоприятствовал мне приобрести приятное знакомство почти всех литераторов московских, из коих многие давно уже известны публике, а некоторые еще только вступают на поприще словесности с дарованиями, достойными общего внимания. Желая при сем принести сколько можно пользы Обществу нашему и соединить в „Соревнователе просвещения и благотворения“ произведения обеих столиц, я старался от каждого из московских писателей получить какую-нибудь статью для помещения в журнале нашем».³

2

С 1821 года начинается новая пора в жизни «ученой республики». Вольное общество любителей российской словесности окончательно становится центром, вокруг которого объединяются прогрессивные силы в литературе, и наоборот, Вольное общество любителей словесности, наук и художеств притягивает к себе «благонамеренных» писателей, сторонников Измайлова.

О деятельности Вольного общества в 1821—1822 годах красноречиво говорят многочисленные творческие собрания и «ученые упражнения». За 1821 год не сохранилось «Журнала ученых упражнений», но годовая деятельность сравнительно легко восстанавливается по материалам Цензурного комитета Общества («Дело Цензурного комитета», арх. № 37). Предварительно можно ска-

² Там же, 20, л. 15 и об.

³ Там же, 5, л. 200 и об.

зять: 1) «Соревнователь просвещения и благотворения» 1821 года состоит в основном из произведений, читанных на собраниях «ученой республики» в 1821 году; 2) в «упражнениях» 1821 года первое место занимают произведения гражданской тематики (публицистические и художественные); 3) в деятельности «ученой республики» активное участие принимают крупнейшие декабристы, в недалеком будущем члены Северного общества; многие «соревнователи», не принимавшие непосредственного участия в декабристском движении, увлечены идеей гражданского служения обществу и в меру своих сил стремятся оправдать высокое звание писателя-гражданина.

«Ученые упражнения» открыл А. Боровков трактатом «О нравственном превосходстве современных народов перед древними» (читалось в заседаниях 10 января и 7 марта). Сочинение Боровкова было единогласно избрано, но в печати оно не появилось. В архиве Общества и в бумагах А. Боровкова нам не удалось обнаружить рукописи этой статьи, однако в «Альбоме» П. И. Кеппена сохранился любопытный отрывок из рассуждения, читанного на двух собраниях Вольного общества. Основная мысль небольшого отрывка выражена в следующих словах: «Государи мудрые любят внимать советам мужей опытных, государи властолюбивые следуют только собственному побуждению и злой лести придворных. Вот мысль моя, брошенная в „Опыте о нравственном превосходстве современных народов перед древними“». ⁴ В «Описании старинных альбомов академика П. И. Кеппена», составленном В. Улановым-Каплуновским (см.: «Столица и усадьба», 1915, № 40, стр. 11—12), автограф А. Боровкова не учтен, так же как не учтен автограф А. Никитина. На фоне таких имен, как Жуковский, Востоков и Крылов, имена двух «соревнователей» остались незамеченными. Отрывок из опыта А. Боровкова находится между автографами В. Кюхельбекера и А. Никитина. На 133 странице «Альбома» Кюхельбекер 14 августа 1821 года сделал свою запись:

«Ничто, ничто не утопает
В реке катящихся веков...

«Эта мысль одна может подкрепить истинного друга человечества, когда глядит он на временный успех, на временную гибель всего высокого и прекрасного». Показательна сама фразеология: «друг человечества», «высокое и прекрасное». К тому же запись Кюхельбекера являлась живым откликом на греческое восстание, начавшееся в марте 1821 года. Две стихотворные строки взяты Кюхельбекером из его «Греческой песни»:

Ничто, ничто не утопает
В реке катящихся веков —
Душа героев вылетает

⁴ Альбом П. И. Кеппена (ИРЛИ, АН СССР, № 10, 102, лл. 115 и сл.).

Из позабытых их гробов
И наполняет бардов струны
И на тиранов шлет народные перуны.

«Греческая песнь» Кюхельбекера в свою очередь читалась на заседании Вольного общества В. И. Туманским 29 августа 1821 года. Три автографа в «Альбоме» Кепшена следуют один за другим: автограф Кюхельбекера помечен 14 августа, запись А. Боровкова сделана 12 декабря, за автографом Боровкова следует заметка А. Никитина. Запись Никитина не датирована, но по содержанию ее легко догадаться, что она представляет собой отрывок из речи «О необходимости любви к отечеству», произнесенной в 1820 году на заседании ложи «Избранного Михаила»: «Будем сохранять в памяти нашей мудрое изречение одного восточного законоучителя: „Человек! Когда ты родился, тогда все радовалось, один только ты плакал. Живи так, чтобы в час смерти все кругом тебя плакали, а ты один радовался“⁵. О! да встретим час сей с восторгом и скажем порицателям нашим с Сократом: „Исследуйте жизнь нашу: она должна оправдать нас“. Враги наши не знают, что мудрый всегда останется победителем, и в то время, когда родные и друзья наши, приближаясь к смертному ложу, воспроят нас: „Кто же останется гением хранителем нашим?“ — „Д о б р о д е т е л ь“, — воскликнем вместе с мудрым афинянином».⁵

В заседании от 10 января, на котором А. Боровков читал свое рассуждение, рассматривалась «Биография Коцебу» (перевод с французского О. Сомова). И эта заметка, напоминавшая о тайном политическом агенте русского правительства, убитом в 1819 году студентом Карлом Зандом, была по-своему актуальной. 1821 год тем и показателен, что творческие собрания превратились в подлинное соревнование на поприще высокой гражданской словесности.

На заседаниях Вольного общества постоянно слушались социологические доклады. В ответ на известную речь Каразина Глинка подготовил свое теоретическое рассуждение под названием «Мысли о судьбе человека и гражданских обществ», читанное в «ученой республике», но не дошедшее до нас. Его ближайший соратник

⁵ В «Альбоме» содержатся автобиографические заметки А. Боровкова и А. Никитина. А. Боровков: «Родился в Тульской губ., в небольшом городе Веневе в 1788 году; образовался в Московском университете; любит музы, но занятия по должности весьма мало соответствуют досугу с ними беседовать» (л. 115). А. Никитин: «Родился в Калуге в 1790 году; воспитывался в тамошних училищах, гимназии и дворянском корпусе и окончил курс в Московском университете, вступил в службу в 1809 году» (л. 135). Более подробные сведения о службе А. Боровкова и А. Никитина см.: Дело о службе помощника статс-секретаря советника Боровкова (ЦГИАЛ, ф. 1162, оп. 286, ед. хр. 120); Дело о службе исполняющего должность статс-секретаря в Государственном совете тайного советника Никитина Андрея Афанасьевича (там же, ед. хр. 761).

по Союзу Благоденствия Н. И. Кутузов выступал со статьями по истории общественного развития и просвещения. На заседании 13 декабря 1820 года слушалась глава «О законодательстве древних»; на нескольких заседаниях 1821 года Кутузов подряд читал главу «Об удовольствиях общественных», а Никитин в том же году читал из его же трактата главу «О древних законах Ликурга и Солона»; в конце 1822 года Кутузов читал свое рассуждение «О законах древних славян». Все это были отдельные главы и отрывки из большого сочинения «О причинах благоденствия и величия народов», задуманного автором в широком историческом и социальном плане. Трактат Н. И. Кутузова не появился в «Соревнователе», хотя и был единодушно одобрен. Мы склонны думать, что статьи Кутузова не были напечатаны по цензурным соображениям. Г. А. Перетц в своих показаниях свидетельствует, что Кутузов однажды сказал ему, «будто его сочинения (как называл он помещаемые им в журналах статьи) велено цензуре рассматривать с особенной строгостью».

О содержании статей, читанных на заседании «ученой республики», мы все же имеем представление, так как отдельные отрывки из рассуждения «О причинах благоденствия и величия народов» печатались в 1820 году на страницах «Сына отечества». В лице Кутузова «ученая республика» имела страстного проповедника идей Монтескье и Адама Смита. Основные идеи Монтескье («Дух законов» и «О причинах величия и падения римлян») и Адама Смита («Начальные основания народного богатства и государственного хозяйства»), в частности разделение образа правления на республиканское, монархическое и деспотическое, а также сама мысль, что всякие изменения законов должны производиться медленно, что республиканская форма правления пригодна для народов развитых, приготовленных к ней, определили основное содержание сочинения Кутузова «О причинах благоденствия и величия народов». Кутузов отражал мнение тех членов Союза Благоденствия, которые считали, что разница между конституционной монархией и республикой только в форме, а конституционная монархия отличается от абсолютной по существу. Вольность Афин, по Кутузову, не является воплощением идеала свободы. Республика, основанная на «власти и силе народа», не может быть долговременной и «твердой в основании своем», поскольку «свобода без мудрых положений подобна дитяти, начинающему ходить». «С вольностью явились в Афинах неурядица и внутренние смятения», «нужны были законы, дабы утвердить свободу на прочном основании». Не выдерживает критики, с точки зрения Кутузова, республиканский Рим, который неизбежно должен был подвергнуться тирании. Правление «смешанное», народно-вельможное, порочно в том отношении, что противоречия между аристократией и демократией не только не исчезают, но и приобретают антагонистический характер. Одна сторона начинает преследовать другую,

и открывается противоборство. Власть в руках патрициев, управляющих республикою, возвысила Рим, но она же восстановила самовластие, изгнала свободу, водворила рабство и все «ужасы тирании». «Четыреста граждан ниспровергли республику, тридцать утвердили свое владычество на ее развалинах». Опыт истории подсказывает, что наиболее устойчивым и целесообразным правлением является «представительное», сближающее все состояния и «уравновешивающее власть». «Равенство состояний в республике необходимо», «поручать власть одному сословию значит сообщать ему все средства угнетать другие». «Ежели Англия, — замечает Кутузов, — не примет благоразумных мер к улучшению состояния обедневшего народа, ежели она не положит прочнейших оснований своему благоденствию, ежели не истребит мысли повелевать миром, тогда или, подобно Карфагену, падет от великости предприятий своих, или, подобно Риму, увидит в недрах своих возникающую тиранию». Не может удовлетворить Н. И. Кутузова также образ правления Соединенных областей. Если власть действительно «проистекает от народа» (чего не было в Америке), «то сие имеет свои неудобства, ибо подвергает общество народной строптивости. В Соединенных Штатах народ в выборах участвует, но власть принадлежит только одному президенту». Америка, состоящая из 25 самостоятельных областей, вызывает то опасение, что президент, главный чиновник республики, избираемый на 4 года, имеет слишком неограниченные права, и власть его слишком обширна, поэтому не исключена возможность возрождения «владычества». Остается ответить на вопрос: «Каким образом представители народа должны избираться? Количеством ли имущества, как мы видим в Англии? Но сие передает судьбу народа в руки немногих богачей, и золото всегда восторжествует над достоинством; оно соделается общественным идолом, которому принесут в жертву самые благородные чувства человека и гражданина. Должен ли голос народа назначать их не по количеству имущества, но по воле своей, как видим в Соединенных областях? И сие имеет свои неудобства, ибо подвергает общество народной строптивости. Кажется, необходимо положить средину между сими способами избрания — дать средство участвовать в правлении большей части граждан и не допустить до сего участия черни, всегда дерзкой, буйной и невежественной».⁶

Нужно думать, что и остальные части рассуждения «О причинах благоденствия и величия народов» не уступали по своему общественному значению тем отрывкам, которые появились в «Сыне отечества». Обзорение разных государственных систем и образов правления преследовало определенную практическую цель. Признав конституционно-монархическую форму правления самой идеальной, Кутузов желал, чтобы и Россия имела подобные же

⁶ «Сын отечества», 1820, ч. 60, стр. 140—152.

законы, основанные на «духе народном» и согласованные с его «свойствами и понятиями». Но «мудрые законы», по его словам, предполагают «мудрое правительство». «Мудрое правительство во всех предприятиях своих должно иметь целью богатство народа» и «составлять счастье граждан». «Может ли тот стараться об улучшении состояния своего, кто не только имущество, но и бытие свое считает игрою случая, или где богатый и сильный гнетут слабого, не страшась за сие наказания?». Н. И. Кутузов не находит ничего другого сказать, как напомнить, что в таком случае только переворот может спасти положение и образовать правительство. «То общество, где народ не имеет доверенности к власти, не может быть твердо в своем основании, и близко или к падению, или к какому-нибудь сильному перевороту».⁷ «Мудрое правительство» — это такое правительство, которое способно на деле осуществить «правосудие», обеспечить «свободу личную», обратить должное внимание на земледелие, которое служит порукою «могущества народа» и способно «усовершенствовать мануфактуры» и «умножить фабрики», но не за счет упадка земледелия, а также обеспечить цветущее состояние торговли. «Мудрые законы» Н. И. Кутузова очень близки тем параграфам «Зеленой книги», которые вошли в раздел «Общественное хозяйство». «Общественное хозяйство,— гласит § 2 «Зеленой книги», — как основание народного богатства, — связывая посредством торговли и промышленности не токмо все сословия, но и все огромные части государства; переводом же из рук в руки богатств уравнивая состояния и тем подавая каждому надежду трудолюбием своим пользоваться тою частицею благоденствия, коей он завидовал в другом, — должно необходимо войти в цель Союза. Он особенное обращает внимание на хлебопашество и на всякого рода возделывание земель для разведения полезных произрастаний; покровительствует всяческой полезной в государстве промышленности; имеет надзор над внутреннею и внешнею торговлею» и т. д. Если в первой части рассуждения «О причинах благоденствия», где говорится о трех формах правления, Кутузов следует за Монтескье, то во второй части, где излагаются «мудрые законы» и содержится взгляд на общественное хозяйство, он руководствуется законоположением Союза Благоденствия. Н. И. Кутузов считал, что вольность Афин, республиканский Рим, конституционное правление Англии и Соединенных Штатов не являются совершенными, каждая из этих систем несет в себе внутренние противоречия. К русской действительности все эти образы правлений мало приложимы. С другой стороны, автор трактата «О причинах благоденствия и величия народов» боится революции, отсюда его категорическое требование, чтобы «чернь» не допускалась до участия в правлении. «Власть, проистекая от народа, заключается в лице

⁷ Там же, ч. 59, стр. 13—19.

его представителей», — говорит Кутузов. Но за этой республиканской формулой скрываются более умеренные идеалы: просвещенное дворянство должно возглавлять государственное правление, выработать «мудрые законы» и содействовать народному «благосостоянию». Подобных половинчатых позиций («необходимо положить средину») придерживались многие члены Союза Благоденствия. И сама «ученая республика», возглавляемая президентом, ограниченным твердым законом, была придумана как своеобразная демонстрация конституционных порядков. Литературная республика в Петербурге подражала тем гражданским обществам, которые своим воображением рисовали члены Союза Благоденствия. Выступая на полугодичном собрании 19 июня 1822 года, Глинка напоминал основное правило Вольного общества: «Строгое соблюдение закона ведет к порядку, а порядок располагает душу к приятию всего прекрасного, всего возвышенного». «Я же, со своей стороны, — говорил Глинка в своей речи, — с душевною радостью нахожу, что всмотревшись ближе в дела наши, мы, кажется, можем согласиться, что общество находится ныне в таком благородном состоянии, которое так превосходно описывает Адам Смит, говоря об обществах гражданских, когда вместе с умножением их сил и способов распространяется круг их блестящей деятельности».⁸

Наследие Кутузова, поручика лейб-гвардии Измайловского полка, мало известного деятеля тайного общества, заслуживает внимания. Одна из его статей, озаглавленная «Состояние государства в 1841 году», была опубликована в «Русской старине» с кратким редакционным примечанием: «Записка Н. Кутузова, поданная Николаю I». Кутузов рассказывает в ней о своем путешествии по трем губерниям (Новгородской, Псковской и Тверской, т. е. по тем самым местам, по которым когда-то проезжал Радищев) «в самое лучшее время года, при уборке сена и хлеба», когда богатые жатвы «обещали вознаградить труды земледельца». Но «не было слышно ни одного голоса радости, не видно ни одного движения, доказывающего довольствие народное. Напротив, печать уныния и скорби отражается на всех лицах, проглядывает во всех чувствах и действиях». «Отпечаток этих чувств скорби, — признается Кутузов, — так общ всем классам, следы бедности общественной так явны, неправда и угнетение везде и во всем так наглы и губительны для государства, что невольно рождается вопрос: неужели все это не доходит до престола вашего императорского величества? Вы не знаете причин бедствий народных, всемилостивейший государь». Резко критикуя внутреннее состояние государства, Кутузов открыто заявляет Николаю I, что ему «никакие злоупотребления не видны, голос угнетения и страданий не слышен». Кутузов ссылается на народное мнение: «„Скорее

⁸ «Соревнователь», 1822, ч. XIX, стр. 225.

можно достичь до престола царя небесного, чем до престола царя земного". Так говорит народ ваш и говорит истину». ⁹ «Сильный делай, что хочешь, а слабый не смей на него жаловаться, и к кому обратиться угнетенному? К министрам? Но они всегда отвечают, что не мое дело, и, составляя между собой союз наступательных и оборонительных действий, не выдадут один другого. К Комиссии прошений? Но она по многим предметам не может входить в рассмотрение, а по которые должна, не хочет, боясь борьбы с сильными. Она всегда плыла по ветру и держалась того берега, который греет солнце и изобилен земными благами: ей тепло и сытно, а народу и холодно и голодно».

Достоечно и этих выписок из первой записки Кутузова, чтобы угадать ее политическую направленность. Нарисовав «верную картину общественных бедствий», автор записки предлагает ряд практических мер, при помощи которых можно улучшить положение крестьян, облегчить солдатскую службу, прекратить «безмерность дворянских наград», искоренить «корысть и угнетение» и пр. Кутузов считает уместным напомнить о деяниях Петра I. «Петр Великий подписал указ, отяготительный для народа, Долгорукий, не находя средств остановить зла, от сего произойти могущего, раздражает его, и на вопрос разгневанного государя отвечает: „Это понудили меня сделать ревность к твоей славе и благу твоего народа; не гневайся, Петр Алексеевич, я знаю, что ты не хочешь разорения своей земли“. Петр, уважая представление Долгорукова, отменил указ. Вот черты добродетели гражданской, черты, не понятые и не понимаемые настоящим временем, черты, доказывающие величие царя и подданных, достойных этого величия». ¹⁰

Записка Кутузова о внутреннем состоянии России явилась плодом долгих размышлений, за ее проектами следует различать нечто большее, нежели изложение впечатлений от путешествия по некоторым отечественным губерниям. За этой запиской стоял прежний деятель Союза Благоденствия, автор трактата «О причинах благоденствия и величия народов», который читался на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности. Прошло двадцать лет, как Кутузов читал свои статьи «О благоденствии народном», а положение в России не только не улучшилось, но еще более ухудшилось. Мы склонны думать, что и сама записка «Состояние государства в 1841 году» представляет собой переработанный и дополненный новыми примерами вариант более ранней записки на ту же тему. Сохранилось признание самого Кутузова, что он задолго до 1841 года замышлял нарисовать обзор внутреннего состояния России. «Теперь скажу тебе по секрету, — признавался Кутузов в письме к Ф. Н. Глинке от 3 сентября

⁹ Заметим, что о том же говорится и в песне Рылеева и А. Бестужева «Ах, тошно мне».

¹⁰ «Русская старина», 1898, т. 95, стр. 517—531.

1828 года, — я почти кончил проект открытого уголовного судопроизводства». В этом же письме он напоминал об «Обзрении внутреннего состояния России»: «Министр финансов, узнав, что я тот самый людоед, который в обозрении внутреннего состояния России, тебе известном, ел немцев, в особенности его министерскую часть. . . оскорбился и решил меня съесть, т. е. отказаться принять меня в свое министерство».¹¹ Из письма вытекает, что Глинка знал об «Обзрении внутреннего состояния России», а знать он мог только по личным связям с Кутузовым до декабрьских событий. После следствия и суда над декабристами Глинка был сослан в Петрозаводск и там жил безвыездно четыре года. В письме Кутузова, датированном сентябрем 1828 года, говорится об «Обзрении» как хорошо известном документе. Ясно, что Кутузов имел в виду какое-то раннее «обозрение», которое читал до 14 декабря Глинка. Возможно, что в рассмотренную нами статью входят отдельные идеи и факты более раннего «Обозрения внутреннего состояния России», о котором идет речь в письме Кутузова к Глинке.

На примере статей и записок Кутузова можно сделать вывод: историю общественного и литературного движения недостаточно изучать только по произведениям выдающихся представителей эпохи. Выдающиеся деятели имели своих учителей, они не сразу становились властителями дум молодого поколения. В декабризме участвуют два поколения — старшее и более младшее. Существовала преемственность, были традиции. Второстепенные, незаметные, на первый взгляд, деятели часто расчищали пути, помогали становлению и расцвету новых сил. Это можно сказать и о Кутузове. В Вольном обществе он и Глинка были старшими среди еще сравнительно молодых литераторов. Тракаты Кутузова слушали братья Бестужевы и Рылеев, многие другие представители передовой петербургской интеллигенции. Кутузов принимал участие, как мы говорим теперь, в идейно-политическом воспитании «соревнователей». Гнедич, Глинка, Кутузов — предшественники Рылеева и Бестужевых. Кутузов был также и литературным критиком. Что он мог говорить в Вольном обществе о литературе? Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют статьи в «Сыне отечества». Кутузов упоминается во «Взгляде на старую и новую словесность» А. Бестужева, напечатанном в «Полярной звезде на 1823 год». Бестужев две строки посвящает Кутузову: «В статьях Н. Кутузова видны цель и дух благородный; но слог несколько пышен для избранных им предметов».¹² Но и этот краткий отзыв показателен. В статьях Кутузова отражены декабристские «правила нравственности и просвещения», главный их пафос состоит в возвышении

¹¹ ЦГИАМ, ф. 141, ед. хр. 300, на отд. листе. Письмо Ф. Н. Глинки к Н. И. Кутузову от 3 сентября 1828 года.

¹² «Полярная звезда на 1823 год», стр. 39—40.

России «на степень величия и благоденствия». Эта цель, «дух благородный», видимо, и полюбилась критике «Полярной звезды», тогда еще не состоявшему в тайной декабристской организации.

«Совершенство просвещения, — писал Кутузов, — зависит от совершенства воспитания, на единстве основанного. Сие единство, образуя умы по одним правилам, сообщает им одинаковые стремления, ведет к одной цели. Воспитание должно основываться на нравственности: где нет сего основания, там не может быть ни величия, ни благоденствия народного». Каковы цели воспитания? По мнению Кутузова, воспитание должно быть прежде всего «отечественным» и высоконравственным, т. е. оно должно быть основано на «любви к истине, на любви к счастью людей и пожертвовании собою благу общему». «Сила общественная зависит от воспитания, утвержденного на духе народном и добродетели», «любовь к отечеству, гордость народная должны наполнять юные сердца питомцев». Наконец, кто должен «наполнять юные сердца питомцев», кто должен воспитывать, кому можно поручить отвечать за судьбу подрастающего поколения? Ясно, что «люди совершенных лет, исполненные добродетели, известные любовью к отечеству, исполненные народной гордости, ненавидящие иноземное влияние, должны быть орудием в сем великом предмете государственного благосостояния. Они должны описанием добродетелей великих мужей всех народов поселить в сердце воспитанников желание подражать им».¹³ Как видим, взгляды Кутузова на воспитание очень близки рылеевскому пониманию гражданских доблестей.

Н. И. Кутузову принадлежит статья «Аполлон в семействе», появившаяся в 1821 году в «Сыне отечества». Статья Кутузова не привлекала внимания историков литературы, между тем в ней заключена отзыв о «певце „Руслана и Людмилы“» и одновременно содержится дружеский совет. Кутузов, пытаясь определить общественное значение поэзии, основные мысли и даже выражения берет из законоположения Союза Благоденствия. «Зеленая книга» вменяла в обязанность писателям «убеждать, что сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мысли, ни в непонятности изложения, но в живости писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих» (§ 49, кн. 4). По «Отделу распространения познаний» предписывалось «изыскать средства изящным искусствам дать надлежащее направление, состоящее не в изнеживании чувств, но в укреплении, облагородствовании и возвышении нравственного существа нашего». Законоположение Союза Благоденствия учитывало необходимость монументальных форм поэзии, поэзии, насыщенной большими мыслями и чувствами и способной воздействовать на читателя. Этим основным положением «Зеленой книги» близки мысли Кутузова, который писал

¹³ «Сын отечества», 1820, ч. 54, стр. 7—12.

в своей статье: «Не одна звучность и плавность слога, не одна отработка картин отдельных составляют достоинство творения; не сему мы удивляемся: но возвышенности предмета, поражающего душу, но благородству чувств, питающих сердце, но приятности повествования, не истребляющего добродетели, но состраданию к бедствиям человечества, утешающему страждущих».¹⁴ Образцом высокого искусства Кутузов считает «Слово о полку Игореве», которое, по его словам, «дышит величием души, наполненной благородными чувствами, пораженной великими предметами», и поэзию Пушкина, с тем только замечанием, что в его поэме «Руслан и Людмила» обнаружены и «прелестные дарования», и «великие заблуждения». Но обращение к Пушкину особенно примечательно: «Станем надеяться, будем просить Пушкина, дабы перестроил лиру свою для его славы и славы земли родной».¹⁵

Если в 1819—1820 годах «ученая республика» только набирала силы, чтобы решать проблему гражданских «ученых упражнений», то в 1821 году она пополнилась людьми, способными это сделать. 1821 год тем и показателен, что творческие собрания превратились в подлинное соревнование на поприще высокой гражданской словесности.

3

В 1821 году в Обществе соревнователей активно сотрудничают виднейшие представители будущего Северного общества (Рылеев, А. Бестужев, Н. Бестужев, Корнилович, Кутузов — член Союза Благоденствия). Тогда же в действительные члены были приняты Баратынский, Гнедич, Княжевичи, Лыкошин и др.

Бестужев Александр	— с 15 ноября 1820 года действительный член.
Кутузов Николай	— с 21 февраля 1821 года действительный член.
Баратынский Евгений	— с 26 января 1820 года член-корреспондент; с 28 марта 1821 года действительный член.
Гнедич Николай	— с 9 декабря 1818 года почетный член; с 31 мая 1821 года действительный член.
Бестужев Николай	— с 28 марта 1821 года сотрудник; с 31 мая 1821 года действительный член.
Рылеев Кондратий	— с 25 апреля 1821 года сотрудник; с 19 декабря 1821 года действительный член.
Корнилович Александр	— с 31 января 1821 года сотрудник; с 28 августа 1822 года действительный член.

Из старых членов Общества, принимавших участие в полемике с Каразиным, продолжают разделять взгляды «ученой республики» А. А. Никитин, В. К. Кюхельбекер, О. М. Сомов, П. А. Плетнев, П. И. Кеппен, Н. И. Греч и Д. В. Сахаров.

Александр Бестужев начал свою деятельность в Вольном обществе полемическим выступлением против А. С. Шишкова. 5 фев-

¹⁴ Там же, 1821, ч. 67, стр. 208.

¹⁵ Там же, стр. 210.

раля 1821 года в торжественном заседании Академии А. С. Шишков произнес речь «О древности и превосходстве русского языка пред другими в звукоподражательном и логическом отношении». Н. И. Гнедич на этом же академическом заседании читал отрывок перевода «Илиады», Н. М. Карамзин — отрывок из IX тома «Истории государства Российского», посвященный войне Ивана IV с польским королем Баторием. Через два дня после торжественного собрания в Академии состоялось обыкновенное заседание «ученой республики». Глинка читал в Обществе соревнователей «Несколько слов о Тадеуше Костюшке», А. Бестужев — отрывок из «Путешествия в Ревель» и А. Ф. Рихтер — отрывок из своего путешествия «Старая и Новая Ладога». На этом же заседании была рассмотрена и отклонена заметка А. Ф. Рихтера «О публичном чтении в Российской академии». Заметка Рихтера была отклонена по той причине, что подробный отчет об этом заседании готовил А. Бестужев. Отчет Бестужева 14 февраля был одобрен и за подписью «Ал. Бес. жев» появился в XIII-й части «Соревнователя». Предупредив, что для суждения о речи президента «нужна долговременная опытность и обширные знания наречий иностранных», Бестужев осмелился сделать несколько критических замечаний. Основное возражение Бестужева, выступавшего от лица «ученой республики», сводилось к утверждению, что новые идеи требуют «новых законов», что русским писателям принадлежала и будет принадлежать слава в языковом новаторстве; но Бестужев не разделял мнения Шишкова о старославянском наречии как о главном источнике современного русского языка. «Русские, подобно всем, переходили через поле невежества к рубежу образованности, и язык наш, всегда верный истолкователь понятий и нравов народа, — замечал Бестужев, — шел всегда наравне с ними: гремел в песнях боянов, принял на себя аттицизм от переводов религиозных книг, падал перед татарами, парил с Ломоносовым, пресмыкался с Тредьяковским, изумлял в Державине, расцвел под пером Карамзина; но можно ли найти в летописи Нестеровой термины физические или философские? Не было у нас Невтонов, Лейбницев, ни Бюфонов, зато нет и языка философского, нет номенклатуры ученой».¹⁶

Замечание Бестужева показалось тем более обидным для Шишкова, что вся остальная характеристика академических чтений была посвящена восхвалению Н. И. Гнедича и Н. М. Карамзина. Пользуясь тем, что Н. И. Гнедич в публичном собрании читал отрывки из поэмы А. Ф. Воейкова «Искусства и науки» — «Петр Великий под Прутом» и «Суд царевича Алексея Петровича», Бестужев подчеркнул значение петровской эпохи для русского просвещения: «Какое сердце не бьется восторгом при имени Великого Петра, какой русский не трепещет при чтении эпизода Воейкова»

¹⁶ «Соревнователь», 1821, ч. XIII, стр. 307

и т. д. Восторженно рецензент «ученой республики» отзывался о Гнедиче, читавшем дополнительно свой перевод «Илиады»: «Гнедич бесспорно заслуживает признательность современников и дань похвалы от потомства за верную передачу в стихах своих красот Омера». Рецензия заканчивается похвалой Карамзину: «С каким живым участием все слушали подвиги предков своих! С каким удовольствием будем мы рассказывать внукам, что слышали самого Карамзина!».¹⁷ На фоне столь положительных отзывов о Карамзине и Гнедиче Шишков казался явно непризнанным.

Рецензия Бестужева, тогда еще только начинавшего свою литературную деятельность, не могла пройти незамеченной. И как ни странно, на первый взгляд, с возражениями на рецензию выступил «Соревнователь». В журнале Вольного общества печатались «ученые упражнения» с согласия общего собрания «соревнователей», статья Бестужева обсуждалась в «ученой республике» и была одобрена. А между тем в XIV части «Соревнователя» появилось «Письмо к издателям» без всяких примечаний со стороны Вольного общества. «Таковые ошибочные суды не должны существовали бы, — поучал автор «Письма», — иметь места в книгах, издаваемых от обществ».¹⁸ Прочитывая единственную похвалу Шишкову («Нам кажется намерение автора сей речи похвальным, труд истинно патриотическим» и т. д.), автор ответа продолжал: «Сей круг мнений, состоящий в трех строках, которыми хотят показать патриотический труд автора заключающийся в произнесенной им речи, весьма невелик и притом еще сомнителен; ибо в нем поставлено выражение „нам кажется“, которое напечатано курсивом, по-видимому для того, дабы читатель заметил оное и не принял сего за настоящее уверение».¹⁹ Не касаясь мелких придирок, мы приведем основное возражение: «Вот что называется отвечать другому, не зная, о чем тот говорил. Это похоже на то, как бы кто сказал носом нюхают, а другой бы стал возражать, что носом никогда не нюхают, разумея под словом его корабельный нос. Так и здесь: один рассуждал вообще об языке русском, а другой, возражая против него, говорил об языке писателей; два весьма различные между собою предмета!».²⁰ Важно, что здесь в кратких словах воспроизведено мнение самого Шишкова, его противопоставление литературного языка XVIII и начала XIX века языку предков и та мысль, что чем общество становится образованнее, тем сильнее чувствуется порча «богатого, сильного, великолепного языка». «Письмо к издателям „Соревнователя просвещения“» подписано «Ваш покорный слуга, один из ваших почитателей».

¹⁷ Там же, стр. 311.

¹⁸ Там же, ч. XIV, стр. 92.

¹⁹ Там же, стр. 94.

²⁰ Там же, стр. 98.

Кто же автор этого любопытного ответа А. Бестужеву? По категорическому тону, не допускающему никаких возражений, и по тому, что Письмо появилось как исключение из общего правила в «Соревнователе», можно догадываться, что автором ответа мог быть сам А. С. Шишков. «Журнал Цензурного комитета» за 1821 год не оставляет сомнений. В протоколе от 28 марта за № 80 сделана запись: «Письмо к издателям „Соревнователя просвещения и благотворения“. Соч. А. С. Шишкова». «Соревнователь» поступил по всем правилам «ученой республики». Предоставив возможность высказаться почетному члену, «ученая республика» в заседании своем от 18 апреля заслушала «Ответ неизвестному на возражения его против статьи „Торжественное заседание в Российской академии. Соч. А. А. Бестужева“». Ответ Бестужева был принят единогласно и помещен в следующем номере «Соревнователя» с примечанием Общества. Примечание любопытно само по себе:

«Общество, благодаря неизвестного ему почитателя (как ему в конце письма угодно было назваться) за уважение и доверенность к журналу своему, соглашается с ним во всем, что ни сказано в письме насчет обществ, т. е., что всякое человеческое произведение может быть погрешительно и проч. Но мнение, будто книга, издаваемая от Общества, всеми членами оного просматривается, требует огворки, особенно когда дело идет о журнале: „... просматривается всеми членами Общества, кроме тех, которые по каким-нибудь причинам не бывают в заседании Общества, когда статьи, приготовляемые для книги, читаются“. После этого замечания видно, что и следствие, будто статьи частных лиц, помещенные в книге, издаваемой Обществом, почитаются общими, т. е. от всех одобренными, не совсем справедливо. Таким образом, Общество не принимает на себя замечаний, сделанных одним из членов его на академическое заседание, и ограничивается тем, что, дав место в своем журнале возражениям против оных, дает теперь место и ответу на возражения».

Более хитроумной отписки нельзя было придумать. Скрыв от своего почетного члена, что статья Бестужева, как и все остальные «ученые упражнения», предварительно обсуждалась и принималась на заседании «ученой республики», «Соревнователь» еще раз предоставил слово «частному лицу». В ответном письме А. Бестужев, зная, с кем имеет дело, в осторожных выражениях указывал, что «по обязанности библиографа Общества написал краткое известие, а не диссертацию и не критику (как думает г. возражатель) о заседании» и что «всякий имеет право смотреть на предметы то с той, то с другой стороны». Далее А. Бестужев еще раз подчеркнул, что проблему литературного языка нельзя решать изолированно от языка эпохи, что русский литературный язык ждет своего реформатора, и таким реформатором, подобно Ломоносову в XVIII столетии, будет великий русский писатель, который усовершенствует язык самого народа. «Я думаю, — писал Бестужев, —

что писатели суть творцы языка (без коего нельзя и сочинять), а язык доставляет бессмертие времени и народу. Мы здесь не говорим об языке в тесном его смысле; но, принимая в пространном, скажем: может ли народ усовершенствовать язык, сделать его способным к выражению всех понятий, какие только в уме человеческого рождаются, одним словом: может ли народ создать язык Цицерона, Виргилия, Державина или Карамзина? И так этот плод веков и народов может иногда рождаться в одно десятилетие от одного человека».²¹ Указывая на заслуги Карамзина, который, между прочим, говорил, что «слова не изобретаются академиями», Бестужев шел дальше карамзинистов в том отношении, что ставил вопрос о необходимости «языка философского» и «номенклатуры ученой». Под «номенклатурой ученой» Бестужев подразумевал не «легкий» язык карамзинистов, а язык «ученых упражнений» и высокой поэзии, не случайно в своих заметках он ссылался на Лейбница, Бюффона и Цицерона.

28 февраля состоялось публичное собрание Вольного общества, на котором присутствовало 46 человек. Среди явившихся на заседание были почетные члены Н. С. Мордвинов, Н. М. Лонгинов, Н. И. Тургенев, Е. Б. Фукс, М. С. Кайсаров, А. А. Крылов, В. С. Филимонов, А. Ф. Воейков и др. На этом собрании Н. И. Кутузов читал статью «О законах Ликурга и Солонна», А. Бестужев — Путешествие в Ревель», П. А. Плетнев — из сочиненного им «Краткого обозрения русских писателей» (о сочинениях К. Н. Батюшкова), Н. И. Гнедич читал поэму «Пир» Баратынского.

Присутствовавший на этом заседании президент Академии А. С. Шишков и не подозревал, что один из «сореволюционеров», автор «Путешествия в Ревель», неделей раньше на обыкновенном собрании читал свою полемическую заметку, направленную против его речи «О древности и превосходстве русского языка».

Александр Бестужев в «ученой республике» начинает играть выдающуюся роль. Достаточно сказать, что в чтениях 1821 года ему принадлежит чуть ли не самое первое место. С января по апрель он посетил 15 собраний, не присутствовал всего лишь один раз, и то по уважительной причине. Он был избран цензором библиографии и вел большую редакторскую работу в «Соревнователе». Об отношении к А. Бестужеву в Вольном обществе свидетельствует адрес от лица всего «сословия», подписанный Никитиным 4 апреля 1821 года:

«Общество, услышав неприятное для него известие об отъезде Вашем из С.-Петербурга на непродолжительное время, поручило мне Вам именем всех членов, — писал А. А. Никитин Бестужеву, — пожелать благополучного пути и скорого возвращения в столицу и притом уверить Вас, что сословие сие, умеющее в пол-

²¹ Там же, стр. 217—218.

ной мере ценить дарование Ваше, усердие и труды, с соболезнованием разлучаясь с Вами как с одним из почтеннейших и достойнейших членов своих, утешается надеждою, что и в отсутствии своем Вы сохраните дружеское расположение к сочленам, истинно Вас любящим, и по временам, ежели обязанности службы и обстоятельства Вам позволят, будете доставлять в Общество походные записки Ваши или что-либо другое, достойное пера Вашего. Примите и с моей стороны уверения в отличном моем к Вам почтении и в желании Вам всего доброго».

Этот адрес был преподнесен Александру Бестужеву в связи с его временной отлучкой из Петербурга (весной 1821 года армия была направлена в поход в западные губернии).²²

4

Одним из самых программных выступлений 1821 следует считать речь Н. И. Гнедича на полугодичном собрании 13 июня. Речь Гнедича составила целое событие в жизни «ученой республики». Не называя своих противников по имени, Гнедич перевел спор о языке в плоскость борьбы за высокое гражданское искусство и отчетливо сформулировал в своем выступлении обязанности писателя-гражданина.

«Писатель своими мнениями, — говорил Гнедич, — действует на мнение общества; и чем он богаче дарованием, тем последствия неизбежнее. Мнение есть властитель мира. Да будет же перо в руках писателя то, что скипетр в руках царя: тверд, благороден, величествен! Перо пишет, что начертается на сердцах современников и потомства. Им писатель сражается с невежеством наглым, с пороком могущим и сильных призывает из безмогильных гробов на суд потомства. Чтобы владеть с честью пером, должно иметь более мужества, нежели владеть мечом. Но если писатель благородное оружие свое преклоняет перед врагами своими, если он унижает его, чтобы ласкать могуществу, или если прелестию цветов покрывает разврат и пороки, если вместо огня благотворного он возжигает в душах разрушительный пожар и пищу сердец чувствительных превращает в яд: перо его . . . оружие убийства!».²³

Отчетливо сформулировав основную задачу гражданского искусства («. . . перо писателя может быть в руках его оружием более могущественным, более действительным, нежели меч в руках воина»), противопоставив поэта-гражданина «ласкателям света», Гнедич в заключение останавливается на языке, призывая писателей любить великий русский язык («более всего язык свой»),

²² Вольное общество, 3, лл. 6 и 7. В бумагах Цензурного комитета (Вольное общество, 5, лл. 174—175) сохранился автограф рецензии Александра Бестужева на труд по логике С. П. Борзцовского (с датой: «28 марта 1821»). См. публикацию А. Ю. Вейса в сб. «Пушкин и его время» (стр. 296—304).

²³ «Соревнователь», 1821, ч. XIV, стр. 138—139.

«язык отцов наших», ибо он «сопрягается с нашими нравами, с нашими обычаями, с нашими сладостнейшими воспоминаниями». Легко представить Гнедича, опытного оратора, на трибуне, произносящего пламенную речь в защиту гражданского и самобытного искусства. «И величайшее уничтожение народа есть то, когда языком его, — говорил Гнедич, — пренебрегают для языка чуждого. Да вопиет противу зла его каждый, ревнующий просвещению, да гремит неумолкну и поэзией и красноречием. Пусть он в желчь негодования омачивает перо и всем могуществом слова защищает язык свой, как свои права, законы, свободу, свое счастье, свою собственную славу».²⁴

И. Н. Медведева в исследовании «Н. И. Гнедич и декабристы» речь Н. И. Гнедича на собрании Общества 13 июня 1821 года рассматривает в прямой зависимости от «каразинской истории». «Эта речь, — замечает И. Н. Медведева, — являлась как бы итогом „каразинской истории“, отзвуком на правительственную репрессию, которой подвергся Пушкин. Тема и характер речи определились не только общими идейными установками Гнедича, но и характером и темой речи Каразина и принципиальными установками левого фланга Вольного общества, выразившимися в выступлениях, предшествовавших речи Гнедича».²⁵

Не случайно «соревнователи» с таким воодушевлением приняли речь Гнедича, произнесенную в ответ на его избрание действительным членом Вольного общества. Гнедич был противопоставлен Каразину и его единомышленнику А. Измайлову. Увидев в речи Гнедича изложение программных требований и высоких истин, «соревнователи» тогда же избрали его вице-президентом «священного союза друзей». На полугодовом собрании 30 декабря 1821 года Федор Глинка с особым удовлетворением отмечал «одного из присутствующих в сем заседании». «Обращаюсь, — говорил президент «ученой республики», — к занимающему в Обществе нашем значительнейшее место и указываю вам на того, кто воспел рождение бессмертного Омера и кто передает нам высокие песни его».²⁶ Напоминая о «высоком сане человека», Глинка ставил

²⁴ Там же, стр. 140—141.

²⁵ Декабристы и их время, 1951, стр. 129. Заслуживает внимания сообщение И. Н. Медведевой, сделанное на основе изучения переписки Плетнева с Гротом (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб., 1896): «Тот текст „Речи“, который был напечатан в „Соревнователе“, является неполным, особо цензурным. . . В некоторых местах в этом тексте заметны неувязки и пропуски» (стр. 134). Другой, более полной редакции «Речи» не сохранилось. Б. В. Томашевский о «Речи» Гнедича пишет: «Этой речью как бы замыкался первый период борьбы между левым и правым флангами Вольного общества; имя Пушкина не упоминалось, но в действительности эта борьба была тесно связана с его судьбой, так как никто не сомневался, что из всех поэтов молодого поколения именно Пушкину принадлежит первенство» (Б. В. Томашевский и Я. Пушкин, кн. I, стр. 387).

²⁶ «Соревнователь», 1822, ч. XVII, стр. 229.

в пример Гнедича и тут же добавлял, что среди присутствующих «соревнователей» найдется немало «возлюбивших путь добра и света, соединенных приязнию искреннею».

16 января 1822 года к вице-президенту Н. И. Гнедичу «ученая республика» обратилась со следующим приветствием, подписанным всеми должностными членами:

«Высоч. утвер. Вол. общ. любит. рос. слов., исполненное уважения к отличным дарованиям соотечественников, поставило себе некогда в обязанность украсить список своих почетных членов именем певца рождения Омира и прелагателя бессмертных песней его. Впоследствии Общество, заметя ваше особенное к нему расположение, избрало вас своим действительным членом. Речь, произнесенная вами по сему случаю, наполнила высоким умилением души слушателей и показала им меру собственной души вашей. Единогласно избраны вы в звание помощника председателя. И с того времени, пользуясь удовольствием теснейшего с вами сближения, Общество видело ваше нежное попечение о поддержании в оном покоя, дружбы и согласия — сих лучших украшений обществ человеческих и столь приличных Обществу, избравшему путь добра и света. Соревнуя также во всяком случае охранению прав и преимуществ сих нравственных сокровищ Общества, вы недавно оказали ему важную услугу и вспоможением вещественным. Без сего содействия не могло бы оно так скоро приступить к напечатанию творений своего знаменитого попечителя Ивана Ивановича Дмитриева. И самое издание сих творений вашим же особенным попечением совершится имеет. „Благодарность есть память сердца“. Имя и деяния ваши будут, конечно, надолго памяты сердцам всех сочленов Общества, вам любезного и вас любящего. Но дабы передать и позднейшему времени сведение о своих душевных к вам отношениях, все члены положили: поднести вам за подписанием должностных членов сей адрес и внести его в летописи Общества в полном уверении, что сие приношение от свободной воли укрепит еще более ваши связи с людьми, уже привязанными к вам за вашу благородную любовь и уважение к ним и к цели, ими избранной».²⁷

С особым уважением относится к Гнедичу Кондратий Рылеев, тогда еще только вступавший в большую литературу. Посылая из Острогожска думу «Курбский», он в письме к Булгарину (от 20 июня 1821 года) просил узнать мнение Гнедича и печатать ее не иначе, «если безделка сия будет одобрена почтенным Николаем Ивановичем». Возможно, Гнедич и был тем наставником, который одобрил замысел Рылеева создать цикл исторических песен. Сам Гнедич высоко ценил жанр стихотворных исторических повествований. В предисловии к «Простонародным песням нынешних греков» он писал о kobzaryh, которые «в Великой и Малой России

²⁷ Вольнос общество, 21, лл. 20 об., 21 и об.

поют „псалмы“, но какие-то особенные, в роде большею частью повествовательном, исторические, довольно длинные песнопения. . .». Рылев видел в Гнедиче большого гражданского поэта и поэта вполне самобытного. Не случайно в декабрьском номере «Сына отечества» за 1821 год он напечатал «Послание Н. И. Гнедичу», а через год, 6 ноября 1822 года, представил на рассмотрение «состязателей» думу о Державине, посвятив ее тому же Гнедичу. Имея в виду первую редакцию думы, И. Н. Медведева находит в ней идейную переключку с известной «Речью» Гнедича: «Идеальный образ поэта-трибуна, поборника свободы и истины, в этих стихах нарисован Рылевым в полном согласии с тезисами цитированной нами „Речи“ Гнедича. Поэт Рылеева чист сердцем и чужд разврата.

Поклонник пламенный Добра,
Ничем себя не опорочит
И освященного пера
В нечестьи буйном не омочит

(см. у Гнедича: «Сердцем добрый, духом возвышенный» и т. д.). „Суд грядущих поколений“ — единственное мерило славы поэта. Поэт — „повсюду правды верный жрец“, он должен „греметь грозой противу зла“, „он раболепствовать не может“. Рок бессилен над поэтом, равно как и земная власть. Цель поэта — разжечь „доблесть в молодых сердцах“. Каждая из поэтических формулировок Рылеева, как нетрудно убедиться, имеет прозаическое соответствие в цитированной выше „Речи“ Гнедича. По первоначальному варианту, заключительная часть думы являлась как бы репликой Гнедичу и оправдывала посвящение».²⁸

5

Речь Гнедича, с восхищением принятая в «ученой республике», в противоположном лагере, у измайловцев, была встречена отрицательно. Союзники Каразина, покинувшие собрание 15 марта 1820 года, в «измайловском» обществе продолжали борьбу с Вольным обществом любителей российской словесности.²⁹

²⁸ И. Н. Медведева. Н. И. Гнедич и декабристы. В кн.: Декабристы и их время, стр. 146—147.

²⁹ Борьбу «измайловского» общества с «ученой республикой» следует правильно понимать. Это была борьба двух литературных партий. Между отдельными «состязателями» и измайловцами могли существовать дружеские отношения. Но эти личные отношения для нас не должны заслонять принципиальной полемики, отражающей определенные политические тенденции. М. А. Брисман в книге «В. Г. Анастасевич» (Изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1958) слишком схематично истолковывает наше положение о расколе в Вольном обществе. Эпизод 1820 года следует понимать в широком общественно-литературном плане, не превращая его в персональное дело В. Г. Анастасевича. Мы согласны, что Анастасевич был трудолюбивым библиографом, не отрицаем его

26 января 1821 года в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств читалась статья «Общество несчастных, довольных собою», появившаяся за подписью «У» в «Благонамеренном».³⁰ Это был не просто пасквиль, но своеобразный печатный донос, зловещая тень каразинской записки. В статье обращалось внимание на литературное общество, которое подстать тайному: «Всем известны большие общества, маленькие общества, литературные, тайные, коммерческие общества; но известно ли, что есть еще общество... которое не умею назвать, потому что оно ни литературное, ни тайное, не походит ни на какое общество... Его составляют несколько молодых людей... Их цель — бранить все и всех без разбора, хвалить одних себя».³¹ Автор статьи в «Благонамеренном» дает понять, что общество, о котором идет речь, возникло в конце 1816 или в начале 1817 года. Общество несчастных организовано, по их словам, столь же несчастным человеком, «несчастливым по службе, несчастным в любви, несчастным по невежеству, несчастным по ненависти к чужой славе». Допустим, что несчастным во всех отношениях был Ефим Люценко, первый председатель Общества соревнователей. Года четыре тому назад к «несчастному автору», бросавшему в камин «образцовые сочинения русских авторов», пришли приятели и побросали в огонь остальные части образцовых сочинений. Первый приятель написал пять томов «Философских писем», но «цензура не пропускает их». На заседаниях Общества соревнователей с чтением философских статей

научных заслуг, хотя и думаем, что М. А. Брискман недостаточно объективно изображает его идейные убеждения. М. А. Брискман с досадой говорит, что «в советских работах по истории русской литературы и общественной мысли Анастасевич трактуется как реакционный литератор, как ревностный исполнитель ретроградных литературных замыслов» (стр. 3). В примечаниях к своей работе М. А. Брискман сообщает добрый десяток имен литературоведов и историков (от Д. Д. Благого до Ю. М. Лотмана), недооценивавших Анастасевича. Пеняно, что не разделять декабристских идей еще не значит быть непременно ретроградом. Но об умеренности Анастасевича все же приходится говорить.

³⁰ Автором статьи «Общество несчастных, довольных собою», по всей вероятности, являлся М. Н. Загоскин. В 1835 году Загоскин написал комедию «Недовольные». «Этот пасквиль», — пишет Ю. Г. Оксман, — был написан Загоскиным по прямому заданию Николая I с целью политической дискредитации двух последних носителей декабристских идей — М. Ф. Орлова и П. Я. Чаадаева, проживавших в ту пору в Москве под полицейским надзором. История создания, постановки и провала этой комедии, вызвавшей негодование отклики Пушкина, Гоголя, Белинского и многих других передовых деятелей русской литературы, посвящено интересное исследование Т. И. Усакиной «Памфлет М. Н. Загоскина на М. Ф. Орлова и П. Я. Чаадаева». Статья Т. И. Усакиной опубликована в сб. «Декабристы в Москве» под редакцией и с предисловием Ю. Г. Оксмана. Комедия «Недовольные», поставленная на московской сцене 2 декабря 1835 года, на наш взгляд, вырастает из более раннего памфлета, напечатанного в «Благонамеренном», где фактически начинается политическая дискредитация носителей декабристских идей в литературе.

³¹ «Благонамеренный», 1821, ч. 17, стр. 214.

выступали А. Боровков, Глинка, Кутузов, а Кюхельбекер читал свои «Европейские письма». Второй приятель трудился день и ночь над переводами и посылал во все журналы свои стихи, но его всюду называли «стихотропателем» и говорили, что он «пишет не по-русски, а польско-сербским наречием». И, наконец, третий приятель имел университетский аттестат, а его заставляли «переписывать бумаги», не желали награждать и держали в чиновниках 9-го класса. Невозможно да и не имеет смысла искать реальных прототипов этих карикатурных персонажей. Но главное не в этих намеках на «соревнователей», среди которых были чиновники-литераторы и с университетским образованием. Автор статьи обращает внимание, что из этого «общества несчастных постепенно образуется союз недовольных».

«О, священная дружба! — сказал один из них, — ты соединишь нас! Истина! Ты украшаешь союз наш! И мы забываем несправедливость людей... Каждый из нас рожден с чувствительным сердцем...»

«— Пламенной душою! — подхватил другой.

«— Благородным честолюбием! — прибавил третий.

«— С любовью к истине, — продолжил первый».³²

«Священная дружба», «истина», «наш союз», «пламенная душа» — все это лозунги «ученой республики», под знаменем «священной дружбы» прошла полемика с Каразиным.

Певцов и смелых и священных,
Пророков истин возвышенных! —

восклидал Кюхельбекер в стихотворении «Поэты»; о «любви к истине» и «благородном честолюбии» постоянно напоминал Глинка в своих речах на собраниях «ученой республики». Публицист из «Благонамеренного» в заключение своей статейки «Общество несчастных, довольных собой» называл «союзом недовольных». Девизом этого союза являлись слова: «Мицень! Мицень!». «Союз недовольных, — заключает автор памфлета, — сильно поддействовал на некоторые слабые умы». Это уже почти как в записках Каразина, предназначавшихся для гр. Кочубея. Лучшим доказательством того, что под «союзом недовольных» подразумевалась «ученая республика», служит стихотворение «Певец», сохранившееся в бумагах гр. Хвостова. Не сомневаемся, что и это стихотворение неизвестного нам автора, пародирующее «Певца во стане русских воинов» Жуковского, является ответом на стихотворение Кюхельбекера «Поэты». Прежде чем прославить «свободный, радостный и гордый» союз друзей, Кюхельбекер обращался к своим предшественникам, к поэтам разных эпох и стран. Гомер, Оссиан, Тассо, Мильтон, Шиллер, Ломоносов и Державин —

³² Там же, стр. 216.

таковы «пророки истин возвышенных». Стихотворение «Певец» построено по тому же плану. Первая часть стихотворения посвящена «предшественникам» и их судьбе; во второй части изображаются последователи, которых ждет удел своих учителей. Среди «предшественников» Николев, воюющий «несносными стихами», и Грузинцев, «стихов кропатель хилой», от которого «всяка плогъ зевает». В числе певцов новой школы Гнедич, Глинка, Кюхельбекер, Дельвиг, Баратынский. В 1820—1821 годах именно эти поэты возглавляли Общество соревнователей. Автор стихотворения «Певец» хотел сказать, что напрасно «соревнователи» считают себя продолжателями традиций Ломоносова и Державина. Приведем отрывок из стихотворения «Певец», касающийся непосредственно президента Общества и «тройственного союза»:

Хвала, почтеннейший, хвала!
Хвала и многи лета!
Тебя судьбина обрекла
В высокий сан поэта!
Чего-чего ты ни писал?
Чем-чем ни занимался?
Посланья, были сочинял
И в баснях отличался.
Всему-всему ты подражал,
Протей между певцами!
Крестьян, солдатов наставлял
И прозой и стихами.³³

* *
*

Хвала вам, тройственный союз!
Душите нас стихами!
Вильгельм и Дельвиг, чада муз,
Бард Баратынский с вами!
Собрат вам каждый — Зевса сын,
И баловень природы,
И Пиндар ранний гражданин,
И гений на все роды.
Хвала вам всем: хвала, барон,
Тебе, певец видений!
Тебе, Вильгельм, за лирный звон,
И честь тебе, Евгений.

* *
*

Хвала вам, тройственный союз!
Венцы похвал плетущий
Святому братству из стихов
И их таланты чтущий,
Что в том, что презрит вас толпа
И назовет глупцами?

³³ Ф. Н. Г л и н к а. Примечание в рукописи стихотворения «Певец».

Толпа предрянна и глупа!
 Вы нас причтите сами.
 Свет строгой едким языком
 В вас жару не умножит.
 Да хвалятся ж осел ослом,
 Коль свет его не хвалит.
 Хор певцов:
 Да хвалятся ж...
 и проч.³⁴

В стихотворении «Певец» не обойден Гнедич. Ему посвящены самые издевательские стихи, намекающие на его физические недостатки (в раннем детстве Гнедич перенес оспу, лишившую его одного глаза):

Тебя хвалой, о Гнедич, чтим!
 Цвети твоя фигура.
 Ты глазом только лишь одним
 Отличен от Амура.
 О, сколь с уродливым лицом
 Ты кажешься прекрасным!
 И славным он прослыл чтецом,
 И глас его не ясен;
 И кто тогда сравнится с ним,
 Как он певцам в отраду
 Завоет воем гробовым
 Жуковского балладу?

В 1822 году в «Благонамеренном» (№ 41—42) Измайлов напечатал статью «О переводах», где пытался обесславить переводы Гнедича из «Илиады», назвав самого Гнедича «великим переводчиком бумаги». Возможно, что и автором стихотворения «Певец» был тот же Измайлов.

Программное стихотворение консервативной литературной партии «Певец», высмеивающее Гнедича, Глинку и Кюхельбекера, весь «тройственный союз», не могло пройти незамеченным в «ученой республике». Стихотворение распространялось в списках и, возможно, читалось на одном из заседаний Вольного общества словесности, наук и художеств, превратившегося в «измайловское»

³⁴ Бумаги гр. Хвостова, ИРЛИ АН СССР, ф. 322, № 72, лл. 40—42 (в дальнейшем: Бумаги гр. Хвостова). Отметим, что измайловцы имели свою арену в салоне С. Д. Пономаревой. Здесь 10 июня 1821 года было организовано шуточное Общество сословия друзей просвещения, называвшее себя сначала Вольным обществом премудрости и словесности. Будучи довольно жалким подражанием «Арзамасу», это общество в какой-то мере противостояло Обществу соревнователей просвещения и благотворения, и устав Сословия друзей просвещения в какой-то степени пародировал законоположение «ученой республики». То, что в «ученой республике» составляло вполне серьезный обряд, своеобразный культ гражданственности, то в Обществе друзей просвещения, во главе которого стоял тот же Измайлов, превращалось в фарс, просто в шутку. Протоколы Сословия друзей просвещения, частично использованные А. А. Веселовским («Русский библиофил», 1912, кн. 4), хранятся в Пушкинском Доме.

общество. Борьба за Гнедича в «ученой республике» имела принципиальный характер. А. Н. Егунов справедливо пишет: «Дело Гнедича — перевод Илиады — так, как он к нему подходил, сближало его с писателями-декабристами в понимании творчества как высокоидейного акта, полного общественной значимости. Художественные взгляды писателей-декабристов расходились в конкретизации этого исходного принципа, не исключавшего свободы выбора того или иного литературного уклона — то архаизирующе-классического, то романтического, или же своеобразного их смешения соответственно творческой индивидуальности поэта. Для литераторов-декабристов, в большинстве принадлежавших к поколению, родившемуся во второй половине 90-х годов, Гнедич, бывший старше их не менее чем на десять лет, казался почти „стариком“, представителем гражданской поэзии державинской и радищевской традиции и в этом смысле — их наставником. Характер Гнедича, всегда склонный к дружеским отношениям, способствовал его общению с Ф. Глинкой, Рылеевым, Н. Муравьевым».³⁵ Теперь нужно было защитить Гнедича, уничтожить его «завистников». В частности Рылеев считал своим долгом заклеить «черную змею», пытавшуюся ужалить поэта-гражданина.

И на суждения завистников твоих,
На площадную брань и приговор суровой
С Гомером отвечай всегда беседой новой.
Орла ль парящего среди эфирных стран
В полете карканьем удержит наглый вран?
Иди бестрепетно проложенной стезею
И лавры свежие рви смелою рукою;
Пускай завистники вокруг тебя шипят!
О Гнедич! Вопли их, и дикие и громки,
Тобой заслуженной хвалы не заглушат:
Защитник твой — Гомер, твои судьи — потомки!

В стихотворении «Поэты», обращаясь к Пушкину, Кюхельбекер спрашивал: «Что для тебя шипенье змей, Что крик и филина и врана?». В послании Рылеева к Гнедичу читаем: «Шипит, как черная змея!», «В полете карканьем удержит наглый вран?». Сюжет о гонимом певце, популярный в поэзии декабристов, особенно в лирике Кюхельбекера, Рылеев делает необычайно острым в социальном отношении, намекая на «убийц дарования». Рылеев по вполне понятным причинам не мог назвать ссыльного Пушкина, но он тоже имелся в виду, и, может быть, на Пушкина намекал Рылеев, когда писал о «несчастном певце»:

Судьи-завистники, убийцы дарований,
Везде преследуют несчастного певца...

³⁵ А. Н. Егунов. Гомер в русских переводах XVIII—XIX ввков. Изд. АН СССР, Л., 1963, стр. 343.

Известно, что 1820—1821 годы отмечены революционным подъемом в Западной Европе и в России (крестьянские волнения и восстание в Семеновском полку). Огромное впечатление на передовое русское общество произвели революционные события в Испании. Испанский король Фердинанд VII вынужден был подписать манифест кортесов, провозгласить в стране конституцию 1812 года. Во Франции Пьер Лувель 13 февраля 1820 года убил герцога Беррийского, последнего представителя рода Бурбонов. Национально-освободительное движение вспыхнуло в Португалии, в Бразилии, началась революция в Неаполе, затем в Пьемонте и в Греции.

«Ученая республика» не отгораживается от политики, от обсуждения актуальных проблем современности. Не останавливаясь на всех «ученых упражнениях» в Вольном обществе, мы сошлемся на наиболее показательные выступления «соревнователей». В 1821 году состоялось свыше 20 обыкновенных собраний, на которых члены Общества знакомили слушателей с новыми произведениями в стихах и в прозе. Президент Общества Федор Глинка имел основание на заседании 7 ноября 1821 года заявить о крепнущей дружбе в «ученой республике»: «... мы ласкаем себя прекрасною надеждою, что настоящая связь наша, основанная на единстве воли и цели, достигнет со временем до степени приязни и самой даже дружбы, столь сладостной для благородных душ!».³⁶ Лучшим показателем этой благородной дружбы, основанной на единстве «воли и цели», являются «ученые упражнения», выступления «соревнователей» с чтением своих статей, «путешествий», повестей и стихотворений. Через многие «упражнения» проходит высоко чтимая декабристами тема национально-освободительных движений и борьбы народов за свободу.

Николай Бестужев, только что пришедший в «ученую республику», на ряде заседаний читает свои «Записки о Голландии». О Филиппе II, «самовластном правителе» Голландии, Бестужев отзывался с ненавистью: «Сей превзошел своих современников в тиранстве и гонениях противу реформаторов. Обширная его монархия страдала от изуверства; Нидерланды наиболее дымилась кровию и пеплом своих граждан». Зато с явным сочувствием рассказывает он о Вильгельме Оранском, который «первый поднял знамя свободы»; напоминает «о твердости духа и непреоборимом терпении» голландцев, боровшихся против испанского владычества. По словам Н. Бестужева, голландцы «показали свету, к чему способно человечество и до какой степени может вознестись дух людей свободных».³⁷

³⁶ «Соревнователь», 1821, ч. XVI, стр. 364.

³⁷ Там же, ч. XV, стр. 48. В столь же положительных тонах о Нидерландской республике отзывался Н. И. Тургенев в «Опыте теории налогов» (стр. 121—122) и Федор Глинка в «Письмах русского офицера». По пути

«Записки о Голландии» слушались на нескольких заседаниях «ученой республики»: 7 марта, 4 апреля, 23 мая, 6 июня, 29 сентября. Тогда же Николай Бестужев был избран действительным членом Волного общества. Здесь же читает свои путевые записки «Путешествие в Ревель» Александр Бестужев 17 и 21 января, 7 февраля и 22 ноября 1821 года. Завоевание Ливонии немецко-датскими и шведскими феодальными рыцарями принесло, по словам А. Бестужева, «совершенное рабство всех ливонцев». Автор «Путешествия» рассказывает о самом крупном крестьянском волнении 1343—1345 годов, известном под названием «Юрьевой ночи»: «Эстонцы, раздраженные угнетением новых своих владельцев, подняли знамя свободы, мстительное железо их обагрило кровью немецкую. Около двух тысяч дворян и рыцарей заплатили головами за жестокость свою <...> Эстонцы решили умереть с мечом в руке и легли все до одного неподалеку от Ревеля. Их было 10 000».³⁸ Героическое восстание эстонских крестьян было жестоко подавлено. «Совершенное рабство всех ливонцев было следствием сего благородного поступка, достойного Спарты и Гельвеции», — заключает А. Бестужев рассказ о крестьянской войне в Эстонии. К делам Ливонии Бестужев отнесся как декабрист, защитник свободы, друг угнетенных наций, и в этом состоит его главное отличие от прибалтийско-немецких историографов, сглаживавших противоречия между отдельными сословиями и решавших социальные конфликты не в пользу эстонского народа.

7 февраля, когда Александр Бестужев читал одну из глав «Путешествия в Ревель», Федор Глинка знакомил слушателей со статьей «Несколько слов о Тадеуше Костюшке» (ср. с очерком

к Одру, 27 июля 1813 года, Глинка сделал в своем дневнике запись: «Мы ночем верстах в десяти от Брига... Воздух очень влажен, погода студена; закутываюсь в бурку, сажусь у окна, которое дрожит от ветра, слушаю свист его в камине и начинаю читать „Освобождение Нидерландов“, сочинение Шиллера.

«Вижу землю, только что вышедшую из-под морей, едва обсохшую; вижу новый народ, новую природу. Вижу самовластие, с страшными силами нападающее. Вижу дух народный — ополченный и свободу — торжествующую. О свобода! Как приятна ты даже и в книгах!.. Приятно читать о свободе под шумом бурь» (Письма русского офицера, ч. 6, стр. 11—12). Знакомство с прошлым и настоящим Голландии не прошло для декабристов бесследно. «Бытность моя, — замечал Н. Бестужев Следственному комитету, — в Голландии 1815 года, дала мне первое понятие о пользе законов и прав гражданских» (Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М.—Л., 1933, стр. 39—40).

³⁸ Изображая средневековую Ливонию, А. Бестужев в основном следовал за ревельским хронистом XVI века Руссовым, издавшим в 1578 году «Хронику Ливонии», а также за его последователем Кельхом, автором «Лифляндской истории» (1695). «Путешествие в Ревель» печаталось в 1821 году в «Соревнователе» (№ 2—3) и тогда же в Петербурге вышло отдельным изданием с некоторыми незначительными изменениями под названием «Поездка в Ревель». О ливонской теме в русской литературе 1820—1830-х годов см. статью С. Г. Исакова в «Трудах по русской и славянской филологии» (вып. III, Тарту, 1960, стр. 143—193).

«Черты из жизни Гадеуша Костюшки» в «Письмах русского офицера», ч. 4), восхваляя в ней героя польского национально-освободительного движения.

В свое время в Вольном обществе была выдвинута идея «Исторического словаря». В 1818 году в редакционном сообщении «Соревнователя» (№ 10) еще раз говорилось о необходимости в «ученые упражнения» включать «описание земель и народов», «исторические отрывки и биографии знаменитых мужей», «ученые путешествия». Украинская повесть Глинки о Богдане Хмельницком — «биография великого мужа», «Путешествие в Ревель» и «Записки о Голландии» Бестужевых — «ученые путешествия». Все они были произведениями преддекабристского толка.

Н. Бестужев представил также на рассмотрение «соревнователей» вольный перевод повести Томаса Мура «Обожатели огня». Борьба «защитника свободы» Гафед с тираном Али Гассаном, которого Н. Бестужев называет «сатрапом, лютейшим и жесточайшим», борьба свободы с тиранией — таков бестужевский сюжет в «восточной» повести Томаса Мура. Показателен заключительный монолог Гебра о страдающей родине; Гебр обращается к родной земле: «Но изгнанники сии, осужденные не видеть земли родной, счастливее стократ тех, кои видят ее оскверненною и склоняют выю под иго тирана чужеземного. Они лучше хотят обитать в пустынях, но наслаждаясь свободою и поклоняясь своему богу, нежели, подобно сим невольникам, отступаться веры отцов своих. Но неужели гордость Ирана угасла навсегда вместе с пламенем, освещавшим храмы Митры. Нет, Иран не остался бездетен: есть еще сыны, кои не покортятся мусульманам до толе, пока в небе будут блистать звезды, пока на земле для могил будет оставаться место».³⁹ Богдан Хмельницкий в повести Глинки, прошедшей при перепечатке в «Соревнователе» цензуру Вольного общества, произносил столь же вольнолюбивые речи: «Нет, родитель мой! Не рабу жаловал ты жизнь, не для рабства воспитал меня... Ах! Не сам ли ты возвысил дух мой, внушил мне благородство чувств, открыл всю прелесть свободы и весь позор рабства? Не ты ли озарил ум мой светом наук? Не ты ли наградил меня средствами пользоваться опытами древности, восхищаться бытописаниями греков и римлян? Удел рабства, родитель мой, есть невежество».⁴⁰ Напомнить об этом необходимо еще и потому, что на одном из следующих заседаний «ученой республики», 5 декабря 1821 года, Рылеев читал думу «Богдан Хмельницкий», написанную под непосредственным впечатлением «украинской повести» Глинки. И Рылеев заставил своего героя повторить ту тираду, которую Хмельницкий произнес в повести Глинки:

³⁹ «Соревнователь», 1822, ч. XVI, стр. 136—137.

⁴⁰ Ф. Н. Глинка. Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия, ч. 1. СПб., 1819, стр. 24.

Так, так, — он думал, — час настанет!
Освобожденный от оков,
Забывший узник бурей грянет
На притеснителей-врагов!
Отмстит холодное презренье
К священнейшим делам людей;
Отмстит убийства и хищенье,
Бесчестье жен и дочерей!
Позорные разрушит цепи
И, рабства сокруша кумир,
Вновь водворит в родные степи
Святой свободы тихий мир.

Глинка и Бестужев в своих повестях, Рылеев в своих «думах» руководствовались одним и тем же направлением в разработке исторического материала: все они восстанавливали образы прошлого для возбуждения гражданского мужества и вольнолюбивых чувств, имея в виду прежде всего современную социальную действительность.

В свете событий того времени не могла не привлечь внимания членов Вольного общества революционная Испания. В статье «Отличительные черты из происшествий Отечественной (1812) войны от Малоярославского до Красненского боя», появившейся в № 7 «Соревнователя» за 1820 год, Глинка провел смелую аналогию между Испанией и Россией и прозрачно намекнул на возможность испанских событий в стране, где народ так напряженно боролся за свою независимость. Напомнив о 1812 году в России и в Испании, автор статьи переходит к сравнению других исторических эпох: роль мавров в Испании и татар в России, открытие Америки испанцами и завоевание Сибири русскими, «свободные постановления» и в Арагонии и в древнем Новгороде (кортесы — там, дума-совет — здесь). А. Н. Шубунин справедливо замечал в статье «Пушкин и „Общество Елизаветы“», что «читатель этой статьи, появившейся в год испанской революции, был вправе сделать и дальнейшие сопоставления».⁴¹

В полугодишном собрании 1821 года, когда Н. И. Гнедич произнес свою известную речь, Ф. В. Булгарин читал «Записки об Испании». Если Глинка увлекся желанием «замечать поразительное сходство в истории и судьбе сих обоих благородных народов», то Булгарин пошел еще дальше. Он нашел, что испанцы дают «пример любви к свободе». «Пример, — замечал он, — великий и похвальный!». Рассказывая о разного рода прокламациях, Булгарин приводит текст политического катехизиса, которому «должны были все последовать». «Предписанный самим Иисусом Христом» испанский политический катехизис состоял из правил «храбрых и чест-

⁴¹ А. Н. Шубунин. Пушкин и «Общество Елизаветы». В кн.: Временник Пушкинской комиссии, т. I. М.—Л., 1936, стр. 63.

ных граждан», восставших на борьбу с «чужеземными притеснителями», с «еретиком Наполеоном», который происходил не иначе как от «дьявола» и «греха». Катехизис испанского народа в годы испанской революции воспринимался в «ученой республике» как политический документ, как образец прокламации.

«Вопр. Когда должен кончиться сей ужасный деспотизм?

Отв. Уже он близок к падению.

Вопр. На что мы должны полагать нашу надежду?

Отв. На бога и на усилие нашего отечества.

Вопр. Что есть отечество?

Отв. Собрание в одно общество многих людей, управляемых царем и именующих одни законы.

Вопр. Какого назначения достоин испанец, изменяющий своим правам и обязанностям?

Отв. Бесчестия, естественной смерти, назначенной изменникам, и гражданской смерти для потомков. . .

Вопр. Кто есть почтеннейший и драгоценнейший сын отечества?

Отв. Тот, кто с храбростию соединяет правила чести и бескорыстия». ⁴²

«Воспоминания об Испании» Ф. Булгарина, читанные на заседании «ученой республики» и тогда же появившиеся в «Соревнователе», несомненно способствовали пробуждению интереса среди «соревнователей» к испанским событиям. В 1822 году Я. Лыкошин представил на рассмотрение «ученой республики» статью об испанских торреадорах, а Н. Коншин — заметку о Карле V. Появление статей и заметок об Испании, о конституции кортесов вполне понятно. Общественный интерес к испанским событиям в России был огромен. Конечно, по-разному воспринимались эти события. Карамзин писал 12 апреля 1820 года кн. Вяземскому: «История Гишпании очень любопытна. Боюсь только фраз и крови». П. А. Вяземский, находившийся тогда в Варшаве, спешил сообщить Н. И. Тургеневу свое мнение: «Я за Гишпанию рад, но, с другой стороны, боюсь, чтобы соблазнительный пример гишпанской армии не ввел бы в грех кого-нибудь из наших. У нас что ни затей без содействия самой власти, все будет пугачевщина». Н. И. Тургенев в тот самый день, когда Вяземский писал свое письмо, заносил в дневник (24 марта 1820 года): «Вчера получил здесь известие, что король гишпанский объявил конституцию кортесов. Слава тебе, славная армия гишпанская! Слава гишпанскому народу!». П. Я. Чаадаев в письме к брату (25 марта 1820 года) дает понять, что в России следует учитывать опыт испанцев: «Это прекрасный аргумент в пользу революций. Но во всем этом есть кое-что, очень близко нас касающееся». «Касающееся нас» состоит

⁴² «Соревнователь», 1821, ч. XVI, стр. 190—195.

в том, что «революция свершилась в три месяца, и не пролило ни капли крови. Не было никакой резни, никакого потрясения, никаких излишеств». С. С. Ланда, приведа все эти отклики на испанские события, заключает: «Умеренная конституция кортесов казалась русским современникам верхом политического радикализма». ⁴³ Очевидно, и в «ученой республике» не шли дальше подобного радикализма.

Несколько иначе восстание в Испании воспринималось в декабристских тайных обществах. Испанская революция укрепляла идею военной революции, которая не могла быть «без капли крови». Декабристы постоянно ссылаются на гражданское мужество испанских революционеров и используют их опыт. Работая над «православным катехизисом», Никита Муравьев сопровождает свое рассуждение примечаниями из испанской конституции. Матвей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин признавались на допросе, что катехизис, сочиненный испанцами, подал им мысль о необходимости иметь свой отечественный катехизис.

Казненный в 1823 году Риего был воспет Рылеевым в оде «Гражданин», а Раевский юнкерам 16-й дивизии, обучавшимся в ланкастерской школе, ставил в пример Квиругу. Революционный опыт Риего и Квируги широко пропагандировался в декабристской поэзии и публицистике. Каховский в письме к Николаю I признавался, что «мужественный, твердый народ Испании, отстаивший кровью свою независимость и свободу отечества, спас королю и трон и честь, им потерянную». В глазах Каховского Риего — «святой мученик, герой, отрекшийся от престола, ему предлагаемого, друг народа». ⁴⁴

Общими симпатиями к Греции обусловлено появление на страницах «Соревнователя» так называемых антологических стихотворений, в том числе стихотворений Глинки «Греческие девицы юношам» (1821, ч. XIII, стр. 206), «К недостойному бессмертия» (там же, стр. 267). Видя в антологических стихотворениях «неподдельный язык чувствований, свидетельствующий о нравах, направлении мысли и других бесчисленных оттенков гражданственности народа», П. Плетнев на одном из заседаний Вольного общества в 1822 году утверждал, что «посредством антологии мы становимся современниками древних» и «познаем характер собственно называемого народа». ⁴⁵ Напомним, что вице-президент «ученой республики» Н. И. Гнедич в 1821 году, когда вспыхнуло национально-освободительное движение в Греции, перевел «Военный гимн» греческого поэта-революционера Риги.

⁴³ С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг. В кн.: Пушкин и его время, стр. 188—189.

⁴⁴ Из писем и показаний декабристов. Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 13.

⁴⁵ «Соревнователь», 1822, ч. XIX, стр. 20.

На собрании 2 января 1822 года Сомов читал стихотворение «Греция. Подражание Ардану», Глинка — «Мои вожатые» и народную идиллию «Ворожба». Стихотворение Сомова следует поставить в один ряд с лучшими образцами декабристской гражданской поэзии. Скрываясь за примечанием «Ардан написал свою элегию еще в 1812 году и заслужил первую награду от Тулузской академии словесности», Сомов превратил стихотворение некоего Ардана в приветственный гимн Греции, восставшей за свободу. В цикле стихотворений, посвященных войне за независимость в Греции, стихотворение Сомова занимает одно из первых мест. В январе 1822 года оно звучало почти как прокламация. Основная идея выражена в строке «Проснитесь, грозные питомцы славы!».

О тени славные, услышите глас мой слезный!
Взгляните: ныне грек, потомок ваш, в цепях!
В поносном рабстве век влачит он бесполезный!
И мать искусств, сия страна,
На жертву варварам, невеждам отдана!
Взгляните, как она стенает,
Согбенная под тяжестью оков;
Взгляните, как она слезами оmyвает
Гробницы доблестных сынов!
И в сем обширном запустенье,
От рабства павшие в презренье. . .
Возможно ль? . . Греки духом спят!
Периклов робкие потомки
Холодными глазами зрят
Красноречивые отчизны их обломки!
Для них ничто великих предков ряд,
Ни славные в веках святилища познаний:
В них скорби нет о том, и нет воспоминаний;
Мечи их ржавеют — лишь цепи их звучат!

В заключительных строках стихотворения «Греция» поэт от укора «робких потомков» переходит к призыву подняться к борьбе:

Услышано мое моление!
Грек за свободу стал: в тиранов сеет страх!
И тени предков в восхищеньи
Зрят дух великий свой, оживший в их сынах!
Разите — и во гневе яром
Удары сыпьте за ударом!
Мужайтесь — мести грозный час!
Омойте кровью стыд свой прежний,
Мечом купите мир надежный! . .
Вы за свободу: Бог за вас! . .

Есть в этом стихотворении строки, совсем близкие пушкинской «Деревне». Изображение рабства, «тяжести оков» созвучно лучшим образцам декабристской политической лирики.

Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный повор...

И странник, вокруг себя бросая взор
Повсюду зрит следы ее тиранов
прискорбный,
злых...

С поникшею главой, покорствуя би-
чам...

И грек... стена под тяжкими ударами
бича...

Здесь барство дикое, без чувства, без
закона...

Взгляните: ныне грек, потомок ваш,
в цепях!..

Сомов говорит о греках так, что его гневные слова, направленные против турецкого деспотизма, в одинаковой мере приложимы к русскому крепостничеству. О поращенной Греции писал Сомов: «Взгляните, как она стонет, Согбенная под тяжестью оков». Но эти слова имели самое непосредственное отношение к страдающей в цепях отчизне. Совпадая по настроению и в отдельных выражениях с пушкинской «Деревней», «Греция» Сомова предвосхищает основную идею рылеевского «Гражданина». Там и здесь мы видим страстное обращение к спящим под игом самовластия сынам отечества (у Рылеева: «Изнеженное племя переродившихся славян»; у Сомова: «Периклов робкие потомки»); там и здесь на первом плане образ «страдающей отчизны», мотив «предназначенья» и открытый упрек тому, кто «не готовится для будущей борьбы» (у Рылеева: «Пусть с хладнокровием бросают хладный взор»; у Сомова: «Холодными очами зрят») и, наконец, «справедливы потомков укоризны» (у Рылеева: «В них не найдет ни Брута, ни Риеги»; у Сомова: «Для них ничто великих предков ряд»).

Появление стихотворения Сомова в «Соревнователе» в начале 1822 года (ч. XVII, № 22, стр. 195—198) имело огромное агитационное значение. Кроме приветствия освободительному движению в Греции, в нем были призывы к продолжению борьбы с самовластием вообще, напоминание о «тиранах», «рабстве», «цепях», «мечах» и «свободе». В следующей части «Соревнователя» (1822, ч. XVIII, № 5), в отделе «Смесь», О. Сомов за подписью «И. Омега» напечатал рецензию на книгу «Жизнь Али, Паши Яннинского, со времени его детства до 1821 года, содержащая подробное и верное описание чрезвычайных его злодеяний и ужасного над поработченными народами Греции тиранства. Сочинение г. Пукевиля, жившего в Греции с 1806 года по настоящее время (два тома, с французского М. У. Селивановского, 1822 г.)». Сомов воспользовался изданием этой книги, чтобы еще раз выразить свое отношение к греческому освободительному движению. «Греция, некогда отчизна героев, воспитательница наук и искусств, мать многих мужей бессмертных, потом оплот христианства, училище благочестия, империя верных, наконец, раба несколько веков же-

сточайших варваров — ныне низвергающая иго неволи и отважно сияющая утвердить свою независимость».⁴⁶

В «ученой республике», судя хотя бы по тем «упражнениям», которые рассмотрены нами, гражданская, вольнолюбивая тема отчетливо обозначена, она является ведущей. И важно еще отметить, что в годы, переходные от Союза Благоденствия к Северному обществу, когда Союз был фактически распущен, а новое тайное общество еще не успело сформироваться, в Вольном обществе любителей российской словесности идеология декабризма живет и развивается. Значение «ученой республики» в создании и пропаганде декабристской прозы и поэзии бесспорно велико. Ученые и литературные занятия 1821 года показывают, что наиболее убежденные «соревнователи» уверенно держались пути, намеченного Союзом Благоденствия. Левое крыло Вольного общества, одержавшее блестящую победу над Каразиным, продолжало укреплять свои позиции, идя на прямой союз литературы и политики.

Много любопытных сведений о друзьях и соратниках по Вольному обществу мы находим в письмах А. Бестужева к Ф. В. Булгарину за 1821 год. «Очень и премоного любопытен о ваших новостях политических и литераторских! Что поделывают доброго, — спрашивал Бестужев в письме от 26 мая 1821 года, — общие приятели и товарищи наши: Греч, Глинка, Никитин? Здоров ли барон, не приехал ли Баратынский? Помнит ли меня Н. И. Гнедич?». 6 сентября того же года Бестужев просит кланяться Н. И. Кутузову, А. А. Никитину и «всем, всем, у которых сердце не наизнанку». «Гречу, Воейкову и Гнедичу мой сердечный поклон. Баронету и Баратынскому дружеское пожатие руки; Кутузову и всем юношам просьбу не забывать полуграматного драгуна», — пишет А. Бестужеву в письме 22 октября 1822 года.⁴⁷ Все это знакомые нам имена: Глинка, Гнедич, Баратынский, Никитин, Кутузов и Греч. Именно эти «друзья и товарищи» возглавляли в 1821 году «ученую республику». Понятно, что исследователь «ученой республики» не может пройти мимо союза друзей, о котором так ярко писал Кюхельбекер в стихотворении «Поэты».

Так! не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастье и в несчастьи твердый,
Союз любимцев вечных Муз!

После событий в Семеновском полку, в условиях наступившей реакции и усиленного полицейского сыска, «ученая республика» была призвана использовать легальные условия для продолжения

⁴⁶ «Соревнователь», 1822, ч. XVIII, стр. 235.

⁴⁷ Письма Бестужева опубликованы Г. В. Прохоровым в сб. «Памяти декабристов» (Л., 1926).

культурных традиций Союза Благоденствия. В почетные члены Вольного общества сознательно были избраны такие влиятельные и в большинстве своем либеральные лица, как И. М. Долгорукий, А. С. Шишков, Н. М. Сипягин, Д. А. Кавелин, А. И. Тургенев, Е. Б. Фукс, А. П. Ермолов, В. А. Жуковский, М. А. Милорадович, С. С. Уваров, Н. М. Лонгинов, М. М. Сперанский, А. Ф. Ланжерон, Н. М. Карамзин, Н. С. Мордвинов и др. Почетные члены, за редким исключением, не посещали собраний, на них не распространялся устав «ученой республики», но в их окружении было легче «соревнователям» отстаивать свою независимость. К тому же на некоторых почетных членов «ученой республики», например А. П. Ермолова, М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова, М. А. Милорадовича, рассчитывали декабристы, собирались увлечь их в свои политические замыслы.

Подводя итог за 1821 год, президент «ученой республики» на отчетном собрании «соревнователей» указывал на подводные камни, о которые не должен разбиться корабль. Это была метафорическая речь: Обществу предстоит встретить на своем пути разные неожиданности и, может быть, увидеть среди «роскошного пира» «мертвую голову». В условиях наступавшей реакции, чинившей расправу над тайными и вольными обществами, предупреждение Глинки означало призыв к дальнейшему объединению сил вокруг «ученой республики». «Но не будем, — говорил Глинка, — смотреть с беспечным равнодушием или холодностию на таковое положение Общества: ибо что есть постоянного под солнцем и в судьбе человека? Сегодня пловцы наслаждаются безопасностью в пристани надежной, а завтра свирепая буря метет рассеянные челны их по зыбям моря кипящего. Картины жизни переменяются, как явления оптические: извините, что я осмелился бросить оттенок такой на приятную картину настоящего положения нашего. В древнем Египте, как говорит предание, среди роскошнейшего пира представляли глазам собеседников мертвую голову. Так, мысль о будущем придает цену настоящему».⁴⁸

7

За 1822 год сохранился «Журнал ученых упражнений» (арх. № 98), поэтому исследователь Вольного общества любителей российской словесности может совсем точно представить себе характер отдельных собраний, ответить на вопрос, какие именно произведения читались на том или ином заседании в течение года, и совершенно точно установить посещаемость, кто и сколько раз в течение года посетил «ученую республику». Особенно активно сотрудничали в 1822 году Ф. Глинка, К. Рылеев, А. Бестужев,

⁴⁸ «Соревнователь», 1822, ч. XIX, стр. 225—226.

Н. Бестужев, А. Корнилович, О. Сомов, А. Никитин, Н. Кутузов, А. Дельвиг, А. Княжевич, А. Рихтер, Е. Люценко, В. Анастасевич и П. Плетнев. В списке присутствующих членов на заседаниях совершенно не встречается имя В. Кюхельбекера, но Кюхельбекер весь 1822 год провел на Кавказе и в имени Закуп Духовщинского уезда Смоленской губернии, поэтому он и не мог присутствовать в «ученой дружине». Из отдельных протоколов мы составили один сводный табель присутствия отдельных членов «ученой дружины» на заседаниях.

А. А. Никитин	26 раз	Н. М. Коншин	5 раз
Ф. Н. Глинка	25 »	Е. П. Ковалевский	5 »
К. Ф. Рылеев	25 »	Д. И. Воронов	5 »
В. Г. Анастасевич	23 раза	Н. И. Греч	5 »
Е. П. Люценко	22 »	В. В. Любарский	4 раза
А. О. Корнилович	21 раз	Н. И. Гнедич	-6 раз
Я. М. Лыкошин	19 »	В. И. Брайкевич	4 раза
П. А. Плетнев	18 »	И. Д. Боровков	4 »
И. К. Аничков	18 »	Н. А. Цертелев	4 »
А. Ф. Рихтер	16 »	П. А. Теряев	4 »
Н. И. Кутузов	13 »	А. А. Владиславлев	4 »
А. М. Княжевич	12 »	М. Е. Лобанов	4 »
О. М. Сомов	12 »	Г. И. Спасский	3 »
Н. А. Бестужев	13 »	В. М. Княжевич	3 »
Д. М. Княжевич	13 »	А. Н. Очкин	3 »
А. А. Бестужев	14 »	Ал. К. Дуроп	3 »
Ф. В. Булгарин	12 »	А. Е. Измайлов	3 »
В. И. Панаев	12 »	В. И. Туманский	3 »
А. А. Дельвиг	11 »	Е. А. Баратынский	2 »
О. И. Сенковский	8 »	В. И. Голынский	2 »
Гр. Хвостов	8 »	А. Д. Иллчевский	2 »
Д. В. Сахаров	8 »	А. Ф. Воейков	1 раз
А. Д. Боровков	7 »	Д. И. Языков	1 »
П. Н. Арапов	7 »	Б. М. Федоров	1 »
Я. Г. Ковалев	7 »	В. С. Пелчинский	1 »
В. К. Бриммер	7 »	И. И. Ильин	1 »
М. М. Сонин	7 »	Н. Ф. Остолопов	1 »

Всего за 1822 год состоялось 31 заседание, на которых и было рассмотрено 170 произведений в стихах и прозе. Не каждое собрание соответствовало требованиям «ученой республики», но нельзя пройти мимо тех собраний, на которых инициатива принадлежала декабристам и их единомышленникам. Таких собраний было немало.

В «ученые упражнения» закономерно входят фольклористические статьи, свидетельствующие о внимании «соревнователей» к народной поэзии. В 1818 году в «Соревнователе» (№№ 10—12) появляется статья Ф. Шидлефеля «Гомер и его творения», содержащая необходимые сведения по гомеровскому вопросу, обзор изучения Гомера в Европе. Можно привести ряд доказательств того, что Вольное общество не от случая к случаю, а систематически занималось пропагандой фольклора и памятников древне-русской

литературы. Еще в 1818 году в «Соревнователе» появилась статья действительного члена Я. Орлова «Дух российских государей Рюрикова дома», содержащая две важные методологические предписания: 1) «В России первые законы были оттого основательны, что они почерпнуты из свойств народа, а не заимствованы от чужеземцев» и 2) «Россия с XII века имела уже собственных искусных живописцев, зодчих и других художников и мастеров».⁴⁹ 26 марта 1818 года на заседании Общества В. С. Алферьев сделал доклад на тему «Черты нравов и дух народа русского, извлеченные из песен» (см.: «Соревнователь», 1818, ч. I, кн. 3). Тогда же, т. е. в 1818 году, А. П. Гевлич по заданию Вольного общества написал статью «Нечто о народных русских песнях». «Песни, излившиеся из сердца народа, — замечал Гевлич, — еще в колыбели самой природы не утонченного образованием гражданским и не поврежденного пороками общества, суть чистые отпечатки его характера, первые безыскусственные звуки его поэзии, в коих изображается, так сказать, вся душа его».⁵⁰ В заключение Гевлич обращался к читателям и корреспондентам «Соревнователя» с просьбой посылать в Вольное общество фольклорные записи.

В 1819 году в действительные члены Общества был принят Я. О. Пожарский, подготовивший к изданию «Слово о полку Игореве». В делах Общества сохранился благодарственный адрес, в котором отмечалась ревность Пожарского к «отечественному слову и самой истории, доказанная изданием сей полезной книги». Пятисот экземпляров «Слова о полку Игореве» Пожарский пожертвовал «соревнователям» с условием, что «из вырученных за оную денег по пяти рублей за экземпляр половина будет употреблена в пользу бедных».

Можно сослаться на ряд статей и рефератов, посвященных устному народному творчеству и этнографии: «Изустные народные предания в городе Белом, Смоленской губернии», сообщенные Ф. Паскевичем (1818), статью Н. Цертелева «О свадебном русском обряде» (1820), статью Андрея Пушкина «Скифы» (1824), где говорилось и о русском былинном эпосе. На заседаниях Вольного общества слушались сообщения о переводах песен разных славянских наречий: первое известие о древних богемских песнях, изданных Ганкою под названием «Краледворская рукопись», заметки по поводу сборников Вука Караджича, отрывки из путешествия аббата Фортиса в переводе Ореста Сомова («О нравах и обычаях морлаков, или славян долматских»)⁵¹.

⁴⁹ Там же, 1818, ч. I, стр. 145, 158.

⁵⁰ Там же, ч. III, стр. 342.

⁵¹ Перевод О. Сомова напечатан в № 10 «Соревнователя» за 1818 год. Характеризуя морлаков как «великодушный и гостеприимный» народ, весьма склонный «делать добро и оказывать благодарность свою за малейшее благодеяние», аббат Фортис ставил в пример «общество братьев»: «В сих союзах морлаки обязываются помогать взаимно друг другу во всех нуждах, во всех опасностях

А. А. Никитин на одном из публичных собраний читал «Богемские народные песнопения, извлеченные из Краледворской рукописи», с предисловием А. С. Шишкова и с приложением четырех богемских песен в переводе на русский язык («Соревнователь», 1820, № 7). Членам Общества хорошо были известны и другие сборники славянского фольклора: «Собрание песен разных славянских наречий» Челаковского и «Собрание» Вука Стефановича.⁵² 10 апреля 1822 года в Вольном обществе слушалась статья «О гражданстве древних славян» Раковецкого в переводе с польского В. Г. Анастасевича. «Древние, а многие и из новейших писателей, — говорилось в этой статье, — по разным предрассудкам обыкновенно приписывали древним славянам дикость, непросвещенность и невежество: но, при всем том, не могли заметить истину». Раковецкий убедительно доказывал, что «славяне, прежде и ныне известные под разными названиями, с незапамятных времен вели общественную жизнь, не кочевали, подобно ордам, но обитали в селах и городах, в которых были украшенные храмы богов их; занимались земледелием, горным делом, ремеслами и торгами; были промышленны и трудолюбивы, милосердны к ближнему и чрезвычайно гостеприимны; любили домашнее спокойствие, дружеские беседы и музыку». Отмечая склонность славян к поэзии, Раковецкий ссылается на «Слово о полку Игореве» и на древние песни богемские, изданные Ганкою.

Наиболее видным фольклористом Вольного общества был Н. А. Цертелев.⁵³ Много труда Цертелев вложил в подготовку к изданию старинных русских песен. В заметке, напечатанной

и мстить за оскорбления, нанесенные кому-либо из друзей. Они так свято соблюдают свои обязанности, что готовы жертвовать на самом деле жизнью за своего побратима» (стр. 45).

⁵² О Ф. Л. Челаковском см. статью С. В. Никольского «К вопросу о знакомстве Ф. Л. Челаковского с русской фольклористикой начала XIX в.» («Ученые записки Института славяноведения», т. I, Изд. АН СССР, 1949, стр. 359—366).

⁵³ Цертелев вошел в науку главным образом как собиратель малороссийских песен, но и в области русского фольклора он заслуженно может считаться одним из первых знатоков народной словесности. Ему принадлежат следующие статьи и заметки, появившиеся в «Соревнователе» и в «Сыне отечества» за интересующий нас период: 1) «О старинных малороссийских песнях» («Сын отечества», 1818, ч. 45; ср.: «Опыт собрания старинных малороссийских песен», СПб., 1819); 2) «Замечания на вторую часть „Опытов“ Востокова о русском стихосложении» («Сын отечества», 1818, ч. 49); 3) «Взгляд на старинные русские сказки и песни» («Сын отечества», 1820, ч. 59 и 60; Ср.: «Взгляд на русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихотворений», СПб., 1820); 4) «О произведениях древней русской словесности» (СПб., 1820; ср.: «Сын отечества», 1820, ч. 63); 5) «О стихосложении старинных русских песен. Письмо Остолопову» («Сын отечества», 1820, ч. 63); 6) «Отрывок на рассуждения о поэзии вещей или предметов» («Соревнователь», 1820, ч. X); 7) «Известие об издании старинных русских песен» («Сын отечества», 1820, ч. 61; «Благонамеренный», 1820, ч. 10, № 8; «Вестник Европы», 1820, ч. 110; «Северный архив», 1820, ч. 3); 8) «О свадебном русском обряде» («Соревнователь», 1822, ч. XIX).

в 1820 году в «Сыне отечества» и перепечатанной в «Вестнике Европы», он высказывал справедливое недоумение относительно того пренебрежения, в котором находится собрание и издание народных преданий и песен.

«Во всех государствах просвещенные любители отечественного слова, — писал Цертелев, — с большим старанием собирали народные предания. У нас также были некоторые опыты по сей части. Мы имеем уже два издания так называемых древних русских стихотворений, содержащих в себе большею частью краткие богатырские повести; но до сих пор, не знаю почему, никто не хочет издать старинных русских песен». Кроме материалов, собранных самим Цертелевым, в собрание песен должны были войти записи А. Х. Востокова, А. Е. Измайлова, Г. И. Спасского и Н. А. Полевого. Участие Востокова особенно замечательно. Востоков еще в 1810 году занимался сбором пословиц и песен. 14 мая 1810 года он подал в Общество любителей словесности, наук и художеств заявление о задуманном издании русских народных песен и обращался к «сочленам» с просьбой сообщать сведения о печатных и рукописных песенниках, а также о песнях, «хранящихся только в устном предании по деревням». «Я надеюсь и тем одним услужить любителям русского слова, — говорил Востоков, — что из всех печатных песенников выберу настоящие русские песни в простом оригинальном их виде, который сколько можно восстановить тщательным сличением текстов, удерживаясь от всяких своевольных поправок». ⁵⁴ Предполагаемое издание «потерпело остановку за другими важнейшими занятиями автора» (об этом пишет Востоков в предисловии к «Опытам о русском стихотворении», СПб., 1817). План издания, составленный Цертелевым, учитывал опыт Востокова и в какой-то мере был его прямым продолжением. Об этом свидетельствует и само участие Востокова во вновь предпринятом издании и методическая заметка Цертелева, развивающая мысли Востокова о необходимости «тщательного сличения текстов, удерживаясь от всяких своевольных поправок, какие позволял себе покойный М. Попов». ⁵⁵ Для 20-х годов XIX века принципы публикации фольклорных текстов, разработанные Востоковым и Цертелевым, были большим достижением. В дальнейшем эти принципы будут продолжать и развивать такие видные собиратели русского фольклора, как П. Киреевский, Рыбников и Гильфердинг.

Указанная методическая записка представляет некоторый интерес для историков русской фольклористики. Приведем те «глав-

⁵⁴ Журнал Министерства народного просвещения, 1890, № 3, стр. 101.

⁵⁵ Сама идея создать собрание русских песен возникла в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств. В протоколах этого общества за 1818 год сказано, что «действительный член кн. Н. А. Цертелев по поручению Общества занимается сочинением истории русской древности и изданием собрания отечественных песен» (бумаги Вольного общества любителей словесности, наук и художеств хранятся в архиве Ленинградского государственного университета, д. 196).

нейшие правила», которых «собираюсь придерживаться Цертелев при составлении сборника русских песен:

«Надеюсь, что любители отечественной старины не откажутся участвовать в сем издании».⁵⁶ «Я же, со своей стороны, — писал Цертелев, — могу их уверить, что всякий добрый совет и участие приму с искренней признательностью.

«Не излишним также считаю изложить здесь, каким образом поступаю я с собранными мною стихотворениями.

«Главнейшее правило при издании подобных сочинений есть точность. Обязан буду сохранить сие правило, но вместе с тем, не желая перепечатывать уродливых наших песенников, я поступаю следующим образом.

«1) Если встречается два или три и более списка одного и того же стихотворения,⁵⁷ то я избираю лучший из них и всегда почти самый старый вместо оригинала, сравниваю с ним прочие и, если вижу, что в первом выпущены или испорчены некоторые места, уцелевшие в лучшем виде в других, то заменяю их последними, отличая сии особенным знаком, показывающим издание, испорченные же стихи, равно как и замечания о выпусках, вношу в варианты.

«2) Если встречается мне стихотворение, в котором очевидно вставлено несколько стихов из других, таковые стихи помещаю в вариантах.

«3) Слова совершенно новые или же противоречащие, так сказать, тону сочинения, заменяю приличнейшими, помещая первые в вариантах.

«4) Исправляю погрешности против принятой в стихотворении гармонии, если могу сие сделать, не нарушая выражений и означая то в примечаниях».

Методическая записка Цертелева включает и такой сомнительный в научном отношении пункт, как «исправление погрешностей против принятой в стихотворении гармонии». Однако в правилах Цертелева вопрос идет о правке тех песен, которые вошли в рукописные сборники, «обезображенные переписчиками». В каждом отдельном случае Цертелев считает своей обязанностью сообщать в специальных примечаниях разночтения и варианты. «Я никогда, — признавался Цертелев в примечаниях к своей заметке, — не позволил бы себе никаких поправок, если бы мог собрать изда-

⁵⁶ «Само собой разумеется, что присылаемые стихотворения должны быть или нигде не печатаны, или иметь с напечатанными большие различия; в первом случае прошу гг. доставляющих означать, где собраны, во втором, сохранилось ли сие различие в общем употреблении, или ими исправлено. Желаящие доставить пьесы могут адресоваться к издателю „Благонамеренного“ его высокоблагородию Александру Ефимовичу Измайлову, живущему на Песках в доме Моденова». (Прим. Н. А. Цертелева).

⁵⁷ «Некоторых песен имею я до двадцати изданий». (Прим. Н. А. Цертелева).

ваемые мною стихотворения из уст простого народа, сохранившего оные, но будучи в необходимости беспрестанно прибегать к песенникам и зная, с каким невниманием издаются у нас сии последние, считаю упомянутые поправки не только позволительными, но даже необходимыми, дабы сколько-нибудь приблизиться к истинному тексту». Образцы такой правки Цертелев дал в статье «О стихосложении русских народных песен» («Сын отечества», 1820, ч. 63). Цитируя из «Нового и полного собрания песен» (1780 год) песню «Ах, кабы на цветы да не морозы», он объясняет исправление 7-й строки «И я батюшке-то говорила» (вместо: «И я батюшке ах говорила») следующим соображением: «В песеннике вместо сего слова ах, но это, вероятно, поправка и самая неудачная, ибо в старинных русских песнях междометие ах никогда не встречается в середине или в конце предложения, но всегда в начале; я осмелился поставить то». В песне «У реки сидя, девка плакала» (из того же сборника) отмечаются 6-я, 7-я, 10-я и 15-я строки как не имеющие «надлежащей гармонии». В «Российской Эрате» Попова Цертелев находит пропуски, которые разрушают двенадцатисложный стих, состоящий из трех пеонов. 8-ю и 9-ю строки песни «Ах вы, кумушки, голубушки» Цертелев считает несовершенными и предлагает за основу взять «Песенник» Глазунова (1814 год), где восстановлено прилагательное «дубовой»:

Изд. Попова

Изд. Глазунова

Под полою цветно платье уносила,
За вереюшкой одевалась.

Под полою цветно платье уносила,
За вереюшкой дубовой одевалась.

В песне «И я золото хороню» Цертелев предлагает в 20-й стих внести поправку: вместо «четвертым жемчужным» печатать «четвертым жемчужным» и т. д.

Много внимания в статье «О народной поэзии», появившейся в 22-й части «Соревнователя» за 1823 год, Цертелев уделил проблеме стихосложения, считая, что в народных песнях следует искать «разного рода метрические стихи». Сама идея создания правильного литературного стихосложения на основе народной песни, как на это справедливо указывает Б. В. Томашевский, не нова: «Через нее пришел к тоническому стихосложению Тредиаковский; позднее к ней приходил Радищев; увлекались ею Львов, Капнист; она оказала свое влияние на творчество Державина».⁵⁸ В 20-х годах эта идея получила новое практическое значение в связи с поисками национально-самобытных форм поэзии. Рассуждение Цертелева о народном стихосложении имеет много общего с «Опытами о русском стихосложении» Востокова. Вслед за Востоковым Цертелев отмечает четыре особенности народно-песенного стиха:

⁵⁸ Б. В. Томашевский. Из пушкинских рукописей. «Литературное наследство», 1934, тт. 16—18, стр. 277.

1. Перемещение ударных слогов или «ударение не на тех слогах, где бы следовало» («разное слогуударение», по Востокову).

2. «Усечение и сокращения слов» («выбрасывание слоговых, входящих в меру», по Востокову).

3. «Прибавление или ставление слогов» («вставка в самое слово напоминательных слогов для меры», по Востокову).

4. «Добавление стиха, которое обыкновенно делается прибавляя (без нужды для смысла) односложные слова: тут, уж, как, что, да, то, а и проч.» (так называемые «частицы напоминательные», по Востокову).

Вместе с тем между взглядами Востокова и Цертелева имеется принципиальное различие. Востоков более объективно смотрел на проблему русского стихосложения, он не был сторонником механистического насаждения фольклорно-песенных размеров, хотя и считал, что поэты должны прислушиваться к голосу народной песни. Цертелев стремился перенести метрическую структуру стиха из народной поэзии, находя в ней «совершенно правильные разного рода метрические стихи», в современную поэзию, не делая разницы между письменной и устной поэзией. Отсюда понятна попытка Цертелева правильный русский гекзаметр найти в русских песнях и его рекомендация поэтам о необходимости подражать в стихосложении фольклорным образцам.

Иных позиций придерживались Н. И. Гнедич и Ф. Н. Глинка. Они стремились размером Гомера писать «народные» стихи. Так, Глинка читал «народную сказку» «Бедность и труд» в Вольном обществе еще в 1818 году (28 января). Затем эта «сказка» с подробными авторскими пояснениями печатается в «Сыне отечества» (1818, № 3). Показательно само стремление разрешить проблему национального гекзаметра, опираясь на опыты Гнедича. «Народная сказка», рассказ из народной жизни, излагается метром Гомера. Вместо обычного пастуха — портрет деревенского парня:

Ловкой детина пришел к ним, и бог весть и как и откуда,
Гоголем парень идет — и речист, и умен, и приветлив;
Ростом высок он, плечист и в подбитом овчинном кафтане,
Станет пригож молодец!.. По бедрам коломный пояс,
Шапка с заломом; лицо — словно кровь
С молоком; взгляд — соколиный!

Слово «парень» вызвало в свое время нарекания Карамзина, как грубое и неприличное слово, ибо тотчас же является «мыслям дебелий мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: «ой парень! что за квас».⁵⁹ Герой стихотворения Глинки более походил на «ой парень», нежели на «покойного поселянина», который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: «Вот гнездо! Вот пичужечка!». «Это

⁵⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 39.

не гомеровский Ахиллес в зипуне, как у Капниста, если пользоваться уваровским выражением, а русский парень в гекзаметрическом гомеровском уборе: по замыслу Глинки — это персонафицированный Труд». ⁶⁰ Глинка противопоставляет свои несколько тяжелых «эпические» стихи сентиментальной изысканной идиллии, светской, салонной «народности». В примечаниях к стихотворению «Бедность и труд» автор пояснял свой замысел: «старался сделать опыт применения эксамetra (стройного, звучного, великолепного стиха) к простонародному русскому рассказу».

8 июня 1820 года Федор Глинка на заседании Вольного общества читал отрывок из стихотворения «Суд божий», в подзаголовке указывалось на жанровое своеобразие данной идиллии: «народный рассказ». На этом же заседании Цертелев выступал со статьей «О стихосложении старинных русских песен». Цертелев тоже пробовал свои силы в опытах «народной» поэзии. 23 мая 1822 года он читал «народную быль» под названием «Ночь русская». «Предлагая оную, хотел я, — предупреждал Цертелев, — попытаться написать что-нибудь в духе отечественной нашей поэзии. Не знаю, удачен ли мой опыт, но уверен, что писатели с талантом и познаниями могли бы дать поэзии нашей собственный характер, убитый рабским подражанием немцам и французам». ⁶¹

Цертелев, Глинка и Гнедич проявили одинаковый интерес к жанру «народного рассказа». Вопрос шел об использовании фольклорного материала в целях демократизации литературного языка. Идиллия Гнедича «Рыбаки», где отсутствовали сентиментальные пастухи и «мифология греческая», была высоко оценена П. Плетневым в «Соревнователе». Отмечая, что в идиллии Гнедича «характеры рыбаков совершенно списаны с природы» и «верно изображен образ мыслей простолудинов», Плетнев писал далее: «Любовь к отечеству есть первая добродетель гражданина, и она столь естественна каждому, что мы не умеем вообразить такого космополита, который бы не чувствовал внутреннего удовольствия, услышав звуки народного языка в чужой земле или приближаясь к отечеству... По любви к отечеству все произведения народной поэзии становятся для нас особенно драгоценными». ⁶² Статью об идиллии «Рыбаки» Гнедича Плетнев читал в Вольном обществе 6 марта 1821 года. Статью Цертелева «О свадебном русском обряде» слушалась на собрании 5 июня 1822 года. Среди присутствующих на этом заседании были Глинка, Рылеев, Корнилович, Александр и Николай Бестужевы. «Торжественность обрядов, — говорил Цертелев, — поражая воображение, возвышает душу, а следовательно, имеет доброе влияние на самую нравственность». Сказки, пословицы, свадебная обрядовая поэзия составляют нравственное и житейское «уложение народа».

⁶⁰ А. Н. Ег у н о в. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков, стр. 238.

⁶¹ «Благонамеренный», 1823, ч. 21, стр. 128.

⁶² «Соревнователь», 1822, ч. XVIII, стр. 364.

В своих суждениях о народной поэзии Цертелев не мог не импортировать Рылееву и Бестужеву. Декабристы считали фольклор одним из надежных источников самобытной русской литературы. Но быть передовым фольклористом — это еще не значит быть декабристским романтиком. Проблема народности понималась Цертелевым еще слишком односторонне; признавалась эстетическая ценность фольклора и делалась попытка через фольклор добиться национального своеобразия в литературе. Однако и сам фольклор, и проблема самобытности в литературе у Цертелева не означали признания декабристской гражданственности и свободолюбия. Через год с небольшим Цертелев докажет, что он, как и в пору борьбы с Каразиным, не сочувствует передовым веяниям в литературе и после очередного диспута покинет «ученую республику».

8

Научными и художественными чтениями «соревнователи» стремились распространить высокие истины и примеры, достойные подражания. Через Вольное общество декабристы воздействовали на литературную жизнь эпохи, и литература, таким образом, вливалась в поток общественного движения. Эстетические взгляды «ученой республики», если иметь в виду левое крыло Вольного общества, оформились под непосредственным влиянием законоположения Союза Благоденствия, где говорилось о необходимости возбуждения «высоких и к добру увлекающих чувств».

Преклоняясь перед гражданской античностью и приветствуя революционное движение Греции, писатели-декабристы и их единомышленники в Вольном обществе все чаще и чаще задумываются над отечественной историей, над поучительными событиями прошлого своей страны. Характерную черту «ученых упражнений» 1822 года составляют повышенный интерес к национально-героической исторической теме, стремление по-новому осветить важнейшие эпохи национального развития. Впоследствии А. В. Поджио в «Записках декабриста» отметил именно этот поворот в декабристской историографии: «... мне хотелось, как русскому и по русскому делу, непременно ворваться в свою отечественную историю».⁶³ Это «врывание» в отечественную историю в Вольном обществе окончательно произошло в 1822 году, и нужно сказать, что произошло оно при прямом участии будущих деятелей Северного общества (Рылеева, Александра и Николая Бестужевых, Корниловича). Историк С. С. Волк по протоколам Вольного общества, опубликованным в нашей работе, подсчитал, что за пять лет (1820—1824) в «ученой республике» до 200 раз читались научные и литературно-художественные произведения на исторические темы. В 1822 году из 170 заслушанных сочинений — 46 историче-

⁶³ А. Поджио. Записки декабриста. М.—Л., 1930, стр. 68.

ского содержания.⁶⁴ На первом плане в исторических ученых и художественных «упражнениях» стояла история родной страны. «Любовь ко всему отечественному», о которой говорилось в уставе Союза Благоденствия, широко пропагандируется в «ученой республике», в выступлениях Глинки, Рылеева, А. и Н. Бестужевых, Корниловича, Сомова и многих других «соревнователей», вставших на путь декабристского исторического романтизма.

Во многом не соглашаясь с историческими воззрениями Карамзина, декабристы имели на некоторые периоды русской истории свою собственную точку зрения. Никита Муравьев горячо «выговаривал Карамзину за его похвалы самодержавию, за монархический дух его истории». М. А. Фонвизин в «Обозрении проявлений политической жизни в России» замечал, что историки, особенно Карамзин, были скупы на такого рода подробности, как устройство земской думы, они «говорили о них слегка или вовсе пропускали появление в России политической свободы и те учреждения, которые ей благоприятствовали». Карамзин и его последователи крайне тенденциозно относились к вечевому строю, к древнерусским республикам, особенно к вечевым судам, видя в них начало «народного своевольтва». Декабристы считали, что народная поговорка «Великий Новгород — государь наш!» не есть фикция, что в средние века русские были «на высокой степени гражданственности» и «наслаждались политической свободой». Декабристы восторженно отзывались о Новгороде и Пскове, о народном вече, по приговору которого «изгонялись сами князья и на место их призывались другие на княжение».⁶⁵ В этом отношении особенно показателен «Катехизис» Никиты Муравьева. Отвечая на вопрос Следственного комитета 12 января 1826 года, Н. Муравьев признавался: «Катехизис, писанный мною, имеет только цель доказать необходимость ограничения властей и пользу представительных собраний». Он приводил в доказательство вече, существовавшие в Киеве, Владимире и Москве при великих князьях российских и под их председательством. набросок «Катехизиса», переданный 23 марта 1822 года брату С. И. Муравьеву, включал следующий «любопытный разговор»:

«Вопр. Что значит вече?»

Отв. Собрание народа. В каждом городе при звуке вечевых колоколов собирался народ или выборные, они совещались об общих всем делах; предлагали требования, постановляли законы, назначали, сколько где брать ратников; устанавливали сами с общего согласия налоги; требовали на суд свой наместников, когда они грабили или притесняли жителей. Таковы вече были в Киеве на Подоле, в Новгороде, во Пскове, Владимире, Суздале и в Москве.

⁶⁴ С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов, стр. 66.

⁶⁵ Общественные движения в России в первую половину XIX века, стр. 102—103.

Вопр. Почему же сии вечи прекратились, и когда?

Отв. Причиною тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покорствовать тиранской их власти.

Вопр. Что было причиной побед и торжества татар?

Отв. Разложение князей дома Рюрикова, их честолюбие и распри, пагубные для отечества.

Вопр. Почему же зло сие не кончилось с владычеством татар?

Отв. Предания рабства и понятия восточные покорили их оружием и причинили еще более зла России. Народ, сносивший терпеливо иго Батыя и Сортана, сносил таким же образом и власть князей, подражавших во всем сим тиранам». ⁶⁶

Прославлением древних республик деятели Северного общества думали подтвердить свои политические взгляды, обосновать свою программу как завещанную предками, исторически оправданную. Руководители тайного общества, по словам А. Бестужева, «думали основываться вообще на правах народных, и в особенности на затерянных русских». ⁶⁷ «История великого Новгорода меня также утверждала в республиканском образе мыслей», — говорил на следствии П. И. Пестель. ⁶⁸ Декабристы слишком переоценивали новгородскую свободу, они не видели в Новгороде социальных противоречий, идеализировали вечно. «Декабристы, — пишет советский историк С. С. Волк, — сделали Новгород символом республиканской вольности и потому неизбежно приукрашивали его в своем воображении, считали его идеальной демократией, не хотели замечать в Новгороде боярского господства. Однако несмотря на это, хотя и весьма существенное заблуждение, нельзя пройти мимо очень важной тогда заслуги декабристов в изучении древнего Новгорода. Декабристы настойчиво проводили идею о республиканском и вечевом характере его политического строя. Тенденциозному, однобокому взгляду придворного историографа на древний Новгород как почти обычное княжество, отличающееся от других лишь «крамольным» духом граждан, декабристы нанесли серьезный удар». ⁶⁹

Аналогичные взгляды на Новгород пропагандировались в «ученой республике». 9 октября 1822 года «соревнователи» одобрили статью Н. Бестужева «История российского флота». ⁷⁰ Обзорение

⁶⁶ Восстание декабристов, т. I, стр. 322.

⁶⁷ Из писем и показаний декабристов, стр. 17.

⁶⁸ Восстание декабристов, т. IV, стр. 91.

⁶⁹ С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов, стр. 345. См. также: Б. Б. Кафенгауз. Об исторических взглядах декабристов. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», № 10, М., 1956.

⁷⁰ Основная часть труда Н. Бестужева остается до сих пор неопубликованной. По словам С. С. Волка, «„Опыт истории российского флота“, будь он выпущен в 20-е годы, явился бы крупным достижением не только русской, но и мировой морской историографии» (Исторические взгляды декабристов, стр. 407).

истории флота служило основанием к тому, чтобы перейти к обсуждению более важной политической проблемы, а именно, наметить основные периоды государственной и общественной жизни России и определить к ним свое отношение. Во «Введении» к «Истории российского флота» Н. Бестужев отказывается следовать за норманской теорией, считавшей основателями древнерусского государства варяжских князей. Для него первые руссы — не варяги, а «славяноруссы». «Славяноруссы» — не дикое племя, как это утверждали некоторые историки и писатели; они имели «ту же степень образования и даже больше познания прав человечества, нежели у других народов». Такого же мнения придерживались Н. М. Муравьев и М. Ф. Орлов.

Основное внимание в своей исторической концепции Н. Бестужев уделил древнему Новгороду. С эпохой республиканских областей, которые считались «истинным источником народного изобилия», сравнивались все остальные эпохи. Рассматривая русскую историю, Бестужев замечал, что Россия начала клониться к упадку после смерти Владимира Мономаха, который в своем завещании разделил государство на удельные княжества, вместо того чтобы общими силами поставить оплот своим порабощителям». В результате Россия, раздираемая междоусобицами, переживает национальные бедствия. Удельные князья, по словам Н. Бестужева, «спокойно смотрели на постепенное завоевание отечества, и вскоре южная торговля России, потрясенная в своем основании, перестала быть ее подпорою с сей стороны. Татары разорили Киев; многие южные города выжжены и истреблены; литовцы, пользуясь смятением, вступили в смоленские области — и мореплавание страны исчезло с свободою торговли россияни». Потребовалось два века, чтобы постепенно рассеять следы вражеского нашествия. При Иване III, когда Россия окончательно освободилась от татарского ига, было «позволено свободно торговать по России», но уничтожение Новгородской республики, павшей «под ударами Ивана III», составило новую «беду отечества». Об этой «беде» хорошо говорит Н. И. Тургенев. Видя в царствовании Ивана III «счастливую эпоху для независимости и внешнего величия России», Н. И. Тургенев в то же самое время напоминает о погибшей «вольности» народа: Россия в эту эпоху «восстает из своего уничтожения, но встает, заклеенная знаками рабства и деспотизма».⁷¹

Будущие декабристы отрицательно относились к политике князей московских, видя в ней начало необузданного самодержавия. Не отрицая прогрессивной роли Ивана IV в дальнейшей борьбе с татарами, подчеркивая его историческую роль как покорителя Казани и Астраханского ханства, Н. Бестужев одновременно называл Ивана IV «честолюбивым», имея в виду, что он «обратился с грозой на вновь не покоренных новгородцев». Иван IV не стал

⁷¹ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева, т. III, стр. 123.

героем декабристской литературы не потому, что решительно боролся против оппозиционно настроенного боярства и для осуществления своих задач требовал абсолютного подчинения. Декабристы не могли простить ему окончательного уничтожения Новгородской республики. Он «разорил и истребил», по словам Н. Бестужева, «жестоким образом множество гордых республиканцев», и при нем Новгород «утратил политическое и коммерческое существование». Хотя Иван IV помышлял о «просвещении подданных» и о «пользе государства», но властолюбие в нем брало верх. Печально складывалась судьба отечества и в последующие эпохи. Эпоха междоусарствия и «смятения», годы польско-шведской интервенции, падение Смоленска и Москвы, разграбление Новгорода, Ладоги и Орешка — таковы результаты эпохи смуты. Н. Бестужев, как и многие декабристы, с симпатией относится к царю Михаилу Федоровичу, который, «если не совсем излечил, то по крайней мере закрыл раны, нанесенные отечеству предшествовавшими бедствиями». Историческая характеристика доведена Н. Бестужевым до царствования Петра I.

На примере развития российского флота Н. Бестужев доказывает, что Петру Великому заслуженно принадлежит слава первого реформатора и гражданина. Этот исторический трактат, рассмотренный на одном из заседаний Вольного общества и напечатанный в «Соревнователе» (1822, ч. XIX), содержит декабристскую концепцию древней России и эпохи русского средневековья.

Крупнейшим декабристским историографом петровской эпохи был А. О. Корнилович. Многие исторические произведения Корниловича до нас не дошли, о них частично упоминается в протоколах Вольного общества любителей российской словесности. О литературном наследии Корниловича, опубликованном и утраченном, писали М. К. Азадовский, А. Г. Грумм-Гржимайло и Б. Б. Кафенгауз.⁷² Но, пожалуй, самое ценное сообщение сделал в 1961 году Юрий Лотман. Обычно считали, что литературная деятельность Корниловича начинается с напечатания в 1822 году в «Сыне отечества» статьи о записках жены английского посла Рондо с описанием пребывания ее в России в 20—30-х годах XVIII века. Между тем еще в 1820 году в «Отечественных записках» (№ 4) появилась его статья «Нечто о ратном искусстве древних россиян» (первая часть опубликована без подписи, вторая не появилась). В 1821 году в том же журнале (№ 11—12) уже под инициалами «А. К.» напечатана статья «Лефорт, генерал-адмирал и вице-роа Новгородский». Первая статья посвящена «отысканию следов» тактики и военного искусства древней Руси. Статья о Лефорте больше

⁷² М. К. Азадовский. Потерянные и утраченные произведения декабристов. «Литературное наследство», т. 59, 1954, стр. 734—736; А. О. Корнилович. Сочинения и письма. Издание подготовили А. Г. Грумм-Гржимайло и Б. Б. Кафенгауз. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 514—516.

касается Петра I, нежели его сподвижника. О Петре говорится как о «гражданине будущих веков», которому приходилось одному «вооружаться против закоренелостей». Встречая «препятствия на каждом шагу», Петр вынужден был прибегать к жестоким мерам. В статье Корниловича исторически оправдывается расправа Петра над стрельцами: «Если средства, которые он употреблял для образования народа своего, и покажутся жестокими, то они были необходимы по тогдашнему положению дел, и без того он никогда не достигнул бы своей цели, цели только благодетельной в последствиях своих». Обе эти статьи в «Отечественных записках» открыл Ю. М. Лотман на основании неопубликованных писем Корниловича к П. П. Свиныну. В письмах к Свиныну Корнилович ссылается на две не дошедшие до нас статьи: «О внешней политике России во времена правления Софии двух братьев Петра и Ивана» и «О политическом состоянии Европы во время рождения Петра».⁷³

В «Отечественных записках» Корнилович опубликовал свои первые статьи. Вся дальнейшая его литературная деятельность связана с «ученой республикой». В течение 1822 года на заседаниях Великого общества он выступал неоднократно: «Характер Петра Великого и его приближенных» (6 февраля), «Два подлинных письма гр. Г. И. Головкина к Петру Великому» (6 марта), «Отрывки, служащие объяснением некоторых мест нашей истории XVIII века» (10 апреля), «Путешествие Брюса по России» (5 июня), «Посольство Рейнгольда фон Бредероде, Дитриха Босса и Альберта Иоахима в России» (14 августа), «Посольство Иоахима Скультетуса от бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма царю Алексею Михайловичу в 1675 году» (18 сентября), «О балах в России» (4 декабря). В 1822 году Корнилович присутствовал на 21 заседании и прочитал 7 сообщений на исторические темы; в следующем году (1823) на 22 заседаниях сделал до 6 сообщений.

Были в «ученой республике» и другие «соревнователи», успешно работавшие в жанре «исторического повествования». Не задаваясь целью осветить сколько-нибудь подробно исторические взгляды декабристов, мы не можем не замечать тех прогрессивных сил в исторической науке и литературе, которые развивались в филиале Союза Благоденствия.

Древненовгородская тема не сходила с повестки дня «ученой республики» и нашла отражение в ряде выступлений «соревнователей». 8 августа 1821 года А. Ф. Рихтер представил в Общество статью «Влияние монголов на Россию».⁷⁴ Отмечая отрицательное влияние татарского ига на нравственность и поэзию рус-

⁷³ Ю. М. Лотман. Неизвестные и утраченные исторические труды А. О. Корниловича. «Русская литература», 1961, № 2, стр. 121—125. — Здесь опубликованы пять писем А. О. Корниловича к П. П. Свиныну.

⁷⁴ Титулярный советник Александр Федорович Рихтер умер 16 января 1826 года, на 33-м году жизни. См. некролог: «Северная пчела», 1826, № 13.

ского народа, Рихтер подчеркивал исключительное значение Новгорода и Пскова в сохранении истинно национальных обычаев и нравов: «Нравы ожесточились; нравственность вместе с духом народа пала, и все, что имело прежде вид свободы и прав гражданских, исчезло. Один только Новгород и Псков, как древние священные памятники прежнего благоденствия, отбрасывали блеск независимости на мрачные сии времена».⁷⁵ В письме к гр. Хвостову от 5 июня 1823 года Рихтер рассказывал о впечатлении, произведенном поездкой в Новгород: «Новгород — сей некогда знаменитый и богатый город, представляет теперь весьма жалкую картину. Рассматривая его в нынешнем положении и сравнивая его прежние величие, кажется, что гнев божий постиг сей город. Так времени и корыстолюбие тиранов изгладило его величие. Площадь, на которой совершались все дела республики, теперь похрыта грязью и стеснена бедными деревянными строениями. На площади сей, где стоял прежде образ Вадима, теперь строятся губернские места; могут ли они возродить приятные идеи и дать утешение человечеству?»⁷⁶

Посещение новгородских мест, живо напоминавших о прежней славе древней республики, входило в план краеведческих путешествий членом Вольного общества. О своем посещении волховских мест и о вызванных этим посещением воспоминаниях говорит в стихотворении «Берега Волхова» В. Григорьев, находившийся под непосредственным влиянием Рылеева.⁷⁷ В стихотворении Григорьева новгородцы наделены вечной славой и противопоставлены безрадостной современности.

Воспоминанья древних дней
На сих местах в моей душе теснились:
Так — здесь толпы богатырей
С пришельцами за кровь родимых бились.
Правдивым мщением кипела русских грудь,
Свободу жизни ограждая;
И часто Волхова багровел светлый путь,
Враждебных трупы увлекая.
Теперь все смолкнуло: лишь в бурю вран кричит,
Гнездяся в башне позабытой,
На ржавых верях дверь дряхлая скрипит,
И свищет ветр в стене разбитой.⁷⁸

13 марта 1822 года «соревнователи» слушали «Отрывок из дневника гвардейского офицера» А. Бестужева, в котором воспоминания о ледовом побоище и великом муже Александре Невском сое-

⁷⁵ «Соревнователь», 1822, ч. XVII, стр. 252.

⁷⁶ Бумаги гр. Хвостова, № 70, л. 95 и об.

⁷⁷ Напомним, что Рылеев не только принял непосредственное участие в описании деяний великих мужей России, но и советовал Пушкину последовать его примеру: «Ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы, — настоящий край вдохновения, и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы?» (письмо в январе 1825 года).

⁷⁸ «Соревнователь», 1823, ч. XXIV, стр. 53.

динено с памятью о Новгороде и Пскове. Стихотворные отрывки из «Листка гвардейского офицера» могут быть поставлены в один ряд с первыми и лучшими опытами декабристской поэзии. В это же самое время Александр Бестужев работает над новгородской повестью «Роман и Ольга», а также замышляет «погрузиться в тьму летописей» и приняться за «Историю Новгорода» (письмо к Н. А. Полевому от 12 февраля 1831 года). Повесть «Роман и Ольга», появившаяся в 1823 году в «Полярной звезде», хорошо известна. В ней прямым образом сказался декабристский культ новгородской республики и ясно обозначился метод работы революционных романтиков над исторической темой. Здесь история, исторические факты и события воссоздаются с помощью романтических приемов повествования. Попутно с изображением исторических событий писатели-историки решают проблемы эстетического порядка, в первую очередь проблему народности и национального своеобразия. Отсюда густой этнографический колорит в новгородской повести Бестужева. В примечаниях к повести Бестужев сообщает: «Я старался приблизиться к простому настоящему русскому рассказу и могу поручиться, что слова, которые многим кажутся странными, не вымышлены, а взяты мною из старинных летописей, песен и сказок». В оценке древнего Новгорода и действий Ивана IV бестужевская повесть в какой-то степени тоже опирается на фольклор, на фольклорные симпатии к Новгороду и на отрицательное отношение новгородских народных преданий к Ивану Грозному.

Об историческом повествовании в связи с эстетикой романтизма писал Федор Глинка в «Рассуждении о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года»: «... историк должен «опустить ни одной черты касательно свойств народа и духа времени». Декабристская литературная теория развивается на исторической основе, постоянно обращается к историографии, к «фонарю» летописей и народных преданий; с другой стороны, декабристская историография идет на прямой творческий и идейный союз с декабристской литературной теорией и эстетикой, часто выступает в содружестве с художественной литературой (прозой и поэзией). Это единение исторических и литературно-эстетических концепций и стилей легко обнаруживается в «ученых упражнениях» передовых писателей и ученых из Вольного общества. «Ученые упражнения» и поэзия показывают, как отбирался материал, — этот точно определенный репертуар слов, тем и сюжетов. На семантическую многозначность слова указывали сами писатели и теоретики литературы:

«Мы... в поэзии слог назовем тогда только хорошим, когда он будет ознаменован истинным вдохновением, и по сему самому мощен, живописен, разителен; а в красноречии, когда будет истинно увлекателен; что же касается слов, употребляемых писа-

телем, мы не станем различать, новые ли они или древние, гражданские ли или церковные, но в точности ли выражают мысль автора и употребительны ли кстати: в сих последних двух достоинствах, а не в другом чем полагаем мы грамматическую чистоту всякого слова».⁷⁹

Грибовский в своем доносе обращал внимание правительства на характерные для декабристской литературы «напоминания и, так сказать, беспрестанные атаки по заведенной системе на понятия о рабстве, цепях неволи, тиранстве, ненаблюдении правосудия и пр.». Эти напоминания, «врезываясь в памяти, давали бы дурное мнение и поселяли бы отвращение от существующего очерняемого порядка и желание перемен».

«Ученая республика» ставила перед собой задачу создания жизнеописаний «великих мужей России», а также своеобразных путешествий по историческим местам. «Упражнения» 1822 года, посвященные Новгороду и Пскову, входят в этот замысел, составляя наиболее важную часть национальных «деяний», свидетельствующих о героических доблестях сограждан и подвигах предков. Писатели-декабристы практически осуществляли вовлечение науки и литературы, вовлечение художественного (поэтического) слова в большую политическую агитацию. В этом и заключается практическое завоевание декабризма. В поэзии декабристов отсутствуют обветшалые украшения, мелочи, «искусство ради искусства»; слово в его историческом и современном звучании, в художественном творчестве декабристов приобретает большую актуальность, формирует мотивы и образы, скрепленные с фактами и поступками, приобретает большую действительную силу. Характерная для декабристской поэзии устойчивость словаря, образов, символов объясняется не тем, что она состоит из «шифров» и «тайн», а тем, что декабристская публицистика и поэзия — средство внушения, пропаганды. Тут нужен ограниченный и весомый репертуар и нужны повторения. Библейская, античная, историческая символика — не шифр, не только образный материал, но способ придавать теме значительность, соответствующий ей внутренний масштаб. Пропаганда требует выбора опорных и главных слов, тех слов, которые выражают программу и цель движения, ей нужны упражнения, повторения и обобщения, постоянные напоминания и воспроизведения нужных слов-образов и добавочных подробностей к ним. В этом отношении особенно показательны думы Рылеева, которые составляли в 1822 году важнейший раздел литературно-научных занятий «ученой республики».

9

Самым значительным событием 1822 года следует считать полное признание Рылеева как поэта-гражданина. В обзоре «уче-

⁷⁹ «Сын отечества», 1825, ч. 102, стр. 263.

ных упражнении» 1821—1822 годов уже неоднократно встречалось имя Рылева. В «ученой республике» Рылеев оформил свои эстетические и идейные взгляды, а потом возглавил поэзию «соребнователей» и как цензор поэзии отвечал за состояние и направление Вольного общества. Напомним о появлении в «ученой республике» Рылеева. 18 апреля 1821 года бар. А. А. Дельвиг внес предложение о его избрании в члены Общества. Тогда же было принято следующее определение: «Баллотирование г. Рылеева произвести в чрезвычайном собрании, буде он к тому времени представит какое-либо произведение на основе устава Общества».⁸⁰ Рылеев представил перевод польской сатиры Ф. В. Булгарина «Путь к счастью», перевод был одобрен Обществом», в результате решено 25 апреля «Рылеева пригласить пожаловать в собрание 2 мая для выслушивания и подписания устава».⁸¹ В назначенный день Рылеев пришел в Вольное общество. «В сем собрании производилось принятие члена-сотрудника К. Ф. Рылеева, который выслушал законоположение Общества, подписался в знак готовности выполнять оное и получил диплом, устав и список членов. Определили: об избрании г. Рылеева напечатать в „Соребнователе“».⁸² На собрании 2 мая председательствовал Глинка, присутствовали А. Д. Боровков, А. А. Бестужев, Д. С. Меньшенин, И. Д. Боровков, В. К. Бриммер, Д. В. Сахаров, Н. И. Кутузов и Ф. В. Булгарин. Рылеев выполнил обряд и только через четыре месяца, в собрании 12 сентября, слушались стихотворения нового члена-сотрудника: «К Цинтии» (подражание Проперцию), «Надгробная надпись» (П. Т. Чир — ной) и «Младенцу». Из 19 присутствовавших членов против рылевских стихотворений голосовало 9 человек. 17 октября Рылеев читал идиллическую поэму «Пустыня», которая была одобрена большинством голосов. Однако и эта поэма не могла служить основанием к переводу ее автора из членов-сотрудников в действительные члены. Полное признание Рылеева произошло 28 ноября, когда он выступил с думой «Смерть Ермака» и произвел огромное впечатление.⁸³ Стихотворение было признано отличным, и автор его тогда же был избран единогласно в действительные члены. «Общество, — говорится в «Журнале распоряжений», — отдав должную справедливость трудам и усердию члена-сотрудника К. Ф. Рылеева и найдя представленное им стихотворение „Смерть Ермака“ достойным особенного уважения, определило: по существу § 26 и 37 первой части высочайше

⁸⁰ Вольное общество, 27, лл. 93 об. и 94.

⁸¹ Там же, л. 96 об.

⁸² Там же, л. 102.

⁸³ Печатая думу «Смерть Ермака» в «Русском инвалиде» (1822, № 14), А. Воейков снабдил ее таким примечанием: «Сочинение молодого поэта, еще мало известного, но который скоро станет рядом со старыми и главными».

утвержденного устава переименовать его в действительные члены, будучи уверено, что он в сем новом и важном звании потщится усугубить ревность свою в трудах Общества». ⁸⁴ Рылеев ответил на избрание в действительные члены двумя новыми «упражнениями»: 5 декабря читались думы «Боян» и «Богдан Хмельницкий».

Рассматривая думы Рылеева во взаимосвязи с литературными занятиями «ученой республики», мы приходим к выводу, что Рылеев стремился внести в «ученые упражнения» отечественные сюжеты, полные национальной героики. Его думы целиком построены на национальном материале; в них отражены самые различные периоды исторической жизни России и судьбы героев от княгини Ольги до Державина. В 1822 году Рылеев пополнил жизнеописания великих мужей России новыми страницами «Артемона Матвеев» (17 апреля), «Святослав» (15 мая), «Мстислав» (15 мая), «Глинский» (7 августа), «Волинский» (4 сентября), «Дмитрий Донской» (2 октября), «Видение императрицы Анны» (16 октября) и «Державин» (6 ноября).

Думы Рылеева являлись художественным воспроизведением прошлого в целях декабристской пропаганды, и с этой стороны они достойно завершили «Словарь великих мужей России», о котором мечтали руководители «ученой республики». ⁸⁵ Никто другой из поэтов и публицистов Вольного общества не сумел более правильно понять и художественно воплотить жизнеописания отечественных героев, нежели Рылеев. Ю. Г. Оксманом установлено, что первые думы Рылеева («Курбский», «Святополк», «Смерть Ермака», «Боян», «Богдан Хмельницкий»), написанные в 1821 году, еще не определялись как думы и не рассматривались автором в связи с «Историческим сборником» Юлиана Немцевича. Только при публикации «Артемона Матвее-

⁸⁴ В. И. Маслов. Литературная деятельность Рылеева. Киев, 1912, стр. 78.

⁸⁵ А. А. Никитин в проекте «Исторического словаря» предлагал использовать художников для иллюстрации «жизнеописаний героев». Первая книжка «Соревнователя» за 1819 год, где печаталась украинская повесть Глинки, открывалась портретом Богдана Хмельницкого, выполненным по просьбе «ученой республики» художником Семеновского полка. Участие в «ученой республике» Ф. П. Толстого, председателя Союза Благоденствия, особенно показательно: он же известный художник и медалер. Его медали на события Отечественной войны 1812 года («Народное ополчение», «Битва Бородинская», «Освобождение Москвы», «Освобождение России» и др.), четыре барельефа со сценами из «Одиссеи» вполне отвечали декабристскому филэллинизму и романтизму. Наконец, мысль Ф. П. Толстого о необходимости «строго соблюдать верность обычаев, костюмы, местности и страны того времени и тех лиц, при которых совершалось должествующее быть изображенным на медали», вполне согласуется с декабристской теорией самобытного искусства. В помещении, где заседала «ученая республика», между прочим, была выделена специальная комната для выставки экспонатов Ф. П. Толстого. Декабристы несомненно учитывали агитационное значение изобразительного искусства.

ева» была сделана жанровая оценка и ссылка на сборник Немцевича. «Курбский», самая ранняя из дум Рылеева, в первой печатной публикации была названа «элегией», а в письме к Ф. В. Булгарину просто «безделкой». «Вот безделка моя, — писал Рылеев 20 июня 1821 года, — плод чтения девятого тома Карамзина». Но едва ли Рылеев смотрел на стихотворения «Боян», «Смерть Ермака» и «Богдан Хмельницкий» как на «безделки». Каждое из этих стихотворений читалось на заседаниях «ученой республики», и за них Рылеев был удостоен высокого звания действительного члена Вольного общества любителей российской словесности.

Исторические стихотворения Рылеева знаменуют собой новый этап в исторических и литературных занятиях «ученой республики». В его творчестве наиболее ясно обнаружился метод декабристского историзма. Декабристы-романтики тревожили прошлое в интересах настоящего, ради политического преобразования настоящего. Далеко не все предки и не все прошлое находят доступ в поэзию Рылеева; поэтизация распространяется на определенные исторические эпохи, на избранные исторические сюжеты. Если Карамзин познакомил Рылеева с фактической стороной отечественной истории, то «ученая республика» была для него школой идейного и эстетического воспитания. Многие исторические факты для своих дум Рылеев черпал из «Истории» Карамзина, но самый выбор сюжетов и трактовка исторических событий в его поэзии одухотворены высокой гражданственностью и частично подсказаны всей практикой литературно-исторических занятий в Вольном обществе, где общими силами передовых ученых, публицистов и поэтов вырабатывалось преддекабристское и декабристское отношение к отечественной истории. Никто из поэтов и ученых Вольного общества не сумел лучше Рылеева дать художественную трактовку русского прошлого в духе устремлений и идеалов декабристов.

В свете общего почитания поэзии героической следует рассматривать одну из первых дум Рылеева, посвященную древнерусским певцам, а именно «Боян». Рылеевское стихотворение появилось в «Соревнователе» (1822, ч. XVII, кн. 3) с важным примечанием автора: «Мне казалось правдоподобнее представить Бояна певцом подвигов великого Владимира». Замечание Рылеева, как и сама попытка воспеть «песни звучные Бояна-соловья», имеет прямое отношение к той пропаганде песнопевцев как протцов гражданской поэзии, которая велась «ученой республикой». Жанровая структура рылеевских дум в значительной мере была определена существовавшими в древний период песнями-словами. В «Ответе» на критику «Полярной звезды», помещенную в «Русском инвалиде» на 1823 год, А. Бестужев прямо указывал, что цель рылеевских исторических стихотворений — «возбуждать доблесть сограждан подвигами предков».

Критик из «Русского инвалида», скрывавшийся под буквой «К», о думах говорил нечто совершенно неопределенное. «Дума, — писалось в «Русском инвалиде», — не есть исторический гимн и не всегда служит прославлению подвигов и доблести предков... Дума есть особый род поэзии, взятый из польской литературы и который требует еще своей теории».⁸⁶ Александр Бестужев считал своим долгом вмешаться в дискуссию и защищать национальное своеобразие рылеевских дум. Рылееву незачем было заимствовать поэтическую форму у Немцевича, так как Немцевич заимствовал ее у народной поэзии: Думы, или исторические песни — общеславянское достояние, в России они известны с незапамятных времен; песни легендарного Бояна, «Слово о полку Игореве», русские эпические песни о богатырях, украинские исторические песни — все это своеобразные думы. «Думы, — утверждает А. Бестужев, — суть общее достояние племен славянских. Русские песни о Владимире, о Добрыне и других богатырях, о взятии Казани; у малороссиян о Мазепе, о Хмельницком, о Сагайдачном; у богемцев вся Краледворская рукопись; да и самая песнь о походе Игоря не есть ли дума?»⁸⁷ Думы, по словам критика из «Русского инвалида», требовали своей теории. Эта теория и была создана Александром Бестужевым. Можно думать, что Бестужев выступал одновременно и от лица Рылеева, ибо последний в предисловии к сборнику «Думы» фактически повторил аргументацию Бестужева. Вот что писал Рылеев в 1825 году, как бы продолжая ответ Александра Бестужева:

«Дума, старинное от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдашном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них. Сарницкий свидетельствует, что на Руси пелись элегии в память храбрых братьев Струсов, павших в 1506 году в битве с валахами. Элегии сии, говорит он, у русских думами называются. Соглашая заунывный голос и телодвижения со словами, народ русский иногда сопровождает пение оных печальными звуками свирели».

В народной поэзии, в русском былинном эпосе, в песнях-славах и в украинских исторических песнях Рылеев находил идею народного патриотизма, высоко чтимую декабристами, примеры бескорыстного служения родине. По этой линии тоже следует сопоставлять поэзию Рылеева. В письме к Немцевичу в январе 1823 года Рылеев определил основную идею историко-патриотических баллад и дум, удивительно схожую с патриотическими идеями исторических народных песен: «возбуждать в сердцах сограждан любовь к отечеству, усердие к отечественному благу, ревность к чести

⁸⁶ «Русский инвалид», 1823, № 4.

⁸⁷ «Сын отечества», 1823, ч. 83, № 4, стр. 183.

народной и другие благородные чувства». Отсюда повышенный интерес Рылеева к народным песнопевцам и их поэзии, к полумифическому поэту Бояну и к бардам. От Бояна Александр Бестужев во «Взгляде на старую и новую словесность в России» ведет родословную «возвышенного песнопения» («одно имя соловья Бояна отгрянуло в потомстве»). Боян дважды встречается в думах Рылеева («Рогнеда» и «Боян») и в обоих случаях песнопевец поет о славных победах, о любви к родной земле, о смерти, достойной героя. Боян — «пламенный» певец, и песни его обращены к широкой аудитории:

Бояна пламенным словам
Герои с жадностью внимали.

Заключение А. Бестужева о думах и об их связи с русскими, украинскими, польскими и богемскими историческими песнями соответствовало общему взгляду «соревнователей» на песнопение древних бардов. 10 апреля 1822 года на заседании «ученой республики» читалась статья польского ученого, почетного члена Вольного общества Раковецкого «О гражданстве древних славян», в которой еще раз отмечалось, что «славяне имели бардов, которые, песнослова подвиги и деяния своего народа, управляли его мнением и предприятиями».⁸⁸

Тема о Бояне в духе гражданской лирики декабристов была разработана Н. Языковым: «Песнь Бояна при начатии войны» («Благонамеренный», 1823, ч. 24), «Песнь барда во время владычества татар в России» («Новости литературы», 1823, кн. 6), «Боян русскому воину» («Новости литературы», 1824, кн. 9). В «Песне барда во время владычества татар в России» поэт, обращаясь к Бояну, восклицает:

Где вы, краса минувших лет —
Боянов струны золотые,
Певицы вольности и славы и побед,
Народу русскому родные?

Думы Рылеева нельзя изолировать от опыта других поэтов-«соревнователей», воссоздававших свою поэтическую родословную. Проявив огромное внимание к поэзии тех народов, которые прославились героической борьбой за национальную независимость, поэты-романтики в целях пропаганды гражданских идей использовали образ народного песнопевца, закрепленный фольклорной и литературной традицией. Гордый и независимый песнопевец — предшественник гражданских поэтов. Эта тема отвечала стремлениям русских романтиков познать национальное прошлое в эстетическом плане. Не только в области государственной жизни, в формах общественного правления в прошлом находились цен-

⁸⁸ «Соревнователь», 1822, ч. XIX, стр. 12.

нейшие пособия (вечевой строй древнего Новгорода), но и в области поэзии, в эстетике были заложены прочные основы самобытного гражданского искусства. Песнопевец в сознании Рылеева и Бестужева — это прежде всего мужественный борец, а его песни — образец высокой патриотической поэзии. Декабристские литераторы выступают с принципиально новой характеристикой песен Оссиана — Макферсона. Если раньше в поэзии Оссиана обычно находили «нежнейшую тоску» и «священную меланхолию», «плачевную судьбу всего полуденного» (песни Оссиана, по словам Карамзина, «настраивают нас к печальным песнопениям, но скорбь сия мила и сладостна душе»; см.: «Поэзия», 1787), то романтики-декабристы, следуя за Гнедичем, ценили в песнях «древнейшего барда» воинственные мотивы гражданской поэзии; сильным страстям и драматическим переживаниям внутренне соответствовал мрачный и величавый оссиановский пейзаж. Именно так решалась тема умирающего барда (близкая рылеевской теме о погибающем борце) в «Соревнователе» и «Сыне отечества», в творчестве поэтов «ученой республики». В стихотворении «Калмар и Орля» (вольный перевод из сочинений Байрона) рано умерший поэт Загорский,⁸⁹ на которого «соревнователи» возлагали большие надежды, свое отношение к поэзии бардов и скальдов выразил в следующих словах: «И барды песнь хвалы героям воспевают».

Уже в Фингалов слух достиг оружия звук:
Он грянул по щиту звучащему — и вдруг,
На громкий гул щита сыны пред ним предстали,
И воины его мечами засверкали.

(«Соревнователь», 1823, ч. 23).

Но особенно показательно, что Кюхельбекер в известном стихотворении «Поэты» включил Оссиана в «священный союз друзей». Оссиан оказался вполне современным песнопевцем, поэтом «сильных»:

Он душу погружает в даль
Пространств унылых, замогильных!
Но раздается резкий звук:
Он славит копий бранный стук
И шлет отвагу в сердце сильных.

⁸⁹ Следственным комитетом было предписано «спросить у кн. Трубецкого о Загорском, коего стихи найдены у него в кармане». 23 декабря 1825 года кн. Трубецкой получил вопрос: «Кто такой Загорский, коего стихи „Безжизненный град“ и проч. были при вас? Принадлежал ли он к вашему Обществу и в каких с вами сношениях?». «Загорский, — отвечал кн. Трубецкой, — был сочинитель комедий, и брат его служил в Семеновском полку; вот все, что я о нем знаю; к Обществу он не принадлежал. Но Рылеев, который дал мне их для прочтения, сказал, „что так как он уже умер, то это сделано для скртия настоящего имени, а стихи писал Конногвардейского полка князь Одоевский“» (Восстание декабристов, т. I, стр. 22).

Можно еще сослаться на стихотворение А. Мансурова, напечатанное в «Сыне отечества», как на пример декабристского оссианизма («Сын отечества», 1823, № 14), хотя оно не рассматривалось «ученой республикой». Стихотворение «Умирающий бард» имеет следующий сюжет: юный бард, будучи ранен в сражении, просит товарищей своих воспеть ему славу отечества, вместе с юными бардами смерть храброго песнопевца оплакивает престарелый Оссиан:

Да встретим смерть с завидной славой,
Да слышу песнь про край родной!

Насколько поэзия Оссиана была популярна среди членов Вольного общества, свидетельствуют выступления неперменного секретаря Общества А. А. Никитина с подражаниями и переводами Оссиана («Песнь утешителей. Из Оссиана»; «Картон. Из Оссиана» и др.). Образы Оссиана и других песнопевцев сближались с современностью; постепенное расстояние в веках исчезло, и бард превратился в «сотоварища».⁹⁰ В стихотворении Никитина «Песнь на могиле павших за отечество» бард становится соучастником «ученой дружины» и сама тема о песнопевце осмысливается как тема о поэте-гражданине:

И барды в песнях вековых
Тиранов прославлять не будут.

То же самое можно сказать о стихотворении Григорьева «Чувство плененного певца». Здесь особенно резко противопоставлен свободолюбивый песнопевец тирану-злодею. «Победы сатрапа» достойны исключительно порицания.

Нет! лучше иссохни под цепью десная,
И пылкое сердце в неволе истлей,
Чем арфу порочить, душе изменяя,
И песнею слух твой лелеять, злодей!

Стихотворение «Чувство плененного певца» читалось на первом заседании 1824 года; тогда же, 7 января, Рылеев выступал с отрывком из поэмы «Войнаровский» («Смерть Войнаровского»). Слушатели легко могли угадать в вавилонском «сатрапе» черты знакомого «злодея». Григорьев совсем недавно читал в Вольном обществе стихотворение «Берега Волхова». В новгородском стихотворении был сделан тонкий, едва уловимый намек на плачевную современность (там, где когда-то толпились богатыри, «свободу жизни ограждая», «теперь все смолкнуло»). В стихотворении

⁹⁰ Влияние Оссиана можно заметить в «Победной песне героям» Рылеева и «Прощальной песне русского воина» Глинки.

«Чувство плененного певца» поэт снова воспроизводит свое путешествие в Новгород («Средь пышных развалин бродил я мечтами, смотря на извивы свободной струи»), но не решается в этом открыто признаться, сознательно затушевывает местный, национально-русский сюжет, переносит действие в далекие времена иудейского плена. В действительности поэт, глядя на развалины Новгорода и извилины Волхова, отказывался своей песней лелеять слух новгородского «сатрапа» — Аракчеева с его военными поселениями. «Берега Волхова» и «Чувства плененного певца» объединены одним настроением, они поясняют друг друга, образуют одну композицию.

Во втором стихотворении Григорьева ясно определена общественная позиция песнопевца: гражданский поэт не способен «почтить арфу», песнею восхвалять «победы сатрапа».

Это была позиция Рылеева, позиция декабристов, одно из важнейших положений декабристской эстетики. Часто больших поэтов, если они не являются беспечными эпикурейцами или «ласкателями» официального общества, «стерегут свирепые печали», их «гонит черная судьба» (Кюхельбекер). Путь их не усыпан розами, он тернист, полон превратностей и неожиданностей. Но и тогда поэт не должен поступиться своей независимостью. Александр Бестужев во «Взгляде на русскую литературу в течение 1824 и начале 1825 года», опубликованном в «Полярной звезде на 1825 год», показал это на примере «гениев всех веков и народов»: «Гомер, нищенствуя, пел свои бессмертные песни; Шекспир под лубочным навесом возвеличил трагедию; Мольер из палаты смешил толпу; Торквато из сумасшедшего дома шагнул в Капитолий; даже Вольтер лучшую свою поэму написал углем на стенах Бастилии».

Декабристские писатели желали сохранить эту демократическую традицию русской и мировой поэзии, они искали в национальном прошлом героическое предание, скрепленное с героическим делом. Отсюда их постоянный интерес к «Слову о полку Игореве», к трубной воинской поэзии, к песням Бояна. В заседании Вольного общества 23 мая 1821 года, когда Н. Бестужев читал свои «Записки о Голландии», А. Ф. Рихтер знакомил слушателей с рассуждением «О бардах, скальдах и стихотворцах средних веков». Знаменитейшие барды «своими песнями одушевляли мужество воинов». Таким был Орфей, песни которого «прославляли греков», и такими были галльские песнопевцы. «Жестокий Эдуард», покоривший Галлию, велел в 1284 году, по словам А. Ф. Рихтера, предать смерти песнопевцев «из опасения, чтобы они не воспламенили духа народа к мужеству, к прежней независимости и не внушили ему ненависти к деспотизму». Скандинавские скальды воспевали богов и людей, героев и целые поколения, великие происшествия и маловажные обстоятельства, проповедовали учение о природе и таинстве веры, но преимущественно воздавали

похвалы трем божествам — «любви, храбрости и славе». Особенно блистательной была школа русских песнопевцев. О русских народных певцах А. Ф. Рихтер говорил: «Бояны любили блистательный век Владимира, который, может быть, им покровительствовал или которого царствование представляло для поэзии всегда новые и приятные предметы. В сие время Россия славилась великолепными пирами, где чара зелена вина и турий рог меду сладкого услаждал гостей. Могучие богатыри, привлеченные ко двору ласковостью государя, часто с ним пировали или испытывали свою силу и ловкость, или на поле ратном поражали несметные полки неприятельские. Из уцелевших отрывков от поэзии наших предков можно заметить, что бояны, так сказать, образовались в одной школе, ибо они всегда придерживались одних и тех же выражений, одних эпитетов и прославляли своевольство и буйство богатырей, выставляя их какими-то гигантами».⁹¹

В начале XIX века «песни Бояна» означали начальный период русской словесности, и обращение к древнему песнопевцу не было достоянием какой-либо одной литературной школы. Стремление сохранить память о «поэзии наших предков» сделало легендарное имя Бояна популярным в поэзии и в живописи 10—20-х годов. Боян слушает поющего соловья и старается подражать ему на лире — обычная поэтическая метафора, ставшая со временем штампом. Но и в изображении Бояна не было одной линии, в ряде случаев мы видим преодоление отмеченной традиции. Русский песнопевец становится в один ряд с гражданскими поэтами, и с него начинают поэты-декабристы вести свою биографию. Образ народного песнопевца поэты-декабристы противопоставляют беспечным поэтам-эпикурейцам и напудренным официальным одописцам, так же как «Слово о полку Игореве» они противопоставляют субъективной лирике карамзинистов, отказавшейся от тем большого общественного содержания и замкнувшейся в мир личной скорби.

10

Было бы неверно характеризовать заседания 1822 года как исключительно вольнолюбивые, проходившие под знаком полного единомыслия и единодушного признания Рылеева. В Вольном обществе были и оставались представители разных и часто противоборствующих направлений. Борьба между правыми и левыми «соревнователями» не прекращалась. Выступления Рылеева с думами вызвали споры, не все «соревнователи» их оценили должным образом. Достаточно, например, сказать, что две его думы («Артемон Матвеев» и «Дмитрий Донской») не были единогласно одобрены в Вольном обществе. В «Журнале ученых упраж-

⁹¹ «Соревнователь», 1821, ч. XVI, стр. 158—170.

нений» сказано: «Возвращена сочинителю в его распоряжение» («Артемон Матвеев») и «Представлена в распоряжение сочинителя» («Дмитрий Донской»). Эти думы читались на заседаниях «ученой республики», но появились они не в «Соревнователе», а в «Новостях литературы» («Артемон Матвеев») и в «Сыне отечества» («Дмитрий Донской»). В свое время автор данной работы слишком просто объяснил этот эпизод: слушались на заседаниях Вольного общества, но баллотировки не проходили, так как заранее предназначались автором к публикации не в «Соревнователе». Правыми оказались В. А. Архипов и В. И. Маслов: две последние думы встретили суровую оценку и без баллотирования были возвращены автору (вернее, Рылеев взял свои произведения, не допустив голосования). Кто именно организовал оппозицию Рылееву — мы не знаем. На заседании 17 апреля 1822 года, когда обсуждалась дума «Артемон Матвеев», присутствовало 26 человек. Дума «Дмитрий Донской» обсуждалась 2 октября того же года. На этом же заседании читалась статья Вяземского о Дмитриеве, которая также была возвращена автору.

Среди «соревнователей» были не только принципиальные противники гражданской поэзии, но и ее умеренные толкователи, которым рылеевские думы пришлись не по вкусу. Рылеев только начинал свой путь, но и начало предвещало поэта необыкновенного. Не заметить дарования, отказать ему в самобытности — одна из форм полемики и непризнания. Это, вероятно, и произошло на первых порах в Вольном обществе. Так, Плетнев мог дать несколько искаженное представление о Рылееве, не заметив его самобытности. В 1822 году Плетнев написал статью «Стихотворения, послания и другие мелкие стихотворения Михаила Милонова».⁹² В особую заслугу Милонову ставились сатирические оды, которые «рождаются от благородного негодования и вооружают мстительным пером». Как пример «прямых мыслей» и «сильных выражений» в статье о Милонове приводится отрывок из сатиры «К Рубелию».

Царя коварный льстец, вельможа напыщенный,
В сердечной глубине таящий злобы яд.
Не доблестями души, проницательством вознесенный,
Ты мечешь на меня с презрением твой взгляд!..

«Вот стихи, — восклицает Плетнев, — достойные разгневанного римлянина!». Между тем Рылеев полтора года тому назад опубликовал в «Невском зрителе» знаменитую сатиру «К временщику», написанную хотя и не без некоторого влияния милоновской сатиры «К Рубелию», но далеко превосходящую последнюю в пафосе разоблачения тирании, русского временщика, русской действитель-

⁹² «Соревнователь», 1822, ч. XVII, стр. 33—54.

ности. Допускаем, что ориентация на Милонова у Плетнева не была преднамеренной; статья посвящена не Рылееву, а Милонову, заслуживавшему похвалы. Но и о думках Рылеева Плетнев писал, правда, несколько позже, в «Письме к графине С. И. С.». Об этом «Письме» мы будем говорить, сейчас приведем лишь характеристику рылеевских дум, полагая, что и в 1822 году Плетнев придерживался того же мнения: «Рылеев избрал для себя прекрасное поприще. Он представляет вам поэтические явления из отечественной истории. Его так называемые думы содержат лирический рассказ какого-нибудь события. Не восходя до оды... они отличаются благородною простотою истины и поэзию самого происшествия. Чистый и легкий язык, наставительные истины, прекрасные чувствования, картины природы: вот что удовлетворяет в них любопытство». Оценка положительная, но и во многом спорная. Нечто подобное можно было сказать и о многих других поэтах, успешно трудившихся над созданием исторических стихотворений, «лирических рассказов». Плетнев заметил в думках «поэзию самого происшествия», «наставительные истины», «картины природы», «легкий язык» и т. п., о главном же, о гражданских «чувствованиях» поэта, о национальной героике и поучительности исторического опыта говорится крайне неопределенно, скороговоркой. «Прекрасные чувствования» — вот и все, тогда как у Милонова «благородное негодование», «прямые мысли», «мстительное перо» и т. д. Бестужев не мог согласиться с такой или подобной ей характеристикой рылеевских дум. Во «Взгляде на старую и новую словесность в России» Бестужев утверждал: «Рылеев, сочинитель дум, или гимнов исторических, пробил новую тропу в стихотворстве, избрав целью возбуждать доблести сограждан подвигами предков». Николай Бестужев в годы каторги скажет о думках еще более определенно: «В думках его мы видим жаркое желание внушить в других ту же любовь к своей земле, ко всему народному; привязать внимание к деяниям старины; показать, что и Россия богата примерами для подражания; что сии примеры могут равнять ее с великими образцами древности». Плетнев не понял гражданского значения поэзии Рылеева, он свел ее к «поэтическим явлениям из отечественной истории».

Тогда же, когда на заседаниях «ученой республики» слушались и обсуждались думы Рылеева, Плетнев (6 марта 1822 года) читал свою статью об идиллии «Рыбаки» Гнедича. Плетнев пытался дать свое определение гражданской поэзии, он восхвалял в идиллии самобытность, народность, понимая ее как «местный колорит». В заслугу Гнедича были поставлены следующие особенности его «Рыбаков»: 1) «характеры рыбаков совершенно списаны с природы»; 2) «верно изображен образ мысли простолюдинов»; 3) «подслушан их разговор и передан нам, как должен передать поэт»; 4) «кроме тех совершенств, которые происходят от удачного выбора действия, от верности характеров, от естественности и кра-

соты . выражений, эта идиллия отличается самую счастливою обрисовкою местности». Но главное достоинство состоит в «любви к отечеству». «Любовь к отечеству есть первая добродетель гражданина, и она, — говорил Плетнев, — столь естественна каждому, что мы не умеем вообразить такого космополита, который бы не чувствовал внутреннего удовольствия, услышав звуки природного языка в чуждой земле или приближаясь к отечеству из дальнего путешествия. . . По любви к отечеству все произведения народной поэзии становятся для нас особенно драгоценными. Они возвышают нравственное бытие народа и потому делаются предметом всеобщего наслаждения».⁹³

За этими внешне прогрессивными формулами («любовь к отечеству», «добродетель гражданина», «народность») фактически скрывалась отнюдь не декабристская эстетическая платформа. Декабристы тоже боролись за самобытность в искусстве, но они не ограничивали это понятие «выбором действия» и «счастливой обрисовкой местности». Они шли значительно дальше. Самобытность предполагала поиски новых форм общественной жизни, вражду к существующему строю, становление более разумной действительности. К этой революционности в поэзии фактически стремились Рылеев, высоко ценя своих предшественников, особенно Гнедича и, одновременно прокладывая свои пути, по-своему решая проблему гражданственности. Плетнев, хотел или не хотел этого, противопоставил Гнедича Рылееву, исказив того и другого.

Что касается любви к народной поэзии, то и эта любовь была неодинаковой. На примере Цертелева мы уже видели, что восхищение произведениями народной поэзии еще не означает понимания народных судеб, не ведет к борьбе за освобождение угнетенного крестьянства. Декабристский фольклоризм появляется вместе с гражданственностью и свободолобием. Рылеев и Бестужев ценили в фольклоре революционное сознание народа, его антикрепостническую идеологию. Они не идеализировали фольклор и не считали, что только с помощью народной поэзии можно решить проблему самобытности в литературе. Сам фольклор нуждался в переосмыслении в свете современной борьбы с крепостничеством. Не случайно Рылеев и Бестужев, используя фольклор, создают революционные песни для народа, вносящие в крестьянское сознание идейную сознательность. Принцип народности и самобытности разделяли многие писатели и критики 20-х годов, принцип революционности, вольнолюбия, гражданственности — завоевание декабристской эстетики, прежде всего Рылеева и Александра Бестужева. Ратуя за народность и самобытность искусства, Цертелев и Плетнев исключали из понятия народности реальную крестьянскую жизнь, социальные мотивы фольклора, отношение крестьянина к окружающей действитель-

⁹³ Там же, ч. XVIII, стр. 59—60.

ности, мотивы протеста против крепостного права и стихийное стремление народа к свободе. В 1823 году обнаруживаются принципиальные расхождения между рылеевской группой «соревнователей» и плетневско-цертелевской. Оказалось, что можно было изучать фольклор, восхищаться национальной самобытностью, агитировать за народность в литературе и в то же самое время оправдывать существующую действительность, придерживаться антидекабристских взглядов. Так оно и случилось с Цертелевым и Плетневым, когда Рылеев и Бестужев предложили свое решение проблемы народности и самобытности.

Сама идея национальной самобытности имела многих приверженцев, но далеко не все, приветствовавшие эту идею, были способны перейти на позиции декабристского романтизма. Напомним хотя бы Вяземского, его «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова».⁹⁴ «Разговор» написан в защиту принципов самобытной поэзии. Но единство самого общего лозунга не исключало идейных различий. Расхождения во взглядах на национально-русский стиль и на отдельных представителей этого стиля между Вяземским и декабристами обнаруживаются, как только речь заходит о предшественниках, о традициях далеких и совсем близких.

В октябре 1822 года на рассмотрение в Вольном обществе любителей российской словесности Вяземский представил «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева». «Известие» было написано по просьбе президента «ученой республики» Ф. Глинки. Работая над статьей, Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Я начал возиться с „Дмитриевым“. Кое-что уже написано. Будут смотреть новые. Но ученое общество — признает ли мои ереси? Я все хлещу и всех. Хочется послать мне это несколькими анекдотами: намекнуть об опале его при Павле и промолчать про последние победы его действительные, но бездейственные».⁹⁵ Карамзин читал эту статью до обсуждения ее в Вольном обществе. В письме от 29 декабря 1821 года он писал Вяземскому: «Охота вам вольтерствовать и щелкать в каменную стенку: цензура не пропустит за то и хорошего и весьма хорошего; и мне будет жаль, и всем, кто любит хорошее. Я дерзнул вымарать и деспота: опять что за охота? Это все сказано и пересказано. Будьте великодушны и притупите жало, останьтесь при одном остроумии».⁹⁶

⁹⁴ Об идейных и эстетических убеждениях Вяземского до сих пор ведется спор. См.: Ю. М. Лотман. П. А. Вяземский и движение декабристов. «Труды по русской и славянской филологии», т. III, Тарту, 1960, стр. 24—142; С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. В кн.: Пушкин и его время, стр. 184—212.

⁹⁵ Цитируется по статье Ю. М. Лотмана «П. А. Вяземский и движение декабристов» (стр. 119, примечание).

⁹⁶ «Старина и новизна», 1897, кн. 1, стр. 121.

«Смотры» статьи о Дмитриеве состоялись в Вольном обществе 2 октября. В протоколе сказано очень кратко: «Поместить в издаваемых сочинениях Дмитриева». Однако статья Вяземского не была поставлена на голосование. Еще Карамзин советовал «притупить жало». Да и сам Вяземский признавался: «Я все хлещу и всех». Такие статьи обычно вызывали полемику. И в данном случае споры состоялись, хотя протоколы Вольного общества и умалчивают о них. Возможно, что статья Вяземского обсуждалась на нескольких заседаниях — в октябре и декабре. В письме к Жуковскому 21 декабря 1820 года Вяземский жаловался на «сореvнователей»: «Их кровать не моему росту; они под самое сердце хотели бы меня подрезать».⁹⁷ Из-за отсутствия документов в делах Вольного общества трудно представить себе характер возможной полемики. Однако после публикации **Н. И. Гиллельсоном** письма Д. И. Хвостова к В. М. Перевощикову многие детали октябрьского эпизода восстанавливаются. Конечно, Д. И. Хвостову нельзя во всем доверять, статья Вяземского ему явно не понравилась. Но одно из «жал» этой статьи он все же почувствовал. Хвостов не против похвал «скромному и достойному Дмитриеву». «Надобно знать, что сей знаменитый и подлинно хороший автор, — пишет Хвостов, — подарил Обществу соревнователей все свои сочинения, которые уже напечатаны. А медлятся за жизнеописанием от князя Вяземского».⁹⁸ Хвостов жалуется на то, что Вяземский «разругал всех писателей и даже все». По ошибке Хвостов не значится среди присутствовавших на заседании 2 октября (ошибка протокола). На самом деле он не только был на этом заседании, но и под свежим впечатлением составил «особливый листок», который рассылал близким знакомым. В отзыве Хвостова много тенденциозного и просто наивного, особенно когда он говорит о собственной персоне. Вместе с тем «особливый листок» доносит до нас ряд интересных сведений. Статью «О жизни и сочинениях И. И. Дмитриева» читал Н. И. Гнедич. «Чтение продолжалось два часа без перерыва, и не только слушатели, но и сам чтец, — уведомляет Хвостов, — утомился отборными словами и колкостями сочинителя не у места». Более важно, что утомленный Хвостов все же заметил удары Вяземского и в своей «особливой записке» если не восстановил «все», то по крайней мере назвал тех писателей, которые подвергались «колкостям». «Словом, прочитав пиесу князя Вяземского, — продолжает Хвостов, — можно спросить, хотел ли он хвалить Дмитриева или хулить других. Не похож ли сам

⁹⁷ «Русский архив», 1900, кн. I, стр. 185.

⁹⁸ М. И. Гиллельсон. Новое о статье П. А. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева». «Русская литература», 1962, № 3, стр. 219—223. Здесь же опубликована записка Хвостова («особливый листок»). В дальнейшем переписка гр. Хвостова цитируется по публикации М. И. Гиллельсона в «Русской литературе».

автор на жреца, им в басне изображенного, который до того кадил своего кумира, что

в пылу слепой руки
разбил его в куски.

«Автора достойного, прославившегося еще при жизни, можно по справедливости похвалить без примеси фразов и колкостей; например, на что туча стрел в посмеянии невежества, думающего, что поэт не может быть деловой или государственный человек. Сам сочинитель говорит, что Кантемир, Державин, Дмитриев, Нелединский и несколько других это доказали; на что эпиграмма на счет сената, на что толкование, что цари должны покровительствовать поэзию, на что неуважительное презрение и даже грубости на счет всех русских знаменитых писателей, не исключая Ломоносова, Хераскова, Державина, творца „Душеньки“ и фон-Визина. Бесспорно, что Иван Иванович не мог почерпнуть у Сумарокова духа басен, то есть простоты, естественности и пристойной живости лиц; впрочем, расположение его басен то же самое, какое у Сумарокова. Зато все выше показанные качества находятся у Хемницера. Князь Вяземский рассуждает, что Дмитриев сотворил сам себе слог: так относительно к самому себе, но не относительно к языку и роду, ибо Херасков, также Хемницер гораздо прежде его начали писать именно в роде легком, и „Душенька“ Богдановича появилась на Парнасе русском, когда еще на оном не было Ивана Ивановича. Зачем унижать Державина против Дмитриева в лирическом роде? Зачем унижать Крылова в басенном, ибо авторы живы и оба имеют свои достоинства; зачем нападки на посредственность и прочее и проч.». Хвостов надеется, что его будущий биограф («мой биограф») «верно, не упомянет, что Херасков, фон-Визин, Богданович, Хемницер, Крылов, Державин, Сумароковы дядя и племянник были врали». «Я, — заявляет Хвостов, — не потерплю, чтобы при жизни моей мой биограф давал мне преимущество, для других обидное. . . В моей биографии не говорится, чтобы я писал басни лучше Хемницера или Дмитриева, или Крылова, но даже и Сумарокова. . . То же самое и о первом томе нигде не мышлю сказать, чтоб я был лучше Петрова, Державина и других. Это будет дело судей моих и потомства».

Ясно, что Хвостов огрубляет критические замечания Вяземского, утрирует его концепцию. Посредственный одописец не прочь и себя поставить в один ряд с лучшими писателями XVIII века, он завидует славе Дмитриева, хотя и не говорит об этом прямо, прячась за великие имена. В конечном итоге «особливая записка» интересна не этими «мне», «мой», «моей» — хвастовством Хвостова. В ней верно замечена основная тенденция статьи Вяземского. Вяземский не жалуется русскую поэзию XVIII века, вернее, литературный язык и стиль той эпохи. Хво-

стов критикует Вяземского справа, как старOVER, которому нужно оправдать свои архаические «вирши» ссылками на авторитет прошлого. Мнение Хвостова едва ли играло какую-либо роль в «ученой республике». На собрании 2 октября присутствовали приверженцы «модного вкуса». Хвостов сообщает в заключение своей записки: «Собрание состояло из 20 литераторов, большею частью известных, но все замолчали. Я попросил шаров, чтобы одобрить сочинение к печатанию. Все, будучи приверженцы модного вкуса, не согласились и положили доставить сию тетрадь историографу, чтобы он посоветовал шурина оную исправить». На основании записки Хвостова М. И. Гиллельсон приходит к выводу: «Заседание 2 октября 1822 года свидетельствует о напряженной общественно-литературной борьбе внутри Вольного общества любителей российской словесности: умеренные члены Общества, которые были на этом заседании в большинстве, выразили неодобрение оппозиционной статье Вяземского и собирались провалить ее при голосовании. В то же время передовые литераторы во главе с Бестужевым и Рылеевым, несмотря на свое несогласие с некоторыми суждениями Вяземского (в первую очередь с оценкой творчества Крылова), не допустили забаллотирования статьи, отсрочили голосование, чтобы в дальнейшем добиться одобрения статьи». Для подобного вывода нет оснований. Прежде всего, откуда взял М. И. Гиллельсон, что на заседании 2 октября умеренные литераторы, союзники Хвостова, составляли большинство? На заседании присутствовали Ф. Н. Глинка (председатель), Н. И. Гнедич (помощник председателя), А. А. Бестужев, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, И. Д. Боровков, Е. П. Люценко, Н. И. Греч, В. Г. Анастасевич, А. А. Дельвиг, Ф. В. Булгарин, К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, А. И. Данилевский, П. Н. Арапов, П. А. Теряев и В. С. Пелчинский. Большинство явно на стороне либеральной партии. Самый реакционный «сореvнователь», гр. Хвостов, не попал даже в протокол, хотя он и присутствовал на заседании. К тому же нельзя сказать, что умеренные члены Вольного общества решили забаллотировать оппозиционную статью Вяземского. Баллотировка вообще не состоялась, так как «приватно положили показать Карамзину». Один Хвостов «попросил шаров, чтобы одобрить сочинение к напечатанию». А остальные? Хвостов свидетельствует: «Все, будучи приверженцы модного вкуса, не согласились и положили доставить сию тетрадь историографу». Это не значит, что передовые литераторы во главе с Бестужевым и Рылеевым спасали Вяземского от Хвостова, от его коварных замыслов. Хвостов очень точно передает создавшуюся ситуацию после окончания чтения статьи Н. И. Гнедичем: «... все замолчали». Видимо, и передовые литераторы оказались в затруднительном положении и не спешили с одобрением. Более того, мы имеем все основания утверждать, что декабристские литераторы не могли полностью согласиться с Вяземским, с его

оценкой Ломоносова, Фонвизина, Державина, Крылова. Защитник романтической эстетики Вяземский явно недооценивал идейные и художественные достижения русского классицизма, не замечая в высокой поэзии XVIII столетия «отраслей для будущего».

Одним из первых читателей и рецензентов статьи Вяземского был Александр Бестужев.⁹⁹ Во «Взгляде на старую и новую словесность в России» Бестужев спорит с Вяземским в оценке Ломоносова, Державина, Дмитриева, Крылова, Жуковского и Пушкина. Ограничимся тремя примерами. Для Вяземского «язык Ломоносова в некоторых отношениях есть уже мертвый язык»; для Бестужева «русский язык обязан ему (Ломоносову, — В. Б.) правилами, стихотворство и красноречие формами — тот и другие образцами».

Вяземский ставил Дмитриева выше Крылова.¹⁰⁰ Он пишет о баснях Дмитриева: «Вот они: правильность языка, красивость слов, свобода стихосложения, верный вкус, ум острый и замысловатый, воображение не стремительное, но живое, насмешливость не язвительная, но колкая, совершенство отделки и вообще тот глянец искусства, который преимущественно заметен в творениях французов и придает последний блеск красоте, как художественная оправка удваивает достоинство драгоценного камня». По Вяземскому, и Дмитриев, и Карамзин — «основатели языка нашего». В письме к Александру Бестужеву Вяземский, восхищаясь легкостью, изящностью басен Дмитриева, о Крылове пишет: «Крылова уважаю и люблю как остроумного писателя, но в эстетическом, литературном отношении всегда поставлю выше его Дмитриева... Что дало ему открытый лист на общепризнанное уважение? Плоскости, пошлости, вредящие его истинному достоинству, у всех на языке: „А философ без огурцов“, „Ай, Моська! знать она сильна, что лает на Слона“ и шутки подобные, да вот и все». По Бестужеву, Дмитриев всего лишь «украсил венком Лафонтена», а Крылов «нас научил говорить по-русски». «И. А. Крылов, — пишет Бестужев, — возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно

⁹⁹ Более подробно о полемике Бестужева с Вяземским см.: «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. Издание подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 812—816, Приложения, Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды». См. также: В. Архипов, А. А. Бестужев-критик и литературная борьба 20-х годов XIX века (1818—1825). Автореферат диссертации. Изд. МГУ, М., 1950.

¹⁰⁰ Вместе с Бестужевым в полемике с Вяземским участвовал Пушкин. В письме от 8 марта 1824 года Пушкин писал Вяземскому: «„Жизнь Дмитриева“ еще не видел. Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова... И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова». Вопрос об отношении Пушкина и Вяземского к Крылову рассмотрен в статье П. И. Сбандуто «Борьба Пушкина за народность в русской литературе в период южной ссылки» («Пушкин на юге. Труды Пушкинских конференций Кишинева и Одессы», Кишинев, 1958, стр. 179—194).

дать большего простодушия рассказу, больше народности языку, большей осязаемости нравовучению. В каждом его стихе виден русский здравый ум».

Вяземский и Бестужев расходятся в оценке поэзии Жуковского. Только «школьные классики» могут выносить приговоры Жуковскому, «который мастерскою рукою похитил красоты с германской почвы и, пересадив на нашу, укоренил их в русской поэзии». Это пишет Вяземский. Бестужев отвечает: недостатком Жуковского является то, что «он дал многим из своих творений германский колорит, сходящий иногда в мистику и вообще наклонность к чудесному».¹⁰¹ Декабристы хотели от поэзии энергии, гражданской мужественности, остроты и силы мысли, а Жуковский воспитывал русскую поэзию в духе келейности, душевной размягченности, созерцательности и личной узости. Александр Бестужев не соглашался и с мнением Плетнева, назвавшего в «Северных цветах» Жуковского «образцом всех новейших поэтов». Принимая Жуковского-стихотворца, много сделавшего для развития поэтического языка и стихотворного слога, Рылеев и Бестужев отвергают идейное содержание его романтизма, романтизма «мистического», «мечтательного», «неопределенного», «туманного». Такой романтизм привлекает русской поэзии меланхолию и вялость.

Спор с Вяземским и Плетневым имеет не частный интерес. В понимании самобытности и народности, в трактовке национальных традиций между Бестужевым и Вяземским намечаются принципиальные расхождения. Для Бестужева важно установить своих предшественников, определить то наследие, на которое следует опираться. Во «Взгляде на старую и новую словесность в России» он указывает национальные источники гражданского романтизма. Эти источники значительны и разносторонни. Для русского народа с давних пор показательна поэзия героическая: «гимны победные», «одушевляющие песни», «Слово о полку Игореве». «Возвышенные песнопения старины русской» (так Бестужев отзывается о «Слове») отражают основные «черты русского народа» — «боевую душу», «непреклонный, славлюбивый дух». О просвещении и культуре древней Руси свидетельствуют летописи и «Русская правда». «Русская правда» написана языком «кратким и сильным». Летописец — народный историк и одновременно поэт. Точно такого же взгляда придерживается Рылеев как автор «дум, или гимнов исторических».

В эпоху русского средневековья наступает вынужденное затишье — высокое песнопенье в «суровом климате», под «туманным небом» не могло процветать. Это не значит, что Бестужев

¹⁰¹ А. А. Бестужев. Взгляд на старую и новую словесность в России. «Полярная звезда на 1823 год», стр. 1—44; П. А. Вяземский. Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева. Полное собрание сочинений, т. I, СПб., 1878, стр. 144—149.

ставит поэзию в прямую зависимость от географического фактора. «Суровый климат» — политическое иносказание. Дело в политическом климате, который необходим для развития литературы. Для Бестужева было важно доказать главную идею: русская поэзия с момента ее развития была возвышенно-героической. Такова, с точки зрения Бестужева, национальная традиция (в XVIII столетии — Ломоносов, Державин), которой не должны пренебрегать современные поэты. В поэзии Гнедича Бестужев видит продолжение именно этой национальной традиции: «В Гнедиче виден дух творческий и душа воспламененная, доступная всему высокому». Таким образом, самобытность является оборотной стороной гражданственности.

11

Как видим, в Вольном обществе продолжается борьба за гражданское и самобытное направление в русской литературе. Выдающую роль в этой борьбе играют Александр Бестужев и Рылеев. После провала думы «Артемон Матвеев» Рылеев на рассмотрение «ученой республики» представляет в 1822 году еще семь своих исторических стихотворений («Святослав», «Мстислав», «Глинский», «Волинский», «Дмитрий Донской», «Видение императрицы Анны», «Державин»). Судя по всему, думы Рылеева вызывали оживленные прения и автор их не мог быть безучастным, он должен был отстаивать свои позиции, тем более что речь шла о путях развития отечественной поэзии. Имеются все основания предполагать, что осенью 1822 или в начале 1823 года Рылеев произнес в Вольном обществе речь об исторических стихотворениях, в которой разъяснил цель своих дум и ответил «соревнователям», пытавшимся забраковать его «Артемона Матвеева» и «Дмитрия Донского». Выступление Рылеева могло состояться или 2 октября, когда обсуждался «Дмитрий Донской», или, что вероятнее, 6 ноября, когда читалась дума о Державине. В «Дмитрии Донском» ясно обнаружилась основная цель дум: использовать историю для пропаганды гражданских воззрений, декабристской морали. В этой думе легко было угадать и образ самого поэта. В уста Дмитрия Донского Рылеев вложил собственные лозунги, он заставил героя говорить по-рылеевски:

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.

Дума о Донском была возвращена «в распоряжение автора», т. е. фактически не пропущена большинством голосов в «Соревнователь». Ясно, что Глинка (председатель), Гнедич, А. Бестужев и Корнилович сочувственно относились к рылеевской поэзии. Но на собрании, кроме них, присутствовали Плетнев, Аничков,

Боровков, Люценко, Греч, Анастасевич, Дельвиг, Булгарин, Данилевский, Арапов, Теряев, Пелчинский. Даже за Дельвига и Плетнева в ту пору нельзя было поручиться. Между тем проблема гражданской поэзии настолько волновала Рылеева, что на одном из следующих заседаний, 6 ноября, он выступил с программной думой «Державин». Известно, что в первой редакции (возможно, что Рылеев читал именно в первой редакции) Державин изображен тираноборцем («Кипит к тирану он враждой») и гражданским поэтом-трибуном («Ярмо граждан его тревожит»). «Державин» — смелая декларация в защиту гражданской, тираноборческой поэзии. Эта дума хотя и была принята, но не единогласно, а лишь большинством голосов, тогда как все остальные произведения, читавшиеся в этом собрании (исключение составляет слабый перевод Н. Д. Иванчина-Писарева из Клопштока), были избраны единогласно. Значит, и на этом собрании у Рылеева были противники, выступившие и голосовавшие против его думы о Державине. Вот тогда-то Рылеев и мог произнести речь о врагах просвещения, о друзьях «тиранов», а попутно рассказать и об основной цели своих исторических стихотворений, сославшись на пример Немцевича в Обществе наук в Варшаве.

Имеется ли возможность восстановить предполагаемую нами речь? Да, имеется! Что мог сказать Рылеев о своих думах и вообще о гражданской поэзии? В предисловии к отдельному изданию «Дум» (1825) Рылеев отсылал к Немцевичу, он приводил слова польского поэта об исторических песнях: «Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине». Но кроме этого подцензурного предисловия к «Думам», сохранился черновой автограф, известный нам по публикации А. Г. Цейтлина в «Литературном наследстве». В черновом автографе (А. Г. Цейтлин считает автограф первой редакцией предисловия, не представленной в Московский цензурный комитет по цензурным соображениям) Рылеев цитирует Немцевича в несколько ином переводе (вместо «напоминать» — «вспоминать»; «знакомить» — «дать ему познания»; «вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине» — «есть лучший способ возбудить в народе сильную привязанность к родине»). Отдельные уточнения в переводе не свидетельствуют о том, что Рылеев добивался явно цензурных формулировок. Но, главное, остается неясным смысл основного признания в сохранившемся автографе: «Цель моя та же самая — то есть распространить между простым народом нашим посредством дум сих хотя некоторые познания о знаменитых деяниях предков, заставить его гордиться славным своим происхождением и еще более любить родину свою. Счастливым почту себя, когда хотя несколько успею в своем предмете; еще

счастливейшим, когда люди благомыслящие одобряют мое намерение — пролить в народ наш хотя каплю света». Здесь ясно говорится, что цикл дум еще не закончен, что поэт почтет себя «счастливейшим», когда «несколько успеет в своем предмете».¹⁰² И обращено это «предисловие» не к читателям, а к «благомыслящим людям», от которых поэт ждет «одобрения» своего намерения, т. е. успешного завершения работы над думами.

К кому же это предисловие обращено? Во вновь опубликованном автографе цитата из Немцевича не обрывается общей характеристикой цели исторических песен. Рылеев приводит слова Немцевича об Обществе наук в Варшаве. Общество наук «выдало новый проспект для сочинения истории народной; труд сей, разделенный между многими писателями, требует немало времени». «Общество, не жалея никаких средств, не желая упустить для столь благородной цели, поручило мне, — говорит Немцевич, — выставить в исторических песнях славнейшие происшествия и знаменитейшие деяния и победы королей и вождей польских». Приводя это высказывание, Рылеев ставил в пример не только опыт работы Немцевича над историческими песнями, но и отношение к его труду Варшавского общества наук, замысел этого общества силами писателей создать «историю народную». Подобная ссылка на Немцевича и Общество наук в Варшаве была особенно уместной не в печатном предисловии к «Думам», а в одном из выступлений Рылеева в Вольном обществе любителей российской словесности, где оживленно обсуждались рылеевские думы.

А. Г. Цейтлин, видный исследователь декабристской литературы, совершенно правильно указывает на революционно-просветительский пафос этого рылеевского выступления. «Первая редакция рылеевского предисловия к „Думам“, — пишет А. Г. Цейтлин, — проникнута идеями революционного просветительства. В полном согласии с этими передовыми теориями Рылеев утверждал здесь, что „невежество народов — мать и дочь деспотизма — есть истинная и главная причина всех неистовств и злодеяний, которые когда-либо совершены в мире“. Эти строки лишь формально обращены против „волнений народных“; главный удар направлен здесь против тех, кто воспитывает в народе „предрасудки и невежество, которыми стараются в правлениях самовластных двигать или воздерживать страсти народов“, т. е. против „тиранов“ и их „друзей“, против самодержавной власти. Народ жаждет „света“, но просветить его мешают презренные „порицатели“ просвещения».¹⁰³ Вряд ли эту революционно-просветитель-

¹⁰² В предисловии к отдельному изданию «Дум» Рылеев просто скажет: «... эту самую цель имел и я, сочиняя Думы». Отсюда можно заключить: все думы уже написаны, намерение выполнено.

¹⁰³ «Литературное наследство», т. 59, стр. 18.

скую исповедь Рылеев готовил для Московского цензурного комитета и непременно в 1824 году, после вступления в Северное общество. Рылеев и до 1824 года писал республиканские стихи и энергично выступал против деспотизма.

Читая в Вольном обществе думы, Рылеев, конечно, имел случай и даже обязан был поделиться с «соревнователями» своими замыслами, пояснить основную цель задуманного цикла. Он говорил: «Обязанность каждого писателя быть для соотечественников¹⁰⁴ полезным, и я, по возможности желая исполнить долг сей, предпринял, подобно польскому знаменитому стихотворцу Немцевичу, написать исторические думы, стараясь напомнить в оных славнейшие или по крайней мере достопримечательнейшие деяния предков наших». Отсюда еще раз следует, что Рылеев знакомил слушателей со своим намерением, начатым, но еще не оконченным. Он говорил, что предпринял «написать исторические думы». Готовя в 1824 году предисловие к сборнику «Думы», Рылеев воспользовался прежде произнесенным словом, значительно видоизменив первоначальный текст, убрав из него по цензурным соображениям выпады против «самодержавной власти» и все те места, которые составляли обращение к членам Вольного общества и говорили обо всем цикле дум в будущем времени («успею в своем предмете», «одобряют мое намерение») или указывали на незавершенность предпринятого замысла («желая исполнить долг свой, предпринял...»).

Вольное общество любителей российской словесности имело и другое название — Общество просвещения и благотворения. О пользе просвещения «соревнователи» напоминали постоянно в речах, ученых трактатах, статьях и даже в особом рода «просветительских» одах. Далеко не каждый член Вольного общества понимался до понимания идеи гражданского просвещения. Но Рылеев, Бестужев, Гнедич, Глинка использовали трибуну «ученой республики» для пропаганды. Рылееву было ясно, что народное просвещение невозможно в «правлениях самовластных», при «самодержавной власти». Мог ли Рылеев так откровенно и резко писать в предисловии, предназначавшемся для печати? Более правдоподобно полагать, что он готовил речь, собирався её произнести (а может быть, и произнес) в «ученой республике». В борьбе с «самодержавной властью» и «порицателями просвещения» Рылеев использовал все возможные формы, в частности, он рассчитывал и на свободу устного слова. На собрании «соревнователей» можно было говорить, не оглядываясь на цензуру.

Бесспорно и то, что Рылеев в своем выступлении в какой-то степени следовал за Гнедичем, провозглашавшим в Вольном обществе идею высокого гражданского искусства. Гнедич призывал бороться «с пороками, предрассудками, невежеством, со всеми не-

¹⁰⁴ Первоначально: для народа.

видимыми, но опаснейшими врагами общества человеческого». Он учил ораторскому красноречию, высокому витийству: «Да вопиет противу зла сею каждый, ревнующий просвещению, да гремит неумолчно и поэзией и красноречием!». И Рылеев «гремел» красноречием: «За полезное, однако ж, сказать почитаю, что один деспотизм боится просвещения, ибо знает, что лучшая подпора его — невежество... Пусть раздаются презренные вопли порицателей света, пусть изрыгают они хулы свои, изливают глетв<орный> яд на распространителей просвещения... пребудем тверды, питая себя сладкою надеждою, что рано ли, поздно ли лучи благодетельного светаля проникнут в мрачные и дикие дебри и смягчат окаменелые сердца самих порицателей просвещения». Стиль — ораторский, трибунный, обращенный к аудитории «людей благомыслящих». В думях Рылеев «гремел» поэзией. Его думы — поэтический монолог, речь в стихах, пример художественного красноречия. Неслучайно Рылеев давал согласие опубликовать думу о Курбском при условии если она «будет одобрена почтенным Николаем Ивановичем Гнедичем». Очевидно, что и его речь не могла не встретить одобрения со стороны вице-президента «ученой республики» Гнедича, а также Глинки, Бестужева и других ревнителей гражданского просвещения. После знаменитой речи Гнедича это была вторая речь, не зафиксированная в протоколах, как и многие другие речи, но, видимо, произнесенная в «ученой республике», речь страстная, направленная против врагов народного просвещения и защитников деспотизма.

Важно и то, что Рылеев и Бестужев в 1822 году решили иметь свой печатный орган, который не проходил бы цензуру Плетнева (именно Плетнев занимал в то время в Вольном обществе должность цензора). В 1822 году готовится издание первой книжки альманаха «Полярная звезда», где и появляется полемический «Взгляд на старую и новую словесность в России». Как об этом свидетельствует письмо Дениса Давыдова от 24 апреля 1822 года, являющееся ответом на только что полученное письмо Бестужева, уже в апреле существовала полная договоренность о «Полярной звезде». 17 апреля 1822 года в Вольном обществе была недружелюбно встречена некоторыми «соревнователями» дума Рылеева «Артемон Матвеев».

«Полярную звезду» следует рассматривать как издание, идеологически и организационно связанное с деятельностью левого крыла Вольного общества любителей российской словесности.¹⁰⁵ Все произведения, помещенные в первой книге «Полярной звезды», были написаны членами Общества соревнователей, исключая стихотворения Пушкина, формально не входившего в объединение, но считавшегося первым поэтом «ученой республики». В «Поляр-

¹⁰⁵ См.: «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым, стр. 803—884.

ной звезде» печатаются и те произведения, которые предварительно слушаются и обсуждаются на заседаниях Вольного общества. Однако Бестужев и Рылеев как издатели «Полярной звезды» более свободны в выборе материала, они не связывают себя с непременным «одобрением» всех членов Вольного общества, с системой баллотировки произведений, предназначавшихся к печати в «Соревнователе».

Выступая в полугодичном собрании 30 декабря 1822 года, президент «ученой республики» Федор Глинка призывал поэтов и писателей не сворачивать с избранного пути, всегда придерживаться в своем творчестве «высоких идей и чувствований». «Поэты и писатели могут иметь утешительную уверенность, что на следах мгновенного их бытия, протекшего чрез общее поле жизни, благородные потомки соберут богатую жатву тех высоких идей и чувствований, которые изнесли они из таинственных сокровищниц нравственной природы человека: из глубины своего ума и сердца». «Братья! — говорил в заключение своей речи Глинка. — Будьте согласны, как золотые струны на лире бога света, ниспосылающего к вам свое высокое вдохновение».

Глава восьмая

ПУБЛИЧНОЕ СОБРАНИЕ В ДОМЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

1

Единственным документом, который может дать представление о деятельности «ученой республики» в 1823 году, является подробный отчет секретаря Общества А. А. Никитина. Из отчета следует, что в 1823 году Глинка, Рылеев, Сомов, Никитин, Кутузов, А. Бестужев, Корнилович, Аничков, Туманский, Цертелев и Греч составляли наиболее активную часть Общества; Люценко, Лобойко, бр. Дуропы, Крикуновский, Ильин, Сонин, Воронов, Ковалевский, Бриммер и многие другие члены первого состава охладели к Обществу, некоторые из них совсем перестали посещать собрания. Приведем ведомость посещения собрания членами Общества:

О. М. Сомов	40 раз	И. Д. Боровков	8 раз
К. Ф. Рылеев	36 »	А. Д. Боровков	7
А. А. Никитин	33 раза	А. Ф. Рихтер	5
Н. И. Кутузов	28 раз	Е. П. Люценко	5
Н. И. Греч	28 »	А. А. Дельвиг	4 раза
И. К. Аничков	28 »	В. М. Княжевич	4
А. О. Корнилович	22 раза	И. И. Висковатов	4
А. А. Бестужев	19 раз	М. Е. Лобанов	4
Ф. Н. Глинка	18 »	П. А. Плетнев	3 »
В. И. Туманский	16 »	Н. И. Гнедич	2 »
Н. А. Цертелев	14 »	И. Н. Лобойко	2
А. Е. Измайлов	12 »	А. К. Дуроп	1 раз
В. И. Панаев	9 »	Ал. К. Дуроп	1
Д. М. Княжевич	9 »	С. П. Салтыков	1
Д. И. Хвостов	8 »	Т. Н. Крикуновский	1
А. М. Княжевич	8 »		

Не менее показательно распределение обязанностей в руководящем комитете Общества. Президентом «ученой республики» по-прежнему является Глинка, секретарем — Никитин. Остальные должности, начиная с 1822 года, в основном занимают декабристы и их соратники:

Н. И. Гнедич — вице-президент со второй половины 1821 по 1823 год;

Н. А. Бестужев — член Цензурного комитета и кандидат в цензоры прозы в 1822 году, член Цензурного комитета в 1824 году, цензор прозы и кандидат в помощники президента в 1825 году;

А. А. Бестужев — цензор библиографии в первой половине 1821 года, во второй половине 1822 года и в 1823 году, кандидат в цензоры прозы в 1824 году, член Цензурного комитета и кандидат в цензоры поэзии в 1825 году;

К. Ф. Рылеев — член Цензурного комитета в 1823 году, цензор поэзии в 1824 и 1825 годах;

А. О. Корнилович — член Цензурного комитета в 1823 году, цензор библиографии в 1824 и 1825 годах;

Д. М. Княжевич — цензор библиографии во второй половине 1821 года и в первой половине 1822 года, цензор прозы во второй половине 1822 года, в 1823 и 1824 годах, вице-президент в 1825 году;

А. Д. Боровков — цензор прозы в 1821 и в первой половине 1822 года, кандидат в секретари в 1825 году;

Из других должностных лиц следует отметить постоянного библиотекаря общества И. К. Аничкова, бессменного казначея И. Д. Боровкова, П. А. Плетнева, в течение ряда лет исполнявшего обязанности секретаря Цензурного комитета, В. И. Панаева, дважды избранного на должность цензора поэзии (1822—1823 годы).

Из-за отсутствия «Журнала ученых упражнений» мы лишены возможности дать развернутую характеристику отдельных собраний 1823 года. Сохранившаяся в архиве Общества «Подробная ведомость сочинениям и переводам в прозе и стихах господ членов высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности и посторонних лиц» только частично восстанавливает картину этого года. «Подробная ведомость» раскрывает общегодовой репертуар «ученых упражнений», но не дает представления об отдельных заседаниях и результатах баллотировки. Всего в 1823 году было 14 чрезвычайных собраний, 30 обыкновенных и одно публичное заседание.

Публичное собрание состоялось 22 мая в доме Г. Р. Державина. Это «особенное собрание» составляет одну из самых замечательных страниц в летописи Общества. Кроме действительных членов, сотрудников и корреспондентов, на собрание были приглашены почетные члены и многие влиятельные лица столицы. Им были посланы пригласительные билеты особого образца: «Высочайше утвержденное С.-Петербургское Вольное общество любителей российской словесности на основании устава своего, предположив сделать собрание, 22 сего мая в 7 часов пополудни, в доме действительной тайной советницы Дарьи Алексеевны Дер-

жавиной, в Нарвской части, близ Измайловского моста, долгом считаю довести о сем до сведения вашего превосходительства».¹ Собрание в доме Державина прошло с большим успехом. Присутствовало на собрании свыше 50 человек: Н. И. Греч, Д. М. Княжевич, В. И. Панаев, А. А. Бестужев, А. А. Никитин, О. М. Сомов, И. К. Аничков, К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, И. Д. Боровков (должностные лица), Е. П. Люценко, Ан. Дуроп, Ал. Дуроп, Д. И. Воронов, Е. П. Ковалевский, гр. Д. И. Хвостов, гр. С. П. Салтыков, А. Е. Измайлов, Д. В. Сахаров, В. Г. Анастасевич, Б. М. Федоров, кн. Н. А. Цертелев, М. Е. Лобанов, Н. И. Кутузов, Ф. В. Булгарин, Н. А. Бестужев, А. М. Княжевич, В. И. Туманский, В. В. Любарский, П. А. Плетнев, С. С. де Шаплет (действительные члены), И. И. Брыков, Я. Г. Ковалев, П. А. Теряев, Д. Н. Васьков (члены-сотрудники), А. А. Ивановский (член-корреспондент), Т. Н. Крикуновский, А. М. Теряев, П. П. Свиньин, И. И. Ястребцов, Г. А. Сарычев, А. Г. Волков, А. И. Тургенев, гр. Ф. П. Толстой, А. Н. Оленин, С. С. Уваров, А. Х. Востоков, Н. Ф. Остолопов, В. Н. Берх, А. В. Иловайский, митрополит Сестренцевич-Богущ, Д. И. Языков, А. П. Бунина и Ф. П. Львов (почетные члены).

Под свежим впечатлением состоявшегося публичного собрания А. Е. Измайлов 30 мая 1823 года писал Н. И. Шредеру: «В прошедший вторник, ровно неделю назад, было торжественное собрание Общества любителей российской словесности, или, как попросту говорится, соревнователей, в доме Державина, в той самой великолепной зале, где собиралась прежде „Беседа“. Предупредительных собраний было около десятка, и, признаюсь, они крайне мне надоели, сколько потому, что отняли много времени, а более по той причине, что были слишком шумны. Новая школа вооружилась против старой, партия против партии, а я никаких партий терпеть не могу,² не принадлежал исключительно ни к одной и никогда не заводил своей, хотя бы легко мог это сделать. Наконец, уладили мы чтение: оно разделено было у нас на две равных половины, и мне как фабулисту в оба раза пришлось читать последнему. Залу осветили и убрали как нельзя лучше, посетителей и посетительниц собралось очень много. Но и несчастье! Накануне поел я ботвиньи с ледком, выпил рюмочки две винца с ледком и к вечеру охрип. Проснувшись поутру во вторник, чувствую, что не могу почти говорить и пью сырые яйца, гогель-могель, прованское масло, сахарную воду, ем лук вареный с медом. Ничто не помогло. Приходит моя очередь читать, подхожу к столу, сажусь, выпиваю полный стакан сахарной воды и читаю сначала маленькую басню кн. Вяземского „Мудрость“... Молчание. Начинаю читать свою сказку „Бегун и кляча“ — вижу, улы-

¹ Вольное общество, 22, лл. 104 об. и 105.

² И потому, вероятно, пользуюсь уважением всех. (Прим. А. Е. Измайлова).

баются... Продолжаю, говоря сам себе: „Не робей“. Наконец, кончил, и раздался в зале рукоплескания. Аплодировали, правда, прежде и другим, однако же не столько, сколько мне. После меня читали опять другие и прозу и стихи; мне должно было заключить чтение. Сажусь; все на меня устремили глаза, прочел стиха три и слышу аплодисменты со всех сторон — аплодировали мне с таким восторгом, как бы на театре. Я приехал в собрание и уехал оттуда с соседом моим вице-адмиралом Сарычевым. На каждом почти шагу меня останавливали. Один говорит: „Покорно благодарю“. Другой: „Прекрасно, прелестно!“ Незнакомые указывают на меня пальцами, говоря: „Вот Измайлов, толстой-то в очка, что идет с морским генералом!“ Каждый день слышу от кого-нибудь комплименты.³ В письме Измайлова для исследователя представляет интерес сообщение о «предуготовительных» собраниях, которые прошли «слишком шумно», и о столкновении «старой» и «новой» партий.

Совсем в ином стиле, чем Измайлов, описывает собрание в доме Державина А. Бестужев в письме к кн. Вяземскому: «Булгарина статья была очень занимательна, однако ж у нас еще не умеют ценить исторических занятий. Туманскому аплодировали, и стоит; были звонкие стихи и новые картины. Корнилович всем понравился, его читал мой брат очень внятно. Рылеева „Ссылный“ полон благородных чувств и резких возвышенных мыслей — принят с душевным ободрением. Никитин читал вашу статью — она всем понравилась, и потому, что просто высказана, и потому, что любят героя оной. Рукоплескали. Я прочел Пушкина маленькую пьеску „Прощание с жизнью“. Пушкин — везде Пушкин. Лобанова перевод из „Федры“ — хорош. Борис Федоров гадок, словесный вор и отец преевратительный, не знаю, как и когда прошла сквозь оппозицию его пьеса. В заключение Измайлов смешил более своею тушею, чем стихами. Но вообще публика была довольна очень, и все прошло прекрасно. Просят поскорее еще».⁴

В этом письме Бестужева резко сказано о Б. Федорове — «словесный вор», успех Измайлова не принят всерьез, тогда как поэма Рылеева, по отзыву автора письма, «полна благородных чувств» и «возвышенных мыслей». Письмо А. Бестужева, написанное на следующий день, по сравнению с измайловским дает гораздо более объективную картину собрания в доме Державина. Сопоставление этих писем интересно в том отношении, что замечание Измайлова «новая школа вооружилась против старой, партия против партии» находит подтверждение в письме Бестужева.

В письме к кн. Вяземскому по поводу публичного собрания 22 мая А. Бестужев обронил и такое свидетельство: «Надо вам

³ Письма А. Е. Измайлова к Н. И. Шредеру хранятся в ИРЛИ АН СССР.

⁴ «Старина и новизна», 1904, кн. 8, стр. 30—32. Ср.: «Литературное наследство», т. 60, кн. I, стр. 203—205.

сказать, что у нас в Обществе, бог весть от чего, завелись партии. Гнедич, которого сменили с вице-президентства, есть посеребренная пружина первой. Он посредством Дельвига и Плетнева, как сквозь решето, просеивает слухи, которые отравляются, пройдя змеиный рот Воейкова. Следствием оных было неудовольствие Ф. Глинки на Греча и на Общество, которые, как он думает, желают его затмения».

Плетнев и Дельви́г в середине 1823 года воспринимались уже как враждебная оппозиция. Но как быть с Гнедичем, которого «сменили с вице-президентства» и который оказался как бы «посеребренной пружиной» Плетнева и Дельвига? На место прославленного «певца Омера» был избран Греч, Гнедич оказался всего лишь кандидатом в помощники председателя, т. е. в должности заместителя Греча. Гнедич все реже и реже стал появляться на собраниях и, наконец, совсем прекратил сотрудничество в Вольном обществе. Б. М. Федоров, знавший об отстранении Гнедича с должности вице-президента и об его отсутствии на публичном собрании, бросил в адрес «соревнователей» следующее обвинение:

Позор тому, кем не почтен
Муж, дарованьем знаменитый!
Омер пристанища лишен.

Вместе с Гнедичем на время самоустранился Глинка. Он не присутствовал ни на одном из подготовительных заседаний. Глинка не был сторонником Греча, ему значительно дороже и ближе был Гнедич. К тому же Греч слишком самостоятельно стал действовать на посту заместителя, и, надо полагать, он пытался заслонить президента. Отсюда понятно замечание Бестужева о «неудовольствии Ф. Глинки на Греча и на Общество, которые, как он думает, желают его затмения». Но были в Обществе и явные противники Глинки. Н. И. Греч в своем вступительном слове отметил заслуги Глинки перед «ученой республикой». После краткого изложения истории Вольного общества Греч в заключении своей речи напоминал об отсутствовавшем президенте. «Мы нарушили бы, — говорил Греч, — священный долг наш, если б умолчали, что Общество большею частью своих успехов в продолжение последних трех лет обязано благородной деятельности и пламенной любви ко всему добру, изящному, великому достоянейшего своего председателя Федора Николаевича Глинки, которому болезнь воспрепятствовала быть в нынешнем нашем заседании: пользуемся прискорбным для нас случаем его отсутствия, чтоб выразить ему пред лицом почтенных посетителей всю нашу благодарность и искреннее желание в скором времени вновь увидеть его в нашем кругу».⁵ Это «предложение благодарности нашло противников в Обществе». Однако «левая (т. е. правая)

⁵ Вольное общество, 7. л. 199 и об.

сторона, — замечает Бестужев в примечании к письму, — восторжествовала». Под левой стороной Бестужев имел в виду истинных, а не мнимых представителей «ученой республики». Иначе нельзя понять следующего признания Бестужева: «Общество обязано ему (Глинке, — В. Б.) благодарностью за труды и согласие, а за редкий его нрав — уважением». Глинка не явился на торжественное собрание не столько из-за болезни, сколько по дипломатическим соображениям. Он не был сторонником отстранения Гнедича с поста вице-президента. Гнедич тоже не пришел на это собрание. Судя по всему, в Вольном обществе назревал конфликт, который так или иначе должен был отразиться на судьбе «ученой республики».

Гнедич оказался всего лишь «посеребряной пружиной» партии Плетнева—Дельвига. Именно они — Плетнев и Дельви́г — организовали оппозицию и чуть не сбили с толку Гнедича и Глинку. Расхождения между Плетневым и Дельви́гом, с одной стороны, и Рылевым и Бестужевым — с другой, наметились еще в 1822 году. Во «Взгляде на старую и новую словесность в России» Бестужев находил в поэзии Плетнева «неопределенность цели», «бледность колорита», а в поэзии Дельвига — «отвлеченность». Бестужев ставил и того и другого поэта в один ряд с эпитонами Жуковского.

Плетнев был готов перейти в наступление. Он опубликовал в «Соревнователе» пространную рецензию на первую книжку «Полярной звезды», в которой сделал язвительные замечания в адрес Бестужева. Отмечая «живость мысли, свежесть чувств и силу выражений», Плетнев не умолчал о чрезмерностях бестужевского стиля, об «излишней игре слов». Во «Взгляде» Бестужева автор рецензии в «Соревнователе» увидел «что-то слишком молодое и затейливое». Это был уже прямой выпад. Плетнев не подписался под статьей, скрыл свое имя, поместил ее в «Соревнователе» без обсуждения, втайне, злоупотребив должностью секретаря Цензурного комитета. Рецензия сразу же привлекла внимание «соревнователей» и стала предметом специального обсуждения. 29 января 1823 года на чрезвычайном собрании, в присутствии Н. И. Греча, К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева, А. А. Никитина, И. К. Аничкова, А. Д. Боровкова, Н. А. Цертелева, Б. М. Федорова, О. М. Сомова, Г. И. Спасского, Н. И. Кутузова, С. С. де Шаплета, рассматривался вопрос о незаконном помещении статьи о «Полярной звезде». Плетнева обвиняли в том, что он напечатал статью самовольно, без положенного коллективного обсуждения, статью же называли клеветнической. На собрании председательствовал Греч, и от него исходило предложение о прекращении подобных «самовольных поступков». «Помощник председателя Н. И. Греч, обратив внимание общества на помещенную в I книжке „Соревнователя“ сего года сочиненную действительным членом П. А. Плетневым оскорбительную для многих членов

критику на „Полярную звезду“, присовокупил, что сия статья не только не назначена была Цензурным комитетом к напечатанию в „Соревнователе“, но даже не читана предварительно в Обществе». С целью предотвращения подобных случаев чрезвычайное собрание решило «подтвердить закон, чтобы в „Соревнователе“ печатаемы были только те статьи, кои прочтены и избраны Обществом и назначены в книжки Цензурным комитетом».⁶ В предложении Греча были заинтересованы издатели «Полярной звезды»; Рылеев и Бестужев рассматривали альманах и журнал как нечто единое и желали, чтобы действия их были согласованными. Плетнев нарушил одно из правил «священного союза», напечатав свою статью в «Соревнователе» без общего согласия. Не следует забывать, что Греч тогда еще был «отъявленным либералом», пострадавшим после бунта Семеновского полка. Рылеев и Бестужев дружили с ним, и Измайлов имел основание в стихотворении «Сленина лавка» писать о своеобразном триумvirате:

Приходит Рылеев, Бестужев и Греч
Язык ему надо немножко пресечь.

Батеньков в своих показаниях признавался, что у Греча были «приятные вечера, исполненные ума, остроу и откровенности. Здесь узнал я Бестужева и Рылеева».⁷

В 1823 году Греч действовал в союзе с Рылеевым и Бестужевым, они совместно выступали против Плетнева и добились победы. Показательно, что в 1823 году Плетнев и Дельвиг в делах Вольного общества не принимают никакого участия. Дельвиг присутствует всего на трех заседаниях и ни разу не читает своих произведений; Плетнев на четырех заседаниях и всего один раз выступает с переводной статейкой «О произношении». Резкая критика Плетнева в «ученой республике» вызвала ответную реакцию.

Разойдясь с издателями «Полярной звезды», Дельвиг и Плетнев с декабря 1824 года начали издавать в противовес «Полярной звезде» свой альманах «Северные цветы». В недрах Вольного общества любителей российской словесности зародились два альманаха — «Полярная звезда» и «Северные цветы». «Северные цветы» должны были ослабить влияние «Полярной звезды». Это было ясно и для современников. В 1825 году в «Сыне отечества» объявление об издании «Полярной звезды» на 1825 г. сопровождалось такой информацией: «„Северные цветы“, издание книгопродавца Сленина, вступает в непосредственное соперничество с „Полярною звездою“. Предоставляя сему альманаху («Северные цветы», — В. Б.) благоприятное время выхода в свет, желаем ему еще благоприятнейшего успеха».⁸

⁶ Там же, 29, л. 20.

⁷ М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 160.

⁸ «Сын отечества», 1825, № 1, стр. 111. Указывая на эту ироническую информацию в «Сыне отечества», Ю. Г. Оксман высказывает предположение, что

Александр Бестужев в письме к Вяземскому от 20 сентября 1824 года значительно уточняет свой более ранний отзыв о Воейкове («пройдя змеиный рот Воейкова»). А. Ф. Воейков делал все возможное, чтобы поссорить Дельвига и Плетнева с издателями «Полярной звезды», он не гнушался при этом самыми низкопробными средствами. «Из копии письма нашего к Воейкову увидите Вы, — пишет Бестужев, — каков он человек; но если узнаете низкие пружины, заставляющие его действовать, то удивитесь и пуще ничтожной зависти и корысти человеческой.⁹ План „Северных цветов“ им начертан и недаром, это уже и он сам говорит, но, чтобы подорвать нас, употребляет он все средства. Мутят нас через Льва с Пушкиным; перепечатаывают стихи, назначенные в „Звезду“ им и Козловым, научили Баратынского увезти тетрадь, проданную давно нам, будто нечаянно. Одним словом, делают из литературы какой-то толкучий рынок».¹⁰

Дельвиг и Плетнев по-прежнему остаются действительными членами Вольного общества, но ведут свою линию. Вербуют из «соревнователей» авторов в свой альманах, стремятся с помощью Воейкова произвести раскол в «ученой республике», затмить «Полярную звезду». Наконец, они пытаются объявить литературную войну Бестужеву, противопоставить его критическим обзорам свой обзор современной русской поэзии. Первая книжка «Северных цветов» открывалась программной статьей Плетнева «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах». В «Письме» Жуковский провозглашался «образцом всех наших новейших поэтов». Это был уже сознательный вызов Рылееву и Бестужеву. По словам Плетнева, Жуковский «первый поэт золотого века нашей словесности». Бестужев же в первом обзоре, высоко оценивая «Песнь во стане русских воинов», находил во многих произведениях Жуковского «германский колорит», мистицизм и туманность. Бестужев и Рылеев отказывались поэзию Жуковского считать образцовой, наоборот, они предупреждали, что «мистицизм», «мечтательность, неопределенность и даже какая-то туманность» поэзии Жуковского «растлили многих и много зла наделали» (письмо Рылеева к Пушкину от 12 февраля 1825 года). Плетневский Пушкин — «игривый и разнообразный ум, эта живая и своенравная душа исполнена в то же время самых нежных, самых глубоких движений чувствительности». Бестужев в «Полярной звезде» в своем последнем обзоре подчеркивает в поэзии Пушкина

автором ее «был скорее А. А. Бестужев, чем Булгарин» (см.: «Литературное наследство», т. 59, стр. 151).

⁹ Рылеев и Бестужев 15 сентября 1824 года обратились к Воейкову с письмом, в котором протестовали против публикации в «Новостях литературы» (1824) тридцати пяти стихов из «Братьев-разбойников» Пушкина, отданных поэтом для «Полярной звезды» на 1825 год. Письмо это впервые было опубликовано Н. И. Мордовченко в сб. «Литературный архив» (т. I, М.—Л., 1938, стр. 422).

¹⁰ «Литературное наследство», т. 60, кн. I, стр. 223.

«поэтический жар», «благородные порывы», «простоту величественную», «глубокие страсти». Как будто критики говорят о разных поэтах. Плетнев приветствует в поэзии все, что идет от Жуковского и Карамзина. Бестужев настойчиво пропагандирует гражданские чувствования и сильные человеческие страсти, он за поэзию самобытную и общественно значительную. О статье Плетнева Бестужев отзывался в не дошедшем до нас письме к Пушкину. Пушкин в письме к Рылееву от 25 января 1825 года соглашался с мнением Бестужева: «Согласен с Бестужевым во мнении о критической статье Плетнева». Мнение это было отрицательным. В письме к Вяземскому, написанном в тот же день, 25 января, Пушкин оборонил свою оценку статьи Плетнева: «экой ералаш!».

2

Кроме Плетнева и Дельвига, оппозицию организовала партия Цертелева—Федорова. «Есть партия, — замечает Бестужев, — положительного безвкусыя; у ней голова кн. Цертелев, а хвост (тела нет) Борис Федоров и еще два или три поползны, есть и цензурные, или лучше сказать, полицейские партизаны, именно Воронов; прочие суть благомыслящие гласные, полугласные и без слов. Число последних статистиков, как водится, есть наибольшее». Остановимся на партии «положительного безвкусыя», во главе которой стояли Н. А. Цертелев и Б. М. Федоров. О Цертелеве Бестужев говорит с явным пренебрежением. «Человек, как видно из его творений, ничтожный, с лубочным вкусом, как заметно из его поступков и мнений — способный на всякое низкое дело». Такая явно отрицательная оценка Цертелева, после того, как «ученая республика» несколько месяцев тому назад ему доверила составление «Исторической картины российской словесности», кажется, на первый взгляд, странной и неожиданной. Едва ли принципиальные разногласия между Цертелевым и Бестужевым могли возникнуть по поводу первых глав «Исторической картины», посвященных народной словесности и древнерусской литературе. Противоречия обнаружились несколько позже, на одном из подготовительных собраний, когда обсуждался план публичных чтений. Цертелев представил на рассмотрение «сореволювателей» главу «О философских или нравоучительных одах Державина», рассчитывая, что его статья будет одобрена и принята к чтению в доме Державина.

На первом чрезвычайном заседании, состоявшемся 28 марта, были рассмотрены следующие произведения:

1. «О внешней торговле». Статья Н. И. Кутузова.
2. «О философских или нравоучительных одах Державина». Статья Н. А. Цертелева.
3. «Сражение при Ганго-Уде 1714 года». Повесть Н. А. Бестужева.

4. Отрывок из похвального слова князю Кутузову—Смоленскому. В. И. Панаева.

5. «Псалом 93». Стихотворение гр. Хвостова.

6. «Ф. П. Львову, на случай собрания в зале покойного Державина». Его же.

«Статьи сии были подвергнуты баллотированию, и из них 2-я, 5-я и 6-я одобрены к чтению в публичном собрании, а 3-я оставлена без баллотирования по желанию автора, который обещал заменить оную другою», — говорится в «Журнале постановлений».¹¹

Таким образом, статья кн. Цертелева первоначально была намечена к чтению, а повесть Н. Бестужева возвращена автору. Но на этом заседании отсутствовали Глинка, Рылеев и А. Бестужев. 16 мая «соревнователи» снова собрались, чтобы обсудить чтения в предполагаемом публичном собрании. На этом заседании присутствовали Рылеев, А. и Н. Бестужевы, Корнилович, Сомов, Никитин, Греч, Измайлов, Кутузов, Цертелев, Д. Княжевич, Федоров, Лобанов, Сахаров, Булгарин, Туманский и Лыкошин. Протокола собрания от 16 мая, в котором были бы отражены выступления отдельных членов, не сохранилось, но по ряду других источников мы можем судить, что именно на этом собрании разгорелся горячий спор. Яблоком раздора послужила упомянутая статья Цертелева о Державине. Выступление с речью о Державине в публичном собрании считалось исключительно ответственным. Вопрос шел о выражении мнения «ученой республики». В статье Цертелева слишком подчеркивались верноподданнические мотивы и дидактизм державинских од и ничего не говорилось о Державине как о поэте-гражданине. Следовательно, она не отвечала взглядам Рылеева, Бестужева и Глинки. Между тем Цертелев настойчиво добивался, чтобы его статья была одобрена к чтению. Poleмика приняла очень острый характер, обсуждение проходило бурно, и спорили много. Подробности этой дискуссии утрачены, но в нашем распоряжении — известное письмо А. Бестужева к кн. Вяземскому. Бестужев пишет, что «пошел перебор пьес» и он предложил «исключить из числа назначенных для чтения пьес разбор од Державина Цертелевым, чистый вздор, где, кроме прекрасного, неподражаемого, божественного, забавного, было одно имя сочинителя».

В публичном собрании сам Бестужев собирался читать повесть «Второй вечер на бивуаке». В письме к Вяземскому от 21 марта 1823 года он писал: «В Обществе соревнователей на 6-й неделе будет публичное заседание, меня просили написать что-нибудь повеселее, и от этого я в большом затруднении — по приказу трудно забавничать. Хочу написать что-нибудь вроде „Вечера

¹¹ Вольное общество, 29, лл. 47 об. и 48.

на биваке“, не знаю только, как-то удастся!». ¹² Повесть была закончена, но в программу выступлений она не вошла (опубликована в «Соревнователе», 1823, ч. XXIII, кн. I). Партия «положительного безвкусыя», видимо, забраковала повесть Александра Бестужева (повесть его брата, Николая Бестужева, была исключена раньше, 28 марта), но и статья Цертелева о Державине большинством голосов была отвергнута. Можно только догадываться, насколько бурными были прения. Цертелев возражал, «шумел, защищал красоту своей пьесы, восставал против реформы суда, однако ж шары покатались, и он слетел кубарем».

На последнем подготовительном собрании, состоявшемся 19 мая, список дополнился четырьмя новыми произведениями: 1) сцена из шиллеровской трагедии «Иоанна д'Арк» в переводе В. А. Жуковского, 2) «Ободрение» Б. М. Федорова, 3) «Ф. П. Львову» гр. Хвостова и 4) «Прощание» А. С. Пушкина. И на этом собрании возникли споры. Возражения со стороны левой части Общества, возглавляемой А. Бестужевым и Рылеевым, касались стихотворений гр. Хвостова и Федорова. ¹³ Окончательный список произведений в стихах и в прозе, назначенных к публичному чтению, выглядел так:

1. Ф. В. Булгарин. Сочинение свое под названием «Отрывки из жизни Марины Мнишек, жены Дмитрия-самозванца» (в прозе).

2. В. И. Туманский. Сочинение свое под названием «Век Елизаветы и Екатерины II. Отрывки из послания Державину» (в стихах).

3. Н. А. Бестужев. «Об увеселениях в царствование Петра Великого». Сочинение А. О. Корниловича (в прозе).

4. Д. М. Княжевич. «Монолог Иоанны д'Арк». Из шиллеровской трагедии того же имени. Перевод В. А. Жуковского (в стихах).

5. А. Е. Измайлов. «Мудрость». Басня. Сочинение кн. П. А. Вяземского (в стихах).

6. Он же. Сочинение свое «Бегун и кляча». Сказка (в стихах).

7. Н. И. Греч. Свое сочинение «Отрывок из воспоминаний о Германии» (в прозе).

8. В. И. Туманский. Отрывок из поэмы «Войнаровский». Сочинение К. Ф. Рылеева (в стихах).

9. А. А. Бестужев. «Прощание». Сочинение А. С. Пушкина (в стихах).

10. А. А. Никитин. «Отрывок из биографии И. И. Дмитриева». Сочинение кн. П. А. Вяземского, написанное по поручению Общества (в прозе).

11. Д. М. Княжевич. «Сцена из Расиновой трагедии „Федра“». Перевод М. Е. Лобанова (в стихах).

12. Б. М. Федоров. Сочинение свое под названием «Ободрение» (в стихах).

13. Д. М. Княжевич. «Послание к Ф. П. Львову». Сочинение гр. Д. И. Хвостова (в стихах).

¹² Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому (1823—1825). Публикация и комментарии К. П. Богаевской. Вступительная статья Н. Л. Степанова. «Литературное наследство», т. 60, кн. I, стр. 200.

¹³ «Как ни отказывали Хвостову, — писал А. И. Тургенев кн. Вяземскому 25 мая 1823 года, — в чтении разных предложенных от него пьес, но он нашел средство быть напечатану и даже прочтену» («Остафьевский архив», т. 2, СПб., 1901, стр. 325). О стихотворении Б. М. Федорова достаточно ясно говорит А. Бестужев в письме кн. Вяземскому.

14. А. Е. Измайлов. Свое сочинение «Так да не так». Сказка (в стихах).

15. Он же. Свое сочинение «Сметливый эконо́м». Сказка (в стихах).¹⁴

3

Торжественное заседание в доме вдовы поэта, знаменитой «Бесединой храмине», еще раз демонстрировало отношение к Державину в «ученой республике». Председательствующий Греч произнес вступительную речь, в которой напомнил о «ревнителе правды и чести».

«Каким чувством, каким благородным восторгом должны исполниться сердца наши, — говорил Греч, — когда нам дарованы средства трудиться на пользу общую в доме Державина, коего имя напоминает нам и государственного человека, и знаменитого писателя, и твердого ревнителя правды и чести при монаршем престоле, и великого поэта, гражданина и наставника веков настоящих и грядущих». Греч выступал как вице-президент «ученой республики», и его речь должна была служить противодействием против забракованного рассуждения кн. Цертелева. Но у последнего нашлись свои союзники. Б. Федоров в своем стихотворении фактически повторил мнение Цертелева о Державине:

Благословенье дому Феба!
Здесь жил Державин, здесь звучал.
Здесь проповедник, — тайны неба
Он бога пел — и мир внимал.

«Ученая республика» воспринимала Державина как современника и отстаивала его право называться гражданским поэтом. Культ Ломоносова и Державина в Вольном обществе поддерживался из глубоко принципиальных соображений. Державин и Ломоносов декабристам были значительны и дороги как представители высокой гражданской поэзии, как поэты большого общественного и государственного значения. Декабристский идеал поэта-гражданина был очень близок державинскому образу поэта-обличителя. На заседании 9 января 1821 года И. К. Аничков, исполнявший должность библиотекаря «ученой республики», произнес речь в честь Ломоносова, которую закончил словами: «Великий Ломоносов! Ты никогда не будешь позабыт твоим отечеством! Воспоминание о тебе будет переходить из рода в род, доколе Россия станет называться Россиею и язык русский будет славою ее народа».¹⁵ 31 января 1821 года Аничков за речь о Ломоносове был переведен из сотрудников в действительные члены. Из ранних выступлений Аничкова следует отметить речь и о Державине:¹⁶ «И я дерзаю прославить Державина!»; «Его имя есть

¹⁴ Вольное общество, 7, лл. 200—201.

¹⁵ «Соревнователь», 1822, ч. XVII, стр. 289.

¹⁶ Там же, 1818, ч. II, стр. 155—168.

уже слава»; «Предания поместят его в ряду с мужами великими»; «Душа его заранее привыкла понимать различные ощущения сердца, движение страстей благородных». «Одаренный выпяренным воображением, способным воспевать предметы высокие», Державин поражает «необыкновенной смелостью мыслей», «пылкостью воображения» и «возвышенностью духа», Державин громко пел «торжество России и славу ее полководцев», он «оставил в истории имя свое вместе с именами Омиров, Горациев, Оссианов», язык державинской поэзии «необыкновенный, неподражаемый», ему свойственны «строгая добродетель», «твердость духа и любовь к близким», любовь «говорить истину» и т. п.

Рылеев считает, что Державина надо еще больше приблизить к современности, придать ему политическую актуальность; в рылеевской думе Державин становится поэтом с декабристским мировоззрением и произносит:

Горжусь к тирану я враждой,
Ярмо граждан меня тревожит;
Свободный славянин душой
Покойно рабствовать не может.
Греметь грозою против зла
Он чтит святым себе законом
С спокойной важностью чела
На эшафоте и пред троном.

Для Рылеева и Кюхельбекера, как и для других поэтов «ученой республики», Державин — настоящий поэт, «пламенный поклонник добра», а его высокая и самобытная поэзия — пример гражданственности, мужественности и энергии. Стилистические принципы громогласной державинской оды возрождал в своих элэгических псалмах Глинка. На заседаниях «ученой дружины» подряд читались «духовные» стихотворения президента «ученой республики».

Переложение псалмов и библейских сюжетов Глинка считал столь же важным делом, как и восстановление образов античной истории, изучение летописей и истории своего отечества. Менялась декорация, менялись костюмы и маски, но метод толкования оставался прежним. На наш взгляд, «Православный катехизис» Сергея Муравьева-Апостола и «священная» поэзия Федора Глинки имеют между собой нечто общее. В одном случае мы имеем дело с декабристской публицистикой, с декабристским воззванием, в другом — с декабристской иносказательной поэзией. В основе их лежит декабристское осмысление библейских тем и мотивов, использование образа пророка, который, как известно, выступал в библии обличителем преступления и зла, носителем идеи справедливости. Подвергая библейские сюжеты светской обработке и насыщая их земными мотивами, поэт тем самым подчинял псалмы своему мировоззрению и своей поэтике. Стремление Глинки превратить бога в активного

участника политической борьбы придавало элегическим псалмам форму своеобразного обращения, агитационного монолога, в котором поэт убеждал своего небесного слушателя опуститься на землю, «восстать» и «двинуться». В 1823 году на заседании «ученой республики» Глинка читал стихотворение «К богу великому, защитнику правды», в котором это обращение звучало так:

Восстань же, двигнись, бог великий!
Возьми оружие и щит,
Смути их в радости их дикой!
Пускай грозой твоей вскипит
И океан и свод небесный!

Ломоносов и Державин сыграли исключительно важную роль в литературной практике поэтов-декабристов, а именно в разрешении ими жанровой проблемы. Мелкие альбомные жанры карамзинистов оказались в 20-е годы слишком ограниченными и замкнутыми для поэзии высоких истин и гражданской добродетели. Декабристы не мыслили свою поэзию вне большой аудитории. Не Жуковский и Карамзин, закрепившие своей поэтической практикой образ поэта-тайновидца и «искусного лжеца», а именно Державин стал литературным знаменем «ученой республики». В условиях напряженной борьбы за высокий поэтический стиль чувствовалась острая необходимость в становлении новых жанров, способных вмещать общественно значительное содержание. Таким испытанным жанром в XVIII столетии была ода, и поэты-декабристы встали на путь модернизации ломоносовско-державинской оды. На элегические псалмы Глинки, «Подражание первой сатире Буало» А. Бестужева, «К временщику», «Гражданское мужество», «Видение», «На смерть Байрона», «Гражданин» Рыльева большое влияние оказала русская поэзия XVIII века, несущая большие, общественные и политические темы, и в первую очередь поэзия Державина. Ода во всех своих гражданских правах была восстановлена в творчестве Кюхельбекера. Кюхельбекер не случайно называл Державина «первым русским лириком», но под «лириком» он имел в виду поэта-борца, поэта-пророка, поэта-учителя. Тоскующие мечтатели и беспечные эпикурейцы, по мнению Кюхельбекера, недостойны называться лирическими поэтами. Настоящий поэт-лирик становится мстителем за поруганные идеалы, публичным оратором, носителем высоких истин. «Ода, увлекаясь предметами высокими, передавая векам подвиги героев и славу отечества, воспаряя к престолу неизреченного и пророчествуя пред благоговейшим народом, — писал Кюхельбекер, — парит, гремит, блещет, поработает слух и душу читателя».¹⁷ Никитин, Сомов и Григорьев как поэты-«соревнователи» в своих лучших гражданских стихотворениях тоже подражали Державину. От политиче-

¹⁷ «Мнемозина», 1824, ч. 2, стр. 31.

ской поэзии XVIII века (официально-государственная, Державин) к политической поэзии декабристов (общественно-гражданская) — таков путь развития национальной традиции высокой поэзии декабристов.

Дискуссия с Цертелевым по поводу его статьи о Державине переросла в спор о гражданском романтизме. Гражданский романтизм — это прежде всего рылеевские думы и поэмы. Отрывок из «Войнаровского» читался в доме Державина. Присутствовавший на собрании рецензент «Северного архива» писал о том огромном удовольствии, которое получила публика от поэмы Рылеева: «Рылеев в резких чертах представил характер изгнанника, борющегося с долговременным несчастьем. Картины природы описаны превосходно в сих отрывках; глубокое познание сердца человеческого и точное направление страстей, сообразно обстоятельствам жизни, показывают, что автор наблюдал природу в ее святилище, т. е. в самом сердце. Если вся сия поэма будет написана с таким чувством и силою, как читанные отрывки, то имя г. Рылеева станет наряду с именами отличных российских писателей. Мы не смеем определить ему место на Парнасе, опасаясь раздражить самолюбие других поэтов, но должны откровенно сказать, что развивающийся талант г. Рылеева обещает отечеству писателя, который в потомстве будет стоять гораздо выше, нежели полагают некоторые из наших современных критиков. Отрывки из поэмы „Войнаровский“ доставили необыкновенное удовольствие публике, и все знатоки полагают сию пьесу первой из стихотворных статей, читанных в сем заседании».¹⁸

В конечном итоге спор в «ученой республике» с кн. Цертелевым вылился в спор о классической и романтической поэзии и был продолжен Туманским в стихотворном послании «К кн. Цертелеву». В «Трудах Вольного общества любителей российской словесности» перед циклом стихотворений, читанных в публичном собрании 22 мая, помещено послание Туманского к «голове» партии «положительного безвкусыя». Это послание имеет самое непосредственное отношение к спору о поэзии между Бестужевым и Цертелевым. В нем мы находим ответ «ученой республики» на не дошедшие до нас бурные возражения Цертелева и на его попытку восстать против литературной реформы. Написанное под непосредственным впечатлением дискуссии в «ученой республике», послание Туманского дает справедливую отповедь «классику» Цертелеву и излагает основные положения романтической теории:

Не тот еще поэт, кто, слабою душой
Искусства позабыв высокие начала,
В толпе своих друзей с цевницей иль трубой
Идет просторною тропой
По шумным гульбищам журнала.

¹⁸ «Северный архив», 1823, № 11, стр. 678.

Нет! не заблещет лавр бессмертный на челе
Рабов общественного мненья,
Привыкших истину вещать без убежденья,
Неправду и порок щадящих на земле.
Законы гения — свобода!

Истинный поэт с юношеских лет читит высокое искусство; «народов и царей отважный проповедник», он слышит «глас судеб, веков преназначенья», «кладет он на свои живые песнопенья ума высокого печать».

В. И. Туманский, человек «горячих чувств и пылкого ума»,¹⁹ принимал самое непосредственное участие в делах «ученой республики». 10 мая 1823 года, т. е. за 12 дней до публичного собрания, в письме к С. Г. Туманской он с раздражением отзывался об А. Г. Родзянко, который распространил свою эпиграмму, направленную против Пушкина, и тем самым еще раз обратил внимание правительства на человека, который находится в «царской опале»:

И все его права — иль два, иль три ноэля,
Гимн Занду на устах, в руке портрет Лувеля.

«Во-первых, она противна, — писал В. И. Туманский об этой эпиграмме, — моему образу мыслей, во-вторых, обращение на людей, которых или совсем нет, или так мало, что скорей одобрять, нежели порицать их должно. Где взял любезный наш автор свои портреты? Они существуют только в воображении его, неприлично и неблагодарно нападать на людей, находящихся уже в опале царской и, кроме того, любезных отечеству своими дарованиями и несчастиями. Я говорю о неудачном намеке, который находится в сатире на Александра Пушкина».²⁰ Вскоре после публичного собрания в доме Державина Туманский выехал из Петербурга на службу в канцелярию новороссийского губернатора М. С. Воронцова. В Одессе Туманский еще ближе сошелся с Пушкиным и как полномочный представитель «ученой республики» вел переговоры с Пушкиным о его участии в «Полярной звезде» и в «Сорев-

¹⁹ 27 декабря 1825 года Следственный комитет предложил кн. Оболенскому следующий вопрос: «Были ли в числе членов вашего Общества... находящийся с вами в самом тесном сношении Сергей Кашкин и рекомендуемый им как человек горячих чувств и пылкого ума Туманский?» (Восстание декабристов, т. I, стр. 513). «Туманский, — отвечал кн. Оболенский, — есть поэт, человек бедный, которого Кашкин желал, чтобы я поддерживал, сколько я бы мог, в Петербурге. Мы с ним виделись один раз, не более, встретившись где-то нечаянно, более же никаких с ним сношений я не имел» (Восстание декабристов, т. I, стр. 233). Кн. Оболенский с Туманским действительно был мало знаком, чего нельзя сказать о Рылееве и Бестужеве. Только за первую половину 1823 года Туманский 16 раз посетил «ученую республику». См. о Туманском в исследовании С. Я. Борового «Мицкевич накануне восстания декабристов» («Литературное наследство», т. 60, кн. I, стр. 436—438).

²⁰ В. И. Туманский. Стихотворения и письма. Ред. С. Н. Брайлковского. СПб., 1912, стр. 250.

нователе» на 1824 год. К. Ф. Рылеев писал 3 октября 1823 года в Одессу: «Милый Туманский, вижу, что прелестными пьесами нашего парнасского чудотворца „Полярная звезда“ обязана тебе. Да не угасает же в тебе зато никогда чистый пламень поэзии, возженный твоею прелестною музою, которую ты так мило славишь под именем милой девы. Пусть пламень сей назло ничтожной и мелкой собратии Федорова чаще и чаще рождает в тебе истинное вдохновение и дразнит самолюбивое безвкусие старообрядцев нашей словесности». Особенно показательно, что Рылеев в этом письме называет Пушкина «консулом нашей Литературной республики».²¹

Важно, что на этом многолюдном собрании не был забыт Пушкин. «Пушкин — везде Пушкин», — признавался Бестужев. «Ученая республика», как и в 1821 году, вспомнила о ссыльном поэте, которому Александр I не разрешил приехать хотя бы на 2—3 месяца к своим петербургским друзьям. В 1823 году Пушкин возбуждал ходатайство перед гр. К. В. Нессельроде об отпуске в Петербург, но ему не удалось «выкарабкаться» из Кишинева, так как император отказал в его просьбе. Гр. Нессельроде о решении Александра I сообщил генералу И. Н. Инзову в письме от 27 марта 1823 года. Приблизительно в то же время Пушкин написал небольшое стихотворение «На выпуск птички», в котором, между прочим, намекал петербургским друзьям, что неплохо бы «при светлом празднике весны» выпустить «птичку» на волю:

На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Это стихотворение, появившееся за подписью «А. П.» в «Литературных листках» (приложение к «Северному архиву», 1823, ч. 7, № 15), за исключением последней строки, Пушкин включил в письмо к Н. И. Гнедичу, датированное 13 мая 1823 года. Пушкин рассчитывал на помощь петербургских друзей. Весной 1823 года «союз друзей» ждал возвращения Пушкина в Петербург хотя бы на короткое время. Нам, к сожалению, не удалось установить, какое стихотворение под названием «Прощание» читал Александр Бестужев 22 мая. П. Бартнев полагает, что в публичном заседании Вольного общества любителей российской словесности А. А. Бестужев читал стихотворение «К друзьям». Стихотворения «Прощание» «за то время, — замечает П. Бартнев, — мы не знаем у Пушкина и думаем, что „Прощанием“ названы здесь стихи „К друзьям“» («Русский архив», 1866, № 8—9, стр. 1189, примечание). Несомненно только, что «ученая республика» в присутствии влиятельных петербургских особ желала напомнить о судьбе поэта, помочь Пушкину в его просьбе. «Ученая республика» снова выступала в защиту ссыльного Пушкина.

²¹ Литературные портфели. «Атеней», 1923, стр. 58.

После дискуссии 1823 года принципиальные разногласия двух литературных партий обострились. Показательна история с кн. Цертелевым. Цертелев некоторое время лавировал между двумя сторонами — «соревнователями» и «измайловцами», республиканцами и благонамеренными. В Вольном обществе любителей российской словесности он агитировал за народность в искусстве, а в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств он выступал против романтиков, причем под романтиками подразумевал прежде всего писателей-декабристов. Но когда «соревнователи» отвергли его речь о Державине, Цертелев резко отшатнулся вправо к «измайловцам». Признавать народную поэзию, как Цертелев, и ценить памятники русской старины было в то время недостаточно, чтобы находиться в авангарде. Свой выпад против «соревнователей» Цертелев начал в 21-й части «Благонамеренного», поместив рядом со статьей о Державине отрывки из своей статьи («Журнал»). Первый отрывок из статьи под названием «Немногое для немногих» (№ 3) знакомил читателей с романтическими стихотворениями, в которых «видно летучее воображение и талант вымысла». Поэт с «душою воспламененной и доступной всему высокому», о котором можно смело сказать, что он разделяет «тайну романтической поэзии», написал стихотворение «Знакомый незнакомец». «Знакомая незнакомка» — так назывался рассказ Глинки, помещенный в 1821 году в «Сыне отечества» (№ 6, стр. 256—260).²² Современники могли без особого труда догадаться, что Цертелев в своей статье намекал на президента «ученой республики». В отрывке «Новая школа словесности» Цертелев говорил уже не об одном «знакомом незнакомце», а о целой школе «незнакомцев». «Журнал» Цертелева не имел прямого отношения к спору с Бестужевым, так как первые отрывки из него читались в «измайловском» обществе в первую половину 1823 года, до мая. В связи с инцидентом в апреле 1823 года Цертелев написал новую главу под названием «Грозный приговор». В этом сочинении снова появились «знакомые незнакомцы», но уже в кондитерской лавке на Невском проспекте. За чашкой шоколада «знакомые незнакомцы» всячески ругают «Благонамеренный» и автора статейки «Новая школа словесности» называют «педантом, невежею, глупцом» и «жалким сочинителем». «Например, — говорил один из «незнакомцев», — стихи истинного моего приятеля, господина N, господина с пламенным летучим вообра-

²² Небольшой рассказ «Знакомая незнакомка» не имел прямого отношения к декабристскому романтизму. Глинка выступал в нем скорее сторонником Жуковского. 19 февраля 1821 года кн. Вяземский писал Тургеневу: «Что за гасильные замашки в „Сыне отечества“? Знакомая незнакомка (которой я не знаю: слава ли? совесть ли?), которая минует бюст Вольтера, но с живым чувством взглядывает на Сократа» («Остафьевский архив»; т. 2, стр. 166).

жением, называет он сумбуром».²³ Цертелев ставит в прямую зависимость свою пародию о «знакомом незнакомце» с тем грозным приговором, который ему вынесла «ученая республика» за статью о Державине. Многое из того, что писал Цертелев о «незнакомце», относилось к Глинке, если иметь в виду глинковскую фразеологию в стихах и в прозе: «таинственное или глубокое», «дивное или невероятное», «наивное или пиитическая нагота» и т. д. «Из сего краткого рассуждения, — говорится в отрывке «Новая школа словесности», — очевидно, что пиитическая нагота (по старой школе — неблагопристойное), дивное (по старой школе — вздорное) и таинственное (по старой школе — бестолковое) составляют главнейшие красоты поэта новейшей школы».²⁴ Все, что не соответствовало вкусам Измайлова и Цертелева, называлось романтизмом и, наоборот, все, что не укладывалось в прописные правила домашней эстетики «Благонамеренного», считалось истинным искусством, хорошим вкусом. В «Разговоре о романтиках и о Черной речке» некто Д. В. р. ст. — снова употребил кличку «знакомые незнакомцы», одновременно назвав их «самозванцами-романтиками» («Благонамеренный», 1823, ч. 23). В статье «Дело от безделья, или краткое замечание на современные журналы», появившейся в «Благонамеренном» в 1825 году, вся русская поэзия от Жуковского и до последних дней была названа «несчастною», потому что «славянизмы, галлицизмы, мистицизмы, романтизмы нападали на нее, голубушку, попеременно, как орды татарские на Россию».²⁵ При всей путанице «Благонамеренного» в таком сложном вопросе, каким являлся романтизм в 20-х годах, нельзя не заметить, что главный удар был направлен против декабристов-романтиков. Все, что Измайлов и Цертелев не досказали в своих печатных статьях, они с полной откровенностью высказывали в письмах к своим друзьям и близким знакомым. Начиная с 1 января 1823 года А. Е. Измайлов в письмах к И. И. Дмитриеву то и дело клеймит «временных заседателей Парнаса», «новейших наших писателей», которые в своих суждениях «пристрастны» и «неосновательны». Особенно желчно он отзывался об Александре Бестужева, называя его «Заваришкиным» или «Завирашкиным».²⁶

²³ «Благонамеренный», 1823, ч. 22, стр. 162.

²⁴ Там же, ч. 21, стр. 441.

²⁵ Там же, 1825, ч. 25, стр. 243.

²⁶ Выступая против поэтов-декабристов еще до событий 1825 года, «благонамеренный» Измайлов после 14 декабря дал полную волю оскорбительным выпадам. В письмах к П. Л. Яковлеву, своему племяннику, Измайлов называет Александра Бестужева, Кюхельбекера и Сомова «головорезами» из новейшей школы словесности и «предводителями мятежников». Письма А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву были опубликованы М. К. Азадовским в сборнике «Памяти декабристов» (т. I, Л., 1926). Не менее любопытна переписка Измайлова с Н. И. Шредером. «Слава богу, — признается Измайлов, — что бунт так скоро вспыхнул: в противном случае хотя бы сумасбродные мятежники и не достигли

Среди бумаг гр. Хвостова сохранились тамбовские письма кн. Цертелева, которые значительно уточняют странных «знакомых незнакомцев». В письме от 21 января 1824 года Цертелев вспоминает «пресловутые споры, похвалы и брани различных литературных партий». «У нас, — продолжает он, — обычно крайности: или гнусная месть, или дерзкая брань. Журналисты наши не любят середины; кажется, они приняли девизом слова „кто не за нас, тот против нас“. Если эта кабала продолжится еще долго, то многие потеряют охоту не только писать, но и читать. Скажите, каково сияние нынешней „Полярной звезды“? С нетерпением ожидаю появления оной на нашем тамбовском горизонте, боюсь, однако же, чтобы после всего, что о ней говорили, не вышла гора в родах».²⁷ Через месяц, 24 февраля, Цертелев снова возвращается к «соревнователям», которые принесли ему столько неприятностей. «Еще пишете вы: на меня нападают Греч, Сомов и другие. Где же это? Мне не случалось читать; судя по приведенной вами пословице, я заключаю, что вы хотите отплатить им тем же; по моему мнению, презрение с вашей стороны есть лучшая месть за несправедливые оскорбления, по крайней мере

своей цели, но сделали бы несравненно более вреда, и Петербург пострадал бы несравненно более от меча и от огня, нежели в прошедшем 1824 году от воды. И литераторы замешались в этом поганом деле! Кто глава заговорщиков, и по сию пору неизвестно, а, вероятно, должен быть какой-нибудь бусурман! Едва ли от начала общества было когда-нибудь такой злонамеренный и такой глупый заговор, как этот. Бунтовщики заранее назначили друг другу степени в новом правлении. Заваришка Александр Бестужев назначался 3-м консулом, а Кюхельбекер цензором! Последний пропал без вести: ищут, ищут его и не находят, будто он приложился из пистолета в Михаила Павловича, но солдат (из мятежников) ударил беснующегося демагога по руке». Письма А. Е. Измайлова к Н. И. Шредеру пестрят разными слухами и историями, которые распространялись после 14 декабря в реакционных кругах общества. В том же письме от 7 января 1826 года Измайлов сообщает еще одну новость: «Говорят, будто открыли недавно новое покушение заговорщиков — зажечь в нескольких местах Петербург, чтобы при этом удобным случае освободить своих товарищей из крепости! Без солдат ничего не сделать, а солдат теперь ни самый лукавый не соблазнят. . .

«Если некоторые из литераторов покрыли себя вечным срамом, то один из них (подпоручик Егерского полка Яков Иванович Ростовцев) оказал незабвенную услугу государю и отечеству. Он за день писал к государю и открыл ему заговор, подвергая опасности свою жизнь. Заговорщики чуть-чуть не убили его».

В письме от 22 января 1826 года Измайлов сообщает о странном случае в типографии Греча: «Года три или четыре назад убили у Греча в типографии фактора, старичка-немца, который, нажив здесь тысяч двадцать или более, собирался отсюда на свою родину и взял уже паспорт. Убийцы тогда не нашли; однако же сослали куда-то по подозрению одного рассыльщика-инвалида. Теперь открылось это убийство. Покойный фактор, который любил деньги еще больше курительного табаку, набирал сам и печатал по ночам для заговорщиков какие-то бумаги. Заговорщики щедро ему заплатили — заплатили да и убили. В этом признался князь Оболенский». Ср. это свидетельство А. Е. Измайлова с запиской, которую мы приводим в главе «Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения» (Письма А. Е. Измайлова к Н. И. Шредеру, ИРЛИ АН СССР, Рукописный отдел, ф. 396, ед. хр. 8).

²⁷ Бумаги гр. Хвостова, № 71, л. 171 и об.

в вашем звании и с вашими заслугами в литературе я избрал бы это средство. Пускай себе твердят собаки:

Ай, Моська! знать она сильна,
Что лает на Слона...

«Ежели необходимо наказать дерзость, то, ваше сиятельство, имея столько преданных вам людей, можете сделать это, не выставляя своего имени».²⁸ К гр. Хвостову стекались жалобы на Бестужева со всех сторон: из Тамбова писал кн. Цертелев, из Москвы жаловался кн. Шаликов, из Дерпта — Д. М. Перовошиков. «Нет, ваше сиятельство! Бестужевы (так назван здесь одним литератором Бестужев), — пишет кн. Шаликов, — не должны и не могут остановить писателей, следующих по стезям хороших правил, хорошего вкуса» (письмо от 28 мая 1823 года).²⁹ «Смею уверить, ваше сиятельство, — пишет Д. М. Перовошиков, — что я даже радуюсь ругательствам на меня невежд и злобных бумагомарателей, ибо заключаю из того, что мои труды не совсем дурны. Их похвала огорчила бы меня. . . Впрочем, вероятно, что Греч и Бестужев и их собрания выступят противу меня с новой бранью; но я молчал, молчать буду всегда и спокойно пойду моею дорогою» (письмо от 19 ноября 1822 года).³⁰

Гр. Хвостов продолжал посещать заседания «ученой республики», и в письмах к друзьям он рассказывал о новых порядках на Парнасе отечественной словесности. «Соревнователям» настолько надоело «его сиятельство», что они решились перевести его из действительных членов в почетные. Хвостову давалось право не посещать собраний, так как в уставе Вольного общества было сказано, что почетные члены присутствуют на собраниях в исключительно торжественные дни.

Гр. Хвостов, прямой союзник кн. Цертелева, решил отомстить литературной республике и подыскивал человека, способного проучить А. Бестужева за его резкие выходки. Он обратился тогда же с письмом к А. Ф. Рихтеру, который в конце 1823 года отправился в путешествие по России вместе с гр. Н. П. Румянцевым. Рихтер в ответном письме (от 15 января 1824 года) обещал воспользоваться суждением гр. Хвостова о статье Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» и расправиться с «литературным баловнем», который «еще не исправился и дидактический свой тон не покинул». Однако гр. Хвостову не удалось завербовать в свою партию Рихтера. Внимательно познакомившись с «Полярной звездой на 1824 год», Рихтер спешил объявить гр. Хвостову, что альманах Рылеева и Бестужева «придает новое сияние» отечественной словесности и «удив-

²⁸ Там же, л. 158 и об.

²⁹ Там же, № 70, л. 277.

³⁰ Там же, л. 146 и об.

ляет своими талантами». Ровно через три дня после первого письма 18 января 1824 года Рихтер признавался, что статья Бестужева на него произвела вполне положительное впечатление. «Я, — писал Рихтер, — с большим любопытством читаю все произведения Бестужева. В его сочинениях найдешь то, что тщетно будешь искать у других писателей. Как же не уважать такого писателя, как не быть к нему признательным? Он раскрывает нам совсем новые понятия и знакомит нас с учеными предметами с иной точки зрения. Хотя для меня почти непонятен приступ к статье его, помещенной в нынешней „Полярной звезде“, „Взгляд на русскую словесность 1823 года“, но кто может сомневаться, чтоб он не понимал, что сам писал. Может быть, здесь должен самого себя обвинять, а не Бестужева, которому небольшая слава будет, ежели всем он станет понятен».³¹ Вместо того чтобы осудить Бестужева и написать на его статью отрицательную рецензию, Рихтер в следующих письмах к гр. Хвостову осмеял Б. М. Федорова и А. Е. Измайлова. «Федоров, — замечал Рихтер в письме от 26 августа 1824 года, — напечатал свою комедию „Ротмистр Громилов“. Я не успел прочитать еще сие новое произведение его неугомонной музы. Но мне кажется, что сия комедия не принадлежит ли к тем произведениям, которые, подобно известным насекомым, поутру рождаются, весь день про шумят, а вечером умирают».³² Лучшим произведением Федорова Рихтер считал эпиграмму на Булгарина:

Фаддей здесь издает листки,
 В Варшаве издавал свистки;
 Его свисток — пустой листок,
 Его листки — ему свистки.

Не пощадил Рихтер «доброе» Измайлова: «Ваше сиятельство изволили ко мне писать, что вы, милостивый государь, были на свадьбе у Глазунова и сообщили мне стихи нашего доброго Измайлова, которые он провозгласил на сей свадьбе:

Да здравствует Илья!
 Да здравствует Прасковья!
 Желаю им обилья,
 Счастья и здоровья.

«Они забавны, но у меня есть также стихи на свадьбу одного записного поэта, которые позабавнее первых. Вот они:

Ну же, муза, ну, ну, ну,
 Настрой арфу,
 Прославь Марфу,
 Лупа Пудича жену.

³¹ Там же, № 70, л. 189.

³² Там же, л. 39.

«Как жалки поэты, как жалки стихи, когда они должны прославлять бракосочетание Глазунова Ильи с Прасковиею!» (письмо от 4 декабря 1824 года).³³

«Ученая республика» настолько окрепла, что угрозы гр. Хвостова и кн. Цертелева мало ее пугали. Публичное собрание в доме Державина прошло с большим успехом и лишний раз доказало, что новая школа словесности имеет много единомышленников. А. Е. Измайлов напрасно уверял гамбовского друга Н. И. Шредера, что ему аплодировали «с восторгом» и «со всех сторон». Бестужев свидетельствует, что Измайлов «смешил более свою тушею, чем стихами»; «с душевным одобрением», по его словам, был принят Рылеев, «рукоплескали» Никитину, когда он читал статью Вяземского о Дмитриеве,³⁴ «Туманскому аплодировали», когда он читал свои стихи о Державине, «Корнилович всем понравился».

В самый критический момент, когда не было твердой уверенности в завтрашнем дне, «ученую республику» снова спасли от развала декабристы, они отстранили Греча от вице-президентства, наладили отношения с Глинкой и дружно принялись за восстановление Общества, клонившегося к упадку и растрчивавшего свои силы на мелкие междоусобицы. Греч на отчетном собрании 1823 года не избирается на пост вице-президента и фактически оставляет «ученую республику». За весь 1824 год он не посетил ни одного заседания, а его приятель Булгарин побывал всего на одном заседании.

Падение Греча не зависело, в конечном итоге, только от ситуации, создавшейся в связи с «капризами Глинки» и уходом из

³³ Там же, л. 183 и об.

³⁴ П. А. Вяземский числился с сентября 1820 года почетным членом Вольного общества; с лета 1821 года он находился в опале (Александр I запретил ему возвращаться в Варшаву) и проживал в Москве. По просьбе Вольного общества Вяземский написал «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», отрывок из которого читался А. А. Никитиным 22 мая. Александр Бестужев не был согласен с Вяземским в оценке Дмитриева-баснописца, поставленного выше Крылова, но с характеристикой историко-патриотических стихотворений («Ермак», «Освобождение Москвы», «Глас патриота») декабристский критик не мог не согласиться. Эти стихотворения, по словам Вяземского, «исполнены огня поэтического», «огня любви к отечеству», «любви возвышенной». «Желательно, — замечал Вяземский, — чтобы данный им пример почерпнуть вдохновения поэтические в источнике истории народной имел более подражателей». Поэзию пора вывести «из тесного круга общежительных удовольствий и вывести на степень высокую, которую она занимала в древности, когда поучала народы и воспламеняла их к мужеству и добродетелям государственным» (Стихотворения И. И. Дмитриева, ч. II, СПб., 1823, стр. XXII—XXIII). Судя по письму к М. Ф. Орлову от 10 ноября 1821 года, Вяземский в статье о Дмитриеве особенно ценил приведенную выше мысль о поэзии. Возможно, что на собрании Вольного общества в 1823 году читался именно тот отрывок из «Известий», в котором говорилось о необходимости «вдохнуть жизнь истинную и возвышенную в поэзию» (письмо к М. Ф. Орлову в кн.: П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. II, СПб., 1879, стр. 108—110).

Общества Гнедича. К концу 1823 года Греча достаточно разгадали Бестужев и Рылеев. Вскоре после публичного собрания в доме Г. Р. Державина, 16 июля 1823 года, Булгарин признавался Гречу: «Я слышал человек от десяти, сочту тебе по пальцам, что им не нравится, когда ты говоришь с презрением о славе писателей и говоришь единственно: деньги! деньги! де ларжан! и проч.»³⁵

С другой стороны, известно свидетельство М. А. Бестужева, который рассказывал издателю и редактору «Русской старины» М. И. Семевскому: «Блевнул Греч на меня. Он на меня, как на ребенка смотрел, я забавлялся с его детьми. Н. Б. (Николай Бестужев, — В. Б.) и Рылеев его призывали остерегаться. Зазвав в кабинет в 1823 году, шуточно, наглым образом стал выпытывать, ведь братья со мной не хитрятся. „А, так вы шпион? Прощайте“, — руку не подал и ушел. Он блевнул в меня».³⁶

5

Выдвинутое нами положение об огромном прогрессивном значении Вольного общества любителей российской словесности в литературном и общественном движении 20-х годов, о связи «ученой республики» с декабризмом остается в силе и тогда, когда мы говорим о последнем периоде, совпадающем с деятельностью Северного общества. Летописец Вольного общества А. А. Никитин в своем отчете за 1823 год свидетельствует, что только благодаря усердию Глинки, Рылеева, А. и Н. Бестужевых, Корниловича, Кутузова (все они являлись членами Союза Благоденствия и в ближайшее время будут являться деятелями Северного общества), Сомова, Аничкова, добавим еще — самого Никитина (ближайшего «сотоварища» первых) Общество соревнователей просвещения и благотворения пережило все трудности, и, «таким образом, сословие сие, бывшее уже на последней степени своего разрушения, восстановлено для нового существования». Предоставим слово самому А. А. Никитину:

«Тщетно для удовлетворения собственному нашему честолюбию стал бы я, м<илостивые> г<осударь>, описывать вам Общество наше процветающим обильною жатвою умственных произведений, избытком вещественных средств, необходимых для его существования и всегда постоянным общим соревнованием к его славе. Начало сего истекающего года обещало добрые последствия: мы заранее еще восхищались успехами Общества в его предначертаниях. Но едва прошло не более двух месяцев, как

³⁵ Литературные портфели, стр. 23.

³⁶ Воспоминания Бестужевых. М., 1931, стр. 368—369; о Булгарине см. комментарии Ю. Г. Оксмана к письму Рылеева («Литературное наследство», т. 59).

благородные надежды сии видимым образом исчезать начали постепенно: одни желали Обществу мирных бесед, взаимного снисхождения между членами, и ежели уже не пламенного, по крайней мере всегда постоянного усердия и бескорыстных трудов, другие хотели присоединить к тому более блеску Обществу и сделать его более известным. В самом деле, публичное собрание, бывшее 22 мая, привлекло многочисленных посетителей и прекраснейшие произведения, читанные в оном, несколько времени были предметом разговора в столице, хотя, впрочем, с того времени не прибавилось ни одного преномеранта. Но это блестящее собрание, к сожалению, похоже было на угасающий светильник. В самом деле, с того времени заседания Общества сделались весьма малочисленны, оказался недостаток в литературных произведениях, — книжки журнала выходили спустя два месяца после назначенного срока, посыпались, так сказать, жалобы на неисправную высылку „Соревнователя“, и с уменьшением числа преномерантов увеличились денежные недостатки: долги его возросли до 6000 рублей; типография отказалась от печатания последних книжек, прекращен отпуск бумаги и владелец дома, в котором мы имеем собрания свои, требовал решительного отъезда. Неудивительно ли после сего, что Общество едва не пришло к разрушению: оно было близко — и даже необходимость предложила вопрос: существовать ли ему?

«Больно было видеть, что лучшие статьи, украшавшие в течение сего года другие журналы, составляли произведения членов, между тем как Общество, отказавшись уже от славы помещать в „Соревнователе“ отборные произведения, должно было довольствоваться весьма посредственными, и те собирать по столице от людей, совершенно посторонних.

«И в это-то, можно сказать, критическое время Общество большинством голосов определило продолжать издание „Соревнователя“ на 1824 год, хотя не имело статей даже на 5 остальных книжек 1823 года.

«Но вскоре пробудилось соревнование: почтенный наш председатель с гг. действительными членами Н. И. Кутузовым, О. М. Сомовым, К. Ф. Рылеевым, И. К. Аничковым, А. О. Корниловичем и Н. А. Бестужевым (который примерным усердием доказал постоянную любовь свою к Обществу) учредили домашний комитет, составили последние четыре книжки и первую 1824 года. Другие из членов приняли на себя обеспечить Общество на счет уплаты долгов, доставили заимообразно знатную сумму денег и тем поддержали бытие его. Таким образом, сословие сие, бывшее уже на последней ступени своего разрушения, восстановлено для нового существования.

«Но между тем как изысканы способы к продолжению бытия Общества и издания „Соревнователя“, оно имеет еще нужду в важнейшей потребности — ему недостает всеобщего соревнова-

ния. Конечно, для приобретения одного нет никаких средств, которые зависели бы от воли некоторых членов. По крайней мере мы можем желать и надеяться, что малые числом, но великие усердием своим и самопожертвованием поддержать его для собственной славы и частным союзом бескорыстной приязни, великодушного пожертвования и благородным образом мыслей восстановят союз общий.

«Простите, м<илостивые> г<осудари>, великодушно, ежели я неприятною картиною последнего состояния нашего Общества привел вам на память прошедшее его благоденствие. От нас самих зависит возвратить это время дружбы, согласия и, если можно так выразить, время лучшей пиитической жизни Общества». Заканчивая свой отчет, А. А. Никитин еще раз напомнил, что «судьба соединила членов нашего Общества крепчайшим неразрывным союзом взаимного снисхождения, приязни и единодушного стремления к избранной высокой цели».³⁷

Литературные взгляды и общественная деятельность Рылеева и братьев Бестужевых дают основание утверждать, что в Северное общество они пришли идейно подготовленными, готовыми к большой политической работе. В 1821—1822 годах тайного общества в Петербурге фактически не существовало, но это еще не значит, что будущие декабристы бездействовали. Традиции Союза Благоденствия хранились и продолжались теми побочными управами, которые, получив легальное существование, часто назывались «вольными обществами». Вольное общество любителей российской словесности в этом отношении заслуживает самого пристального внимания и изучения. Влияние «ученой республики» на литературное и общественное движение 20-х годов трудно переоценить. Декабристы в своих следственных показаниях обобщили Вольное общество, если некоторые из них и коснулись в ответах на вопросы Следственного комитета «ученой республики», то тут же признавались, что Общество соревнователей представляло собой безвинную затею литераторов и не имело никакого отношения к «пагубному» образу мыслей. К тому же о Вольном обществе и говорить много не приходилось. Вопросы были составлены таким образом, что филиалы Союза Благоденствия оставались в тени. В этом был заинтересован управляющий делами следственного комитета А. Боровков, в недалеком прошлом участник «вольных обществ» Союза Благоденствия. Глинка тем более не собирался напрашиваться на показания, которые могли навлечь подозрения и послужить серьезным обвинением против него. Благодаря двухсторонней заинтересованности главного обвиняемого по разделу «вольных обществ» Глинки и ближайшего помощника обвинителей А. Боровкова, некогда соратника Глинки по «ученой республике», ложе «Избранного Михаила» и Воль-

³⁷ Вольное общество, 51, лл. 4—6 и 13.

ному обществу учреждения училищ по методе взаимного обучения, «вольные общества» оказались недостаточно отраженными в делах Комиссии о «злоумышленных обществах». Спустя много лет, оглядываясь на пережитое, Глинка в воспоминаниях о Рылееве несколько слов посвятил Вольному обществу любителей российской словесности. «С Рылеевым я, — писал Глинка, — был знаком. Он был членом Вольного общества (соревнователи просвещения и благотворения тож), где я был президентом и где Пушкин, вся лицейская дружина и всего человек до 40 заседали каждую неделю в доме Войвоцы».³⁸ Глинка ничего не сказал о действительном положении дел в «ученой республике», он просто отмолчался, как отмолчался в своих показаниях Следственному комитету. Только А. Бестужев не скрыл в своих ответах во время следствия ту прямую связь, которая существовала между «вольным» и тайным обществом декабристов. Он прямо признавался, что дорога из «ученой республики» вела в Северное общество. В 1822 году «свел свое знакомство с г. Рылеевым, и как мы иногда возвращались вместе из Общества соревнователей просвещения и благотворения, — говорил Бестужев, — то и мечтали вместе, и он пылким своим воображением увлекал меня еще более. Так грезы эти оставались грезами до 1824 года, в который он сказал мне, что есть тайное общество, в которое он уже принят и принимает меня».³⁹

³⁸ «Русская старина», 1871, № 2, стр. 244—245.

³⁹ Восстание декабристов, т. 1, стр. 433.

Глава девятая

«УЧЕНАЯ РЕСПУБЛИКА» В 1824—1825 ГОДАХ

1

Стремясь окончательно подчинить «ученую республику», оставшуюся в наследство от Союза Благоденствия, задачам декабристской пропаганды, Рылеев и А. Бестужев с согласия и при поддержке Глинки создали в конце 1823 года специальный домашний комитет, явившийся политическим, руководящим центром Вольного общества любителей российской словесности. Вновь учрежденный комитет спас, по словам Никитина, «ученую республику» от разрушения и восстановил ее «для нового существования». Комитет состоял из президента Ф. Н. Глинки и действительных членов Н. И. Кутузова, О. М. Сомова, К. Ф. Рылеева, И. К. Аничкова, А. О. Корниловича, Александра и Николая Бестужевых. Никитин ни слова в отчете не сказал о себе, но его участие в домашнем комитете само собой подразумевалось. Еще до организации домашнего комитета, в годы деятельности Союза Благоденствия, «семейство друзей и братьев» часто собиралось в квартире Глинки. Дружеские беседы вспоминал Кюхельбекер в 1820 году в письме из Лиона: «Я вспомнил наши добрые вечерние беседы у Ф. Н. Глинки», где в разговорах тихих, полных чувства и мечтания, вылетали за рейнским вином сердца наши и сливались в выражениях, понятных только в кругу нашем, в милом семействе друзей и братьев».¹ «Вечерние беседы» продолжались в квартире Глинки до рокового 1821 года. После известного доноса Грибовского хозяин квартиры стал более осторожен, к чему обязывала его служба в канцелярии петербургского военного генерал-губернатора: в квартире чиновника особых поручений было не совсем удобно устраивать политические сходки «соребнователей». В течение ряда лет «соребнователи» снимали

¹ «Мнемозина», 1824, ч. III, стр. 37.

помещение у Крикуновского, но в 1823 году последний «требовал решительного отзыва», т. е. прекращения собраний. В 1824 году домашний комитет «ученой республики» собирался в другом месте, судя по всему — в квартире Рылеева, который жил в доме Российско-Американской компании. В этом же доме проживали А. Бестужев и Орест Сомов.

Предусмотрительный Глинка, отвечая 15 февраля 1826 года на вопросы Следственного комитета, ничего не сказал о литературных собраниях в квартире Рылеева, обо всем том, что могло бы пролить свет на утаенную от Следственной комиссии «ученую республику». Он сделал еще одну попытку скрыть свое прошлое и утверждал, что к Рылееву заходил исключительно по издательским делам или навестить свою маленькую крестницу, причем прибавлял «на минутку, часто и без Рылеева».

«Добрая Рылеева жена, — говорил Глинка, — мне кума; он сам был мне несколько одолжен и обходился со мною весьма уважительно. В исходе прошлого года отдал я одну из моих книг для печатания в типографию Главного штаба, а корректуру сей книги поручил писателю Сомову, который жил в одном доме с Рылеевым и бывал очень часто у него. Идя от себя в типографию или в город, я проходил (так по местному положению) ровно мимо окон Рылеева. Тут иногда маленькая дочь стучала в окно, иногда жена кланялась, и я заходил на минутку, часто и без Рылеева, который бывал у должности. В это же время печаталась „Полярная звезда“: у меня просили стихов — я заносил их. Чтобы не вызвать подозрений у следователей в неискренности показаний, Глинка дополнял: «... да притом ходил обедать в тот же дом к г-ну Прокофьеву». Ничего более правдоподобного, кажется, нельзя было придумать. Обедал в доме, где находилась Российско-Американская компания, по пути заглядывал на минуточку в квартиру Рылеева и т. д.

Но послушаем самих декабристов, сошлемся на их показания. Оказывается, что Глинка настолько был связан с квартирой Рылеева, что одни считали его официально принятым в Северное общество, многое доверяли ему и дорожили его советом, другие считали Глинку человеком бесполезным, зная, что он никогда не согласится принять участие в восстании, поэтому «ограничивались непринужденными разговорами» и не предлагали участвовать в тайном обществе. 12 или 13 декабря Глинка зашел к Рылееву в тот самый момент, когда руководители Северного общества, его «буйные сообщники», горячо обсуждали план действий на ближайшие дни; на этом собрании принималось решение вывести войска на Сенатскую площадь и не присягать Николаю Павловичу. Для характеристики Глинки кануна 14 декабря несомненную ценность представляют показания кн. Оболенского:

«Полковник Федор Николаевич Глинка печатал некоторые из своих пьес, отдал, кажется, корректуру оных поэту Сомову, живу-

шему вместе с Бестужевым и в одном доме с Рылеевым: по сему случаю он в последние времена пред 14 декабря стал чаще посещать Рылеева, нежели прежде, будучи однакож с ним всегда в связи дружеской и литературной: по сему случаю мы не думали скрывать наших действий пред полковником Глинкою, который не изменит тайне, ему вверенной. Ему лично никто предложения не делал участвовать в намерениях, ибо мы все знали, что он никогда не согласится брать в оных какое-либо участие, и потому мы ограничивались непринужденным разговором пред ним. Его ответ всегда был во время наших разговоров: „Господа, я человек сему делу чуждый и благодарю вас за доверенность вашу: мой совет и мнение может быть только, что на любви единой зиждется благо общее, а не на брани“. Был у меня также несколько раз полковник Глинка, мне то же самое говорил. К несчастью, многие из наших членов, и я также, в то время полагали, что он как поэт живет более на небесах, а не на земле. Что же именно было известно ему из намерений наших на 14 декабря, я поистине сказать не могу, ибо я лично не говорил ему подробно ни о действиях наших, ни о силах, и вообще как я, так и все прочие члены не входили с ним в подробности, которые для него вообще были не нужны. Но мы в полковнике Глинке видели всегда такого человека, пред кем мы говорили свободно о действиях нашего Общества. Вот единственно, почему он был известен о намерениях наших, не участвуя и не желая в оных участвовать ни лично, ни через других. Почему я полагаю, что полковник Глинка знал, что некоторые полки не будут присягать, что неприсягающие должны собраны быть на площади и что мы хотели сделать предложение Сенату о всеобщем соборе».

26 января 1826 года Комитет затребовал от кн. Трубецкого, Рылеева, Александра и Николая Бестужевых и Пушкина ответа на следующий вопрос: «Кем и когда полковник Федор Глинка был извещен предварительно о предприятии 14 декабря и как по сему подал мнение?».

Князь Трубецкой и Николай Бестужев ответили, что они не знают обстоятельств, указанных в вопросе, и поэтому не могут дать на него ответа. Пушкин заявил, что ему неизвестно, кем и когда был извещен Глинка о предприятии 14 декабря, и добавил: «Я видал перед тем его у Рылеева, но разговора при нем с ним о намерении нашем не было, и я никакого мнения его на сей счет не слышал». Александр Бестужев отвечал более подробно: «Федора Глинку видел я дня за три или четыре у Рылеева до 14 декабря, заходил он туда на минуту, и как в то время, как он вошел, вскоре сказали, что Булгарин идет, а мы его опасались, то я вышел задними дверями вон, чтобы не подать подозрения, что тут сборище. Был ли он решительно извещен о намерении на 14-е число, не знаю, но что готовилось что-то, знал, ибо я сказал: „Ну вот и приспевает время“. Он отвечал: „Смотрите вы, не де-

лайте никаких насилий“ (он всегда был миролюбивых правил); и тогда-то я вышел». Наконец, Рылеев дал следующий ответ: «По вступлении моем в Общество с Федором Глинкою я имел частые свидания и, полагая его в числе членов Общества, нарочно склонял разговор на цели и намерения оногo, но слыша от него общие суждения и никогда ничего решительного, уведомил о том Трубецкого, который сказал мне на то: „Его надо оставить в покое; он нам бесполезен“, что я и исполнил: несмотря на то, общие суждения при каждом свидании моем с Глинкою продолжались. Так случилось и пред 14 декабрям, кажется, дня за два. Разговаривая о настоящем положении дел, я ему сказал, что Общество положило непременно воспользоваться переприсягою, что оно взяло уже для того свои меры и что некоторые роты приготовлены. Он на то мне сказал только: „Смотрите, господа!“ В дальнейшие суждения о предприятии 14 числа я с ним не входил, ибо, несмотря на слова Трубецкого, я полагал его в числе главнейших членов Общества и что ему, следовательно, все движения Общества неизвестны». 6 апреля 1826 года кн. Трубецкой на вышеприведенное показание Рылеева давал разъяснение: «Я не довольно помню, спрашивал ли меня Рылеев о полковнике Ф. Глинке и что именно я ему отвечал, чтоб утвердительно показать о том: но вероятно, что если он меня спрашивал о Ф. Глинке, то я отвечал или то, что Рылеев показывает, или подобное тому; ибо Глинка уже давно совершенно отстал от Общества. Он принадлежал к обществу, называвшемуся Союзом Благоденствия; но к восстановленному после того Обществу уже не принадлежал, и сколько мне известно, то ему и предлагаемо не было. Незадолго до 14 декабря действительно говорил я с Глинкою, но о намерениях Общества ему не сказывал и не полагая, чтоб он был кем-либо предварен о предприятии на 14-е число. По крайней мере я ему ничего подобного не сказывал, и из слов его не мог ничего заметить такого, которое бы могло заставить меня полагать, что ему что-либо касательно Общества и намерений оногo известно. Глинка был вхож к графу Милорадовичу, и я его спрашивал, какие есть слухи? Он отвечал, что ожидают, что привезет курьер; что, кажется, решительного еще ничего нет; а что граф Милорадович говорил, что должно быть благодарным государю императору, ибо должно признаться, что его величество думал о спокойствии и благе отечества, когда присягнул государю цесаревичу; и что граф удивляется, что от его высочества нет известия».²

Из несколько противоречивых показаний Рылеева, А. Бестужева, Трубецкого и Оболенского можно заключить, что Глинка в Северном обществе был своим человеком, хотя и не принадлежал к нему юридически. Мнение Трубецкого, что Глинке «о намере-

² Показания Оболенского, Рылеева, Бестужева и Трубецкого цитируются по копии приложения к следственному делу Глинки, хранящейся в ИРЛИ АН СССР.

ниях Общества никто не рассказывал», частично объясняется тем, что на собраниях, происходивших у Трубецкого или у полковника Митькова, Глинка никогда не присутствовал. И наоборот, Рылеев полагал Глинку «в числе главнейших членов Общества». Если принять во внимание, что сам Рылеев вступил в Северное общество, будучи активным деятелем Вольного общества любителей российской словесности, куда его, собственно говоря, и привлек Глинка, то сближение Глинки с Северным обществом через Рылеева не покажется случайным. Узнав от Александра Бестужева о намерении тайного общества, Глинка сказал: «Смотрите вы, не делайте никаких насилий». Глинка не желал кровопролития, но против самой попытки воспользоваться междуцарствием в целях осуществления конституционно-монархических замыслов он не возражал.

Обратим внимание на слова кн. Трубецкого: «Глинка был вхож к Милорадовичу, и я его спрашивал, какие есть новости». Возможно, что Глинка и в 1825 году, перед самыми декабрьскими событиями, использовался членами тайного общества в качестве надежного и удобного осведомителя. Кроме показания кн. Трубецкого, который спрашивал, «какие есть слухи», бар. Штейнгель в своих воспоминаниях признается, что через Глинку тайное общество получало необходимую информацию о мероприятиях правительства. Поскольку Штейнгель ссылается на квартиру Рылеева как на место встреч, следует, что он имел в виду Северное общество, а не Союз Благоденствия. «С самого первого вечера, — пишет Штейнгель, — квартира незабвенного, благородного автора „Дум“ и „Войнаровского“ — К. Ф. Рылеева в доме Российско-Американской компании, в главном правлении которой он был правителем дел, сделалась центром всех сношений, известных и совещаний. Через полковника Глинку, бывшего при графе Милорадовиче и заведовавшего секретной частью, участники Северного общества могли знать все, что делало со своей стороны правительство по распоряжению вел. князя, который в столице был представителем высочайшей власти».³

Для нас, повторяем, откровенные признания Рылеева имеют первостепенное значение: «... с Федором Глинкою я имел частые свидания, и, полагая его в числе членов Общества, нарочно склонял разговор к цели и намерению одного (Северного общества, — В. Б.)... суждения при каждом свидании моем с Глинкой продолжались... я полагал его в числе главнейших членов Общества и что ему, следовательно, все движения Общества неизвестны». Таким образом, президента «ученой республики» Рылеев считал своим соратником по Северному обществу, разговаривал с ним совершенно откровенно и во всем доверял ему.

³ «Воспоминания бар. Штейнгеля» цитируются по копии, хранящейся среди бумаг Н.Ф. Дубровина, № 308, лл. 5, 6 и об.

Несмотря на идейные расхождения революционера-республиканца Рылеева с осторожным Глинкой, между ними существовала многолетняя дружба и взаимопонимание не оставляло их до самого 14 декабря 1825 года. Приходится удивляться, что Глинка на следствии сумел выгородить себя, не сказав ничего лишнего о Рылееве, с которым был так близок.

2

Теперь скажем о доме Российско-Американской компании, Мордвинове и прокофьевских обедах. В этом доме проживали Рылеев, Александр Бестужев и Сомов. Рылеев — правитель дел, Сомов — столоначальник Российско-Американской компании, Прокофьев, хозяин дома, был директором компании; адмирал Мордвинов — одним из ее руководителей. Аристократа-конституционалиста адмирала Н. С. Мордвинова, с «благородным горячим негодованием» выступавшего, по словам Н. И. Тургенева, против «всемогущества императорской власти»,⁴ 15 ноября 1820 года, почти одновременно с Н. И. Тургеневым и кн. П. А. Вяземским, «ученая республика» избрала своим почетным членом. В 1824 году Мордвинову был преподнесен адрес:

«Его высокопревосходительству г. почетному члену Общества Николаю Семеновичу Мордвинову.

«Общество с чувством неизменного уважения встречает в списке почетных членов своих имени Вашего высокопревосходительства, имя, с которым соотечественники наши давно уже привыкли соединять понятие о любви к отечеству, о добродетелях гражданских.

«Высокое провидение, ограничив жизнь человекoв сроком непреходимым, даровало им право на знаменитость и славу бессрочную. Одни дела мира и правды доставляют сию прекрасную славу, любимую народом, уважаемую государями. Общество, которому Вы постоянно изволите оказывать столь нежное внимание, сорадовалось вместе со многими тому, что благоволение монарха украсило вас наградою, которую давно уже предопределял вам голос отечества. Желая и на сей 1824 год напомнить о преданности своей к вашему высокопревосходительству, Общество имеет честь представить у сего первую книжку „Соревнователя просвещения и благотворения“ и экземпляр изданных им стихотворений попечителя своего Ивана Ивановича Дмитриева, который всю выгоду от сего издания пожертвовал в пользу избранной Обществом цели. Вместе с сим сословие сие просит Ваше высокопревосходительство принять удостоверение в том, что оно, купно со всеми ценителями доблестей Ваших, желает: да продлятся трудолюбивые дни Ваши, столь полезные ищущим пути к правде и защите под священную сению законов. Если уже принято

⁴ Н. И. Тургенев. Россия и русские. М., 1915, стр. 90—92.

справедливое сравнение жизни знаменитых мужей с течением светила дневного, то да позволено будет всем любящим вас желать возможности сказать и светилу дней ваших: „Стой, солнце! Да насладимся еще долго лучами, которые, при трех царях, светили всегда на пользу отечества“». ⁵

По свидетельству Глинки, Н. С. Мордвинов «постоянно» посещал Вольное общество, в частности он присутствовал на публичном собрании 28 февраля 1821 года. Добавим, что сама идея написать в честь Мордвинова оду возникла в «ученой республике». Рылеев и Плетнев на эту тему представили два стихотворения — «Гражданское мужество» и «Долг гражданина». ⁶ Рылеев написал свою оду до личного знакомства с Мордвиновым. Рылеев был представлен Мордвинову не кем иным, как президентом «ученой республики» Глинкой. Отвечая на вопросы Следственного комитета, Рылеев 19 декабря 1825 года рассказывал в кратких словах об этом первом знакомстве: «Г-на Мордвинова узнал я по собственному его желанию и был у него с Ф. Н. Глинкою. Поводом сего была ода, мною написанная, в коей я об нем упоминал. Через несколько времени он предложил мне место в Американской компании правителя канцелярии, которое я получил в начале прошлого года. После того имел с ним сношение по делам компании и виделся у него по утрам, когда было нужно». ⁷ Личное знакомство Мордвинова и Рылеева состоялось осенью 1823 года (в черновом наброске письма Рылеева к Булгарину от 7 сентября 1823 года на оборотной стороне имеются 4 строфы из оды «Гражданское мужество»), в марте или апреле 1824 года Мордвинов рекомендовал Рылеева на службу в Российско-Американскую компанию. Н. А. Бестужев в своих показаниях значительно уточнил характер политических связей Рылеева и его единомышленников с адмиралом Мордвиновым: «Образ мыслей его (Мордвинова, — В. Б.), изложенный и во многих его мнениях, которые ходили по городу как образцы государственного красноречия и любви к отечеству, по словам Рылеева, был тот, что государству Российскому необходимо потребны коренные постановления и устройство по всем частям. В последнее же время Рылеев... говорил о нем со мною как о человеке, на которого можно в случае надобности полагать надежду, что он не откажется от содействия в составлении законов для России, которую никто, может быть, так хорошо не знает, как он, и тем более что он отличает себя праводушием и любовью к отечеству». ⁸

⁵ Вольное общество, 23, лл. 27—28.

⁶ Отрывки из стихотворения Плетнева опубликованы в «Сочинениях и переписке П. А. Плетнева (СПб., 1885, т. III, стр. 300). Плетневым же была написана статья «Одн. Петрова Н. С. Мордвинову», рассмотренная на одном из заседаний «ученой республики» и появившаяся в XXV части «Соревнователя» за 1824 год.

⁷ Восстание декабристов, т. I, стр. 155.

⁸ Там же, т. II, стр. 69.

«Да притом ходил обедать в тот же дом», — показывал Глинка. Однако и здесь Глинку едва не уличил Перетц, постоянный его антагонист в показаниях. Григорию Перетцу, среди других вопросов, в Следственном комитете предложили сказать, «не знал ли он кого из купцов или людей, делами занимающихся», причастных к тайным замыслам. Перетц считал долгом доложить, что он имеет «некоторое подозрение... на Прокофьева потому, что Рылеев и Бестужев жили в одном с ним доме, в управлении его стоящем, что первый служил под его начальством и что у него часто сходились как сии два лица, так и полковник Батеньков, а кажется, бывал и капитан Якубович». О Глинке Перетц на этот раз ничего не сказал, но Глинка сам признался, что он часто ходил обедать к Прокофьеву. О прокофьевских обедах достаточно подробно рассказывали Н. А. Бестужев и Г. С. Батеньков. Н. А. Бестужев в своих показаниях от 25 января 1826 года свидетельствовал, что первый разговор между Рылеевым, А. и Н. Бестужевыми и Батеньковым состоялся у Прокофьева. Вместо слов «месяца четыре тому назад» в черновом варианте показаний сказано: «после обеда». Говорили после обеда «и о том, что каждый должен думать в отношении своих обязанностей к отечеству, и что один человек сам собою, сколь бы он ни был наклонен к добру, не может сделать большой пользы».⁹ Батеньков, дававший показания 22 марта 1826 года, не только не отрицал политических бесед за прокофьевским столом, но по памяти воспроизвел отрывки отдельных разговоров: «Спустя довольно времени, уже в октябре, обедали мы у Прокофьева. Целый стол говорил о переменах, кои последовать могут вследствие отречения графа Аракчеева. А. Бестужев сказал при сем случае, что решительный поступок одной молодой девки (речь шла об убийстве любовницы Аракчеева Настасьи Минкиной, — В. Б.) производит такую важную перемену в судьбе 50 миллионов. После обеда стали говорить о том, что у нас совершенно исчезли великие характеры и люди предприимчивые. Нечувствительно я остался с Бестужевым наедине и начали мечтать о судьбе России. Нам представлялась она в прелестном виде под свободным правлением, я пожелал, чтоб мы пользовались свободой, жалел, что нет средств принятая за столь полезное дело и что, по всей вероятности, нет людей, кои бы могли поддержать конституционное правление. Он сказал, что люди есть уже, которые на все решились; я отвечал, что не был бы русским, если б отстал от них».¹⁰ Продолжая рассказывать о прокофьевских обедах, Батеньков признавался, что он «почти каждый день» бывал в доме Российско-Американской компании и каждый раз встречался то с А. Бестужевым, то с Якубовичем, то еще с кем-либо из членов тайного общества.

⁹ Там же, стр. 76.

¹⁰ М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 164.

Однажды, во время обеда у Прокофьева, А. Бестужев, показывая на Якубовича, воскликнул: «Такие молодцы все сделать могут». Доступ в квартиру Прокофьева был настолько широко открыт, что на обедах могли присутствовать «многие литераторы». «В воскресенье 12-го числа у директора Российско-Американской компании, — рассказывает В. И. Штейнгель в своих «Записках», — был обед, на котором присутствовали многие литераторы, в том числе Греч, Булгарин, Марлинский, сенатор гр. Д. И. Хвостов... Греч и Булгарин ораторствовали более прочих; остроты сыпались со всех сторон, и в самом либеральном духе. Даже граф Хвостов, заметив, что указывают на него, из предосторожности кричал: „Не опасайтесь! не опасайтесь! я либерал, либерал сам!“».¹¹ Несомненно, что об одном из таких обедов рассказывает Греч в своих «Записках»: «Это было в субботу 26 ноября, на обеде у директора Американской компании Ивана Васильевича Прокофьева. Обедали у него, сколько помню, Ф. Н. Глинка, Батеньков, Якубович, Рылеев, Михаил Кюхельбекер, Александр Бестужев, Штейнгель, Муханов, я и еще несколько человек».¹² Греч утверждает, что обед состоялся 26 ноября 1825 года, и не помнит, чтобы на этом обеде присутствовал Булгарин. Д. И. Завалишин, опровергая сведения Греча,¹³ называет конец октября того же года. Не столь важно, в октябре или ноябре состоялся последний обед у Прокофьева. Важно, что он состоялся в конце 1825 года и на нем присутствовали Глинка, Рылеев, Бестужев и другие, названные Гречем лица, и еще «несколько человек».

3

Если на прокофьевских обедах петербургские литераторы из «ученой республики» вели себя столь свободно, не стесняясь в разговорах на политические темы, то легко представить себе, что происходило в квартире Рылеева. Несмотря на категорические заявления Глинки, что он посещал Рылеева из личных дружеских соображений, а все отношения его с декабристами ограничивались случайными встречами, мы считаем, что домашний комитет Вольного общества любителей российской словесности после знаменитого собрания в доме Г. Р. Державина собирался у Рылеева, что квартира Рылеева была штабом литературной «республики».

¹¹ Общественные движения в России в первую половину XIX века, стр. 439.

¹² Н. И. Греч. Записки о моей жизни, стр. 452.

¹³ См.: Заметка относительно степени доверия, какое можно иметь к «Воспоминаниям», «Запискам» и другим подобным материалам (сб. «Древняя и новая Россия», 1876, № 10, стр. 211—212). Ср. с «Записками бар. В. И. Штейнгеля» («Исторический вестник», 1900, июнь, стр. 835).

Под давлением явных улик Глинка должен был признать свои связи с многими декабристами, но тут же замечал, что эти связи имели чисто литературный характер. На вопрос Следственного комитета: «Вы были в частном сношении с Рылеевым, Бестужевым, Оболенским, Трубецким?» — он отвечал: «Со всеми лицами сими я в сношении по словесности, а с некоторыми по встречам в домах». Только А. Бестужев откровенно признался, что «сношения по словесности» привели в конце концов его в тайное общество. Возвращаясь вместе с Рылеевым с собраний «ученой республики», они вместе мечтали; «грезы оставались грезами», но вот пришел 1824 год, и Рылеев объявил Бестужеву, что есть тайное общество, в которое он уже принят и принимает Бестужева. В предыдущей главе мы полностью приводили показания Александра Бестужева от 27 декабря 1825 года. Сейчас посмотрим, что ответил Глинка, познакомявшись с показанием Бестужева. 15 февраля 1826 года Глинка писал: «Александр Бестужев, человек с головою романтической, был из числа моих, так сказать, встречных знакомых. Никогда не имел я с ним никаких постоянных связей. Большею частью встречался он со мною на улицах». В действительности Глинка, во-первых, встречался с Бестужевым не на улице, а главным образом на заседаниях «ученой республики» и ее комитета; во-вторых, Бестужев не был его случайным знакомцем. Начиная с 1821 года Бестужев вместе с Глинкой возглавлял «ученую республику». Только на заседаниях Вольного общества они встречались в среднем по два-три раза в месяц, не говоря уже о домашних встречах. В отрывках «Памятной книжки» Бестужева за 1824 год имеются и такие заметки:

«20/1 февр<аля>. Воскр. С Рылеевым давал <...> обед участникам Полярности <...> Потолковали с Глинкой...

«4/16 <февраля>. Понед. — Был вечером в Обществе, где читал свой старый хлам. Ужинал с Гл<инкой> в трактире.

«16/28 Субб. — В час поехал на блины к Глинке.

«29/10 <декабря>. Четв. Понед. — В обществе Сорев<нователей>. Пил смертную — дурачились до 4-х часов».¹⁴

Свое знакомство с Рылеевым и Бестужевым Глинка мотивировал исключительно издательскими и литературными связями. Но как понимать эти «совершенно» литературные связи? Вступив в Северное общество, Рылеев и Бестужев не оставили «ученой республики», они возглавили ее и способствовали установлению контакта между Вольным обществом и квартирой Рылеева. Что бы ни говорил Глинка Следственному комитету, а факты остаются фактами. Когда на совещании 12 и 13 декабря в квартире Рылеева оживленно обсуждался план практических действий, среди других

¹⁴ Памяти декабристов, т. I, стр. 61, 63 и 70.

членов Северного общества присутствовал президент «ученой республики». Глинка, как и следует думать, старался в своих показаниях объяснить этот факт случайными обстоятельствами. «За два дня до происшествия, — говорил он, — я к нему зашел, где застал А. Бестужева и Сомова. Рылеев выходил со мною в другую горницу и просил у меня прозы для „Полярной звезды“, говоря, что поэзия уже напечатана. Расставшись с ним, более его уже не видел». Показания Глинки решительно ни о чем не говорят, и полагаться на них нет оснований. Рылеев иначе смотрел на свое знакомство с Глинкой. Глинка не давал согласия участвовать в восстании, отвечал: «Смотрите вы, не делайте никаких насилий», но заслуги его как президента «ученой республики» перед декабризмом совершенно бесспорны.

Кроме Глинки и Рылеева, членом домашнего комитета «ученой республики» был Орест Сомов. Узнав об аресте Сомова по делу декабристов, А. Е. Измайлов поспешил сообщить в Тверь своему племяннику: «Государь спросил Сомова: „Где вы служите?“ — „В Российско-Американской компании“. — „Тот-то хороша собралась у вас там компания!“. И в самом деле, Рылеев был правителем дел, заварилка Бестужев жил в квартире Сомова».¹⁵ Орест Сомов в своих показаниях утверждал, что он не знал «ни действий, ни пространства, ни пособий тайного общества». «В заключение, — говорил Сомов, — имею честь объяснить Тайному комитету, что связь моя с А. Бестужевым и Рылеевым была с самого начала и до конца совершенно литературная, и сотрудничества от меня они требовали только по изданию „Полярной звезды“, иногда же читали мне литературные свои произведения». Рылеев 21 декабря 1825 года показывал, что Сомова «полагали вовсе неспособным на подобное предпринятие, какое наше, и поэтому никогда ему не предлагали и не говорили». Рылеев пощадил Сомова и кое-чего не досказал. В ответе Александра Бестужева на вопрос: «Принадлежал ли вашему Обществу дворянин Сомов?» — сквозит некоторая двойственность. «Дворянин Сомов, — показывал А. Бестужев, — к Обществу никогда не принадлежал, и мы от него всегда таились, кроме, так сказать, ходячего либерализма. Иногда говорили кое-что при нем, но он очень туг на ухо. Мы, впрочем, считали его вовсе бесполезным для Общества как по слабости здоровья его, так и по слабости духа и неимению звания. До последних дней он ни о чем не знал, и только в первый раз говорили мы при нем с московскими офицерами открыто, пивши чай (мы вместе жили). Об Обществе же не знал он ничего, и меня мучит совесть, что я вовлек его в беду тем, что жил с ним».¹⁶ Допустим, что Сомов не знал о существовании тайного общества, хотя из ответа Бестужева

¹⁵ Там же, стр. 242.

¹⁶ ЦГИАМ, ф. 48, № 164, лл. 5 об. и 6.

этого вовсе не следует. В нашей работе идет речь о Сомове не как о члене Северного общества, а как о деятельнейшем «соребнователе» и члене домашнего комитета «ученой республики». Орест Сомов был настолько близок к Рылееву и Александру Бестужеву, что в Петербурге распространился слух о его участии в восстании: Сомов на Сенатской площади и даже с пистолетом в руках. Рылеев и Александр Бестужев не приглашали Сомова на Сенатскую площадь, считая его недостаточно подготовленным к политической борьбе. Но они думали о будущем и готовили кадры для завтрашнего дня. Сомов по состоянию здоровья и по своему личному характеру не подходил к восставшим декабристам, но после победы из него получился бы хороший помощник Рылеева по литературной части, соредактор «Звездочки». Об этом свидетельствует его трактат «О романтической поэзии», опубликованный в 1823 году в «Соребнователе». Сомов был одним из первых теоретиков декабристского романтизма. Он призывал писателей быть самобытными, создавать «свою народную поэзию, ноподрожательную и независимую от преданий чуждых», а также воспевать героев, отличившихся гражданскими доблестями: «Пусть же певцы русские станут на чреде великих певцов древности... Пусть в их песнях высоких отсвечивается, как в чистом потоке, дух народа и свойства языка богатого и великолепного...».¹⁷

Четвертым членом домашнего комитета являлся Н. И. Кутузов, старший адъютант гвардейского корпуса. В своих показаниях Следственному комитету Кутузов, подобно Глинке, отрицал свою принадлежность к тайному обществу, несмотря на то что был членом Союза Благоденствия и принимал самое непосредственное участие в Обществе Глинки и Перетца. «Я не знал о тайном обществе, не принадлежал оному и даже не подозревал о его существовании, в чем готов дать присягу. Я был знаком с некоторыми членами теперь известного общества, по литературе и собраниям насчет сего в Обществе соревнователей просвещения и благотворения, где председателем Глинка и которое высочайше утверждено покойным государем».¹⁸

Полагаем, что и этот член домашнего комитета, о котором Александр Бестужев с похвалой отзывался в «Полярной звезде», присутствовал на заседаниях в квартире Рылеева. Сошлемся еще на одну записку Кутузова, написанную 23 июня 1826 года, т. е. за несколько дней до объявления приговора над декабристами, записку на имя Николая I «О нравственном состоянии войск в Российской империи и в особенности гвардейского корпуса».¹⁹

¹⁷ «Соребнователь», 1823, ч. XXIII, стр. 47.

¹⁸ ЦГИАМ, ф. 48, № 173, л. 11.

¹⁹ Н. И. Кутузов. О нравственном состоянии войск в Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса. Бумаги Н. Ф. Дубровина, № 11, лл. 3 об., 4 об., 8 и об.

В сопроводительном письме Кутузов советовал императору, готовившемуся к жестокой расправе над декабристами, следовать по стопам Петра, ибо «знаменитость Петра есть драгоценное состояние России и всего человечества». «Но чем же приобрел сию знаменитость?», — спрашивал Кутузов. «Любовь к истине, которая одна только и служит опорой престолов, величием царей и народов. Петр любил слушать истину, кем бы и каким бы образом она ни была ему представлена». В момент следствия и суда над декабристами смысл такого совета был очевиден. Если Николай I обвинял декабристов в безнравственности, называя их «гнусными людьми», то Кутузов доказывал, что декабрьское восстание, восстание по преимуществу военное, имеет свою историю и люди, замешанные в нем, вовсе не безнравственные люди. Безнравственны не декабристы, стремившиеся сочетать «привязанность к верховной власти» и «вероисповедательские добродетели» «с благородством духа, с высоким понятием и с пламенной любовью к своему отечеству», а окружавшая их действительность, современное положение вещей, при котором нарушен этот вполне справедливый и гармонический идеал, уничтожена свобода человеческой личности. Кутузов напоминал мрачные страницы недавнего прошлого — «грубость полковых командиров», «жестокость наказаний», «беспрестанные изнурительные учения», «особенно обременительное и тягостное положение нижних чинов». Несправедливость «превзошла всякое вероятие и переполнила меру человеческого терпения». «У нас, — писал Кутузов, — обращено главное внимание на стойку, выбрасывание ног и на ружейные приемы, это хорошо только до некоторой степени и вредно, когда составляет единственный предмет обучения. К чему, например, служит, что солдат тянет и поднимает ногу под каким-то углом, должен маршировать так, чтобы полный стакан воды, поставленный на кивер, не пролился при его движении, к чему он должен идти не как человек, полный жизни и движения, а как невоодушевленная статуя без жизни и движения; к чему все сии и подобные им усовершенствования, когда они, даже не имея в виду пользы, влекут за собой существенный вред». Не следует забывать, что это писал человек, привлеченный по делу декабристов и недавно (4 февраля 1826 года) выпущенный «по высочайшему повелению» из Петропавловской крепости. Кутузов напоминал и о том, что воины 1812 года, отстаивавшие независимость родины, не знали, куда «положить голову, покрытую священными ранами для отечества». «Польза общественная требует вознаграждения в подобных случаях, ибо тот бесстрашно жертвует жизнью, кто уверен, что эта жертва приведет его под кров попечительный и покойный». Человеческие необходимо было тем более, что «война 1812 года, открыв силы народа русского, развернула те понятия, которые бы еще полвека таились во мраке неизвестности; войска наши прошли Европу, видели устройство царств, особенно узнали то, что ка-

сается до их состояния, усмотрели неравенство своей участи с участью войск других государств, и сие показание столь глубоко вкоренилось в сердцах всех чинов, что никакие человеческие силы не могут изгладить оного». Вместо обличения товарищей и личного покаяния Кутузов настойчиво доказывает, что иначе и быть не могло, что декабрьское восстание — не случайное явление в русской жизни, что и в других странах неограниченное самовластие приводило к подобным же восстаниям.

«Станем, — говорит Кутузов, — отвечать примерами прошедших веков: преторианские когорты, составляющие телохранителей римских императоров, возводили и низлагали их, неистовствовали в Риме и империи; гвардия ниспровергла могущество калифов, янычары умерщвляют султанов и производят беспорядки в Турции. Стрельцы неистовствовали и производили мятежи и едва не разрушили великого здания, сооруженного Петром; одно могущество избавило Россию от важных бедствий в происшедшем 14 декабря. Таковы происшествия лучше решают вопрос, чем теоретические доказательства».

Вся остальная часть письма состоит из доказательств, что «искусный кормщик» должен свои действия согласовывать с обстоятельствами времени и учитывать подлинные причины, побудившие декабристов выйти на Сенатскую площадь. «Должно ли идти, — спрашивает автор записки, — против всепокрушающего течения времени? Нет, не должно. И не должно совершенно порабощаться его прихотям: искусный кормщик не плывет противу ветра, но, ловя его же под паруса, достигает той цели, от которой отклоняет его ветер. Беспорядки, видимые в войске нашем в течение последних десяти лет, не доказывают ли, что должно согласоваться с обстоятельствами». Нам неизвестно, была ли передана записка Н. И. Кутузова Николаю I, но о том, что ее читал начальник Главного штаба Дибич, свидетельствуют пометки на полях рукописи. «Ошибочно мыслить, что страхом, — доказывал Кутузов, — можно поддержать и сохранить порядок. Чувство страха, поражая душу мгновенно, влечет за собой презрение, с которым рядом идет ожесточение сердца, ожесточение, которое вреднее в общезжитии, чем умственное повреждение; ибо зло, проистекающее от последнего состояния человека, есть зло временное и случайно действующее, тогда как первое действует медленно, но верно, по расчетам ума озлобленного. События всех царей и народов прошедших лет, горестное происшествие 14 декабря удостоверяют в непреложности сей истины». Дибич по поводу сказанного Кутузовым сделал следующее замечание: «В чем же он попрекает русского солдата? Кроме членов Союза Благоденствия и проч.» Кутузов не попрекал ни тех и ни других, а толковывал Николаю I и членам Следственной комиссии, что суровая расправа над декабристами может привести к еще более значительному «ожесточению сердец», что страхом можно на время приостано-

вить движение, но нельзя совсем уничтожить идеи, «столь глубоко вкоренившихся в сердцах всех чинов».

Незаметный член Союза Благоденствия и довольно заметный член домашнего комитета Вольного общества любителей российской словесности накануне расправы с декабристами, едва выбравшись из Петропавловской крепости, не побоялся выступить в защиту своих прежних друзей. Начав письмо восхвалением Петра I, который любил выслушивать истину, кто бы ее ни произносил, напомнив затем о действительных источниках декабризма, Кутузов в заключение внушал Николаю I ту мысль, что просвещенный монарх должен быть непременно добродетельным. Обстоятельства времени прошедших лет таковы, что декабризм был необходимым явлением эпохи, он возник из закономерности самой действительности. Пушкин в «Стансах» выступал с аналогичной защитой декабристов.

Наконец, членами домашнего комитета являлись А. О. Корнилович и Н. А. Бестужев — прямые помощники Рылеева по тайному обществу. Комитет «ученой республики» потому и назывался домашним комитетом, что три его члена жили в одном и том же доме. Глинка, президент «ученой республики» и член ее домашнего комитета, был не только кумом Рылеева, но и его другом, к тому же он почти ежедневно ходил обедать в дом Российско-Американской компании и заходил к Рылееву. О Н. Бестужеве и говорить не приходится. Его брат Александр Бестужев жил в одной квартире с Орестом Сомовым. Корнилович и бессменный библиотекарь «ученой республики» Аничков, близкие друзья Рылеева, завершают домашний комитет.

Кроме членов домашнего комитета, на литературных собраниях у Рылеева могли принимать участие и другие «соревнователи», безоговорочно принимавшие правила «ученой республики». Но на эти литературные собрания «ученой республики», перенесенные в квартиру Рылеева, не допускались «гласные», «полугласные» и просто «статистики» из партии «положительного безвкусия». Квартира Рылеева, где происходили заседания домашнего комитета, одновременно была превращена и в редакцию «Полярной звезды».

На заседаниях Верхней управы Северного общества присутствовали только декабристы, члены тайной организации; на литературных собраниях сходились те и другие, члены тайного общества и наиболее проверенные «соревнователи», помогавшие декабристам в их идейной пропаганде. Н. Бестужев, начавший свою литературную и политическую деятельность в «ученой республике», в своих показаниях свидетельствует, что в квартире Рылеева он часто видел своих братьев, Оболенского, Пуштина, Кюхельбекера, Глинку, Сомова, Арбузова, Торсона и Булгарина.²⁰

²⁰ Восстание декабристов, т. II, стр. 60.

В воспоминаниях кн. Оболенского, кроме лиц, указанных Н. Бестужевым, названы дополнительно Корнилович, Никита Муравьев, кн. Трубецкой и А. И. Одоевский. «У Рылеева, — замечает кн. Оболенский, — собирались нередко литераторы и многие из близких его знакомых и друзей... Беседа была оживлена предметами чисто литературными, но нередко она переходила на живые общественные вопросы того времени, по общему направлению большинства лиц дружеского собрания». Перечислив известных ему лиц, кн. Оболенский замечает: «И многие другие, коих имена не упомяну».²¹ Под этими «другими», которых не помнил кн. Оболенский, могли быть хорошо известные Рылееву по «ученой республике» Никитин, Аничков, Кутузов, Григорьев и некоторые другие «соревнователи». М. А. Бестужев в своих ответах на вопросы М. И. Семевского рассказывал об известных «русских завтраках» у Рылеева, на которые собирались литераторы и члены тайного общества: «Завтрак неизменно состоял из графина очищенного русского вина, нескольких кочней кислой капусты и ржаного хлеба... Особенно врезался у меня в памяти один из этих завтраков, на котором в числе многих писателей были барон Дельвиг, Ф. Глинка, Гнедич, Грибоедов и другие. Тут же присутствовал брат А. Пушкина, Лев, которого брат Александр в насмешку называл „Блев“, намекая на его неумеренное употребление бахусовой влаги. Помню, что он говорил наизусть много стихов своего брата, еще не напечатанных: прочитал превосходный разговор Тани с няней, приведший в восторг слушателей».²²

Литературное собрание, о котором рассказывает М. А. Бестужев, состоялось в квартире Рылеева в 1825 году, так как Грибоедов мог присутствовать на собрании в самом конце 1824 года или в первой половине 1825 года. Присутствие Льва Пушкина, который читал отрывок из «Евгения Онегина», прямо указывает, что литературное собрание состоялось в 1825 году. Рылеев просил А. Пушкина уступить эти стихи для предлагаемой «Звездочки». В 1825 году Рылеев замыслил издание альманаха под другим названием и действительно договаривался с Пушкиным о помещении в нем указанного отрывка из «Евгения Онегина».²³ Не исключена возможность, что в ведении домашнего комитета находилась «Полярная звезда», в которой помещались произведения, частично рассмотренные на собраниях «ученой республики», частично — на заседаниях домашнего комитета. Что касается «Соревнователя», то А. А. Никитин в своем отчете за 1823 год ставил в заслугу комитету спасение Вольного общества от развала и одновременно уча-

²¹ Общественные движения в России в первую половину XIX века, стр. 236.

²² Воспоминания Бестужевых, стр. 129—130.

²³ Текст «Звездочки» по корректурным листам воспроизведен в академическом издании «Полярной звезды» (М.—Л., 1960).

стие в издании журнала. Никитин прямо указывает, что учрежденный комитет «составил последние четыре книжки (1823 год, — В. Б.) и первую 1824 года». Есть основание полагать, что и в подготовке следующих книжек «Соревнователя» участвовал рылеевский комитет.

В официально учрежденный комитет Вольного общества в 1824 году входили в основном члены домашнего комитета. Все ответственные должности в комитете, избранном на заключительном собрании 1823 года, были распределены между Глинкой, Рылеевым, А. и Н. Бестужевыми, Корниловичем и Никитиным. Правда, должность вице-президента на 1824 год вместо смещенного Греч занял гр. Салтыков, но у этого вице-президента была одна бесспорная заслуга — он не посещал собраний и не мешал «ученой республике» заниматься своим делом. О положении в «ученой республике» гр. Салтыков имел самое смутное представление, он не вмешивался во внутренние дела Общества и не вносил в ряды «соревнователей» никакого раздора. Салтыков присутствовал в 1824 году всего на двух заседаниях; кандидат в помощники председателя Греч, обиженный на «соревнователей», в 1824 году не посетил ни одного заседания; Глинка председательствовал на 18 собраниях, а всего в 1824 году состоялось 29 собраний. Напрашивается вопрос, кто же замещал на 11 собраниях президента и на 27 заседаниях постоянно отсутствовавшего вице-президента? В протоколах собраний обычно не указывалось, кто из членов комитета в случае отсутствия президента и его официального заместителя руководил «учеными упражнениями», но в «Правилах о порядке заседаний и правах председателя», утвержденных 22 апреля 1818 года, имеется следующий пункт: «В отсутствие председателя, его помощника и кандидата его, последний, открывает собрание один из цензоров и вступает во все права председателя». В 1824 году цензором поэзии был Рылеев, цензором библиографии — Корнилович, цензором прозы — Д. М. Княжевич. Княжевич в течение года присутствовал на 3 заседаниях, таким образом, он не мог замещать президента и отвечать за художественную прозу «ученых упражнений». Заместителем цензора прозы был А. Бестужев. Он и являлся фактическим цензором прозы. Отсюда следует ответ на поставленный выше вопрос: замещали отсутствующего президента на собраниях члены комитета. Можно даже установить по «Журналу ученых упражнений», кто и когда замещал отсутствовавшего президента. Замещал обычно тот член комитета, фамилией которого начинается список присутствовавших на данном заседании. Президента в 1824 году замещали: Корнилович (2 февраля), Рылеев (18 февраля), Никитин (3 марта), Рылеев (14 апреля), Никитин (21 апреля), Рылеев (4 августа), Рылеев (11 августа), Д. М. Княжевич (18 августа), Корнилович (1 сентября), Никитин (22 сентября), Никитин (8 декабря).

Создание домашнего комитета способствовало консолидации прогрессивных сил и отстранению «благонамеренных». Домашний комитет координировал действия «ученой республики». «Ученая республика» в 1824 году продолжала свою деятельность, на заседаниях ее по-прежнему читались произведения, которые потом печатались в «Соревнователе» и в «Полярной звезде». Занятость Рылеева в Северном обществе не помешала ему посетить 11 собраний, замещать президента и отвечать за состояние поэтических «упражнений». К тому же Рылеев постоянно присутствовал на заседаниях Цензурного комитета, не говоря о домашнем комитете «ученой республики».

4

В 1824 году, как об этом свидетельствует сохранившийся в архиве Общества «Журнал ученых упражнений», состоялось 29 заседаний, на которых было рассмотрено 143 произведения. Из протоколов отдельных заседаний создается следующая картина посещаемости:

Ф. Н. Глинка	17 раз	А. А. Бестужев	11 раз
А. А. Никитин	21 "	А. Н. Очкин	11 "
П. А. Плетнев	19 "	П. И. Колошин	11 "
И. К. Аничков	19 "	О. М. Сомов	11 "
В. Н. Григорьев	16 "	А. Н. Пушкин	10 "
К. Ф. Рылеев	11 "	С. С. де Шаплет	10 "
А. О. Корнилович	12 "	Н. А. Бестужев	9 "
Н. И. Кутузов	9 "	Гр. Хвостов	2 раза
И. И. Висковатов	9 "	О. И. Сенковский	2 "
Я. Г. Ковалев	9 "	И. Н. Лобойко	2 "
А. Д. Боровков	5 "	Ф. В. Булгарин	1 раз
И. Д. Боровков	5 "	В. К. Бриммер	1 "
А. Ф. Рихтер	4 раза	Г. И. Спасский	1 "
П. И. Кеппен	4 "	А. В. Склабовский	1 "
Б. М. Федоров	4 "	А. Е. Измайлов	1 "
Д. М. Княжевич	3 "	Я. О. Пожарский	1 "
И. Б. Чеславский	3 "	В. В. Любарский	1 "
В. Д. Сухоруков	3 "	Е. П. Люценко	1 "
П. Н. Арапов	3 "	А. М. Княжевич	1 "
Д. И. Воронов	3 "	М. М. Сонин	1 "
А. А. Дельвиг	2 "	В. Б. Броневский	1 "

Показательно, что, кроме Глинка, Никитина, Рылеева, Корниловича, А. и Н. Бестужевых, Сомова, Аничкова и Плетнева, в 1824 году «ученую республику» часто посещали Григорьев, Очкин, Колошин, Андрей Пушкин. Впервые на собраниях присутствовал В. Д. Сухоруков.

В 1824 году «ученая республика» пополнилась новыми «соревнователями». В декабре 1823 года (10-го и 17-го числа) в члены-сотрудники были приняты будущий издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевой, губернский секретарь В. Н. Григорьев, гвардейской артиллерии капитан А. Н. Пушкин, гвардии казачьего

полка поручик В. Д. Сухоруков и подполковник П. И. Колошин. В списке принятых членов-корреспондентов отсутствует «по причине непредставления статьи» К. П. Торсон, но несколько позже он был утвержден сразу в звании действительного члена. Из всех предложенных кандидатур в члены-сотрудники не прошел большинством голосов только П. Л. Яковлев, рекомендованный А. Е. Измайловым. Автор реакционных статей в «Благонамеренном» оказался недостойным высокого звания члена «ученой республики». В. Н. Григорьев, А. Н. Пушкин, Д. В. Сухоруков и П. И. Колошин в 1824 году были переведены в действительные члены. В том же году в действительные члены избираются студент Дерптского университета Н. М. Языков, коллежский ассессор М. А. Дмитриев, А. С. Грибоедов, капитан Н. М. Княжевич, отставной подполковник П. Н. Чебышев, титулярный советник А. М. Замятнин, поэт И. И. Козлов.

Многие из вновь принятых действительных членов для декабристов, особенно для Рылеева, не были случайными людьми. Подобно тому как в 1818—1820 годах Глинка в ложе «Избранного Михаила» и в Вольном обществе любителей российской словесности готовил кадры для Союза Благоденствия, теперь, в 1823—1824 годах, Рылеев в «ученой республике» проверяет взгляды и образ мыслей «соревнователей» и соответственно влияет на тех, кого он хочет привлечь непосредственно к общественной и литературной деятельности Северного общества. «Чтоб быть приняту в члены Общества (Северного общества, — В. Б.), — говорил Рылеев Следственному комитету, — надобно было прежде подвергнуться испытанию. Принимающий должен был узнать образ мыслей принимаемого. Если сей последний пламенно любил Россию, если он для блага ее готов был на всякое самоотвержение, если был хорошего поведения, притом скромн и умен, то принимающий мог его принять немедленно, но, кроме себя, не имел права открывать других членов. После уже, судя по деятельности его и способностям, ему открывались другие».²⁴ Рассказывая о правилах приема в Северное общество, А. Бестужев указывал, между прочим, что коренным членам предлагалось «исследовать жизнь того, на кого метят»: «Чтобы узнать образ мыслей — начинать противоречить, и когда тот разгорячится — то и видеть образ его мыслей. Рассудительных брать со стороны доказательств, а пылких блестящими картинами будущего».²⁵ «Ученая республика» была удобной школой проверки образа мыслей, где «рассудительных» можно было «брать со стороны доказательств», а «пылких» поражать «картинами будущего».

5

Было бы наивно думать, что каждый «соревнователь» имел близкое отношение к домашнему рылеевскому комитету; в Воль-

²⁴ Восстание декабристов, т. I, стр. 159.

²⁵ Там же, стр. 141.

ном обществе состояли принципиальные враги декабризма, которые не раз вступали в полемику с Рылеевым и Бестужевым. Принимаются в Вольное общество и просто литераторы, не замешанные в политике, как например слепой поэт И. И. Козлов, имевший огромный успех своей поэмой «Чернец» и принятый в «ученую республику» по рекомендации Глинки. Но едва ли можно сомневаться в том, что Грибоедов, известный теснейшими связями с декабристами, избирался в «ученую республику» по соображениям не только литературного, но и политического порядка.²⁶

К осени 1824 года относится знакомство Грибоедова с Александром Бестужевым, Рылеевым и Глинкой. А. Бестужев в своих воспоминаниях рассказывает о том впечатлении, которое произвела на него комедия «Горе от ума». «Я проглотил эти строки: я трижды перечитал их. Вольность русского разговорного языка, пронзительное негодование ко всему низкому, эта гордая смелость в лице Чацкого проникла в меня до глубины души. „Нет, — сказал я сам себе, — тот, кто писал эти строки, не может и не мог быть иначе, как благородное существо!“. Взял шляпу и поскакал к Грибоедову».²⁷ Грибоедов был приглашен на «русские завтраки» Рылеева. В своих показаниях 24 декабря 1825 года Рылеев обронил любопытное признание: «Грибоедова я не принимал в Общество (Северное общество, — В. Б.), я испытывал его, но, нашед, что он не верит возможности преобразовать правительство, оставил его в покое».²⁸ Александр Бестужев говорил о нежелании «подвергнуть опасности такой талант, в чем и Рылеев был согласен». Одновременно Бестужев признавался, что вместе с Грибоедовым «нередко мечтал о преобразовании России». М. В. Нечкина отмечает наличие противоречий в показаниях Рылеева и Бестужева о Грибоедове: «Оба друга одинаково стараются его спасти от следствия, но показания их внутренне противоречивы».²⁹ Не подлежит сомнению, что Рылеев «испытывал» и, видимо, готов был принять автора «Горя от ума» в Северное общество. Полагая также, что в целях сближения Грибоедов был приглашен в «ученую республику». 8 декабря 1824 года Д. М. Княжевич предложил Грибоедова в члены Вольного общества любителей российской словесности; 15 декабря того же года Грибоедов единогласно был избран в действительные члены. Выехал из Петербурга Грибоедов во второй половине мая 1825 года. Почти пять месяцев Грибоедов состоял в «ученой республике», посещал квартиру Рылеева, и, конечно, за этот срок многое могло произойти. Из-за отсутствия архива «ученой республики» за 1825 год мы лишены возможности ответить на вопрос,

²⁶ См. талантливое исследование М. В. Нечкиной «А. С. Грибоедов и декабристы» (Гослитгиздат, М., 1947).

²⁷ «Отечественные записки», 1860, № 10, стр. 136—137.

²⁸ Восстание декабристов, т. I, стр. 21.

²⁹ М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы, стр. 392.

сколько раз Грибоедов присутствовал на заседаниях Вольного общества. Каждый новый «соревнователь» после избрания его в действительные члены был обязан присутствовать на одном из следующих заседаний и соблюсти соответствующую форму обряда, т. е. дать клятвенное обещание быть верным «священной дружбе», произнести ответную речь или представить на рассмотрение сочинение, которое бы отвечало духу «ученой республики». Иными словами, Грибоедов был обязан присутствовать на одном из первых январских заседаний 1825 года, отвечать на избрание речью или читать свое произведение. Вместо ответной речи Грибоедов мог представить сцену из «Горя от ума».

На декабре 1824 года прерывается «Журнал ученых упражнений», но это не значит, что в 1825 году «соревнователи» не имели собраний и не придерживались традиционной формы, предусматривавшей так называемые «благодарственные речи». 15 января 1825 года А. Бестужев сообщал В. Туманскому: «Здесь шумит — и по достоинству — грибоедовская комедия. Это — диво, и он сам пресвежая душа».³⁰ Руководителям «ученой республики» грибоедовская комедия была известна не только по отрывкам в «Русской галии», но и в списках, ходивших по рукам. Именно Орест Сомов, член рылеевского домашнего комитета, выступил в защиту Грибоедова, когда на его комедию напал в «Вестнике Европы» М. А. Дмитриев. Не следуя «за ходом целой комедии до самой развязки», Сомов ограничивается теми отрывками, которые вызвали «строгий суд» Дмитриева.³¹ Он знаком с «ходом целой коме-

³⁰ «Киевская старина», 1899, т. III, стр. 300.

³¹ Статья о Грибоедове появилась в «Сыне отечества», но в этом журнале выступали и многие другие члены «ученой республики». Отметим, что Грибоедов с одним из «соревнователей» встретился в Петропавловской крепости и имел с ним довольно интимный разговор. Кроме А. Д. Боровкова, в составлении «Извлечений из показаний» по делу декабристов принимал участие чиновник следственного делопроизводства А. А. Ивановский — земляк и приятель Ф. Н. Глинки, знакомый и почитатель Грибоедова, подражатель А. Бестужева. Он являлся членом-корреспондентом «ученой республики» и печатался в «Соревнователе». Шарада «На горох», над которой иронизировал В. Н. Каразин в марте 1820 года, принадлежала перу Ивановского. В одной из записок, посланных Грибоедовым из-под ареста Ф. Булгарину, об Ивановском сказано: «Ивановский — благороднейший человек, в крепости мне говорил самому и всякому гласно, что я немедленно буду освобожден. . . он член Вольного общества любителей словесности и много во мне принимал участия» («Русская старина», 1889, № 7, стр. 118—119). А. А. Ивановский предупредил Корниловича, что за его повести выручено несколько тысяч рублей и хотел даже передать эти деньги. Он же сказал Булгарину: «Бедный Искрицкий, его возьмут завтра». Перед отъездом в ссылку в Олонецкую губернию Федор Глинка отправил А. А. Ивановскому дружеское письмо: «Признаюсь, мой милый, мой благодетельный Андрей Андреевич, грустно. Противувольный отъезд мой отсель такое событие, которое одним ударом отсекает меня от всего знакомого, милого, родного и привычного; разлучаюсь с вами. . . Недельное сидение без света и воздуха и снятие двух чинов не столько огорчает, как сей отъезд.

Увы, как бедный пешегонец,
От вас, по сердцу мне родных,

дии до самой развязки», но говорить о всей Грибоедовской комедии в печати не решается, так как подробный разбор может завести «слишком далеко». Намекая на цензурные стеснения, Сомов в 101-й книге «Сына отечества» (цензурное разрешение на выход в свет этой части журнала дано 21 апреля 1825 года) не высказал всего, что мог сказать о «Горе от ума». Но и то, что сказано в статье «Мои мысли о замечаниях Мих. Дмитриева на комедию „Горе от ума“ и о характере Чацкого» достаточно характеризует отношение «ученой республики» к грибоедовской комедии. Мих. Дмитриев в «Вестнике Европы» (1825, № 6) обрушился на Грибоедова за его комедию и назвал Чацкого «сумасбродом». Сомов взял под защиту Чацкого и одним из первых в критике 20-х годов высказал по существу декабристское мнение о комедии Грибоедова. М. Дмитриев считал идею «Горя от ума» не новой, «взятой из Абдеритов», а в Чацком видел копию Демокрита Виланда. Сомов признал комедию Грибоедова великой и самобытной, а ее героя — человеком «с чувствами благородными и душою возвышенной». Чацкий, по словам Сомова, говорит «языком не книжным, не элегическим, но языком истинной страсти, в словах его отсвечивается душа пылая: они, так сказать, жгут своим жаром». Сомов увидел в грибоедовском герое черты, которые роднили его с лучшими представителями молодого поколения 20-х годов, ибо Чацкий испытывает «любовь к родине», «уважение к народу и только сердится и негодует на грубую закостенелость, жалкие предрассудки и смешную страсть подражания чужеземцам».³²

М. А. Дмитриев, автор статьи в «Вестнике Европы», в 1824 году был принят в действительные члены «ученой республики». Видимо, в нем «соревнователи» определенно просчитались, хотя он и был рекомендован самим Рылеевым. Рылеев не предполагал, что Дмитриев перейдет на позиции правительственной идеологии и выступит против Грибоедова. В Петербурге о Дмитриеве знали по слухам из Москвы: учредитель «Общества громкого смеха», того самого общества, куда в 1818 году приходят Шахов-

Скачу, скачу на почтовых
В какой-то городок Олонец.
Признаться, грустно! Я томлюсь,
Что с вами, быть, лишусь свободы:
Но там железные есть воды, —
Авось и я ожелезнуюсь...

«Шутки на сторону, а я, право, не знаю, кто я, что и куда меня... Известность тошнее прежнего жилища» («Русская старина», 1889, № 6, стр. 119). Ивановскому Глинки посвятил «Деву карельских лесов». В 1828 году Ивановский издал альманах «Альбом северных муз», в котором напечатал без подписи автора стихотворение Рылеева «На смерть Бейрона» и ряд стихотворений Ф. Н. Глинки. Он же сохранил значительную часть ценнейших автографов Рылеева.

³² «Сын отечества», 1825, ч. 101, стр. 177—190.

ской и Фонвизин с намерением превратить московский филиал «Арзамаса» в филиал Союза Благоденствия.

Остановимся на других «соревнователях», принятых в Вольное общество осенью 1824 года. Не случайно принимают в «ученую республику» талантливого морского офицера К. П. Торсона, хотя он и не является литератором. Торсона хорошо знают братья Бестужевы. По словам Михаила Бестужева, Торсон «был рыцарь без страха и упрека на его служебном и частном поприще жизни». Принимая морского офицера в действительные члены Вольного общества, Рылеев и Бестужев руководствовались соображениями тайного общества. Его в порядке исключения принимали без представления «ученого упражнения», и когда было предложено представить статью, то Рылеев и Бестужев настояли на своем. Вскоре Торсон был принят прямо в действительные члены. Весной 1825 года он уже становится членом Северного общества. Рылеев возлагает на него огромные надежды, полагая, что именно он займется революционной агитацией среди кронштадтских моряков. Вместе с Николаем Бестужевым Торсон пишет замечания на конституционный проект Никиты Муравьева. Ясно, что для Торсона «ученая республика» была преддверием в тайное общество.

Серьезному испытанию был подвергнут В. Н. Григорьев, имя которого неоднократно встречалось в «ученых упражнениях».³³ В 1822 году Рылеев представил на рассмотрение «ученой республики» его стихотворение «Падение Вавилона»; в начале 1824 года рассматривалось гражданское стихотворение «Чувство плененного певца». В начале 1825 года Григорьев представил еще одно стихотворение под названием «Гречанка». Отдельные строки этого последнего стихотворения — «Я слышу стон моей отчизны», «Дымится греческая кровь», «Так цепи звук не заглушат» — давали понять, что восставшие греки продолжают борьбу и Байрон свою жизнь отдал не даром. Так Григорьев отвечал на доверие «ученой республики». Григорьев настолько хорошо выдержал экзамен, что перед ним открылись двери квартиры Рылеева. Оглядываясь на пройденный путь и сознательно преуменьшая политическое значение встреч с Рылеевым, он рассказывал в своих воспоминаниях: «У Рылеева, — писал Григорьев, — я также бывал; приходил к нему вечером часу в седьмом и оставался с ним наедине, толкуя о современной русской литературе, только до тех пор, пока не приходили к нему в 8 часов разные лица, вовсе мне незнакомые, и, между прочим, несколько военных. Рылеев был всегда серьезен, смотрел исподлобья и часто задумывался. Мне тогда, по крайней молодости лет моих и политической неопытности, и в голову не приходило, что я имею дело с человеком, который

³³ В рукописном отделе ГПБ им. Салтыкова-Щедрина хранится «Формулярный список о службе начальника отделения департамента государственного казначейства статского советника Григорьева», составленный в 1850 году.

замышлял произвести в России государственный переворот. Я видел в нем только литератора».³⁴

Нельзя обойти молчанием новых членов «ученой республики». Они, кроме Грибоедова, были малоизвестными литераторами. Среди них — Петр Иванович Колошин, участник «Священной артели», основанной в 1814 году молодыми офицерами Генерального штаба, затем член Союза Спасения и Союза Благоденствия. 17 декабря 1823 года он был избран в члены-корреспонденты Вольного общества российской словесности, а в 1824 году — в действительные члены. Петру Колошину была сделана уступка, он за своей фамилией опубликовал всего лишь два стихотворения в «Сыне отечества» (1818—1819). Этого было явно недостаточно, чтобы стать действительным членом Вольного общества. Но у Колошина в Вольном обществе были давнишние друзья. Он становится активным «соревнователем» и в 1824 году присутствует на 11 собраниях, читает четыре своих перевода (три из Виланда и один из Шиллера) и одно оригинальное стихотворение («Пароход»)³⁵. При избрании в действительные члены он читал неизвестный нам отрывок из трагедии «Разбойники» Шиллера. Однако лучшей рекомендацией были его неопубликованные стихи «К артельным друзьям» (1817), распространившиеся в списках. Воспевая «святую артель» («священную артель»), Колошин обнаружил задатки гражданского поэта. «К артельным друзьям» — дружеское послание, но дружба понимается поэтом по-декабристски. Наряду со строками вялыми, слишком аморфными («Все душу робкую страшит» и т. д.) есть в этом послании и по-настоящему мужественные стихи: «Влекомый пламенной душой», «Высоких чувств и снов златых», «Добра огонь священный», «Отчизны призыванья», «Душ пламенных желанья».

Сплетенные рука с рукой,
На путь мы ступим жизни,
И пылкой полетим душой
Ко счастью отчизны.

Это почти как в дружеских посланиях Владимира Раевского. Но главное все же было не в литературных занятиях Колошина. Руководители «ученой республики» хорошо знали недавнее прошлое этого человека. Петр Колошин был видным деятелем Союза Благоденствия; в 1819 году, когда А. Муравьев заявил о своем выходе из Союза, он принял на себя председательство в Управе. Такими людьми следовало дорожить. Оболенский показывал, что Колошин знал о существовании Северного общества, хотя и не

³⁴ Н. К. Пиксанов. Русские писатели в неизданных воспоминаниях. «Современник», 1925, январь, стр. 136.

³⁵ См.: А. Ю. Вейс. Петр Колошин — автор послания «К артельным друзьям». «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, стр. 541—554.

принимал в нем участия.³⁶ Но если даже он и не знал о новом тайном обществе, все равно для «ученой республики» он представлял интерес. Рылеев видел в «ученой республике» свободолюбивый союз писателей и ученых, который следовало воспитывать на случай удачного политического переворота. Тогда и Григорьев, и Колошин, и Сомов нашли бы место в декабристском министерстве культуры и просвещения.

Не случайно, например, декабристы из Вольного общества обращают внимание на В. Д. Сухорукова. Он вместе с Корниловичем издавал альманах «Русская старина» и в своих статьях по истории казачества на Дону прославлял старинную казачью вольность. Декабристы в дальнейшем собирались серьезно работать в области историографии, и Сухоруков был для них находкой. Сухорукова хорошо знали руководители Вольного общества, в частности Рылеев и А. Бестужев. В «Алфавите» лейб-гвардии казачьего полка поручик Сухоруков стоит первым в числе лиц, «названных членами обществ, состоявшихся после уничтожения Союза Благоденствия, но по маловажности показаний не требовавшихся к следствию». 26 марта 1826 года члены Следственного комитета слушали А. Бестужева и Рылеева, «спрошенных насчет» Сухорукова. Тот и другой признавались, что в 1825 году «открыли Сухорукову о существовании тайного общества, имевшего целью введение в России конституционного правления». При встречах Рылеев и Бестужев спрашивали о духе донских казаков, рассчитывая на участие казачества в восстании. Сухоруков отвечал, что «они весьма привержены к правительству и любят государя, что и думать нельзя о каком-либо предприятии». Потом Сухоруков спрашивал их о содействии Общества к распространению на Дону просвещения посредством заведения училища, на что они отвечали обещанием «постараться». По докладу Комиссии 13 июля 1826 года о Сухорукове «высочайше повелено: оставить на Дону, не отправляя в лейб-гвардии казачий полк, иметь за ним бдительный тайный надзор и ежемесячно доносить о поведении».³⁷ В 1827 году Сухорукова перевели служить на Кавказ, где он сблизился с Пушкиным и Грибоедовым. Полиция дважды производила у него обыски в поисках каких-то бумаг. Сухоруков в 1823 году печатал свои статьи о донском казачестве в «Сыне отечества» и в «Северном архиве»; в «Соревнователе» он поместил свое лучшее исследование «О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия», на которое через 9 лет ссылался Пушкин в «Истории пугачевского бунта». Эта статья, прославлявшая дух казачьей вольности и стоявшая в непосредственной близости к думам и поэмам Рылеева, обсуждалась в «ученой республике». Сухоруков был принят в Вольное общество, Рылеев

³⁶ Восстание декабристов, т. VIII, стр. 97.

³⁷ Там же, стр. 182.

и Бестужев предложили ему вступить в ряды Северного общества. Но в 1825 году Сухоруков, разойдясь с гр. Чернышевым, бывшим председателем Комитета по устройству войска Донского, покинул Петербург и уехал на Дон.³⁸

Одновременно с Григорьевым, Колошиным и Сухоруковым в действительные члены Вольного общества был принят Андрей Никифорович Пушкин. Секретарь Общества А. А. Никитин приветствовал нового члена, вступившего «в теснейший круг людей»:

«Отдавая должную справедливость познаниям Вашим в науках и отечественной словесности и уважая любовь Вашу к просвещению, Общество в чрезвычайном заседании своим 28 сего января переименовало Вас на основании § 26 и 37 высочайше утвержденного устава в действительные свои члены. Оно уверено, что Вы употребите все усердие к его благу.

«С особенным удовольствием я спешаю Вас о сем уведомить, приветствуя со вступлением в теснейший круг людей, соединенных взаимною доверенностию и единодушно стремящихся к достижению предпринятой ими сугубой цели просвещения и благотворения» (23, л. 39).

Андрей Пушкин был давно и хорошо известен Глинке по Обществу военных людей и «Военному журналу», где они вместе сотрудничали. В 1823 году Глинка представил в Вольное общество статью А. Н. Пушкина «Взгляд на военное искусство древних до изобретения огнестрельного оружия»; статья была принята и напечатана в «Соревнователе» (1823 год, ч. XXIV).³⁹ В дальнейших своих сочинениях, представляемых на рассмотрение «ученой республики», А. Н. Пушкин умело сочетал историю военного искусства с прославлением «древней славы предков, которые сражались, как герои». Поводом к принятию его в действительные члены Общества служила статья «Скифы», написанная в духе декабристского исторического романтизма. «Происхождение и деяния» народов, скрытые во мраке неизвестности, по словам А. Н. Пушкина, восстанавливаются при помощи «изустных преданий». «Из народных преданий и памятников, до наших дней сохранившихся, мы видим, что во всех важнейших переворотях

³⁸ Ценные сведения о Сухорукове содержатся в статье Ан. Линина «Историк войска Донского. В. Д. Сухоруков и А. С. Пушкин» (Пушкин. Статьи, исследования, библиография. Азчериздат, 1937, стр. 76—124). А. С. Пушкин в 1831 году подал в III отделение канцелярии е. и. в. записку, желая помочь Сухорукову («Сухоруков, — писал Пушкин, — имеет отличные дарования и сведения») получить обратно принадлежащие ему исторические документы, «драгоценные материалы вместе со статьями», «множество разных летописей, поэм и проч., объемлющих историю донских казаков» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., под ред. М. А. Цявловского, т. IX, 1937, стр. 538—540). Гр. Бенкендорф признал просьбу Сухорукова «не только не основательной, но даже дерзкой». Записка Пушкина осталась без внимания.

³⁹ О «Военном журнале» и об участии в нем Ф. Н. Глинки и А. Н. Пушкина см. исследование Е. А. Прокофьева «Борьба декабристов за передовое русское военное искусство» (М., 1953, стр. 192, 273, 279, 291).

блистательные их подвиги происходили от некоего вдохновения. Сильные страсти были пружинами сильного действия. В истории Греции и Рима многие примеры подтверждают сию истину и показывают торжество гражданской свободы над многочисленными врагами».⁴⁰ Со славою древних греков можно сравнить только «предания о подвигах россов», которые «жили, как добрые граждане, сражались, как герои». До сих пор неясно, о каком Пушкине говорил в своих показаниях И. И. Пуштин Следственному комитету 20 декабря 1825 года: «Несколько времени спустя через Синий мост пошли к Сенату и, не доходя одного, встретили Якубовича, который сказал, что Московский полк на площади вызывал Константина. Узнав об оном, мы поспешили присоединиться к нему. Взойдя в каре, нашел из знакомых Бестужева, Оболенского, Одоевского, Глебова, Кюхельбекера, А. и Н. Бестужевых, Щепина, Сутгофа, который вскоре прибыл с ротой, и потом прибыли с гвардейским экипажем Пушкин и Арбузов».⁴¹ Известно, что на Сенатской площади во время восстания был Лев Пушкин, которому Кюхельбекер отдал держать отнятый у жандарма палаш. «Кроме пистолета, дал мне кто-то из черни палаш жандарма, который удалось нам, — показывал Кюхельбекер 17 февраля 1826 года, — выручить из рук их: отдал же я палаш сей молодому Льву Пушкину, пришедшему, однако же, на площадь, как полагаю, из одного ребяческого любопытства; вскоре потом увидел я его, Пушкина, без палаша: куда же он дел его, не спросил и не ведаю».⁴² И. И. Пуштин говорил не о Льве Пушкине, а о гвардейской артиллерии капитане Андрее Никифоровиче Пушкине. А. Н. Пушкин в свое время состоял вместе с Н. М. Муравьевым и С. П. Трубецким в ложе «Трех добродетелей», вместе с Глинкой — в «Обществе военных людей», наконец, он стал членом «ученой республики». Путь А. Н. Пушкина показателен. Этот «соревнователь» принимал непосредственное участие в декабрьском восстании.

Следует кратко сказать и о других вновь принятых «соревнователях».

Н. М. Языков был известен Вольному обществу еще в 1819 году. Первое стихотворение Языкова «Послание к Кулибину» появилось на страницах «Соревнователя» (ч. VI) «в поощрение дарований молодого поэта», «воспитанника Горного корпуса», как сказано в редакционном примечании. В годы расцвета «ученой республики» Языков жил в Дерпте, он не мог присутствовать на собраниях «соревнователей». «Конечно, очень легко могло стать, что, — замечает М. К. Азадовский, — живи Языков в Петербурге, он мог бы быть вовлечен (хотя тем же Ры-

⁴⁰ «Соревнователь», 1824, ч. XXVIII, стр. 128.

⁴¹ Восстание декабристов, т. II, стр. 206.

⁴² Там же, стр. 173.

леевым, с которым, несомненно, был знаком) в круг членов тайного общества, мог бы оказаться в день 14 декабря на площади, а потом в Сибири, увеличив число случайных попутчиков, которых было так много и в рядах тайного общества, и осужденных по процессу». ⁴³ О декабризме Языкова, как и многих других «сореvнователей», говорить не приходится, однако было бы несправедливо совсем не замечать стремления «ученой республики» привлечь на свою сторону прогрессивно настроенную молодежь, из которой со временем и под воздействием декабристов могли бы получиться сознательные попутчики тайного общества. Сам факт, что Языков 15 декабря 1824 года был рекомендован в действительные члены «ученой республики» Рылеевым, свидетельствует об определенной тенденции в подборе новых «сореvнователей». На Языкова было обращено внимание, потому что до «ученой республики» дошли такие его свободолюбивые стихотворения, как «Песнь бояна во время владычества татар в России» и «Боян русскому воину». Стихотворения Языкова посвящены певцам «вольности и славы и побед», новгородской и псковской старине с ее «шумом народных мятежей», например «Новгородская песнь 1170 г.». «Новгородскую песню 1170 г.» Языков опубликовал в канун декабрьского восстания. Звучала эта песня о новгородцах вполне по-рылеевски:

К отчизне святая любовь
Смела, и сильна, и победна!

Д. Н. Свербеев в своих «Записках» свидетельствует, что С. М. Семенов, известный по Союзу Благоденствия, «непреренно и упорно» желал познакомиться братьев Языковых с кн. С. П. Трубецким, Е. П. Оболенским, Ф. Н. Глинкой, Федором Шаховским и Корниловичем. ⁴⁴ В своих показаниях С. М. Семенов не скрывал, что знал «Рылеева, кн. Оболенского, с которым был короток, видел довольно часто Бестужева, знал весьма много кн. Сергея Трубецкого, коего брата учил в 1818 году русской словес-

⁴³ Н. Языков. Стихотворения. Л., 1936 (Библиотека поэта. Малая серия), стр. 14.

⁴⁴ Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799—1826), т. I. М., 1899, стр. 276. Д. Н. Свербеев наивно думает, что только «языковская лень» спасла братьев Языковых (Николая и Александра) от политических искушений. Рылеев и Бестужев в какой-то степени рассчитывали на Языковых, но они могли и ошибаться в людях. На самом деле многие из прогрессивных «сореvнователей» не пошли дальше просветительских идей Союза Благоденствия. В лучшем случае они распевали в квартире Рылеева вольнолюбивые песни. Мы уже не говорим о дальнейшей судьбе некоторых «сореvнователей». Не только Греч, Языков, Григорьев и частично Секов, но и Федор Глинка после олонейской ссылки отказались от вольнолюбивой молодости. Глинка и сам понимал, что все его заслуги в прошлом. Греч пошел на прямую сделку с реакцией и с поношением отзывался о Рылееве и Бестужеве. Проследивание идейной эволюции отдельных «сореvнователей» не входит в задачу настоящей работы.

ности». «Исключая Бестужева, коего знаю мало, — продолжал Семенов, — считал прочих людьми добрыми, умными и честными».⁴⁵

К таким «неявным либералам» относились многие другие члены «ученой республики», давшие «торжественную присягу» при подписании нового устава Вольного общества. Даже такой случайный «любитель словесности», как отставной подполковник П. Н. Чебышев, принятый в «ученую республику» без представления «ученого упражнения», тоже находился в декабристском резерве. «Что он не принадлежал Обществу, — говорил о Чебышеве А. И. Одоевский в своих показаниях, — в этом нет ни малейшего сомнения». И одновременно Одоевский замечал, что «Чебышев человек достаточный, добрый, с которым я знаком уже года два, несколько раз у него обедал». «Доброта» Чебышева сказалась в том, что после поражения декабристов на Сенатской площади, когда «начали толпу разгонять картечью», он у себя в квартире приютил кн. Одоевского, скрывавшегося от преследований конной гвардии.⁴⁶ Князь Одоевский обедал и скрывался в день 14 декабря у «соревнователя» Чебышева, а Кюхельбекер 13 декабря, накануне восстания, пробыл целый день и тоже обедал у секретаря «ученой республики» А. А. Никитина.⁴⁷ Мы считаем, что и эти мелочи должны быть учтены в летописи «ученой республики». Мелочами не приходится пренебрегать, ибо они помогают нам восстановить утраченное целое. Вот еще один пример. Среди «соревнователей», регулярно присутствовавших на собраниях «ученой республики» 1824 года, часто встречается имя А. Н. Очкина, служившего в Экспедиции государственных доходов. Так, 4 августа на собрании присутствовало всего 6 человек: Рылеев, Никитин, Рихтер, Висковатов, Григорьев и Очкин. А. Н. Очкин не был даже действительным членом Вольного общества, он был всего членом-сотрудником. Но это не столь важно. В 1824 году Очкин регулярно посещал заседания «ученой республики» и печатался в «Соревнователе». В XXVI части «Соревнователя» за 1824 год появилась его статья «Об исправлении нравственных недостатков», в которой излагался нравственный катехизис Франклина. Проблема нравственности волновала деятелей тайного общества, в особенности Рылеева, Глинку и Бестужева. В Северное общество, как и в Союз Благоденствия, принимались люди, в нравственном отношении проверенные. По словам А. Бестужева, член Северного общества должен был быть человеком «твердого характера» и «не запятнан ни одним подлым поступком».⁴⁸

Левые «соревнователи» вели борьбу за «высокую» нравственность, притом проблема самоусовершенствования их волновала

⁴⁵ ЦГИАМ, ф. 48, ед. хр. 67, л. 1.

⁴⁶ Восстание декабристов, т. II, стр. 255.

⁴⁷ Там же, стр. 168.

⁴⁸ Там же, т. I, стр. 141.

в определенном смысле. Еще в уставе Союза Благоденствия указывалось, что «добрая нравственность есть твердый оплот благоденствия и доблести народной»; Союз Благоденствия в свою обязанность вменял «распространение между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения». В статье А. Н. Очкина излагались правила «добродетельного» поведения, да и сама тема о Франклине, который, по словам Каховского, возжигал «в груди граждан любовь к благу отечества», была по существу декабристской темой. Оказывается, что и этот чиновник-«соревнователь», посетивший в 1824 году вместе с Рылеевым и А. Бестужевым «ученую республику» 11 раз, едва не попал в алфавит лиц, причастных к декабрьским событиям. «Да и Очкины оба, наши приятели, — признавались Николай и Александр Языковы в письме к П. М. Языкову от 22 января 1826 года, — чуть было не пострадали задами. Их захватили за знакомство с одним из участников в деле 14 декабря, заставили переночевать у квартального, возили по всем полицейским инстанциям, наконец, допросили во дворце — и отпустили, ибо в бумагах и словах, кроме вздора, ничего не нашли».⁴⁹

В 1824 году в «ученую республику» был принят титулярный советник А. М. Замятнин. Он представил на рассмотрение «ученой республики» статью «Нечто о нравственной философии» (перевод с итальянского), которая была одобрена и помещена в 28-й части «Соревнователя» (1824). Вопрос шел о необходимости «сообщить легчайшим образом всем людям вообще понятия о нравственности», т. е. «внушать понятия о доброте, великодушии, признательности, сострадании и человеколюбии», воспитывать «ревностных граждан, людей к правосудию и все прочие высокие добродетели», которые имеют в своем основании главное чувство — «чувство сострадания». Нравственное учение А. М. Замятнина предлагал вывести из «высоких и разительных примеров, как это было у древних»: «У них все было высоко: добродетели их были особого рода, рассуждения их были исполнены поэтического восторга». «Поучения не требуют слова напыщенного: старайтесь быть понятными для каждого... научайте, а не витийствуйте».

Затем в статье А. М. Замятнина предлагалось вниманию «соревнователей» следующее: «Желаете ли вы поощрить людей к добру? Опишите человека дурного сильными и ему приличными красками. Представьте все те унижения, коим подвергается лжец, потерявший низкими изворотами своими всякое доверие. Опишите клеветника оставленным во всяком сословии; человека жестокосердного, криводушного, развратного, лишенного друзей, наилучшего блага жизни нашей, оставленного на произвол гнусных страстей своих, единственных его спутниц. Откройте людям истинные их выгоды, состояние в непрерывном и постоянном благоден-

⁴⁹ Письма Н. М. Языкова к родным. Под ред. Е. В. Петухова. СПб., 1913, стр. 238.

ствии и вы откроете им путь к добродетели».⁵⁰ Уместно сравнить это высказывание с заметкой А. Бестужева «Определение поэзии», появившейся в том же году в «Соревнователе»: «Первая цель поэта есть нравиться, трогать, а следовательно, он говорит воображению и страстям. Конечно, он может и должен иметь в виду наставление и исправление людей; но он достигает сей цели не прямо, а нравясь и пленяя. Предполагается, что душа поэта занята предметом привлекательным, оживлена огнем воображения или борением страстей, которые в изложении сообщают слогу его возвышенность, совершенно отличную от выражения души, находящейся в спокойном, обыкновенном ее состоянии».⁵¹

Насколько подобные взгляды были идейно близки декабристам, свидетельствует «Зеленая книга», ставшая со временем программной книгой «ученой республики». Мы не решаемся утверждать, что устав Союза Благоденствия имел какое-либо определенное значение в жизни Северного общества, но Вольное общество бесспорно продолжало развивать идеи «Зеленой книги». Мы в этом имели возможность неоднократно убедиться. Влияние Союза Благоденствия на Вольное общество любителей российской словесности не ограничилось принятием соответствующей формы устава и соблюдением обрядов, напоминающих ритуал раннего тайного общества. Это влияние распространилось на идейные и эстетические позиции «ученой республики», на творческую практику «соревнователей». По «Отделу распространения правил нравственности» предусматривалась соответствующая агитация словом. В разделе, озаглавленном «Слово» (кн. IV, отрасль II, отд. 1), об искусстве убеждать словом и «разговорами об ученых предметах» предписывалось:

«§ 28. Каждый член второй отрасли должен стараться во всех речах своих превозносить добродетель, уничтожать порок и показывать презрение к слабости.

«§ 29. Он должен стараться речами своими приносить существенную пользу, а не блистать оными.

«§ 30. Он должен распространять истины» и т. д.

И в годы энергичной деятельности Северного общества некоторые положения «Зеленой книги» не потеряли своей актуальности. Так, например, мысль, что «истинное красноречие состоит не в пышном облачении незначущей мысли громкими словами, а в приличном выражении полезных, высоких, живо ощущаемых помышлений», остается в силе и в поэзии Рылеева находит свое конечное завершение. «Ученая республика» в своих «упражнениях» отразила и то новое, что принес с собой Рылеев.

Не нужно забывать, что с конца 1824 года Рылеев становится фактическим руководителем Северного общества. Думая об усилении и обновлении состава тайного общества, он не забывает и

⁵⁰ «Соревнователь», 1824, ч. XXVIII, стр. 27.

⁵¹ Там же, ч. XXV, стр. 205.

о резервах «ученой республики», о нравственном воспитании молодежи.

Перед «ученой республикой» в 1824 году с особенной остротой встает вопрос об объединении сил и об усилении политической агитации. Теперь уже не Глинка влияет на Рылеева, а Рылеев, председатель домашнего комитета и цензор поэзии, влияет на президента «ученой республики». 29 декабря 1824 года, на очередном полугодичном собрании, Глинка произнес речь, в которой отмечал, что «ученая республика» удержала за собой «дух благородных целей». Не «холодные расчеты» и не «жажда к частным выгодам» («Надобно жить за себя!»), но «прекрасные порывы к общему благу», «бескорыстная любовь к обществу» и «благородная, безрасчетливая готовность к пожертвованию» привели «ученую республику» к новым успехам, к «нравственной юности». Президент Общества напомнил «соревнователям» одно предание: «... некогда, в глубокой древности, местоимения Я, Ты и Он составляли одно семейство, одно товарищество, одно целое. Все у них было равно, все общее, все заодно: мир, любовь и благоденствие были венцом и благословением их дружественного согласия. Но мало-помалу единство начало разниться; части стали расклеиваться, и скоро прихотливый Я возобладал над прочими братьями. Тотчас возникли нестройство, свары, разногласие и непрерывное борение пожеланий и страстей. Тогда некий мудрец, сжалясь над заблужденными, восстановил опять раздвинутые части в одно новое целое и назвал его местоимением Мы. С тех пор пали уже навсегда всякие личности, и восстало одно общее благо в той красоте, которую благословенная добродетель приносит с собой из лучшего мира». В форме «восточной» легенды Глинка напоминал слушателям о прошлых раздорах в Вольном обществе и о мудром решении, в результате которого было восстановлено «дружественное согласие» (ср. с отчетом А. А. Никитина за 1823 год). Закончив «восточное предание», Глинка продолжал говорить непосредственно об «ученой республике» и с глубоким удовлетворением признавал, что «соревнователи», подобно «братьям», о которых гласило предание, оправдали свое высокое звание: «Так, любезные и почетные сочлены, осмилетним соединением вашим для двух благородных целей вы доказали, доказываете и, конечно, докажете еще убедительнее, сколь приятно вам частными усилиями поддерживать силу и нравственную жизнь Общества нашего, толико вам любезного!». Речь была произнесена в самом конце 1824 года, когда декабристы решили перейти от слов к делу. Глинка, как об этом красноречиво свидетельствуют следственные материалы, не собиравшись лично участвовать в восстании, но о замыслах он знал и был достаточно хорошо информирован, чтобы вести корабль «ученой республики» по руслу, указанному рылеевским домашним комитетом. В речи, произнесенной 29 декабря 1824 года, содержится и такая аллегория:

«И в сие время человеку сохнуть от личных забот и теряться в искании частных выгод, в сие ли, говорю, время, когда святое провидение, развивая исполнинские силы природы, грозным движением стихий разрушает в немногие часы вековые созидания народов? Моря встают до высоты необыкновенной; тайные подземные пожары отрывают себе новые пути; ураганы воздушные сносят целые леса. И в самом человечестве видны явления непостижимые. Ход ума развивается с быстротою и разнообразию необыкновенною. Можно подумать, что земля наша стремится принять иное образование, и человечество как будто готовится вступить в какой-то новый возраст».⁵²

Это уже не просто «древнее восточное предание». Новый год сулил новые события, подобные европейским событиям последних лет: революция в Испании и Португалии, война за независимость в Греции, убийство Карлом Зандом реакционера Коцебу и т. д. Не на эти ли «ураганы» намекал Глинка? Мы пользуемся печатным текстом речи президента «ученой республики». В устном выступлении он мог сослаться и на более близкие примеры.

6

Большие трудности представляет характеристика «ученых упражнений» за 1825 год. За этот год в архиве Вольного общества любителей российской словесности сохранился лишь финансовый отчет казначея, который не дает никакого представления об «ученых упражнениях» и собраниях «соревнователей». Все остальные бумаги Общества потеряны или уничтожены, вернее последнее. Следственный комитет мог заинтересоваться «ученой республикой», как он заинтересовался, например, «Зеленой лампой». Приходится удивляться не тому, что за 1825 год не осталось в делах Общества никаких сведений о деятельности «ученой республики», а тому, что за прошлые годы сохранились кое-какие отчеты и протоколы, вернее, реестры произведений, читанных на заседаниях Вольного общества. В числе избранных в 1825 году в руководящий комитет «ученой республики» мы видим старейшего по стажу «соревнователя» и участника закрытой в 1822 году ложы «Избранного Михаила», хорошо нам известного А. Д. Боровкова. А. Д. Боровков замещал А. А. Никитина, в 1825 году он был помощником секретаря «ученой республики». Став правителем дел Следственного комитета, он особенно был заинтересован в уничтожении бумаг 1825 года. Рядом с Глинкой, Рылеевым и А. Бестужевым стояла его фамилия и фамилия его брата — И. Д. Боровкова, неперменного казначея Вольного общества. Избранный на 1825 год комитет «ученой республики» состоял из членов рылеевского комитета; все ответственные посты в нем зани-

⁵² Там же, 1825, ч. XXIX, стр. 211—217.

мали декабристы: президент — Глинка, цензор поэзии — Рылеев, цензор прозы и кандидат в вице-президенты — Н. Бестужев, цензор библиографии — Корнилович, член Цензурного комитета и кандидат в цензоры поэзии А. Бестужев.

Остается сказать о тех членах комитета, которые не играли решающей роли в делах Общества, составляли его подсобный аппарат. Среди них — известный своей преданностью «ученой республике» секретарь Общества А. А. Никитин, столь же последовательный «соревнователь» и библиотекарь общества И. К. Аничков и братья Боровковы. Никем не занятой пока остается должность вице-президента. На 1825 год помощником президента был избран Д. М. Княжевич. Из всех Княжевичей он был самым либеральным, к тому же являлся неплохим критиком, отстаивающим декабристско-пушкинское направление в литературе. Возможно, что Дмитрий Княжевич, а не Н. И. Греч, как думает Ю. Г. Оксман, скрывался за инициалами Д. Р. К. в «Четвертом письме на Кавказе», появившемся в «Сыне отечества» (1825, ч. 101), Д. Р. К. с восхищением отзывался о «Полярной звезде». Совсем в духе Кюхельбекера он писал об элегической поэзии: «Не люблю слышать поэтов, во цвете лет и в полном блеске славы твердящих нам о своей горькой опытности, о разочаровании в жизни, об увядшей душе» и т. п. И совсем в духе А. Бестужева говорит о Рылееве, имея в виду «Исповедь Наливайко»: «Здесь видишь отпечаток души великой, непреклонной, воспламененной любовью к родине. Наливайко мыслит, как герой, говорит, как неукротимый сын природы, чувствует, как человек, не рожденный пресмыкаться под игом иноплемненных».⁵³ Столь же восторженно Д. Р. К. отзывался о Пушкине и Грибоедове.

В 1825 году «ученая республика», возглавляемая Рылеевым, Глинкой и бр. Бестужевыми, не прекращала своих «ученых упражнений» а возможно, что еще с большей настойчивостью пропагандировала высокое гражданское искусство и вела за собой тех «соревнователей», которые находились под влиянием деятелей Северного общества. «Соревнователь» за 1825 год не дает достаточного материала, чтобы сделать определенные выводы относительно «ученых упражнений». За весь 1825 год, если принять во внимание, что «Соревнователь» не выходил в свет после десятого номера (цензурное разрешение на этой последней книжке журнала помечено 1 октября 1825), Рылеев появился всего один раз с отрывком из «Гайдамаков», Кюхельбекер напечатал два отрывка из «Армян», Глинка — два элегических псалма, А. Бестужев совсем отсутствует в журнале за 1825 год. Последняя, XXXII часть «Соревнователя» производит впечатление наспех составленной, она состоит из случайных произведений и столь же случайных авторов — из статей и переводов С. де Шаплета, Б. И. Истрова

⁵³ «Сын отечества», 1825, ч. 1, стр. 197—198.

и скульптора М. Крылова. В 1825 году Рылеев и Бестужев готовили материал для «Звездочки». Рылеев держал корректуру «Дум» и «Войнаровского», Глинка также готовил два своих сборника к печати — «Опыты священной поэзии» и «Опыты аллегорий». Частично занятостью членов комитета «ученой республики» можно объяснить снижение художественного и идейного уровня последних частей «Трудов Вольного общества любителей российской словесности». Отсутствие протоколов заседаний за 1825 год делает невозможным установить посещаемость отдельными членами собраний «ученой республики» и содержание «ученых упражнений». Несомненно только, что какая-то часть опытов в стихах и в прозе, рассмотренных на собраниях Вольного общества, вошла в «Соревнователь» 1825 года, а также в невышедшую «Звездочку» (так Рылеев и Бестужев решили назвать свой альманах на 1826 год). Если в XXIX часть «Соревнователя» попали некоторые «упражнения», рассмотренные «ученой республикой» в конце 1824 года, то все остальные, исключая, может быть, самую последнюю (XXXII) часть, состоят, видимо, из тех «ученых упражнений», которые слушались на заседаниях в первые восемь месяцев 1825 года. Постоянными сотрудниками «Соревнователя» в 1825 году были Орест Сомов, А. Ф. Рихтер, В. Н. Григорьев и А. М. Замятнин. Григорьев ответил на утверждение его действительным членом «ученой республики» стихотворением «Гречанка». Вместе с ним греческое восстание приветствовал на страницах «Соревнователя» В. Туманский. Последний писал из Одессы:

Сомкнулись в ряд бойцы святого дела.
Грозней твердынь, неколебимей скал.
Как божий гром, их меч врага попрад,
И слава их по миру загремела.⁵⁴

Еще в 1820 году «ученые упражнения» открылись стихотворением Ореста Сомова «Греция». Это восхищение борьбой греков за свою независимость декабристы и их попутчики донесли до декабрьских событий. В 1825 году Гнедич перевел и издал отдельной книжкой двенадцать «Простонародных песен нынешних греков». Клефтические песни, воспевавшие «подвиги и приключения клефтов», служили образцом революционного фольклора новогреков. А. Бестужев во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» («Полярная звезда на 1825 год») указывал на сходство клефтических песен с русскими и украинскими историческими песнями. Приветствуя «Северные цветы» за публикацию на страницах альманаха простонародных песен, новогреческих, сербских и русских, «Соревнователь» замечал: «В „Северных цветах“ помещено несколько простонародных песен: одни греческие, другие сербские, а третьи — подража-

⁵⁴ «Соревнователь», 1825, ч. XXIX, стр. 218.

ние русским. Переводом простонародных новогреческих песен публика наша обязана Н. И. Гнедичу. Разбирая их поэтические красоты, можно чувствовать, что вдохновение не покинуло еще этой некогда цветущей и счастливой страны, а ныне искупающей последними своими силами долговременное и позорное невольничество». ⁵⁵ Орест Сомов в 1825 году закончил перевод «Записок полковника Вутье о нынешней войне греков», одобренный «ученой республикой». В XXIX части «Соревнователя» сообщалось, что «поступила в продажу очень любопытная книга, особенно по нынешним обстоятельствам, под названием „Записки полковника Вутье“». «Записки Вутье» перед самыми декабрьскими событиями были использованы в целях политической пропаганды, их давал читать Д. И. Завалишин бр. Беляевым, мичманам гвардейского экипажа, чтобы возбудить в них дух гражданского мужества. П. П. Беляев 14 декабря «ходил по ротам и, отклоняя нижних чинов от присяги, возбуждал их к неповиновению». На площади он «был виден впереди, кричал „ура!“ и ободрял солдат». ⁵⁶

Рассказывая Следственному комитету о методах декабристской пропаганды, Завалишин признавался: «Об Греции я им (бр. Беляевым, — В. Б.) ничего не рассказывал, а давал читать „Записки Вутье“». ⁵⁷ Завалишин использовал в своей пропаганде «Записки» в переводе Ореста Сомова, но за Сомовым опять-таки стоял Рылеев. 30 апреля 1826 года Завалишин разъяснял, что он имел в виду «„Записки полковника Вутье“, здесь напечатанные», и что все книги, которые он сам читал и давал читать бр. Беляевым, «покупал или сам, или брал оные у Рылеева». ⁵⁸ Это один из примеров связи «ученых упражнений» с событиями на Сенатской площади. Сомов, Григорьев, Туманский, писавшие о греческом восстании в 1825 году, не являлись декабристами, они не состояли в тайном обществе, но своими «упражнениями» помогали Рылееву и А. Бестужеву агитировать в пользу декабристов. Это же можно сказать о малоизвестном А. Ф. Рихтере. В 30-й части «Трудов Вольного общества любителей российской словесности» за 1825 год отдел прозы открывался сочинением графа Алгаротти «Опыт истории инков» в переводе с итальянского А. Ф. Рихтера. Появление перевода в «Соревнователе» Рихтер объяснял тем, что и у «варварских» народов можно найти «наставления для гражданской жизни и великие примеры». Так, ирокезы в Северной Америке могут стать «рядом с римлянами и даже их превзойти» в своей «пламенной любви к свободе, в своей непреодолимой страсти к славе». В Южной Америке пе-

⁵⁵ Там же, стр. 108.

⁵⁶ Восстание декабристов, т. VIII, стр. 48.

⁵⁷ Там же, т. III, стр. 290.

⁵⁸ Там же, стр. 310.

руанцы «в продолжение двухсот лет наслаждались истинным золотым веком». Еще Гнедич в стихотворении «Перуанец к испанцу», продолжая традиции Радищева, использовал тему перуанской республики для выражения вольнолюбивых чувств и защиты «природного равенства». В. Ф. Раевский стихотворение Гнедича заставлял наизусть разучивать солдат и юнкеров, обучающихся в ланкастерской школе 16-й дивизии. Появление в 1825 году переводной статьи Рихтера в журнале «ученой республики» вполне соответствовало рылеевским настроениям.

Отсутствие в архиве Общества журналов за 1825 год, за исключением журнала казначея, который состоит из финансовых отчетов, не позволяет нам восстановить содержание отдельных собраний и сколько-нибудь удовлетворительно осветить этот последний год в деятельности Вольного общества. Однако «Соревнователь», в котором, как правило, помещались произведения, предварительно читанные в Вольном обществе, дает основание говорить, что «ученая республика» успешно продолжала свою деятельность и мотив «сразимся за свободу» нашел свое продолжение в ряде выступлений «соревнователей». В статье вновь принятого действительного члена А. М. Замятнина «Особенное достоинство речей, говоренных греками и римлянами» (из Блекволя) в качестве примера истинного красноречия приводилась речь Перикла в честь храбрых воинов, павших на поле битвы. Перикл «превозносил умерших, чтобы тем побудить оставшихся к живых последовать их примеру, и сильными убеждениями потрясал души своих слушателей». После перикловых речей, говорится в статье А. М. Замятнина «каждый сын отечества и добрый гражданин считал за счастье жертвовать жизнью для сохранения прав сих, если уже не для себя, то для позднейшего потомства своего». Речи «великих мужей в Греции и Риме» «весьма высоки и изящны», они «могут возбуждать мысли высокие» и «заслуживают тщательного изучения и подражания». ⁵⁹ В той же части «Соревнователя», вслед за статьей А. М. Замятнина, помещена статья Е. Б. Фукса «О военном красноречии». И в этой статье независимо от субъективных намерений ее автора красноречие определено как «искусство вдыхать в сердце чувство соревнования и храбрости, возбудить к чести и славе». В Греции и Риме, где «борьба республиканского духа с монархическим» создала «мужей необыкновенных» и открыла обширное поле военному и гражданскому красноречию, «ораторы воспламеняли любовь к отечеству, очаровывали своим вдохновением» и «сотворяли героев». Статья А. М. Замятнина «Особенное достоинство речей, говоренных греками и римлянами», напечатана в XXIX части «Соревнователя» за 1825 год, а через два десятка страниц в отделе «Стихотворения» помещена «духовная»

⁵⁹ «Соревнователь», 1825, ч. XXIX, стр. 118—119.

ода Глинки «Гнев господа на нечестивых», которая читалась 15 декабря 1824 года на заседании «ученой республики». Стихотворение Глинки было единогласно избрано и передано в «Соревнователь», где оно появилось среди «ученых упражнений» 1825 года.

И я притек на стон народа
Воззреть на ваш преступный град!
И горе граду! Он утратил
И память о моих словах:
Везде поруганы законы;
Нигде не вижу я любви,
Ни сладкой дружбы, ни приязи.

Читая «духовное» стихотворение Глинки, невольно вспоминаешь слова Кюхельбекера о поэте-гражданине: «Сверх того, в оде поэт бескорыстен: он не ничтожным событиям собственной жизни радуется, не об них сетует; он вещает правду и суд промысла, торжествует о величии родимого края, мечет перуны в супостатов, блажит праведников, клянет изверга».⁶⁰ Несомненно, что на многие гражданские оды поэтов-декабристов большое влияние оказали произведения ораторов и библия.

Здесь же, во втором номере «Соревнователя», Орест Сомов выступал с «Отрывками из римских писем». В одном из писем говорилось, между прочим, что «женщины первых римлян превзошли женщин всех народов героической привязанностью к родине и нежностью к своим семействам».⁶¹ А между тем в современном обществе, по словам Глинки:

К связям влечет одно богатство,
К родству сердец одна корысть,
В женах стыдения не стало;
Невеста идет к алтарю,
Смеясь, как будто дочь разврата,
С огнем неистовым в очах.

Допустим, что рассуждения Сомова и Глинки — случайное совпадение. Но чем, как не единством замысла, можно объяснить, что сразу же за «духовным» стихотворением Глинки помещено стихотворение Григорьева «Гречанка»?

Но не упал в бедях мой дух:
Я слышу стон моей отчизны;
Он в полночь мой тревожит слух
Сквозь краткий сон печальной жизни,
Как при последнем часе друг.

Хлад северный не леденит
Утес скрывающие воды;
Так цепи звук не заглушит
Неспящий в сердце глас свободы.
Мечь варварам — мой твердый щит!

⁶⁰ «Мнемозина», 1824, ч. 2, стр. 31.

⁶¹ «Соревнователь», 1825, ч. XXIX, стр. 123.

Тогда же Рылеев работал над «Войнаровским» и некоторые отрывки из поэмы читал на заседаниях Вольного общества. Ссыльный Войнаровский встречается с юной казачкой, «прекрасной подругой»:

Она могла, она умела
Гражданкой и супругой быть
И жар к добру души прекрасной,
В укор судьбине самовластной,
В самом страданье сохранить.

Именно Рылеев обращается к русской женщине и к ее «прекрасным чадам», напоминает о «священном долге»:

Священный долг перед тобою —
Прекрасных чад образовать.

Послание адресовано Варваре Николаевне Столыпина, но его следует понимать шире; поэту мерещился «сонм юных исполнителей», готовых «пасть за край родной». Три года тому назад Рылеев надеялся на помощь «отцов» («Отец — Столыпин, дед — Мордвинов»), представителей оппозиционной дворянской общественности. Теперь он рассчитывает на участие «детей» — молодого поколения.

В стихотворениях Глинки, Григорьева и Туманского за иносказательным описанием просвечивает русская действительность, у Рылеева поэзия прямо обслуживает декабризм, декабристские политические сходки. При всем различии элегических псалмов Глинки, «Гречанки» Григорьева, «римских писем» Сомова, «гражданско-русских» стихов Рылеева все же можно заметить, что во всех этих разных и по теме, и по художественному исполнению произведениях есть нечто общее, объединяющее стихи и прозу в одну композицию, делающее их родственными.

В «Соревнователе» очень часто материал группировался по плану, намеченному «ученой республикой». Отдельные отрывки из переводов, стихотворения и ученые статьи, взятые порознь, мало о чем говорят. Но если их рассматривать в единстве, то создается вполне определенное впечатление об их идейной целеустремленности.

Стихотворения, статьи и речи «соревнователей» произносились на собраниях «ученой республики» и, видимо, с большим жаром и воодушевлением. «Литературная республика» имела своих чтецов и ораторов; проблема устного произношения, проблема интонации и декламационных приемов составляла важнейшее содержание декабристского высокого искусства. Нужно представить себе, например, Федора Глинку, который свое гневное стихотворение о «нечестивцах» читал с одушевлением:

Я сердце каменное вырву
И сердце новое им дам.

В. Н. Григорьев в своих «Воспоминаниях» рассказывает, что Глинка часто «читал свои стихотворения и с большим одушевлением». «Два стиха, произнесенные им с такою торжественностью из одного длинного стихотворения библейского содержания, до сего времени, — признавался Григорьев, — остались в моей памяти:

Господь на небе почивал,
А на земле грехи кипели». ⁶²

Григорьев сохранил в своей памяти две строки из стихотворения «Горе и благодать», которое читалось на заседании «ученой республики» и было напечатано в «Полярной звезде на 1824 год». И по началу этого стихотворения можно судить о политической окраске глинковского псалма:

Господь как будто почивал,
А на земле грехи кипели,
Оковы и мечи звенели,
И сильный слабого терзал.
Не стало дел, ни прав священных,
Молчал обиженный закон;
И востекал от притесненных
Глухой, протяжный, тяжкий стон.

Насквозь символическая библейская поэзия Глинки звучала на собраниях «ученой республики» необыкновенно торжественно. И еще торжественней и мужественней звучали думы и гражданские оды Рылеева.

7

Чем, как не влиянием декабристов на науку, литературу и поэзию можно объяснить то огромное внимание, которое «ученая республика» постоянно проявляла к проблеме политического и поэтического красноречия. Еще в апреле 1824 года в Петербурге состоялась встреча Рылеева и Пестеля. Разговоры с Пестелем, ознакомление с «Русской Правдой», продолжительные беседы и страстные споры не могли не взбудоражить петербургскую тайную организацию, не повлиять и не увлечь по республиканскому пути отдельных ее членов. Беседа с Пестелем безусловно усилила в Рылееве антимонархические настроения. Рылеев становится одним из лидеров петербургского республиканизма.

Петербургские декабристы, руководимые Рылеевым, совершенно ясно сознавали ближайшие и конечные цели борьбы. Сразу же после победы над самодержавием они собирались, по словам Рылеева, «созвать на Великий собор народных представителей из всех сословий народа, которые должны будут решить судьбу государства». Рылеев был сторонником республиканского

⁶² «Современник», 1925, январь, стр. 131.

образа правления, но он считал, что нужно прежде всего «разрушить то правление, которое почитаем неудобным для своего отечества», а что касается нового государственного устройства, то здесь следует прислушаться к большинству голосов представителей всех сословий. Отсюда не следует, что декабристы, возглавившие государственный переворот, должны были оставаться в стороне, не выдвигать своих кандидатов и не бороться за свои предложения. Наоборот, на учредительном собрании декабристам принадлежит инициатива, они выдвигают свои проекты и, опираясь на общественное мнение, добиваются их общенародного признания. Созыв Великого собора предполагает наличие готовых проектов; декабристы усиленно готовились к учредительному собранию и разрабатывали программные документы, с которыми они предполагали выступать с трибуны.

Проблема ораторского искусства — одна из центральных проблем декабристской эстетики. Небольшой, всего в одну страницу перевод А. Бестужева из Смолетта под названием «Оратор», рассмотренный на заседании «ученой республики» 18 февраля 1824 года и появившийся в XXV части «Соревнователя», вводит нас в существо декабристской теории красноречия. Декламационная поэзия и ораторское красноречие расценивались в заметке А. Бестужева как надежное и веками проверенное средство агитации. Без красноречия нельзя было серьезно увлечь сограждан на борьбу, нельзя было достичь успеха в общественном мнении. Вопрос шел об агитационном красноречии, об искусстве убеждать словом. Речи древних ораторов могли служить убедительным примером. Александр Бестужев говорил: «Представьте себе Демосфена, говорящего знаменитейшему в мире собранию о деле, от которого зависит судьба знаменитейшего из народов!.. Молния красноречия сплавляет всех в одно целое. Все собрание, двинутое одним и тем же чувством, становится одним лицом, одним голосом, общие восклицания раздаются: „Пойдем против Филиппа, сразимся за свободу, победим или умрем!“».

Эта и подобные ей речи, произносимые на заседаниях «ученой республики» в годы подготовки декабрьского восстания, воспринимались как своеобразное предупреждение о предстоящих событиях. Это была генеральная репетиция, после которой должна последовать агитация в более широких масштабах. В «ученых упражнениях» 1825 года проблема политического красноречия занимает первостепенное место.

Декабристы высоко ценили ораторское искусство и сами пытались им овладеть. И поэты, и публицисты обращаются к древним ораторам. Выписки из Плутарха хранились в бумагах Рыльева. Доказывая, что «речи славных древних полководцев были лучшим украшением истории», Фукс ссылался на мнение Плутарха: «Воины Помпея при Даррахии казались совершенно охладившими и потерявшими бодрость, но когда Катон обратился к ним с доводами

философии и говорил с некоторым вдохновением о свободе, смерти, героизме и славе или, наконец, призывал самих богов во свидетели, которые как будто с участвующим умилением взирают на сию борьбу за отечество, тогда раздались радостные клики. Все с мужеством и надеждою требовали, чтобы их вели на брань, и они действительно победили» («Плутарх в жизни Катона», гл. 80).

В «ученой республике», как и вообще в декабристских кругах, к красноречию был проявлен субъективный интерес в том смысле, что молодое поколение 20-х годов желало походить на античных гражданских героев и на деле подражать мужественным сынам Греции и Рима. Гражданин в сознании декабристов — это прежде всего красноречивый оратор, публичный трибун, убедительно доказывающий прелесть свободы и нетерпимость рабства. А. М. Замятин выражал общее мнение «ученой республики», когда признавался, что «речи великих людей в Греции и Риме как мастерские произведения, исполненные основательными рассуждениями и истинным красноречием, заслуживают тщательного изучения и подражания». В статье Фукса, близкого знакомого Глинки и им же приглашенного для сотрудничества в «Соревнователе», излагались правила красноречия: если оратор обращается к солдатам, то «надобно говорить языком внятным, солдатским», речь в таком случае должна быть «кратка и быстра», необходимо, чтобы оратор «имел любовь и доверенность к себе войск», тогда он сможет «воспламенить умы», и воины пойдут за своими начальниками. В условиях подготовки к декабрьским событиям эти правила пропагандировали не просто классическое красноречие, в дружеской среде они воспринимались шире. Независимо от того, как понимал эти правила историк Фукс, Рылеев и Бестужев, подписывая статью Фукса к печати, предназначали ее для вполне определенных целей: декабристы учились красноречию, чтобы в случае восстания вести за собой солдат. 3 февраля 1824 года Александр Бестужев записал в свою «Памятную книжку»: «Учил наизусть из Шекспира речь Брута».⁶³ Известно, какое огромное значение в формировании декабристской идеологии имело изучение античной истории и какое сильное впечатление на них производили речи древних полководцев и ораторов: Демосфена, Перикла, Цицерона, Цезаря и Катона. «С детства изучая историю греков и римлян, — признавался поручик Каховский, — я был воспламенен героями древности».⁶⁴ «Я вспоминал, — говорил Пестель, — блаженные времена Греции, когда она состояла из республики, и жалостное ее положение потом. Я сравнивал величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под правлением императоров».⁶⁵ И. Д. Якушкин в своих «Записках» рассказывает: «В то время

⁶³ Памяти декабристов, т. I, стр. 62.

⁶⁴ Восстание декабристов, т. I, стр. 343.

⁶⁵ Там же, т. IV, стр. 91.

мы страстно любили древних: Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого из нас почти настольными книгами».⁶⁶ В одной из своих записок (11 июля 1830 года) А. О. Корнилович писал из крепости Николаю I: «Всех нас учили древней историей, и для этого давали читать Плутарха, Тацита и проч., не предварив, что сии писатели занимались своими сочинениями во время упадка Римской империи; что, описывая первые времена своего отечества, они преимущественно имели в виду исторгнуть своих сограждан от их нравственного унижения и пробудить в них гражданские доблести; а поэтому, мало заботясь о верности повествования, выбирали из ряда событий самые разительные и представляли их в собственном свете, и если подбирали к ним тени, то в таком только случае, когда сие благоприятствовало их видам. Нам же выдавали это за непреложные истины: от этого рождались в нас преувеличенные понятия, которые мы принимали тем склоннее, что наши тогдашние лета были годами мечтательности и энтузиазма».⁶⁷ Следует учесть, что это говорил воспитанник «ученой республики», где действительно изучали древнюю историю, читали Плутарха и Тацита, описывали в своих сочинениях «первые времена своего отечества» и пробуждали «гражданские доблести».

Речи Перикла, Катона и других великих мужей древности способствовали популярности среди участников тайного общества особого искусства — искусства красноречия. Н. И. Гнедич еще в 1821 году учил «соревнователей» произносить гражданские речи. Сам он был отличным оратором. Декабристы учились красноречию и у древних ораторов, и у своих современников, таких, как Гнедич. В «ученой республике» проблема красноречия разрешалась более теоретически, нежели практически: освещались классические традиции красноречия, широко применялся метод исторических аналогий и т. п. В квартире Рылеева, куда перед 14 декабря собрались члены Северного общества на совещание, бессонные ночи проходили в речах, полных высокого энтузиазма. Но только там, в квартире Рылеева, ораторское искусство теряло свой академизм и окончательно солидаризировалось с красноречием ораторов и публицистов Великой французской революции.

8

Обозревая 1825 год, нельзя миновать «Полярную звезду», над подготовкой которой трудился рылеевский домашний комитет. Третья книжка альманаха вышла с значительным опозданием — 21 марта 1825 года. В это время Рылеев и Александр Бестужев возглавляли Северное общество и практически готовились к предстоящим революционным событиям. «Полярная звезда на 1825 год»

⁶⁶ Записки И. Д. Якушкина. СПб., 1905, стр. 19.

⁶⁷ П. Е. Щеголев. Декабристы. Изд. «Былое», Пгр., 1920, стр. 70—71.

отличалась особой целеустремленностью, в ней были помещены программные произведения декабристской литературы, полные «про-роческого духа». Альманах открывался статьей Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов». Бестужев обосновывал необходимость в жизни и в литературе сильных характеров, способных «делом или словом» прославить отечество. «Сколько людей, которые бы могли прославить делом или словом свое отечество, гибнут, дремля душой в вихре модного ничтожества, мелькают по земле, как пролетная тень облака». Рылеев в «Гражданине», а за ним и Лермонтов в «Думе» посылали в адрес молодого поколения тот же упрек. Вместо того чтобы думать о судьбе родины, воспитывать в себе чувство гражданской ответственности, готовиться к борьбе, способные люди не находят дела, понапрасну растрачивают свои силы, бесцельно проводят жизнь. Бестужев снова предупреждает, что «слава не всегда летит об руку с Гением», передовых людей «часто современники гнали, не понимая их; но звезда будущей славы согревала рвение и озаряла для них мрак минувшего, которое вопрошали они, дабы разгадать современное и научить потомство». Иначе говоря, «терновую стезею лишений пробивались они к совершенству».⁶⁸ Иллюстрируя свою мысль примерами из литературы, Бестужев ссылается на «просветителей народов» Альфиери и Байрона. «Римлянин Альфиери, неизмеримый Байрон гордо сбросили с себя золотые цепи Фортуны, презрели всеми заманками большого света — зато целый счет под ними и вечный день славы их наследие».⁶⁹ В России имеются свои просветители, способные делом и словом служить общественному благу. В литературе — Пушкин, Рылеев, Грибоедов. Пушкин в «Разговоре с книгопродавцем» «кипит благородными порывами человека, чувствующего себя человеком».⁷⁰ Рылеев в «Войнаровском» полон «высоких чувств». «Скромность заграждает мне уста на похвалу», — тут же замечает Бестужев.⁷¹ О «Горе от ума» Грибоедова Бестужев говорит, что «... будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных».⁷²

Здесь же, в третьей книжке альманаха, напечатаны «Братья-разбойники» и отрывок из «Цыган» Пушкина, «Исповедь Наливайко» Рылеева, «Отрывок из Гете» Грибоедова, письмо «Гибралтар» Н. Бестужева, повести «Ревельский турнир» и «Изменник» А. Бестужева, «исторический анекдот» о Петре I Корниловича, отрывок из XII песни «Илиады» Гнедича, патриотическое стихотворение «Нашествие Мамаю» Григорьева, две басни («Мельник» и «Ворона») Крылова, отрывок из повести в стихах «Разбойники» Языкова. Конечно, содержание альманаха не исчерпывается упо-

⁶⁸ «Полярная звезда на 1825 год», стр. 8—9.

⁶⁹ Там же, стр. 9.

⁷⁰ Там же, стр. 14.

⁷¹ Там же, стр. 15.

⁷² Там же, стр. 18.

мянутыми произведениями. В «Полярной звезде», как и прежде, печатаются политически нейтральные стихотворения Плетнева, Филимонова, Василия Пушкина, Остолопова, «восточные повести» Сенковского, «Еще военной шутка» Булгарина. Но основное направление создают произведения декабристского пафоса. Даже отрывок из «Илиады», не говоря уже о поэмах Пушкина, мог быть истолкован как своеобразное подтверждение рылеевской идеи жертвенности.

В отрывке изображается Ахиллес, вступающий в бой, несмотря на предсказание коня Клефта, сулящее ему гибель. Рецензент «Северной пчелы» имел основание писать: «Вообще заметно было с самого появления „Полярной звезды“ (в 1823 году), что в ней преимущественно и стихи и проза говорили о нашей отчизне или посвящены были ее воспоминаниям. В нынешней „Полярной звезде“ это еще яснее».⁷³ Особого рода воспоминания: оглянуться на героическое прошлое, увидеть там примеры гражданской доблести, стойкости и благородства — такова основа декабристских воспоминаний. Многие произведения, вошедшие в «Полярную звезду на 1825 год», написаны с ясной пропагандистской целью. Были и такие среди них, которые писались авторами без особого политического умысла, но, попав на страницы альманаха, в окружение декабристских опытов в стихах и прозе, приобретали второй, подразумеваемый план, жили отраженным светом общей идейной концепции, включались в единый поток гражданских воспоминаний. В отрывке из повести в стихах «Разбойники» Языкова, тогда уже члена Вольного общества, воспевалась волжская вольница. О вольнице поэт писал с такой энергией и так эмоционально, что «разбойничья» песня легко могла стать песней дружеской, застольной, она звучала в лад с рылеевскими думами, соответствовала тем бурным, отважным переживаниям, которыми были охвачены постоянные посетители рылеевской квартиры, рылеевских «русских завтраков»..

Гремят и блещут небеса,
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!

Не чужа страха средь зыбей,
Душой не слушаешь природы,
Мы бьемся как-то веселей
При диком вое непогоды!

В лесах, в ущельях наши дни,
Всегда свободны, беззаботны,
Как туча сумрачны они,
Зато как туча быстролетны!

Гремят и блещут небеса,
Кипит отвага в сердце нашем,
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!

⁷³ «Северная пчела», 1825, №№ 40, 41.

Если можно спорить об иносказательности этой песни, то едва ли следует сомневаться в том, что Александр Бестужев в повести «Изменник» предупреждал слабовольных, напоминал о той «терновой стезе», которая ждет политических борцов. За восемь месяцев до декабрьского восстания Бестужев бросил клич: «Завидна смерть за родину, и честно будет погребение храброму от храбрых!». Здесь же, в третьей книжке альманаха, Рылеев с предельной художественной эмоциональностью выражал готовность к самопожертвованию во имя любви к родине:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю. . .
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

«Исповедь Наливайко» настолько поразила декабристов своим «пророческим духом», что Михаил Бестужев сказал однажды Рылееву: «Предсказание написал ты самому себе и нам с тобой».

Таким же гражданским назиданием и предсказанием наполнена повесть Бестужева «Замок Эйзен». В своей последней ливонской повести Бестужев пошел на прямое сближение рыцарских сюжетов с декабристской политической моралью, с декабристской идеей социального мщения.⁷⁴ Феодал Бруно, прославившийся деспотизмом, находил справедливого мстителя в лице племянника Регинальда. «Теперь ты в моих руках, — говорит Регинальд, привязывая его к дереву. . . — Пришел конец твой. От меня, брат, не проси и не жди пощады, ты сам никому не давал ее». Повесть «Замок Эйзен» писалась в год подготовки декабрьского восстания и уже была сдана в набор для предполагавшейся «Звездочки».⁷⁵ Повесть имела второе, знаменательное заглавие «Кр о в ь з а к р о в ь», как бы отзываются духом реальных событий, которые тогда надвигались.

⁷⁴ О ливонских повестях Александра Бестужева см.: В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. ГИХЛ, М., 1953, стр. 312—332.

⁷⁵ Для «Звездочки» была набрана также повесть Ореста Сомова «Гайдамак». И в этой повести мы видим социального мстителя в лице легендарного Гаркуши. Гаркуша расправляется с помещиками, защищает крестьян. Продолжая публиковать эту повесть в журналах и альманахах 30-х годов, Сомов один из отрывков напечатал в «Литературной газете». В этом отрывке Сомов писал о Гаркуше: «Гайдамак сей обирал богатых и наделял бедных, вся жизнь его была, так сказать, переменными пароксизмами презрения и сострадания, ненависти и любви к человечеству» («Литературная газета», 1830, № 7). О замысле этой повести, основанной на народных преданиях, пишет З. В. Кирилук в статье «О. Сомов критик и беллетрист пушкинской эпохи» («Сборник научных работ аспирантов филологического факультета Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко», 1960, № 1, стр. 44—45).

Собираясь на Сенатскую площадь, Рылеев говорил своим друзьям: «Итак, с богом! Судьба наша решена! К сомнениям нашим теперь, конечно, прибавятся все препятствия. Но мы начнем. Я уверен, что погибнем, но пример останется. Принесем собою жертву для будущей свободы отечества».⁷⁶ В связи с агитационно-пропагандистским красноречием следует рассматривать высокую декламационно-ораторскую поэзию и частично прозу декабристов. Принципы поэтического красноречия были намечены Глинкой в «Опытах двух трагических явлений». Глинка воспроизвел страстную речь Катона и тем самым дал первый пример красноречия, которому следует подражать. «Умрем иль воротим златые права», «Чем жизнь в униженьи, стократ лучше смерть!» (это из «Опытов» Глинки). В отрывке Александра Бестужева «Оратор» Демосфен призывал соотечественников: «Сразимся за свободу, победим или умрем!». Если «уже не для себя, то для позднейшего потомства своего... гражданин считает за счастье жертвовать жизнью», — увещевал слушателей красноречивый Перикл в статье А. М. Замятнина. «Мы умрем! ах! как славно мы умрем!», — произнес Одоевский на одном из собраний у Рылеева. «Погибну я за край родной» — это из «Исповеди Наливайко». И слова Рылеева, сказанные перед отправлением на Сенатскую площадь: «Я уверен, что погибнем, но пример останется». Искусством убеждать словом лучше всего владел Рылеев. Его поэзия — поэзия огромного ораторского пафоса.

⁷⁶ Воспоминания Бестужевых, стр. 82—83.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Исследователи декабристского движения (А. Н. Пыпин, В. И. Семевский) изучали устав Союза Благоденствия в отрыве от большой и многосторонней деятельности побочных Управ и «вольных обществ». Некоторое исключение представляют работы С. Н. Чернова. Новые изыскания позволяют шире поставить вопрос о «вольных обществах» в связи с историей декабристского движения.

2. Вольное общество училищ по методе взаимного обучения являлось своеобразным педагогическим филиалом Союза Благоденствия, оно должно было способствовать реализации первого пункта «Зеленой книги». Через это общество декабристы пытались осуществить свои педагогические идеи и руководить воспитанием подрастающего поколения. Выдающимся представителем «республиканской организации ланкастерских школ» в армии был В. Ф. Раевский, действовавший в Кишиневе. Декабристы изобрели собственную «методу» преподавания. Они шли на прямое сближение педагогических занятий с революционной пропагандой.

3. В ложе «Избранного Михаила» решались «нравственные проблемы»; свои «работы» ложа строила с учетом программных требований Союза Благоденствия, касающихся человеколюбия. Согласно уставу, членам ложи предписывалось «изыскать способы к облегчению страждущих и несчастных», распространять «любовь к человечеству», «щедролюбие и вспомощение бедным». Все это явно перекликается с соответствующим разделом «Зеленой книги». В этой связи большой интерес представляют речи «михайловцев», содержащие в себе иносказательные описания, близкие декабристской литературе.

4. Вольное общество любителей российской словесности, провозглашенное в 1818 году «ученой республикой», являлось литературным плацдармом декабристов, оно сыграло значительную роль в идеологической и литературно-эстетической подготовке деятелей восстания 14 декабря, а также оказало влияние на формирование взглядов передовой литературной молодежи, не входившей в тайные общества, но испытывавшей на себе влияние декабристских идей.

5. Конечно, далеко не все «соревнователи», члены Вольного общества, придерживались прогрессивных позиций. В Вольном обществе сотрудничали и такие заведомо консервативные литераторы, как гр. Хвостов, Б. Федоров, В. Каразин, принципиальные противники декабристов или просто люди случайные, без серьезных убеждений примкнувшие к передовому движению. Идеиная программа «ученой республики» осуществлялась в напряженной борьбе с правыми «соревнователями». Важно, что все основные дискуссии в Вольном обществе кончались победой декабристов и их единомышленников.

6. Историю недостаточно изучать только по деятельности выдающихся представителей эпохи. Часто незаметные, второстепенные, на первый взгляд, участники декабристского движения дают ценнейший материал для понимания основных закономерностей и тенденций развития общественного и литературного процесса, для понимания сложных путей становления нового, передового опыта. Это можно сказать о многих «соревнователях», в частности о Н. И. Кутузове, малоизвестном члене Союза Благоденствия, о непримечательном секретаре Вольного общества А. А. Никитине и др. Особенно следует отметить деятельность Ф. Н. Глинки и Н. И. Гнедича как руководителей «ученой республики» и воспитателей литературной молодежи.

7. В. Н. Каразин использовал свое положение в Вольном обществе, чтобы собирать сведения о «брожении умов», которые он передавал для ознакомления министру внутренних дел В. П. Кочубею. Борьба с Каразинным в 1820 году — яркий эпизод в жизни «ученой республики», крупная победа передовых литераторов, выступавших в защиту Пушкина и декабристов.

Сохранившиеся «Дневные записки» Каразина свидетельствуют о том, что он готовил донос на «ученую республику» и Пушкина, который «злословит государя» и «написал презельную оду, где досталось фамилии Романовых вообще, а государь Александр назван кочующим деспотом». Удаление Пушкина из Петербурга прямым образом связано с доносами Каразина: 2 апреля 1820 года он послал гр. Кочубею записку, в которой сообщал о существовании какого-то «подозрительного союза» и о Пушкине, который сочиняет эпиграммы на «двуглавого орла»; 12 апреля, т. е. ровно через 10 дней после упомянутого доноса, Каразин был принят гр. Кочубеем и от него узнал, что Александр I, познакомившись с запиской о «подозрительном союзе», более всего заинтересовался сведениями о Пушкине.

Прослышав о действиях Каразина и об опасности, нависшей над Пушкиным, «ученая республика» в лице своих лучших представителей заявила протест против Каразина и взяла под защиту Пушкина. Каразин в известном доносе от 4 июня правильно разгадал основную идею поэтического воззвания Кюхельбекера, определив стихотворение «Поэты» как выступление «ученой республики»

в связи с предполагаемым удалением Пушкина из Петербурга, когда высылка «сделалась гласною». Кюхельбекер читал свое стихотворение на втором чрезвычайном собрании Вольного общества, состоявшемся 22 марта 1822 года.

Осенью 1820 года, после событий в Семеновском полку, Каразин продолжил свои беседы с гр. Кочубеем. Содержание одной из осенних бесед нам известно по сокращенной записи Кочубея, сохранившейся в «Деле о рассмотрении в Комиссии бумаг, найденных в кабинете покойного государя». 28 октября Каразин доставил в особую канцелярию Министерства внутренних дел списки стихотворений «К временщику» Рылеева и «Подражание первой сатире Буало» А. Бестужева как образце республиканского образа мыслей. В числе главных зачинщиков заговора назван Н. И. Тургенев. В доносе недоставало Глинки, но Каразин одновременно посылал гр. Кочубею стихотворение «какого-то полковника», написанное в защиту семеновцев. В напряженные осенние дни 1820 года донос Каразина мог печальным образом отозваться на Союзе Благоденствия.

История с Каразиним напоминает историю с корнетом лейб-гвардии Роновым, который за свой донос на общество Глинки—Кутузова поплатился ссылкой в один из уездных городов. Каразин оказался в руках гр. Милорадовича и был выслан из Петербурга. Глинка использовал свое положение в канцелярии Милорадовича в целях декабристской «контрразведки».

8. 1821 год в истории Вольного общества любителей российской словесности ознаменован исключительно важным событием. После ликвидации Союза Благоденствия Вольное общество приняло на себя функции своеобразной управы распущенного Союза по отрасли просвещения, «изящной словесности» и «ученых упражнений». С 1822 года действительными членами Вольного общества становятся Рылеев, Александр и Николай Бестужевы, Корнилович. Со временем Вольное общество превратилось в литературную организацию, где руководящая роль принадлежала Глинке, Рылееву и Бестужевым.

9. Стремясь превратить «ученую республику» в литературный филиал Северного общества, в конце 1823 года декабристы создали домашний комитет Вольного общества, который можно назвать рылеевским комитетом. Не прекращая своей деятельности вплоть до 14 декабря 1825 года, «ученая республика» в 1824—1825 годах пополнилась новыми «соревнователями», доказавшими «делом или словом» свою преданность передовому общественному движению. В 1825 году в действительные члены Вольного общества принимается Грибоедов. Рылеев и Бестужев используют «ученую республику» для проверки и испытания наиболее прогрессивно настроенных литераторов в целях их дальнейшего привлечения в тайное общество.

10. В недрах Вольного общества зародились два альманаха — «Полярная звезда» и «Северные цветы». «Северные цветы» Плет-

нсва и Дельвига возникли в противовес декабристскому альманаху. Спор декабристских литераторов с Плетневым, а затем полемика с «партией положительного безвкусия» Цертелева и Федорова, нашедшая наиболее яркое отражение в подготовительных собраниях к публичному выступлению «соревнователей» в доме Державина 22 мая 1823 года — еще одно доказательство напряженной идейной и литературной борьбы в «ученой республике». Декабристы снова одерживают значительную победу над правыми группировками в Вольном обществе.

11. Анализ сохранившихся протоколов и отчетов Вольного общества позволяет хотя бы частично восстановить творческую историю «ученой республики» и ее значение в становлении и развитии декабристской эстетики, художественной литературы и публицистики.

Одной из главных форм деятельности Вольного общества любителей российской словесности являлись так называемые «ученые упражнения». «Ученые упражнения» — это вовлечение науки и литературы в политическую практику. «Ученые упражнения» показывают систему отбора декабристами исторического и литературного материала.

Содержание отдельных художественных произведений, научных трактатов и речей свидетельствует о постоянном внимании «ученой республики» к античной гражданственности, к национально-освободительной борьбе греческого и испанского народов, к истории древнего Новгорода, к жизнеописаниям «великих мужей России».

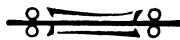
На заседаниях Вольного общества впервые читались декабристские опыты в стихах и прозе. Глинка и Бестужевы в своих повестях, Рылеев в думах, Корнилович и Кутузов в исторических обозрениях восстанавливали героическое прошлое для возбуждения гражданского мужества и вольнолюбивых чувств, выражали современную социальную действительность в образах национально-освободительной борьбы. Большое значение «соревнователи» придавали изучению идейного наследия эпохи просвещения, социально-политическим проблемам. Среди «соревнователей» были «попутчики» декабристов, которые также стремились оправдать своими «упражнениями» высокое звание члена «ученой республики» и внести посильный вклад в развитие гражданской литературы.

Вольное общество любителей российской словесности осуществляло свою программу в борьбе с партией «благонамеренных» писателей. Наиболее яркое выражение эта борьба нашла в эпизоде с Каразиным по поводу его речи «Об ученых обществах и периодических сочинениях в России» и в эпизоде с кн. Цертелевым, представившим на рассмотрение «ученой республики» статью о Державине, снижавшую общественное значение поэта XVIII столетия. Как об этом свидетельствуют неоднократные выступления «соревнователей», Державин воплощал в их сознании образ большого гражданского поэта, а его поэзия — образец дельности, мужества и энер-

гии. Отношение декабристов к Державину имеет принципиальное значение для понимания национальных традиций гражданской поэзии.

Спор о Державине перерос в спор о романтизме. В Вольном обществе понимали под романтизмом национальную индивидуальность в поэзии, присутствие в поэзии национальной жизни. Декабристы и их единомышленники считали, что в самой истории и в культуре русского народа заложены все возможности для развития самобытной русской литературы. Эстетика декабристов предполагает активное отношение к действительности, связь литературы и политики, воспроизведение героических, гражданских характеров и подвигов. Обратной стороной национальной самобытности является русский вольнолюбивый патриотизм. В Вольном обществе Рылеев и Бестужев ратовали за гражданский романтизм. Для них история служит поводом для выражения гражданского настроения, они тревожили прошлое в интересах настоящего и будущего. «Ученая республика» постоянно занималась изучением истории, мечтая создать «Исторический словарь» и «Жизнеописание великих мужей России». Никто другой из поэтов и ученых Вольного общества не сумел лучше Рылеева дать художественную трактовку русского прошлого в духе устремлений и идеалов декабризма.

Особое значение «ученая республика» придавала ораторскому красноречию. С этой целью изучалось «достоинство речей, говоренных греками и римлянами». Высшим достижением декабристского поэтического красноречия является поэзия Рылеева. Образец трибунного красноречия — речи Гнедича в Вольном обществе и Кюхельбекера в Париже. Проза Александра Бестужева имеет самое непосредственное отношение к ораторскому стилю, к декабристскому витийству. На заседаниях Северного общества красноречие теряло свою академическую форму и окончательно сближалось с декабристской политической агитацией, с красноречием декабристских пропагандистов, замышлявших «приготовить дух войска для всякого случая».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЖУРНАЛ УЧЕНЫХ УПРАЖНЕНИЙ
 ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
 ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
 РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

1820 год

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ГОДА

Заседание I

Января 5 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
 члены — А. Д. Боровков, В. Г. Анастасевич, А. А. Никитин, И. А. Га-
 рижский, И. Н. Лобойко, И. Д. Боровков, барон А. А. Дельвиг, П. А. Плет-
 нев, Д. В. Сахаров, А. Ф. Рихтер, И. И. Брыков, В. К. Кюхельбекер,
 П. Н. Арапов и Э. Я. Ходаковский.

№	Слушали	Определили	Избрано или нет
	В прозе		
1	Европейские письма. Соч. В. К. Кюхельбекера. Письма V, VI, VII и VIII.	Одобрено.	Избрано.
2	Смерть Лукреции (из Ливия). С латинск. кол. ассес. Никиты Федоровича Белюстина. Дост. И. И. Брыковым.	Одобрено.	Избрано.
3	Зоя, или не следуйте системам философов. С фр. И. К. Аничкова.	Одобрено.	Избрано.
4	О гробах в Захлумской земле. В долинах между селом Чистым и Ловричем. Из путешествия князя Алекс. Сапеги. С польск. Э. Я. Ходаковского.	Исправить многие несвойственные русскому языку выражения.	Избрано.

5	Дневная записка Иосифа Сенковского о путешествии его из Вильно чрез Одессу в Стамбул. С польск. В. Г. Анастасевича.	Исправить.	
В стихах			
6	Дифирамб (из Бакхилида). Пер. В. К. Кюхельбекера.	Одобрено.	Избрано.
7	Мечта. Соч. его же (г. Кюхельбекера).	Одобрено.	Избрано.
8	Мысль удалившегося от света. А. А. Волковой.	Исправить.	Избрано.
9	Мать и сын (идиллия). Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избрано.
10	Надпись к портрету А. С. Шишкова. Соч. Николая Рейнсдорфа. Дост. А. А. Крыловым.		Не избрано.
11	Надпись баснописцу Крылову. Соч. И. Георгиевского. Дост. графом Д. И. Хвостовым.		Не избрано.
12	Надпись А. Е. Измайлову. Соч. его же. Дост. тем же.		Не избрано.

Заседание II

Января 12 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 помощник председателя — В. Н. Каразин;
 члены — В. Г. Анастасевич, А. А. Никитин, И. А. Гарижский,
 И. Н. Лобойко, И. Д. Боровков, Н. И. Греч, Д. В. Сахаров, П. А. Плетнев,
 И. И. Брыков и И. Г. Покровский.

В прозе			
13	Об исландских писателях. Пер. г. кандидата Харьковского университета Василья Ивановича Брайкевича. Дост. И. Н. Лобойко.	Одобрено.	Избрано.

Заседание III

Января 19 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
 помощник председателя — В. Н. Каразин;
 члены: В. Г. Анастасевич, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, И. Н. Лобойко, И. Д. Боровков, П. А. Плетнев, граф Д. И. Хвостов, Д. В. Сахаров, А. Ф. Рихтер, К. К. фон Гольстен и И. Н. Вольгемут.

	В прозе		
14	Полиметры. Из Жан-Поля Рихтера и другие отрывки. Пер. В. К. Кюхельбекера.		Не избрано.
	В стихах		
15	Послание к Д. .чу. Соч. г. Баратынского. Дост. бароном А. А. Дельвигом.	Одобрено.	Избрано.
16	Послание к К. .ву. Соч. его же. Дост. тем же.	Исправить.	Избрано.

Заседание IV

Января 26 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 помощник председателя — В. Н. Каразин;
 члены — А. Д. Боровков, В. Г. Анастасевич, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, И. Н. Лобойко, И. Д. Боровков, барон А. А. Дельвиг, П. А. Плетнев, В. К. Бриммер, Н. И. Греч, Б. М. Федоров, А. Ф. Рихтер, В. К. Кюхельбекер, В. И. Брайкевич и А. Д. Гиппинг.

	В прозе		
17	Несколько походных записок русского офицера, изданных гвардии отставным штабс-капитаном Иваном Ивановичем Лажечниковым. Дост. Н. И. Гречем.	Одобрено.	Избрано.
18	Европейские письма. Соч. В. К. Кюхельбекера (письма IX, X и XII).	Исправить согласно с сделанными обществом замечаниями.	Избрано.
	В стихах		
19	История жизни. Надпись на гробнице Агатона. Соч. Б. М. Федорова.	Одобрено.	Избрано.

Заседание V

Февраля 2 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
 помощник председателя — В. Н. Каразин;
 члены — А. Д. Боровков, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, И. Н. Лобойко, барон А. А. Дельвиг, М. М. Сонин, Б. М. Федоров, И. И. Брыков, В. К. Кюхельбекер и В. И. Брайкевич.

	В прозе		
20	Отрывок из статистического обозрения Слободско-Украинской губернии. Соч. В. Н. Каразина.	Одобрено.	Избрано.

В стихах			
21	К Лице. Соч. пажа г. Креницына. Дост. А. Никитиним.	Одобрено.	Избрано.
22	Две шарады (Ра-дуга и Чуваш). Соч. И. И. Брыкова.	Исправить.	Избрано.

Заседание VI

Февраля 9 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 помощник председателя — В. Н. Каразин;
 члены — А. Д. Боровков, В. Г. Анастасевич, А. А. Крылов, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, И. Н. Лобойко, барон А. А. Дельвиг, П. А. Плетнев, М. М. Сонин, Н. И. Греч, Д. В. Сахаров, Б. М. Федоров, А. Ф. Рихтер, В. К. Кюхельбекер, П. Н. Арапов, А. Д. Гиппинг, И. И. Лажечников и В. И. Брайкевич.

В прозе			
23	Разбор оды «Бог» на латинском языке. В. Н. Каразина.	Одобрено.	Избрано.
24	Две сцены из комедии «Доброй малой». Соч. г. титул. советника Михайлы Николаевича Загоскина. Дост. Б. М. Федоровым.	Одобрено.	Избрано.
В стихах			
25	Идиллия «Дафнис и Милон». Соч. г. титул. советника Владимира Ивановича Панаева. Дост. В. Н. Каразиним.	Одобрено.	Избрано.
26	Басня «Лев и Лисица». Соч. П. Н. Арапова.	Одобрено.	Избрано.

Заседание VII

Февраля 16 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
 помощник председателя — В. Н. Каразин;
 члены — А. Д. Боровков, А. А. Крылов, В. Г. Анастасевич, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, И. Н. Лобойко, И. Д. Боровков, П. А. Плетнев, М. М. Сонин, А. П. Гевлич, А. Ф. Рихтер, В. К. Кюхельбекер, Б. М. Федоров, Д. В. Сахаров, С. П. Власов, П. Н. Арапов, В. И. Брайкевич, И. И. Брыков и И. И. Лажечников.

В прозе			
27	О этрусках. Соч. А. Ф. Рихтера.	Исправить слог.	Избрано.

28	История переворотов Норвегии, сопровождаемая изображением нынешнего ее состояния и о связях оной со Швециею. Пер. Ив. И. Брыкова.	Исправить.	Избрано.
29	Ученые известия. О новой синей краске. Соч. С. П. Власова. В стихах	Одобрено.	Избрано.
30	Василий Новгородский. Повесть в духе старинных русских стихотворений. Соч. коллеж. ассессора князя Н. А. Цертелева. Дост. В. Н. Каразиным.	Оставлено без баллотирования, ибо напечатана в «Сыне отечества».	Избрано.
31	Баллада «Большая девица». Соч. В. К. Кюхельбекера.	Одобрено.	Избрано.

Заседание VIII

Февраля 23 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены: А. Д. Боровков, А. А. Крылов, В. Г. Анастасевич, А. А. Никитин, А. А. Гарижский, И. Н. Лобойко, И. Д. Боровков, Ал. К. Дуро, барон А. А. Дельвиг, П. А. Плетнев, М. М. Сонин, Е. П. Люценко, А. Е. Измайлов, А. Ф. Рихтер, В. К. Кюхельбекер, Д. В. Сахаров, Б. М. Федоров, В. И. Панаев, М. Н. Загоскин, князь Н. А. Цертелев, И. К. Аничков, И. Г. Покровский, К. А. Эттер, В. И. Брайкевич, Ф. И. Герман, Д. С. Меншенин и Э. Я. Ходаковский.

В прозе

32	Отрывок из рассуждения о поэзии вещей или предметов. Соч. князя Н. А. Цертелева.	Одобрено.	Избрано.
33	Опыт исторического исследования об образовании человеческих способностей по части минералогии. Соч. Г. Г. Гесса де Кальве, пер. с нем. Ал. К. Дуропа.	Одобрено.	Избрано.
34	Отрывок из путешествия графа Форбена в Левант. С фр. Ал. К. Дуропа.	Одобрено.	Избрано.
В стихах			
35	Идиллия, Осень. Соч. В. И. Панаева.	Одобрено.	Избрано.
36	Послание к Л... Соч. Е. А. Баратынского.	Одобрено.	Избрано.

Заседание IX

Марта 1 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глипка;
 помощник председателя — В. Н. Каразин;
 члены — А. Д. Боровков, А. А. Крылов, В. Г. Анастасевич, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, И. Н. Лобойко, И. Д. Боровков, барон А. А. Дельвиц, П. А. Плетнев, М. М. Сонин, граф Д. И. Хвостов, А. П. Гевлич, А. Е. Измайлов, Н. И. Греч, Д. В. Сахаров, А. Ф. Рихтер, В. К. Кюхельбекер, Б. М. Федоров, В. И. Панаев, М. Н. Загоскин, князь Н. А. Цертелев, граф Ф. П. Толстой, С. П. Власов, И. К. Аничков, И. Г. Покровский, В. И. Брайкевич, А. Д. Гиппинг, Ф. И. Герман и Д. С. Меньшенин.

В прозе									
37	Новое соединение селитротвора (азота) и кислотвора. Соч. С. П. Власова. Г. член-сотрудник производил сие на опыте в обществе.	Одобрено.	Избрано.						
38	Любители словесности. Соч. М. Н. Загоскина.	Одобрено.	Избрано.						
В стихах									
39	<table style="border: none; margin-left: 20px;"> <tr> <td style="padding-right: 10px;">Три песни</td> <td rowspan="4" style="font-size: 2em; padding: 0 10px;">}</td> <td rowspan="4" style="vertical-align: middle;">Соч. В. А. Жуковского.</td> </tr> <tr> <td>Три путника</td> </tr> <tr> <td>Песнь бедняка</td> </tr> <tr> <td>Гаральд</td> </tr> </table>	Три песни	}	Соч. В. А. Жуковского.	Три путника	Песнь бедняка	Гаральд	Одобрено.	Избрано.
Три песни		}			Соч. В. А. Жуковского.				
Три путника									
Песнь бедняка									
Гаральд									
40	Одобрено.	Избрано.							
41	Одобрено.	Избрано.							
42	Одобрено.	Избрано.							
43	И. И. Дмитриеву на случай чтения Н. М. Карамзиным в торжественном Рос. Академии собрании некоторых мест из IX тома его истории. Соч. графа Д. И. Хвостова.	Исправить некоторые стихи.	Избрано.						
44	Зима. Соч. В. К. Кюхельбекера.	—	Не избрано.						
45	Шесть шарад (Меч-тать, Колчан, Сук-но, Е-гарь, У-голь, Э-рот). Соч. А. А. Иванова.	Исправить совершенно.							

Заседание X

Марта 8 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
 помощник председателя — В. Н. Каразин;
 члены — А. Д. Боровков, А. А. Крылов, В. Г. Анастасевич, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, И. Н. Лобойко, П. А. Плетнев, В. К. Бриммер, Б. М. Федоров, Д. В. Сахаров, А. Ф. Рихтер, князь Н. А. Цертелев, С. П. Власов, И. И. Брыков, В. С. Алферьев и П. Н. Арапов.

В прозе			
46	Краткое известие о городе Полоцке. Пер. В. Г. Анастасевич.	Одобрено.	Избрано.
47	Мысли при чтении книги «Сочинения в стихах и прозе» К. Батюшкова. Соч. В. К. Бриммера.	—	Не избрано.
48	Восстановление золота из его раствора серебром. Соч. С. П. Власова. Г. член-сотрудник производил сие на опыте в обществе.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XI

Марта 22 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — А. Д. Боровков, А. А. Крылов, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, барон А. А. Дельвиг, П. А. Плетнев, М. М. Сонин, Е. П. Ковалевский, Д. В. Сахаров, В. К. Кюхельбекер, М. Н. Загоскин, П. Н. Арапов, В. И. Брайкевич, И. Г. Покровский и Д. С. Меншенин.

В прозе			
49	Об упоминаемом в славянских летописях походе русских в Финляндию. Соч. А. Д. Гиппинга. Пер. с нем. г. Гака.	Исправить слог.	Избрано.
50	О северной поэзии, ее происхождении и характере. Пер. В. И. Брайкевича.	Одобрено.	Избрано.
51	О Цирее и сиренах. Из «Lettres à Emilie sur la Mythologie». С фр. И. Г. Покровского.	Одобрено.	Избрано.
В стихах			
52	К Шульгину. Соч. барона А. А. Дельвига.	Одобрено.	Избрано.
53	Видение. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
54	Элегия. На кончину М. В. С. . . ой. Соч. П. Н. Арапова.	Исправить.	Избрано.
55	Поэты. Соч. В. К. Кюхельбекера.	Одобрено.	Избрано.
56	Возраст счастья. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
57	Весна (элегия). Соч. Е. А. Баратынского.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XII

Апреля 5 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

ч л е н ы — А. Д. Боровков, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, Е. П. Люценко, М. М. Сонин, П. И. Кеппен, В. К. Кюхельбекер, А. Ф. Рихтер, Б. М. Федоров, М. Н. Загоскин, К. К. фон Гольстен и В. И. Брайкевич.

	В п р о з е		
58	О некоторых вновь вышедших английских книгах. С нем. А. Ф. Рихтера.	Исправить.	Избрано.
	В с т и х а х		
59	Сцены из трагедии «Юлий Цезарь». Соч. Б. М. Федорова.	Одобрено.	Избрано.
60	Омоним (станс). Соч. М. М. Сонины.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XIII

Апреля 12 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

п р е с е д а т е л ь — Ф. Н. Глинка;

ч л е н ы: А. А. Никитин, И. А. Гарижский, барон А. А. Дельвиг, М. М. Сонин, П. И. Кеппен, Ф. Ф. Папкович, М. Н. Загоскин, Б. М. Федоров, И. К. Аничков, А. А. Владиславлев и В. И. Брайкевич.

	В п р о з е		
61	Донесение обществу г. действительного члена П. И. Кеппена о составленном г. почетным членом Ф. П. Аделунгом обзорней всех языков и наречий.	Одобрено.	Избрано.
	В с т и х а х		
62	Премудрости Соломона. Глава II. Соч. гр. Д. И. Хвостова.	Исправить совершенно.	Избрано.
63	Послание к... Соч. г. Иванова. Дост. из М. Зятковицы.		Не избрано.
64	Послание к А. С. Норову. Соч. Б. М. Федорова.	Одобрено.	Избрано.
65	Баллада «Федор и Маша». Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
66	Мое сетование и надежда. Соч. Ив. Гонорского. Дост. В. И. Брайкевичем.	Исправить.	Избрано.
67	Разговор с гением. Соч. барона А. А. Дельвига.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XIV

Апреля 19 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

п р е с е д а т е л ь — Ф. Н. Глинка;

ч л е н ы — А. Д. Боровков, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, И. Д. Боровков, барон А. А. Дельвиг, П. А. Плетнев, Е. П. Люценко, М. М. Сонин, П. И. Кеппен, В. К. Бриммер, Ф. Ф. Папкович, В. К. Кюхельбекер, М. Н. Загоскин, граф Ф. П. Толстой, А. А. Владиславлев, И. И. Брыков, В. И. Брайкевич и Е. А. Баратынский.

В прозе			
68	Путешественник. Соч. М. Н. Загоскина.	Одобрено.	Избрано.
69	Отрывки из походных записок: 1) Лаун в Богемии и 2) Город Вейсенфельс. Соч. И. И. Лажечникова.	Одобрено.	Избрано.
70	Разговор между А. и Б. С нем. В. К. Бриммера.	Одобрено.	Избрано.
В стихах			
71	Финляндия. Соч. Е. А. Баратынского.	Одобрено.	Избрано.
72	Мадригал Финским красавцам. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.

З а с е д а н и е X V

Мая 3 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

ч л е н ы — А. А. Никитин, Ф. Ф. Папкович, П. А. Плетнев, Е. П. Люценко, В. К. Кюхельбекер, В. И. Панаев, М. Н. Загоскин, Д. В. Сахаров, князь Н. А. Цертелев, Б. М. Федоров, А. Ф. Рихтер, И. К. Аничков, П. Н. Арапов, В. И. Брайкевич, Я. М. Лыкошин, Я. Г. Ковалев и П. А. дю Брукс.

В прозе			
73	Дон Карлос. Исторический отрывок. Соч. Я. М. Лыкошина.	Одобрено.	Избрано.
74	О военном искусстве у римлян. С фр. Я. Лыкошина. Дост. Ф. Н. Глинкою.	Одобрено.	Избрано.
75	О влиянии климата на образ, нравы и дарования народа. А. П. Бунинной.	Одобрено.	Избрано.
76	О Петре I. Соч. Д. В. Сахарова.	Исправить.	Избрано.
77	О поэзии слова. Соч. князя Н. А. Цертелева.	Одобрено.	Избрано.
78	О главных эпохах немецкой словесности. С фр. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избрано.
В стихах			
79	Голос дружбы. Соч. Я. Г. Ковалева.	Одобрено.	Избрано.

80	Путешествие. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
81	Сцена из комедии «Городской житель в провинции». Соч. П. Н. Арапова.	Одобрено.	Избрано.
82	Незабудка. Баллада. Соч. Б. М. Федорова.	Одобрено.	Избрано.
83	Невольное бессмертие. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избрано.
84	Сирота. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
85	К Г. Т... Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избрано.
86	Перелетная птичка. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
87	К N... Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
88	Вихрь и Зефир (басня). Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XVI

Мая 10 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

помощник председателя — А. Е. Измайлов;

члены — А. Д. Боровков, П. И. Кеппен, Ф. Ф. Папкович, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, Ал. К. Дуроп, П. А. Плетнев, М. М. Сонин, граф Д. И. Хвостов, В. К. Бриммер, Е. П. Ковалевский, Д. И. Воронов, И. Н. Лобойко, Д. В. Сахаров, Б. М. Федоров, В. И. Панаев, М. Н. Загоскин, князь Н. А. Цертелев, А. Ф. Рихтер, И. И. Лажечников, граф А. Ф. Ланжерон, барон Б. М. Фитингоф, граф Ф. П. Толстой, И. К. Аничков, О. М. Сомов, И. И. Брыков, П. Н. Арапов, Я. М. Лыкошин, Я. Г. Ковалев, В. И. Брайкевич и П. А. дю Брукс.

В прозе

89	О северной поэзии, ее происхождении и характере (продолжение). Пер. В. И. Брайкевича.	Исправить.	Избрано.
----	---	------------	----------

В стихах

90	Отрывок из дидактического опыта об астрономии. Соч. г. Норова. Дост. А. Е. Измайловым.	Возвращен г. сочинителю по просьбе г. помощника председателя.	
91	Эпиграмма «Авторская скромность». Соч. П. Н. Арапова.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XVII

Мая 24 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

помощник председателя — А. Е. Измайлов;

ч л е н ы — А. Д. Боровков, П. И. Кеппен, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, Ф. Ф. Папкович, И. Д. Боровков, П. А. Плетнев, М. М. Сонин, Е. П. Ковалевский, Е. П. Люценко, Н. И. Греч, В. К. Кюхельбекер, А. Ф. Рихтер, князь Н. А. Цертелев, граф А. Ф. Ланжерон, О. М. Сомов, П. Н. Арапов, В. И. Брайкевич, Я. М. Лыкошин, Я. Г. Ковалев и П. А. дю Брукс.

В прозе			
92	О философии французов. С фр. А. Д. Боровкова.	Исправить.	Избрано.
93	Письмо к князю Н. А. Цертелеву из Парижа О. М. Сомова.	Исправить.	Избрано.
94	Замечания г. действит. члена П. И. Кеппена по случаю издания князем Н. А. Цертелевым «Опыта собрания старинных малороссийских песен».		
95	Письмо с острова Сен-Доминго. Соч. капитана Эрикссена. Дост. Н. И. Гречем.	Возвращено Н. И. Гречу для помещения в «Сыне отечества».	Не избрано.
В стихах			
96	Руслан и Людмила (поэма), I песнь. Соч. А. Пушкина. Дост. Н. И. Гречем.	Возвращена г. автору по представлению Н. И. Греча.	

Заседание XVIII

Июня 8 дня. Вторник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

ч л е н ы — А. Д. Боровков, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, Ф. Ф. Папкович, И. Д. Боровков, барон А. А. Дельвиг, П. А. Плетнев, Е. П. Люценко, Ал. К. Дуроп, М. М. Сонин, Е. П. Ковалевский, граф Д. И. Хвостов, граф С. П. Салтыков, Н. И. Греч, Д. В. Сахаров, Б. М. Федоров, В. И. Панаев, В. К. Кюхельбекер, князь Н. А. Цертелев, А. Ф. Рихтер, И. И. Лажечников, О. М. Сомов, П. П. Свиньин, И. И. Ястребцов, А. С. Шишков, граф Ф. П. Толстой, Н. И. Гнедич, С. П. Власов, А. А. Владиславлев, И. И. Брыков, Я. Г. Ковалев, Я. М. Лыкошин, В. И. Брайкевич, Д. С. Меньшенин.

В прозе			
97	Рукопись Краюдворская. Собрание лирико-эпических богемских народных песнопений. Пер. с богемск. А. С. Шишкова.	Одобрено.	Избрано.
98	Мысли о судьбе человека и гражданских обществ. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избрано.
99	Люди. Письмо к Ф. Н. Глинке. Соч. Н. И. Греча.	Одобрено.	Избрано.

100	Письмо к Н. Ф. Остолопову о стихосложении старинных русских песен. Соч. князя Н. А. Цертелева.	Возвращено г. автору в его распоряжение.	Избрано.
101	Отрывок из походных записок русского офицера (город Нимтш). Соч. И. И. Лажечникова.	Одобрено.	Избрано.
102	Юпитер Аммон (из опыта полного мифологического словаря всех народов). Соч. барона М. А. Корфа.	Одобрено.	Избрано.
103	Отборные мысли. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избрано.
104	Бедность. Соч. Ф. Ф. Папковича.	Одобрено.	Избрано.
105	Мысли о внутреннем составе земли и прочих явлениях, к тому относящихся. Соч. С. П. Власова.	Одобрено.	Избрано.
106	Известие о путешествии, предпринятом г. Риччи во внутренность Африки. С фр. И. К. Аничкова.	Одобрено.	Избрано.
107	О происхождении художеств. Соч. А. П. Буниной.	Исправить.	Избрано.
В стихах			
108	Отрывок из трагедии «Федра» — «Смерть Ипполита». Пер. М. Е. Лобанова. Дост. Н. И. Гречем.	Возвращен г. переводчику.	Избрано.
109	Осень. Соч. Н. И. Гисдича.	Одобрено.	Избрано.
110	Весна. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избрано.
111	IX, X и XI явления 1-го и VI и VII явления 2-го действия трагедии Шиллера «Орлеанская девственница». Пер. В. А. Жуковского.	Возвращена г. переводчику в его распоряжение.	Избрано.
112	Сократизм. Соч. В. К. Кюхельбекера.	Одобрено.	Избрано.
113	К лавру над могилою Виргилия. Соч. Ал. К. Дуропа.	Одобрено.	Избрано.
114	Голос природы. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избрано.
115	Суд божий (народная сказка). Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избрано.
116	Басня Пирамида. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избрано.

Председатель Федор Глинка.
 Помощник председателя А. Измаилов.
 Секретарь общества А. Никитин.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ГОДА

Заседание XIX

Августа 2 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

помощник председателя — граф С. П. Салтыков;

члены — А. Д. Боровков, А. А. Никитин, М. М. Сонин, И. Д. Боровков, князь Н. А. Цертелев, барон А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, Е. П. Ковалевский, В. К. Бриммер, граф Д. И. Хвостов, Б. М. Федоров, О. М. Сомов, С. П. Власов, И. К. Аничков, А. А. Владиславлев, И. И. Брыков, Я. Г. Ковалев и Д. С. Меньшенин.

В прозе

117	Новые известия о находимых в Сибири костях чужеземных животных. Соч. Г. И. Спасского.	Одобрено.	Избрано.
118	О следствиях некоторого рода философии. С фр. А. Д. Боровкова.	Одобрено.	Избрано.
119	О сыром железе или чугуна. Пер. г. Любарского.	Поручить на рассмотрение Д. С. Меньшенину.	Избрано.
120	О песнях французских. Соч. Ал. В. Склабовского.		Не избрано.
121	О нравственной философии (разговор моралиста с эгоистом). Соч. В. К. Бриммера (начало).	Исправить.	Избрано.
122	Наставления модной матери. С фр. О. М. Сомова.	Исправить.	Избрано.
123	Зоуино. Мадагаскарская повесть. Соч. И. Е. Великопольского.	Исправить.	Избрано.
124	Известия о поучительных письмах миссии. С фр. неизвестного.	Исправить.	Избрано.

В стихах

125	Послание к моей музе. Соч. Я. Г. Ковалева.	Исправить.	Избрано.
126	К И. И. К...у. Соч. г. Кулибина.	Одобрено.	Избрано.
127	Крылову на отъезд его в деревню. Соч. П. А. Теряева.	Одобрено.	Избрано.
128	Роза. Соч. И. Е. Великопольского.	Одобрено.	Избрано.
129	Три эпиграммы. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XX

Августа 9 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

ч л е н ы — А. А. Никитин, М. М. Сонин, Ал. К. Дуропа, князь Н. А. Цертелев, Е. П. Люценко, Е. П. Ковалевский, П. И. Кеппен, В. К. Кюхельбекер, Б. М. Федоров, О. М. Сомов, А. А. Владиславлев, И. И. Брыков, В. И. Брайкевич, А. Ф. Рихтер.

В п р о з е

130	Рассуждение о прекрасном. С фр. А. А. Владиславлева.	Исправить.	Избрано.
131	Сон (отрывок из моего журнала). Соч. князя Н. А. Цертелева.	Исправить.	Избрано.
132	Купало и Дид. Соч. князя Н. А. Цертелева.	Одобрено.	Избрано.
133	Лессинг и Винкельман. С фр. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избрано.
134	Зеленый свод (письмо к Ф. Н. Глинке). Соч. О. М. Сомова.	Одобрено.	Избрано.

В с т и х а х

135	Басня «Купидон и Сатурн». Соч. г. Иванова.		Не избрано.
136	Басня «Сметливый осел». Соч. его же.		Не избрано.
137	Две шарады. Соч. его же.		Не избрано.
138	К Н. П. Л. . . му. Соч. г. Гонорского.		Не избрано.
139	Азала (быль). Соч. г. Гонорского.		Не избрано.
140	Свидание на развалинах Москвы. Соч. Н. В. Сушкова.		Не избрано.
141	Наука любви. Соч. его же.		Не избрано.
142	К Лауре. Соч. Ал. К. Дуропа.	Исправить.	Избрано.
143	Совершенство наслаждения. Соч. его же.	Исправить.	Избрано.
144	Отрывок из трагедии Шенье «Тиверий». С фр. О. М. Сомова.	Исправить.	Избрано.
145	К Лицинию. Ода Горация. Пер. В. С. Филимонова.		Не избрано.
146	Песнь божеству. Подражание Клейсту. Н. И. Розенмейера.	Исправить.	Избрано.
147	Песнь индианца-изгнанника. Соч. Ал. К. Дуропа.	Одобрено.	Избрано.
148	Упрек Пропердия своей любезной. Соч. его же.	Исправить.	Избрано.
149	Похвала учительской жизни. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избрано.
150	Ангел смерти. Соч. В. К. Кюхельбекера.	Одобрено.	Избрано.
151	Надписи и эпитафии. Соч. Б. М. Федорова.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XXI

Августа 16 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

члены — А. Д. Боровков, П. А. Плетнев, А. А. Никитин, Ал. К. Дуроп, князь Н. А. Цертелев, барон А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, Е. П. Люценко, Е. П. Ковалевский, Б. М. Федоров, А. Ф. Рихтер, Д. В. Сахаров, О. М. Сомов, А. А. Владиславлев, Я. Г. Ковалев и Д. С. Менъшенин.

В прозе			
152	Первая речь о прекрасном вообще и в особенности о прекрасном в природе. Пер. А. Ф. Рихтера.	Исправить.	Избрано.
153	Исторические известия о запорожских козаках. Соч. князя Н. А. Цертелева (начало).	Исправить.	Избрано.
154	Темница Нью-Гет, или Элиза Фенниг. С фр. О. М. Сомова.	Исправить.	Избрано.
155	Арабская антология, или выбор произведений арабской поэзии, еще неизданных, переведенных на французский язык с текстом и присовокуплением литерального латинского перевода, из Гумберта. С фр. Д. В. Сахарова.	Одобрено.	Избрано.
В стихах			
156	Свидание. Соч. Я. Г. Ковалева.	Одобрено.	Избрано.
157	Честь. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избрано.
158	Элегия. Соч. В. К. Кюхельбекера.	Одобрено.	Избрано.
159	Вдохновение. Соч. В. К. Кюхельбекера.	Одобрено.	Избрано.
160	К другу. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XXII

Сентября 6 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — А. Д. Боровков, П. А. Плетнев, А. А. Никитин, Ф. Ф. Папкович, М. М. Сонин, князь Н. А. Цертелев, П. И. Кеппен, В. К. Бриммер, Е. П. Ковалевский, А. Ф. Рихтер, М. Е. Лобанов, Г. И. Спасский, Я. М. Лыкошин, Я. Г. Ковалев, И. Е. Великопольский и Д. С. Менъшенин.

В прозе			
161	Гелий и Беатриса, или сведения древних о воздухоплавании. С фр. Д. С. Менъшенина.	Одобрено.	Избрано.

162	О древности живописи. Соч. Я. М. Лыкошина.	Одобрено.	Избрано.
163	Речь с историческими замечаниями о черноморском войске со времени переселения оного на Кубань. Соч. К. В. Россинского.	Одобрено.	Избрано.
В стихах			
164	Басня Алмаз. Соч. В. Самохвалова.	Одобрено.	Избрано.
165	Триолет. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
166	Провидение. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XXIII

Сентября 13 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — А. Д. Боровков, П. А. Плетнев, А. А. Никитин, Ф. Ф. Папкович, М. М. Сонин, Ал. К. Дуроп, князь Н. А. Цертелев, барон А. А. Дельвиг, Б. М. Федоров, Е. П. Люденко, П. И. Кеппен, Д. И. Воронов, О. М. Сомов, А. Е. Измайлов, Г. И. Спасский, А. Х. Востоков, И. И. Брыков, В. И. Брайкевич, Я. М. Лыкошин, Я. Г. Ковалев и Д. С. Менъшин.

В прозе			
167	Отрывки из походных записок: 1) Бивуаки под Швейдинцем и 2) Г. Нимч в Шлезии. Соч. И. И. Лажечникова.	Одобрено.	Избраны.
168	О пребывании корабля Суворова в Новой Голландии. Соч. неизвестного.	Одобрено.	Избрано.
169	Первое знакомство Мармонтеля с Дидеротом, Гельвецием, Гриммом, Ж. Ж. Руссо и г-жею Помпадур (из сочинения Мармонтеля «Памятные записки отца, служащие к наставлению его детей»). С фр. Д. И. Воронова.	Одобрено.	Избрано.
170	История животного магнетизма. Соч. И. И. Брыкова.	Одобрено.	Избрано.
В стихах			
171	Надгробная. Соч. Ал. К. Дуропа.	Одобрено.	Избрано.
172	Менура и Соя (басня). С фр. Ал. К. Дуропа.	Одобрено.	Избрано.
173	Брут. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
174	Орфей. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XXIV

Сентября 20 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — А. Д. Боровков, А. А. Никитин, Ф. Ф. Папкович, М. М. Со-
нин, И. Д. Боровков, барон А. А. Дельвиг, Б. М. Федоров, Е. П. Люценко,
П. И. Келпен, Д. И. Воронов, Д. В. Сахаров, О. М. Сомов, М. Е. Лобанов,
И. И. Брыков, Д. С. Меньшенин.

В прозе			
175	Часовня любовников. С нем. Н. И. Розенмейера.	Рассмотреть в ц. комитете и с мнением пред- ставить в обще- ство.	Избрано.
176	Обручение. История о первом апреле. С нем. Н. И. Розен- мейера же.	Рассмотреть в ц. комитете и с мнением пред- ставить в обще- ство.	Избрано.
177	Объявление. С нем. его же.		Не избрано.
178	Видение. Из писем Эме-Мар- тена. С фр. Д. С. Меньше- нина.	Одобрено.	Избрано.
179	Учреждение королевско-импера- торского политехнического института в Вене. Пер. г. Шверина.	Поручить г. дейст- вит. члену Д. В. Сахарову сделать из сей статьи извлечение и представить в ц. комитет для по- мещения в «Со- ревнователе».	Избрано.
180	О начале поэзии. С фр. И. И. Брыкова.	Одобрено.	Избрано.
181	Жизнь Боккаччио. Пер. Д. В. Сахарова.	Одобрено.	Избрано.
В стихах			
182	Освобождение (подражание Маттисону). Н. И. Розен- мейера.	Исправить многие стихи.	Избрано.
183	Царский пир в столице слав- ян-победителей. Соч. А. В. Склабовского.		
184	Разлука Гектора с Андрома- хою (из Шиллера). Ал. К. Дуропа.	Исправить.	Избрано.
185	Сновидение Петрарки. Соч. его же.	Исправить.	Избрано.

Заседание XXV

Октября 4 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — М. М. Сонин, барон А. А. Дельвиг, П. А. Плетнев, Д. В. Сахаров, А. Ф. Рихтер, М. Е. Лобанов, Д. С. Меншенин, Н. Ф. Остолопов, И. К. Аничков, Г. А. Шверин.

В прозе			
186	О вольтеровой переписке. С фр. И. К. Аничкова.	Одобрено.	Избрано.
187	Три кольца или три религии. Повесть (из Боккаччио). Пер. Д. В. Сахарова.	Одобрено.	Избрано.
188	Критика на книгу «Полное издание сочинений лорда Байрона, содержащее в себе и те поэмы, которые прежде не были напечатаны». С фр. К. П. Б.	Одобрено.	Избрано.
189	Биография отставного ротмистра Лысенки. Соч. неизвестного.		Не избрано.
В стихах			
190	Девицы к юношам. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избрано.
191	Мечтания на берегах Волги 1810 года. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
192	К Амуру (из Геснера). Пер. барона А. А. Дельвига.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XXVI

Октября 11 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — Ал. Д. Боровков, П. А. Плетнев, А. А. Никитин, Ф. Ф. Папкович, М. М. Сонин, И. Д. Боровков, барон А. А. Дельвиг, И. А. Гарижский, Б. М. Федоров, Д. И. Воронов, барон М. А. Корф, Г. И. Спасский, Д. С. Меншенин, И. И. Брыков, В. И. Брайкевич и Я. Г. Ковалев.

В прозе			
193	Сцены из драмы «Боярин Матвеев». Соч. Б. М. Федорова.	Одобрено.	Избрано.
194	Нечто о росе (из писем к Софии Эме-Мартеня). С фр. Д. С. Меншенина.	Одобрено.	Избрано.
195	Первое представление мармонтелевой трагедии «Аристомен» (отрывок из сочинения Мармонтеля «Памятные за-	Одобрено.	Избрано.

	пски отца, служащие к на- ставлению его детей»). С фр. Д. И. Воронова.		
196	О финской литературе. Соч. А. Д. Гиппинга. С нем. В. И. Брайкевича.	Одобрено.	Избрано.
197	О памятнике Кановы. Пер. Г. А. В стихах	Одобрено.	Избрано.
198	Любовь к Родине. Соч. Е. П. Люценко.	Одобрено.	Не избрано.
199	Италия и Рим. Подражание Сен-Виктору. Д. С. Меньше- нина.	Одобрено.	Избрано.
200	К Лиете (элегия). Соч. ба- рона А. А. Дельвига.	Одобрено.	Избрано.
201	Дифирамб. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
202	Романс. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
203	Фиалка. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избрано.
204	Сон. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XXVII

Ноября 1 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

ч л е н ы — А. Д. Боровков, А. А. Никитин, И. Д. Боровков, Е. П. Лю-
ценко, П. И. Кеппен, Д. И. Воронов, А. Ф. Рихтер и В. И. Брайкевич.

	В прозе		
205	О золотом, серебряном, мед- ном и железном веке древних поэтов и об открытии ме- таллов. С фр. Д. С. Мень- шенина.	Исправить слог самому г. пере- водчику.	Избрано.

Заседание XXVIII

Ноября 8 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

п р е с е д а т е л ь — Ф. Н. Глинка;

ч л е н ы — Ф. Ф. Папкович, И. Д. Боровков, П. И. Кеппен, Д. И. Воро-
нов, В. К. Бриммер, Д. В. Сахаров, А. Ф. Рихтер, И. К. Аничков и Я. Г. Ко-
валев.

	В прозе		
206	Царствование и смерть С. Тул- дия (из 1-й книги Ливия). С латинск. неизвестного.	Одобрено.	Избрано.
207	О произведениях некоторых наших баснописцев. Соч. А. Ф. Рихтера.	Исправить.	Избрано.

Заседание XXIX

Ноября 16 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — А. Д. Боровков, П. А. Плетнев, А. А. Никитин, Ф. Ф. Папкович, М. М. Сонин, И. Д. Боровков, барон А. А. Дельвиг, И. А. Гарижский, Б. М. Федоров, Д. И. Воронов, П. И. Кеппен, В. К. Бриммер, А. Ф. Рихтер, М. Е. Лобанов и Д. С. Меньшенин.

В прозе			
208	О потерянном рае (из Блера). Пер. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избрано.
209	Нечто о глупцах. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
210	Сцена из комедии Богатонов в деревне, или сюрприз са- мому себе. Соч. М. Н. За- госкина.	Одобрено.	Избрано.
211	Отрывки из походных запи- сок русского офицера — Дерпт и краткая выписка из истории города Дерпта. Соч. И. И. Лажечникова.	Одобрено.	Избрано.
212	Прощание (из сочинений лорда Байрона). Пер. неизвестного.	Одобрено.	Избрано.
213	Памятник Гете. Пер. неизвест- ного же.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XXX

Ноября 22 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

члены — А. Д. Боровков, П. А. Плетнев, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, М. М. Сонин, барон А. А. Дельвиг, Ф. Ф. Папкович, Д. И. Воронов, барон М. А. Корф и В. И. Брайкевич.

В прозе			
214	Замечания о Соединенных Американских штатах. С фр. И. К. Аничкова.	Одобрено.	Избрано.
215	О заблуждениях и истине. Соч. Е. А. Баратынского.	Одобрено.	Избрано.
216	Критика — Нал (отрывок, взя- тый из санскритской поэмы Магабгарата). Пер. на ла- тинский язык и издан с при- мечаниями г. Бопа. С фр. неизвестного.	Одобрено.	Избрано.
В стихах			
217	Воззвание к человеку. Соч. А. А. Волковой.	Исправить.	Избрано.
218	Каскад. Соч. г. Лебедева.		Не избрано.
219	Роша. Соч. его же.		Не избрано.
220	Кладбище. Соч. П. А. Тря- ева.	Исправить.	Избрано.

Заседание XXXI

Ноября 29 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
ч л е н ы — П. А. Плетнев, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, М. М. Со-
нин, И. Д. Боровков, Ал. К. Дуроп, барон А. А. Дельвиг, Б. М. Федоров,
П. И. Кеппен, В. К. Бриммер, Д. С. Меньшенин, А. А. Владиславлев и
Я. Г. Ковалев.

В прозе			
221	Нечто о церкви св. Олая в Ревеле, зажженной громовым ударом в ночи с 15 на 16 июня 1820 года. Соч. неизвестного. Пер. Г. А. Шверина.	Исправить и замеченные места выпустить.	Избрано.
222	Красота и великодушие. С нем. Н. И. Розенмейера.		Не избрано.
223	Неустранимость Иакова VI, короля шотландского (из соч. Гувальда). С нем. его же.	Исправить совершенно.	Избрано.
224	Отрывок из путешествия в Тихвин. Соч. неизвестного.	Исправить.	Избрано.
225	Мысли. Соч. Я. Г. Ковалева.	Одобрено.	Избрано.
В стихах			
226	Дафнис к Хлое. Эротическая фантазия (подражание Герстенбергу) В. К. Бриммера.	Одобрено.	Избрано.
227	К Филону (из Маттисона). Пер. его же.	Одобрено.	Избрано.
228	К Торквату (подражание Горацию размером подлинника). Его же.	Одобрено.	Избрано.
229	Две музы (из Клопштока, размером подлинника). Пер. его же.	Одобрено.	Избрано.
230	Баратынскому (при выступлении из лагеря в деревню). Соч. неизвестного.	Одобрено.	Избрано.
231	Баратынскому (ответ). Соч. неизвестного же.	Одобрено.	Избрано.
232	Обитель сна (подражание Овидию) А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избрано.
233	Три брата-чудака (сатира).	Одобрено.	Избрано.
234	Соч. г. Судовщикова.		
235	Две эпиграммы. Соч. Я. Г. Ковалева.	Одобрено.	Избрано.
236	Надпись к бюсту. Соч. его же. Червонец. Соч. г. Мореловского.	Одобрено. Исправить.	Избрано. Избрано.

Заседание XXXII

Декабря 13 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — П. А. Плетнев, А. А. Никитин, М. М. Сонин, барон

А. А. Дельвиг, Е. П. Люценко, П. И. Кеппен, В. К. Бриммер, А. Ф. Рихтер, М. Е. Лобанов, Д. С. Менъшенин, А. А. Бестужев, И. К. Аничков, В. И. Брайкевич, К. К. фон Гольстен, Я. Г. Ковалев, Г. А. Шверин и Е. А. Баратынский.

В прозе

237	О законодательстве древних (отрывок из сочинения «Причины благоденствия и величия народов»). Соч. г. Кутузова.	Одобрено.	Избрано.
238	Рай и Пери (сочинение Томаса Мура). С англ. К. П. Б.	Одобрено.	Избрано.
239	О скорости света (из «Lettres à Sophie»). С фр. Д. С. Менъшенина.	Одобрено.	Избрано.

В стихах

240	Смерть (элегия). Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избрано.
241	Пиры. Соч. Е. А. Баратынского.	Одобрено.	Избрано.
242	Дельвигу. Соч. его же.	Одобрено.	Избрано.
243	Эпитафия. Соч. барона А. А. Дельвига.	Одобрено.	Избрано.

Заседание XXXIII

Декабря 20 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — А. Д. Боровков, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, М. М. Сонин, барон А. А. Дельвиг, Б. М. Федоров, Е. П. Люценко, Д. И. Воронов, В. К. Бриммер, Д. С. Менъшенин, А. А. Бестужев, Г. И. Спасский, В. И. Брайкевич, Я. М. Лыкошин и Я. Г. Ковалев.

В прозе

244	Спор между Я и Я, и между Я и Ты (из Виланда). Пер. В. К. Бриммера.	Исправить.	Избрано.
245	История принца Бирибинкера (из Виланда). Пер. его же (начало).	Исправить.	Избрано.
246	Две любви. Повесть (из Жуи). Пер. И. Ф.	Исправить.	Избрано.
247	Антикритика на статью, помещенную в № 203 «Лейпциг-	Исправить.	Не избрано.

	ских литературных ведомостей». Соч. К. К. фон Гольстена.		
248	Мысли моего дедушки. Соч. Я. Г. Ковалева.	Исправить.	Избрано.
249	Ночные песнопения (из Гердера). Пер. В. К. Бриммера.	Исправить.	Избрано.
	В стихах		
250	Отрывок из комедии «Домашняя тайна». Пер А. Г. Волкова.	Исправить.	Избрано.
251	Портрет моей невесты. Соч. А. А. Крылова.	Одобрено.	Избрано.
252	К недостойному бессмертия (из Антологии). Ф. Н. Глинки.	Исправить.	Избрано.

Председатель Федор Глинка.
Помощник председателя граф Салтыков.
Секретарь общества А. Никитин.

ДЕЛА ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

1 8 2 1 г о д

РЕЕСТР

произведениям, читанным в собрании 10-го генваря

№	«Слушали»	Число белых и черных шаров	«Решили»
	В п р о з е		
1	О нравственном превосходстве современных народов пред древними. Соч. А. Д. Боровкова.		Оставлено в обществе для окончания.
2	О древности финикийского алфавита. Письмо графа Волнея к графу Ланжюне. С фр. Д. В. Сахарова.	11 избр., 4 не избр.	Препровождается.
3	Биография Августа Коцебу. С фр. О. М. Сомова.	12 избр., 3 не избр.	Препровождается.

В стихах			
4	Эклога Ш. Палемон. Пер. А. Ф. Воейкова.	9 избр., 7 не избр.	не Препровождается.
5	Венок. Русская баллада. Соч. П. А. Плетнева.	10 избр., 5 не избр.	не Препровождается.
6	К другу. Соч. В. К. Бриммера.	12 избр., 3 не избр.	не Препровождается.
7	Бог в нравственном мире. Соч. А. Х. Востокова.	14 избр., 2 не избр.	У барона А. А. Дельвига.
8	К Промефею. Соч. В. К. Кюхельбекера.	14 избр., 2 не избр.	не Препровождается.
9	К душе. Соч. Ф. Н. Глинки.	14 избр., 1 не избр.	Препровождается.

17 января

В прозе			
10	Отрывок из путешествия в Ревель. Соч. А. А. Бестужева.	Все избр.	У г. сочинителя.
11	Денежный заем (из «Hermite de Londres»). С фр. И. К. Аничкова.	Все избр.	Препровождается.
В стихах			
12	К возвратившейся Эрминии. Соч. Ал. К. Дуропа.	14 избр., 1 не избр.	не Препровождается.
13	Сцена из комедии. Соч. г. Подшивалова.	Все избр.	У Б. М. Федорова.
14	Певец у ручья. Соч. его же.	Все избр.	У Б. М. Федорова.
15	Надине. Соч. его же.	Все избр.	У Б. М. Федорова.
16	К Ф. Н. Глинке. Соч. П. А. Плетнева.	Все избр.	Препровождается.
17	Тоска по другу. Соч. г. Маркова.	Все избр.	Препровождается.
18	К Кюхельбекеру. Соч. А. А. Крылова.	8 избр., 7 не избр.	не Препровождается.
19	Весна. Соч. его же.	Все избр.	У г. сочинителя.
20	Могилა персидского поэта (из Мильвуа). Пер. его же.	Все избр.	Препровождается.

24 января

В прозе			
21	Путешествие в Ревель. Соч. А. А. Бестужева.	Все избр.	Препровождается.
22	Опыт истории карт (из «Revue Encyclopedique»). С фр. Д. В. Сахарова.	Все избр.	Препровождается.
В стихах			
23	Весеннее чувство. Соч. В. А. Жуковского.	Все избр.	Препровождается.

24	К портрету Гете. Соч. его же.	Все избр.	Препровождается.
25	Сатирические стихи на новый 1821 год. Соч. г. Некрасова.	Все избр.	Препровождается.
26	Барды на могиле Оскара. Соч. г. Радищева.	Все избр.	Препровождается.
27	К Батюшкову. Соч. его же.	Все избр.	Препровождается.

7 февраля

В прозе			
28	Несколько слов о Тадеуше Костюшке. С фр. Ф. Н. Глинки.	Все избр.	Препровождается.
29	О публичном чтении в Российской Академии. Соч. А. Ф. Рихтера.	Не избр.	У г. сочинителя.
30	Путешествие в Ревель. Письмо II. Соч. А. А. Бестужева.	Все избр.	Препровождается.
31	Старая и Новая Ладога. Соч. А. Ф. Рихтера.	16 избр., избр.	2 не У г. сочинителя.
В стихах			
32	Клад (баллада). Соч. К...ева	Не избр.	Препровождается.
33	Пастух (баллада). Соч. его же.	Не избр.	Препровождается.
34	Романс. Соч. его же.	Не избр.	Препровождается.
35	Нагорный охотник (из Шиллера). Пер. Ал. К. Дуропа.	15 избр., избр.	3 не Препровождается.

14 февраля

В прозе			
36	О северной поэзии (продолжение). Пер. В. И. Брайкевича.	Все избр.	У г. переводчика.
37	Торжественное заседание императорской Российской Академии. Соч. А. А. Бестужева.	Все избр.	Препровождается.
38	Деревенские соседи. Соч. Я. Г. Ковалева.	5 избр., избр.	4 не У г. сочинителя.
39	О темной комнате и о глазе (из писем Эме-Мартеня). С фр. Д. С. Меньшенина.	Все избр.	У г. переводчика.
В стихах			
40	Подарок на именины. Соч. П. А. Теряева.	8 избр., избр.	1 не Препровождается.
41	Эпиграмма. Соч. его же.	8 избр., избр.	1 не Препровождается.
42	Алине, на слова ее, что счастье не в богатстве. Соч. Б. М. Федорова.	Все избр.	У г. сочинителя.
43	Элегия. Соч. П. А. Плетнева.	Все избр.	Препровождается.

В прозе			
44	Отрывок из краткого обозрения русских писателей. Соч. П. А. Плетнева.	Все избр.	Препровождается.
45	О предохранительном фонаре. Соч. С. П. Алисова.	Все избр.	Препровождается.
В стихах			
46	Сцена из трагедии «Федра». Пер. М. Е. Лобанова.	Все избр.	У г. переводчика.
47	Молочница (басня). Соч. графа Д. И. Хвостова.	Все избр.	Препровождается.

7 марта

В прозе			
48	Отрывки из опыта о нравственном превосходстве современных народов пред древними. Соч. А. Д. Боровкова.	Все избр.	Препровождается.
49	Петр I и Людовик XIV. Соч. Я. Г. Ковалева.	Не избр.	Препровождается.
50	Отрывок из записок о Голландии (Амстердам). Соч. Н. А. Бестужева.	Все избр.	Препровождается.
51	Взгляд на историю искусств. Соч. Н. Ф. Кошанского.	Все избр.	Препровождается.
В стихах			
52	Осень. Соч. Тюльпина.	9 избр., 7 не избр.	Препровождается.
53	На новый год. Его же.	9 избр., 7 не избр.	Препровождается.
54	Вакхическая песнь. Соч. его же.	9 избр., 7 не избр.	Препровождается.
55	Надгробная Ф. И. Ахвердову. Его же.	9 избр., 7 не избр.	Препровождается.
56	Эпиграмма. Его же.	9 избр., 7 не избр.	Препровождается.
57	Экспромт. Его же.	9 избр., 7 не избр.	Препровождается.
58	Мадригал. Его же.	9 избр., 7 не избр.	Препровождается.
59	Элегия. Мечты юности. Соч. неизвестной.	Все избр.	Препровождается.
60	В альбом. Соч. Е. А. Баратынского.	Все избр.	Препровождается.
61	Бдение. Его же.	Все избр.	Препровождается.
62	К К. . . о. Соч. его же.	Все избр.	У г. сочинителя.

В прозе			
63	История запятых. Соч. А. А. Бестужева.	Все избр.	Препровождается.
64	Екатерина II. Соч. Г. Г. Гесса де Кальве.	Не избр.	Препровождается.
65	Страсбургская колокольня (из путешествия по Германии и Швейцарии датского писателя Баггезена). Пер. барона М. А. Корфа.	11 избр., 2 не избр.	Препровождается.
66	О персах, греках и македонянах. Пер. А. А. Владиславева.	7 избр., 5 не избр.	Препровождается.
67	Мессия. Священная эклога. Подражание Поллиону Виргилию (из Попе). Пер. Ал. К. Дуропа.	9 избр., 3 не избр.	Препровождается.
68	Демутье в Винценском лесу или примиритель (из Бульи). С фр. Н. Ф.	Все избр.	Препровождается.
69	Мысли и замечания. А. А. Бестужева.	Все избр.	Препровождается.
В стихах			
70	Послание к Корине на отъезд ее в деревню (подражание Попе) Ал. К. Дуропа.	Все избр.	Препровождается.

В прозе			
71	Известие о древнейших историках польских и в особенности о Кадлубке в опровержении Шлецера. Соч. Левеля. С польск. Ф. В. Булгарина.	8 избр., 2 не избр.	Препровождается.
72	Нечто о вновь сооружаемом в С.-Петербурге соборе во имя св. Исаакия Далматского. С фр. Д. С. Менъшина.	Все избр.	Препровождается.
73	Автор. Соч. Я. Г. Ковалева.	7 избр., 4 не избр.	У г. автора.
74	Известие о жизни Парни. С фр. Н. Ф.	Все избр.	Препровождается.
75	Ссора Ж. Ж. Руссо с Даламбертом (из записок Мармонтеля). С фр. Д. И. Воронова.	9 избр., 1 не избр.	Препровождается.

В стихах				
76	К родине. Соч. В. И. Панаева.	10 избр.,	1 не	Препровождается.
77	Спасение. Соч. П. А. Плетнева.	избр.		Препровождается.
78	Цефиз (идиллия). Соч. барона А. А. Дельвига.	Все избр.		У г. автора.

28 марта

В прозе				
79	Недовольный (продолжение). Соч. В. К. Бриммера.	8 избр.,	1 не	У г. сочинителя.
80	Письмо к издателям «Соревнователя просвещения и благоговения». Соч. А. С. Шишкова.	избр.		У г. Бестужева.
		Все избр.		
В стихах				
81	Охотник до лакомого стола (подражание Дезожье). О. М. Сомова.	7 избр.,	2 не	Препровождается.
82	Песнь воина скандинавского (из Парни). Иснель и Аслега. Песнь II. Его же.	7 избр.,	2 не	Препровождается.
83	Бельмо (сказка). Подраж. французской. Его же.	7 избр.,	2 не	Препровождается.
		избр.		

4 апреля

В прозе				
84	Поездка за город. Соч. Н. И. Кутузова.	11 избр.,	2 не	Препровождается.
85	Записка о Голландии. Соч. Н. А. Бестужева.	избр.		У г. сочинителя.
86	Описание Тувакской пещеры в Крыму. П. И. Кеппена.	Все избр.		У г. сочинителя.
87	О буре в Севастополе. Дост. Я. М. Лыкошиным.	Все избр.		Препровождается.
В стихах				
88	Молдавская песня «Черная шаль». Соч. А. Пушкина.	ВА избр.		Препровождается.

18 апреля

В прозе				
89	Ответ неизвестному на возражение его против статьи «Торжественное заседание в	ВА избр.		Препровождается.

	Российской академии». Соч. А. А. Бестужева.			
90	О театре. Соч. Н. И. Кутузова.	12 избр., избр.	3 не	У г. автора.
91	Чертоги Скаура, или описание римского дома. Отрывок из путешествия в Рим во время упадка Римской республики Меровича, свевского принца. С фр. А. Ф. Рихтера.	15 избр., избр.	1 не	Препровождается.
В стихах				
92	Авторская клятва. Соч. М. Н. Загоскина.	Все избр.		Препровождается.
93	Сцены из трагедии д'Авриньи «Иоанна д'Арк в Руане». С фр. О. М. Сомова.	14 избр., избр.	1 не	У г. переводчика.
94	Из антологии В. И. Панаева.	Все избр.		Препровождается.
95	Басня «Вор и собака». Соч. А. Е. Измайлова.	Все избр.		Препровождается.

25 апреля

В прозе				
96	О романтическом характере. С англ. А. А. Бестужева.	Все избр.		Препровождается.
97	Разногласие и согласие. С англ. его же.	Все избр.		Препровождается.
В стихах				
98	Послание к Н. И. Гнедичу. Соч. М. Н. Загоскина.	Все избр.		Препровождается.
99	Путь к счастью (сатира). Соч. Ф. В. Булгарина. Пер. с польск. К. Ф. Рылеева.	Все избр.		Препровождается.
100	Эпиграмма. Соч. А. Пушкина.	Все избр.		Препровождается.

2 мая

В прозе				
101	Гораций (из Блюммера). Пер. В. К. Бриммера.	9 избр., избр.	2 не	Препровождается.
102	Биография Кампе. С фр. Д. В. Сахарова.	Все избр.		Препровождается.
103	Нечто о Бельзони. Его же.	Все избр.		Препровождается.

В стихах			
104	Отрывок из 1 песни поэмы Дунай. Соч. г. Бальдауфа.	Все избр.	Препровождается.
105	Марий на развалинах Карфагена. Соч. А. Писарева.	Все избр.	Препровождается.

16 мая

В прозе			
106	О метафизике наук. Соч. Ф. В. Булгарина.	12 избр., 2 не избр.	Препровождается.
107	Опыт новых разговоров для детей на русском и французском языках. Соч. М. Н. Загоскина.	Все избр.	Препровождается.
В стихах			
108	Жизнь. С фр. г. Писарева.	13 избр., 3 не избр.	Препровождается.
109	Мудрец Альпийских гор. С фр. его же.	13 избр., 3 не избр.	Препровождается.
110	Водопад. Соч. Е. А. Баратынского.	14 избр., 1 не избр.	Препровождается.
111	Элегия. Соч. его же.	14 избр., 1 не избр.	Препровождается.
112	Выбор жены. Соч. М. Н. Загоскина.	Все избр.	Препровождается.
<p>Прим. Сверх того, препровождается пьеса под названием «Дон-Карлос, историческое происшествие XVI столетия». Соч. Я. М. Лыкошина. Начало сей статьи было читано в прошедшем году и тогда же поставлен №.</p>			

23 мая

В прозе			
113	О древних северных и средних веков стихотворцах. Соч. А. Ф. Рихтера.	20 избр., 3 не избр.	У г. сочинителя.
114	О северной поэзии (окончание). Пер. В. И. Брайкевича.	Все избр.	У г. сочинителя.
115	Записки о Голландии (продолжение). Соч. Н. А. Бестужева.	Все избр.	Препровождается.

В стихах			
116	Размышление о бессмертии (из дела Мартина). С фр. графа Д. И. Хвостова.	22 избр., избр.	1 не У г. переводчика.
117	Моя богиня. Соч. Иванчина-Писарева.	19 избр., избр.	4 не Препровождается.
118	Недоверчивость (элегия). Соч. А. А. Крылова.	Все избр.	Препровождается.
119	Соглядатай. Соч. Ф. Н. Глинки.	Все избр.	У г. сочинителя.
120	Дитя, спящее во время пожара. Соч. его же.	Все избр.	У г. сочинителя.
121	Заветная книга. Соч. его же.	Все избр.	У г. сочинителя.
122	Прощание с жизнью. С фр. пер. его же.	Все избр.	У г. сочинителя.

6 и ю н я

В прозе			
123	Царствование Карла Великого, короля французского, императора западного. Пер. Н. М. Коншина.	Все избр.	Препровождается.
124	Ждать, ожидать, выжидать, дожидаться. Соч. Д. М. Княжевича.	Все избр.	Не получена.
125	Краткое историческое, статистическое и топографическое обозрение города Юрьева Польского. Соч. И. М. Снегирева.	9 избр., избр.	4 не Не получена.
126	Об упражнениях в сочинении (из Квинтилиана). Пер. И. М. Снегирева.	Все избр.	Не получена.
127	Взгляд на характеристику тефтонских стихотворцев. Соч. К. К. фон Гольстена.	Не избр.	Не получена.
128	Речь, читанная в военной временной Калужской беседе любителей русской словесности. Соч. А. А. Писарева.	Не избр.	Не получена.
129	Замечания на биографию Коцебу. Соч. Т. Н. Крикуновского.	10 избр., избр.	3 не Не получена.
130	Записки о Голландии (окончание). Соч. Н. А. Бестужева.	Все избр.	У г. сочинителя.
131	Шильонский узник (из лорда Байрона). С фр. Н. Ф.	Все избр.	Препровождается. Не получена.
132	Мысли из разных авторов А. Д. Боровкова.	Все избр.	Препровождается. Не получена.
133	Общие замечания на философию немцев. С фр. его же.	Все избр.	Препровождается. Не получена.

В стихах				
134	Послание к молодому поэту. Соч. г. Иванчина-Писарева.	Не избр.	Не получена.	
135	Признание. Соч. П. Н. Арапова.	Все избр.	Не получена.	
136	Воспоминания. Соч. А. И. Писарева.	12 избр., избр.	1 не	Не получена.
137	Барону К... Соч. Н. М. Коншина.	Все избр.		Не получена.
138	В альбом. Соч. О. М. Сомова.	9 избр., избр.	3 не	Препровождается.
139	Послание к Панаеву. Соч. А. С. Норова.	Все избр.		Препровождается.
140	Призывание в деревню. Соч. И. М. Снегирева.	8 избр., избр.	3 не	Препровождается.

13 июня

В прозе				
141	Речь г. действит. члена Н. И. Гнедича, читанная им в полугодишном собрании по случаю переименования его в действит. члены.	Все избр.		У г. сочинителя.
142	Записки об Испании. Соч. Ф. В. Булгарина.	Все избр.		У г. сочинителя.
143	Письмо г. почетного члена А. Н. Оленина к г. действит. члену Г. И. Спасскому по предмету изображения Ермака Тимофеевича, завостателя Сибири.	Все избр.		У г. Спасского.
144	Пять анекдотов. Доставлены Ф. Н. Глинкою.	Все избр.		Препровождается.

1 августа

В прозе				
145	Примечания на сибирскую летопись, изданную г. Спасским. Соч. П. А. Словцова.	10 избр., избр.	1 не	У г. Спасского.
В стихах				
146	Исход Израиля. Соч. С. И. Висковатова.	Все избр.		Препровождается.

8 августа

В прозе				
147	О влиянии монголов и татар на Россию. Соч. А. Ф. Рихтера.	15 избр., избр.	6 не	Препровождается.

148	Об удовольствиях общественных. Соч. Н. И. Кутузова.	18 избр., 3	не	У г. сочинителя.
149	Маскарад. С фр. И. К. Аничкова. В стихах	20 избр., 1	не	Препровождается.
150	Дафнис (эклога V). Virgiliya. С латинск. А. Ф. Воейкова.	15 избр., 7	не	Препровождается.
151	Болезнь Филлиды (идиллия). Соч. В. И. Панаева.	19 избр., 2	не	Препровождается.
152	Послание. Соч. Е. А. Баратынского.	19 избр., 2	не	У г. сочинителя.
153	Марсилия. Соч. В. К. Кюхельбекера.	20 избр., 1	не	У г. сочинителя.
154	Элегия. Соч. Е. А. Баратынского.	Все избр.		Препровождается.
155	Цветок. Соч. его же.	Все избр.		Препровождается.

22 августа

В прозе				
156	Ответ на замечания против летописи сибирской. Соч. Г. И. Спасского.	17 избр., 2	не	Препровождается.
157	О Христиане II. С фр. Д. В. Сахарова.	9 избр., 9	не	Препровождается.
В стихах				
158	Элегия I. Соч. А. И. Писарева.	15 избр., 3	не	Препровождается.
159	Элегия I. Соч. его же.	15 избр., 3	не	Препровождается.
160	Элегия III. Соч. его же.	15 избр., 3	не	Препровождается.
161	Река забвення. Соч. его же.	15 избр., 3	не	Препровождается.
162	Сельский домик. Соч. его же.	15 избр., 3	не	Препровождается.
163	Нерасчетливость. Соч. его же.	15 избр., 3	не	Препровождается.
164	К солнцу во время осени. Соч. В. И. Брайкевича.	9 избр., 8	не	Препровождается.
165	К Риму. Соч. Е. А. Баратынского.	Все избр.		У г. сочинителя.

29 августа

В стихах				
166	Греческая песнь. Соч. В. И. Туманского.	Все избр.		У В. К. Кюхельбекера.
167	Послание к другу. Соч. его же.	Все избр.		У В. К. Кюхельбекера.

В прозе			
168	Речь г. члена-сотрудника В. В. Любарского, читанная им в Обществе по случаю избрания его в члены.	На баллотир.	Препровождается.
169	Отрывок из турецкой истории XVI века «Россиянка владеет сердцем и троним Салимана знаменитого. Сыноубийство отверзает династии пленницы путь к престолу». Соч. А. Мартоса.	17 избр., 4 не избр.	Препровождается.
170	Письмо Леонса к сыну своему Еротуку. Из соч. Алгаротти. С ит. А. Ф. Рихтера.	10 избр., 8 не избр.	Препровождается.
171	О некоторых открытиях в науках, искусствах и турах в прошедшем 1820 году. Соч. Д. С. Меньшинина.	Все избр.	Препровождается.
В стихах			
172	Песнь на Рейне. Соч. В. К. Кюхельбекера.	Все избр.	У г. сочинителя.
173	Воспоминание. К Р... Соч. Н. М. Коншина.	15 избр., 4 не избр.	Препровождается.
174	К Цинтии (подражание Проперцию). К. Ф. Рыльева.	10 избр., 9 не избр.	Препровождается.
175	Надгробная надпись. Пр. Тих. Чир...ной. Соч. его же.	10 избр., 9 не избр.	Препровождается.
176	Младенцу. Соч. его же.	10 избр., 9 не избр.	Препровождается.
177	Послание I. Соч. Е. А. Баратынского.	16 избр., 1 не избр.	Препровождается.
178	Послание II. Соч. его же.	16 избр., 1 не избр.	Препровождается.
179	Прощание. Соч. его же.	Все избр.	Препровождается.
180	Стихи, написанные на манускрипте поэта. Соч. П. А. Плетнева.	Все избр.	Препровождается.
181	Послание поэту. Соч. его же.	Все избр.	Препровождается.
182	Удел поэзии. Соч. его же.	Все избр.	Препровождается.

В прозе			
183	Обожатели огня, восточная повесть (из Томаса Мура). Пер. Н. А. Бестужева.	Все избр.	Препровождается.
184	Объяснение рукописи на славянском наречии о Сибирской стране и о взятии Сибири. Соч. Н. С. Попова.	Все избр.	Препровождается.

185	Некоторые из открытий г. Власова в 1820 и 1821 годах. Соч. В. В. Любарского.	Все избр.		У г. сочинителя.
186	Все невпазд (Из «L'Hermite de Londres»). Пер. А. Очкина. В стихах	13 избр., избр.	1 не	Препровождается.
187	Отрывок из мюльнеровой трагедии «Die Schuld». Вольный перевод с немецкого П. А. Корсакова.	Не избр.		Препровождается.
188	Отрывок из сельского стихотворения Весна. Пер. В. Никонова.	Не избр.		Препровождается.
189	К Мелине. Соч. его же.	Не избр.		Препровождается.
190	Мои цепи. Соч. И. И. Полугарского.	8 избр., избр.	6 не	Препровождается.
191	Село Чириково, на старой Калужской дороге, где в 1812 году было сражение с неприятелем. Соч. Н. Иванчина-Писарева.	12 избр., избр.	2 не	Препровождается.

3 октября

В прозе				
192	О мистицизме. С фр. А. Д. Боровкова.	7 избр., избр.	2 не	У г. переводчика.
193	Политико-исторические примечания, касающиеся Русского государства. Соч. г. Орлая.	Не баллотировано.		Возвращено.
194	Новая комедия. Анекдот. Соч. Д. М. Княжевича.	Все избр.		У г. сочинителя.
195	Марьенбург. Соч. П. И. Кепена.	8 избр., избр.	2 не	У г. сочинителя.
В стихах				
196	Мой домик. Соч. барона А. А. Дельвига.	Все избр.		Препровождается.
197	Песня. Соч. П. А. Теряева.	Все избр.		Препровождается.
198	К другу. Соч. его же.	Все избр.		Препровождается.
199	Богемская песнь. Чехиня. Пер. А. Х. Востокова.	Все избр.		Препровождается.
200	Жалоба. Вольный перевод его же.	Все избр.		Препровождается.

10 октября

В прозе				
201	Примечания на краткое руководство к логике в пользу русского юношества, сочиненное И. Борзецовским. Соч. неизвестного.	Оставлено без баллотирования.		Отдано Н. И. Гречу для помещения в «Сыне отечества».

202	Женитьба. Соч. П. Н. Арапова.	9 избр.,	5 не	Препровождается.
203	Странствования поэзии и гармонии. Аллегорическая сказка. Соч. В. К. Бриммера.	13 избр.	2 не	Препровождается.
В стихах				
204	Катерине Наумовне Пучковой. Соч. графа Д. И. Хвостова.	12 избр.,	3 не	Препровождается.
205	Уединение. Соч. А. А. Крылова.	Все избр.		Препровождается.

17 октября

В прозе				
206	Разбор синоним... (в памятную книгу А. Е. Измайлова). Соч. Д. М. Княжевича.	18 избр.,	1 не	Препровождается.
207	Об удовольствиях общественных. Соч. Н. И. Кутузова.	16 избр.,	2 не	У г. сочинителя.
208	Сравнение Филиппа, царя македонского, с сыном его Александром Великим. С латинск. неизвестного.	12 избр.,	6 не	Препровождается.
209	Мысли разных авторов. Собр. А. Д. Боровковым.	9 избр.,	8 не	Препровождается.
В стихах				
210	Пустыня (к М. Г. Бедрге). Соч. К. Ф. Рылеева.	17 избр.,	1 не	Препровождается.
211	Состязание. К NN. Соч. графа Д. И. Хвостова.	10 избр.,	8 не	У г. сочинителя.
212	На кончину. М. К. Р. Соч. А. Н. Розенмейера.	15 избр.,	4 не	Препровождается.
213	К Плетневу. Соч. А. А. Крылова.	Все избр.		Препровождается.
214	Земная грусть (к другу). Соч. Ф. Н. Глинки.	Все избр.		Препровождается.
215	Ночной страх. Соч. его же.	Все избр.		Препровождается.

24 октября

В прозе				
216	Отрывок из «Soirés de St. Petersburg». Новое сочинение графа Мергера. С фр. князя Н. С. Голицына.	14 избр.,	1 не	Препровождается.
217	Кант (из сочинения Сталь-Голштейн о Германии). С фр. А. Д. Боровкова.	13 избр.,	1 не	Препровождается.

218	Отречение императора Карла V от престола и проч. С фр. Н. М. Коншина.	Все избр.		Препровождается.
219	Смерть Адонша (из «Lettres à Emilie sur la Mythologie»). С фр. И. Г. Покровского.	9 избр., избр.	8 не	Препровождается.
В стихах				
220	Маленькая ссора (идиллия). Соч. В. И. Панаева.	Все избр.		Препровождается.
221	Умирающий. Соч. Н. М. Коншина.	11 избр., избр.	4 не	Препровождается.
222	Сметливый эконо́м (сказка). Соч. А. Е. Измайлова.	13 избр., избр.	2 не	У г. сочинителя.
223	Выбор любезной (сказка). Соч. Н. Ф. Остолопова.	Оставлена без баллотир.		Возвращена сочинителю.
224	Описание сада Е. Ф. Ганина. Соч. А. Е. Измайлова.	Оставлена без баллотир.		Возвращена сочинителю.

7 ноября

В прозе				
225	Об удовольствиях общественных. О музыке. Соч. Н. И. Кутузова.	Все избр.		У г. сочинителя.
226	Отречение императора Карла V от престола (окончание). С фр. Н. М. Коншина.	Все избр.		Препровождается.
227	О бронзировании меди. Соч. Н. А. Бестужева.	Все избр.		Препровождается.
В стихах				
228	Умирающий (подражание французскому). П. Н. Арапова.	10 избр., избр.	3 не	Препровождается.
229	Эпитафия. Соч. его же.	10 избр., избр.	3 не	Препровождается.
230	Гордость. Соч. П. А. Плетнева.	Все избр.		Препровождается.
231	Элегия. Соч. его же.	Все избр.		Препровождается.

14 ноября

В прозе				
232	Лаконизм Суворова. Соч. Е. Б. Фукса.	Все избр.		Препровождается.
233	О честолюбии (из Вейса). С фр. Н. С. Голицына.	13 избр., избр.	1 не	Препровождается.

В стихах

234	К музе-враждебнице. Соч. графа Д. И. Хвостова.	9 избр., 6 избр.	не	Препровождается.
235	Всобщая жизнь. Соч. Ф. Н. Глинки.	Все избр.		Препровождается.
236	Фиалка. Соч. его же.	Все избр.		Препровождается.
237	Дамон (идиллия). Соч. барона А. А. Дельвига.	Все избр.		У г. сочинителя.
238	Могильщик и пастух (эклога). Соч. Ф. Н. Глинки.	Все избр.		У г. сочинителя.
239	К немногим. Соч. Н. Ф. Остолопова.	Не баллотир.		Возвращено сочинителю.
240	Смерть и стихотворец (сказка). Соч. А. Е. Измайлова.	Не баллотир.		Возвращено сочинителю.
241	Раскольник Аввакум (сказка). Соч. его же.	Не баллотир.		Возвращено сочинителю.
	Копию с письма новолодожского гражданина Якова Белого для помещения в «Соревнователе» с поправкою.	Не баллотир.		Препровождается.

22 ноября

В прозе

242	Отрывок из путешествия в Ригу 1821 года. Соч. А. А. Бестужева.	Все избр.		У г. сочинителя.
243	Взгляд на турецкое правительство и на поступки турков с подвластными им греками (из путешествия в Грецию Димитрия и Николая Стефанопольи). С фр. А. Д. Илличевского.	15 избр., 3 избр.	не	Препровождается.
244	Отрывок из речи о прекрасном в нравах, говоренной профессором Андре в академическом собрании. С фр. Д. В. Сахарова.	10 избр., 7 избр.	не	Препровождается.
245	Разыскание о пользе или вреде неограниченной свободы разного рода всенародной промышленности, применяясь к умоположениям о том английского автора Адама Смита. Соч. неизвестного.			Поручено рассмотрению г. действ. члена Н. И. Кутузова.
246	Отрывок из Парни (путешествие). С фр. Н. М. Коншина.	12 избр., 5 избр.	не	Препровождается.

В стихах			
247	Романс из поэмы «Иснель и Аслега». А. А. Крылова.	Все избр.	Препровождается.
248	Романс. Соч. В. И. Панаева.	14 избр., избр.	3 не Препровождается.
249	На смерть собаки Мальвины. Соч. барона А. А. Дельвига.	12 избр., избр.	5 не У г. сочинителя.

28 ноября

В стихах			
250	Смерть Ермака. Соч. К. Ф. Рылеева.	Все избр.	Препровождается.
251	Пиршество победы (из Шиллера). Пер. А. И. Писарева.	Все избр.	Препровождается.
252	Отрывок из V части Энеиды на малороссийском языке: Эней посещает Эванда, царя Аркадии, и приглашает его к союзу против латинцев. Соч. И. П. Котляревского.	Все избр.	У Н. И. Гнедича.
253	Отрывок из той же части: Венера просит Вулкана, чтоб он сделал для Энея непобедимое оружие. Соч. его же.	Все избр.	У Н. И. Гнедича.

5 декабря

В прозе			
254	Некрология Ивана Афанасьевича Дмитриевского. Дост. графом Д. И. Хвостовым.	Все избр.	Препровождается.
255	Историческое похвальное слово светлейшему князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому. Соч. В. И. Панаева.	Все избр.	У г. сочинителя.
256	Тьма (из лорда Байрона). С фр. Ф. Н. Глинки.	Все избр.	У г. сочинителя.
В стихах			
257	Чувства русского при взятии Парижа. Соч. С. И. Висковатова.	Все избр.	Препровождается.
258	Баян. Дума. Соч. К. Ф. Рылеева.	Все избр.	Препровождается.
259	Богдан Хмельницкий. Соч. К. Ф. Рылеева.	Все избр.	У г. сочинителя.
260	Сельский сон. Соч. Ф. Н. Глинки.	Все избр.	Препровождается.
261	Басня «Султанский сын и соловей» (из Флорнана). Пер. его же.	Все избр.	У г. сочинителя.

13 декабря

В прозе			
262	О Кавказском крае. Соч. Лохвицкого. Дост. Ф. Н. Глинкою.	16 избр., 1 не избр.	Препровождается.
263	Разбор синоним: 1) Правда — истина. 2) Общество — сословие. Соч. Д. М. Княжевича.	Все избр.	У г. автора.
264	Парк регента. С фр. А. Очкина. Дост. А. Е. Измайловым.	Все избр.	Препровождается.
265	Нравы и обычаи древних норвежцев. С датск. А. Ф. Рихтера.	14 избр., 2 не избр.	Препровождается.
266	О скуке. Пер. О. М. Сомова.	Все избр.	Препровождается.
267	Паризина. Историческое происшествие (из лорда Байрона). С фр. Н. А. Бестужева.	Все избр.	Препровождается.
В стихах			
268	Несколько сцен из комедии «Наследники». Соч. М. Н. Загоскина.	Все избр.	Препровождается.
269	Встреча двух подруг (сказка). Соч. А. Е. Измайлова.	15 избр., 1 не избр.	Препровождается.
270	Жене моей (по случаю подаренной ею мне табакерки с ее портретом). Соч. его же.	Не баллотир.	Возвращено г. сочинителю.
271	Одной даме, в день ее рождения. Соч. его же.	Не баллотир.	Возвращено г. сочинителю.
272	Эпиграмма. Соч. А. Е. Измайлова.		

19 декабря

В прозе			
273	Римский карнавал. Пер. В. М. Княжевича.	Не баллотир.	Возвращено г. сочинителю.
274	Разбор сочинений Милонова. Соч. А. М. Княжевича.	Не баллотир.	Возвращено г. сочинителю.
275	Путешествие в Нубию. Соч. О. И. Сенковского.	Не баллотир.	Возвращено г. сочинителю.
276	О жизни царевича Алексея Петровича. Соч. г. Корниловича.	Избр.	Препровождается.

Секретарь общества А. Никитин.

ЖУРНАЛ УЧЕНЫХ УПРАЖНЕНИЙ
 ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
 ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
 РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

1822 год

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ГОДА

Заседание I

Января 2 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — В. И. Панаев, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, О. М. Сомов,
 Н. А. Бестужев, Ф. В. Булгарин, К. Ф. Рылеев, О. И. Сенковский,
 А. М. Княжевич, А. О. Корнилович, А. Ф. Воейков и В. И. Брайкевич.

№	Слушали	Определили	Избрано или нет
	В стихах		
1	Греция (подражание Ардану). О. М. Сомова.	Одобрено.	Избр. един.
2	Мои вожатые. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.
3	Ворожба (народное предание). Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание II

Января 9 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — А. Д. Боровков, В. И. Панаев, Д. М. Княжевич, А. А. Никитин, И. К. Аничков, Н. А. Бестужев, Е. П. Люценко, Д. И. Воронов, граф Д. И. Хвостов, Г. И. Спасский, Н. И. Кутузов, Д. В. Сахаров, К. Ф. Рылеев, О. И. Сенковский, В. М. Княжевич, А. О. Корнилович, А. М. Княжевич, барон А. А. Дельвиг, В. И. Голынский, В. В. Любарский и А. Н. Очкин.

	В прозе		
4	Разбор притчи А. Е. Измайлова под названием «Происхождение и польза басни». Соч. А. Н. Очкина.	Исправить.	Избр. больш. гол.
5	Заключение о летописи о Сибирской стране. Соч. Г. И. Спасского.	Одобрено.	Избр. един.
6	Ломоносов. Соч. И. К. Аничкова.	Исправить.	Избр. един.

В стихах			
7	Великой княгине Марии Павловне, на случай ее приезда в С.-Петербург. Соч. графа Д. И. Хвостова.	Исправить.	Избр. больш. гол.
8	Могила. Соч. Н. И. Розенмейера.	Исправить.	Избр. больш. гол.
9	Воспоминание. Сонеты 1-й и 2-й. Соч. его же.	Исправить.	Избр. больш. гол.
10	Успокоение. Соч. его же.	Исправить.	Избр. больш. гол.
11	Желание неба (из псалма «Коль возлюбленны селения твоя, Господи»). Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание III

Января 16 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — Д. М. Княжевич, А. А. Никитин, казначей И. Д. Боровков, О. М. Сомов, Н. А. Бестужев, Н. И. Греч, В. Г. Анастасевич, Е. П. Люценко, граф Д. И. Хвостов, барон А. А. Дельвиг, Д. В. Сахаров, Н. И. Кутузов, Я. М. Лыкошин, Е. А. Баратынский, Н. М. Коншин, А. М. Княжевич, О. И. Сенковский.

В прозе			
12	Общие рассуждения о крестовых походах. С фр. г. Адамовича.		Не баллотир.
13	Донесение, представленное попечителям парижского училища глухонемых о тех из воспитанников, кои, будучи одарены некоторою степенью слуха, могут выучиться слышать и говорить. С фр. О. М. Сомова.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
В стихах			
14	Одиночество (из Ламартина). С фр. С. И. Висковатова.	Исправить.	Избр. больш. гол.
15	К другу. Соч. Е. А. Баратынского.	Одобрено.	Избр. больш. гол.

Заседание IV

Января 23 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

помощник председателя — Н. И. Гнедич;

ч л е н ы — Д. М. Княжевич, А. А. Никитин, И. К. Аничков, Н. А. Бестужев, М. Е. Лобанов, О. М. Сомов, Е. П. Люценко, В. Г. Анастасевич, А. Ф. Рихтер, Н. И. Кутузов, К. Ф. Рылеев, А. М. Княжевич, О. И. Ссн-ковский, А. О. Корнилович, В. И. Гольнский, П. Н. Арапов и А. Н. Очкин.

В прозе			
16	Прохожий разносчик (аллегория). Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
17	О Воронежском дейкгаузе императора Петра Великого. Соч. В. Г. Анастасевича.	Одобрено.	Избр. един.
18	О золотой гривне, найденной близ Чернигова. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.
19	О двух Биларских древностях. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.
В стихах			
20	Осень (из Ламартина). С фр. С. И. Висковатова.	Исправить.	Избр. больш. гол.
21	Воззвание к богу правды (свободное предложение псалма 93). Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание V

Февраля 6 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

ч л е н ы — Д. М. Княжевич, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, О. М. Сомов, Ф. В. Булгарин, Е. П. Люценко, граф Д. И. Хвостов, Н. И. Греч, В. Г. Анастасевич, барон А. А. Дельвиг, Н. И. Кутузов, А. А. Бестужев, Д. В. Сахаров, А. Ф. Рихтер, Я. М. Лыкошин, А. О. Корнилович, К. Ф. Рылеев, Н. М. Коншин, А. М. Княжевич и Я. Г. Ковалев.

В прозе			
22	Приказ великого Суворова.	Напечатан уже в «Русском вестнике».	Не баллотир.
23	Характеры Петра Великого и его приближенных. Пер. А. О. Корниловича.	Исправить.	Избр. един.
24	Историческое известие об испанских торреадорах. Соч. Я. М. Лыкошина.	Исправить.	Избр. больш. гол.
25	Жизнь Ла Фонтеня. С фр. Д. В. Сахарова.	Исправить.	Избр. больш. гол.
В стихах			
26	Восторг (из Ламартина). С фр. графа Д. И. Хвостова.	Исправить.	Избр. больш. гол.
27	Элегия I. Соч. А. И. Писарева.	Исправить.	Избр. больш. гол.
28	Элегия II. Соч. его же.	Исправить.	Избр. больш. гол.
29	Элегия III. Соч. его же.	Исправить.	Избр. больш. гол.

Заседание VI

Февраля 13 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
 помощник председателя — Н. И. Гнедич;
 члены — В. И. Панаев, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков,
 Н. А. Бестужев, О. М. Сомов, В. К. Бриммер, В. Г. Анастасевич, А. А. Бестужев,
 Н. И. Кутузов, А. Ф. Рихтер, К. Ф. Рылеев, О. И. Сенковский и
 А. О. Корнилович.

В прозе			
30	Разговор в царстве мертвых Людовика XIV, Карла XII, Фридриха Великого, Марка Аврелия. Соч. В. К. Бриммера.	Исправить.	Избр. больш. гол.
31	Сибариты. Соч. А. Ф. Рихтера.	Исправить.	Избр. больш. гол.

Заседание VII

Февраля 20 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — В. И. Панаев, Д. М. Княжевич, А. А. Никитин, П. А. Плетнев,
 И. К. Аничков, И. Д. Боровков, О. М. Сомов, М. Е. Лобанов,
 Ал. К. Дуроп, Е. П. Ковалевский, В. Г. Анастасевич, А. Ф. Рихтер,
 Я. М. Лыкошин, А. М. Княжевич, В. И. Брайкевич и В. В. Любарский.

В прозе			
32	О разговоре в обществе. Пер. А. М. Княжевича.	Одобрено.	Избр. един.
33	О некоторых открытиях в науках, искусствах и мануфактурах в 1821 году. Соч. В. В. Любарского.	Исключить последнюю статью и исправить.	Избр. един.
В стихах			
34	Приятное сновидение. Соч. Ал. К. Дуропа.	Исправить.	Избр. больш. гол.
35	Нездешние дети. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.
36	Пруд и капля (басня). Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание VIII

Марта 6 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, О. М. Сомов,
 Н. А. Бестужев, М. Е. Лобанов, Ф. В. Булгарин, Е. П. Люценко, В. К. Брим-

мер, В. Г. Анастасевич, Н. И. Кутузов, К. Ф. Рылеев, А. Ф. Рихтер, Я. М. Лыкошин, А. О. Корнилович, Н. М. Коншин и П. Н. Арапов.

В прозе			
37	Два подлинных письма графа Гаврилы Ивановича Головкина к Петру Великому, с примечаниями на оных А. О. Корниловича.	Принять с благодарностью без баллотирования.	
38	Критика. Идиллия «Рыбаки». Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избр. един.
39	Нечто о компиляторах. Соч. О. М. Сомова.	Отдано без баллотирования сочинителю в собственное его употребление.	

Заседание IX

Марта 13 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 помощник председателя — Н. И. Гнедич;
 члены — А. Д. Боровков, В. И. Панаев, Д. М. Княжевич, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, О. М. Сомов, Н. А. Бестужев, Ф. В. Булгарин, Е. П. Люценко, Ал. К. Дуроп, М. М. Сонин, Е. П. Ковалевский, В. Г. Анастасевич, А. А. Бестужев, А. Ф. Рихтер, Н. И. Кутузов, Я. М. Лыкошин, К. Ф. Рылеев, А. М. Княжевич и А. О. Корнилович.

В прозе			
40	Отрывок из дневника гвардейского офицера. Соч. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.
41	Гленфинлас. Надгробная песнь лорду Рональду (из Вальтера Скотта). С фр. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.
42	Берег дикого человека (финляндское предание). Повесть. Соч. Н. М. Коншина.	Исправить, сократить подробности излишние, выкинуть повторения.	
43	Нечто о Гомере. Соч. Е. Б. Фукса.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
В стихах			
44	Аллен-э-Даль. Пер. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.
45	Луна. Соч. барона А. А. Дельвига.	Одобрено.	Избр. един.
46	Дифирамб. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание X

Марта 20 дня. Понедельник

В сем заседании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — П. А. Плетнев, Н. А. Бестужев, М. М. Сонин, В. К. Бриммер,
 Е. П. Люценко, барон А. А. Дельви́г, А. А. Бестужев, Н. И. Кутузов,
 К. Ф. Рылеев, Я. М. Лыкошин, А. О. Корнилович и А. А. Владиславлев.

В прозе			
47	Гуго (эстонское предание). Соч. Н. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
48	Листок из дневника гвардейского офицера. Соч. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.
49	Раговор Дидерота с госпожою В. Пер. В. К. Бриммера.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
50	О принадлежностях истории. Соч. А. А. Владиславлева.		Не избр.
В стихах			
51	Одиночество (из Ламартина). Пер. г. Тютчева.	Исправить.	Избр. больш. гол.
52	Осенняя грусть. Соч. Ф. Н. Глинка.	Одобрено.	Избр. един.
53	Искание Бога (из книг Второзакония). Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XI

Апреля 10 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
 члены — А. А. Никитин, Е. П. Люценко, М. М. Сонин, Д. И. Воронов,
 В. Г. Анастасевич, барон А. А. Дельви́г, А. Ф. Рихтер, Я. М. Лыкошин,
 К. Ф. Рылеев, Е. П. Ковалевский, А. О. Корнилович, О. И. Сенковский,
 В. И. Брайкевич и Я. Г. Ковалев.

В прозе			
54	О гражданстве древних славян. С польского В. Г. Анастасевича.	Исправить.	Избр. больш. гол.
55	Отрывки, служащие объяснением некоторых мест нашей истории XVIII века (Из книги фельдмаршала Миниха). С фр. А. О. Корниловича.	Исправить.	Избр. больш. гол.
В стихах			
56	Пир. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
57	К мечте. Соч. Н. Д. Иванчина-Писарева.		Не избрано.
58	Отъезд. Соч. его же.		Не избрано.

Заседание XII

Апреля 17 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 помощник председателя — Н. И. Гнедич;
 члены — А. Д. Боровков, В. И. Панаев, Д. М. Княжевич, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, Н. А. Бестужев, М. Е. Лобанов, Ф. В. Булгарин, Е. П. Люценко, М. М. Сонин, В. К. Бриммер, А. Е. Измайлов, барон А. А. Дельви́г, В. Г. Анастасевич, А. Ф. Рихтер, Н. И. Кутузов, Е. А. Баратынский, Я. М. Лыкошин, К. Ф. Рылеев, Н. М. Коншин, А. М. Княжевич, А. О. Корнилович, Д. И. Языков, А. А. Владиславлев, В. И. Брайкевич и А. Д. Илличевский.

	В прозе		
59	О слушанин. Соч. Плутарха. С греч. И. И. Мартинова.	Исправить.	Избр. больш. гол.
	В стихах		
60	Артамон Матвеев. Дума. Соч. К. Ф. Рылеева.	Возвратить сочинителю в его распоряжение.	Не баллотир.
61	Весна. Соч. Е. А. Баратынского.	Одобрено.	Избр. больш. гол.

Заседание XIII

Мая 1 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — А. А. Никитин, В. К. Бриммер, Н. И. Кутузов и К. Ф. Рылеев.

	В прозе		
62	Драматическое искусство г-жи Семеновой. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XIV

Мая 8 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — А. Д. Боровков, Д. М. Княжевич, В. И. Панаев, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. Д. Боровков, О. М. Сомов, Е. П. Люценко, М. М. Сонин, В. К. Бриммер, граф Д. И. Хвостов, А. Е. Измайлов, В. Г. Анастасевич, барон А. А. Дельви́г, Г. И. Спасский, А. А. Бестужев, А. Ф. Рихтер, Н. И. Кутузов, Я. М. Лыкошин, К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, П. Н. Арапов и А. Д. Илличевский.

В прозе			
63	Нечто о книге и из книги г. Линде «Lezyku dawnich Pcusakow». С польск. В. Г. Анастасевича.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
64	Отрывок из путешествия по Востоку Иосифа Сенковского. С фр. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
В стихах			
65	Падение Вавилона. Соч. г. Григорьева.	Исправить.	Избр. больш. гол.
66	Светящийся червяк (басня). Соч. П. Н. Арапова.	Исправить.	Избр. больш. гол.

Заседание XV

Мая 15 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 помощник председателя — Н. И. Гнедич;
 члены — А. Д. Боровков, А. А. Никитин, И. К. Аничков, М. М. Сонин, А. О. Корнилович, Е. П. Люценко, Е. П. Ковалевский, В. Г. Анастасевич, Н. И. Кутузов, К. Ф. Рылеев, В. В. Любарский.

В стихах			
67	Святослав. Соч. К. Ф. Рылеева.	Одобрено.	Избр. един.
68	Мстислав. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XVI

Мая 23 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — Д. М. Княжевич, А. А. Никитин, Е. П. Люценко, М. М. Сонин, граф Д. И. Хвостов, Д. В. Сахаров, В. Г. Анастасевич, А. Ф. Рихтер, князь Н. А. Цертелев, Н. И. Кутузов, Я. М. Лыкошин, Н. М. Коншин, А. М. Княжевич.

В прозе			
69	Опыт об италиянском стихотворце Петре Аретино. С итал. А. Ф. Рихтера.	Возвращено переводчику в его распоряжение.	Не баллотир.
В стихах			
70	Отрывок из поэмы «Искусство любить» г. Головина.	Исправить.	Избр. больш. гол.
71	Перевод XX оды Горация из I книги г. Мокиевского.	Исправить.	Избр. больш. гол.
72	Ночь (русская быль). Соч. князя Н. А. Цертелева.	Одобрено.	Избр. един.

73	Подражание псалму XXXI «Блаженни их же, остав- шиеся без закона». Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.
----	--	-----------	-------------

Заседание XVII

Июня 5 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — А. Д. Боровков, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Н. А. Бестужев, Ф. В. Булгарин, А. Ф. Рихтер, Б. М. Федоров, В. Г. Анастасевич, князь Н. А. Цертелев, А. А. Бестужев, Я. М. Лыкошин, К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, В. В. Любарский.

В прозе

74	О свадебном русском обряде. Соч. князя Н. А. Цертелева.	Одобрено.	Избр. един.
75	Путешествие Брюса по России (отрывок из опыта истории путешествий по России) А. О. Корниловича.	Исправить.	Избр. един.
76	Несколько слов о переводе и подражании. Соч. Б. М. Фе- дорова.	Одобрено.	Избр. един.
77	Разбор двух антологических стихотворений. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.

В стихах

78	Бедринское озеро. Соч. А. И. Писарева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
79	Берега Дона. Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
80	К М. Д. . .ву. Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
81	К С. П. Ю. . .ву. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
82	К портрету актера Яковлева. Соч. Б. М. Федорова.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
83	Грядка. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
84	Одуванчик (басня). Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
85	Прогулка по саду. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
86	К нарваным и брошенным цветкам. Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
87	Дитя и рак (басня). Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
88	Жасмин. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
89	Букет. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
90	Гений-хранитель. Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ГОДА

Заседание XVIII

Августа 7 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

ч л е н ы — цензор прозы Д. М. Княжевич, А. А. Бестужев, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Е. П. Люценко, Н. А. Бестужев, А. М. Княжевич, Д. В. Сахаров, А. Ф. Рихтер, В. Г. Анастасевич, князь Н. А. Цертелев, Ф. В. Булгарин, Я. М. Лыкошин, К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, П. Н. Арапов, В. В. Любарский, П. А. Теряев и А. Н. Очкин.

В прозе			
91	О некоторых открытиях в науках, искусствах и мануфактурах в 1821 году. Соч. В. В. Любарского.	Одобрено.	Избр. един.
92	Несколько слов о китайцах. Соч. неизвестного.	Одобрено.	Избр. един.
93	О гробницах в подземельях фивских. С фр. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.
94	Змея анаконда. С фр. А. М. Княжевича.	Одобрено.	Избр. един.
95	Критика. Шильонский узник. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избр. един.
96	Готфрид Бульонский (исторический отрывок). С фр. В. М. Княжевича.	Одобрено.	Избр. един.
97	Саладин (исторический отрывок). С фр. его же.	Одобрено.	Избр. един.
98	Прием английских путешественников в Египте. Пер. Д. М. Княжевича.	Одобрено.	Избр. един.
В стихах			
99	Глинский. Дума. С польск. К. Ф. Рылеева.	Одобрено.	Избр. един.
100	Эрминия (отрывок из VII песни «Освобожденного Иерусалима»). Пер. г. Раича.	Одобрено.	Избр. един.
101	К мечтам. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XIX

Августа 14 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

ч л е н ы — А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Е. П. Люценко, граф Д. И. Хвостов, Ал. К. Дуроп, Е. П. Ковалевский, В. Г. Анастасевич, А. Ф. Рихтер, барон А. А. Дельвиг, Я. М. Лыкошин, К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, А. А. Владиславлев, Я. Г. Ковалев, П. А. Теряев и Ф. В. Булгарин.

В прозе			
102	Посольство Рейнольда фон Бредероде, Дитриха Басса и Алберта Иоахима в Россию	Одобрено.	Избр. больш. гол.

103	в 1615 и 1616 годах. Пер. А. О. Корниловича. О физике древних (из «Lettres à Sophie»). С фр. Д. С. Меньшенина.	Одобрено.	Избр. един.
104	О памяти (из Сегюра). С фр. А. М. Княжевича.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
В стихах			
105	Позднее звание к музе. Соч. графа Д. И. Хвостова.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
106	Уединение. Соч. г. Германа.	Одобрено.	Избр. больш. гол.

Заседание XX

Сентября 4 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — В. И. Панаев, А. А. Бестужев, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, Е. П. Люценко, граф Д. И. Хвостов, В. Г. Анастасевич, Д. И. Воронов, Ф. В. Булгарин, К. Ф. Рылеев, Я. М. Лыкошин, О. И. Сенковский, А. А. Владиславлев и В. С. Пелчинский.

В прозе			
107	Изгнанник. Соч. Василья Мягкова.		Не избрано.
108	Загадка. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.
В стихах			
109	А. М. Безобразову. На случай воздвигаемого памятника П. Г. Демидова. Соч. графа Д. И. Хвостова.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
110	Совет. Соч. В. И. Панаева.	Одобрено.	Избр. един.
111	К С...у, отъезжающему на родину. Соч. В. Григорьева.	Одобрено.	Все избр.
112	Гимн Богу. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
113	Вольный. Соч. К. Ф. Рылеева. ¹	Одобрено.	Избр. больш. гол.

Заседание XXI

Сентября 11 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
 члены — А. А. Никитин, И. К. Аничков, Е. П. Люценко, В. М. Княжевич, В. Г. Анастасевич, Д. В. Сахаров, К. Ф. Рылеев, П. Н. Арапов и Я. Г. Ковалев.

¹ В делах Цензурного комитета исправлено «Вольнский».

В прозе			
114	Критика. Кавказский пленник. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избр. един.
115	Об образе воспитания у малайцев в Малакке. С фр. Д. В. Сахарова.	Исправить.	Избр. един.
В стихах			
116	Отрывок из малороссийской Энеиды (книга V). Соч. И. П. Котляревского.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
117	К незнакомой красавице, плававшей в церкви. Соч. Н. Д. Иванчина-Писарева.	Исправить.	Избр. больш. гол.
118	К Филитеру. Соч. И. И. Полугарского.		Не баллотир.
119	Мадагаскарская песнь (из Парни). Дм. Озн. на.	Одобрено.	Избр. больш. гол.

Заседание XXII

Сентября 18 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — Д. М. Княжевнич, В. И. Панаев, А. А. Бестужев, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, Е. П. Люценко, В. К. Бриммер, В. Г. Анастасевич, Г. И. Спасский, Д. В. Сахаров, А. Ф. Рихтер, К. Ф. Рылеев и А. О. Корнилович.

В прозе			
120	Путешествие Гстума, царя Армянского, к Мангу, хану Татарскому. С армян. князя Аргутинского-Долгорукого.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
121	Посольство Иоахима Скультеуса от бранденбургского курфюрста Фридриха-Вильгельма к царю Алексею Михайловичу в 1675 году А. О. Корниловича.	Одобрено.	Избр. един.
В стихах			
122	Приглашение к веселью. Весною. Соч. В. К. Бриммера.	Одобрено.	Избр. больш. гол.

Заседание XXIII

Октября 2 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

помощник председателя — Н. И. Гнедич;

ч л е н ы — А. А. Бестужев, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, И. Д. Боровков, Е. П. Люценко, Н. И. Греч, В. Г. Анастасевич, барон А. А. Дельвиг, Ф. В. Булгарин, К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, А. И. Данилевский, П. Н. Арапов, П. А. Теряев и В. С. Пелчинский.

В прозе			
123	О жизни и творениях И. И. Дмитриева. Соч. князя П. А. Вяземского.	Поместить в издаваемые стихотворения Дмитриева.	Не баллотир.
В стихах			
124	Дмитрий Донской. Дума. Соч. К. Ф. Рылеева.	Предоставлена в распоряжение г. сочинителя.	Не баллотир.
125	Надпись к портрету И. И. Дмитриева, Соч. князя П. И. Шаликова.	Напечатать в «Соредакторе».	Не баллотир.

Заседание XXIV

Октября 9 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

ч л е н ы — В. И. Панаев, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Н. А. Бестужев, А. М. Княжевич, В. М. Княжевич, Н. И. Греч, В. Г. Анастасевич, О. М. Сомов, Ф. В. Булгарин, Я. М. Лыкошин, К. Ф. Рылеев, О. И. Сенковский, А. О. Корнилович, Я. Г. Ковалев и П. А. Теряев.

В прозе			
126	История российского флота. Соч. Н. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.
127	Об александрійской школе. Пер. В. М. Княжевича.	Одобрено.	Избр. един.
128	Воспоминания о Вероне. Соч. Е. Б. Фукса.	Одобрено.	Избр. един.
129	О Гомере. Пер. неизвестного.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
В стихах			
130	Обманутая. Соч. В. И. Панаева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
131	Песня. Соч. Я. Г. Ковалева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
132	Песня. Соч. П. А. Теряева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
133	Ручьи. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XXV

Октября 16 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

ч л е н ы — А. А. Бестужев, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Е. П. Люценко, В. Г. Анастасевич, князь Н. А. Щертелев, О. М. Сомов, Я. М. Лыкошин, К. Ф. Рылеев и А. О. Корнилович.

	В прозе		
134	Донесение матроса, спасшегося во время кораблекрушения. С фр. Д. В. Сахарова.	Исправить.	Избр. больш. гол.
	В стихах		
135	Видение императрицы Анны. Дума. Соч. К. Ф. Рыльева.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XXVI

Октября 23 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
члены — А. А. Никитин, А. А. Бестужев, В. Г. Анастасевич и К. Ф. Рылеев.

	В стихах		
136	Тоска Оссиана. Соч. г. Григорьева.	Исправить.	Избр. един.
137	Я не люблю тебя. Соч. Е. Люценко.	Исправить совершенно.	Избр. больш. гол.

Заседание XXVII

Ноября 6 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:
председатель — Ф. Н. Глинка;
члены — В. И. Панаев, А. А. Никитин, Е. П. Люценко, И. И. Ильин, Д. И. Воронов, В. Г. Анастасевич, Я. М. Лыкошин, К. Ф. Рылеев и П. Н. Арапов.

	В прозе		
138	Известие о Людовике Камонсе. Пер. Я. М. Лыкошина.	Одобрено.	Избр. един.
139	Покушение на жизнь Наполеона в Шенбрунне. Пер. г. Габе.	Исправить слог.	Избр. един.
	В стихах		
140	Элегия. Соч. Ф. Германа.	Одобрено.	Избр. един.
141	Празднество весны (из Клопштока). Пер. Н. Д. Иванчина-Писарева.	Исправить.	Избр. больш. гол.
142	Призвание Исайи. Соч. Ф. Н. Глинка.	Одобрено.	Избр. един.
143	Державин. Дума. Соч. К. Ф. Рыльева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.

Заседание XXVIII

Ноября 15 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель—Ф. Н. Глинка;

члены—Д. М. Княжевич, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, А. М. Княжевич, В. Г. Анастасевич, О. М. Сомов и В. И. Туманский.

В прозе			
144	О Варшавском лицее. С польск. В. Г. Анастасевича.	Сократить.	Избр. един.
145	Нечто о жизни Тасса. С фр. г. Васькова.	Одобрено.	Избр. един.
146	О философии Аристиппа. С фр. И. К. Аничкова.	Одобрено.	Избр. един.
В стихах			
147	Разговор молодого барина с крестьянином. Соч. крестьянина Слепушкина.		Не баллотир.
148	К брату-воину. Соч. В. И. Туманского.	Одобрено.	Избр. един.
149	К юной прелестнице. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.
150	Султанской сын и соловей (басня). Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XXIX

Ноября 20 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель—Ф. Н. Глинка;

члены—А. А. Бестужев, А. А. Никитин, И. К. Аничков, А. Д. Боровков, барон А. А. Дельвиг, Д. В. Сахаров, А. Ф. Рихтер, Н. И. Кутузов, Я. М. Лыкошин, Я. Г. Ковалев, В. И. Туманский и А. Д. Илличевский.

В прозе			
151	Любопытная речь Ивана Мелешки, кастиляна смоленского на сейме варшавском. С польск. г. Попова.		Не баллотир.
152	Документы и письма Киево-Софийского собора, хранящиеся в ризнице одного.		Не баллотир.
153	Дост. И. Н. Лобойко.		Не баллотир.
154	О древнейших книгах, печатанных в Кракове. С латинск. И. Н. Лобойко.		Не баллотир.
154	Нечто об италийской поэзии. С итал. А. Ф. Рихтера.	Исправить.	Избр. больш. гол.

В стихах			
155	Купидон. Соч. Я. Г. Ковалева.	Исправить.	Избр. больш. гол.
156	Стансы к Аркадию. Подраж. Вольтеру. В. И. Туманского.	Одобрено.	Избр. един.
157	Болезнь Милавы (славянская идиаллия). Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.
158	Паша и дервиш (сказка). С фр. А. Д. Илличевского.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XXX

Декабря 4 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — Д. М. Княжевич, А. А. Бестужев, А. А. Никитин, Е. П. Люценко, А. М. Княжевич, В. М. Княжевич, Д. И. Воронов, А. Е. Измайлов, Д. В. Сахаров, Н. И. Кутузов, Ф. В. Булгарин, К. Ф. Рылеев и А. О. Корнилович.

В прозе			
159	О балах в России. Соч. А. О. Корниловича.	Возвращено в собственное распоряжение сочинителя.	Не баллотир.
160	О законах древних славян. Соч. Н. И. Кутузова.	Представить окончание.	Не баллотир.
В стихах			
161	Элегия. Соч. г. Олина.	Одобрено.	Избр. един.
162	Предложение псалма VI Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.
163	Славнейшая победа. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XXXI. Обыкновенное

Декабря 11 дня. Понедельник

В сем собрании присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — Д. М. Княжевич, В. И. Панаев, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Е. П. Люценко, А. М. Княжевич, граф Д. И. Хвостов, Н. И. Греч, барон А. А. Дельвиг, А. Ф. Рихтер, О. М. Сомов, Я. М. Лыкошин, А. О. Корнилович, Н. Ф. Остолопов, Я. Г. Ковалев, В. И. Туманский.

В прозе			
164	Утонченные различия. С фр. г. де Шаплетта.	Одобрено.	Избр. един.

В стихах			
165	Священный союз народов. Соч. В. И. Туманского.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
166	Сонет I. Соч. барона А. А. Дельвига.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
167	Сонет II. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
168	Послание к Языкову. Соч. барона А. А. Дельвига.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
169	Послание к П. . . ву. Соч. В. И. Головина.	Исправить.	Избр. больш. гол.
170	Суд божий (народный рассказ). Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.

Председатель Ф. Г л и н к а.
 Помощник председателя Н. Г н е д и ч.
 Секретарь общества А. Н и к и т и н.

ПОДРОБНАЯ ВЕДОМОСТЬ СОЧИНЕНИЯМ И ПЕРЕВОДАМ В ПРОЗЕ И СТИХАХ ГОСПОД ЧЛЕНОВ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ПОСТОРОННИХ ОСОБ В ТЕЧЕНИЕ 1823 ГОДА.

- Федор Николаевич Глинка.
 В прозе: 1) Нищета и роскошь, 2) Нечто о происхождении законов.
 В стихах: 1) Преложение IX главы пророка Иеремии, 2) Псалом «К Господу пролию моление мое», 3) Псалом «Мал бех во братии моей и юнейший в дому отца моего», 4) Вопль души, 5) Из пророка Исани, 6) Благодатный гость, 7) Подражание псалму IX, 8) К богу, великому защитнику правды, 9) Загадка, 10) Блудный сын, 11) Гнев господень.
- Николай Иванович Греч.
 В прозе: Воспоминание о Германии (отрывок из путешествия).
- Дмитрий Максимович Княжевич.
 Переводы (в прозе): Цветы (восточное сказание).
- Владимир Иванович Панаев.
 В прозе: Отрывок из похвального слова князю Кутузову-Смоленскому.
- Александр Александрович Бестужев.
 В прозе: 1) Листок из дневника гвардейского офицера, 2) Второй вечер на бивуаке.
- Орест Михайлович Сомов.
 В прозе: 1) О романтической поэзии, 2) Вечер.
 В стихах: 1) Саул, 2) Прометей на Кавказе, 3) Басня «Сыч».
 Переводы (в прозе): 1) Критический разбор трагедии Шиллера «Иоанна д'Арк», 2) Свет Гарема (из Томаса Мура), 3) Краткая летопись Эпириа города Янины, 4) Отрывки из путешествия Смарта Гюгеса по Янике, 5) Тамара или озеро кающихся.
- Иван Кондратьевич Аничков.
 Переводы (в прозе): 1) Общество благотворительности, 2) Тит Ливий и Тацит.

8. Александр Федорович Рихтер.
Переводы (в прозе): 1) О Петре Аретино, итальянском стихотворце, 2) Об открытии Геркуланских древностей.
9. Кондратий Федорович Рылеев.
В стихах: 1) Первое свидание Петра Великого с Мазепой, 2) Наталья Долгорукая (дума), 3) Отрывок из поэмы Ссылный, 4) Воспоминание.
10. Александр Осипович Корнилович.
В прозе: 1) Великое российское посольство, 2) Документы, хранящиеся в ризнице Киевского Софийского собора, 3) Об увеселениях при Петре I, 4) Посольство голландцев Альберта Бурга и Оанна ван фельдт Рия, 5) Гейнрих Петр Брюс.
11. Владислав Максимович Княжевич.
Переводы (в прозе): Разговор о женской красоте.
12. Н. М. Коншин.
Переводы (в прозе): 1) Орден езуитов, 2) Почему франц. язык сделался всеобщим языком в Европе.
13. И. Б. Чеславский.
Переводы (в стихах): 1) Отрывок из перевода расиновой трагедии Федра, 2) Отрывок из расиновой трагедии «Федра» — «Рассказ Герамена», 3) Отрывок из трагедии «Федра».
14. В. И. Туманский.
В стихах: 1) Торжество певца, 2) К ней, 3) Желание, 4) Могила, 5) Послание к кн. Цертелеву, 6) Послание к Державину.
Переводы (в стихах): Падение листьев (из Мильвуа).
15. П. А. Плетнев.
В прозе: Критика. «Полярная звезда».
Переводы (в прозе): О произношении.
16. Н. И. Кутузов.
В прозе: 1) О музыке, 2) Обзорение царствования Людовика XV, 3) Практическое законодательство (о законе египтян), 4) Историческое и статистическое описание Астраханской губернии, 5) О внешней торговле.
17. Князь Н. А. Цертелев.
В прозе: 1) О поэмах описательных, 2) О народной поэзии, 3) Взгляд на состояние российской словесности до XVIII столетия, 4) О философических или нравоучительных одах Державина.
18. С. С. де Шаплет.
Переводы (в прозе): 1) Можно ли оставаться в Лондоне, 2) Гостиная Антенской улицы, 3) Урок молодым людям (из III части «Лондонского путешественника»), 4) Честные люди (из книги «Добродушный»).
19. А. Е. Измайлов.
В стихах: 1) Так, да не так, 2) Бегун и кляча (басня), 3) Певчие (басня).
20. В. В. Любарский.
В прозе: 1) О взаимном отношении наук математических и физических, 2) То же.
21. В. Г. Анастасевич.
В прозе: 1) Библиографическое известие о трех рукописных переводах библии, хранящихся в Московской патриаршей библиотеке.
Переводы (в прозе): Библиографическое сведение об известных донные экземплярах статута литовского, рукописных и печатных, разного издания как подлинника одного на русском, так и переводов на польском и латинском языках.
22. Д. И. Воронов.
Переводы (в прозе): История жизни и творений Томаса
23. М. Н. Загоскин.
В стихах: Послание к Людмиле.

24. Ф. В. Булгарин.
В прозе: Отрывки из жизни Марины Мнишек, жены Димитрия Самозванца.
25. М. Е. Лобанов.
Переводы (в стихах): Отрывок из трагедии «Федра».
26. Б. М. Федоров.
В прозе: О жизни и сочинениях девицы Поспеловой.
В стихах: 1) Отрывки из трагедии «Юлий Цезарь», 2) Одобрение.
Переводы (в стихах): 1) басня Явор, 2) Змей и Лисица, 3) Ловцы, 4) Дары, 5) Орел и стрела, 6) Прохожий, 7) Путники, 8) Зайцы и лягушки.
27. Е. А. Баратынский.
В стихах: Элегия.
28. Н. А. Бестужев.
В прозе: Сражение при Ганго-Удде.
29. Граф Д. И. Хвостов.
В стихах: 1) Псалом 93, 2) Ф. П. Львову на случай собрания общества в зале Державиной.
30. А. С. Норов.
В стихах: Ночь.
31. А. М. Княжевич.
Переводы (в прозе): О Ферпее.
32. В. Б. Броневский.
В прозе: Отрывок из писем морского офицера (Неаполь).
Переводы (в прозе): О происхождении, распространении и разделении церквей.
33. В. Н. Берх.
В прозе: Биографическое сведение о капитане Беринге.
34. Ф. П. Львов.
В стихах: 1) Ревность, 2) На возобновление кабинета Г. Р. Державина, 3) На смерть Г. Р. Державина, 4) Приятелю в чужие края.
35. Князь П. А. Вяземский.
В стихах: 1) Мудрость (басня), 2) Надежда, или баснями соловья не кормят (басня).
36. В. А. Жуковский.
Переводы (в стихах): Монолог из трагедии шиллеровой Иоанна д'Арк.
37. Л. И. Рикорд.
В прозе: Письмо П. И. Рикорд.
38. Н. Ф. Остолопов.
В стихах: Декорация (сказка).
39. И. П. Котляревский.
В стихах: Отрывок из «Малороссийской Энеиды».
40. А. П. Бунина.
Переводы (в стихах): Долина (из Ламартина).
41. В. В. Измайлов.
Переводы (в прозе): Поле битвы при Ватерлоо (из Вальтера Скотта).
42. П. А. Теряев.
В стихах: 1) Элегия на кончину 17-летней девицы, 2) Песня.
43. Д. Н. Васьков.
Переводы (в прозе): 1) Откровенность молодой девушки, 2) Честолюбец (из Жуи).
44. А. Н. Пушкин.
В прозе: Взгляд на военное искусство древних до изобретения огнестрельного оружия.
45. И. И. Брыков.
Переводы (в прозе): О методах.
46. И. Г. Покровский.
В стихах: Певец.
47. В. Н. Григорьев.

- В стихах: 1) Берега Волхова, 2) К уединению, 3) Близость милой,
4) Слеза раскаяния, 5) Гордость певца.
48. И. И. Висковатов.
В прозе: О стихотворениях Жуковского.
В стихах: Перемена.
49. А. Д. Илличевский.
Переводы (в стихах): Эпизод Инесы де Кастро. Отрывок из III песни «Лузиады».
50. Н. Д. Иванчин-Писарев.
В стихах: 1) К танцевальной зале, 2) Отрывок из поэмы «Греция».

ПОСТОРОННИЕ ЛИЦА

51. П. А. Муханов.
Переводы (в прозе): О числе поляков в Российской империи.
52. Г. Березин.
В прозе: Письма из Венгрии.
53. Г. Марков.
В стихах: Прощание с нянюшкой.
54. Г. Небольсин.
В стихах: На страшный суд (кантата).
55. Г. Ознобишин.
Переводы (в стихах): Залив Байия близ Неаполя (из Ламартина).
56. Г. Кардовский.
Стихи: К мотыльку.
57. Г. Блотницкий.
Переводы (в прозе): Об учебном заведении Фелленберга в Гофиле.
58. Г. Пушкин.
Стихи: Прощание.
59. Г. Загорский.
В стихах: Пустыня.
Переводы (в стихах): 1) Кальмар и Орля (из Байрона), 2) Морна (из Оссиана).
60. Г. Рубец.
Переводы (в стихах): 1) Одиночество (из Ламартина), 2) Вечер, 3) Воспоминание, 4) Озеро.
61. Г. Родзянка.
В стихах: Стансы.
62. Г. Крюков.
Переводы (в стихах): Завещание (из Мура).
63. Г. Герман.
В стихах: 1) Послание к Э...му, 2) Клен.
64. Неизвестные.
В стихах: 1) Родина, 2) Послание, 3) К гробнице, 4) Черный лес, 5) Напрасные ожидания, 6) Кант по случаю разбития Г. М. Веселовым закубанских народов, 7) Наказанная лисица.
Переводы (в стихах): Рассказ Терамека (из расиновой трагедии «Федра»).

Секретарь общества А. Никитин.

ЖУРНАЛ УЧЕНЫХ УПРАЖНЕНИЙ
 ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
 ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
 РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

1824 год

Заседание I

Января 7 дня. Понедельник

Присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Н. И. Кутузов, Б. М. Федоров, Ф. В. Булгарин, О. М. Сомов, С. С. де Шаплет, И. И. Висковатов, Я. Г. Ковалев, П. И. Колошин, А. Н. Пушкин, В. Н. Григорьев.

№	Слушали	Определили	Избрано ли по баллотиров- ванию
	В прозе		
1	Разбор анакреонтической оды Державина Мечта. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избр. един.
2	Критика «Полярная звезда». Соч. О. М. Сомова.	Одобрено.	Избр. един.
3	Первое посольство в Голландии при царе Алексее Михайловиче. Соч. А. О. Корниловича.	Одобрено.	Избр. един.
	В стихах		
4	Смерть Войнаровского. Соч. К. Рылеева.	Одобрено.	Избр. един.
5	Минутное посещение. Соч. Ф. Н. Глинка.	Одобрено.	Избр. един.
6	Две сцены из комедии «Ротмистр Громилов». Соч. Б. М. Федорова.	Одобрено.	Избр. един.
7	Разрушение Иерусалима. Соч. г. Ободовского.	Одобрено.	Избр. един.
8	Чувство плененного певца. Соч. В. Н. Григорьева.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание II

Января 14 дня. Понедельник

Присутствовали:
 председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — Д. М. Княжевич, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Н. И. Кутузов, И. Б. Чеславский, О. М. Сомов, А. А. Бестужев, И. И. Висковатов, Я. Г. Ковалев, П. И. Колошин, В. Н. Григорьев.

	В прозе		
9	Благодарность (из Сегюра). С фр. И. К. Аничкова.	Одобрено.	Избр. един.
	В стихах		
10	Замок Смольгольм (шотландская сказка) В. А. Жуковского.	Одобрено.	Избр. един.
11	Весна. Соч. С. Е. Раича.	Одобрено.	Избр. един.
12	Кот и мыши (басня). Соч. Я. Г. Ковалева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
13	Сон Гюона (из виландова «Оберона»). С нем. П. И. Колошина.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание III

Января 21 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, И. Д. Боровков, Н. А. Бестужев, А. Д. Боровков, Б. М. Федоров, А. А. Бестужев, Я. Г. Ковалев, В. Н. Григорьев и В. Д. Сухоруков.

	В прозе		
14	О введении огнестрельного оружия и об успехах артиллерийского искусства в России. Соч. А. Н. Пушкина.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
15	О военных реляциях. Соч. Е. Б. Фукса.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
	В стихах		
16	Кошка и Соловей (басня). Соч. И. А. Крылова.	Одобрено.	Избр. един.
17	Явление Кубры. Соч. графа Д. И. Хвостова.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
18	Аминте. Соч. Б. М. Федорова.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
19	Совет 12-летней красавице. Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
20	Хлоя. Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
21	К пастушке, прошившей фиалку. Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
22	Наказание. Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
23	Оракул. Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.

Заседание IV

Февраля 4 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — К. Ф. Рылеев, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Н. А. Бестужев, Н. И. Кутузов, В. К. Бриммер, Б. М. Федоров, А. А. Бестужев, О. М. Сомов, С. С. де Шаплет, А. Н. Очкин и В. Н. Григорьев.

В прозе			
24	Сравнение Колберта с Сюллием (из Томаса). С фр. И. К. Аничкова.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
25	О верховой езде. Соч. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.
26	Историческо - топографическое описание города Кадикса и его острова. С фр. О. М. Сомова.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
В стихах			
27	Спокойствие (элегия). Соч. М. А. Дмитриева.	Одобрено.	Избр. един.
28	Монастырь (элегия). Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.
29	Казацкая песня. Соч. Б. М. Федорова.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
30	Романс Илет. Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
31	Сельская песня. Его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
32	Жалобы израильтян (из Байрона). С фр. В. Н. Григорьева.	Одобрено.	Избр. един.
33	Гордость (подражание псалму). А. П. Буниной.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
34	Минута счастья. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.
35	Тщета суеты. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание V

Февраля 11 дня. Понедельник

Присутствовали:

ч л е н ы — А. О. Корнилович, А. А. Никитин, Г. И. Спасский, О. И. Сенковский, С. С. де Шаплет, А. Н. Пушкин, П. И. Колошин и И. И. Висковатов.

В прозе			
36	О благородстве чувствований. Соч. неизвестного.	Исправить и исключить свободные выражения.	Избр. больш. гол.
В стихах			
37	Незабудка. Соч. г. Теплякова.		Не избрано.
38	Зораида к шиповнику. Соч. его же.		Не избрано.
39	Дума на полях Бородина. Соч. неизвестного.		Не избрано.
40	Монастырь св. Бригитты (из виландова «Оберона»). С немецк. П. И. Колошина.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание VI

Февраля 18 дня. Понедельник

Присутствовали:

ч л е н ы — К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, И. Д. Боровков, Б. М. Федоров, А. Ф. Рихтер, О. М. Со-мов, А. А. Бестужев, П. И. Колошин, В. Н. Григорьев, А. В. Склабовский.

В п р о з е		
41	Письмо к приятелю о Пере- славле Залесском. Соч. не- известного.	Не избрано.
42	Сношения России с Голлан- дию с 1650 по 1660 год. Соч. А. О. Корниловича.	Одобрено. Избр. един.
43	Определение поэзии (из Бле- ра). С англ. А. А. Бесту- жева.	Одобрено. Избр. больш. гол.
44	Оратор (из Смоллета). С англ. его же.	Одобрено. Избрано.
45	Письмо Попа к епископу Ро- честерскому пред его изгна- нием. С англ. А. А. Бесту- жева.	Одобрено. Избр. больш. гол.
В с т и х а х		
46	Поэт и его судьи (басня). Соч. графа Д. И. Хвостова.	Не избрано.
47	Послание к князю А. А. Ша- ховскому на первое пред- ставление «Фингала», и песны «Ты и Вы». Соч. его же.	Не избрано.
48	Две собаки (басня). Соч. И. А. Крылова.	Одобрено. Избр. един.
49	Взгляд на природу. Соч. Б. М. Федорова.	Не избрано.
50	Земледелец и анст. Его же.	Не избрано.
51	Крестьянин и змия. Его же.	Не избрано.
52	Кот, еж и мышь. Его же.	Не избрано.
53	Птицы. Его же.	Не избрано.
54	Люди. Его же.	Не избрано.

Заседание VII

Марта 3 дня. Понедельник

Присутствовали:

ч л е н ы — А. А. Никитин, П. А. Плетнев, А. Д. Боровков, В. Н. Григорьев и И. И. Висковатов.

В п р о з е		
55	Разбор оды Петрова «Н. С. Мордвинову», писанной 1796 года. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено. Избр. един.

Заседание VIII

Марта 10 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — Д. М. Княжевич, К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, И. Д. Боровков, Н. А. Бестужев, А. Д. Боровков, А. А. Бестужев, О. М. Сомов, П. И. Колошин, Я. Г. Ковалев, П. Н. Арапов и В. Д. Сухоруков.

В прозе			
56	Отрывок из шиллеровой трагедии «Разбойники». С нем. П. И. Колошина.	Одобрено.	Избр. един.
57	Страсть спорить (из Мин Эджеворт). С англ. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.
58	Характер Марии Стюарт, королевы Шотландской (из Робертсона). Пер. его же.	Одобрено.	Избр. един.
59	Характер Елизаветы, королевы английской (из Робертсона). С англ. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.
60	Учение (из Бакона). Пер. его же.	Одобрено.	Избр. един.
61	Внутреннее состояние донских козаков в конце XVI столетия. Соч. В. Д. Сухорукова.	Одобрено.	Избр. един.
В стихах			
62	Глас пророка (из Иеремии). Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.
63	Гимн бога избранному его (из Исайи). Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание IX

Марта 17 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;
 члены — К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Н. И. Кутузов, барон А. А. Дельвиг, П. И. Колошин, А. Н. Пушкин, И. И. Висковатов.

В прозе			
64	Известие о побеге короля польского Станислава Лещинского из Данцига в Мариенвердер, им самим писанное. (Пер. барона И-ва).	Одобрено.	Избр. един.
В стихах			
65	Рыбьи пляски (басня). Соч. И. А. Крылова.	Одобрено.	Избр. един.

66	Отрывок из послания Элизы к Абеларду (подр. Попе). Соч. Крюкова.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
67	Разочарование. Соч. барона А. А. Дельвига.	Одобрено.	Избр. един.
68	Подражание Тассу. Соч. И. Козлова.	Одобрено.	Избр. един.

З а с е д а н и е X

Марта 24 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Н. А. Бестужев, Н. И. Кутузов, А. Е. Измайлов, О. М. Сомов, А. А. Бестужев, С. С. де Шаплет, А. Н. Пушкин, П. И. Колошин, И. И. Висковатов, В. Н. Григорьев, Я. Г. Ковалев и В. Д. Сухоруков.

В п р о з е			
69	Критика. «Кенильворт», роман Вальтера Скотта. С англ. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
70	Свобода или совершенное равнодушие. Ода Метастазию. С фр. И. И. Висковатова.		Не избрано.
71	День комиссионера (из Антенского пустынного). С фр. С. С. де Шаплета.	Одобрено.	Избр. един.
В с т и х а х			
72	Отрывок из Оберона. С нем. П. И. Колошина.	Одобрено.	Избр. един.
73	Кулик-астроном, или свинья и лисица (басня). Соч. А. Е. Измайлова.	Одобрено.	Избр. един.

З а с е д а н и е XI

Апреля 14 дня. Понедельник

Присутствовали:

члены: К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, И. Д. Боровков, барон А. А. Дельвиг, А. А. Бестужев, А. Ф. Рихтер, О. И. Сенковский, П. И. Колошин и В. Н. Григорьев.

В п р о з е			
74	Речь лорда Чатама об американских делах в 1777 году. С англ. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.
75	Сравнение морской войны с сухопутною (из записок Наполеона, изданных Гурго). С фр. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.

76	Замечания об острове и ордене Мальты (из записок Наполеона, изданных Гурго). С фр. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.
----	---	-----------	-------------

Заседание XII

Апреля 21 дня. Понедельник

Присутствовали:

члены — А. А. Никитин, А. Д. Боровков, А. А. Бестужев, С. С. де Шаплет и А. Н. Очкин.

В прозе			
77	Портрет мудреца нашего времени (из Сегюра). С фр. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.
В стихах			
78	Отрывок письма, в котором автор уверяет приятеля, что слух, будто бы Карамзин не будет продолжать истории, несправедлив. Соч. Н. Д. Иванчина-Писарева.		Не избрано.
79	На курганах у Воскресенья в Молодях. Соч. его же.		Не избрано.
80	При получении от И. И. Дмитриева собственноручного манускрипта со всех его сочинений. Соч. его же.		Не избрано.
81	Эпоха мудрости. Соч. его же.		Не избрано.
82	Бессмертие. С нем. Н. И. Розенмейера.	Исправить.	Избр. больш. гол.
83	Последнее желание. С нем. его же.	Исправить.	Избр. больш. гол.
84	Муза. Соч. Н. Языкова.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XIII

Мая 5 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — А. О. Корнилович, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, Н. К. Аничков, П. И. Кеппен, Я. О. Пожарский, А. А. Бестужев, О. М. Сомов, С. С. де Шаплет, П. Н. Арапов, А. Н. Очкин.

В прозе			
85	Портретная галлерей (из книги «The Humorists»). С англ. А. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
86	День в трактире английского городка (из той же книги). С англ. его же.	Одобрено.	Избр. больш. гол.

87	Волшебные очки (из Антенского пустынного). С фр. С. С. де Шаплета. В стихах	Одобрено.	Избр. больш. гол.
88	К П. А. Ж. (с дороги). Соч. В. И. Панаева.	Одобрено.	Избр. больш. гол.

Заседание XIV

Мая 12 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — А. О. Корнилович, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, Н. К. Аничков, А. Н. Пушкин, А. Н. Очкин и В. Н. Григорьев.

89	В стихах К ночи. Соч. В. Н. Григорьева.	Одобрено.	Избр. един.
90	Воззвание к человеку. Соч. А. А. Волковой.	Исправить.	Избр. больш. гол.

Заседание XV

Мая 19 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — К. Ф. Рылаев, Н. А. Бестужев, Д. И. Воронов, В. В. Любарский, И. И. Висковатов, Я. Г. Ковалев, А. Н. Очкин и В. Н. Григорьев.

91	В прозе О влиянии женщин в обществе на литературу и искусства. Перевод с фр. А. Н. Очкина.	Одобрено.	Избр. един.
92	Путешествие на катере. Соч. Н. А. Бестужева.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XVI

Июня 2 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — Н. А. Бестужев, Е. П. Люценко, граф Д. И. Хвостов, П. И. Кеппен, А. А. Бестужев, А. Н. Очкин и В. Н. Григорьев.

93	В прозе Общественное воспитание должно ли предпочтительно быть домашнему. Соч. И. Н. Пашутина.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
----	---	-----------	-------------------

94	О знатнейших философах, бывших прежде и после Канта. Пер. с фр. А. Д. Боровкова. В стихах	Одобрено.	Избр. един.
95	Романс. Соч. В. Н. Григорьева.	Одобрено.	Избр. един.
96	Романс. Соч. Ф. Н. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.
97	Желание бога. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XVII

Июня 16 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — К. Ф. Рылеев, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, М. М. Сорокин и А. Н. Очкин.

	В прозе		
98	Проспект издаваемого в Париже журнала Бюллетень наук и промышленности. С фр. А. Н. Очкина.	Одобрено.	Избр. един.
99	О древностях, найденных в Киеве. Соч. М. Ф. Берлинского.	Одобрено.	Избр. един.
	В стихах		
100	Евпатий. Соч. Н. М. Языкова.	Одобрено.	Избр. един.

Председатель Ф. Глинка.

Помощник председателя граф Салтыков.

Секретарь общества А. Никитин.

Заседание XVIII

Августа 4 дня. Понедельник

Присутствовали:

члены — К. Ф. Рылеев, А. А. Никитин, А. Ф. Рихтер, А. Н. Очкин, И. И. Висковатов и В. Н. Григорьев.

	В прозе		
101	О прекрасном вообще, особенно же о прекрасном видимом. С фр. А. Ф. Рихтера.	Одобрено.	Избр. един.
	В стихах		
102	Анюта. Соч. г-на Загорского.	Одобрено.	Избр. един.

З а с е д а н и е XIX

Августа 11 дня. Понедельник

Присутствовали:

ч л е н ы — К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Н. И. Кутузов, И. Н. Лобойко, П. И. Колошин, С. С. де Шаплет, А. Н. Очкин и Я. Г. Ковалев.

	В п р о з е		
103	Удовольствие и горестъ или вещи приятные и неприятные вообще. Соч. г. Созоновича.		Не избрано.
	В с т и х а х		
104	Пароход. Соч. П. И. Колошина.	Одобрено.	Избр. един.

З а с е д а н и е XX

Августа 18 дня. Понедельник

Присутствовали:

ч л е н ы — Д. М. Княжевич, К. Ф. Рылеев, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, И. Б. Чеславский, Д. И. Воронов, И. Н. Лобойко, А. М. Княжевич, А. Н. Пушкин, П. И. Колошин, А. Н. Очкин и В. Н. Григорьев.

	В п р о з е		
105	О морском приливе и отливе. С фр. пер. неизвестного. Дост. П. А. Плетневым.	Одобрено.	Избр. един.
106	О подражании (из Квинтилиана). С латинск. неизвестного. Дост. тем же.	Одобрено.	Избр. един.
107	Об измерении поверхности земного шара (из Мальт-Брюна). С фр. неизвестного. Дост. тем же.	Одобрено.	Избр. един.
108	О стихотворении графа Д. И. Хвостова, под названием Екатерингофское гулянье. Соч. А. Мартынова.		Не избрано.
109	Некоторые мысли Франклина. Пер. неизвестного. Дост. В. Н. Григорьевым.	Одобрено.	Избр. больш. гол.
	В с т и х а х		
110	Слава. Соч. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избр. един.

З а с е д а н и е XXI

Сентября 1 дня. Понедельник

Присутствовали:

ч л е н ы — А. О. Корнилович, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Н. И. Кутузов, С. С. де Шаплет и А. Н. Пушкин.

В прозе			
111	О лирическом поэте Боброве. Соч. А. А. Писарева.	Одобрено.	Не избрано.
112	Илья Копьевич ученый муж времен Петра Великого. Соч. его же.	Одобрено.	Избр. един.
113	Нечто о нравственной философии. С итал. А. Замятина.	Одобрено.	Избр. един.
114	Описание древностей, найденных в Киеве в 1824 году. Соч. П. А. Муханова.	Одобрено.	Избр. един.
115	Париж в разные часы. С фр. С. С. де Шаплета.	Одобрено.	Избр. един.
В стихах			
116	Выкуп Оссиана. Соч. А. И. Писарева.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XXII

Сентября 22 дня. Понедельник

Присутствовали:
члены — А. А. Никитин, И. К. Аничков, Д. И. Воронов и В. Н. Григорьев.

В стихах			
117	Романс. С фр. В. Н. Григорьева.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XXIII

Октября 6 дня. Понедельник

Присутствовали:
председатель — Ф. Н. Глинка;
члены — П. А. Плетнев, И. К. Аничков и П. И. Кеппен.

В стихах			
118	Отрывки из антологии. Н. И. Розенмейера.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XXIV

Октября 13 дня. Понедельник

Присутствовали:
председатель — Ф. Н. Глинка;
члены — П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Д. И. Хвостов, С. С. де Шаплет, А. Ф. Рихтер, А. Н. Пушкин, А. Н. Очкин, Я. Г. Ковалев и В. Н. Григорьев.

В прозе			
	Лакейские нравы. Пер. С. С. де Шаплета.	Одобрено.	Избр. един.

120	Отрывки из журнала плавания Этолина.	Одобрено.	Избр. един.
121	Ужасный охотник (из Вальтера Скотта). Пер. С.	Одобрено.	Избр. больш. гол.

Заседание XXV

Октября 20 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — П. А. Плетнев, И. К. Аничков, Н. А. Бестужев, В. Б. Броневский и П. И. Колошин.

В прозе			
122	Замечание о количествах противоположных. Соч. Д. М. Перевощикова.	Одобрено.	Избр. един.
123	Юнио и Теана. Пер. из Гренгера. И. К. Аничкова.	Одобрено.	Избр. един.
124	Описание карпатских Альп. Соч. Броневского.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XXVI

Ноября 3 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — П. А. Плетнев, Н. И. Кутузов, А. А. Бестужев, О. М. Сомов и А. Н. Пушкин.

В прозе			
125	Эпикур в гостях у Леониции. С фр. И. К. Аничкова.	Одобрено.	Избр. един.
126	О дружбе (из Сегюра). Дост. Плетневым.	Одобрено.	Избр. един.
В стихах			
127	Изгнанник. Соч. г. Шабаева.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XXVII

Ноября 17 дня. Понедельник

Присутствовали:

председатель — Ф. Н. Глинка;

члены — П. А. Плетнев, А. Д. Боровков, П. И. Кеппен и О. М. Сомов.

В прозе			
128	О истинном просвещении. Соч. А. Боровкова.	Одобрено.	Избр. един.
129	Отрывки из путешествия. В. Кюхельбекера.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XXVIII

Декабря 8 дня. Понедельник

Присутствовали:

ч л е н ы — А. А. Никитин, И. К. Аничков, И. Д. Боровков, Н. А. Бестужев, О. М. Сомов, С. С. де Шаплет, А. Н. Пушкин, Я. Г. Ковалев и В. Н. Григорьев.

	В прозе		
130	Зрелища без платы (из Антенского пустытника). С фр. С. С. де Шаплета.	Одобрено.	Избр. един.

Заседание XXIX

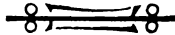
Декабря 15 дня. Понедельник

Присутствовали:

п р е с е д а т е л ь — Ф. Н. Глинка;
ч л е н ы — А. А. Никитин, И. К. Аничков, И. Б. Чеславский, С. С. де Шаплет и П. Н. Арапов.

	В прозе		
131	О приятностях воспоминания. Соч. Чеславского.	Одобрено.	Избр. един.
132	Орлеанская дева. Критика. П. А. Плетнева.	Одобрено.	Избр. един.
133	О занятиях оратора, окончившего свое поприще (из Квинтилиана). Его же.	Одобрено.	Избр. един.
	В стихах		
134	Гнев господина на нечистых (из Пророка Иезекииля). Соч. Ф. Глинки.	Одобрено.	Избр. един.

Председатель Ф. Глинка.
Секретарь общества А. Никитин.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ, ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ
И ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ
ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

(по старшинству вступления)

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ

1. Боровков Александр Дмитриевич —	17 января 1816 г.
2. Никитин Андрей Афанасьевич —	17 января 1816 г.
3. Люценко Ефим Петрович —	17 января 1816 г.
4. Боровков Иван Дмитриевич —	17 января 1816 г.
5. Ильин Иван Ильич —	25 января 1816 г.
6. Дуроп Андрей Кристианович —	25 января 1816 г.
7. Дуроп Александр Кристианович —	25 января 1816 г.
8. Кеппен Петр Иванович —	1 февраля 1816 г.
9. Сонин Михаил Михайлович —	1 февраля 1816 г.
10. Воронов Дмитрий Иоакимович —	12 марта 1816 г.
11. Розенмейер Николай Иванович —	25 апреля 1816 г.
12. Кеппен Карл Иванович —	25 апреля 1816 г.
13. Гарижский Иван Андреевич —	25 апреля 1816 г.
14. Ковалевский Евграф Петрович —	2 мая 1816 г.
15. Бриммер Владимир Карлович —	2 мая 1816 г.
16. Хвостов Дмитрий Иванович —	23 мая 1816 г.
17. Федоров Василий Михайлович —	4 июля 1816 г.
18. Тучков Сергей Алексеевич —	22 августа 1816 г.
19. Салтыков Сергей Петрович —	5 сентября 1816 г.
20. Кокошкин Иван Алексеевич —	19 сентября 1816 г.
21. Шидлефель Федор Григорьевич —	5 декабря 1816 г.
22. Глинка Федор Николаевич —	5 декабря 1816 г.
23. Измайлов Александр Ефимович —	18 февраля 1818 г.
24. Греч Николай Иванович —	18 февраля 1818 г.
25. Крылов Александр Абрамович —	20 февраля 1817 г. в со-
трудники; 4 марта 1818 г.
в действительные члены
26. Гевлич Аксентий Павлович —	13 марта 1817 г. в сотру-
дники; 29 апреля 1818 г.
в действительные члены.

27. Лобойко Иван Николаевич —
28. Папкович Федор Федорович —
29. Пожарский Яков Осипович —
30. Дельвиг Антон Антонович —
31. Сахаров Дмитрий Васильевич —
32. Анастасевич Василий Григорьевич —
33. Федоров Борис Михайлович —
34. Плетнев Петр Александрович —
35. Каразин Василий Назарьевич —
36. Рихтер Александр Федорович —
37. Кюхельбекер Вильгельм Карлович —
38. Панаев Владимир Иванович —
39. Загоскин Михаил Николаевич —
40. Цертелев Николай Андреевич —
41. Лажечников Иван Иванович —
42. Сомов Орест Михайлович —
43. Корф Модест Антонович —
44. Лобанов Михаил Евстафьевич —
45. Спасский Григорий Иванович —
46. Меньшенин Дмитрий Степанович —
47. Бестужев Александр Александрович —
48. Аничков Иван Кондратьевич —
49. Кутузов Николай Иванович —
50. Баратынский Евгений Абрамович —
51. Кошанский Николай Федорович —
- 23 мая 1816 г. в сотрудники; 13 мая 1818 г. в действительные члены.
- 15 ноября 1817 г. в корреспонденты; в 1818 г. в действительные члены.
- 16 января 1817 г. в сотрудники; 16 июня 1819 г. в действительные члены.
- 22 сентября 1819 г. в сотрудники; 3 октября 1819 г. в действительные члены.
- 6 октября 1819 г. в сотрудники; 31 октября в действительные члены.
- 31 октября 1819 г.
- 31 октября 1819 г.
- 20 октября 1819 г. в сотрудники; 10 ноября в действительные члены.
- 3 ноября 1819 г. в почетные члены; 24 ноября в действительные члены.
- 13 ноября 1817 г. в сотрудники; 3 января 1820 г. в действительные члены.
- 10 ноября 1819 г. в сотрудники; 3 января 1820 г. в действительные члены.
- 9 января 1820 г.
- 9 января 1820 г.
- 26 февраля 1820 г.
- 2 февраля 1818 г. в сотрудники; 26 апреля 1820 г. в действительные члены.
- 13 мая 1818 г. в сотрудники; 24 мая 1820 г. в действительные члены.
- 1 декабря 1819 г. в сотрудники; 24 мая 1820 г. в действительные члены.
- 23 августа 1820 г.
- 23 августа 1820 г.
- 13 марта 1817 г. в корреспонденты; 27 сентября 1820 г. в действительные члены.
- 15 ноября 1820 г.
- 4 марта 1818 г. в сотрудники; 31 января 1821 г. в действительные члены.
- 21 февраля 1821 г.
- 26 января 1820 г. в корреспонденты; 28 марта 1821 г. в действительные члены.
- 28 марта 1821 г.

52. Булгарин Фаддей Венедиктович —
53. Гиедич Николай Иванович —
54. Лыкошин Яков Михайлович —
55. Бестужев Николай Александрович —
56. Княжевич Дмитрий Максимович —
57. Норов Абрам Сергеевич —
58. Висковатов Степан Иванович —
59. Рылеев Кондратий Федорович —
60. Коншин Николай Михайлович —
61. Княжевич Александр Максимович —
62. Княжевич Владислав Максимович —
63. Сенковский Осип Иванович —
64. Корнилович Александр Осипович —
65. Любарский Василий Васильевич —
66. Туманский Василий Иванович —
67. Чеславский Иван Богданович —
68. Шаплет Самойло Самойлович —
69. Григорьев Василий Никифорович —
70. Пушкин Андрей Никифорович —
71. Сухоруков Василий Дмитриевич —
72. Колошин Петр Иванович —
73. Дмитриев Михаил Александрович —
74. Языков Николай Михайлович —
75. Торсон Константин Петрович —
76. Козлов Иван Иванович —
77. Перевозчиков Дмитрий Матвеевич —
78. Княжевич Николай Максимович —
79. Арапов Пимен Николаевич —
80. Чебышев Петр Николаевич —
81. Грибоедов Александр Сергеевич —
82. Полевой Николай Алексеевич —
- 28 марта 1821 г.
9 декабря 1818 г. в почетные члены; 31 мая 1821 г. в действительные члены.
26 апреля 1820 г. в сотрудники; 31 мая 1821 г. в действительные члены.
28 марта 1821 г. в сотрудники; 31 мая в действительные члены.
31 мая 1821 г.
6 июня 1821 г.
31 октября 1821 г.
25 апреля 1821 г. в сотрудники; 19 декабря в действительные члены.
13 мая 1821 г. в сотрудники; 19 декабря в действительные члены.
19 декабря 1821 г.
19 декабря 1821 г.
19 декабря 1821 г.
31 января 1821 г. в сотрудники; 28 августа 1822 г. в действительные члены.
29 августа 1821 г. в сотрудники; 18 декабря 1822 г. в действительные члены.
18 декабря 1822 г.
18 декабря 1822 г.
17 декабря 1823 г. в сотрудники; 4 февраля 1824 г. в действительные члены.
17 декабря 1823 г. в сотрудники; в 1824 г. в действительные члены.
17 декабря 1823 г. в сотрудники; в 1824 г. в действительные члены.
17 декабря 1823 г. в сотрудники; в 1824 г. в действительные члены.
15 декабря 1824 г.
15 декабря 1824 г.
15 декабря 1824 г.
15 декабря 1824 г.
15 декабря 1824 г.
15 декабря 1824 г.
15 декабря 1824 г.
11 декабря 1819 г. в сотрудники.
1 декабря 1819 г. в сотрудники.
15 декабря 1824 г.
15 декабря 1824 г.

ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ

1. Эттер Карл Антонович —	4 июля 1816 г.
2. Жилин Александр Дмитриевич —	12 декабря 1816 г.
3. Гольстен Константин Карлович —	16 апреля 1817 г.
4. Висковатов Иван Иванович —	21 января 1818 г.
5. Вульф Симон Львович —	21 января 1818 г.
6. Аксенов Семен Николаевич —	18 февраля 1818 г.
7. Алферьев Василий Сергеевич —	18 февраля 1818 г.
8. Лобойко Порфирий Николаевич —	1 апреля 1818 г.
9. Вольгемут Иван Николаевич —	25 августа 1819 г.
10. Владиславлев Алексей Александрович —	26 августа 1819 г.
11. Брыков Иван Иванович —	27 октября 1819 г.
12. Брайкевич Василий Иванович —	1 декабря 1819 г.
13. Покровский Иван Гаврилович —	5 января 1820 г.
14. Гиппинг Андрей Данилович —	12 января 1820 г.
15. Ковалев Яков Григорьевич —	26 апреля 1820 г.
16. Великопольский Иван Ермолаевич —	23 августа 1820 г.
17. Шверин Густав Адольфович —	27 сентября 1820 г.
18. Теряев Павел Андреевич —	31 января 1821 г.
19. Доброхотов Петр Егорович —	28 марта 1821 г.
20. Писарев Александр Иванович —	31 мая 1821 г.
21. Голицын Николай Сергеевич —	3 октября 1821 г.
22. Очкин Амплий Николаевич —	9 декабря 1821 г.
23. Васьков Дмитрий Николаевич —	8 декабря 1822 г.
24. Замятнин Алексей Михайлович —	15 декабря 1824 г.

ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ

1. Селиванов Тимофей Иванович —	25 апреля 1816 г.
2. Кондырев Петр Сергеевич —	15 сентября 1816 г.
3. Герман Федор Иванович —	5 февраля 1817 г.
4. Якоб Адольф Людвигович —	13 марта 1817 г.
5. Евстафьев Алексей Григорьевич —	18 сентября 1817 г.
6. Будищев Иван Матвеевич —	15 ноября 1817 г.
7. Бабаев Иван Савич —	13 ноября 1817 г.
8. Фон Гибенталь Карл Иванович —	13 ноября 1817 г.
9. Берлинский Максим Федорович —	13 ноября 1817 г.
10. Воскресенский Петр Герасимович —	18 ноября 1817 г.
11. Морозов Иван Григорьевич —	18 февраля 1818 г.
12. Буссе Карл Иванович —	4 марта 1818 г.
13. Ивановский Андрей Андреевич —	29 апреля 1818 г.
14. Гесс Густав Густавович —	10 июня 1818 г.
15. Корбелецкий Федор Иванович —	10 июня 1818 г.
16. Раск Эразм Христианович —	9 июля 1818 г.
17. Новиков Михаил Николаевич —	30 сентября 1818 г.
18. Симонов Иван Михайлович —	25 августа 1819 г.
19. Вук Стефанович —	25 августа 1819 г.
20. Склабовский Александр Васильевич —	10 ноября 1819 г.
21. Ходаковский Зорин Яковлевич —	24 ноября 1819 г.
22. Дю Брукс Павел Александрович —	26 апреля 1820 г.
23. Лошаков Степан Ефимович —	31 января 1821 г.
24. Попов Никита Савич —	28 марта 1821 г.
25. Менделеев Иван Павлович —	28 марта 1821 г.
26. Попов Иван Михайлович —	28 марта 1821 г.
27. Манассеин Эльпидифор Петрович —	28 марта 1821 г.
28. Илличевский Алексей Демьянович —	25 апреля 1821 г.

29. Стефани Карл Федорович —	25 апреля 1821 г.
30. Снегирев Иван Михайлович —	31 мая 1821 г.
31. Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич —	29 августа 1821 г.
32. Полугарский Илья Иванович —	29 августа 1821 г.
33. Матвеев Григорий Кондратьевич —	2 октября 1821 г.
34. Раич Семен Егорович —	2 октября 1821 г.
35. Калайдович Константин Федорович —	12 июня 1822 г.
36. Головин Василий Иванович —	12 июня 1822 г.
37. Пелчинский Викентий Станиславович —	12 июня 1822 г.
38. Полевой Николай Алексеевич —	17 декабря 1823 г.
39. Глебович Антон Матвеевич —	15 декабря 1824 г.

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ

1. Крикуновский Тимофей Никитич —	8 февраля 1816 г.
2. Фок Максим Яковлевич —	4 июля 1816 г.
3. Панснер Лаврентий Иванович —	4 июля 1816 г.
4. Сушков Михаил Николаевич —	4 июля 1816 г.
5. Теряев Андрей Михайлович —	22 августа 1816 г.
6. Свиньин Павел Петрович —	19 сентября 1816 г.
7. Волкова Анна Алексеевна —	19 сентября 1816 г.
8. Янковский Николай Максимович —	19 сентября 1816 г.
9. Рейт Бернгард Осипович —	25 сентября 1816 г.
10. Ястребцов Иван Иванович —	24 октября 1816 г.
11. Сарычев Гаврила Андреевич —	5 декабря 1816 г.
12. Помиан-Пезаровиус Павел Павлович —	26 декабря 1816 г.
13. Бедринский Иоанн Иоаннович —	16 января 1817 г.
14. Мартынов Иван Иванович —	27 января 1817 г.
15. Аделунг Федор Павлович —	13 февраля 1817 г.
16. Прокопович-Антонский Антон Антонович —	13 февраля 1817 г.
17. Волков Александр Гаврилович —	20 февраля 1817 г.
18. Тимковский Иван Осипович —	13 ноября 1817 г.
19. Долгорукий Иван Михайлович —	13 ноября 1817 г.
20. Попов Василий Михайлович —	13 ноября 1817 г.
21. Фитингоф Борис Михайлович —	20 ноября 1817 г.
22. Кайсаров Петр Сергеевич —	20 ноября 1817 г.
23. Шишков Александр Семенович —	4 декабря 1817 г.
24. Сипягин Николай Мартыанович —	11 декабря 1817 г.
25. Кавелин Дмитрий Александрович —	11 декабря 1817 г.
26. Голенищев-Кутузов Логин Иванович —	18 февраля 1818 г.
27. Тургенев Александр Иванович —	18 февраля 1818 г.
28. Фукс Егор Борисович —	18 февраля 1818 г.
29. Репнин Николай Григорьевич —	4 марта 1818 г.
30. Головин Василий Михайлович —	11 марта 1818 г.
31. Ермолов Алексей Петрович —	8 апреля 1818 г.
32. Крылов Иван Андреевич —	29 апреля 1818 г.
33. Жуковский Василий Андреевич —	29 апреля 1818 г.
34. Батюшков Константин Николаевич —	29 апреля 1818 г.
35. Сперанский Михаил Михайлович —	29 апреля 1818 г.
36. Муравьев Николай Назарович —	29 апреля 1818 г.
37. Филимонов Владимир Сергеевич —	29 апреля 1818 г.
38. Толстой Федор Петрович —	6 мая 1818 г.
39. Ланжерон Александр Федорович —	29 июля 1818 г.
40. Нарышкин Александр Львович —	5 августа 1818 г.
41. Каменский Сергей Михайлович —	18 августа 1818 г.
42. Милорадович Михаил Андреевич —	30 сентября 1818 г.
43. Евгеный, митрополит Киевский и Галлицкий —	9 декабря 1818 г.

44. Линде Самуил Богумил —	9 декабря 1818 г.
45. Оленин Алексей Николаевич —	25 августа 1819 г.
46. Уваров Сергей Семенович —	25 августа 1819 г.
47. Каченовский Михаил Трофимович —	25 августа 1819 г.
48. Лонгинов Николай Михайлович —	8 сентября 1819 г.
49. Глинка Сергей Николаевич —	8 сентября 1819 г.
50. Яценков Григорий Максимович —	8 сентября 1819 г.
51. Карамзин Николай Михайлович —	9 февраля 1820 г.
52. Бунина Анна Петровна —	9 февраля 1820 г.
53. Шаховской Александр Александрович —	26 апреля 1820 г.
54. Востоков Александр Христофорович —	23 августа 1820 г.
55. Остолопов Николай Федорович —	23 августа 1820 г.
56. Воейков Александр Федорович —	23 августа 1820 г.
57. Булгаков Константин Яковлевич —	23 августа 1820 г.
58. Мелединский-Мелецкий Юрий Александрович —	23 августа 1820 г.
59. Корнеев Захарий Яковлевич —	13 сентября 1820 г.
60. Вяземский Петр Андреевич —	27 сентября 1820 г.
61. Тургенев Николай Иванович —	27 сентября 1820 г.
62. Писарев Александр Александрович —	15 ноября 1820 г.
63. Мордвинов Николай Семенович —	15 ноября 1820 г.
64. Шредер Николай Иванович —	13 ноября 1817 г. в корреспонденты, 31 января 1821 г. в почетные члены.
65. Кайсаров Михаил Сергеевич —	31 января 1821 г.
66. Добровский Иосиф —	31 января 1821 г.
67. Шторх Андрей Карлович —	28 марта 1821 г.
68. Соколов Петр Иванович —	28 марта 1821 г.
69. Словцов Петр Андреевич —	28 марта 1821 г.
70. Фон Реке Иван Федорович —	25 апреля 1821 г.
71. Кокошкин Федор Федорович —	31 мая 1821 г.
72. Шатров Николай Михайлович —	31 мая 1821 г.
73. Измайлов Владимир Васильевич —	31 мая 1821 г.
74. Россинский Кирилл Васильевич —	2 февраля 1820 г. в корреспонденты, 28 августа в почетные члены.
75. Рикорд Петр Иванович —	29 августа 1821 г.
76. Ахтарумов Дмитрий Иванович —	29 августа 1821 г.
77. Котляревский Иван Петрович —	29 августа 1821 г.
78. Рикорд Людмила Ивановна —	29 августа 1821 г.
79. Меньшиков Александр Сергеевич —	29 августа 1821 г.
80. Пучкова Екатерина Наумовна —	31 октября 1821 г.
81. Берх Василий Николаевич —	31 октября 1821 г.
82. Данилевский Александр Иванович —	31 октября 1821 г.
83. Брусилов Николай Петрович —	31 октября 1821 г.
84. Нилов Петр Андреевич —	31 октября 1821 г.
85. Васильев Владимир Федорович —	31 октября 1821 г.
86. Лубяновский Федор Петрович —	19 декабря 1821 г.
87. Иловайский Алексей Васильевич —	19 декабря 1821 г.
88. Сестренцевич-Богуш Станислав —	19 декабря 1821 г.
89. Языков Дмитрий Иванович —	19 декабря 1821 г.
90. Львов Федор Петрович —	19 декабря 1821 г.
91. Гольянский Викентий Иванович —	19 декабря 1821 г.
92. Степанов Александр Петрович —	18 декабря 1822 г.
93. Г. Раковецкий —	18 декабря 1822 г.
94. Броневский Владимир Богданович —	18 декабря 1822 г.
95. Лелевель Иоаким —	18 декабря 1822 г.
96. Ширинский-Шихматов Платон Александрович —	15 декабря 1824 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. К.** см. Корнилович Александр Осипович.
А. Н. см. Никитин Андрей Афанасьевич.
А. П. см. Пушкин Александр Сергеевич.
 Абрамов Александр 173, 176, 177.
 Абрамов Яков Васильевич 121.
 Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан Август) 150.
 Адамович 410.
 Аделунг Федор Павлович 376, 446.
 Адмилов, подполковник 173.
 Азадовский Марк Константинович 261, 308, 343.
 Азаревичева Надежда Аполлоновна 212.
 Аксенов Семен Николаевич 445.
 Алгаротти Франческо 352, 402.
 Александр I 7, 13, 15, 16, 29, 44, 49, 57, 70, 77, 81—83, 119—121, 136—138, 140, 144, 150, 151, 165, 168, 170, 174, 175, 177, 179, 180, 183—186, 191, 192, 194, 195, 207—209, 212, 213, 306, 312, 365.
 Александр II 136.
 Александр Невский 158, 264.
 Алексеев Михаил Павлович 162.
 Алисов С. П. 394.
 Алферьев Василий Сергеевич 250, 374, 445.
 Альфиери Витторио 360.
 Анахарсис 91, 92.
 Аничков Иван Кондратьевич 32, 249, 281, 284, 290, 291, 295, 301, 313, 314, 317, 331, 332, 334, 350, 369, 373, 374, 376—378, 380, 381, 386—388, 390, 392, 401, 409, 411—413, 416—419, 421, 423—425, 429—436, 438—441, 443.
 Анненков Павел Васильевич 36.
 Антонович 10.
 Аракчеев Алексей Андреевич 29, 77, 144, 162, 164, 178, 207, 212, 273, 324.
 Арапов Пимен Николаевич 249, 281, 284, 334, 369, 372, 374, 375, 377—379, 400, 404, 405, 411, 413, 415, 416, 418, 419, 421, 422, 433, 435, 441, 444.
 Арбузов Антон Петрович 332, 343.
 Аргутинский-Долгорукий 420.
 Аристид 14, 144.
 Арсеньев Константин Иванович 63, 68.
 Архилов Владимир Александрович 275, 282.
 Ахвердов Федор Исаевич 394.
 Ахтарумов Дмитрий Иванович 447.
Б. П. И. Г. 197.
 Бабаев Иван Савич 445.
 Багратион Петр Иванович 88, 104.
 Багалей Дмитрий Иванович 119, 131, 142, 164.
 Баггеэн Иенс 395.
 Базанов Василий Григорьевич 50, 117, 282, 362.
 Байков Илья Иванович, лейб-кучер 212.
 Байрон Джордж Ноэль Гордон 56, 271, 339, 360, 388, 399, 407, 408, 428, 431.
 Байтин М. И. 179.
 Бакон (Бэкон) Фрэнсис 433.
 Бакхилид 370.
 Бальдауф Федор Иванович 398.
 Баратынский Евгений Абрамович 42, 43, 126, 141, 142, 144, 145, 155, 225, 229, 236, 247, 249, 297, 371, 373, 375, 377, 388, 390, 394, 398, 401, 402, 410, 415, 427, 443.

- Бартеlemi Жан Жак 91, 92.
 Бартенев Петр Иванович 306.
 Батеньков Гавриил Степанович 64,
 181, 296, 324, 325.
 Баторий Стефан 226.
 Батурич, следственный пристав 194,
 198, 202, 205.
 Батый, хан 259.
 Батюшков Константин Николаевич
 42, 110, 229, 375, 446.
 Бегров, литограф 20.
 Бедринский Иоанн Иоаннович 446.
 Бейсов Петр Сергеевич 26, 157.
 Беккария Чезаре 112.
 Белинский Виссарион Григорьевич
 106, 234.
 Бель (Белль) Андю 15, 21.
 Белюстин Никита Федорович 369.
 Беляев Александр Петрович 31.
 Беляев Петр Петрович 352.
 Беляевы 352.
 Бенкендорф Александр Христофо-
 рович 167, 185, 208, 209, 342.
 Бентам Иеремия 112.
 Берг Николай Васильевич 207.
 Березин Алексей Сергеевич 428.
 Берлинский Максим Федорович 437,
 445.
 Беррийский (де Берри Карл Ферди-
 нанд), герцог 239.
 Берх Василий Николаевич 292, 427,
 447.
 Бестужев (Марлинский) Александр
 Александрович 10, 30, 32, 43,
 53—55, 98, 143, 144, 155, 178,
 180—183, 207, 222, 223, 225—
 230, 240—242, 247—249, 256—
 259, 263, 264, 266, 268—271, 273,
 276—278, 281—284, 287—300,
 303—313, 316—322, 324—328,
 331, 333—337, 339, 341—347,
 349—352, 357—360, 362, 363,
 366, 368, 388—390, 392, 393,
 395—397, 406, 411—425, 429—
 436, 440, 443.
 Бестужев Михаил Александрович
 187, 313, 332, 339, 343, 362.
 Бестужев Николай Александрович 10,
 31, 32, 64, 70, 97, 113, 181, 225,
 239—241, 249, 256—261, 273,
 276, 291, 292, 299, 300, 313—
 315, 317, 319, 323, 324, 331—
 334, 339, 343, 350, 360, 366, 394,
 396, 398, 399, 402, 405, 408—
 415, 417, 418, 421, 427, 430, 433,
 434, 436, 440, 441, 444.
 Бестужев Петр Александрович 141.
 Бестужев-Рюмин Михаил Павлович
 166, 167, 244.
 Бестужевы 55, 151, 223, 241, 315,
 332, 339, 350, 363, 366, 367.
 Бирюков (Бируков) Александр Семе-
 нович 43.
 Благой Дмитрий Дмитриевич 234.
 Бланшард Петр 104.
 Блекволь Томас 353.
 Блер Гуг, 388, 432.
 Блотницкий 428.
 Блудов Дмитрий Николаевич 39.
 Блюммер 397.
 Богаевская Ксения Петровна 300.
 Богданович Ипполит Федорович 104,
 280.
 Бодянский Осип Максимович 131.
 Боккаччио Джованни 385, 386.
 Боп (Бопп) Франц 388.
 Борзцовский С. П. 230, 403.
 Борн Иван Мартьянович 42.
 Боровков Александр Дмитриевич 9—
 11, 31, 32, 64, 69—71, 76—79,
 86, 87, 93, 94, 113, 133, 154,
 216, 217, 235, 249, 266, 290, 291,
 295, 315, 334, 337, 349, 369,
 371—379, 381, 383—388, 390,
 391, 394, 399, 403, 404, 409,
 413, 415—417, 423, 430, 432,
 433, 435, 437, 440, 442.
 Боровков Д. Н. 35.
 Боровков Иван Дмитриевич 10, 86,
 87, 94, 249, 266, 281, 284, 290—
 292, 334, 349, 369—374, 377,
 379, 381, 385—389, 410, 412,
 415, 421, 430, 432—434, 441,
 442.
 Боровков Н. А. 69.
 Боровковы 350.
 Боровой Саул Яковлевич 305.
 Бороздин 10.
 Бороздин Александр Корнилович
 244.
 Бошняк Александр Карлович 10.
 Боян 269, 270, 273, 274.
 Брайкевич Василий Иванович 249,
 370—379, 382, 384, 386—388,
 390, 393, 398, 401, 409, 412, 414,
 415, 445.
 Брайлосвский Сергей Николаевич 85,
 305.
 Бранденбургская, маркграфия 124.
 Брей Гранд Габриэль де 53
 Бриммер Владимир Карлович 94,
 106, 133, 249, 266, 290, 334, 371,
 374, 375, 377, 378, 381, 383,
 387—392, 396, 397, 404, 412—
 415, 420, 430, 442.
 Брисман Михаил Аркадьевич 233,
 234.

- Броневский Владимир Богданович 334, 427, 440, 447.
 Брукс Павел Александрович дю 377—379, 445.
 Брусилев Николай Петрович 447.
 Брут Марк Юний 27, 28, 246.
 Брыков Иван Иванович 292, 369—374, 377—379, 381, 382, 384—386, 427, 445.
 Брюллов (Брюло) Александр Павлович 68.
 Буало-Депрео Никола 54, 178, 303, 366.
 Будищев Иван Матвеевич 445.
 Булатов Александр Михайлович 77.
 Булгаков Константин Яковлевич 447.
 Булгарин Фаддей Венедиктович 167, 232, 242, 243, 247, 249, 266, 268, 281, 284, 292, 293, 297, 299, 300, 311—313, 319, 323, 325, 332, 334, 337, 361, 395, 397, 398, 400, 409, 411—413, 415, 417—419, 421, 424, 427, 429, 444.
 Бульи Жан Никола 395.
 Бунина Анна Петровна 292, 377, 380, 427, 431, 447.
 Бурбоны 239.
 Бурцов Иван Григорьевич 13, 14, 18, 36, 40, 61, 191, 214.
 Буссе Карл Иванович 445.
 Буссе Франц Иванович 15.
 Бюргер Готфрид Август 51.
 Бюффон (Бюфон) Жорж Луи Леклер 123, 226, 229.
- В. Н. см. Каразин Василий Назарович.**
 Вадим Храбрый, новгородец 263.
 Вадковский Иван Федорович 169.
 Ваксмут А. Я. 13.
 Васильев, флейщик 184.
 Васильев Владимир Федорович 447.
 Васильчиков Илларион Васильевич 29, 183, 185, 193, 194, 203, 204.
 Васков Дмитрий Николаевич 292, 423, 427, 445.
 Вашингтон Джордж 27, 28.
 Вейс Александр Юльевич 111, 145, 230, 340.
 Вейс Франциск Рудольф 405.
 Велкопольский Иван Ермолаевич 381, 383, 445.
 Вергилий (Виргилий) Публий Марон 227, 401.
 Веселовский Александр Александрович 237.
 Вигель Филипп Филиппович 39, 44, 53.
- Виланд Кристоф Мартин 88, 94, 338, 340, 390 430, 431.
 Висковатов Иван Иванович 29, 334, 345, 428, 429, 431—434, 436, 437, 445.
 Висковатов Степан Иванович 400, 407, 410, 411, 444.
 Владимир Мономах 260.
 Владимир Святославич, кн. киевский 92, 268, 269, 274.
 Владиславлев Алексей Александрович 249, 376, 377, 379, 381—383, 389, 395, 414, 415, 418, 419, 445.
 Власов С. П. 32, 112, 113, 372—375, 379, 380, 381.
 Бойков Александр Федорович 119, 226, 229, 247, 249, 266, 294, 297, 392, 401, 409, 447.
 Войвода, домовладелец 316.
 Волк Степан Степанович 27, 112, 257—259.
 Волков Александр Александрович 24.
 Волков Александр Гаврилович 292, 391, 446.
 Волкова Анна Алексеевна 370, 388, 436, 446.
 Волконский Петр Михайлович 24, 25, 81, 179.
 Волконский Сергей Григорьевич 60, 135, 139, 152.
 Вольгемут Иван Николаевич 370, 445.
 Вольтер Франсуа Мари Аруэ 160, 273, 307, 424.
 Ворснов Дмитрий Иоакимович 42, 249, 290, 292, 298, 334, 378, 384—388, 390, 395, 409, 414, 419, 422, 424, 426, 436, 438, 439, 442.
 Воронцов Михаил Семенович 16, 151, 306.
 Воскресенский Петр Герасимович 445.
 Востоков Александр Христофорович 43, 216, 251, 252, 254, 255, 292, 384, 392, 403, 447.
 Всеволожские 35.
 Всеволожский Никита Всеволодович 35, 36, 93.
 Вульф Симон Львович 445.
 Вяземский Петр Андреевич 7, 39, 96, 142, 150, 151, 243, 275, 278—283, 292, 293, 297—300, 307, 312, 322, 421, 427, 447.
- Г. 198.**
Г. А. 387.

- Г. К. 198.
 Г. М. 198.
 Г. С. 197.
 Габе (Габбе) Петр 422.
 Гак 375.
 Гамель Иосиф Христианович 15.
 Гарижский Иван Андреевич 133,
 369—379, 386, 388—390, 442,
 Гевлич Аксентий Павлович 118, 119,
 134, 250, 372, 374, 442.
 Генрих IV 97, 98.
 Георг, милорд 124.
 Георгиевский И. 370.
 Герд Яков 16.
 Герман Карл Федорович 52.
 Герман Федор Иванович 373, 374,
 419, 422, 428, 445.
 Гермоген 76.
 Герострат 137.
 Герстенберг Генрих Вильгельм фон
 389.
 Герцен Александр Иванович 4, 119,
 120, 151.
 Геснер Соломон 386.
 Гесс де Кальве Густав Густавович
 373, 395, 445.
 Гёте Иоганн Вольфганг 157, 360.
 Геттун Василий Никифорович 31,
 211.
 Гибенталь Карл Иванович фон 445.
 Гиллельсон Максим Исаакович 279,
 281.
 Гильфердинг Александр Федорович
 252.
 Гиппинг Андрей Данилович 371, 372,
 374, 375.
 Глазунов Иван Петрович 254, 387,
 445.
 Глазунов Илья 311, 312.
 Глебов Михаил Николаевич 343.
 Глебович Антон Матвеевич 446.
 Глинка Сергей Николаевич 43, 447.
 Глинка Федор Николаевич 3, 9, 10,
 12—15, 17, 31—33, 36, 40—56,
 62—77, 79, 80, 83, 84, 86, 88,
 91—93, 96—99, 101—106, 108—
 110, 113—115, 117, 118, 123,
 126, 129, 130, 133, 135, 137,
 141, 143, 144, 147—152, 155,
 161, 173, 176—178, 181, 182,
 184, 191—195, 203, 205—211,
 213—215, 217, 221—223, 226,
 231, 235, 236, 238—242, 244,
 245, 247—249, 255, 256, 258,
 264, 266, 267, 272, 278, 281,
 284, 287—290, 294, 295, 299,
 302, 303, 307, 308, 312, 313,
 315—328, 331—338, 342—345,
 348—351, 354—356, 358, 363,
 365—367, 370—381, 383—391,
 393, 399, 400, 404, 406—425,
 429—437, 439—442.
 Гнедич Николай Иванович 13, 28,
 32, 80, 111, 113, 126, 150, 225—
 227, 229—233, 236—238, 242,
 245, 247, 249, 255, 256, 271,
 276, 277, 279, 281, 284, 287,
 288, 290, 291, 294, 295, 306,
 313, 332, 351—353, 359, 360,
 365, 368, 379, 380, 400, 407, 410,
 412, 413, 415, 416, 420, 425, 444.
 Гоголь Николай Васильевич 234.
 Голенщев-Кутузов Логин Иванович
 446.
 Голицын Александр Николаевич 19,
 20, 22—24, 99, 108, 153, 162.
 Голицын Андрей Борисович 31.
 Голицын Дмитрий Владимирович
 100.
 Голицын Николай Сергеевич 404,
 405, 445.
 Головин Василий Иванович 416, 425,
 446.
 Головинский Василий Михайлович 446.
 Голынский Викентий Иванович 249,
 409, 411, 447.
 Гольстен Константин Карлович фон
 370, 376, 390, 391, 399, 445.
 Гомёр (Омер, Омир) 227, 231, 232,
 236, 238, 249, 255, 256, 273, 294,
 302.
 Гонорский Иван Т. 376, 382.
 Гораций Флакк Квинт 105, 302, 382,
 389, 416.
 Горголи Иван Савич 186, 187.
 Горчаков Александр Михайлович
 136.
 Гренгер Пьер 440.
 Греч Николай Иванович 12, 15, 18,
 20, 22, 42—44, 63, 68, 96, 133,
 137, 143, 169, 173, 176, 183,
 184, 191, 192, 225, 247, 249,
 281, 284, 290, 292, 294—296,
 299, 300, 301, 309, 310, 312, 313,
 325, 333, 340, 350, 370—372,
 374, 379, 380, 403, 410, 411,
 421, 424, 425, 442.
 Грибовский Михаил Кириллович 10,
 17, 34, 40, 83, 193, 207—211,
 265.
 Грибоедов Александр Сергеевич 51,
 332, 335—338, 340, 341, 350,
 360, 366, 444.
 Григорович Василий Иванович 12, 31,
 63.
 Григоровский И. Ф. 87.
 Григорьев Василий Никифорович 56,
 155, 263, 272, 273, 303, 332, 334,

- 335, 339, 341, 342, 344, 345,
351, 352, 354—356, 360, 416,
419, 422, 427, 429—432, 434,
436—439, 441, 444.
- Грот Яков Карлович 56, 88, 231.
Грошко Александр 173.
Грузинцев Александр Николаевич
236.
Грум-Гржимайло Алексей Гри-
горьевич 37, 261.
Гувальд 389.
Гуковский Григорий Александрович
95.
Гумберт 383.
Гурго Гаспар 434, 435.
Гурко Владимир Осипович 63.
Гурьев Дмитрий Александрович 212.
Густав I Ваза 104.
Гущеваров, рядовой 190.
- Д. Р. К.** 350
Давыдов Денис Васильевич 43, 59,
288.
Давыдов Дмитрий Александрович
191.
Давыдов Иван Иванович 63.
Данилевский Александр Иванович
63, 281, 284, 421, 447.
Дашкевич 23.
Дашков Дмитрий Васильевич 39.
Деожье 396.
Дельвиг Антон Антонович 35, 42,
43, 54, 55, 63, 68, 96, 113, 133,
141—143, 145, 151, 152, 156,
161, 236, 249, 266, 281, 284,
290, 294—298, 332, 334, 367,
369, 371—377, 379, 381, 383—
390, 392, 396, 403, 406, 407, 409,
410, 411, 413—415, 418, 421,
423—425, 433, 434, 443.
Демосфен 357, 358, 363.
Державин Гаврила Романович 104,
124, 226, 229, 233, 236, 254,
267, 280—282, 284, 285, 290—
293, 298—305, 307, 308, 312, 313,
325, 367, 368, 427.
Державина Дарья Алексеевна 291,
292.
Детю де Траси см. Траси Антуан
Луи Клод Детю де.
Дибич Иван Иванович 58, 209, 330.
Дмитревский Иван Афанасьевич 407.
Дмитриев Иван Иванович 96, 140,
141, 232, 255, 275, 278—280,
282, 283, 300, 308, 312, 322, 421.
Дмитриев Михаил Александрович 37,
38, 84, 335, 337, 338, 431, 444.
Дмитриев-Мамонов И. Д. 61.
Дмитриев-Мамонов Матвей Але-
ксандрович 61.
Добровский Иосиф 447.
Доброхотов Петр Егорович 12, 31,
63, 64, 445.
Довнар-Запольский Митрофан Викто-
рович 77, 296, 324.
Долгорукий (Долгоруков) Ал. 70.
Долгорукий (Долгоруков) Г. А. 77,
78.
Долгорукий (Долгоруков) Иван Ми-
хайлович 248, 446.
Долгорукий (Долгоруков) Илья Ан-
дреевич 52, 59, 60, 61.
Долгорукий (Долгоруков) Яков Фе-
дорович 76, 77, 222.
Дорошенко Петр 269.
Дружинин Николай Михайлович 16,
58, 64.
Дубецкий Григорий 104.
Дубровин Николай Федорович 13,
20, 69, 70, 75, 76, 78, 79, 141,
169, 184, 197, 321, 328.
Дуроп Александр Кристианович 94,
104, 106, 118, 119, 126, 133, 249,
290, 292, 373, 378—380, 382—
385, 389, 392, 393, 395, 412, 413,
418, 442.
Дуроп Андрей Кристианович 87,
100, 133, 290, 292, 442.
- Е. П. Л.** 198.
Евгений, митрополит Киевский и Га-
лицкий (Болховитинов Евфимий
Алексеевич) 56, 123, 163, 164,
446.
Евстафьев Алексей Григорьевич 445.
Егунов Андрей Николаевич 238, 256.
Елизавета Алексеевна, императрица
14, 95—98.
Ермак Тимофеевич 400.
Ермолов Алексей Петрович 161, 248,
446.
Ерскин (Эрскин) Фома Бьюкен 46.
- Жилин Александр Дмитриевич 445.**
Жун Виктор Жозеф Этьен 390, 427.
Жуковский Василий Андреевич 25,
39, 42, 51, 81, 110, 142, 145, 149,
216, 236, 237, 248, 279, 282, 283,
295, 297, 298, 300, 303, 307, 308,
374, 380, 392, 427, 430, 446.
Журавлев К. М. 12.
- Заблоцкий-Десятовский Андрей Пар-**
фенович 25.
Завалишин Дмитрий Ирнархович
31, 325, 352.
Загорский Михаил Павлович 271,
428, 437.

- Загоскин Михаил Николаевич 43, 124, 126, 234, 372—378, 388, 397, 398, 408, 426, 443.
- Закревский Арсений Андреевич 14, 24, 179, 204.
- Замятнин Алексей Михайлович 335, 346, 351, 353, 358, 363, 439, 445.
- Занд Карл Людвиг 217, 305, 349.
- Зубков Василий Петрович 37, 38.
- Зубков В. П., историк литературы 112.
- И. Ф.** 390.
- И-в** 433.
- Иван III Васильевич 260.
- Иван IV Васильевич (Грозный) 226, 260, 261, 264.
- Иванов А. И. 43, 376, 382.
- Ивановский Андрей Андреевич 292, 337, 338, 374, 445.
- Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич 285, 399, 400, 403, 414, 420, 422, 428, 435, 446.
- Игорь Святославич 92, 269.
- Измайлов Александр Ефимович 42, 43, 55, 56, 63, 83, 84, 96, 110, 126, 134, 152, 173, 176, 177, 212, 215, 231, 237, 249, 252, 253, 290, 292, 293, 296, 299—301, 308, 309, 311, 312, 327, 334, 335, 374, 378, 380, 384, 397, 404—406, 408, 409, 415, 424, 426, 434, 442.
- Измайлов Владимир Васильевич 427, 447.
- Илландский Алексей Демьянович 249, 406, 415, 423, 424, 428, 445.
- Иловайский Алексей Васильевич 292, 447.
- Ильин Иван Ильич 87, 93, 249, 422, 442.
- Инзов Иван Никитич 81, 92, 306.
- Исаков С. Г. 240.
- Искрицкий Демьян Александрович 337.
- Истров Б. И. 350.
- К. П.** см. Константин Павлович, вел. князь.
- К. П. Б. 385, 390.
- Кайсаров Михаил Сергеевич 229, 447.
- Кайсаров Петр Сергеевич 446.
- Калайдович Константин Федорович 446.
- Калашникова Н. 136.
- Каменский Сергей Михайлович 446.
- Кантемир Антиох Дмитриевич 104, 280.
- Капнист Василий Васильевич 254, 256.
- Караджич Вук Стефанович 250, 251, 445.
- Каразин Василий Назарович 42, 54, 55, 119—124, 126—128, 129—138, 140—142, 144—152, 156, 163—170, 172, 176—178, 183—188, 190—193, 195, 202, 203, 207, 209, 213, 217, 225, 231, 233, 235, 247, 257, 337, 365—367, 370—374, 443.
- Каразин Федор Васильевич 135.
- Карамзин Николай Михайлович 93, 119, 124, 134, 140, 141, 145, 226, 227, 229, 243, 248, 255, 258, 268, 271, 278, 279, 281, 282, 297, 303, 447.
- Карамзины 94.
- Каратыгин Петр Андреевич 212.
- Кардовский 428.
- Карл V 243.
- Карманов, фельдфебель 184.
- Кассий Пармензис 27, 28.
- Катенин Павел Александрович 48, 49, 51, 176, 212, 213.
- Катилина Луций Сергей 78.
- Катон Марк Порций Утический 14, 49, 76, 78, 357—359, 363.
- Каховский Петр Григорьевич 244, 346, 358.
- Каченовский Михаил Трофимович 447.
- Кашкин Сергей Николаевич 305.
- Квинтилиан Марк Фабий 399, 438, 441.
- Квируга Антонио 27, 28, 82, 172, 244.
- Кельх Христиан, хронист 240.
- Кеппен Карл Иванович 442.
- Кеппен Петр Иванович 32, 87, 216, 217, 225, 334, 376—379, 382—385, 387—390, 396, 403, 435, 436, 439, 440, 442.
- Киреевский Петр Васильевич 252.
- Кирилюк Зинаида Васильевна 362.
- Киселев Павел Дмитриевич 25, 29, 82, 191.
- Клейст Генрих фон 382.
- Клопшток Фредерих Готтлиб 56, 389.
- Кнаппе 15.
- Княжевич Александр Максимович 249, 290, 292, 334, 408—413, 415, 416, 418, 419, 421, 423, 424, 427, 438, 444.
- Княжевич Владислав Максимович 249, 290, 408, 409, 418, 419, 421, 424, 426, 444.

- Княжевич Дмитрий Максимович 32, 249, 290—292, 299, 300, 333, 334, 336, 350, 399, 403, 404, 408—413, 415, 416, 418, 420, 423—425, 429, 433, 438, 444.
- Княжевич Николай Максимович 335, 444.
- Князевичи 225, 350.
- Ковалев Яков Григорьевич 249, 292, 334, 377—379, 381, 383, 384, 386, 387, 389—391, 393—395, 411, 414, 418, 419, 421, 423, 424, 429, 430, 433, 434, 436, 438, 439, 441, 445.
- Ковалевская Н. Н. 64.
- Ковалевский Евграф Петрович 94, 249, 290, 292, 375, 378, 379, 381—383, 412—414, 416, 418, 442.
- Козлов Дмитрий Алексеевич 12.
- Козлов Иван Иванович 43, 297, 335, 336, 434, 444.
- Кокочкин Иван Алексеевич 442.
- Кокочкин Федор Федорович 447.
- Колосова (Каратыгина) Александра Михайловна 212.
- Колошин Петр Иванович 8, 40, 60, 61, 334, 335, 340—342, 429—434, 438, 440, 444.
- Колумб Христофор 46.
- Колупаевский 155.
- Колопанов Нил Петрович 42, 43, 53, 85.
- Комаров Николай Иванович 214.
- Кондырев Петр Сергеевич 445.
- Констан де Ребекк Бенжамен 112, 153, 157.
- Константин Павлович, вел. князь 84, 343.
- Коншин Николай Михайлович 243, 249, 399, 400, 402, 405, 406, 410, 411, 413, 415, 416, 426, 444.
- Корбелецкий Федор Иванович 445.
- Корнеев Захарий Яковлевич 447.
- Корнель Пьер 48.
- Корнилович Александр Осипович 112, 225, 249, 256—258, 261, 262, 281, 284, 290—293, 299, 300, 312—314, 317, 331—334, 337, 341, 344, 350, 359, 360, 366, 367, 408, 409, 411—421, 424, 426, 429—436, 438, 444.
- Корсаков Петр Александрович 403.
- Корф Модест Антонович 136, 211, 212, 380, 386, 388, 395, 443.
- Котляревский Иван Петрович 110, 407, 420, 427, 447.
- Котляревский Петр Семенович 104.
- Коцбу Август Фредерик Фердинанд фон 137, 217, 349.
- Кочубей Виктор Павлович 83, 119, 120, 132—138, 140, 141, 145—147, 150, 152, 164, 167, 168, 170, 172, 176, 178, 183—186, 191—195, 204, 212, 235, 365, 366.
- Кошанский Николай Федорович 63, 64, 68, 394, 443.
- Кошелев Александр Иванович 43, 85.
- Креницын Александр Николаевич 372.
- Крикуновский Тимофей Никитич 94, 101, 105, 290, 292, 318, 399, 446.
- Кругликов Гаврила Петрович 153, 155, 161, 162.
- Крылов Александр Абрамович 133, 143, 144, 229, 370, 372—375, 391, 392, 399, 404, 407, 442.
- Крылов Иван Андреевич 13, 42, 110, 111, 125, 216, 280—282, 312, 360, 430, 432, 433, 446.
- Крылов Михаил Григорьевич 351.
- Крюков Александр Павлович 428, 434.
- Кубасов Иван Андреевич 54, 56.
- Кудряков, гравер 24.
- Кузлу-хан 105.
- Кулибин 381.
- Кульман Николай Карлович 151.
- Кунцын Александр Петрович 40, 44, 53.
- Курбский Андрей Михайлович, князь 288.
- Кусов Александр Иванович 63.
- Кусов Николай Иванович 12, 31, 63.
- Кутузов (Смоленский) Михаил Илларионович 27, 28, 104, 229.
- Кутузов Николай Иванович 10, 26, 31, 32, 78, 113, 153, 218—225, 229, 235, 247, 249, 266, 290, 292, 295, 298, 299, 313, 314, 317, 328—332, 334, 365, 367, 390, 396, 397, 401, 404—406, 409—416, 423, 424, 426, 429, 430, 433, 434, 438, 440, 443.
- Кушелев Егор Иванович 57, 82, 83.
- Кушников Сергей Сергеевич 100.
- Кюхельбекер Вильгельм Карлович 12, 40, 43, 47, 53—55, 63, 67, 69, 97, 100, 113, 126, 130, 132, 133, 135, 141—146, 151—153, 155—161, 181, 216, 217, 225, 235, 236, 238, 247, 249, 271, 273, 302, 303, 308, 309, 317, 331, 332, 343, 345, 350, 354, 365, 366, 368—377, 379—383, 392, 401, 402, 440, 443.
- Кюхельбекер Михаил Карлович 63, 67, 70, 325.
- Кюхельбекеры 68.

- Лабзин Александр Федорович 146, 212.
 Лавров Иван Павлович 148.
 Лажечников Иван Иванович 371, 372, 377—380, 384, 388, 443.
 Ламартин Альфонс де 56, 410, 414, 427, 428.
 Ланда Семен Семенович 7, 110, 183, 244, 278.
 Ланжерон Александр Федорович 248, 378, 379, 446.
 Ланкастер Джозеф 11, 15—17, 19, 21.
 Лафонтен Жан де 282.
 Лебедев Василий 388.
 Левашов Василий Васильевич 26.
 Левкович Янина Леоновна 282.
 Лейбниц Готфрид Вильгельм 226, 229.
 Лелевель Иоаким 395, 447.
 Ленин Владимир Ильич 4, 60.
 Лермоптов Михаил Юрьевич 360.
 Ливий Тит 359, 369, 387, 425.
 Ликург 218, 229.
 Линде Самуил Богумил 416, 447.
 Линин Анатолий Михайлович 342.
 Лобанов Михаил Евстафьевич 249, 290, 292, 299, 300, 380, 383, 385, 386, 388, 390, 394, 411, 412, 415, 427, 443.
 Лобойко Иван Николаевич 42, 130, 134, 162, 290, 334, 369—372, 374, 378, 423, 438, 443.
 Лобойко Порфирий Николаевич 445.
 Ломоносов Михаил Васильевич 226, 228, 236, 280—282, 284, 301, 303.
 Лонгинов Николай Михайлович 14, 229, 248, 447.
 Лопухин Иван Владимирович 57.
 Лопухин Павел Петрович 60.
 Лотман Юрий Михайлович 61, 110, 234, 261, 262, 278.
 Лохвицкий Конрад (Конрадий) Андреевич 408.
 Лошаков Степан Ефимович 445.
 Лубецкий, пристав 185, 187—189, 191.
 Лубяновский Федор Петрович 447.
 Лувель Пьер Луи 239, 305.
 Лукасинский Валериан 58.
 Лунин Михаил Сергеевич 48, 60, 191.
 Лыкошин Яков Михайлович 64, 225, 243, 249, 299, 377—379, 383, 384, 390, 396, 398, 410—419, 421—424, 444.
 Львов Федор Петрович 254, 292, 299, 427, 447.
 Льюбарский Василий Васильевич 249, 292, 334, 381, 402, 403, 409, 412, 416—418, 426, 436, 444.
 Люценко Ефим Петрович 86, 87, 93, 94, 99, 234, 249, 281, 284, 290, 292, 334, 373, 376—379, 382—385, 387, 390, 409—416, 418—422, 424, 436, 442.
 Мабли Габриель Бонно де 117, 131.
 Магницкий Михаил Леонтьевич 19, 20, 21, 22, 23, 41.
 Мазепа Иван Степанович 269.
 Майборода Аркадий Иванович 10.
 Майков Аполлон Александрович 212.
 Майков Леонид Николаевич 96.
 Макферсон Джеймс 271.
 Мальт-Брюн (Мальтбрен) Конрад 438.
 Манассеин Эльпидифор Петрович 445.
 Мандрыкина Людмила Алексеевна 187.
 Мансуров Александр Михайлович 272.
 Марков Михаил Александрович 392, 428.
 Мармонтель Жан Франсуа 384, 386, 395.
 Мартос Алексей Иванович 63, 402.
 Мартос Иван Романович 25.
 Мартынов Авксентий Мартынович 438.
 Мартынов Иван Иванович 19, 415, 446.
 Маслов, помещик 32.
 Маслов А. И. 12.
 Маслов Василий Иванович 85, 267, 275.
 Матвеев Григорий Кондратьевич 446.
 Маттисон Фридрих фон 94, 389.
 Меггер, граф 404.
 Медведева Ирина Николаевна 143, 231, 233.
 Мейлах Борис Соломонович 54, 86, 162.
 Мельгунов Александр Ермолович 147.
 Менделеев Иван Павлович 112, 445.
 Меньшенин Дмитрий Степанович 266, 373—375, 378, 381, 383—390, 393, 395, 402, 419, 443.
 Меньшиков Александр Сергеевич 112, 447.
 Метастазιο Пьетро Антонио Доменико Бонавентура 434.
 Миллер Иоанн 50.
 Милонов Михаил Васильевич 43, 136, 275, 276, 408.
 Милорадович Михаил Андреевич 3, 33, 63, 104, 135, 148, 149, 172, 177, 183—187, 190—195, 202—

- 207, 209—213, 248, 320, 321, 366, 446.
- Миальва Шарль Гюбер 392, 426.
- Мильтон Джон 236.
- Милютин, учитель 25.
- Минн Эджворт см. Эджворт Мин.
- Минин Кузьма (Кузьма Минич Захарьев-Сухорук) 77.
- Миних Бурхард Христофор фон 414.
- Минкина Настасья 324.
- Мирабо Гоноре Габриель Рикетти 27, 28.
- Миркович Федор Яковлевич 59.
- Миропольский Сергей Иринеевич 83.
- Митьков Михаил Фотиевич 321.
- Михаил Павлович, вел. князь 26, 309.
- Михаил Федорович, царь 70—72, 77, 261.
- Михайловская Н. М. 44.
- Михайловский-Данилевский Александр Иванович 63, 68.
- Мицкевич Адам 305.
- Мицконеvский Станислав 83.
- Моденов, домовладелец 253.
- Модзалевский Борис Львович 36, 72—74, 87, 94.
- Мокиевский 416.
- Мольер Жан Батист 273.
- Монтескье Шарль Лун 78, 112, 117, 153, 154, 218, 220.
- Мордвинов Николай Семенович 229, 248, 321—323, 355, 447.
- Мордовченко Николай Иванович 159, 297.
- Мореловский 389.
- Морозов Иван Григорьевич 445.
- Моторов, писарь 184.
- Мур Томас 241, 390, 402, 425, 428, 431.
- Муравьев Александр Михайлович 8, 59, 61.
- Муравьев Александр Николаевич 60, 62, 340.
- Муравьев Михаил Николаевич 8, 61.
- Муравьев Никита Михайлович 7, 13, 38, 40, 51, 52, 60—62, 167, 168, 191, 238, 244, 258, 260, 332, 339, 343.
- Муравьев-Апостол Матвей Иванович 14, 60, 61, 177, 244.
- Муравьев-Апостол Сергей Иванович 35, 58—60, 166—168, 258, 302.
- Муханов Павел Александрович 100, 325, 428, 439.
- Мягков Василий 419.
- Н. 197.
- Н. Ф. 395, 399.
- Н. Я. П. см. Плюскова Наталья Яковлевна.
- Найдич Эрик Ээрович 136.
- Наполеон I Бонапарт 48, 159, 243, 434, 435.
- Нарышкин Александр Львович 40, 156, 160, 161, 446.
- Небольсин А. 428.
- Невтон см. Ньютон Исаак.
- Некрасов 393.
- Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович 280, 447.
- Немцевич Юлиан 267—269, 285—287.
- Нессельроде Карл Васильевич 183, 306.
- Нестор, летописец 50, 226.
- Нечай 269.
- Нечкина Милица Васильевна 5, 8, 16, 36, 41, 62, 72, 98, 109, 110, 178, 336.
- Никитин Андрей Афанасьевич 10, 31, 32, 55, 64, 68—72, 75, 77, 79—81, 85—91, 93—96, 99—103, 105, 106, 113, 115—118, 130, 133, 154, 176, 214, 216—218, 225, 229, 247, 249, 251, 267, 272, 290, 292, 293, 295, 299, 300, 303, 312, 313, 315, 317, 332—334, 342, 345, 348—350, 365, 369—391, 408—420, 422—425, 428—439, 441, 442.
- Николай I 11, 30, 77, 97, 135, 136, 151, 164, 207, 208, 211, 221, 234, 244, 318, 328—331, 359.
- Николай Павлович, вел. князь, см. Николай I.
- Николев Николай Петрович 236.
- Никольский Сергей Васильевич 251.
- Никонов В. 403.
- Нилов Петр Андреевич 447.
- Новиков Михаил Николаевич 61, 62, 67, 109, 110, 445.
- Новиков Николай Иванович 58, 109.
- Новосильцев Николай Николаевич 183.
- Норов Абрам Сергеевич 400, 427, 444.
- Ньютон Исаак (Невтон) 226.
- Ободовский Александр Григорьевич 15.
- Ободовский Платон Григорьевич 429.
- Оболенский Евгений Петрович 207, 305, 309, 318, 320, 326, 331, 332, 340, 343, 344.
- Овидий Назон Публий 82—84.
- Одовский Александр Иванович 271, 332, 343, 345, 363.

- Ознобишин Дмитрий Петрович 420, 428.
- Оксман Юлиан Григорьевич 8, 37, 40, 70, 85, 86, 91, 92, 100, 149, 212, 214, 234, 267, 296, 313, 350.
- Октавий см. Август.
- Окунь Семен Бенцианович 178, 179, 191.
- Олег, кн. киевский 104.
- Оленин Алексей Николаевич 292, 400, 447.
- Ольга, княгиня 267.
- Омега И. см. Сомов Орест Михайлович.
- Омер (Омир) см. Гомер.
- Оранский Вильгельм, принц 239.
- Орлай Иван Семенович 403.
- Орлов Василий Иванович 43.
- Орлов Владимир Николаевич 42, 49.
- Орлов Михаил Федорович 7, 17, 18, 25, 26, 28—30, 38, 39, 61, 81, 115, 150, 180, 234, 260, 312.
- Орлов Яков Васильевич 94, 250.
- Оссиан 95, 235, 271, 272, 302, 428.
- Остолопов Николай Федорович 54, 55, 249, 251, 292, 361, 380, 386, 405, 406, 424, 427, 447.
- Охотников Константин Алексеевич 26, 28, 214.
- Очкин Амплий Николаевич 249, 334, 345, 346, 403, 408, 411, 418, 430, 435—439, 445.
- Очкины 346.
- Павел I 120, 179, 278.
- Павловский Иван Яковлевич 23.
- Паина С. Б. 16, 18.
- Палей (наст. фамилия Гурко) Семен Филиппович 269.
- Панаев Владимир Иванович 42, 43, 126, 249, 290—292, 299, 372—374, 377—379, 396, 397, 401, 405, 407, 409, 412, 413, 415, 419—422, 424, 425, 436, 443.
- Панснер Лаврентий Иванович 446.
- Папкович 173.
- Папкович Федор Федорович 376—380, 383—388, 443.
- Парни Эварист Дезире де Форж 396, 406, 420.
- Паскевич Федор И. 250.
- Пасек Татьяна Петровна 30.
- Пашутин И. Н. 436.
- Пелчинский Викентий Станиславович 249, 281, 284, 419, 421, 446.
- Перевощиков Василий Матвеевич 279.
- Перевощиков Дмитрий Матвеевич 310, 440, 444.
- Перетц Григорий Абрамович 97, 177, 204, 205, 211, 218, 324, 328.
- Перикл 245, 246, 353, 358, 359, 363.
- Пестель Павел Иванович 5, 6, 14, 35, 52, 58—60, 62, 64, 67, 97, 109, 110, 117, 259, 356, 358.
- Петр I 27, 77, 102, 104, 159, 173, 174, 176, 177, 222, 226, 261, 262, 300, 328—331, 360.
- Петр Великий см. Петр. I.
- Петров Василий Петрович 104, 280, 323.
- Петухов Евгений Вячеславович 346.
- Пиксанов Николай Кирьякович 85, 340.
- Писарев Александр Александрович 399, 439, 447.
- Писарев Александр Иванович 398, 400, 401, 407, 411, 417, 439, 445.
- Плавильщиков Василий Алексеевич 32.
- Плетнев Петр Александрович 43, 55, 56, 88, 113, 133, 225, 229, 231, 244, 249, 256, 275—278, 281, 283—285, 288, 290—292, 294—298, 323, 334, 361, 366, 367, 369—380, 382—384, 386, 388—390, 392—394, 396, 402, 405, 409, 411—415, 417—421, 423, 424, 426, 429, 430, 432—436, 438—441, 443.
- Плутарх 76, 88, 104, 357—359, 415.
- Плюскова Наталья Яковлевна 96, 97.
- Пнин Иван Петрович 42.
- Поджо Александр Викторович 257.
- Подшивалов В. С. 392.
- Позе, маркиз 120.
- Пожарский Дмитрий Михайлович, князь 77, 104.
- Пожарский Яков Осипович 250, 334, 435, 443.
- Покровский Иван Гаврилович 370, 373—375, 405, 427, 445.
- Полевой Николай Алексеевич 252, 264, 334, 444, 446.
- Полежаев Александр Иванович 187.
- Полугарский Илья Иванович 403, 420, 446.
- Помнан-Пезаровиус Павел Павлович 446.
- Помпей Гней 357.
- Пономарева Софья Дмитриевна 237.
- Попе (Поп) Александр 395, 434.
- Попов Василий Михайлович 446.
- Попов Иван Михайлович 423, 445.
- Попов Михаил Васильевич 252, 254.
- Попов Михаил Максимович 193.
- Попов Никита Савич 402, 445.
- Попугаев Василий Васильевич 42.

- Порох Игорь Васильевич 181.
 Потемкин Яков Алексеевич 168, 169.
 Правдин 53.
 Приклонский Петр Григорьевич 94.
 Прокопович-Антонский Антон Антонович 446.
 Прокофьев Евгений Александрович 14, 342.
 Прокофьев Иван Васильевич 318, 322, 324, 325.
 Проперций Секст 162, 266, 402.
 Протасов Николай Александрович 193.
 Прохоров Григорий Васильевич 247.
 Пугачев Владимир Владимирович 38, 39, 117, 179.
 Пукевиль (Пуквиль) 246.
 Пучкова Екатерина Наумовна 447.
 Пушкин Александр Сергеевич 4, 7, 14, 30, 36—40, 42, 43, 49, 51, 54, 56, 59, 72, 75, 81, 82, 86—88, 96—98, 120, 126, 135—150, 152, 156, 161, 177, 183, 192, 213, 225, 230, 231, 234, 238, 239, 242, 244, 263, 278, 282, 288, 293, 297, 298, 300, 305, 306, 316, 331, 332, 341, 342, 350, 360, 361, 365, 366, 396, 397, 428.
 Пушкин Андрей Никифорович 60, 112, 155, 250, 334, 335, 342, 343, 427, 429—431, 433, 434, 436, 438—441, 444.
 Пушкин Василий Львович 142, 361.
 Пушкин Лев Сергеевич 297, 332, 343.
 Пушкин Сергей Львович 149.
 Пушин Иван Иванович 40, 100, 149, 150, 319, 331, 343.
 Пушин Павел Сергеевич 81, 82.
 Пыпин Александр Николаевич 7, 16, 57, 364.
 Радищев Александр Николаевич 74, 75, 78, 106, 117, 120, 131, 141, 158, 221, 254, 353, 393.
 Раевский Андрей Федосеевич 43.
 Раевский Владимир Федосеевич 23, 26—29, 31, 43, 59, 81, 94, 180, 244, 340, 353, 364.
 Ранч Семен Егорович 418, 430, 446.
 Раковецкий Игнатий Бенедикт 251, 270, 447.
 Расин Жан Батист 300, 426, 428.
 Раск Эразм Христианович 445.
 Рахманов 10.
 Регул Марк Атилий 76.
 Рейналь Гильом Томас Франсуа 112.
 Рейнсдорф Николай 370.
 Рейт Бернгард Осипович 446.
 Реке Иван Федорович фон 447.
 Ренуар Франсуа Жюст Мари 97.
 Репнин Николай Григорьевич 109, 110, 446.
 Рига (Ригас) Константин 245.
 Риго-и-Нуњес Рафаэль 244, 246.
 Рикорд Людмила Ивановна 427, 447.
 Рикорд Петр Иванович 63, 427, 447.
 Рихтер Александр Федорович 112, 134, 226, 249, 262, 263, 273, 274, 290, 310, 311, 334, 345, 351—353, 369—374, 376—379, 382, 383, 386—388, 390, 393, 397, 398, 400, 402, 408, 411—418, 420, 423, 424, 426, 432, 434, 437, 439, 443.
 Рихтер Жан-Поль (наст. имя Рихтер Иоганн Павел Фридрих) 371.
 Роберт Х. И. 12.
 Робертсон Вильям 433.
 Робеспьер Максимилиан Мари Исидор 131.
 Родзянко А. А. 305
 Родзянко Аркадий Гаврилович 35, 43.
 Розенмейер Николай Иванович 94, 106, 382, 385, 389, 404, 410, 435, 439, 442.
 Роллен Шарль 124.
 Романовы 98, 136, 365.
 Рондо, жена английского посла 261.
 Рондо Клавдий, английский посол 261.
 Ронов Александр Никитич 10, 191, 194—199, 202—205, 207, 209, 366.
 Россин Федор, крепостной 184.
 Россинский Кирилл Васильевич 384, 447.
 Ростовцев Яков Иванович 155, 309.
 Рубец 428.
 Румянцев Николай Петрович 16, 310.
 Румянцев Петр Андреевич 28.
 Рунич Дмитрий Павлович 19—21, 41.
 Руссо Жан Жак 112, 160, 167.
 Руссов Бальтазар, хронист 240.
 Рыбаков И. Ф. 172, 173.
 Рыбников Павел Николаевич 252.
 Рылеев Кондратий Федорович 10, 32, 43, 47, 49, 50, 53—55, 70, 71, 77, 78, 85, 86, 100, 113, 135, 152, 155, 161, 162, 178, 180—183, 207, 222, 223, 225, 232, 233, 238, 239, 242, 244, 246, 248, 249, 256—258, 263, 265—278, 281—293, 295—300, 302—306, 310, 312—328, 331—336, 338, 339, 341, 343—352, 355—360, 362, 363, 366—368, 397, 402, 404, 407, 409, 411—422, 424, 426,

- 429, 430, 432—434, 437, 438, 444.
 Рюрик 250, 259.
- С. 440.
 С. И. С. 276, 297.
 Сабанеев Иван Васильевич 82.
 Сабншев, купец, домовладелец 17.
 Сагайдачный Петр Конашевич (Кононович) 269.
 Сазонович В. И. 43.
 Салтыков Сергей Петрович 105, 110, 290, 292, 379, 381, 391.
 Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 100, 211, 339.
 Самохвалов В. 384.
 Сапега Александр 369.
 Сарницкий 269.
 Сарычев Гаврила Андреевич 292, 293, 446.
 Саул, израильский царь 167.
 Сахаров Дмитрий Васильевич 111, 112, 134, 225, 249, 266, 292, 299, 369, 360, 372—375, 377—379, 383, 385—387, 391, 392, 397, 401, 406, 409—411, 416, 418—420, 422—424, 443.
 Сбандуто П. И. 282.
 Свенске Карл Федорович 15.
 Сербеев Дмитрий Николаевич 344.
 Свинын Павел Петрович 262, 292, 379, 446.
 Свистунов Петр Николаевич 31.
 Святополк I Владимирович, Окаянный 27, 267.
 Сегюр Флипп Поль де 419, 430, 435, 440.
 Селиванов Тимофей Иванович 445.
 Селивановские 100.
 Селивановский М. У. 246.
 Селивановский Семен Иоанникиевич 23—25, 100.
 Семевский Василий Иванович 16, 24, 29, 58, 121, 122, 151, 178, 192, 364.
 Семевский Михаил Иванович 313, 332.
 Семенов Алексей Васильевич 12.
 Семенов Петр Николаевич 43.
 Семенов Степан Михайлович 31, 344, 345.
 Семенова Екатерина Семеновна 212.
 Сенковский Иосиф Юлиан Станислав 370, 416.
 Сенковский Осип Иванович 249, 334, 361, 408—412, 414, 419, 421, 431, 434, 444.
 Сеньявин Дмитрий Николаевич, отец 193—198, 203, 204.
 Сеньявин Николай Дмитриевич, сын 194, 195, 197, 199, 202—205.
 Серафим (Глаголевский Степан Васильевич), митрополит 83.
 Сергеев Макар, рядовой 190.
 Сестрещевич-Богус Станислав, митрополит 292, 447.
 Сибиряков Иван Семенович, крепостной поэт 32.
 Сиверс Александр Александрович 14.
 Симонов Иван Михайлович 445.
 Сипягин Николай Мартыанович 13, 14, 209, 248, 446.
 Склабовский Александр Васильевич 334, 381, 385, 432, 445.
 Скотт Вальтер 413, 427, 434, 440.
 Сленин Иван Васильевич 296.
 Слепушкин Федор Никифорович 423.
 Слобцов Петр Андреевич 400, 447.
 Слюсарский А. Г. 119.
 Смит Адам 112, 153, 160, 218, 221.
 Смолет Тобиас Джордж 357, 432.
 Снегирев Иван Михайлович 399, 400, 446.
 Сниткин Иван 153—155, 161, 162.
 Созонович 438.
 Соколов Петр Иванович 447.
 Соколовская Т. 58.
 Сократ 217, 307.
 Солон 218, 229.
 Сомов Орест Михайлович 43, 55, 56, 105, 106, 155, 217, 225, 245, 246, 249, 250, 258, 290, 292, 295, 299, 303, 308, 309, 313, 314, 317, 318, 322, 327, 328, 331, 332, 334, 337, 338, 341, 344, 351, 352, 354, 355, 362, 378, 379, 381—385, 391, 396, 397, 400, 408—413, 415, 421, 423—425, 429—435, 440, 441, 443.
 Сонин Михаил Михайлович 87, 133, 249, 290, 334, 371—379, 381—386, 388—390, 413—416, 442.
 Сорокин В. В. 37.
 Спасский Григорий Иванович 249, 252, 295, 334, 381, 383, 384, 386, 390, 400, 401, 409, 415, 420, 431, 443.
 Сперанский Михаил Михайлович 33, 119, 120, 248, 446.
 Срезневский Всеволод Измаилович 86, 110.
 Сталь-Голштейн Анна Луиза Жермен де (m-me de Stael) 404.
 Степанов Александр Петрович 447.
 Степанов Николай Леонидович 300.
 Стефани Карл Федорович 446.

- Стефанополь Дмитрий 406.
 Стефанополь Николай 406.
 Столыпин Аркадий Алексеевич 355.
 Столыпина Варвара Николаевна 355.
 Стров Павел Михайлович 100.
 Струсы 269.
 Ступеэ 120.
 Стурдза Александр Скарлатович 15.
 Суворов Александр Васильевич 27, 411.
 Судовщиков 389.
 Сумароков Александр Петрович 280.
 Сумароков Панкратий Платонович 280.
 Сутгоф Александр Николаевич 343.
 Сухарук Василий Дмитриевич 334, 335, 341, 342, 430, 433, 434, 444.
 Сушков Михаил Николаевич 446.
 Сушков Николай Васильевич 382.
 Сыроечковский Борис Евгеньевич 64.
 Сюлли Прюдом 97.
 Тарасов Ефим Иванович 210.
 Тассо Торквато 236, 273.
 Татищев Дмитрий Петрович 208.
 Тацит Кай Корнелий 50, 124, 359, 425.
 Тель Вильгельм 104.
 Теляков Виктор Григорьевич 431.
 Теряев Андрей Михайлович 292, 446.
 Теряев Павел Андреевич 249, 281, 284, 292, 381, 388, 393, 403, 418, 421, 427, 445.
 Тиберий Клавдий Неро 156.
 Тимаев Матвей Максимович 15.
 Тимковский Иван Осипович 446.
 Тит Ливий см. Ливий Тит.
 Тихой Н. 119, 121.
 Токарев Александр Андреевич 36.
 Толмачев, цензор 22.
 Толстой Владимир Петрович 12, 64.
 Толстой Федор Петрович 12, 13, 17, 30—32, 43, 63—65, 67, 68, 103, 267, 292, 374, 377—379, 446.
 Толстой Яков Николаевич 14, 35, 36, 93.
 Толченков, купец 63.
 Толь С. Д., графиня 58, 84.
 Томашевская Н. 16.
 Томашевский Борис Викторович 36, 72, 75, 93, 94, 136, 231, 254.
 Торквато см. Тассо Торквато.
 Торсон Константин Петрович 332, 335, 339, 444.
 Траси Антуан Луи Клод Детю де 112.
 Тредиаковский (Тредьяковский) Василий Кириллович 226, 254.
 Трубецкой Сергей Петрович 7, 13, 30, 31, 35, 36, 52, 59—61, 93, 98, 181, 207, 271, 319—321, 326, 332, 343, 344.
 Туманская Софья Григорьевна 305.
 Туманский Василий Иванович 43, 217, 249, 290, 292, 293, 299, 300, 304—306, 312, 337, 351, 352, 355, 401, 423—426, 444.
 Тургенев <Сергей Николаевич?> 24.
 Тургенев Александр Иванович 96, 162, 248, 278, 292, 300, 446.
 Тургенев Николай Иванович 7, 12, 17, 18, 21, 25, 30, 38, 39, 40, 41, 44, 49, 52, 53, 61, 97, 150, 151, 161, 171, 172, 178, 186, 208—210, 214, 229, 240, 243, 260, 307, 322, 366, 447.
 Тургенев Сергей Иванович 7, 12, 17, 25, 39—41, 53, 150, 151.
 Тургеневы 171, 191.
 Тучков Александреевич 442.
 Тынянов Юрий Николаевич 142, 156, 159.
 Тюльпин 394.
 Тютчев Федор Иванович 414.
 Уваров Александр Иванович 63, 64.
 Уваров Сергей Семенович 13, 39, 44—46, 248, 292, 447.
 Удом, генерал 93.
 Уланов-Капуновский В. Я. 216.
 Улыбышев Александр Дмитриевич 35, 72.
 Усакина Татьяна Ивановна 234.
Ф*** см. Фогель.
 Ф. Г. см. Глинка Федор Николаевич.
 Федоров, писарь 184.
 Федоров Борис Михайлович 42, 43, 55, 126, 134, 249, 292—295, 299, 300, 306, 334, 365, 367, 371—374, 376—379, 381—386, 388—390, 393, 417, 427, 429—432, 443.
 Федоров Василий Михайлович 442.
 Федоров Владимир Александрович 169, 180, 184, 191.
 Фердинанд VII 27, 229.
 Филарет (Романов Федор Никитич), патриарх 76.
 Филимонов Владимир Сергеевич 229, 361, 382, 446.
 Филипп II 239.
 Филипп Македонский 357.
 Фиников 20.
 Фитингоф Борис Михайлович 378, 446.
 Фогель, доносчик 148, 197, 198, 202.
 Фок Максим Яковлевич 12, 446.

- Фонвизин Денис Иванович 280, 281.
Фонвизин Михаил Александрович 37, 38, 61, 112, 191, 208, 214, 258, 339.
Фортис Джованни Баттиста, аббат 250.
Фотий (Спасский Петр Никитич), архимандрит 83.
Франклин Вениамин (Бенджамин) 111, 345, 346.
Фридрих II 160.
Фридрих Е. 22.
Фукидид 50.
Фукс Егор Борисович 229, 248, 353, 357, 358, 405, 413, 421, 430, 446.
Хвостов Дмитрий Иванович 56, 94, 106, 118, 130, 155, 236, 237, 249, 263, 279, 280, 281, 290, 292, 299, 300, 309—312, 325, 334, 365, 370, 374, 376—379, 381, 394, 399, 404, 406, 407, 409—411, 415, 416, 418, 419, 424, 427, 430, 432, 436, 439, 442.
Хемницер Иван Иванович 280.
Херасков Михаил Матвеевич 104, 280.
Хмельницкий Зиновий Богдан Михайлович 103, 104, 241, 242, 269.
Хмельницкий Николай Иванович 43.
Ходаковский Зориан Яковлевич 369, 373, 445.
Цезарь Гай Юлий 27, 28, 49, 358.
Цейтлин Александр Григорьевич 285, 286.
Цертелев Николай Андреевич 55, 127, 129, 134, 249—257, 277, 278, 290, 292, 295, 298—301, 304, 307—310, 312, 367, 373, 374, 377—384, 416—418, 421, 426, 443.
Цинна Луций Корнелий 48.
Цицерон Марк Туллий 78, 229.
Цицианов Павел Дмитриевич 104.
Цявловский Мстислав Александрович 342.
Чаадаев Петр Яковлевич 40, 192, 234, 244.
Чебышев Петр Николаевич 335, 345, 444.
Челаковский Франтишек Ладиславович 251.
Ченцов Николай Михайлович 74.
Черевин Павел Дмитриевич 27.
Чернов Сергей Николаевич 6, 7, 8, 62, 178, 179, 193, 205, 364.
Чернышев Александр Иванович 185, 342.
Чеславский Иван Богданович 334, 426, 429, 438, 441, 444.
Чирная П. Т. 266.
Чориков Б. 70.
Шабаев 440.
Шад Варвара Ивановна 169.
Шаликов Петр Иванович 310, 421.
Шаплет Самойло Самойлович де 292, 295, 334, 350, 424, 426, 429—431, 434—436, 438, 439, 441, 444.
Шатров Николай Михайлович 447.
Шаховской Александр Александрович 432, 447.
Шаховской Федор Петрович 37, 38, 60, 338, 339, 344.
Шварц Федор Ефимович 29, 164, 168, 169, 172—174, 184, 190.
Шверин Густав Адольфович 385, 386, 389, 390, 445.
Шебунин Андрей Николаевич 41, 96, 97, 151, 242.
Шевченко Тарас Григорьевич 362.
Шекспир Вильям 273, 358.
Шелехов Дмитрий Потапович 173, 176, 189.
Шелков 119.
Шидлефель Федор Григорьевич 249, 442.
Шиллер Иоганн Фридрих 94, 236, 240, 300, 340, 380, 385, 393, 407, 425, 427, 433.
Шиллинг Павел Львович 12.
Шильдер Николай Карлович 33, 63, 83, 135, 150, 152, 164, 180, 211.
Ширинский-Шихматов Платон Александрович 447.
Шишков Александр Семенович 91, 210, 225—229, 240, 251, 379, 396, 446.
Шнор, владелец типографии 104.
Шредер Николай Иванович 83, 84, 212, 292, 293, 308, 309, 312, 447.
Штейнгель Владимир Иванович 97, 100, 321, 325.
Шторх Андрей Карлович 447.
Щеголев Павел Елисеевич 36, 167, 359.
Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович 343.
Щепкин Михаил Семенович 110.
Щербинин Михаил Андреевич 136.
Щукин Петр Иванович 47.

Эджеворт (Эджворт) Мин 433.
Эдуард I 273.
Эме-Мартень 385, 386, 393.

Ювенал Децим Юний 141.

Языков Александр Михайлович 344,
346.

Языков Дмитрий Иванович 249, 292,
415, 447.

Языков Николай Михайлович 43, 59,
270, 335, 343, 344, 346, 360,
361, 444.

Языков Петр Михайлович 346.

Языковы 344.

Якоб Адольф Людвигович 445.

Яковлев Павел Лукьянович 42, 308,
335.

Якубович Александр Иванович 324,
325, 343.

Якушкин Иван Дмитриевич 16, 31,
48, 49, 62, 136, 177, 214, 358,
359.

Янковский Николай Максимович 446.

Ярослав I Владимирович, князь 27.

Ярослав Владимирович, князь 92.

Ястребцов Иван Иванович 292, 379,
446.

Яценков Григорий Максимович 126,
142, 447.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	3
Введение	5
Глава первая. Вольное общество учреждения училищ взаимного обучения	12
Глава вторая. К истории основания «ученой республики»	34
Глава третья. Ложа «Избранного Михаила»	57
Глава четвертая. Возникновение Вольного общества любителей российской словесности	85
Глава пятая. В годы Союза Благоденствия	103
Глава шестая. В тревожную осень 1820 года	163
Глава седьмая. «Ученая республика» после закрытия Союза Благоденствия	214
Глава восьмая. Публичное собрание в доме Г. Р. Державина	290
Глава девятая. «Ученая республика» в 1824—1825 годах	317
Заключение	364
Приложение	
Журнал ученых упражнений высочайше утвержденного С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности	369
Дела цензурного комитета высочайше утвержденного С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности	391
Журнал ученых упражнений высочайше утвержденного С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности	409
Подробная ведомость сочинениям и переводам в прозе и стихах господ членов высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности и посторонних особ в течение 1823 года	425
Журнал ученых упражнений высочайше утвержденного С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности	429
Действительные члены, члены-сотрудники и почетные члены Вольного общества любителей российской словесности	442
Указатель имен	448

Василий Григорьевич Базанов
УЧЕНАЯ РЕСПУБЛИКА

*

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский дом)
Академии наук СССР*

Редактор Издательства *П. П. Быстров*. Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *Н. А. Круликова*
Корректоры *Е. В. Виочар*, *Р. Г. Гершинская* и *А. И. Кац*

Сдано в набор 7/III 1964 г. Подписано к печати 10/VI 1964 г.
РИСО АН СССР № 120-188В. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 14¹/₂.
Печ. л. 29=29 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 33.99. Изд. № 2269. Тип. зак.
№ 651. М-23220. Тираж 1700. ТП 1964 № 295.

Цена 1 р. 33 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука» Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
66	13 сверху	прадлагалось	предлагалось
66	6 снизу	Преполагалось,	Предполагалось,
84	7 сверху	ложи России,	ложи русские,
128	4 снизу	честно	честью
158	9 сверху	диспотическим	деспотическим
308	14 „	не укладывалось	уклаивалось
346	18 снизу	Замятнина	Замятнин

В. Б а з а н о в. Ученая республика